

ПОЛЬСКО-СИБИРСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ СИБИРИ:

МЕМУАРЫ, ОЧЕРКИ, ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

*Wieloletni lat przeszłość siedmnaście lat...
...i na co który kasty...
Do maja, a cato...
Delikatna i Drażliwa moja pocięta, ażebym...
... w tym los mające, mógł tenak opisywać...
... i praw...*

*Wieloletni lat
... opyli
... o moim losie, perzekonanie opis
... w tenak słowami i przyciągni
... przowiszan
... i Annie Skaffiszewicz w. Buba*

*... i na co który kasty...
... w Torkuille 15. Marca 1859*

Генеральное консульство Республики Польша в городе Иркутске
Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов

**ПОЛЬСКО-СИБИРСКАЯ
Б И Б Л И О Т Е К А**

ИРКУТСК
АРТИЗДАТ
2009

**ВОСПОМИНАНИЯ
ИЗ
СИБИРИ**

**МЕМОАРЫ, ОЧЕРКИ,
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ
ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ**

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(253)521
В77

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
С. И. Кузнецов,
доктор исторических наук, профессор
Ю. А. Петрушин

В77 **Воспоминания из Сибири:** Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / публ., сост., перевод, вступл., предисл., коммент. Б. С. Шостаковича. — Иркутск: Издание ООО «Артиздат», 2009. — 724 с.: ил.

ISBN 978-5-93765-048-1

Впервые переведенные на русский язык сибирские мемуарные произведения деятелей польского освободительного движения и политических ссыльных первой половины XIX в. В. Мигурского, Ю. Ручиньского, Ю. Сабиньского, А. Гиллера являются уникальными письменными памятниками истории Сибири, в частности Иркутска. Также они содержат ценную информацию по истории зауральской России, Украины, Белоруссии, Литвы и, безусловно, Польши. Особый интерес представляют новые свидетельства общения ссыльных поляков с российскими соотечественниками по сибирскому изгнанию — декабристами. Публикации снабжены научно-популярными предисловиями и обстоятельным комментарием, сопровождаются богатым иллюстративным материалом.

Книга открывает новую издательскую серию «Польско-сибирская библиотека». Она адресована широкой читательской аудитории — историкам-исследователям, педагогам, студентам, краеведам, любителям сибирской истории и мемуарной литературы.

УДК 94(571.53)
ББК 63.3(253)521

© Б. С. Шостакович, публикация,
составление, перевод, вступление,
предисловия, комментарий, 2009

© Л. К. Фридман, перевод, 2009

ISBN 978-5-93765-048-1

© ООО «Артиздат», оформление, 2009

ЗАБЫТЫЕ И НЕПРОЧТЕННЫЕ СИБИРСКО-ПОЛЬСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕЛЯЦИИ: ОТКРЫТИЕ ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА СТОЛЕТИЯ

В истории Сибири особое место занимает обширный ее раздел, касающийся более чем двухсотлетнего периода пребывания и деятельности в крае поляков, их «сибирского присутствия», вызванного как многочисленными этапами политических ссылок, так и процессами естественной, социально-экономической миграции в рамках прежних государственных образований, в которые входили земли исторической Речи Посполитой. Длительное время эта польско-сибирская проблематика отечественными историками не изучалась сколько-нибудь специально и целенаправленно. Как правило, она воспринималась и трактовалась ими как чисто маргинальная (колоритная, но не более того) сопутствующая часть некоей «общей истории ссылки» либо как набор отдельных случаев региональной, «краеведческой» значимости. Подобный подход к указанной исторической теме был в известной мере приемлем на ранней стадии ее изучения (то есть на рубеже XIX — начала XX столетия). В ту пору доминировал исследовательский взгляд на так называемую историю поляков в Сибири как на сводку ряда спорадических, беглых характеристик тех или иных ее сторон, подчас даже представляющих некоторые ее существенные тенденции, однако в большинстве своем — частные чем-либо примечательные событийные проявления таковой. При этом общая ее картина либо просто не замечалась, либо откровенно игнорировалась. Иными словами, польско-сибирская проблематика в отечественной историографии (а нередко и в

польской) не воспринималась как объект комплексного, сколько-нибудь специализированного и целенаправленного научного изучения.

К сожалению, такой подход к данному тематическому направлению сохранялся практически неизменным и в советской, российской историографии, вплоть до рубежа 1950—1960-х гг. Именно в указанную пору начала постсталинской «оттепели» в Иркутске было выпущено два капитальных по тому времени монографических сборника материалов и научных эссе, посвященных замечательным польским ученым и ссыльным борцам за независимость Польши — Яну (Ивану Дементьевичу, как еще именовали его местные издатели — по старинке, на русский лад) Черскому и Александру (с искусственно образованным его «русским» отчеством — Лаврентьевичу) Чекановскому¹. На взгляд автора данных строк, две эти книги, появление которых увенчало коллегияльный труд группы ученых и общественных деятелей во главе с тогдашними членами-корреспондентами АН СССР, выдающимися геологами и учеными с широким научно-гуманистичным кругозором С. В. Обручевым и Н. А. Флоренсовым — А. Н. Граниной, Е. А. Преснякова, В. Н. Скалона, И. Л. Клеопова, И. В. Арембовского, Л. Н. Иваньева, П. П. Силинского, П. П. Хороших и ряда других, — положили начало всей проводившейся впоследствии иркутянами научно-исследовательской и издательской работе по изучению и освещению различных сторон польско-сибирской многопрофильной, комплексной темы.

Не ставя своей задачей в данном вступительном разделе рассмотрение всех результатов указанной деятельности, отметим лишь некоторые наиболее значимые из них. К тако-

¹ Черский И. Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. — Иркутск, 1956; Чекановский А. Л. Сборник неопубликованных материалов А. Л. Чекановского. Статьи о его научной работе. — Иркутск, 1962.

вым можно отнести: выход книги С. Ф. Ковалья к 100-летию восстания в 1866 г. польских ссыльных на сооружении Кругобайкальского тракта², в особенности же — издание (в 1973—1991 гг.) 12 выпусков научных сборников «Ссыльные революционеры в Сибири», где пишущий эти строки постоянно обеспечивал раздел исследований по истории польской политической ссылки в качестве и его автора, и редактора³, наконец, опубликование этим же автором первой монографической работы на русском языке по данной теме⁴. Таким образом, в изучении и научном осмыслении польско-сибирской истории наметилось существенное движение вперед, и приоритетное место в этом, несомненно, принадлежит Иркутску.

Наряду со всем ранее указанным, диапазон проблематики истории поляков в Сибири остается не просто еще далеко не исчерпанным, но и на каждом шагу обнаруживает массу белых пятен, ожидающих своих внимательных и настойчивых исследователей. В целом весь комплекс задач, возникающих в процессе продолжающегося изучения этой многопрофильной темы, можно уподобить своеобразному «айсбергу»: за видимой, как бы ее «надводной» частью, более или менее освоенной в научном и практическом отно-

² Коваль С. Ф. За правду и волю: К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. — Иркутск, 1966.

³ См.: Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Вып. 1—12. — Иркутск, 1973—1991. Из многочисленных статей и публикаций по сибирско-польской тематике в названном сборнике укажем на одну принципиально важную в данном случае статью историографического характера, в которой интересующийся читатель может найти гораздо более подробные сведения по проблеме, кратко обрисованной в данном вступлении: Шостакович Б. С. Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX — начале XX века // Там же. — Иркутск, 1985. — Вып. 9. — С. 3—23.

⁴ Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII—XIX вв.). — Иркутск, 1995.

шениях, скрывается весьма значительная и совершенно еще неизвестная часть — «подводная».

Одним из неотъемлемых компонентов «айсберга» польско-сибирской истории, практически неизвестных в российском историко-культурном обиходе и заслуживающих самого серьезного внимания, является накопленное за продолжительное ее развитие в зауральском регионе российского государства огромное мемуарное, дневниковое, эпистолярное и иного рода источниковое наследие, принадлежащее перу нескольких поколений поляков, чья судьба оказалась связанной с Сибирью. По самым скромным подсчетам (не включающим различные статейные публикации в периодических изданиях и тому подобные небольшие опусы), только наиболее крупных мемуарных произведений такого рода — свыше сотни.

До сих пор ни одно из рассматриваемых здесь произведений не было переведено на русский язык и в скольконибудь полном объеме не оказывалось доступным российской научной и широкой читательской общественности. А между тем все они — уникальнейшие мемуарно-литературные памятники и исторические источники соответствующих эпох, составляющие неотъемлемое, органическое достояние истории сибирского региона, а через него — и России в целом. В сущности, речь идет о том, что из поля зрения сибирской и российской общественности абсолютно выпал, оставшись столько же незамеченным, сколько и никоим образом не осмысленным, целый историко-духовный и ментальный пласт. В нем получил своеобразное преломление опыт взаимодействия различных многонациональных культурных традиций и идеологий в сибирском регионе России в соответствующих исторических условиях. При этом принципиально важно постоянно учитывать, что все описываемое каждым из авторов характеризуемых здесь в суммарном виде конкретных меморий или реляций в иных жанрах неизменно рассматривалось со вполне естественной для них сугубо

«польской» позиции, то есть опиралось на вынесенную со своей родины систему культурно-ценностных представлений и традиций.

Здесь хотелось бы обратить внимание на немалую значимость подобных произведений в истории польской литературы. Еще великий Адам Мицкевич в своих знаменитых «лекциях о славянских литературах», читавшихся им в 1840-х гг. в Париже, впервые ввел для этих произведений обобщающее определение — «ссылочная литература»⁵. Позднее Михал Яник, автор исследований в области истории поляков в Сибири и известной монографии на эту же тему, предложил еще более емкий термин для всего комплекса подобных польских реляций, посвященных Сибири, — «польская сибирская литература». Именно так и был им назван первый опубликованный вариант в последующем значительно расширенной и переработанной его монографии⁶. К слову сказать, осведомленность о польско-сибирской литературе в польской общественной среде всегда была несравненно большей, нежели в отечественной. В Польше она неизменно привлекала и продолжает привлекать обостренное внимание к себе под самыми различными углами зрения.

Едва ли нужно далее развивать доводы в пользу актуальности и важности введения указанного польско-сибирс-

⁵ См.: Mickiewicz A. Literatura słowiańska. Kurs 2-gi. Wykł. XXIII i XXIV z dn. 6 i 10 maja 1842 // Mickiewicz A. Dzieła.— Warszawa, 1955.— Т. 10.— S. 284—294.

⁶ См.: Janik M., Dr. Literatura polska syberyjska. (W ser.: Biblioteka Powszechna. Charakterystyka pisarzy polskich. Т. 17).— Lwów; Złoczów, [1907]. В наиболее известном позднейшем (гораздо более расширенном) варианте той же монографии, вышедшем уже под иным названием, во «Вступительном слове» к нему, М. Яник использовал термин «сибирско-польская библиография» — в связи с констатацией факта отсутствия сколько-нибудь обстоятельной таковой. (См.: Janik M. Dzieje Polaków na Syberji.— Kraków, 1928.— S. VII.)

кого мемуарно-эпистолярного и иного родственного по жанровому характеру наследия в повсеместный русскоязычный обиход, а заодно и объяснять закономерность и оправданность осуществления этой задачи непосредственно в Сибири, в Иркутске. Книга, которую предваряет данное вступление, как раз и является непосредственным практическим шагом в русле реализации всех перечисленных целей. В ней объединены четыре оригинальных сочинения прошедших через Сибирь польских авторов, принадлежащие к мемуарному, мемуарно-очерковому и дневниковому жанрам. Из существующего огромного, как уже отмечалось выше, объема произведений польско-сибирской литературы составителем отобраны те, что на его взгляд, достаточно репрезентативны — и по ценности их конкретно-информативного содержания, и по уже сложившейся вокруг их авторов историко-культурной традиции. И в целом представленные в книге польские записки о Сибири своей уникальностью заслуживают того, чтобы с них, наконец, началось знакомство российского читателя с обширными источниково-литературными польско-сибирскими сокровищами, еще дожидаящимися своего возвращения общественности из незаслуженного забвения продолжительностью от ста и более лет.

Все включенные в книгу произведения хронологически связаны одной эпохой — первой половиной XIX в., а сами их авторы и герои их описаний являются участниками последовательно развивавшихся во времени нескольких этапов польского шляхетского национально-освободительного движения. К тому же некоторые из мемуаристов и упоминаемых ими лиц (в том числе ссыльные участники конспиративной организации Ш. Конарского, к каковой принадлежали два из представленных в книге авторов — Юстыньян Ручиньский и Юльян Сабиньский) были непосредственно знакомы и зачастую поддерживали прямые контакты друг с другом, что еще более сближает, даже по конкретике, и сами публикуемые ниже тексты. Непосредственное заглавие, под

которым польские издатели почти 150 лет назад выпустили одни из мемуаров указанной группы, принадлежащие перу Винценты Мигурского, — «Воспоминания из Сибири» — послужило и общим названием всей данной антологии польско-сибирских произведений мемуарно-очеркового и дневникового характера.

В свою очередь, во всех входящих в книгу записках в той или иной мере (а в трех из них — в значительной) находит отражение тема взаимоотношений в сибирском изгнании участников шляхетского польского национально-освободительного движения с их сотоварищами — российскими дворянскими революционерами-декабристами. И тех и других сближали как репрессии со стороны царизма, так и общее их критически-оппозиционное отношение к последнему и охраняемому им политическому режиму. Данная тема до сих пор остается не до конца заполненным белым пятном, в особенности в отечественной историографии, и в научно-исследовательском, и в общественно-популяризационном дискурсах. Поэтому не побоимся подчеркнуть, что в развитии названной проблематики издаваемая книга — во многом пионерское начинание.

Небезынтересно отметить, что общим связующим звеном публикуемых произведений является историческая столица Восточной Сибири — Иркутск. Достаточно сказать, что из всех четырех вошедших в данную антологию текстов три (воспоминания В. Мигурского, фрагменты дневника Ю. Сабиньского и очерки А. Гиллера) создавались непосредственно в самом Иркутске и ближайших его окрестностях и отражают многие прежде неизвестные исторические реалии, к ним относящиеся. В мемуарах четвертого из публикуемых авторов, Ю. Ручиньского, освещающих его одиссею политссыльного, пролежавшую через всю Восточную Сибирь до Нерчинских заводов и обратно, Иркутск как тогдашний эпицентр всего этого огромного края также заметно присутствует — как прямо, так и косвенно.

В целом характеризуя книгу, которую предваряет это вступление, как пионерскую, можно к любому аспекту ее содержания добавлять слово «впервые». Действительно, в ней впервые представлены оригинальные сибирские мемуарные и дневниковые тексты польских авторов, никогда прежде не публиковавшиеся в переводе на русский язык. Те из них, которые когда-то были выпущены на польском языке, впервые издаются на русском — спустя более столетия. Фрагмент же сравнительно недавно отысканной рукописи дневника Ю. Сабиньского вообще впервые публикуется за все время ее существования. Данное издание впервые выполнено по всем научным требованиям: снабжено развернутыми предисловиями к каждому из текстов и подробным комментарием к ним.

Безусловно, помещенными в данной книге четырьмя компонентами невозможно исчерпать многогранного польско-сибирского литературного наследия. Яркие его образцы для эпохи конца XVIII — первой половины XIX в. представляют, в частности, совершенно замечательный трехтомный труд Агатона Гиллера о Забайкалье и о польской политссылке в этом регионе, великолепные записки о пребывании в Западной Сибири Эвы Фэлиньской, уникальные мемуарные сочинения Руфина Пётровского, Константы Волицкого, беллетризованные воспоминания о многолетних золотоискательских странствиях по Восточной Сибири Эугеньюша Жмиевского и многие другие.

Непревзойденными примерами подобного рода из эпохи 60 — 80-х гг. XIX в. могут служить мемуарно-очерковые работы Бенедыкта Дыбовского, а также многочисленные воспоминания его сотоварищей, ссыльных участников Январского восстания 1863 — 1864 гг. — Аугуста Иваньского, Вацлава Лясоцкого, Эдварда Чапского, Хенрыка Верченьского, Эльжбеты Табэньской, Влодзимежа Четвертынського, Людвика и Корнеля Желёнок, Хенрыка Самборского, Зыгмунта Одживольского, обширный эпистолярный свод Фе-

ликса Зенковича и еще несколько десятков сочинений, писем и дневников, оставленных другими представителями того же поколения сибирских ссыльных. К позднейшим периодам относятся воспоминания польского социалиста-народника Флёрьяна Бохдановича, записки и письма писателя и ученого-этнографа Вацлава Серошевского, мемуары врача и исследователя-антрополога Юльяна Талько-Хрынцевича.

В приводимом перечне трудно ставить точку, несмотря на то что в него включены только наиболее выдающиеся имена и названия произведений сибирско-польской литературы. Автору этих строк хочется выразить надежду, что нынешняя книга польско-сибирских записок первой половины XIX в. положит начало осуществлению именно в Иркутске, городе, которому это право предопределено самой историей, новой издательской серии под вполне красноречивым названием — «Польско-сибирская библиотека». В ней со временем могут увидеть свет многие из пока еще неизвестных российскому читателю польских сочинений о Сибири, в том числе и упомянутых выше авторов.

В заключение составитель полагает нужным отметить, что подготовка данной книги, инициатором и автором концепции которой непосредственно является он сам, осуществлялась им на сугубо общественных началах и в нескольких ипостасях параллельно — как специалиста-исследователя, профессора Иркутского государственного университета и как полонийного активиста, вице-президента действующей в Иркутске и регионе Польской культурной автономии «Огниво» (в 2000 г. она была преобразована из созданного в 1990 г. одноименного Польского культурно-просветительного общества (ПКПО)), а также и как Председателя Научной комиссии Конгресса поляков в России.

Необходимо пояснить, что в начале 1990-х гг. член ПКПО «Огниво» (в настоящее время проживающая за рубежом) *Людмила Константиновна Фридман* выполнила первичный перевод с польского двух из публикуемых в книге мемуар-

ных текстов (Винченцы Мигурского и Юстыньяна Ручиньского), специально разысканных и подготовленных для этой цели автором данного вступления. Тем самым был сделан первый исходный шаг в создании нынешней книги. Дальнейшую доработку и редактирование указанных переводов проводил непосредственно *Болеслав Сергеевич Шостакович*. Он же полностью осуществил и переводы с польского текстов Юльяна Сабиньского и Агатона Гиллера, а также комментирование текстов всех четырех публикаций и написание предисловий к каждой из них для настоящей книги.

Публикатор считает своим долгом выразить искреннюю глубокую благодарность всем, кто оказал ему помощь в этой работе.

Своих уважаемых польских коллег-историков — профессора *Викторию Сьлизовскую*, ведущего специалиста Института истории Польской академии наук, превосходного знатока проблематики российско-польских отношений XIX в., и доктора *Яна Трынковского*, ученого и педагога из Белостокского и Варшавского университетов, блистательного эрудита-энциклопедиста в области истории, начиная от эпохи античности и до сибирско-польской эпопеи включительно, — пишущий эти строки благодарит за чрезвычайно ценные консультации и помощь в подготовке текстов польских записок к опубликованию.

Руководителям Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов — безвременно ушедшему из жизни *Евгению Александровичу Ячменеву* и нынешнему его директору *Елене Аркадьевне Добрыниной* — автор признателен за практическую поддержку и материальную помощь в подготовке и осуществлении данной книги.

Автор хотел бы поблагодарить также профессора *Марьюша Волоса*, руководителя центра Польской академии наук при Российской академии наук в Москве и сотрудника последнего *Пётра Глушковского* — за оперативную практичес-

кую помощь в разыскании и получении необходимых книжных материалов, друзей-коллег в Польше — *Эльжбету и Марека Каминьских*, доктора *Анну Милевскую и Ролянда Млыника* — за наведение ряда справок и поиск материалов, всех сотрудников Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва и Иркутского областного краеведческого музея — за постоянное организационно-практическое содействие в подготовительной работе над книгой, *Татьяну Васильевну Лиштованную, Наталью Игоревну Гаврилову, Ирину Владимировну и Вениамина Иосифовича Лазоверов, Юю Сигизмундовну Байковскую* — за оказание помощи консультациями и справками.

Совершенно особые благодарность и признательность адресованы автором вступительного обращения Генеральному консульству Республики Польша в Иркутске в лице его недавнего руководителя, а в настоящее время — заместителя Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Польша в Российской Федерации, господина *Пётра Марчиняка*. Ныне эстафета руководства деятельностью этого важного польского международного представительства в сибирском регионе России принята и успешно продолжается Генеральным консулом Республики Польша в Иркутске господином *Кшиштофом Чайковским*.

Отмечаемая во вступлении к книге всесторонняя поддержка польским консульским учреждением в Иркутске ее проекта — и моральная, и организационно-материальная — обеспечила самую возможность практического воплощения результатов продолжительной и трудоемкой работы, начатой еще на уровне общественно-научного энтузиазма, — в реальное и полноценное книжное издание. Трудно переоценить значение этого благородного и щедрого дара польской стороны для всей общественности Иркутска, Сибири, да и России в целом. Не вызывает сомнения, что тем самым внесен весьма весомый вклад в сохранение и введение в современный обиход уникального польско-российского историко-

культурного наследия — в форме, не имеющей до сих пор каких-либо прямых себе аналогов.

А значит — история добрых польско-российских отношений, глубоко коренящихся в историческом прошлом, выстраданном народами обеих наших стран, и в параллельно, логикой самой жизни закладывавшихся ими в том же прошлом традициях многообразных, неразрывных российско-польских (в том числе и сибирско-польских) контактов пополняется новым существенным компонентом. Тем самым накопленный солидный исторический опыт позитивных польско-российских взаимосвязей и сотрудничества сохраняется и осмысливается в нашем настоящем, становится более близким, осязаемым и понятным современным поколениям граждан России и Польши.

Б. С. Шостакович

Винценты МИГУРСКИЙ

ЗАПИСКИ ИЗ СИБИРИ

ЭТИ НЕИЗВЕСТНЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ МИГУРСКИЕ...

Именно такое название для эссе о Мигурских было когда-то «найдено» автором данного предисловия — еще задолго до появления реальной возможности опубликования в русском переводе «Записок из Сибири» Винценты Мигурского и возникшей в связи с этим необходимости предварить их соответствующим введением. Это заглавие несколько парадоксально только на первый взгляд. В действительности оно отнюдь не является нарочитым, но подсказано определенными результатами длительных исследовательских изысканий и лекционно-просветительной работы автора в сфере сибирско-польской истории. В самом деле, во всей польской политической ссылке первой половины XIX в., помимо супругов Альбины и Винценты Мигурских, едва ли отыщутся иные исторические фигуры, которым было бы уделено столько внимания в отечественной литературе и которые при этом остались в полном забвении в современном российском обыденном восприятии. Вне всякого сомнения, и для значительного большинства будущих читателей данной книги фамилия Мигурских, несмотря на всю свою известность, поначалу окажется незнакомой.

Выяснение причин отмеченной ситуации, как и в целом природы своеобразия темы Мигурских, является основной задачей нашего предисловия. В нем автор стремится по возможности избежать традиционного пересказа во всех конкретных подробностях перипетий драматичной судьбы супружеской четы Мигурских, ибо вполне достаточный материал для знакомства с этой историей содержат записки самого

В. Мигурского, публикуемые далее вместе с нашим комментарием к ним. Взамен автор приглашает читателя взглянуть на указанную тему в ином ракурсе, а именно — как на своеобразный феномен, вот уже на протяжении полутора столетий постоянно присутствующий в российской и польской культурах в довольно широком диапазоне многообразных своих проявлений.

В целях удобства рассмотрения всей совокупности материала, касающегося разработки и интерпретации темы Мигурских за длительное время ее существования в литературе и параллельного бытования в широком общественном сознании, автор подразделил таковой на несколько условных групп. Лишь отчасти соприкасающиеся между собой, эти группы иерархически выстраиваются как бы одна над другой по некоей мысленно проводимой вертикали.

На самом «верхнем» уровне созданной таким образом условной конструкции располагаются адаптированные публицистикой и беллетристикой различные версии истории Мигурских. Они проникали в названные литературные жанры начиная со второй половины 1840-х гг. С тех пор супруги Мигурские постепенно приобретали известность (причем в большей мере даже жена Винценты, Альбина, нежели он сам) как организаторы и участники побега Винценты из ссылки. Его план поражает любого сочетанием совершенно авантюрного, до дерзости, замысла с напряженными, трагичными обстоятельствами его осуществления и завершения тяжелой неудачей. Реальное же это событие само по себе настолько необычно, что воспринимается как созданный прихотливым воображением некоего романиста острофабульный сюжет с нарочито подчеркнутыми мелодраматическими и детективными деталями. Не случайно история побега Мигурских неоднократно привлекала к себе внимание очеркистов и писателей.

Первым среди них оказался не кто иной, как замечательный русский этнограф, фольклорист, ученый-диалектолог

Владимир Иванович Даль, известный большинству прежде всего как составитель знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка». С 1832 г. В. И. Даль служил чиновником особых поручений при оренбургском губернаторе. В тот период г. Уральск и Уральское казачье войско, к которому был причислен Мигурский и откуда совершил свой побег, административно относились к Оренбургской губернии. В Оренбурге разбирались и решалось «военно-судное» дело В. Мигурского; там же гражданским судом формально определялась и участь А. Мигурской. В результате их история развивалась почти что на глазах столь неординарного наблюдателя и писателя, не оставшегося к ней равнодушным и положившего ее в основу небольшого рассказа «Ссылный». В 1846 г. В. И. Даль опубликовал его в журнале «Отечественные записки» (под своим литературным псевдонимом Казак Луганский) в цикле оригинальных рассказов под характерным для его языковой стилистики названием — «Небывалое в былом и бывшее в небывалом»¹.

В этом полубеллетризованном повествовании есть любопытное замечание, сделанное автором от лица ведущего его рассказчика, — о том, что он не был сам свидетелем поимки «бедного утопленника» (Мигурский свое исчезновение инсценировал как самоубийство, будто бы утопившись в р. Урал), но позднее видел его уже как подсудимого. Даль вполне мог видеть Мигурского в Оренбурге, куда того доставили вскоре после поимки, и тогда рассказ его оказывается рожденным под непосредственным впечатлением от этой встречи. Вводя в свое произведение основную событийную канву истории Мигурских, писатель в то же время явно дистанцируется от многих существенных ее реалий: не сообщает конкретных места и времени описываемых событий, избегает прямого представления самого их героя, о котором

¹ Даль В. И. Ссылный [В цикле: Небывалое в былом и бывшее в небывалом] // Отечественные записки. — 1846. — Т. 46, № 5. — С. 153–156.

лишь замечает, что он был разжалован и сослан в отдаленный городок «за политический проступок»². Сочувствуя несчастной участи беглеца ссыльного, писатель вместе с тем остается весьма далеким от выражения солидарности с ним.

Несколькими годами позднее тот же сюжет появился уже на польском языке в виде небольшого (анонимного) рассказа под названием «Госпожа [Пани] Мигурская» во львовской «Литературной газете»³. Можно предположить, что эта публикация в польскоязычной прессе была каким-то образом связана с издававшимся в тот же период получившими широкую известность и распространение в польской читающей среде воспоминаниями польской патриотки, деятельницы организации конарщиков Эвы Фэлиньской⁴, отбывавшей ссылку в Сибири и в Поволжье (в Саратове). Мемуаристка среди прочего поведала и о несчастных происшествиях с Мигурскими. Здесь любопытно отметить, что знакомство Э. Фэлиньской с перипетиями судьбы В. Мигурского оказалось прямо засвидетельствовано им самим в публикуемых его записках⁵. Наконец, имена четы Мигурских вместе с изложением главных перипетий их многострадальной эпопеи попали на страницы нескольких работ, выходивших также по-польски: Максимильяна Ятовта (публиковавшегося под псевдонимом Якуб Гордон)⁶, изложившего в

² Там же.— С. 153.

³ Pani Migurska // Dziennik Literacki (Lwów).— 1852.— Nr 2.— S. 13—15.

⁴ Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberii, pobytu w Berezowie i Saratowie.— Wilno, 1853.— T. 3.— S. 126—130.

⁵ См. об этом с. 215 публикуемых записок В. Мигурского и коммент. 55 к ним.

⁶ Jatowt M. (Gordon J.). Sołdat czyli sześć lat w Orenburgu i Uralsku. Nowe pamiętniki J. Gordona.— Lipsk, 1865 (2-gie wyd.): rozdz. X. Ucieczka Migurskiego...— S. 110—111.

очерковой форме впечатления, накопленные им за период отбывания принудительной солдатчины в Оренбургском крае, а также принадлежащих перу заслуженного мемуариста и историка польской ссылки в Забайкалье Агáтона Гиллера⁷, фрагменту сибирского наследия которого отводится в данной книге специальный раздел.

За уже перечисленными фактами бытования истории Мигурских в литературе до начала 70-х гг. XIX в. начинает постепенно вырисовываться одна характерная тенденция, о которой в данном случае необходимо сказать особо. Дело в том, что хотя первенство среди известных нам публикаций о Мигурских и принадлежит незаурядному русскому литератору и появилась она на страницах известнейшего русского журнала, в ней, однако, акцент был сделан не на самих личностях В. и А. Мигурских. Внимание автора привлек лишь выделяющийся своей необычностью реальный эпизод их жизни. Но рассматривался он в очевидном отрыве от общего контекста последней, что не позволило и В. И. Далю как автору, и тем более его читателям глубоко постигнуть психологию героев описываемого события, не говоря уже о том, чтобы к ним могло быть проявлено какое-либо чувство симпатии. Не исключено даже, что среди читателей указанного очерка находились и такие, кто увидел в нем конкретную иллюстрацию проявления «безумного польского фанатизма». После появления этого произведения в отечественной литературе довольно долго не было новых упоминаний о Мигурских.

Иная ситуация складывалась в польском общественном сознании эпохи продолжавшейся борьбы за национальную

⁷ Giller A. *Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberyi*. — Lipsk, 1867. — Т. 1. — S. 262—266; Он же. *Historia powstania narodu polskiego*. Paryż, 1870. — Т. 3. — S. 367; Он же. *Lista Wygnańców Polskich do roku 1860*. Spisana przez Agatona Gillera na Syberyi // *Album Muzeum Narodowego w Rapperswyll*. Na stoletnią rocznicę 1772 r... — Poznań, 1872. — S. 416 (Nr 638).

независимость, обостренно отзывчивом на любые проявления патриотического самопожертвования. Имена Мигурских, приобретшие известность через вышеупомянутую литературу, начали завоевывать себе повсеместную популярность и глубокое сочувствие. В особенности это касалось Альбины Мигурской (урожденной Висьнёвской) — одной из пионеров поколения польских женщин, добровольно пошедших в изгнание за своими мужьями и сужеными, репрессированными царизмом по политическим мотивам, и при этом заплатившей собственной жизнью в отчаянном стремлении вырваться с мужем из ненавистой неволи на чужбине.

Столь различное по ментальности восприятие данной темы глазами русского (россиянина) и поляка сохранялось и в дальнейшем, приобретая все более отчетливые разграничения. Здесь следует подчеркнуть, что подобная тенденция отнюдь не составляет какого-либо исключения сугубо по отношению к рассматриваемой теме. Последняя всего лишь позволяет эту тенденцию наблюдать весьма выпукло, наглядно. В сущности же аналогичным образом различалось восприятие и любых других реалий исторически складывавшихся в ту пору российско-польских взаимоотношений, составной частью которых, в свою очередь, являлась вся гамма проблематики истории поляков в Сибири, включая и интересующий нас сюжет.

Между тем имена Мигурских снова оказались в поле зрения читающей публики после того, как в 1871 г. вышла в свет книга «Сибирь и каторга» Сергея Васильевича Максимова, в одном из разделов которой среди прочего излагались и основные обстоятельства изгнаннической эпопеи этой супружеской четы⁸. Мы еще обратимся немного позднее к более подробной характеристике указанной работы С. В. Максимова, по словам одного из исследователей его творчества,

⁸ Максимов С. В. Сибирь и каторга.— СПб., 1871.— Ч. 3, гл. 2.— С. 75—76.

ставшей «настоющей книгой для всех людей, небезразличных к парадоксам отечественной истории»⁹. В частности, такая оценка принципиально потребуется нам в предисловии к разделу публикации иркутских очерков Агатона Гиллера — в данной же антологии польских реляций о Сибири. В более узких рамках контекста настоящего предисловия о Мигурском и его воспоминаниях нам представляется необходимым лишь отметить практически повсеместно оставляемый исследователями темы без серьезного внимания тот объективный факт, что приведенный Максимовым текст о Мигурских по существу оказывается сокращенной версией соответствующего фрагмента одной из вышеупомянутых работ А. Гиллера¹⁰, опубликованной несколькими годами ранее издания книги Максимова. Таким образом, весьма характерно то, что именно работа Максимова, в свое время приобретающая в России широкую популярность, выдержавшая несколько изданий, способствовала в довольно специфичной форме распространению в отечественной общественной среде некоторой сводки сведений о ссыльных поляках, в том числе и о героях нашей публикации, пришедших из польской литературы. При этом по-прежнему нуждается в обстоятельном специальном изучении и соответствующей оценке сама история проникновения в книгу известного русского этнографа и бытописателя-регионоведа конкретного материала из труда крупного польского мемуариста-очеркиста, строго запрещенного российской цензурой к распространению в рассматриваемый исторический период появления упомянутых обоих изданий.

От книги С. В. Максимова берет начало кульминация в литературном воплощении истории Мигурских. Речь идет о

⁹ Лебедев Ю. Писатель-первопроходец // Максимов С. В. Литературные путешествия. — М.: Современник, 1986. — С. 19.

¹⁰ См.: Giller A. Opisanie Zabajkalskiej... — Т. 1. — S. 262 — 266.

рассказе Льва Николаевича Толстого «За что?», созданном под впечатлением одного из «чуждых», по собственному его определению, «сюжетов», которые были обнаружены им при прочтении в январе 1906 г. «Сибири и каторги». Таким сюжетом явилась драматическая судьба польского ссыльного Мигурского и его жены Альбины, целиком захватившая писателя и вылившаяся в написанный вскоре и опубликованный в том же году рассказ (иногда его называют повестью).

Интересны отклики литературной критики на указанное произведение Толстого. Если с польской стороны они за редкими исключениями были позитивными, то этого нельзя сказать о русской. В той или иной мере «рецидивы недооценки» этого рассказа проскальзывали и в советском литературоведении 1920—1930-х гг. В частности, можно указать на то, что в те годы ему не раз отказывалось в высоких художественных достоинствах и даже (характерная подробность в интересующем нас контексте о Мигурских!) высказывалась мысль о том, что все произведение построено на некоем ходячем сюжете, не имеющем под собою никакой реальной исторической основы¹¹. Лишь постепенно эти явно надуманные и поверхностные характеристики уступили место более объективным. Впрочем, для внимательного и добросовестного исследователя и тогда уже был очевиден факт заимствования фабулы рассказа из книги С. В. Максимова¹².

Специальное изучение методов и приемов работы Л. Н. Толстого над рассказом «За что?» (целенаправленно

¹¹ См.: Шкловский В. О теории прозы.— М., 1929.— С. 247—248; Кораблев В. Н. Лев Толстой и славянство // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова.— Л., 1934.— С. 418.

¹² См., например: Срезневский Вс. Примечание к рассказу «За что?» // Толстой Л. Полн. собр. художественных произведений.— М.; Л.: ГИЗ, 1930.— Т. 15.— С. 266—267.

и основательно этим занимались польские специалисты)¹³ показало, что относительно небольшой его текст (в окончательных вариантах — около 50 страниц машинописи) потребовал от писателя значительных усилий и времени. Великий художник, как всегда весьма критичный и взыскательный к себе, неоднократно переделывал, совершенствовал написанное (работа над произведением велась со второй половины января и продолжалась около трех месяцев (январь — март 1906 г.), в том числе даже после передачи самого текста в печать).

Толстой не мог удовлетвориться тем крайне общим, без каких-либо подробностей и уточняющих деталей, описанием потрясающего эпизода из жизни польских ссыльных, какое поместил в своей книге С. В. Максимов. Достаточно заметить, что даже имени главного действующего лица — Мигурского — С. В. Максимовым не приведено. Не указана им и девичья фамилия Альбины, не сообщены обстоятельства первоначальной ссылки героя, не пояснено, откуда Мигурские происходили. Едва ли нужно доказывать, что в художественном описании все перечисленное становилось просто необходимым, как и еще многое иное. Писатель стремился не просто уточнить самые важные детали, но и ввести в ткань создаваемого произведения национальный польский фон, характерный польский колорит, правдивые реалии из соответствующей эпохи польского национально-освободительного движения. Одновременно он добивался углубления психологической характеристики отдельных персонажей.

Даже самое беглое знакомство с разнообразными материалами, относящимися к творческой мастерской Л. Н. Толстого в тот период, — его дневником, записками и письмами, свидетельствами окружавших его лиц, — отчетливо показы-

¹³ Прежде всего заслуживают упоминания имена и работы следующих польских исследователей: Lednicki W. *Tołstoj a Polska*. — Kraków, 1929; Białokozowicz B. *Lwa Tołstoja związek z Polską*. — Warszawa, 1966.

вает, что писатель настойчиво искал оригинальную литературу о польском восстании 1830 г., причем хотел познакомиться с его освещением польскими авторами, стремясь найти характерные, типичные детали для наполнения своего сочинения живым и правдивым содержанием, просил совета и помощи у польских коллег, литераторов и ученых. Именно к этой работе относится высказывание писателя, которое оказалось зафиксировано в мемуарах его собеседника: «Самостоятельное художественное творчество не легкое дело. Вот, например, я сейчас пишу рассказ “За что?”, в нем не больше печатного листа. Это из времен Польского восстания. Но вот посмотрите, сколько я прочел по этому вопросу, — он мне показал на кучу книг. — Больше ста книг. Но чувствую, что не хватает, надо еще столько же прочесть. А рассказ маленький. Вот что значит художественное творчество»¹⁴.

Не вызывает сомнений (и это уже неоднократно было подтверждено исследователями), что Толстому не были знакомы записки реального героя взволновавшей его истории, более чем за 40 лет до момента создания им своего рассказа уже опубликованные. Ведь даже подлинного имени героя он так и не узнал, заменив хотя и распространенным, но вымышленным для этого исторического лица польским именем — Юзеф. Вместе с этим оказались вымышлены писателем также и некоторые другие конкретные детали, отсутствовавшие в изложении С. В. Максимова. Все сказанное не помешало Л. Н. Толстому продемонстрировать свою гениальную художественную интуицию. Его произведение на удивление схоже по психологическому рисунку и даже (как далее может увидеть и сравнить сам читатель записок В. Мигурского) по прямому совпадению с контекстом неизвест-

¹⁴ Фельтен Н. Е. Воспоминания // Летописи Государственного Литературного Музея. Л. Н. Толстой. — Кн. 12: К 120-летию со дня рождения (1828—1948). — М., 1948. — Т. 2. — С. 486—487.

ных ему мемуаров в некоторых ключевых по смыслу фразах¹⁵. Столь хорошо угаданные великим писателем по их духовной сущности польский политический ссыльный Винценты Мигурский и его спутница жизни Альбина сделались для него понятными и близкими, при этом оставаясь практически неизвестными ему во многих своих конкретных историко-биографических реалиях.

Во внешне сдержанно-лаконичное, пронзительно точное по словесному рисунку и в целом небольшое повествование (не эти ли обманчивые, на поверхностный взгляд, особенности его рассказа и стали поводом для нападков на него части русской критики?) Л. Н. Толстым оказывается вложено немало глубоких и давно волновавших его идей и реминисценций. Избранная тема Мигурских позволила ему выразить свой взгляд на чрезвычайно занимавший его в то время (рассказ создавался как раз в пору разгрома Первой русской революции, обнажившей многие острые, неразрешенные проблемы российской действительности) вопрос о взаимоотношениях деспотической власти и простого человека, которого, по мысли Толстого, первая превращает в тупое орудие исполнения своей аморальной политики (казак Данила Лифанов иллюстрирует в рассказе эту концепцию писателя).

В художественной форме Толстой выступает обличителем антипольской политики царизма, руководствуясь гуманистическим постулатом, что каждый человек в известных условиях, естественно, может и должен защищать свободу и независимость от тупого, аморального и жестокого насилия. Весьма любопытно при этом, что сама логика правды искус-

¹⁵ Поразительно по точности совпадение названия произведения Л. Н. Толстого «За что?» с неоднократно повторяемой подлинным мемуаристом В. Мигурским фразой, к которой он возвращался в своих горестных размышлениях о выпавших на его долю испытаниях. См. об этом коммент. 49 к тексту воспоминаний В. Мигурского.

ства, к которой так стремился великий писатель, приводит его по сути к признанию закономерности национально-освободительной борьбы. Тем самым в данной художественной трактовке национального вопроса он выходит за рамки собственной философской доктрины, где, как известно, категорически отстаивается пресловутый принцип «непротивления злу насилием». По мнению одного из видных польских литературоведов-славистов, «данная антиномия возникла у Толстого вероятнее всего на почве его мощного искупительного намерения»¹⁶. Такое заключение можно считать не лишённым оснований. Об этом свидетельствует и собственное признание писателя одному из своих знакомых, что в рассматриваемом рассказе нашёл выражение обнаруженный им в себе самом «особенный прилив нежности к польскому народу». Показательно, что Толстой откровенно напомнил при этом и о своем «прежнем отношении к полякам, недостаточно христианском»¹⁷.

Автор данного предисловия считает очень точными, на его взгляд, выводы некоторых литературоведов, обнаруживших в толстовском рассказе о судьбе Мигурских своеобразный пандан теме декабристов и их жен. Несомненно, здесь нашла воплощение ощущаемая классиком русской литературы органическая связь декабристского и польского освободительных движений, проявившаяся, в частности, и в сходстве личных судеб многих из их участников. Любопытно, что образ Альбины Мигурской в трактовке Льва Толстого несет в себе много узнаваемых черт любимой героини писателя — Наташи Ростовской. А ведь общеизвестно, что и эпопея «Война и мир» также была порождена соприкосновением писателя с декабристским и предшествовавшими ему

¹⁶ Lednicki W. Op. cit.— S. 43.

¹⁷ [Якубовский Ю. О.]. Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лет. (1886—1910). Воспоминания Ю. О. Якубовского // Толстовский ежегодник.— М., 1913. [В разд.: III. Воспоминания о Л. Н. Толстом].— С. 47.

периодами¹⁸. И как не поразиться вновь глубине проникновения великого мастера в психологическую природу используемого им исторического материала, когда художественными средствами он указывает на духовную близость Мигурских с их современниками-декабристами: ведь это же подтверждается и действительностью (в период встречи тех и других в сибирской ссылке), о чем поведал нам в своих собственных записках исторически подлинный Винченцы Мигурский!

Несомненно, что талант великого писателя, создавшего из крайне схематичного и полного информативных пробелов фрагмента книги С. В. Максимова шедевр высокого психологизма и художественности, навсегда приблизил Мигурских к читателю (российскому в первую очередь, но также и польскому и вообще иноязычному, ибо произведение это многократно переводилось на многие языки мира), сделав их имена и образы знакомыми многим поколениям. В свою очередь, тема Мигурских через произведение Л. Н. Толстого начала самостоятельную жизнь в мире искусства, воплощаемая в различных жанрах. На этот сюжет была написана композитором Н. М. Стрельниковым опера «Беглец», драматургом Н. М. Шаповаленко — пьеса «Альбина Мегурская» (в такой транскрипции эта фамилия оказалась вынесена в заглавие данного сочинения), неоднократно снимались фильмы. Последняя польско-российская лента под названием «За что?» была создана выдающимся польским кинорежиссером Ежи Кавалеровичем совсем недавно и является оригинальным современным художественно-философским прочтением произведения Льва Толстого. Иркутску, как городу, с которым оказалось связано имя реального прообраза героя толстовской новеллы, выпала честь первого, пратремьерного (в октябре 1995 г.) показа этой новейшей художественной

¹⁸ См. подробнее об этом: Lednicki W. Op. cit. S. 40—42; Białokozowicz B. Op. cit.— S. 111—113.

киноверсии истории польского политссыльного-беглеца Мигурского и его жены Альбины.

В заключение нашего знакомства с достаточно обширным, как мог видеть читатель, «верхним» уровнем бытования темы Мигурских попытаемся дать обобщающую оценку всему рассмотренному в этом разделе материалу. Нетрудно заметить, что здесь мы наблюдаем формирование известных символов, художественных образов, связываемых с именами Мигурских (в особенности с именем Альбины). Сами эти имена становятся уже нарицательными. Оторванные от своих реально существовавших исторических прототипов, они оказываются безусловно знакомыми по тем или иным произведениям литературы и искусства, но почти неизвестными по их фактической первооснове.

За рассмотренным материалом указанного «верхнего» уровня следует таковой же условный «средний», куда нами отнесены разного рода работы и публикации научно-популярного характера на тему Мигурских. Появление подобных работ как в СССР, так и в Польше приходится по преимуществу на период с конца 1950-х до середины 1980-х гг. В данном случае мы остановимся лишь на наиболее существенных и примечательных работах такого рода.

Ряд очерков рассматриваемой тематике посвятил Леонид Наумович Большаков — писатель, ученый-литературовед и педагог высшей школы из Оренбурга. Один из этих очерков затрагивает вопрос о степени соответствия рассказа Толстого его исторической первооснове. Автор работы ищет ответ, опираясь на разысканные им в Оренбургском областном архиве документы, касающиеся дела об укрывательстве беглеца Мигурского. Другая его же работа так и называется — «Дело Мигурских» и представляет собой увлекательно написанное повествование, хорошо оснащенное первоисточниками. Демонстрируя удачный образец соответствия литературному жанру документальной повести, где в равной мере присутствуют и популярность, и научность, это произведе-

ние писателя-ученого выдержало несколько параллельных опубликований (в том числе и в самых крупных в начале 1970-х гг. московских изданиях)¹⁹.

Несколько позднее появился наиболее обстоятельный в русскоязычной литературе вариант документальной работы о Мигурских, написанный в форме повести этим же автором совместно с Владимиром Анатольевичем Дьяковым — ведущим отечественным специалистом по истории польского освободительного движения, ученым-историком и литератором. Указанная повесть была помещена в выходявшем на русском языке в Казахстане литературно-общественном журнале «Простор»²⁰. Читатель, в чьи руки попадал этот журнал, получал возможность расширить свои представления о многих ранее не доступных ему сторонах данного сюжета. В текст повести включены отрывки из документов, приводятся и некоторые фрагменты записок Мигурского, но, к сожалению, в ней, как было повсеместно принято в ту пору в журналах такого типа, полностью отсутствуют ссылки на используемые источники.

Наконец, те же авторы выпустили в 1984 г. в Польше отдельным книжным изданием существенно переработанный вариант упомянутой повести под заглавием «Дело Мигурских»²¹. Книга эта объемом до 15 печатных листов дополнена

¹⁹ Большаков Л. Н. Дело № 11604: К вопросу о реальной основе рассказа «За что?» // Большаков Л. Н. Лев Толстой (поиски и находки). — Оренбург, 1964. — С. 58–70; Он же. Дело Мигурских // Прометей: Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». — М.: Молодая гвардия, 1971. — Т. 8. — С. 130–147; 2-е изд. — 1972.

²⁰ Большаков Л., Дьяков В. И это была правда: Строго документальная повесть о широко известном рассказе Л. Н. Толстого и подлинных судьбах его непридуманых персонажей // Простор (Алма-Ата). — 1979. — № 7. — С. 95–114; № 8. — С. 107–127.

²¹ Bolszakow L., Djakow W. Sprawa Migurskich. — Kraków; Wrocław: Wydwo Literackie, 1984.

рядом новых глав, необходимыми ссылочными примечаниями и документальными приложениями. Характерная деталь: на русском языке аналогичной книги издано не было, хотя оба автора являлись россиянами. Что касается Польши, там время от времени выходили также и публикации более частного характера по данной теме, но в специальное их рассмотрение мы не станем входить. Наверное, наиболее показательным примером значимости для польского культурного самосознания сюжета Мигурских может служить помещение рассказа «За что?» в подборку избранных рассказов Л. Н. Толстого, выпущенных в 1970 г. в Польше Государственным школьным издательством на языке оригинала в качестве дополнительного учебного пособия. Тем самым польская учащаяся молодежь последних десятилетий XX в. получала возможность начинать свое приобщение к русскому языку и литературе на примере толстовского повествования о Мигурских²².

На приведенных выше фактах читатель может наглядно убедиться в том, что общественный интерес к истории Мигурских более столетия спустя происшествия ее в реальности не только не ослаб, но в известной мере даже увеличился — и в Польше, и в тогдашнем СССР. Многие ее стороны, прежде остававшиеся в тени, теперь раскрывались на оригинальных документальных источниках известными специалистами-исследователями и ими же параллельно представлялись широкому читателю. Суммарный тираж ряда отечественных изданий сборников, в которых выходили эти публикации, достиг нескольких сотен тысяч экземпляров. Это ли не довод, что ныне просто невозможно говорить о неизвестности Мигурских в российской общественной среде! Однако отечественная известность данного сюжета своеоб-

²² См.: Лев Толстой. За что? и другие рассказы. Opracował i wstępem opatrzył Bazyli Białokozowicz. — Warszawa, Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1970.

разно наложилась на специфику его же маргинальности, характера «любопытного случая», интересного прежде всего тем, что на него в свое время обратил внимание сам великий Л. Н. Толстой. В подкрепление сказанного обратим внимание читателя на такую характерную тенденцию, что русскоязычные публикации по этой теме выходили в виде разрозненных статей, затерянных в содержании весьма интересных и широко распространенных, но все-таки сборников. Монографических же книжных изданий на русском языке, посвященных Мигурским, никогда не было выпущено. Так же оказались обойдены вниманием Мигурские и в крупных научных трудах, например в появившейся в конце 1960-х гг. многотомной «Истории Сибири»²³.

В Польше публикации того же периода укрепляли ранее сложившееся восприятие сюжета Мигурских в контексте истории национально-освободительной борьбы как одного из красноречивейших проявлений ее жертвенности и мученичества. Толстовское обращение к этому сюжету тем более усиливало подобное понимание. В польском общественном мнении выглядит закономерным использование крупнейшим русским классиком столь характерного примера как справедливой дани уважения польскому самоотверженному патриотизму и убедительного морального осуждения сил, его преследовавших.

Теперь обратимся к сведениям о Мигурских, отнесенным к группе «нижнего» уровня в нашем условном построении. Здесь нам надлежит рассмотреть относящуюся к героям публикуемых мемуаров литературу собственно научного характера. Особое место среди подобного рода работ занимает появившаяся еще в 1916 г. обширная публикация на польском языке архивных документов, осуществленная известным варшавским историком Александром Кра-

²³ См.: История Сибири.— Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. (Именной указатель).— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968.

усхаром²⁴. Ценность приведенных в ней оригинальных материалов в контексте рассматриваемой темы оказывается абсолютно непреходящей. Указанная работа была учтена и нами при подготовке комментария к тексту записок В. Мигурского.

В данном случае заметим лишь, что А. Краусхар открыл материалы, демонстрирующие личность подлинного В. Мигурского в несколько неожиданном свете по сравнению с широко распространенным беллетризованным о нем представлением.

Среди прочего выявленные документальные источники свидетельствуют о проявленной Мигурским известной слабости в пору выпавших на его долю тяжелых испытаний царской тюрьмой и следствием. Хотя это и несколько нарушает гармоничность сложившегося мифа о Мигурском — идеальном герое, но взамен и возвращает ему исторически правдивые черты живого человека. Вместе с читателем мы еще рассмотрим это обстоятельство в нашей комментарии к соответствующему фрагменту контекста записок Мигурского (см. коммент. 34) и попытаемся определить собственное, по возможности объективное отношение к нему.

Из остальной историографии темы помимо специальных работ в области литературоведения (среди них в первую очередь выделяются работы Вацлава Ледницкого и Базыли Бялокозовича) здесь должен быть отмечен также ряд исторических исследований и публикаций, выходящих как в Польше, так и в СССР. В их числе работы Михала Яника, Болеслава Лопушаньского, совместная книга Владимира Анатольевича Дьякова с Алексеем Степановичем Нагаевым,

²⁴ Kraushar A. Tragedia życia Wincentego Migurskiego, emisariusza z czasów wyprawy Zaliwskiego (ze źródeł archiwalnych) // Przegląd Historyczny, 1915.— Т. 19 (2-gie wyd. Miscellanea historyczne.— Warszawa, 1916.— Т. 41).

очерки автора этих строк²⁵. Безусловно, подобная литература оказывалась в поле зрения прежде всего специалистов. Для широкой читающей публики она оставалась малоизвестной, однако всегда служила основой других, более популярных работ, о которых уже было сказано ранее.

Итак, проследив бытование темы Мигурских в сферах художественной литературы и искусства, документальной публицистики и научных исследований, мы вплотную приблизились к «первичному» уровню — персоналиям подлинных Винценты и Альбины Мигурских. Можно сказать, что и на этом уровне эти уже знакомые нам герои, несмотря на кажущуюся всестороннюю обследованность и изученность, оказываются в определенном смысле незнакомцами.

Начнем с того, что остается неизвестным, как в действительности выглядел Винценты, портретное изображение которого до нас не дошло. Что касается Альбины, то и о ней до недавнего времени говорилось то же самое. Еще в 1984 г. в своем польском издании книги о Мигурских Л. Н. Большаков и В. А. Дьяков писали по этому поводу: «Ни один художник не запечатлел на полотне черт Альбины, фотография делала только первые шаги и не достигла еще отдаленных уголков Галиции, потому мы должны удовлетвориться “словесным портретом” панны Висьнёвской...»²⁶.

Автору данного предисловия довелось первому из исследователей узнать о существовании портрета Альбины

²⁵ Janik M. Dzieje Polaków na Syberji.— Kraków, 1928.— S. 121—122, 180—185; Łopuszański B. Migurski Wincenty Maciej // Polski słownik biograficzny.— T. 21. Z. 1.— Wrocław etc., 1976.— S. 50—51; Djakow W., Nagajew A. Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy (1832—1835).— Warszawa: Państw. Wyd. Naukowe, 1979.— S. 15—16, 18—21, 35, 256; Szostakowicz B. Uczestnicy wyprawy J. Zaliwskiego na katordze i zesłaniu (na podstawie materiałów Archiwum Państwowego w Irkucku) // Społeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku.— Wrocław etc., 1984.— S. 157.

²⁶ Bolszakow L., Djakow W. Op. cit.— S. 54.

Мигурской и познакомиться с его фотокопией. Произошло это при следующих обстоятельствах. В 1978 г. в СССР широко отмечалось 150-летие со дня рождения Льва Толстого. Это дало повод автору напомнить о многострадальной судьбе героев толстовского рассказа, поместив об этом статью в выходящей в Литве на польском языке газете «Червоны Штандар»²⁷. Именно данную статью прочел в Польше потомок Винценты Мигурского (по одному из его братьев) Януш Мигурский, откликнувшийся на нее письмом к автору. Завязалась переписка, в ходе которой Я. Мигурским и были присланы фотокопии портрета Альбины и нескольких страниц из рукописи записок Винценты²⁸. Указанные почтовые контакты, к сожалению, довольно быстро прервались из-за нарушившейся регулярности связей (в частности, и посредством почтовых сообщений) между Польшей и СССР после известных событий 1980 г. В результате необходимая информация о присланных материалах оказалась лишь частично выяснена автором.

Реальные условия последующих лет долго не давали иркутскому исследователю возможности опубликования портрета Альбины Мигурской в надлежащем издании. Удалось лишь обнаружить данную находку во время нескольких публичных докладов автора на проходивших научных конференциях. Таким образом, портрет стал известен специалистам. После этого он был воспроизведен в сравнительно недавно изданной книге «Сибирь» Антони Кучиньского, но при этом, увы, не было объяснено его происхождение²⁹. Нынешнее издание наконец позволяет отечественному чи-

²⁷ Szostakowicz B. Śladami Migurskich – bohaterów opowiadania «Za co?» // Czerwony Sztandar (Wilnius). – 08.09.1978. – S. 4.

²⁸ См. письмо Я. Мигурского от 10 июля 1979 г. (Гливице, Польша) // Архив автора предисловия.

²⁹ См.: Kuczyński A. Syberia. Czteryście lat polskiej diaspory. – Wrocław etc., 1993. – S. 147 (ilustr. 36), 434.

тателю познакомиться с реальным обликом прототипа героини произведения Л. Н. Толстого и публикуемых ниже записок ее мужа Винценцы Мигурского. Если иметь в виду российскую специальную литературу в сочетании с соблюдением всех общепринятых правил введения в широкое пользование подобных материалов, — в сущности, следует говорить, что такая публикация данного изображения осуществляется впервые.

Портрет потрясает своим неприкрашенным трагизмом. Вероятнее всего, Альбина на нем запечатлена в последний период своей недолгой жизни. На нас глядит женщина, в изможденных чертах которой едва угадываются признаки еще совсем недавней молодости (напомним, что Альбина умерла от чахотки в возрасте всего 25 лет). Лицо исполнено скорбным выражением. Особенно выразительны огромные глаза, в которых читается немое страдание. Имеющаяся в распоряжении автора фотокопия не дает возможности точно установить, в какой технике выполнен оригинал портрета. Нам представляется, что это акварель. Не знаем мы ничего и о создавшем ее художнике. Невольно эта работа рождает ассоциации с акварельными портретами декабриста Николая Бестужева. Допустимо даже высказать предположение, что данная работа могла быть им создана в пору пребывания Мигурских проездом в Урике и Иркутске (примерно летом — осенью 1842 г.). Известно, что в это же самое время Н. А. Бестужев находился в Иркутске, работая там над заказными портретами³⁰. Безусловно, он не мог не проявить интерес к Альбине, в судьбе которой, как засвидетельствовал сам В. Мигурский, декабристы усматривали много сходного с таковыми же своих собственных жен. Очевидно, что портрет несколько отличается от привычной бестужевской манеры. Уступает он и по уровню исполнения этим талант-

³⁰ Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев.— М.: Изобр. искусство, 1977.— С. 497—502.

ливым портретистом иных подобных произведений. Но не могла ли повлиять на это вынужденная поспешность художника в завершении данной работы из-за кратковременности остановки Мигурских в Иркутске?

Конечно же, высказанные соображения автор рассматривает всего лишь как научную гипотезу, которая еще нуждается в дополнительных доказательствах. Впервые информация о доводах в пользу подобного предположения была высказана автором данного предисловия еще в 1985 г. на конференции «Декабристы и Сибирь»³¹ и оказалась с одобрением встречена ведущими декабристоведом, в частности таким знатоком рассматриваемой проблематики, как ныне покойный Н. Я. Эйдельман³². Безусловно, здесь еще надлежит сказать свое веское слово искусствоведам. Заодно же привлечение их внимания к живописному материалу, связанному с освещаемой темой, кто знает, не позволит ли когда-нибудь обнаружить и портретное изображение Винценты, сведениями о котором мы до сих пор не располагаем. Очевидно, необходимо продолжать научный поиск в этом интересном направлении.

Далее следует обратить внимание на весьма знаменательное и существенное в данном случае соотношение известного и неизвестного в реальной биографии Винценты Мигурского. По сути, львиная доля распространенной информации о нем относится к периоду от его первоначальной ссылки в Уральск до отправки на новое место принудительной военной службы в Забайкалье — общей продолжительностью

³¹ В связи с отмеченным см., в частности, публикацию в газете «Советская молодежь» (Иркутск), проиллюстрированную моментом демонстрации автором данного текста полученного им от потомков В. Мигурского, в виде фотокопии, портрета Альбины Мигурской (Пуанты для музея // Сов. молодежь. — 1985. — 12 дек. — С. 3).

³² Эйдельман Н. Я. Здесь дел непочатый край: интервью Б. Преловской // Вост.-Сиб. правда. — 1986. — 12 фев. — С. 3.

около 5 лет (1836—1841 гг.). Перипетии же последующего сибирского этапа изгнаннической эпопеи В. Мигурского, длившегося целых 15 лет (1842—1867 гг.), известны нам лишь в самом схематическом виде, без каких-либо подробностей. Еще меньше знаем мы о самых последних годах Винценты — уже после возвращения его из ссылки на родину (1859—1862 гг.).

К наиболее важным событиям последних лет жизни В. Мигурского необходимо отнести написание им воспоминаний. Судьба этих записок оказывается в чем-то сродни судьбе самого автора: столь же общеизвестен факт их существования, сколь мало находится тех, кто был бы знаком с ними непосредственно. При этом обнаруживается немало до сих пор не изученных вопросов, тесно взаимосвязанных с контекстом этого оригинального мемуарного источника.

Для сибиряков-иркутян, готовивших данное издание записок Винценты Мигурского, среди прочего, конечно же, немаловажен факт того, что их рукописная основа была создана нашим героем не где-либо, а именно в Иркутске. Об этом в опубликованном книжном варианте текста имеется два собственноручных свидетельства Мигурского: во вступительном обращении к читателю и в заключительной части воспоминаний. В первом случае мемуарист пометил это указание 1859 годом, а во втором уточнил дату: начало марта 1859 г. Автор предисловия полагает, что приведенная в книге датировка говорит скорее всего об окончании работы над рукописью (вступление к книге, по-видимому, писалось Мигурским напоследок, как это делается в большинстве случаев авторами монографических текстов). В самом деле, книга такого объема не могла быть физически написана в течение всего лишь начальной части месяца. С другой стороны, нам известно, что уже летом 1859 г. Мигурский покинул Сибирь. Следовательно, учитывая, что в Иркутске Мигурский находился с 1858 г. и провел там около полутора лет, можно

определить примерное время создания его записок как 1858 г. — весну 1859 г.

Ранее мы уже отмечали, что о сибирском периоде жизни В. Мигурского известно досадно мало. Это замечание в полной мере относится и к иркутской поре пребывания автора записок. Об этом периоде в них говорится достаточно лаконично, хотя и содержится очень высокая оценка иркутян. Мемуарист свидетельствует среди прочего, что жители Иркутска «с истинным участием» приняли его в свою среду. Конкретных имен его записки не содержат, однако в их свете приобретают особую значимость другие данные, относящиеся к одному из польскоязычных рукописных вариантов его воспоминаний.

Последний был обнаружен специалистами в послевоенный период в Отделе рукописей Государственного музея Льва Толстого в Москве. Он носит характерное название: «Побег Государственного Преступника или Воспоминания о моей жене, мною написанные». На титульном листе указанной рукописи, в Иркутске, Мигурским сделано посвящение своих воспоминаний «в знак уважения и дружбы Госпоже Анне Пфаффиус, урожденной Боборыкиной», датированное 1 июля 1859 г.³³

По утверждению одного из первых исследователей, обратившего внимание на этот рукописный текст, в Музей Л. Н. Толстого он поступил от дочери А. Пфаффиус, Е. Суходольской, «которая по прочтении рассказа “За что?”, полагая, что воспоминания Мигурского имеют связь с сочинением Толстого, переслала их» туда³⁴.

Как показывает наше непосредственное знакомство с данным рукописным оригиналом и прилагаемыми к нему мате-

³³ Государственный музей Льва Толстого в Москве. Отдел рукописей. Инв. 42109.— Л. 2. Тит. л. рукоп. В. Мигурского.

³⁴ См.: Białokozowicz В. Op. cit.— S. 316.

риалами, действительно рукопись Мигурского сопровождается пояснительной запиской (подписанной Е. Суходольской и недатированной) следующего содержания: «Мать моя Анна Андреевна Пфаффиус (урожд. Боборыкина) родилась в 1830 г. и 26-ти лет уехала из Москвы в Иркутск, получив там место классной дамы в Институте (подразумевается Девичий институт.— *Б. III.*). В Иркутске она познакомилась с автором этой рукописи Мигурским и, насколько я слышала от моей покойной матери, отношения у них были очень дружественные. Знаю, что специально для нее он написал свои воспоминания и подарил ей их в собственноручной рукописи. От матери моей я слышала, что отец ее, мой дед, был в родстве с гр. Л. Н. Толстым, но какая это была степень родства, я не помню. Познакомилась она с Мигурским, вероятно, потому, что вращалась в обществе политических ссыльных поляков и декабристов»³⁵.

Таким образом, выясняется, что в записке не содержится прямого указания на передачу Музеем Льва Толстого ее составительницей рукописи мемуаров Мигурского. Об этом, как видим, в тексте записки вообще не упоминается, как нет там и никаких замечаний о рассказе «За что?». Однако, несмотря на отсутствие прямых высказываний по интересующим нас вопросам, само наличие записки при рукописи Мигурского косвенно свидетельствует об очевидной связи между обеими и может характеризовать первую из них как препроводительное приложение ко второй. Сам экземпляр рукописи Мигурского из Музея Л. Н. Толстого оставляет впечатление, что прежние владельцы не придавали существенного значения данному оригинальному мемуарному документу. На это указывает использование на заключительных листах рукописи мест, оставшихся свободными от основного текста, для каких-то случайных записей, не относя-

³⁵ Государственный музей Льва Толстого в Москве. Отдел рукописей. Инв. 42109.— [Л. 1].

щихся по смыслу к самой рукописи и сделанных, видимо, позднее ³⁶.

Обратившие внимание на записку Е. Суходольской (вслед за впервые указавшим на нее польским литературоведом Б. Бялокозовичем) уже упоминавшиеся нами авторы книги о Мигурских Л. Н. Большаков и В. А. Дьяков поясняют, что и в самом деле Льва Толстого связывало с Боборыкиными далекое родство: на Наталье Боборыкиной был женат двоюродный брат бабушки писателя, Пелагеи Горчаковой, Дмитрий Горчаков. Затем названные исследователи делают следующее заключение: «Нам не удалось получить никакой дополнительной информации о самой Анне Пфаффиус и о ее пребывании в Иркутске. Однако же не подлежит сомнению, что ее семья принадлежала к тем кругам иркутской интеллигенции, которые так тепло вспоминает Мигурский в своих «Воспоминаниях из Сибири»» ³⁷.

В настоящее время у нас уже есть возможность привести некоторые материалы об этой иркутской знакомой Мигурского. Сведения об Анне Андреевне Пфаффиус-Боборыкиной, жене Евгения Вильгельмовича Пфаффиуса, чиновника Главного управления Восточной Сибири в Иркутске, содержатся в переписке декабриста А. В. Поджио со своим товарищем С. П. Трубецким, опубликованной в Иркутске в томе материалов А. В. Поджио из известной документальной декабристской книжной серии «Полярная звезда» ³⁸. Еще несколько штрихов к этому добавляет опубликованная в томе С. П. Трубецкого (т. 2) той же серии переписка декабриста со своей дочерью Зинаидой и зятем Н. Д. Свербеевым (однако в комментариях к этому изданию Анна Андреевна Пфаф-

³⁶ Там же.— Л. 78 об.— 79.

³⁷ Bolszakow L., Djakow W. Op. cit.— S. 189—190.

³⁸ Поджио А. В. Записки, письма.— Иркутск, 1989.— С. 210, 213, 234, 253, 509.

фиус ошибочно названа Натальей Андреевной)³⁹. Во вступительной (к названным материалам С. П. Трубецкого) статье В. П. Павловой среди прочего сказано о происходивших в его доме частых собраниях (после свадьбы З. С. Трубецкой с Н. Д. Свербеевым, весной 1856 г.), на которых среди молодежи бывали Е. В. Пфаффиус, ссыльные поляки, а также ряд «стариков» декабристов⁴⁰.

Конечно, ко времени появления в Иркутске Мигурского многие из лиц, упомянутых в этих собраниях 1856 г., уже покинули город. Однако в столице Восточной Сибири Винценты Мигурский должен был помимо четы Пфаффиусов встречаться с А. В. Поджио (кстати, жившим в ту пору в доме Трубецких и окончательно выехавшим из Иркутска в мае 1859 г., всего лишь несколькими месяцами раньше Мигурского), с В. А. Бечасновым (умершим в Иркутске в 1859 г.), с врачом и общественным деятелем Н. А. Белоголовым (находившимся в городе до июня 1858 г.) наряду с другими членами той же семьи, примечательной в истории Иркутска. Естественно, в рассматриваемый период в Иркутске находились и некоторые лица из прежней польской колонии ссыльных, по тем или иным причинам не затронутые общей амнистией 1856 г. Среди них особенно заметна фигура Агатона Гиллера, о котором у нас будет еще повод сказать

³⁹ См.: Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности.— Т. 2: Письма. Дневник 1857—1858 гг.— Иркутск, 1987.— С. 273, 530 и др. Путаница с именем Боборькиной объясняется, вероятно, тем, что в Иркутске в рассматриваемую пору находилась и ее сестра, Наталья Андреевна, как и Анна Андреевна служившая в Девичьем институте классной дамой. (См.: Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I: Первое пятидесятилетие. 1845—1895.— Иркутск, 1896.— С. 4 и 10 (списки).) Безусловно, биографии обеих сестер нуждаются еще в дополнительном специальном изучении.

⁴⁰ Павлова В. П. Декабрист Сергей Петрович Трубецкой // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и...— Т. 2.— С. 37—38.

особо в данной книге в связи с опубликованием в ней ряда его сибирских, иркутских материалов.

Остается во многом невыясненным вопрос о том, что конкретно сблизило В. Мигурского с Пфаффиус-Боборькиной и с прочей средой местной интеллигентной общественности, в том числе и ее декабристским кругом. Безусловно, этот вопрос нуждается в тщательном изучении. Однако некоторые реалии в связи с ним уже и теперь представляются очевидными. Не вызывают сомнений интеллигентность, начитанность и эрудированность Мигурского, хотя и не имевшего университетского образования. Хорошо подтверждают данную характеристику сами публикуемые его мемуары. В них, между прочим, автор упоминает о своем владении французским языком и даже о преподавании его в Уральске. Публикатор хотел бы также обратить внимание на несомненное литературное дарование, проявляемое Мигурским в его воспоминаниях. Едва ли следует доказывать, что присущие автору воспоминаний подобные свойства способствовали установлению его контактов с иркутской культурной общественностью.

По поводу характера общения мемуариста с кругом декабристов в Иркутске нужно принять во внимание его свидетельства о том, что еще на пути своего следования в забайкальскую ссылку он вместе с женой познакомился и установил дружеские связи с декабристской колонией в Урике. Можно предположить, что завязавшиеся тогда отношения удалось поддерживать в какой-то мере и в последующую пору пребывания Мигурских в Нерчинске, а после перемещения Винценты в Иркутск они, вероятно, обновились и расширились.

Все приводимые данные показывают, насколько интересной и одновременно далекой от исчерпания оказывается эта иркутская «мигурскиана». Можно ожидать, что дальнейшее тщательное ее изучение позволит открыть еще немало нового, с нею связанного.

Внимательный читатель, видимо, еще помнит о полученных автором этого предисловия фотокопиях нескольких фрагментов рукописи воспоминаний Винценты Мигурского, хранящейся в семье его родственников в Польше. Как выяснилось, название указанного рукописного текста существенно отличается от того, что в Иркутске был подарен автором А. А. Пфаффиус и уже приведен выше, в русском переводе. Дословно же переведенный титульный лист рукописного экземпляра тех же воспоминаний, хранящегося в семье Я. Мигурского в Польше, гласит: «Двадцативосьмилетнее изгнание или мой побег с женой и парой неживых детей. Подлинные события (начиная. — *Б. III.*) с 1835 г. Том I-ый»⁴¹. Кроме того, на титульный лист последнего из рассматриваемых рукописных вариантов текста мемуаров их автором вынесена в качества эпиграфа стихотворная строфа Антони Эдварда Одыньца, польского поэта из близкого А. Мицкевичу филوماتско-филаретского круга: «Как с телом дух, так крепко сердце человека с родной землей сам Бог связал»⁴².

Очевидно, что мы наблюдаем различающиеся между собой рукописные версии воспоминаний Винценты Мигурского.

⁴¹ Фотокопия титульного листа рукописного варианта записок В. Мигурского (в собственности Я. Мигурского. Гливице, Польша) // Архив автора предисловия.

⁴² Одынец Антони Эдвард (1804—1885) — поэт, переводчик, мемуарист. В 1820—1823 гг. учился на юридическом факультете Виленского университета, Член общества филаретов (об организации филоматов см. в данной книге коммент. 4, а также 138 и 139 — к воспоминаниям Ю. Ручиньского), автор известной «Песни филаретов». Был дружен с А. Мицкевичем, являлся его поклонником и в собственном творчестве испытал его влияние. Совместно с ним совершил путешествие по Германии, Италии и Швейцарии (1829—1830 гг.), о чем оставил ценные воспоминания. С 1837 г. находился в Вильно, являлся редактором официальной газеты «Курьер Виленьски» (1840—1850-е гг.). Со второй половины 1860-х гг. жил в Варшаве, сотрудничал в местной прессе. Для польской культуры имели важное значение его переводы западноевропейских классиков романтизма — Д. Байрона, В. Скотта, Ф. Шиллера и др.). Стихотворный эпиграф в переводе Б. С. Шостаковича.

Их окончательная атрибуция связана с необходимостью дальнейшего тщательного сравнительного изучения каждой в полном объеме. Но в целом и выявленные уже к настоящему времени их особенности позволяют со значительной степенью вероятности заключить, что заметные различия обнаруживаются в титульных и вводных разделах каждой из них. В своей же основе последние практически идентичны. Можно параллельно высказать и гипотезу происхождения подобных расхождений.

По-видимому, существовало несколько (более двух) экземпляров рукописного текста мемуаров Мигурского. Один из них, как мы уже смогли убедиться, был еще в Иркутске посвящен и передан автором А. А. Пфаффиус, о чем недвусмысленно свидетельствует точно датированный автограф В. Мигурского. Данный экземпляр рукописи длительное время находился в семье Пфаффиусов, а за ее пределами оставался фактически неизвестным, вплоть до его передачи дочерью первоначальной владелицы в Музей Л. Н. Толстого. Скорее всего, как заглавие этого экземпляра рукописи, так и тем более содержащееся в нем посвящение А. А. Пфаффиус, никогда не воспроизводились в печатных изданиях указанных воспоминаний.

Нельзя не обратить внимания на то, что в первой польской книжной публикации во Львове воспоминаний В. Мигурского отсутствует эпитафия в виде цитаты А. Э. Одынца. Исходя из данного отличительного признака, вполне логично допустить, что издатели мемуаров могли опираться на какой-то иной вариант рукописного текста Мигурского. Отсюда вытекает предположение о возможном существовании еще одного (по очередности второго) экземпляра рукописи — с заглавием, аналогичным экземпляру, принадлежащему польской семье родственников Мигурского, но без эпитафии. В связи с затронутым аспектом темы следует упомянуть и о послевоенном приобретении (в 1968 г.) Отделом рукописей варшавской Национальной библиотеки у частного лица боль-

шого рукописного фрагмента текста... все тех же мемуаров В. Мигурского, но с отсутствующими начальными и конечными страницами. Заглавие указанной рукописи реконструировано архивистами библиотеки по простой аналогии с одним из ранее известных параллельных вариантов тех же мемуаров⁴³. Подлинные же обстоятельства происхождения этого вновь приобретенного рукописного экземпляра остаются не до конца выясненными. А следовательно, их раскрытие, вполне вероятно, сможет пролить свет и на возникшие в данном контексте вопросы.

Однако нельзя исключить также, что львовское издание воспроизводилось и непосредственно по тому самому экземпляру, который уже позднее каким-то образом попал в семью родственников В. Мигурского. Во всяком случае, пока еще не расшифрованные владельческие надписи на титульном листе данной рукописи, включая даже этикетирование с инвентарной нумерацией ее хранения, ясно указывают, что последняя перебивалась не в одних владельческих руках. Что же касается самого эпитафия, то львовские публикаторы вполне могли его опустить исходя из каких-либо собственных соображений, точно так, как они же изменили исходное авторское заглавие рукописи в книжной версии ее публикации. К последнему обстоятельству мы еще вернемся немного позже.

В любом случае, весьма характерно, что и заглавия воспоминаний, и эпитафия к ним самим Мигурским предлагались совершенно адресно. Рассматривая А. А. Пфаффюс как представительницу русской, сибирской общественности, он в подаренном ей экземпляре своей рукописи заметно сместил акценты заглавия в сравнении с тем, что предназначалось им для польских читателей. По нашему предположе-

⁴³⁴ Migurski W. Dwudziestoośmioletnie wygnanie, czyli ucieczka moja z żoną i dwojgiem nieżywych dzieci. Zdarzenie prawdziwe z 1835 roku // Bibl. Nar. RPS II 10085 / Mf. 77829. K. 125.

нию, тем же самым мотивировалось автором и включение эпиграфа из А. Э. Одынца в титул рукописного экземпляра (или экземпляров) для польской читающей среды. Похоже, Мигурский хорошо сознавал, что только последней могли быть вполне понятны и близки образы из творчества названного поэта, в обществе же хотя и интеллигенции Иркутска таковые не могли вызывать аналогичные ассоциации.

В истории опубликования воспоминаний В. Мигурского также еще остаются определенные неясности, ожидающие своего исследователя. Известно, что эти воспоминания несколько раз появлялись в печатном виде. Вначале они увидели свет в течение первой половины 1863 г. во львовском «Дзэннике Литэрацком»⁴⁴ именно под тем самым названием, которое значится в рукописи, находящейся у потомков Мигурских. Затем в том же году во Львове последовало издание тех же мемуаров в виде отдельной книги. Хотя на подтитуле данная книга обозначена как «перепечатка из “Дзэнника Литэрацкого”», озаглавлена она уже иначе, нежели журнальная публикация: «Записки из Сибири (Сыбиру.— Б. III.). Написаны Винценты Мигурским»⁴⁵. Собственно по этому-то изданию и был осуществлен публикуемый ниже перевод мемуаров.

В литературе, касающейся Мигурских, вскользь упоминается еще и о более позднем издании тех же записок — в Познани, в 1906 г.⁴⁶ Но, удивительное дело: ни в одной из крупнейших библиотек Польши и России это последнее

⁴⁴ Migurski W. Dwudziestoośmioletnie wygnanie, czyli ucieczka moja z żoną i dwojgiem nieżywych dzieci. Zdarzenie prawdziwe z 1835 roku // Dziennik Literacki. — 1863. — Nr 1 — 25.

⁴⁵ Pamiętniki z Sybiru. Spisane przez Wincentego Migurskiego. — Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1863.

⁴⁶ См.: Białokozowicz B. Op. cit. — S. 313 (przyp. 54).

долго не удавалось обнаружить, что свидетельствует о чрезвычайной его библиографической редкости. В настоящее время при содействии польских библиографов и коллег-ученых автором предисловия наконец установлено местонахождение одного экземпляра указанного книжного раритета⁴⁷ и получена его копия. Это позволило выяснить, что «неуловимое» познаньское издание мемуаров Мигурского представляет собою версию, в основе идентичную львовской, однако отличающуюся от нее своим названием и наличием в ней уже упомянутого ранее эпитафия из А. Э. Одынца, предваряющего вводное обращение В. Мигурского к читателю. Данные разночтения аналогичны соответствующим и в рукописных экземплярах мемуаров Мигурского. К сожалению, разысканная книга не содержит никаких указаний на обстоятельства и мотивы издательского познаньского возобновления данных воспоминаний.

Наконец, некоторыми авторами приводится рассказ об опубликовании все тех же записок Мигурского в Германии — в немецком переводе и под чужой фамилией (без каких-либо конкретных выходных данных). Указанная книга выдавалась за оригинальное новое сочинение, что в итоге даже привело к разоблачению подобного плагиата⁴⁸.

Таким образом, история бытования мемуарного наследия В. Мигурского оказывается далеко не простой. Она обнаруживает наличие многих нераскрытых белых пятен. Представляется, что дальнейшее их изучение еще приведет к новым, небезынтересным результатам.

В целенаправленном изучении нуждаются вопросы о причинах появления разночтений в рукописях воспоминаний

⁴⁷ [Migurski W.] Dwudziestoosmioletnie wygnanie, czyli ucieczka moja z żoną i dwojgiem dzieci. Zdarzenie prawdziwe z 1835 r. // Poznań. Nakł. i czcionk. «Pracy» Sp.z.o.p., 1906.

⁴⁸ См.: Janik M. Op. cit.— S. 180 (przyр. 2); Białokozowicz B. Op. cit.— S. 313 (przyр. 54).

героя нашего предисловия и о том, сколько же всего существовало таких рукописных вариантов. Необходимо разобраться в том, каким образом рукопись Мигурского попала во Львов. Поскольку сам ее автор не покидал пределов Российской империи и, как документально установлено, скончался в Вильно в августе 1862 г.⁴⁹, это было осуществлено кем-то другим. Предстоит еще выяснить, имел ли Мигурский какое-либо отношение к опубликованию собственных записок, а также кем и как готовились они к печати. Ясно, что самому автору уже не довелось увидеть своих воспоминаний в изданном виде. Но не исключено, что он мог принимать известное участие в их редактировании.

Теперь наступает черед автора нынешнего предисловия и публикатора представляемых в настоящем издании самих «Воспоминаний из Сибири» Винценты Мигурского сделать несколько необходимых вступительных пояснений для читателя по поводу этого оригинального мемуарного памятника.

Дело в том, что название мемуаров Мигурского в первом их, львовском издании (публикатором и издательским коллективом данной книги сибирско-польских воспоминаний оно было избрано также и в качестве общего заглавия последних — как знак следования историзму эпохи, освещаемой в данной книге) в польской ментальности изначально подразумевает несколько иную трактовку, нежели бытует в традиционной российской. При этом и выражается оно совершенно специфичным польским термином, не переводимым на русский язык дословно. Львовские издатели воспоминаний В. Мигурского обозначили их происхождение польским словосочетанием «z Sybiru» («из Сыбиру»), но не «z Syberji» («из Сыбэрьи»). Последнее означало бы совершенно аналогичное русскому смысловое выражение.

Однако же польское слово «Сыбир» в исторически сложившемся ментальном польском восприятии служит отнюдь

⁴⁹ Łopuszanski B. Op. cit.— S. 51.

не для простого синонимичного обозначения соответствующего восточного, зауральского, азиатского обширного российского края, как на первый взгляд могло бы показаться. На самом деле это — много более емкий, собирательный образ места (местности), куда насильственно ссылают, изгоняют жертв чужеземного (по преимуществу российского) политического и духовного порабощения. Это — обозначение места, как страшно далекого, изначально чужого и малоприветливого со стороны его местных обитателей, так и сурового по своей природе и климату. Иными словами, «Сыбир» по-польски — это символ тяжелых физических и нравственных испытаний, которые несли патриотические польские силы во имя свободного будущего своей родины и как бы закалялись, мужали и духовно крепили в его горниле... Безусловно, истолкование данного термина-образа можно развивать и далее, приводить еще немало иных определений и характеристик, раскрывающих те или иные его нюансы. Но думается, что читателю уже и так стала понятной его сущность.

Именно в таком смысловом ряду и были восприняты воспоминания В. Мигурского его издателями. В контексте подобной издательской интерпретации воспоминаний «из Сыбиру» сам их автор совершенно закономерно представлял стопроцентным воплощением подлинного героя — польского ссыльного «в Сыбир», прошедшего через все этапы многострадальной драматической эпопеи, — начиная от оренбургско-уральского (в соответствии с вышеизложенным толкованием данного определения, точно так же соответствующим и этому этапу его подневольных злоключений, как и всем последующим, зауральским местам таковых же), — вплоть до забайкальско-нерчинского «Сыбиру» и заключительного, относительно непродолжительного, более спокойного и благополучного, — «Сыбиру» иркутского.

Что же касается лично самого В. Мигурского, то приведенные ранее варианты заглавий рукописных авторских

экземпляров его воспоминаний убедительно свидетельствуют о том, что он отнюдь не задавался целью подобным образом интерпретировать свою жизненную одиссею. В его собственноручных заглавиях рукописных версий воспоминаний хотя и содержатся существенные разночтения, однако же основное внимание акцентируется на совершенно иных аспектах. В прежде рассмотренных авторских вариантах титула рукописи собственных воспоминаний можно было уже заметить такие выделенные их автором ключевые мотивы, как: подлинность и документальная достоверность им описанного, неизбежное чувство тяготения к родине (на это указывает эпитафия из Одынца) и наконец — глубоко эмоционально выстраданная, преданная память о покойной жене.

Как и все помещенные в данной книге мемуарные и дневниковые тексты, записки В. Мигурского впервые публикуются в русском переводе. Весьма символично, что это осуществляется в Иркутске, где самим Мигурским эти воспоминания были некогда написаны. Впервые читатели в России (но не исключено также, что и в ныне суверенных Казахстане, куда территориально относится место первой ссылки В. Мигурского — г. Уральск, и на Украине, откуда родом была Альбина Висьнёвская-Мигурская, да и в других регионах в недалеком прошлом единой нашей страны) смогут прочесть эти мемуары в современном издании, на общедоступном для большинства из них русском языке. Безусловно, все отмеченное позволит, наконец, широкой современной общественности узнать, что именно и в какой форме поведал около 140 лет назад о своей жене и о себе самом человек, еще 20 годами ранее отважившийся вместе с женою на отчаянный и редкостный своей необычностью шаг, заставивший заговорить о них многих, а в конечном счете вырвавший имена этой супружеской четы из небытия забвения и неизвестности.

Все ранее сказанное о Мигурских уже должно объяснять причину нашего выбора именно данных воспоминаний из

достаточно широкого круга мемуарной литературы, касающейся польской ссылки первой половины XIX в. и до сих пор остающейся практически совершенно неизвестной отечественному читателю.

Заметим здесь же, что воспоминания эти по сути своей достаточно специфичны на общем фоне указанной «польско-сибирской» литературы. Уже их автор откровенно предупредил своего «уважаемого читателя», что в книге «не найдет он... ни географического положения Сибири, ни торговых отношений, ни статистики, ни тем паче геологии, а прочтет лишь о жизни женщины, которая, не выходя за рамки домашней жизни, вписала имя свое в круг самых почитаемых полек». Иными словами, в этих записках мы соприкасаемся не столько с источником свежих фактических данных из исторического прошлого (несмотря на то, что можно на страницах записок Мигурского отыскать и целый ряд подобного рода свидетельств). Перед нами — своеобразный «человеческий документ» эпохи, интересное, если не сказать уникальное, свидетельство «из первых рук» внутреннего, духовного мира тех подлинных людей, которые до сих пор оставались нам абсолютно неизвестными. Между тем их образы уже довольно давно стали популярными, в первую очередь благодаря творческому воображению маститых деятелей искусства, литературы и науки, и тем самым как бы «оторвались» от своих оригиналов.

Заметим, наконец, что при всей своей специфичности записки Винценты Мигурского в определенном смысле слова весьма типичны. Их автор Винценты Мачей (у него, как и у большинства католиков, из нескольких имен, данных при крещении, обиходно используемым оказалось лишь одно) Мигурский прошел жизненный путь, весьма характерный для целого поколения его соотечественников. Совсем молодым он, родившийся в 1805 г., выходец из небогатой землевладельческой шляхты, вступил в повстанческую армию и сражался с поработителями отечества в войне 1831 г. Вместе с

потерпевшими неудачу ноябрьскими повстанцами ушел в эмиграцию, мучительно переживал поражение и не мыслил об отказе от дальнейшей борьбы. Мы видим его среди активных патриотов, масонов и карбонариев, в дальнейшем — эмиссаров, сознательно избравших жертвенный путь к обретению независимости родины. А затем — последовавшие арест, тюрьма, следствие и суд, в ходе которых наш герой показал как примеры недюжинного мужества, так и очевидных временных слабостей, принудительная солдатчина, непрекращавшиеся преследования, новая ссылка в Сибирь...

Всё, что выпало на долю Винценты Мигурского, в той или иной мере испытали тысячи поляков-патриотов. И это делает его конкретную личность столь типичной, что и описываемая им на склоне лет в подробностях психологическая сторона жизни польского политссыльного первой половины XIX в. на далеких окраинах тогдашней Российской империи, несмотря на свои яркие индивидуальные приметы, содержит в основе характерные черты, присущие целому поколению польских шляхетских революционеров, восстававших против своих угнетателей.

Еще более типичной в этом смысле представляется Альбина Висьнёвская-Мигурская. Как ранее отмечалось нами, в ней уже современники единодушно усматривали образец самоотверженной женщины-патриотки, добровольно шедшей на тяжелые испытания ради высоких целей. Однако конкретный материал о ней, содержащийся в записках, возможно, породит у читающего их другое восприятие реального прототипа образа, идеализированного в чисто художественном воплощении. К примеру, мы говорили уже о таком расхождении, коснувшись портрета Альбины реальной и вымышленной. Одна же из современных польских маститых историков-профессоров, занявшаяся основательным изучением темы польских женщин в ссылке в первой половине XIX в. (заметим в скобках: для отечественного читателя тема эта, за

единственным исключением публикации очерка на данную тему указанного специалиста, пока еще являет собою белое пятно), вообще выносит в отношении Альбины Мигурской свою характеристику, звучащую суровым вердиктом. «Мигурская вызывала прежде всего удивление и сострадание, — пишет польская исследовательница. — Она была женщиной твердой, отважной, с железной волей, однако окружающие не дарили ее любовью: у нее был трудный, сварливый характер, не умела она ладить с людьми. В памяти потомков она осталась прежде всего в результате этой безумной, отчаянной попытки побега... Зато она не умела собирать вокруг себя друзей, организовать тот “польский дом”, в котором находили бы убежище и отдых польские ссыльные, жаждущие тепла домашнего очага. Такие распространяющие вокруг себя влияние центры появились только благодаря ее преемникам, прибывшим в Сибирь несколько лет спустя...»⁵⁰.

* * *

Впрочем, далее мы предоставляем возможность уже самому читателю делать выводы. Завершая данное предисловие, автор надеется, что оно поможет знакомству читателя с главными героями и событиями, которым посвящены записки Мигурского. Пусть же это, в свою очередь, способствует более осознанному интересу и пониманию, с которыми наш читатель обратится к данному мемуарно-историческому произведению.

Б. С. Шостакович

⁵⁰ Сливовская В. Сибирские тени: О польских женщинах в межповстанческий период ссылки // Сибирская ссылка.— Иркутск, 2000.— Вып. 1 (13).— С. 84—113.

PAMIĘTNIKI Z SYBIRU

SPISANE PRZEZ

Wincentego Migurskiego.

L W Ó W,
NAKŁADEM KAROLA WILDA.

1863.

Винценты МИГУРСКИЙ

ЗАПИСКИ ИЗ СИБИРИ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К ЧИТАТЕЛЮ

Когда дорогая моя жена умирала на моих руках в Нерчинске, постановил я объявить миру ее жизнеописание и это исполняю с тем бóльшим рвением, что ее любовь и преданность, дотоле известные только в идеальных романах, послужить могут образцом для полек. По написании этой рукописи читал я ее некоторым своим знакомым. Слушали меня, дивились, плакали и, наконец, заявили, что если бы меня не знали, не поверили бы в это, сочтя за нелепый вымысел.

Заранее предупреждаю уважаемого читателя, что не найдет он здесь ни географического положения Сибири, ни торговых отношений, ни статистики, ни тем паче геологии, а прочтет лишь о жизни женщины, которая, не выходя за рамки домашней жизни, вписала имя свое в круг самых почитаемых полек.

Излагая воспоминания о своей покойной жене, я старался быть простым, естественным и придерживался только подлинных фактов. Поскольку же не ощущаю в себе ни малейшего писательского дара, его заменила истинная правда, без малейших добавлений буйной фантазии.

О случившихся с нами происшествиях я сам читал в печати на русском языке; нечто подобное было и в «Дзэннике Литэрацком» от 1852 года, а также и во французских журналах¹. Но поскольку авторы этих произведений писали самостоятельно, не обращая ко мне за пояснениями, то я

* Перевод с польского Л. К. Фридман, Б. С. Шостаковича.

им смело могу сказать, что их описания являются слабым и неточным отражением правды.

Если работа моя будет читаема мужчинами с интересом, а прекрасным полом со слезами, то объясняется это не моими способностями, но лишь простотой и правдивостью моего повествования.

*Писал в Иркутске в 1859 году
Винченцы Мигурский*

I

После горестного взятия в 1831 году Варшавы войска наши, уходя от преследований, а скорее — унося в сердцах своих хотя и шаткую, однако всегда дорогую надежду на избавление отчизны, перешли границу. В числе других корпус генерала Рыбиньского сложил оружие в Пруссии².

Я служил в 4-м линейном полку этого корпуса. Обычно меня для различения с тремя моими родными братьями, служившими в том же полку, товарищи между собой называли «Пётрвином»³ в связи с тем, что перед вступлением в армию, измученный длительной и изнурительной лихорадкой, я был больше похож на него, нежели на человека, способного переносить военные тяготы. Я сам испугался себя, когда, встав с постели и взглянув в зеркало, увидел свое бледное, желтое лицо, запавшие щеки, исхудалую фигуру и нетвердую походку. Я почти был уверен, что скорее явлюсь помехой, чем поддержкой в строю. Но физическая слабость уступила моей моральной силе, ибо я стыдился бездействовать в момент, когда все участвовали в движении.

В Пруссии, а именно в городке Тигенхофф, когда я несколько окреп, высшие офицеры полка узнали меня ближе, и командир полка майор С. послал меня в город Нейтайх

для укрепления духа в наших храбрых солдатах, чтобы они не верили в передаваемое через пруссаков обещание амнистии и беспрепятственного возвращения на родину. Пруссаки выдавали нашим офицерам паспорта для въезда во Францию, и я вместе с тремя моими братьями получил таковой.

Не берусь описывать дорогу к западным братьям. Пушечные салюты при подходе польской колонны к какому-нибудь городу либо селению покрупнее, процессии и торжественные встречи, балы, иллюминации и триумфальные арки — все было потому, что благодаря прогрессу общественного развития нет уже такого народа, который не ценил бы преданность отчизне. Поэтому и Германия, и Франция наперегонки старались сделать для нас приятной каждую минуту.

Я ехал в 17-й колонне, состоящей из 200 человек. По прибытии на место разместили нас в Безансоне⁴. Там, полностью выздоровев, сблизился я с молодежью из бывших университетов — Варшавского и Виленского. Вместе с другими жил я себе спокойно, ожидая того момента, когда окажусь полезным своей стране. Определили нам довольно вместительное здание, называемое «бастьон д'Арен» (летняя резиденция генерала и пэра Франции Морана). В этой резиденции разместилось нас 60 человек. Мои товарищи избрали меня членом и депутатом Совета поляков, существовавшего в ту пору. Месяцев десять посещал я заседания и был на них скорее слушателем, нежели оратором, так как знал, что говорить и без меня есть кому, что и так все дышат одним стремлением, что каждый прилагает усилия к возрождению родины.

Однажды зашел я на квартиру к своим братьям. Старший, Юзеф, еще дремал, а двое младших, Вацлав и Александр, собирались на прогулку. И тут входит к нам артиллерийский офицер Константы З., обращается к проснувшемуся Юзефу и заявляет:

— Послушай, друг, поручик И. вызвал меня на дуэль, мне сказали, что ты будешь его секундантом. Поэтому я пришел

заявить тебе, что не дам ему удовлетворения по той причине, что он был под военным судом.

— Это правда,— сказал мой брат.— Но этот же суд признал его невиновным.

— Хорошо,— возразил вызванный на дуэль З.,— но с какой стати я должен с ним стреляться, если не оскорблял его?

— Как это! — воскликнул секундант.— Неужели слово «преступник», произнесенное презрительным тоном, не оскорбление?

— Но ведь он был под судом, значит, преступник,— проворчал артиллерист.

— Что ж из того, если этот же суд освободил его за невиновностью? — возмутился мой брат.

— Ну так я вообще не понимаю... как можно...— начал бормотать тот.

Тогда я, присутствовавший там и раздраженный этим разговором, подал голос:

— Дорогой коллега, твое объяснение вызывает удивление у постороннего слушателя. То ты говоришь, что не будешь стреляться, потому что он был под судом, а когда тебе объясняют, что из-под суда он вышел невиновным, утверждаешь, что вовсе не оскорбил его. Когда же тебе доказывают, что выражение твое было оскорбительным, снова ссылаешься на суд. Я не сторонник поединков, однако твое упорство, по-видимому, следствие малодушия.

— Прекрасно! Вы убедитесь, малодушен ли я,— ответил разгневанный З. и вышел.

На следующий день пришел ко мне молодой офицер пан Завала с уведомлением, что З. выбрал его секундантом в поединке со мной, и просил указать, с кем он должен обговорить условия.

Я равнодушно отнесся к ожидаемому известию и назвал как своего секунданта командира полка майора С., с которым предварительно уже договорился.

Пару дней спустя, в пять часов утра, когда город еще спал, пошли мы за городские рогатки и, сойдя с тракта, вышли на прекрасное место, закрытое со всех сторон кустарником. Там после обычных, но пустых уговоров к примирению секунданты воткнули на расстоянии восьми шагов две шпаги, мы получили пистолеты, спотыкаясь, отошли на восемь шагов от этих шпаг, называемых барьером, взвели курки, начали сближаться и выстрелили одновременно, но мимо! Зарядили во второй раз, опять то же самое, в третий раз — все впустую. (Позже я узнал, что секунданты во избежание кровопролития все три раза заряжали пистолеты холостыми патронами.)

Свидетели этого необычного поединка стали уговаривать нас на этом остановиться, убеждая, что оскорбленный доказал поведением свою храбрость, однако уговоры действия не возымели. Пан Константы заявил, что чувствует себя оскорбленным, я же, хоть и убедился в его храбрости, не хотел сделать первый шаг, опасаясь быть заподозренным в трусости.

Так молодость рискует жизнью, лишь бы не упрекнули ее в недостатке отваги.

Нечего делать, решено было не уходить с площадки до появления первой крови. Итак, зарядили пистолеты в четвертый раз и раздали нам. Мы стали друг против друга у самого барьера. По команде «три» оба выстрелили, и я упал на землю. Пан Константы, увидев это, бросился передо мной на колени и с отчаянием обвинял себя, что на чужую землю пролил братнюю кровь.

Юзеф, брат мой, сбросил с себя верхнюю одежду, схватил пистолет и обратился на Константы грозный взгляд. Я же лежал на земле и, хотя пуля прошила мне щеку под правым глазом, полилась кровь и я упал, не зная, что со мной случилось, все же увидел приготовления брата.

— Юзеф, умоляю, коли меня любишь, — медленно, но громко воскликнул я, — оставь пана Константы! Я очень его ува-

жаю, ведь он поступил так, как должен поступать каждый смелый молодой человек.

Все закончилось в течение минуты. Брат послушался, а не утратившие самообладания присутствующие бросились мне на помощь. Доктор осмотрел рану. Оказалось, что пуля, отлетев от верхней челюсти, застряла во рту и выпала с выплюнутой кровью. С забинтованным лицом, я первый протянул руку противнику, и он, растроганный до слез, с чувством принял ее и поцеловал. А с И. стреляться пан Константы ни за что не хотел.

Как ни старались мы сохранить этот поединок в тайне, однако не укрылся он от властей. Спустя несколько дней пришел ко мне комендант города барон М. и обратился с официальным вопросом, нет ли у меня претензий к моему противнику, поскольку в таком случае мне предоставят право воспользоваться законами страны. Поблагодарив за заботу, я ответил, что пан Константы заслуживает лишь моего глубокого уважения, и барон ушел, даже не посмотрев на моего противника.

Поединок сам по себе ничего не значил, но, однако, отразился на моей дальнейшей судьбе, из-за того что его свидетели выражали восхищение моим тактом, хладнокровием и смелостью. Благодаря этому я в течение нескольких недель был принят в масонскую ложу, затем в карбонарии, а в 1833 году был в числе других направлен в качестве эмиссара в польские провинции.

Кто такие эмиссары и какие у них были цели? Это известно почти каждому. Однако имея в виду потомков, в руки которых могут попасть мои воспоминания, я решил дать об этом более полное представление.

Когда после кампании 1831 года из различных польских провинций во Францию эмигрировало несколько тысяч моих земляков, французский народ, памятуя о нашей самоотверженности во время наполеоновских войн⁵, добился у своего правительства проявления заботы о нас. Благодаря этому в

ряде городов проживавшие в них поляки составляли округа со своими правлениями и комитетами, именуемыми «Польские советы».

У советов этих, наряду с административным управлением, наблюдением за внутренним порядком и заботой о каждом эмигранте, главной целью было направлять коллективные обращения к правительствам Англии и Франции с просьбами найти способ восстановить нашу утраченную отчизну.

Засыпанные этими обращениями правительства в своих ответах предлагали: требования эмигрантов должны иметь юридическое основание и весомость, для этого на польской земле в борьбе с Москвой должна проливаться польская кровь. Тогда западные правительства, видя неравную, неподготовленную борьбу, по дипломатическим каналам потребуют от северных правительств ⁶ возвращения нам нашей страны, ибо что такое (говорили нам правительства) желание нескольких тысяч эмигрантов в сравнении с десятками миллионов поляков, которые тихо сидят и кажутся довольными московским правлением?

Известие это, подобно электрической искре, распространилось по всем нашим организациям. Обездоленным немного надо! Достаточно было слабого луча надежды на спасение родины, чтобы мы бросились в пропасть. Выезжающие эмиссары хорошо знали, что трудно будет нескольким десяткам человек сделать что-либо там, где тысячи вооруженных воинов вынуждены были отступить перед превосходящей силой. Но было трудно хладнокровно взвешивать хоть слабую, но все же надежду в минуты, когда несчастная страна требовала от них самоотдачи и исполнения долга. Так вот пошли мы, 70 человек, на верную гибель ⁷.

Эмиссары должны были собрать по несколько человек, вооружить их и во всех точках польской земли начать борьбу с москалями, чтобы отголоски этой странной партизанской войны, дойдя до Франции и Англии, побудили их к дипломатическому воздействию на московское правительство.

Но, увы! Разными дорогами и почти поодиночке вышли мы из Франции. С чрезвычайными трудностями, подвергая опасности свободу и жизнь, продвигались мы через германский рейх и, наконец, добрались до Галиции⁸. Там, правда, земляки приняли нас с большим воодушевлением, но на этой территории мы не смогли быстро наладить связь между собой. И чем это кончилось? Так, некоторые эмиссары, которые были уполномочены на самостоятельные действия, собрав по нескольку вооруженных человек, вступили в бой и пали жертвами либо обрели покой в самоубийстве. Другие же, с нетерпением ожидая инструкций от руководителей, скрывались тем временем в домах местных жителей под вымышленными фамилиями. В числе последних был и я. Я подчинялся непосредственно майору С., который также прибыл сюда из Франции как эмиссар. Однако, несмотря на все мои старания и поиски связи с ним, узнал я лишь, что смертельная болезнь не позволяет ему не только действовать, но даже дать знать о себе подчиненным.

Так прошло несколько месяцев. И в это горемычное время всю Галицию охватили обыски, проверки. Дня не проходило, чтобы несколько человек не взяли под стражу, не было тюрьмы, не наполненной эмиссарами, эмигрантами и местными жителями.

Тут только у нас, несчастных, открылись глаза! Тут только мы поняли, что дипломаты, сговорившись, одни отправили самых энергичных и на все готовых людей, чтобы другие могли их, как из силков, извлекать и превращать в жертвы их же планов. Ведь когда мы прибыли, среди населения вспыхнул приглушенный было подъем, пробудилась энергия и жажда освобождения родины, северная коалиция⁹, пользуясь взаимной помощью, забирала людей, вся вина которых состояла в любви к отчизне!

Недалеко от Львова, в живописном месте, расположена деревня, именуемая «Каменные Ляшки». На возвышении стоит каменный дом, окруженный валом и старыми липами.

Несколько пушек и гаубиц, ни к чему уже не пригодных, свидетельствуют о бурном польском прошлом. Мне не удалось узнать, кто был некогда владельцем усадьбы, сейчас же она находилась в руках арендаторов. Однако если в повестях или в истории допустимы домыслы, то можно предположить, что когда-то поляки, или ляхи, мужественно противостояли здесь неприятелю, подобно каменной стене, и благодарные потомки, чтобы почтить их несгибаемое мужество и стойкость, назвали это место «Каменные Ляшки»¹⁰.

Эта обширная застройка была разделена на две равные части. В одной половине жил пан Эугеньюш Улатовский, в другой — пан Юзеф Падлевский, оба женатые на двух красивых дочерях капитана бывшей армии Костюшко¹¹ Адама Коротковского. Пан П., хоть и содержал совместно с шурином это имение, жил здесь редко, поскольку был наследным владельцем земель возле русской границы. Комнаты, в которых обитали только слуги, стояли наготове для приема господ, если они пожелают посетить столицу Галиции¹². Вторая половина, занятая семьей пана У., отличающейся патриотизмом, была прибежищем для большого числа эмигрантов и эмигрантов, которые съезжались сюда для взаимных согласований общественных вопросов, а также по личным делам во Львове.

С неудовольствием смотрели власти на эти съезды, направляли даже своих агентов для слежки за нашими действиями. Но это не пугало семью У., так как были они людьми хорошими, человечными, доброжелательными и гостеприимными, и эти принципы не позволяли им думать о себе. Пан У. был казначеем нашего союза, он умер впоследствии во Львовской тюрьме.

Я прибыл сюда, чтобы получить известия о С. Лакеи, привычные к приезжающим и отъезжающим, обычно не докладывали о нас. Поэтому я, войдя прямо в комнату эмигрантов, спросил у знакомых, здесь ли хозяин дома, а когда того не оказалось, подался в другую комнату. Увидел там сидящих на софе трех дам и, намереваясь представиться, спросил

о хозяйке дома. Самая молодая и красивая из них, привстав, легким наклоном головы дала мне понять, что хозяйка — она. Я назвал не настоящую, а взятую мной фамилию — «Серачек», и вернулся к своим знакомым.

После обеда хозяйка дома, видя меня сидящим в стороне в глубокой задумчивости, подошла со словами:

— По-видимому, приятные воспоминания об оставленных во Франции красавицах не позволяют вам включиться в беседу друзей?

— О нет, — вынимая изо рта сигару, ответил я, — задумался я о С. Что же касается упомянутых вами красавиц, то достаточно взглянуть на вас, чтобы всех забыть.

Под вечер я уехал из Ляшек.

Так ездил я в течение месяца по разным домам в поисках знакомых или по их вызову. Ближе к осени приехал я сюда снова и нашел здесь двух знакомых мне товарищей, с которыми направился в отдельную, исключительно для эмигрантов предназначенную комнату. Здесь после длительной беседы, планов и мечтаний мы наконец уснули.

Я первым проснулся от лая собак и ржания лошадей. Взглянул в одно окно, другое, третье. Увы! Дом был окружен австрийскими пехотинцами и кавалеристами. Встревоженный, разбудил я товарищей. Начался большой переполох, но при соблюдении тишины. После короткого совещания мы пришли к выводу, что безоружным через окружение не прорваться, следовательно, мы пропали!

Разбуженная наружным шумом хозяйка появилась в дверях нашей комнаты второпях неглиже. Узнав, в чем дело, приказала она лакею не отзываться на крики и не открывать, пока сама не разрешит. Нас же троих позвала она в свою комнату.

В комнате этой, кроме двух составленных рядом супружеских кроватей, не было ничего, где бы мы могли спрятаться. Встревоженная хозяйка, пани Тэкля, подняла матрацы на своей постели и жестом указала мне там лечь. Меня, растянувшегося на досках, накрыли матрацами, а на них, ук-

рывшись одеялом, легла хозяйка. Панна Анеля, сестра ее мужа, сделала то же самое с паном Тальвеном; третий, пан Гайкевич, спрятался под кровать. Хозяина дома не было. Все произошло в одну минуту и без малейшего шума. По требованию окруживших дом и с разрешения хозяйки лакей Л., изображая только что проснувшегося, открыл комнаты.

Как я уже говорил, дом был разделен на две части, и комнаты семейства П. были уже проверены. Вошедшие поставили у каждой двери наблюдателей, остальные обошли все комнаты, подвалы и чердаки и, не найдя ни малейших следов, приступили к спальне, где наши добрые соотечественницы, жертвуя собой, нас укрывали.

Комиссар потребовал, чтобы и хозяйка и сестра встали и дали возможность проверить кровати.

Представьте себе, дорогие мои уважаемые читатели, наше положение! Нас пятеро на крошечном пространстве. Мысли мелькали в голове с быстротой молнии, я предвидел самый трагичный конец. Слабые женщины рассчитывают на слезы и золото, мы же — на кровавую схватку. И я, по натуре быстрый и нетерпеливый, чтобы избавить почтенных хозяйку и ее сестру от постыдной необходимости подыматься с постели при посторонних, пошевелился, намереваясь выскочить, но пани Тэкля, ощутив под собой проявления моего нетерпения, прижала меня крепче и, обратившись к комиссару, произнесла:

— Хотя от вас, господа, всего можно ожидать, однако я никогда не предполагала, что вы можете зайти так далеко, чтобы не уважать такую святыню, как спальня женщин. Уйдите, господа, отсюда, потому что при вас мы не двинемся с места.

— *Ne pas vous fâchez Madame! La colère fait mal **, — с ироничной усмешкой сказал комиссар и вместе с остальными вышел из комнаты.

* Не сердитесь, мадам! Гнев причиняет боль (*франц.*). (*Пер. публикатора*).

Подняться с постелей, закрыть на задвижку дверь за вышедшими и освободить нас было делом одной минуты. Не замеченный нами в суматохе пан Г. прошел на цыпочках в гостиную и, подняв на софе матрац, лег на нее, этим же матрацем укрывшись.

Прямо к спальне примыкала небольшая пристройка, в ней под самым потолком было маленькое окошко, на которое пани Тэкля показала нам пальцем. Поскольку там не было никаких приспособлений и мы не могли вскарабкаться на это окошко, а время торопило, то наша героиня подхватила меня, затем пана Г. за ноги и, подсаживая вверх, помогла нам перебраться через окно в сени, которые относились к другой половине дома. И... о удивительная и непостижимая природа человеческая! Нежными и лишь для ласк созданными ручками схватила она громадный тут же стоявший шкаф и с огромной силой придвинула к окошку. Панна Анеля тем временем приводила в порядок постели.

Если бы эти дамы никого не прятали, то несомненно задержали бы ночных гостей на пару часов и постарались бы принять нахалов в освещенном будуаре, в приятном неглиже. Но, будучи виновными, они не только вовсе не думали о себе, но в спешке даже не заметили, куда подевался пан Г. С колотящимся сердцем, опасаясь дальнейшей задержкой вызвать подозрение, наскоро прикрывшись халатиками, впустили они посетителей.

Комиссар с офицерами, тщательно переворошив постели, осмотрев полы, стены, печь и остальные вещи, подался в упомянутую пристройку, открыл шкаф, но не нашел в нем ничего, кроме платьев. А так как окошко было за шкафом, то ничего и не заподозрил. Возвращаясь оттуда, он зашел в гостиную, и, к несчастью, первым там предметом, пригодным для укрытия человека, была злополучная софа. Извлекли из нее пана Г., и довольный комиссар повез его с собой во Львов.

Наши съезды и посещения домов местных жителей привели к тому, что дома эти и их владельцы были так ском-

прометированы в глазах властей, что на каждом шагу и в любое время, даже ночью, и дома, и их хозяев могли подвергнуть проверке. Поэтому мы были вынуждены разъехаться из-под Львова в разные стороны. На совещании было постановлено определить главным пунктом моего пребывания Галицийское Подолье, обязав вести пропаганду основ Общества друзей народа ¹³ среди черновицкой молодежи на Буковине.

II

В рождественский сочельник 1834 года в усадьбе деревни Сидорово на Галицийском Подолье приятная и подвижная старушка хлопотала в комнатах, отдавала распоряжения и следила, чтобы все было приготовлено для ожидаемых гостей.

За столом на придвинутом к нему диване сидел по-польски одетый серьезный высокого роста мужчина лет около 70. Он задумался над разложенными на столе картами, а лицо его выражало беспокойство.

— Плохо, хозяйюшка,— обратился он наконец к жене,— несомненно, какое-то несчастье с ними случилось.

С этими словами взглянул он на стоящие на камине часы. Была уже половина пятого вечера.

— Скоро пять,— продолжал он,— слыханное ли дело до сей поры не приехать! Знают ведь, что кроме нынешнего праздника еще и мои именины. Значит, должны были приехать еще вчера, чтобы по обычаю, прадедами нашими заведенному, сегодня утром родителей, а особенно меня, именинника, еще в постели поздравить. Но сейчас в мире все по-новому... странные какие-то обычаи...

И старик, надув губы и бормоча себе под нос, проявлял признаки недовольства.

— Перестань, отец, плохо судить о прекраснейших детях наших! Разве ты, дорогой мой, не знаешь, что у дороги свои

законы и ничего в ней точно рассчитать нельзя... Впрочем, мое материнское сердце не предчувствует никакой беды с ними, а зная их привязанность к нам, я уверена, что они приедут, — сказала добрая старушка и, привыкшая к ворчанию мужа, вернулась к своему занятию.

В отдельной комнате на красиво убранной кровати лежала, прикрывшись легким халатиком, с подвязанной щекой семнадцатилетняя девушка. Осторожно, на цыпочках приблизившись к ней, пани К. спросила:

— Ну как, Альбинка, не легче тебе?

— Нет, милая бабушка, — постанывая, отвечала девушка, — зубная боль не проходит. Но надеюсь, что пройдет.

И бабушка, опасаясь пустым разговором разбередить боль, поправила на ней халатик и, поцеловав в лоб, удалилась.

Альбина была дочерью жителя Галиции Мачея Прусс-Висьнёвского, проживающего в пяти милях отсюда. В пятилетнем возрасте лишилась она матери, умершей от чахотки. Сироту вместе с младшей на три года сестрой Винцентой отдали в пансион во Львов. А брат их, Антони, находился в интернате.

Отец этих троих детей жил в деревне Зеленые Панёвицы, в имении, которое жена его Тэрэса, из рода Шавловских, мать троих сирот, им оставила. Он одновременно являлся опекуном этого имения и, согласно законам страны, представлял в суд отчеты о доходах.

На пятнадцатом году жизни Альбина закончила обучение в пансионе и, оставив там свою сестру, возвратилась домой.

Юная пансионерка вовсе не была так прекрасна, как обычно представляют своих героинь авторы повестей и романов, не было у нее ни очарования Венеры, ни форм Дианы, не было ни жемчужных зубов, ни коралловых губ, ни лебединой шеи, ни волос цвета воронова крыла. Все у нее было свое собственное, и знала она, что ни Диана, ни лебеди, ни Венера, ни вóрон не потребуют своего и не лишат ее естественной прелести.

С детских лет она отличалась необыкновенной добротой и чувствительным сердцем; самым большим счастьем для нее было разыскивать бедных и помогать им. Свои доходы направляла она на поддержку нуждающимся, к нарядам и украшениям была равнодушна, словом, была щедрой для всех, нисколько не заботясь о себе.

Почти с младенческого возраста была у нее особая склонность к одиночеству и учению. И, убедившись, что всем стремлениям человеческим нет предела, решила она тихо и скромно трудиться, быть безразличной к людским суждениям, словом, приняла за правило полагаться во всем на собственные убеждения, не обращая внимания на нелепое и лицемерное мнение общества, склонного к поверхностным оценкам. Поэтому-то она, такая молодая, уже с раннего возраста обладала волей, противостоять которой не мог никто и никогда.

С таким характером, с необычными чертами лица, с отсутствием столь присущей иным женщинам манеры намеренно привлекать к себе интерес окружающих, с меланхоличным и выражающим страдание взглядом, она казалась до такой степени серьезной, что всем, кто видел ее впервые, невольно внушала уважение.

С домом, где сейчас лежала она, мучимая зубной болью, не была связана никакими кровными узами и лишь как знакомая и соседка оказалась у известной уже нам старушки пани К., которая, несмотря на свои годы, особенно любила общество Альбины, глубоко и серьезно рассуждавшей о каждом предмете.

Гости, ближние соседи, уже начали съезжаться к сочельнику, уже были освещены комнаты и сено, разложенное на столе, покрыто белой скатертью, когда звук колокольчиков и хлопанье бича известили о вновь прибывших. Именинник поспешно вышел на крыльцо и облегченно вздохнул, увидев выходящих из трех повозок своих детей, знакомых уже нам по Каменным Ляшкам. Обрадованный хозяин повел их в

комнаты, где начались трогательные приветствия и торжественные поздравления.

С господами У. приехал и я, и они представили меня своим родителям. Весть о моем необычайном спасении во время той ночной проверки в Ляшках еще ранее дошла сюда, по этому поводу начались разные вопросы, замечания, объяснения, выводы, и все развлекались общим разговором.

Страдающая от зубной боли, Альбина лежала в своей комнате, не принимая никакого участия ни в общей беседе, ни в празднике. Знакомые из числа гостей заходили к ней по одному, спрашивали о здоровье, и каждый советовал свое лекарство от зубной боли, расхваливая его. А она, это страдающее создание, молча удивляясь людям, так высоко мнящим о своих познаниях в медицине, вынуждена была отвечать и выслушивать длинный и каждый раз иной перечень средств для лечения зубов, в то время как это не только не успокаивало, а, наоборот, растравляло боль. Чтобы избавиться наконец от навязчивых посетителей, приказала она вынести свечи в другую комнату.

Я, ни о чем этом не зная, вошел в эту комнату и, услышав стоны, спросил:

— Кто здесь?

«Опять», — подумала больная и ничего не ответила.

— Кто здесь стонет? Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Нет, большое спасибо, — послышался сухой ответ. Разумеется, я вышел.

«О Боже, что это за голос? — подумала больная. — Столько лиц, знакомых и незнакомых, расспрашивали меня и разговаривали со мной, и ни один не произвел такого удивительного впечатления!»

Этот голос (как сама она мне потом призналась) отозвался в ее сердце и потряс ее до глубины души.

На следующий день после богослужения все общество собралось в гостиной. Пришла и страдавшая вчера Альбина. В своей любимой черной одежде, высокого роста, со стройной

фигурой, полной достоинства поступью, с лицом необыкновенной белизны, большими голубыми глазами, черными волосами, падающими на белую шею свободными локонами, была она так привлекательна, что все мы невольно остановили на ней свои взгляды. Знакомые ее окружили, поздравляли с выздоровлением, она поблагодарила наклоном головы и села среди женщин.

Долго присматривался я к ней и молчал. Наконец, беседа, прерванная ее появлением, возобновилась. Я в этот день был очень весел, шутил, придумывал забавные истории, рассказывал о разных происшествиях, приключившихся по пути из Франции. Дамы с интересом и веселым настроением слушали. Одна лишь Альбина, посматривая на меня украдкой, сидела в глубокой задумчивости, а посреди самого интересного моего рассказа со слезами на глазах покинула общество. Когда она уходила, я, заметив слезы в ее глазах, пришел в полное замешательство. Почувствовал я, что кровь бросилась мне в голову, а сердце начало колотиться, и умолк.

— В чем дело? Заканчивайте! — дружно воскликнули слушавшие меня дамы.

— Не могу, простите... — помолчав, ответил я. И, несмотря на усиленные просьбы и попытки задержать меня, отошел от своих слушательниц и присоединился к мужчинам.

Женщины начали перешептываться, а я подумал: «Везде, где я бывал, мое общество женщины любили, она одна только со мной как каменная». Действительно, мне было тогда 24 года, всегда я был желанным в кругу прекрасного пола и гордился его вниманием. Не будучи подготовлен к тому, как повела себя панна Висьнёвская, я очень оробел, все это ужасно на меня действовало.

В течение нескольких дней пребывания здесь гостей не раз подходил я к постоянно грустной и задумчивой Альбине. Пытался завязать разговор, но она отвечала мне постоянно сухо, холодно и лаконично и явно старалась избегать

меня. Хотя и больно мне это было, но не оттолкнуло меня от нее, и я предоставил все времени.

Почему же она так меня избегала? Так вот, впечатлительная и чрезвычайно экзальтированная Альбина, узнав по секрету от знакомых о той роли, что я взял на себя, о грозящих мне опасностях, необходимости скрываться и что жизни моей явно угрожает опасность, сравнивала мое положение со своим сиротством, представляла себе меня чужим среди своих, без опеки и подлинной заботы, раненым, арестованным, убитым, словом, покинутым всеми, и если впервые услышав мой голос, вся задрожала, то история моей жизни растрогала ее окончательно. Молодая и пылкая ее головка со страхом замечала, что чувство это было не обычной симпатией, чувствительностью и заботливостью, но чем-то более опасным, что это именно то, что у девушек ее возраста заставляет сильнее биться сердце, что это любовь, действие которой ощутила она впервые в жизни.

«Что же это будет? — ломая руки, в одиночестве говорила она сама с собой. — Неужели я должна быть помехой в его славных делах? И если я ему не безразлична, то неужели ему отречься ради меня, слабой и незаметной женщины, от такой возвышенной цели, ради достижения которой рискует всем? Нет! Буду избегать его, пусть ничего не знает, ни о чем не догадывается!»

И бедная сиротка сама себя обманывала. Ей казалось, что она меня избегает, а сама с нежностью и удовольствием украдкой на меня поглядывала, иногда даже через двери или стену прислушивалась к моему голосу.

Однажды вечером, когда гости разъехались, увидел я в зеркале, что в дальней комнате спиной к двери сидит, опустив над столом голову, Альбина. Тихонько подошел я к ней и, увидев в ее руках книгу, с деланным удивлением воскликнул:

— О, так пани умеет читать! — и, увидев на странице слово «жди», стал толковать происхождение этого выражения.

С важностью учителя я объяснял ей, что слово это второго лица единственного числа повелительного наклонения происходит от слова «ждать», что в будущем времени будет «буду ждать».

— А в женском роде как будет первое лицо единственного числа? — спросил я ее.

Этот оригинальный способ развлекать женщин рассмешил Альбину, и, желая поддержать шутку, она ответила:

— Буду ждать.

— Хорошо! А слово «любить» как будет в первом лице единственного числа настоящего времени?

— Люблю!

— А женского рода?

— То же самое!

— Как это — то же самое? Ах да, действительно, я ошибся! Ну, хорошо. А в будущем времени?

— Буду любить! — произнесла она, и только тут заметив, что сказала, покраснела до ушей.

— Прекрасно! — воскликнул я. — Итак, повторим, — и, не дождавшись ее ответа, повторил сам: — Люблю, буду любить и буду ждать. Превосходно! На этот раз урок окончен.

И, взяв руку моей ученицы, с чувством ее поцеловал. Эта невинная шутка позже дорого нам обошлась.

Я был обязан несколько дней пробыть в Сидорове. Из моих разговоров с паном К., хозяином дома, Альбина поняла, что мне необходимо находиться ближе к Черновцам, подыскать себе постоянное и безопасное жилье, откуда можно было бы выезжать и действовать, как потребуются.

Неизвестно, было ли это уже проявлением любви с ее стороны или лишь обычной заботы о моей безопасности, скорее всего, и то и другое, во всяком случае, Альбина, увидев подходящий момент, начала со мной разговор.

— Мой отец, — произнесла она серьезно, — живет в Панёвицах, пункт этот, правда, находится не совсем рядом с Черновцами, однако более безопасного места в округе пан не

найдет, поскольку отец как человек пожилой ни во что не вмешивается, и ваше пребывание там будет спокойным уже потому, что дом наш находится вне всякого подозрения у австрийских властей. Если общество моего брата, который там живет, будет вам приятно, то от его имени приглашаю и определяю убежище, на которое пан получил священное право.

Подобные приглашения от жителей Галиции не были для нас редкостью, поэтому, с нежностью взглянув на панну Висьнёвскую и целуя ей руку, я ответил:

— Хорошо, мой ангел-хранитель!

Моя панна залилась краской и вышла из комнаты.

«Ангел! — тихо повторила она про себя.— Странный какой-то и слишком уж смелый человек. Не знаю, с чего он взял право на такую фамильярность со мной?.. Неслыханно! Кажется, неплохо воспитан, а такой странный... Не дала ли я сама ему повод для такого отношения? Но нет! Он такой со всеми. Надо, по-видимому, быть с ним осторожнее... Он либо слишком самоуверен, либо испорчен женщинами... Нет, никогда больше не заговорю с ним, разве только буду отвечать... Ангел!.. хм... ангел!.. Однако же это слово так приятно звучало в его устах, так мило было произнесено и такое хорошее оставило впечатление!»

Так размышляя и рассуждая сама с собой, спросила она меня из другой комнаты:

— А скоро ли пан Серачек отсюда уедет?

— Что это за новости,— подходя к ней, произнес я шутивым тоном, — пани допускает сразу две оплошности, первая — выпроваживает гостя из чужого дома, вторая — приглашает молодого человека к себе, давая повод предположить, что его любит.

Пристыженная и вся покрасневшая, Альбина выбежала в другую комнату и, сев там, воскликнула:

— Великий Боже, что же это со мной делается?.. Сколько живу, не слыхала ничего подобного!.. Что он теперь обо мне подумает?! И ведь поклялась себе, что к нему не обращусь,

а тут вдруг какой-то злой дух подтолкнул, чтобы новое оскорбление услышать!

И от таких мыслей начала плакать.

Почувствовав, какой оборот приняла моя невинная шутка, я пошел за ней и, увидев плачущей, опустился перед ней на колени и с болью в сердце, взяв за руку, воскликнул:

— Бога ради, не плачьте! Бог свидетель, не хотел я вас ничем оскорбить!.. С той минуты, как вас в первый раз увидел, хожу как помешанный. Ничего, кроме вас, не вижу! Забываю о миссии, ради которой прибыл из Франции, чувствую, что вас, пани, впервые в жизни по-настоящему и страстно полюбил!.. Из-за всего этого в отношении к вам я иногда выходил за рамки пустого общепринятого этикета!.. Ну же, перестаньте, умоляю, не плачьте!

Альбина от слов этих вся вздрогнула, видно было, что ждала их. Радовалась и страшилась подобного признания и, не вынимая своей руки из моей, произнесла:

— Я хотела с предстоящей okazji уведомить брата, чтобы он предупредил отца о вашем приезде, ибо наши домашние отношения требуют такой осторожности, а вы это, к сожалению, так плохо истолковали!

— Хватит, хватит! Перестаньте и не оправдывайтесь! — все еще стоя на коленях, повторял я. — От пани Марии Л., которая была здесь, знаю все подробности вашей ангельской жизни. Знаю о высоком патриотизме! Знаю также и о том, как с горькими слезами отправляли втайне от отца своего брата в наше войско, так мог ли я, зная все это, оскорблять человека, достойного уважения и обожания!

— Встаньте же, прошу вас!

— Нет, не встану! И благословляю эту минуту, которую всю свою жизнь помнить буду! Вы, пани, еще не знаете моего характера, я по натуре быстрый, предприимчивый и решительный. Так вот, я не уеду отсюда, пока вы не решите мою судьбу!.. Богом клянусь, ни одна женщина еще не видела меня перед собою на коленях. Повторяю, с момента, когда вас

увидел, я полюбил первой, чистой и настоящей любовью. Так вот, прошу, когда все успокоится и я останусь жив, дайте мне право попросить вашей руки! Скажите мне также, дорогая пани, не испытываете ли ко мне отвращения и сможете ли когда-нибудь полюбить? Отвечайте, время дорого! В любой момент могут окружить усадьбу и потащить меня в тюрьму!

— О Боже, какими ужасными предсказаниями раните вы мое сердце! — воскликнула она, плача.

— Так отвечайте же, уже слышен топот коней!

— Люблю! — произнесла она, рыдая.

— А во времени будущем как? — спросил я игриво.

— Буду любить, — ответила она, плача и смеясь одновременно. — И буду ждать, — прыснув от смеха, закончила Альбина.

— Превосходно! — я встал и поцеловал ей руку. — Грамматический разбор прошел неплохо.

С этой минуты сердца наши принадлежали друг другу. Так вот под напором штыков, конского топота и ржания галопирует и любовь.

Несколько дней спустя приехал я в Панёвицы. Знакомство мое с Антони, братом Альбины, прошло без особых церемоний. Оба мы были молоды, товарищи по оружию; представились друг другу, пожали руки и стали жить как старые знакомые.

Отец Антони, семидесятилетний старик, познакомился со мной и с иронией назвал Вильгельмом Теллем¹⁴. По случаю совершеннолетия сына передал он ему управление имением, обязав содержать сестер и выплачивать принадлежащую им часть доходов.

Антони ничего еще не знал о моих отношениях с его сестрой. В письме к нему Альбина писала только, что надо дать убежище преследуемому. Но когда она сама через пару дней после меня сюда приехала и начала с материнской заботливостью хлопотать о моей безопасности, следить за удобствами, заботиться о здоровье, терять аппетит и грустить во

время моего отсутствия и, наоборот, сиять от счастья, когда я возвращался, он понял все и ничего не имел против.

После того как эмиссары разъехались из-под Львова, правительство разослало по всей Галиции своих комиссаров для розыска нас по домам местных жителей. Уполномоченным и отставным солдатам были назначены за это денежные премии, так как им, живущим в селах, проще всего было выследить находящегося в усадьбе чужака. Из-за этого и мои выезды на связь не раз оказывались безрезультатными, приходилось избегать личной опасности и особенно компрометации других.

Однажды даже поехал я в Черновцы, но из-за приезда туда советника Кратера¹⁵ против нас предприняли новые предосторожности. И когда я возвращался из Черновцов, часовые, поставленные на реке для охраны коммуникации с Буковиной, едва-едва меня не схватили. Поэтому я вынужден был в бездействии скрываться дома.

При самой большой осторожности невозможно сохранить в тайне то, в чем непременно должны участвовать несколько лиц. Так и о моем пребывании здесь знали домашние и постепенно узнала вся деревня. Приехавший из Львова комиссар, поселившийся в деревне Кудрыницы в полумиле отсюда, уже намекал, что знает о моем укрытии в Панёвицах. Несколько раз даже высылал ночью свои отряды, однако моя осторожность сводила на нет их усилия: я постоянно менял места ночлега, чтобы, будучи раз выслеженным, не попасться вторично в этой же берлоге; поэтому ночевал я в конюшнях, коровниках, на токах, в оранжереях, на огородах, а случалось и в хлевах.

Я был готов разделить участь моих товарищей, которые, выловленные почти до одного, заполняли все тюрьмы, и поэтому на ночлеге всегда был вооружен, чтобы моя поимка дорого обошлась. Кровь моя кипела при мысли о том, что не преступник я и не волк, а охотятся за мной и подстерегают, как волка, что задрал корову.

Однажды даже я, как шпион, под видом осведомителя написал записку комиссару и отправился ночью к нему. «Я должен открыть пану очень важное дело,— писал я,— жду вас в месте, которое укажет податель сего. Не могу явиться лично, чтобы не узнали меня ваши домашние и мой хозяин не лишил меня работы».

Я спрятал оружие за деревом, вызвал из соседней избы мальчика, дал ему эту записку и несколько крейцеров и, показав на освещенные окна в доме комиссара, приказал к нему идти, а сам с пистолетом со взведенными курками остался ждать.

Признаюсь, что уже в то время я был убежден, что нападение на безоружного — недостойный поступок, теперь же считаю его подлым преступлением. Но до чего же юношеский пыл и любовь к родине не доведут, если нет иных средств?! Дайте мне войско, и не буду я искать обманных путей, которые у политиков благопристойно зовутся стратегией, так я размышлял.

Но, благодарение Провидению! — преступление это не отягчило мою совесть: осторожный и опытный лис хоть и пошел за мальчиком, но в сопровождении солдат, и я, изда- лека увидев их, поспешил домой.

Легко можно себе представить жалкое и плачевное состояние Альбины. Любила она меня горячо, первой девичьей любовью; кроме того, молодая, с головой, до экзальтации полной чувства патриотизма, видела она во мне предмет своих давних мечтаний, героя с мечом в руке, ангела мщения, идеал божества, наконец. Поэтому-то не знала она ни минуты покоя. Ночной порой при малейшем движении в доме, при лае собак и топоте коней срывалась, будто потеряв рассудок, с постели и прислушивалась, а уловив тревожный звук, который нередко создавало ее возбужденное воображение, выбегала во двор и оглядывалась вокруг, затаив дыхание, чтобы лучше слышать. Счастлива была, если опасения оказывались напрасными, если же лай собак не прекращался,

движение усиливалось и мелькали штыки, тогда она, не зная, в какой стороне мой ночлег, металась как безумная, чтобы защитить меня или вместе погибнуть, и, выбившись из сил, там же во дворе падала, вознося руки к Богу и моля его о моем спасении.

Домашние ее там находили, относили в постель, и тут только она, ничего не зная, но улавливая переполох, отправляла во двор свою поверенную горничную Магдусю и, не дождавшись ее возвращения, снова выбегала сама.

Разумеется, я на следующий день узнавал обо всем, и хоть появлением своим заживлял ее сердечные раны, однако в следующую ночь она поступала так же.

«Боже,— не раз говорил я себе,— создал Ты это несчастное существо и будто умышленно наделил возвышенным умом и чувствительным сердцем, чтобы мучить ее немилосердно и с удовлетворением смотреть на свою жертву! Радуйся, радуйся! Знаем, что Ты сильный, никто не помышляет с Тобой бороться!»

Кошунствуя так, заклинал я ее не беспокоиться обо мне.

— Не могу позволить себе быть причиной таких страданий, слез и беспокойства,— говорил я ей.— Известно вам, дорогой мой ангел, как я скор и нетерпелив. Чтобы раз и навсегда положить конец этим постоянно повторяющимся сценам, сам добровольно сдамся преследователям или уеду в другие места, чтобы избавить вас от этих адских мук.

— Останьтесь! — рыдая, отвечала обычно Альбина.— Богом молю, не мучайте меня такими угрозами... Неужели вы думаете, что отъезд ваш вернет мне покой? О, как же плохо знаете это бедное, вам только принадлежащее сердце. Я действительно страдаю, но один ваш взгляд возвращает мне спокойствие, осушает слезы, и я уже счастлива, забываю обо всем. И хоть снова буду умирать от беспокойства, но страдание это для меня в радость, потому что оно ради вас, и я снова вас увижу! А если уедете и, не приведя Господь, попадете в руки врагов, тогда я безутешно буду влачить эту

полосу несчастий всю свою жалкую жизнь, сладости которой от самой колыбели еще не узнала. Понимаете ли это, дорогой мой, ведь я только теперь начинаю жить? Прежняя моя жизнь ничем меня не привлекала, а сейчас, несмотря на страдания, я наслаждаюсь ею! Так что не надо, умоляю, пугать, мучить меня. Может, думаете, что как вы, мужчины, потеряв трубку, легавого или коня, легко утешаетесь, так и я утешусь? О, не знаете вы моего сердца! Оно бы с радостью приняло все кинжалы, только бы у вас волос с головы не упал. Я сама вижу, что здесь небезопасно, но чувствую, что в случае несчастья мои мольбы, слезы, отчаяние, бешенство, золото, наконец, вызволят вас из вражеских когтей. В противном случае погибнем вместе, и я не буду упрекать себя!

Что же было делать? Итак, увидев такую сильную привязанность и такую яркую любовь, я, встречавший многих красавиц, оценил ее сердце, привязался к ней душой и телом и влюбился в нее до безумия.

В Панёвицы приехала из Каменец-Подольского молодая, грациозная и хорошенькая вдовушка. Она состояла в родстве с Висьнёвскими и осталась у них на некоторое время. Признаюсь, что в иных обстоятельствах пани Людмила была бы весьма опасной соперницей для Альбины, но теперь я смотрел на нее другими глазами.

В летнюю пору в три часа пополудни сидел я на диване возле Альбины, которая держала в руках какое-то рукоделие. Людмила у раскрытого в сад окна вышивала на пальцах, Антони что-то писал в соседней комнате. Каштановый с белой грудью легавый прыгнул на диван и сел между мной и Альбиной.

— Что ты нас постоянно разъединяешь, Юнкер? — спросил я, глядя его по голове. — Хочешь предсказать...

— А знаешь ли ты, Винценты, почему его зовут Юнкер? — перебил меня Антони.

— Не знаю.

— Так вот, знай, что он из Московии, и неизвестно зачем захотелось ему посетить Галицию. Я как раз был в это время у границы, когда он преодолевал реку Збруч. Пограничники, слепо повинуясь приказу стрелять по перебежчикам, начали в него палить. А он, неустрашимый и невредимый, переплыл на нашу сторону. Взял я его к себе и за боевые заслуги присвоил звание юнкера ¹⁶.

Едва Антони закончил свой рассказ, как дверь внезапно распахнулась и вбежавший запыхавшийся работник крикнул:

— Пан, солдаты идут!

Я, услышав это, перепрыгнул через Людмиллю и выскочил через окно в сад. Альбина упала на пол, Антони вышел встречать гостей, вдова бросилась на помощь сироте, а Юнкер начал немилосердно лаять.

Вскоре вошли в эту комнату вместе с Антони циркулярный комиссар барон Т. из Злочева ¹⁷, офицер отдела и канцелярский писарь. Солдаты встали у дверей и окон, часть их разошлась по саду.

Барон, потомок пришедшего в упадок некогда аристократического австрийского рода, считал унижительным для себя, как он выражался, лазить по чердакам, подвалам и преследовать невинные жертвы, которые ничего плохого ему не сделали. Поэтому, осмотрев для проформы комнату, он уселся на диване, а поскольку любил Мицкевича, то в ожидании кофе слушал отрывки, которые читал ему Антони: «Если б я был австрияком, пруссаком, чиновником царским...» ¹⁸ и так далее.

Альбина, придя в сознание, в отчаянии бродила с пачкой банкнот вместе с солдатами по саду, то есть по клумбам, кустам и аллеям, чтобы выкупить, если кто-то из них меня найдет.

Визит барона длился два часа, после чего вся комиссия из деревни удалилась. Теперь только, убедившись, что в саду не осталось ни одного солдата, начали тщательно меня ра-

зыскивать. Антони, Альбина, Людмила и слуги разбрелись по саду. Даже окликали меня громко, но все напрасно. Вся в отчаянии, Альбина пошла в деревню и по дороге, где проходил отряд, спрашивала каждого, не видел ли, как вел или вез комиссар кого-нибудь чужого. Разные люди разные давали ответы. Лишь один крестьянин уверял ее, что какой-то молодой и грустный мужчина сидел в бричке вместе с комиссаром и офицером, свесив голову.

Для несчастной Альбины это известие было страшнее удара грома. С помутившимся сознанием, обезумевшая, побежала она к дому и, вбегая на двор, закричала слуге:

— Коней, коней запрягайте!..

И, бросившись в спальню, упала на колени перед иконой Матери Спасителя и, неудержимо рыдая, воскликнула:

— Богородица, Мать Пресвятая! Болью сердца Твоего над Сыном Твоим распятым, умоляю Тебя, спаси несчастного!

Тут послышалось, как слегка зашевелился экран, закрывающий камин, и, оглянувшись, Альбина... увидела перед собой меня.

— Боже великий! Что это? Что со мной происходит! — вскричала она, бросаясь мне на шею и от радости в первый раз меня целуя.

Давно уже жаждал я подобного случая, чтобы прижать ее к сердцу за много раз проявленную привязанность ко мне. Но ее отношение ко мне, несмотря на то что привязанность свою она не скрывала, было таким далеким от этого и серьезным, а я, хоть смелый от природы с другими, так ее любил, что сама любовь, с обычно сопутствующим ей уважением, не допускала ничего оскорбительного. Однако в эту минуту я расплакался от радости и, так же как она, бросившись ей на шею и в первый раз целуя, прижал ее к груди.

О божественная и невинная любовь! Сладчайший первый поцелуй, кто не познавал тебя? Кто тебя не помнит! Чувства наши слились воедино, и мы, предвкушая будущее

счастье, узнали такие блаженные мгновения, какие достаются только душам избранным. Но не прошло и полминуты, как Альбина, опомнившись, отстранилась от меня и, приняв свой обычный серьезный вид, холодно спросила:

— Каким же чудом пан здесь оказался?

— Очень просто, выпрыгнув из окна, я увидел, что в калитку уже входят солдаты. Не оставалось мне иного, как только впрыгнуть в раскрытое окно этой комнаты. Здесь, у камина, заслоненного экраном, простоял я несколько часов. Тишину в доме не знал как объяснить. Никто сюда не заходил, я не знал, уехала ли комиссия, и боялся выйти отсюда. Правда, это место не самое безопасное, но я благословляю Провидение, подавшее мне эту мысль, в противном случае в саду могли бы меня схватить.

А что до грустного мужчины, описанного Альбине крестьянином, то это был писарь, которого тот прежде не заметил.

III

Семейные дела Висьнёвских требовали, чтобы Антони, брат Альбины, поехал в Королевство Польское для встречи со своим дядей, Миколаем Шавловским, плац-майором города Пултуска¹⁹.

У Антони была расписка дяди за несколько десятков тысяч злотых, которые тот одолжил у своей сестры, матери Висьнёвских. Во избежание пустой переписки с дядей брат Альбины обратился к властям с просьбой о паспорте и с началом весны собирался выехать в Пултуск.

Осень и зиму мы пережили без каких-либо достойных описания событий, поскольку австрийские власти прекратили поиски эмигрантов.

В середине февраля 1835 года получил я наконец первое известие от майора С. с инструкцией, предписывающей мне ехать в Королевство²⁰ в роли заговорщика. Почти одновременно с почты привезли Антони письмо от дяди, в котором

тот уверял, что помнит о долге, и жаловался, что тяжелые времена не позволяют ему рассчитаться с племянниками. Мы с Антони были одинакового роста, почти похожи чертами лица, и хоть я был на несколько лет старше, но ранняя растительность на лице брата Альбины и крепкое телосложение делали нас однолетками. Поэтому я собрался взять ненужный уже ему паспорт и, запасшись расписками и всеми юридическими документами, в роли племянника Шавловского решил ехать в Королевство Польское.

На семейном совете постановили, что одновременно со мной надо выехать из деревни и Антони, то есть я — в Королевство, а он под именем эмигранта должен скрываться в домах местных жителей на тот случай, если власти Королевства Польского, заподозрив меня, запросят Львов, действительно ли Антони Висьнёвский по паспорту выехал из своего имения, и тогда домашние, сельские жители и уполномоченный подтвердят, что это именно так.

Все уже было подготовлено, оставалось одно, но самое тяжелое — мучительные минуты прощания. Мы с Альбиной перед лицом Бога тысячи раз клялись, что только друг другу принадлежать будем; я все время ее, отчаивающуюся, успокаивал, что, имея паспорт, благополучно выполню свою миссию, увидаюсь со своими родителями и, получив их благословение, возвращусь, мы обвенчаемся и уедем во Францию.

Альбина же, моя навеки дорогая Альбина, несмотря на самые мрачные предчувствия и пламенную любовь ко мне, предпочитала мою гибель отступлению от святого дела, когда я, имея возможности, не выполнил бы своего долга. Поэтому она, вся в слезах, снабдила меня разными необходимыми в пути мелочами, дала бесчисленное количество инструкций, наказала часто ей писать, наконец, с материнской заботой, на которую способно лишь сердце любящей женщины, обмотав от холода шарфиками и в завершение перекрестив, проводила меня в дорогу в середине марта 1835 года.

При расставании двух любящих тому спокойнее, кто оставляет другого на месте. Разнообразие предметов, новые пейзажи отвлекают на время тревожное сердце и облегчают страдание. Но остаться и каждую минуту на каждом шагу встречать следы пребывания любимого человека — это ужасно! Несчастливая Альбина, любящая и патриотка одновременно, все это испытывала.

В небольшой запряженной тремя лошадьми бричке сидел я в задумчивости, с тяжелой тревогой на сердце. По глубокому песку лошади пошли тише, правил ими молодой, всего лишь 20 лет от роду, человек. Пользуясь медленной ездой, я повторял инструкции.

— Знаешь ли ты, Стефанэк, как теперь будешь меня называть? — спросил я.

— Знаю, — ответил тот.

— И не забудешь?

— Нет.

— Ну-ка, повтори.

— Так вот, вы называетесь Антони Висьнёвский, родом из Галиции из деревни Зеленые Панёвицы Чортковского округа, в школу ходили в Тарнополе, потом во Львове; мать ваша умерла, отец жив, две сестры — панна Альбина и панна Винцента — тоже живы, едете в Корону²¹, к дяде.

— Хорошо, хорошо, Стефанэк, вижу, что ты смысленный и память у тебя есть, все дело в том, не выдашь ли ты меня?

— Не выдам ли я вас? — почти со слезами, глядя мне в глаза, удивленно переспросил Стефанэк. — Вас, такого доброго, который о нас, бедных крестьянах, заботится и которого наша панна так любит! Как же я мог бы выдать? Боже меня сохрани! Рука моя писать не умеет, а если бы я мог предположить, что язык когда-нибудь что-то сболтнет, то ножом бы его отрезал. Не беспокойтесь. Если когда меня спросят, то я историю вашу расскажу и скажу, что вы — тот самый молодой барин.

(Слово свое он действительно сдержал и вернулся, не предав меня.)

— Спасибо, дорогой мой Стефанэк. Бог тебя вознаградит и панна Альбина, когда возвратишься.

— А вы разве не вернетесь? — спросил он, растроганный.

— О нет, Стефанэк, я... я... с тобой вместе возвращусь! — И, свесив голову на грудь, я глубоко задумался. Какие-то черные предчувствия охватили меня. Моя Альбина, дорогая, страдающая Альбина стояла у меня перед глазами! Виделась она мне плачущей, безутешной, страдающей и тихо, но тяжело умирающей...

Мысли эти сжимали мне сердце, и я, поручив ее Провидению Господню, залился горькими слезами.

Так, безутешный, после нескольких дней пути, переехал я Вислу и в Завихостье зарегистрировался в присутствии. Писарь, отметив в паспорте дату переезда границы, отдал мне его обратно.

В двух милях от Завихостья и в четверти мили от Сандожежа²² расположена деревня Речица Мокра. В этой деревне я родился, отсюда ходил в сандожежскую школу, затем — в келецкую. Отсюда ушел в бывшую польскую армию. 12 лет прошло с тех пор, как я покинул эти места. Поэтому я был почти уверен, что меня не узнают.

Подъезжая к Речице, испытывал я чувства, которые знакомы каждому, кто возвращается в родные края после долгого отсутствия. Все ближе те же поля, луга, деревья, камни у дороги, строения, мост через реку, наконец, дом, где я родился. Вид этих милых предметов напомнил мне детские годы, когда, не зная забот мирских, счастливый и спокойный, я бегал на свободе вместе с братьями; какая разница с днем сегодняшним! Мир огромен и обширен, а голову приклонить негде.

Удерживая слезы, чтобы себя не выдать, с бьющимся сердцем выскочил я из брички у крыльца дома. В сенях встретился мне какой-то человек, по одежде похожий на лакея.

— Дома ли господа Мигурские? — спросил я.

Лакей посмотрел на меня удивленно.

— Видимо, пан приехал издалека, если не знает, что господа Мигурские уже четыре года здесь не живут, — отвечал он мне.

— А где же они живут? Я из Галиции, и у меня к ним дело, — воскликнул я.

— В Сандомеже.

Не желая вдаваться с лакеем в подробности и догадавшись об остальном, вскочил я в бричку и поехал дальше.

Недалеко от Сандомежского собора в небольшом аккуратном каменном доме жил восьмидесятилетний старик. Седые длинные волосы его, спадающие на плечи, обрамляли лицо, изборожденное годами и страданиями. С прикрытыми глазами, сложенными на груди руками, сидел он неподвижно в своем кресле, и только тихо шевелящиеся в молитве губы показывали, что мысли его полностью посвящены вечности, в которую он вскоре отойдет.

На небольшом табурете возле пылающего в камине огня сидела женщина, моложе его на 16 лет. Черты ее лица, на которых также отразились и возраст, и страдания, сохранили, однако, следы былой красоты, а большие черные глаза в молодости могли покорить не одно сердце. Поглаживая устроившегося на ее коленях маленького шпица, не спускала она глаз с мужа, чтобы услужить ему, если чего-либо пожелает. В квартире, состоящей из пяти комнат, не было никого, кроме них двоих. Только массивная рукоятка, укрепленная на проволоке, указывала на то, что можно вызвать звонком кого-нибудь из слуг, которые проживали в другой половине дома.

Старички эти были мои родители. После нашего отъезда во Францию и замужества старшей дочери, моей сестры Непомуцены, они поселились недалеко от церкви. Так уж обычно бывает, что те, кому мирские дела уже не интересны, подаются ближе к Богу.

В таком вот состоянии были мои родители, когда я, оставив за забором бричку, осторожно и тихо, с бьющимся сердцем прошел через две комнаты и остановился на пороге третьей, где оба они сидели.

Мать увидела меня, встала и со слезами радости бросилась ко мне, чтобы обнять меня, но я уже лежал у ее ног. Как потом сама мне говорила, она еще не знала, который это из ее сыновей, но что это сын, была уверена.

Очнувшийся от шороха отец спросил:

— Что там такое?

— Сын, сын наш приехал, — наклонившись к нему, шептала мать.

— Сын! — радостно повторил просиявший старик. — Подойди, сын, благословлю тебя, пока жив.

И я, растроганный до слез, опустился перед ним на колени и торопливо принял благословение.

Читатель, вероятно, удивится, что я, выдавая себя за Висьнёвского, в такое опасное время затеял трогательную встречу с Мигурскими, но удивление пройдет, если вспомнить, что я прежде всего был человеком, и хоть намеревался представиться родителям как житель Галиции, но после двенадцатилетней разлуки с ними поддался чувству, свойственному молодому и не испорченному еще сердцу.

Как бы там ни было, благодарить надо Провидение, что никто из посторонних нас не увидел, иначе гибель была бы неизбежна. И когда прошли минуты первого волнения, я предупредил родителей, чтобы при посторонних обращались ко мне как к Висьнёвскому.

Час спустя в этой комнате произошла новая сцена. Рафалина, восемнадцатилетняя сестра моя, которую я любил больше всех, возвратилась из соседнего дома, где была с визитом.

На следующий день отец, усевшись в любимом своем кресле и по привычке прикрыв глаза, взяв меня за руку, воскликнул:

— Бедный мой Винценты, ты так молод, а уже столько перестрадал, страдаешь и еще будешь страдать! Прости, сын мой, это грустное предсказание, но я это чувствую и предвижу. В своем доме — чужой! Родители твои должны бы тебе душу отдать, а они отказывают в пристанище! ...О царь Николай, Господь когда-нибудь оттолкнет тебя от своего сердца, так, как ты вынуждаешь нас отрекаться от собственных детей! За то, что вынуждаешь нас насиловать самые священные законы природы, за это когда-нибудь ты жестоко ответишь! Могущество твое и власть здесь кончатся, и будешь ты вечно бродить, гонимый раскаянием и угрызениями совести, не находя убежища!..

— Аминь! — воскликнул я.

Мои уважаемые читатели, если б вы видели в те минуты моего отца, то удивились бы так же, как я. С поднятым вверх лицом, сверкающими глазами, будто читая будущее Николая, он имел вид какого-то неземного существа. Затем он прикрыл глаза и снова оцепенел.

На следующий день взял я чистый лист бумаги, тщательно проверил на свет, нет ли на нем водяных знаков или наименования фабрики и года, и, не найдя их, написал следующее:

«Я, ниже подписавшийся, взял в долг от ув. Антони Висьнёвского двести пятьдесят рейнских серебром²³, или в пересчете на деньги, имеющие хождение в Королевстве Польском, тысячу польских золотых, которые прошу родителей моих, Валеры и Катажину Мигурских, проживающих в Королевстве Польском, воеводстве Сандожежском, в деревне Речица Мокра, упомянутому Антони Висьнёвскому или его уполномоченному любезно возратить.

Составлено в Панёвицах Зеленых дня 12 мая 1832 года (подпись Вацлав Мигурский)»²⁴.

Написав эту бумагу, измял я ее и потер об пол, чтобы придать потрепанный вид, сложил вчетверо и при матери и сестре отдал отцу со словами: «Если когда-нибудь какая-

нибудь комиссия спросит вас, был ли Антони Висьнёвский и зачем в вашем доме, ответьте, что был и, получив одолженные им сыну вашему Вацлаву, выезжающему во Францию, деньги и переночевав две ночи, оставил вам эту расписку и уехал. Я в случае чего так же точно буду объясняться, и разногласий не будет».

В 12 милях от Сандомежа находится воеводский город Радом²⁵. В этом городе есть таможня, начальником которой был пан М., старый холостяк, родной брат моей матери. Работая в течение многих лет в этом учреждении и получая, кроме того, доходы от своего имения, расходовал он меньше, нежели получал, и считался богатым, тем более что никому не давал в долг.

Когда еще мы с братьями ходили в школу, он покорял наши юные сердца разными забавными студенческими историями, а главную помощь откладывал на то время, когда кто-либо из нас будет нуждаться.

И вот, выехав от родителей, решил я направиться к нему, несмотря на то что Альбина при расставании со слезами заклинала меня не просить никакой помощи у моей семьи, убеждая, что ее состояние уже принадлежит мне и его достаточно будет нам на жизнь. Но во мне заговорило мужское самолюбие, по природе своей требующее содержать жену, а не находиться на ее содержании.

Поэтому решил я ехать к дяде, тем более что у родителей моих был лишь небольшой капитал и ничего они не могли мне дать, лишь объяснили, что из-за нашей эмиграции имущество наше можно возвратить, только выдав многих живущих еще людей.

В том году последние дни марта отличались исключительно хорошей погодой. День, когда я выехал от родителей, был прекрасным и солнечным, ни одна тучка не омрачала голубой небосвод. Солнце припекало, и остатки снега таяли под его лучами, открывая молодую зелень; деревья почти раскрыли свои почки, и щебечущие на их ветвях пичужки

пением своим восхваляли благодатную, к новой жизни призывающую природу; скот бродил по зазеленевшим равнинам, пощипывая молодую травку, а телочки и ягнята, резвясь на пригорках, веселыми звуками возносили хвалу природе. Словом, все вокруг изменилось, грустный и однообразный пейзаж сделался веселым и красочным.

Именно такой была эта минута, и описываю я ее так подробно сознательно, чтобы вы увидели, как все повернулось.

Везущий своего задумавшегося седока Стефанэк увидел две дороги.

— По которой ехать? — спросил он.

Действительно, показались две дороги. Левая вела в Радом, по правой можно было ехать в Галицию. Заданный вопрос будто пробудил меня от сна, и я внезапно почувствовал такое внутреннее потрясение и такой сильный страх меня охватил, что, весь дрожа в течение нескольких минут, не мог произнести ни слова. Стефанэк придержал коней и, с сочувствием глядя на мое изменившееся лицо, молча ожидал указаний. Чувствуя, что вся будущность моя зависит от одного слова, но и сознавая, что недопустимо возвращаться в Галицию ни с чем, я сделал над собою усилие и конвульсивно вздрагивающими губами наконец произнес:

— Налево.

Казалось, вся природа только ждала этого слова. После произнесенного несчастного слова «налево», прежде столь прекрасная и спокойная, она, как по мановению волшебной палочки, мгновенно переменилась. Солнце затмилось, откуда-то вдруг набежали черные тучи, сильный порыв ветра засыпал песком глаза, густые хлопья снега посыпались на дорогу.

Испуганный Стефанэк остановил коней и с тревогой воскликнул:

— Что-то случится, пане!

Глядя на все это, я тоже встревожился, но, не желая поддаваться глупым предрассудкам, ответил:

— Ничего не будет! Снег будет,— и велел ехать дальше.

Не думайте, дорогие мои читатели, что то, о чем здесь написано, является вымыслом, игрой воображения или плодом фантазии. Все, о чем рассказываю и о чем рассказывать буду дальше,— все это истинная правда. Могу поручиться, что я не поэт, и Бог свидетель, что у меня нет к этому ни способности, ни таланта, ни притязаний на таковые!

Так, борясь с мрачными предчувствиями, будто напекор поднявшейся буре и метели, поехал я налево. Переночевал в местечке Скарычѣво, оттуда на следующий день выехал в Радом. В двенадцать часов, в полдень, я сошел с брички и направился к моему дяде. Жил он в собственном доме, поэтому разыскивать его не требовалось. Узнав, однако, что его нет дома, я уже возвращался, когда заметил идущего мне навстречу старика. Старики обычно не так изменяются, как молодые, поэтому я его сразу узнал и, подойдя, спросил:

— Имею ли я честь говорить с паном М.?

— Так точно,— сухо ответил он.

— Я Висьнёвский из Галиции, у меня к вам дело.

— Так прошу в комнату.

Пропустив меня вперед, вошел следом и тщательно закрыл дверь.

— Мы здесь одни? — спросил я.

— Одни.

— И ты, дядя, меня не узнал?

— Вацлав?

— Нет, Винценты.

— А! Что ты здесь делаешь? — отпрянув от меня на несколько шагов, воскликнул он с испугом.

— Не опасайся ничего, дорогой дядя. Я переехал через границу официально, по паспорту жителя Галиции, впрочем, никто нас здесь не видит...

— Послушай, житель Галиции, если не хочешь, чтобы я сию минуту отдал тебя в руки военного губернатора, то

немедленно покинь мой дом! — в порыве гнева воскликнул любимый дядюшка.

— Дядя, я знаю, что до ликвидации в этом крае масонских лож ты был масоном... Уже не как племянник, а как член этого союза (делая знак) заклинаю тебя, выслушай — и...

— Не был! Не был! — закричал он, топая от злости ногами.

— Видно, что не был, если не знаешь священных обязанностей этого союза! — ответил я с возмущением и гордостью. И почти с презрением отвернувшись от него, вышел, хлопнув дверью.

«Боже мой, что же мне теперь делать, о я несчастный!..» — И вновь пришла мне мысль, что мир велик и обширен, а мне негде приклонить голову. С такими мыслями вернулся я на постоялый двор, куда только что приехал, велел Стефанэку запрягать потных еще коней, заплатил за недоеденный корм, сел в бричку и двинулся к той самой городской заставе, через которую час назад сюда въезжал.

— Стой! — крикнул Стефанэку часовой. И, обращаясь ко мне, спросил:

— Вы регистрировались в полиции?

— Нет, поскольку не остаюсь ночевать, — ответил я.

— Не разрешается. В губернском городе существует порядок, что не только в полиции, но и в конторе военного губернатора надо показать свои документы, — сказав это, потребовал паспорт.

Смело и без малейшего опасения достал я и подал документ. Служивый дал знак следовать за ним. Он направился в местное управление, где предстал и я, объясняя, что, как житель Галиции, не знал правила, по которому лицам, не ночующим в городе, надо регистрироваться в полиции, и потребовал свой паспорт. Но служащие с ледяными физиономиями не ответили мне ничего, а записали в книгу номер паспорта, вручили его вооруженному солдату и приказали

мне идти в сопровождении охраны в контору военного губернатора.

Идя так, под конвоем, увидел я Стефанэка, который, не дождавшись меня у заставы, въезжал на тот же постоянный двор, из которого мы незадолго перед тем выехали. В этом же доме целый этаж занимал военный губернатор, генерал-майор Б. Сюда-то и привел меня мой солдат, и здесь я впервые в жизни увидел вблизи московские лица ²⁶. В просторном зале было их множество; видно, что подобные зрелища были им привычны, так как, когда меня привели, никто не обратил на меня внимания.

Спустя некоторое время дверь открылась и из боковой комнаты вышел седой, небольшого роста, довольно полный мужчина в мундире с генеральскими погонами. Это был генерал-губернатор, при его появлении все почтительно встали. Он же с моим паспортом в руке подошел ко мне и, сравнивая приведенное в паспорте описание внешности с моим лицом, спросил:

- Вы Антони Висьнёвский?
- Я!
- С Волыни?
- Нет, из Галиции.

Губернатор, ничего больше не сказав, вышел. Через несколько минут боковая дверь снова открылась и показавшаяся рука в мундире поманила сидящего у двери майора, тот, сорвавшись с места, поспешно удалился.

Я молча ждал, нетерпеливо поглядывая вокруг. Но вообразите себе мое удивление, испуг, злость и возмущение, когда я увидел в руках возвращающегося майора свои пистолеты, долговые расписки и другие бумаги, извлеченные из моего узла.

До сих пор я полагал, что после проверки паспорта меня освободят, но, когда увидел, что изъяли мои вещи, понял, увы, что меня ждет, и, разозленный этим поступком, едва не поддавался порыву бешеного гнева и не схватил со стола свой

пистолет, чтобы убить майора, однако мысль об Альбине удержала меня от этого шага.

Утром 5 апреля я в сопровождении жандармского офицера срочной почтой выехал в Варшаву. Почтальон остановился перед Брюлевским дворцом²⁷. Мы оба быстро соскочили с брички и вошли в помещение.

Добрые жители Варшавы, хоть и привыкшие к подобным сценам, столпились, однако, возле почтальона, желая узнать хотя бы, откуда привезли жертву. Но часовые, стоявшие у дворца, разогнали их прикладами.

Вскоре и я вышел из дворца Брюлевского, где со мной никто не поговорил, сел с адъютантом генерал-губернатора в стоящий наготове экипаж и в его сопровождении поехал в цитадель.

В то время администрация Варшавской цитадели состояла из коменданта генерала Б. и плац-майора К., они записали меня в число уже находящихся там заключенных и закрыли в камере № 8²⁸. Помещение это было шести локтей²⁹ в длину и четырех в ширину, с одним зарешеченным окном. Пустая кровать, небольшой столик и стул составляли меблировку места предстоящих страданий.

Оставленный один взаперти, я огляделся вокруг и заметил на двери надпись углем: «Пройдет и это».

«Правда, — подумал я, — все пройдет, одной лишь вечности не будет конца. Но пока все пройдет, сколько же слез прольется?!» — И, вспомнив об Альбине, горько заплакал.

Немного успокоившись, припомнил я ту внезапно поднявшуюся бурю, когда приказал Стефанэку ехать налево, и поневоле пришло мне в голову, что есть в природе что-то необъяснимое; вспомнил я также и то, что именно сегодня, 5 апреля, день моих именин, и вот, размышляя я, чтобы связать все это, подарены мне замок и решетка.

Как бы там ни было, решил я стоять на своем и не раскрывать собственную фамилию. На Стефанэка я полагался, а задумавшись над тем, почему меня, имеющего паспорт и еду-

щего легально, арестовали, пришел к ужасной, потрясшей меня мысли: не дядя ли меня предал?

В такие раздумья был я погружен, когда тюремные слуги внесли мой узел, извлекли из него постель, застелили кровать и снова оставили меня одного. Когда они ушли, я бросился к узлу, выхватил небольшую коробочку, с чрезвычайной поспешностью открыл ее и, перебирая кулинарные приправы, что Альбина приготовила мне в дорогу, отыскал небольшой черный шарик, который я тайком туда вложил. И, обрадованный в высшей степени тем, что его не распознали, а поэтому и не отняли, самым тщательным образом перепрятал его в другое место.

Так просидел я взаперти три недели, и никто ни о чем меня не спрашивал. Поэтому, руководствуясь нашим старым основополагающим законом: «никто не может быть арестован, пока закон не будет соблюден», я требовал, кричал и добивался у охраны, чтобы обо мне немедленно доложили какому-нибудь начальству, но мои усилия оказались безрезультатными, поскольку все кончалось обещаниями.

Во время моего пребывания здесь, когда я ознакомился с местностью, заметил, что ежедневно в 10 часов утра в крепость приезжали какие-то господа и проходили по длинному коридору мимо моих дверей. Решил я этим воспользоваться и однажды, услышав их шаги, начал с силой колотить в дверь и кричать, чтобы мне открыли. Члены следственной комиссии (это были они), услышав такой громкий стук, потребовали открыть им и вошли ко мне.

Я и сейчас, несмотря на годы, все еще скор и нетерпелив по природе, а что же было тогда, когда во мне бурлила молодая кровь. Увидев входящих и решительно намереваясь узнать о своей судьбе, я даже вышел из рамок приличия, начал орать на них во все горло и кипел от злости, требуя, чтобы меня немедленно освободили.

— Наше австрийское правительство, — говорил я им, — уважает паспорта вашего государства, и кто бы, снабженный

им, к нам отсюда ни приехал, если ничего плохого не сделает, может быть уверен, что у него волос с головы не упадет! А у вас все наоборот!.. Разве я кому-нибудь причинил зло? Разве я не открыто ехал через таможеню? Разве не сразу в Радоме на заставе на вопрос, куда еду, ответил, что в Галицию? По какому же праву меня здесь держите взаперти? Думаете, что никто обо мне не вспомнит? О нет, господа, вы ошибаетесь! Не только австрийское правительство, но и вся Европа узнает о том, как вы попираете права человека! Чего вы меня боитесь? Неужели я вам могу больше навредить, чем трепещущий от ветра лист укрывающемуся в лесу преступнику? Но я знаю, чего вам хочется, это ваши личные планы, вам надо, чтобы и тюрьмы, и карманы ваши были полны!

Члены комиссии спокойно выслушали все, что я им говорил, переглянулись, обменялись между собой несколькими словами по-московски и, наконец,

Тут один из них смельчак,
Нос задрав, промолвил так,

вышел из их круга и обратился ко мне по-польски:

— Пусть пан не беспокоится, тут небольшая ошибка. Утверждаете, что вы Антони Висьнёвский из Галиции, а нам не хватает тоже Антони Висьнёвского, но из Волыни. Так что если мы убедимся, что вы действительно тот, чьим именем называетесь, то мы перед вами извинимся, восполним все затраты и вы вернетесь к себе домой. Итак, завтра начнем следствие.

— Но где мой человек и лошади? — спросил я.

— Здесь, в Варшаве, под надзором полиции, — ответил он.

И, выходя, дал указание жандарму приносить мне книги от Глюксберга³⁰, чтобы я развлекался чтением.

— Хвала Всевышнему, что хоть действительно не знают, кто я. — Так человек от безысходности в поисках спасения бросается во все стороны.

Но вот действительно назавтра вызвали меня в собрание следственной комиссии и после обычных предписанных законом вопросов поставили перед следующим:

— Где пан находился со времени переезда границы до момента ареста в Радоме?

Не смутившись нисколько этим вопросом, я очень смело ответил:

— Две ночи и два дня я был в Сандомеже, у господ Мигурских, третью ночевал в Скарышёве, а на четвертый день меня арестовали в Радоме.

— Зачем вы заезжали к Мигурским?

— Когда корпус Раморино³¹ вступил в Галицию, наши жители, по разрешению правительства, разбирали польских офицеров между собой. На мою долю выпал пан Вацлав Мигурский. Находился он в моем доме почти год и как-то из разговора узнал, что у моего дяди майора Шавловского, проживающего в городе Пултуске, имеется долг ко мне и что я собираюсь к нему когда-нибудь в Королевство Польское. А поскольку австрийское правительство выдавало польским офицерам паспорта для выезда во Францию, то выдало и упомянутому Мигурскому, а тот, нуждаясь в деньгах на дорогу, взял их у меня и дал расписку к своим родителям. Таким образом, я был у господ Мигурских, чтобы получить данные в долг деньги.

Тут один из членов комиссии заметил, что я, давая деньги для бегства эмигрантов, совершил политическое преступление. Но я парировал его довод, утверждая, что права и обязанности человека существовали еще до того, как появились он со своими софизмами и вся Московия.

— Почему вы на Радомской заставе сказали, что едете в Галицию, а не в Пултуск, куда должны были ехать для встречи с дядей?

— Когда я заехал на ночлег в Скарышёво, то в гостинной комнате постоялого двора застал жителя Плоцкого воеводства, он собирался уже выезжать, а узнав от меня, что

направляюсь в Пултуск и зачем, уверил, что ехать мне туда незачем, поскольку Шавловский, которого он хорошо знал, уже умер, поэтому я на выезде из Радома сказал, что еду в Галицию.

— Из какой деревни был этот житель и как назывался?

— Откуда он, я не спрашивал. Назвал, правда, свою фамилию, но я ее не запомнил, то ли Рудецкий, или Радецкий, или Рудзевич, или Радзеевский, либо Рудзеёвский, или, наконец, Рудзишевский. Определенно сказать не могу, только то, что в этом роде.

Два последних ответа я выдумал. Я действительно ночевал в Скарышёве, но там не было никакого плоцкого жителя.

Застигнутый вопросом врасплох, я ухватился за ложь, как тонущий хватается за соломинку, при этом я рассчитывал, что, пока следственная комиссия узнает, кто из жителей Плоцкого воеводства по фамилии на букву «Р» был в Скарышёве и виделся со мной, я выиграю время.

— Почему вы, узнав о смерти дяди в Скарышёве, не возвратились оттуда сразу в Галицию, а поехали в Радом?

— Это вполне естественно. Вы видите, господа, что я молод, а, кроме Львова, ничего не видел и, когда узнал о смерти дяди, подумал, что коллеги будут надо мной насмехаться, что я, находясь в двух милях от Радома, в Королевстве Польском, ни московского войска, ни воеводского города не увидел, и вот по легкомыслию только поехал туда, и легко можно подсчитать, что в Радоме я находился не дольше часа. Этого было достаточно, чтобы удовлетворить любопытство, а если бы мне не жаль было денег, то, несмотря на известие о смерти дяди, непременно поехал бы и в Пултуск. Впрочем, вернее всего, сделайте, господа, запрос во Львов и чем скорее, тем лучше, потому что я заявляю и требую, чтобы это было внесено в протокол, что я по возвращении подам официальную жалобу. Сделайте, как предлагаю, запрос и тогда убедитесь, кто я!

Думаете ли вы, мои читатели, что следственная комиссия удовлетворилась этими объяснениями, более или менее достаточными для выяснения истины? Ничего подобного! Правда, она сделала запрос в Галицию, и австрийское правительство после основательной проверки в Панёвицах ответило, что верно, Антони Висьнёвский выехал с паспортом в Королевство Польское. Направили чиновника к Мигурским, и те, показав расписку сына Вацлава, засвидетельствовали всё так, как я их научил. Вызвали из Пултуска майора Шавловского, чтобы он прибыл в Варшаву и лично опознал своего племянника, и хоть я предвидел такую возможность и больше всего ее боялся, но полагался на то, что прямо в глаза ему начну рассказывать мельчайшие подробности семейных отношений, не дам сказать слова и внушу ему все так обстоятельно, что дядя непременно поколеблется и догадается и поневоле признает во мне племянника. Но, о чудо! Вместо майора в комиссию прибыл рапорт, что действительно в середине марта Шавловский умер (об этом я узнал позже).

Итак, все обстоятельства способствовали подтверждению моего объяснения, и казалось, что само Провидение заботится обо мне. Можно бы на этом остановиться. Но комиссия была верна своему принципу: однажды пойманного не выпускать — и перетрясла все воеводство Плоцкое, пособира-ла в Варшаву всех жителей на букву «Р» и, представляя мне их поодиночке, велела узнавать.

Поначалу я пару раз ответил «не тот» и полагал, что этим все закончится, но затем, представив себе печальное положение этих жертв, страдания и беспокойство их жен, дочерей, сестер и матерей, утомившись часто повторяющимися сценами, наконец, положившись на то, что все мои объяснения должны были дать успешный результат, если ни чем-либо иным, более серьезным, а такими мелочами пытаются доказать их ложность, уверенный, кроме того, что меня как галицийца не осмелятся подвергнуть какому-либо насилию,

окончательно потеряв терпение, с возмущением, решительно заявил:

— С этой минуты не соглашусь больше ни с какими глупостями комиссии, даже по вызову из своей камеры не двинусь!..

— Стыдно, господа, — продолжал я, — отрывать людей от семей и хозяйства, вводить в расходы и беспокойство!.. Ехал! Ехал! Большое дело, что ехал!.. Черт его знает, впрочем, как там он назывался, может, вовсе и не на букву «Р»... Дядю, дядю дайте сюда, это вас лучше всего убедит!

Ей-богу, не знаю, откуда у меня взялось столько нахальства, но я видел, что мое возмущение, гнев и крики принесли желаемый результат. Члены комиссии переглянулись, о чем-то вполголоса между собой переговорили и, посоветовав мне успокоиться, разъехались.

Наконец после трех месяцев заключения следственная комиссия, рассмотрев мои документы, вынесла категорическое решение о моем освобождении и с этим ехала в цитадель.

По пути встретился комиссии на улице молодой, небольшого роста мужчина. Черные одежда и растительность на лице полностью соответствовали цвету его души. Этого-то господина, союзнического шпиона, комиссия взяла с собой. Не узнает ли он, вернувшийся из Франции и Галиции, случайно меня?

Все эти подробности я узнал позже от одного из членов комиссии.

В последних числах июня собравшиеся в цитадели члены комиссии велели привести меня, и уже казалось, что хотят объявить мне свободу, когда один из них взял меня за руку и, разговаривая, так меня поставил, что лицо мое оказалось обращенным прямо к двери. В двери этой было маленькое окошко, прикрытое со стороны коридора жестью. В коридоре стоял и смотрел в приоткрытое окошко тот приведенный с улицы одетый в черное шпион, и, когда я с членом комиссии разговаривал сам не знаю о чем, этот канди-

дат на виселицу как следует ко мне присмотрелся и слегка поскреб ногтем дверь. Беседовавший со мной офицер, услышав условный знак, выбежал в коридор, перекинулся с ним несколькими словами, возвратился с торжествующим лицом и что-то сказал на ухо председателю.

А обратившись ко мне и выразительно глядя в глаза, спросил:

— Так вы утверждаете, что вы Антони Висьнёвский?

— Так точно, это я! — ответил я смело.

— А если мы вас убедим, что вы — Винценты Мигурский, эмиссар из Безансона, что тогда?! — спросил он повышенным на октаву голосом.

Услыхав эти слова, я вздрогнул и с отчаянием выкрикнул:

— Нет!.. Нет! Я не он!..

Но я пришел в очевидное замешательство, это ужасное открытие было неожиданностью, так что я покраснел по уши и почувствовал, что кровь ударила мне в голову.

Вся комиссия не могла не заметить мое смущение и неудачное притворство. Председатель вышел из себя, забыл о собственном достоинстве и, крича на меня, употребил выражение, которого я до сих пор никогда не слышал.

Возмущившись его словами и тоном, забыв обо всем, я подскочил к нему и в пылу полного отчаяния и бешеного гнева крикнул:

— Уважай, если хочешь быть уважаем!.. Поступайте со мной так, как повелевает закон, иначе, предупреждаю, не стерплю ни от кого оскорблений!

И так угрожая, перед самым его носом я ударил по столу кулаком и, не владея собой, рявкнул:

— Да! Я — Мигурский!

Признаюсь, только отчаяние вырвало у меня эти слова. Я сам не знал, что со мной происходило. Но несколько поостыв, почувствовал, как какая-то тяжесть отлегла от сердца. Не поверите, мои дорогие, как тяжело лгать.

Казалось бы, после такой моей вспышки члены комиссии дойдут до крайности, однако они, будучи счастливы моим признанием, не только ничего не ответили, но даже тот же председатель мягкими словами стал меня успокаивать и предложил стул, чтобы я отдохнул.

Но я не мог успокоиться и был в отчаянии, потому что видел, как все мои планы и перспективы одним махом, как молнией, были сокрушены, и, отказавшись сесть, я повторил с гордостью:

— Да. Я Мигурский и горжусь тем, что я эmissар! И чтобы доказать вам, что ничего не боюсь и на все готов, заявляю публично, что пришел травить вас, истязать, убивать и жечь...

Все, что я в порыве гнева сказал, секретарь внес в протокол и зачитал. Председатель спросил, готов ли я это подтвердить и подписать.

— Готов, — с деланным спокойствием ответил я и (с целью, о которой узнаете ниже) добавил, что еще обладаю важными тайнами, которые открою только самому великому князю-наместнику, если он заедет в цитадель.

Завершилось все тем, что комиссия рассталась со мной самым приятным образом, рекомендуя мне быть спокойным, не предаваться отчаянию и оставив письменные принадлежности для краткого изложения того, что я собираюсь открыть наместнику, а также заверив, что он завтра увидится со мной в десять часов утра.

Возвратился я в свою камеру, бросил на стол принесенную бумагу, а когда оглянулся на звук запираемой двери, слова «И это пройдет» снова предстали перед глазами.

«Правда, — подумал я, — для меня все пройдет. Ведь при отъезде из Франции знал, что меня ждет. Неужели ж теперь страшиться судьбы, которая была предугадана?.. Но Альбина!..»

И с этой мыслью, упав на колени и заливаясь горькими слезами, воскликнул:

— Боже!..

Больше ни говорить, ни думать я не мог. От потока впечатлений и невыносимой муки сжалось мое сердце и онемело.

В таком состоянии пробыл я несколько минут. Что думал и испытывал, один Бог знает. По правде, сожалел я о жизни не потому, что предстояло расстаться с нею так рано, уйти в неведомое, лишиться вида этой прекрасной, восхитительной природы, а потому, что, не сделав ничего для своей страны, губил и навсегда лишал счастья Альбину. О, это разрывало мне сердце.

Наконец, поднявшись, подошел я к другой кровати.

Забыл вам сказать, что несколько дней назад посадили со мной вместе немца, прибывшего с паспортом из Пруссии в Варшаву, которого, по-видимому, в чем-то подозревали. Итак, подошел я к нему и осторожно, спящего, поцеловал, и был этот поцелуй прощанием со всем человечеством и всем миром.

Сделав это, я вернулся к своей кровати, достал там из укрытия тот черный, так тщательно спрятанный шарик, раздробил его в порошок, высыпал в стакан, налил воды и, с глубоким вздохом взглянув на небо, выпил.

Почти все знают, что ожидаемое несчастье хуже, чем действительное. Так было и со мной. Мои муки и отчаяние истекали от борьбы между жизнью и смертью, а выпив яд, почувствовал себя намного спокойнее, радовался и ощутил то внутреннее удовлетворение, которое знакомо исполнившим свои обязанности. Широкими шагами ходил я по своей тюрьме, потирал от радости руки и, проглотив смертоносный напиток, чувствовал себя самым счастливым. Сознаюсь, что по молодости грезилось мне, будто этот поступок принесет мне посмертную славу. С нетерпением поэтому ждал я той минуты, когда яд начнет действовать. И если время от времени бросал беспокойные взгляды, то лишь из опасения, как бы пруссак не уведомил охрану о том, что произошло, и она не влила в меня силой противоядие. Но добрый немец, поняв мое положение, не собирался, как потом выяснилось, в чем-либо мне препятствовать.

Так расхаживая, подошел я к столу, где лежала полученная от комиссии бумага. Вид ее напомнил мне о распоряжении к утру подготовить для князя-наместника объяснение, краткое, связанное и мотивированное!

С такими мыслями я написал: «Я домогался встречи с князем-наместником единственно для того, чтобы выиграть время. Благодарение Богу, удалось мне это, и, приняв яд, умираю счастливым, посвящая последний свой вздох, после отчизны, Альбине!»

Закончив, я встал гордо с бумагой в руке и несколько раз перечитал. Радовался, представляя себе, как завтра съедутся сюда мои дознаватели и с какой жадностью (осмотрев труп) схватят бумагу и как много узнают!.. Эта злорадная мысль исторгла из груди моей смех, громкий и язвительный. Сам я его испугался, и горько мне стало, что, вместо того чтобы последние минуты посвятить размышлениям о вечности, я занят земными и злыми мыслями.

Так с момента приема яда прошло два часа. Мой остывший обед съел проснувшийся немец и, отвернувшись к стене, снова уснул.

Я же глубоко задумался, безумные мои глаза, я это чувствовал, выражали отчаяние. Со скрещенными на груди руками сел я на краю кровати. Глядя со стороны, показалось бы, что я, терзаемый ужасными угрызениями совести, испытываю адские муки. Чем дальше шло время, тем чаще срывался я с места и то, порывисто шагая по комнате, заламывал руки, то, подымая глаза вверх, что-то бормотал, то, наконец, закрыв лицо руками, сел в полном оцепенении... Что же было причиной моего явного отчаяния? Сожалел ли я о жизни? Может, тяжелое преступление угнетало мое сердце? А может... это было уже действие яда?.. Нет! И именно это сильно беспокоило и тревожило меня.

«Что же теперь со мной будет, великий Боже? — думал я.— Неужели мне снова, как последнему подлецу, предстоит изворачиваться и лгать? И что я им скажу, когда спросят

об обществе, о связных? Ха! Жертвы, жертвы и жертвы без конца! А если сказать им, что ничего я здесь, в этом крае, сделать не успел, что приехал не как заговорщик, а за благословением на брак, то, хоть это и правда, но они не поверят, потому что, увы, так уж их воспитали, что нам, несчастным, не верят.

Но ведь граф О. перед своим отъездом из Галиции, вручая мне этот несчастный шарик, заверил, что это яд... А ведь он как связной шутить не мог, разве что его обманули или сам ошибся... О Боже, великий Боже, смилуйся! Не допусти, чтобы я низко пал! Возьми меня к себе таким же чистым, как чисты мои намерения и стремления!..»

Тут началась у меня легкая рвота, но вскоре прекратилась, и вот уже пять, шесть часов после рвоты проходит, а я не ощущаю ни малейших болей, наоборот, чувствую себя здоровым как никогда.

С отчаянием понял я, что остался жить.

Вдруг вспомнилось мне одно обстоятельство, срываюсь обрадованно с места, бросаюсь к узлу, вынимаю сюртук, лезу в карман и из прорехи между подкладкой и сукном из угла полы достаю перочинный ножик.

Обратите внимание, что я был арестован как галициец. Поэтому обыскивали меня перед заключением в цитадель слегка и поверхностно. Упомянутый ножик был подарком дорогой мне также Винценты, сестры Альбины. Было в нем три небольших лезвия и четвертое, несколько большее.

Еще в Варшаве, когда я выехал с адъютантом из Брюлевского дворца, сообразил, что везут меня в тюрьму. Поэтому из опасения, чтобы при обыске у меня нож не отобрали, я из жилетного карманчика переложил его в описанное выше место. И теперь, достав его, обрадовался невыразимо: если уж яд не действовал, то этим орудием исполню свой долг.

Было 12 часов ночи. Государственные преступники спали спокойно, царила полная тишина, и если бы не шаги часовых в огромных коридорах, то можно бы заключить, что

гробовой доской покрыто это место страданий. Разумеется, я не спал. Мысль, что отделение души от тела дозволено одному лишь Богу, не давала мне покоя. Долго я боролся с собой, решая, что следует предпринять. И когда убедился, что яд не подействовал, снова начал колебаться между привлекательностью жизни с ее надеждой на возможное соединение когда-нибудь с моей дорогой Альбиной и исполнением тех обязанностей, которые были для меня святы. В итоге последние перевесили, а мысль о том, что через несколько часов придут ко мне и потребуют обещанные тайны, ускорила их исполнение.

Итак, вверив действия свои и душу Богу, я разделся, лег на кровать, выбрал самое длинное лезвие ножика и нанес себе пять ран в желудок, а шестую в область сердца.

Добрый немец видел и слышал эту операцию, поскольку приставленное лезвие я, зажмурив глаза, вбивал по рукоятку, как молотом, книгой в обложке, но он только посмотрел на меня с жалостью, глубоко вздохнул и, пробормотав «Господи Иисусе!», отвернулся к стене. Отбросил я ножик, сложил руки на груди и с молитвой на устах ждал смерти.

Что со мной было дальше? Не знаю... Только то помню, что сперва ощутил какое-то тепло по всему телу, потом озноб... шум в голове... общую слабость... сонливость... наконец, потерял сознание. Как долго это длилось, не знаю, вдруг мне показалось, что в душе моей проблеснул какой-то блуждающий огонек, потом разные туманные и неясные мысли и впечатления, и тут я почувствовал, что жив, но здесь ли еще или на том свете, этого я не сознавал.

Уверенность, хоть и неясная, в своем существовании, настолько, с одной стороны, охватывала сердце блаженством, насколько, с другой — предвещала мучения, пробуждающие страх.

В таком вот неопределенном состоянии хочу я пошевелиться — и не могу, однако чувствую, что жив; тогда подумал я, что это, должно быть, душа моя без тела. Что тут пред-

принять, как освоиться с этим состоянием?.. Чувствую, что есть у меня глаза, но открыть их не отваживаюсь... Наконец, после борьбы с самим собой открываю их и вижу: в комнате свет, дальше зарешеченное окно, кровать, а на ней спящий немец... Напрягаю слух и слышу шум голосов и шаги людей в коридорах, затем звяканье ключей, отпирание и закрывание замков... Соединяю все это в целое... узнаю самую печальную действительность. И, глубоко вздохнув, снова теряю сознание...

Воскресенье и четверг — это были дни, когда старший надзиратель жандарм Печёнкин в сопровождении цирюльника ходил по камерам и все желающие могли побриться. Именно в четверг, в половине шестого утра, упомянутый жандарм с цирюльником зашли в очередную, мою, камеру. Вообразите себе его положение и испуг, когда вместо здорового, румяного и неплохо внешне выглядевшего человека, каким я был еще вчера, увидел труп. Но испуг сменился ужасной тревогой, когда, откинув одеяло, увидел меня, лежащего в собственной крови. Крови совершенно некуда было стекать из-за кожаного матраца подо мной, она накопилась вокруг тела и застыла.

На крик бедного жандарма сбежались все. Немедленно сообщили в город, и вскоре генералы, комендант, адъютанты, плац-майор и множество других сбежались в цитадель. Тут же приехала и следственная комиссия с военным доктором Н.

Вся эта толпа собралась в моей комнате, остальные в коридоре подымались на цыпочки и через головы смотрели на меня. Заметили и рассказали мне потом, что некоторые лица выражали жалость, другие опасение и страх, потому что многие чувствовали свою вину за происшедшее из-за плохого наблюдения за мной.

Среди этих зрителей первую роль играл доктор. Все расступились и освободили подход к кровати. Во время перевязки толпа зевак с разинутыми ртами следила за каждым

его движением и, затаив дыхание, ждала приговора, за которым последуют для одних гауптвахта, для других разжалование, а для иных палки. Но когда эскулап промыл раны и велел с величайшей осторожностью переложить меня на свежую постель, то, хоть я не подавал ни малейших признаков жизни и был совсем как покойник из-за вытекшей за семь часов крови, однако, отмыв запекшуюся кровь и обработав раны, которые оказались не смертельными, врач заверил, что при заботливом уходе я останусь жив. Все обрадовались и с удовлетворением повторяли друг другу его слова³².

Ни одна жена, возлюбленная, мать не ухаживает за дорогими своему сердцу любимыми с таким вниманием, с каким выхаживали меня. Поставили мне 30 пиявок, а когда они отпали, меня перевязали, укрыли и велели руки держать поверх одеяла, чтобы не сорвал повязки. Посадили возле кровати офицера и поставили в камере двух часовых — наблюдать за моими движениями. Если я засыпал, то солдаты не сменялись, чтобы не разбудить меня шумом. Однажды даже (неслыханный в Московии случай!) по той же причине, когда я спал, отменили сигнал сбора, словом, применены были все средства, только бы я выздоровел.

Но оставим меня, мои читатели, на некоторое время, пусть себе там за мной ухаживают, сидят, караулят, поят бульонами, микстурами, пусть, наконец, сдают о моем здоровье ежедневные рапорты. Князь-наместник³³ изрек: «Чтоб жив был непременно!», и этого было достаточно, чтобы душа моя, окруженная штыками, не только не улетела, но даже выглянуть не смела. Мы же посмотрим, что происходило с Альбиной.

IV

Выше я упомянул, что при расставании двух влюбленных тому, кто остается, всегда бывает тяжелее. Альбина со своей чуткой душой и одному мне преданным сердцем по-

сле моего отъезда вернулась к обычному, излюбленному одиночеству, в глубокой задумчивости часами мечтала обо мне и ужасно беспокоилась. Знала она мой чрезвычайно быстрый и нетерпеливый характер, знала, что я гордый, обидчивый и что даже тени оскорбления не перенесу, опасалась поэтому, как бы я в пылу, обо всем забыв, сам себя не выдал. Измученная этими мыслями, возвращалась она в комнаты, а там, опять же, новые удары по ее сердцу наносили знакомые предметы. Ведь здесь, у этого столика, смотрела, как я писал, здесь вслух читал ей книгу и вместе мы обсуждали ее достоинства, здесь я курил трубку, сидел рядом с ней, камин с экраном напоминал, как я прятался и затем внезапно появился, наши слезы радости и первый невинный поцелуй; здесь, наконец, в комнате отца просил я ее руки и получил согласие, словом, куда бы ни повернулась, везде следы моего пребывания, везде боль... Разве для чуткого и страдающего сердца потерять возлюбленного — не несчастье? Да, конечно, и тем большее, что у этой молодой головки не было еще никаких обязанностей, кроме одной, природой данной обязанности — любить.

Несчастливая! После моего отъезда ни одного письма, ни одного известия обо мне не получила. С глазами, постоянно красными от плача, слезы заменяли ей и еду, и питье! Каждый почтовый день был для нее как приступ тяжелой болезни, при каждом появлении посыльного с письмами безотчетно бросалась к нему, вырывала из рук письма и с неопишуемой жадностью просматривала, а не найдя того, что искала и ждала, теряла сознание, начинались конвульсии и полная апатия.

Так мучаясь, иногда успокаивала себя, что, может быть, чрезвычайное и непостижимое стечение обстоятельств не позволяет мне написать, либо письма мои затерялись где-то на почте, либо, возможно, сам вскоре приеду. Последняя мысль несколько ее успокаивала, и на радостях она начинала заниматься своим туалетом. Как известно, даже самая невинная

девушка должна быть хоть чуточку кокетлива, так и она, любимая и любящая, завивала локоны, смотрелась в зеркало, хотела быть красивой и еще больше мне нравиться. С такими мыслями выходила она в деревню и за нее в надежде меня встретить. Но когда в Панёвицы приехал комиссар для особых поручений и, спросив, когда выехал Антони Висьнёвский, заявил, что он арестован в Варшаве, несчастную будто громом поразило, она догадалась обо всем и упала без сознания. С большим трудом привели ее в чувство для того лишь, чтобы, осознав весь ужас своего положения, приготовилась она к дальнейшим мукам.

После отъезда комиссара возвратился домой уведомленный ее брат Антони. Вместе с сестрой, вернувшейся из пансиона, успокаивали Альбину как могли. Она непременно хотела ехать в Варшаву, предлог для этого был, так как я считался ее братом, и только замечание, что чрезмерной небратской любовью может меня погубить, удержало ее от этого шага.

Так она, бедная, мучилась и страдала год, не имея от меня ни малейшего известия. Но по истечении года, когда она почти убедилась в том, что не может такого быть, чтобы я так долго играл роль ее брата, написала несколько писем к моей семье с просьбой сообщить ей, что со мной случилось.

Только Рафалина, сестра моя, сообщая о печальной действительности, уведомила, что власти нашего престарелого отца и дядю (таможенного служащего) посадили на 14 дней на гауптвахту, первого за то, что не выдал сына, второго — что грозился, но не исполнил; я же еще нахожусь в цитадели.

Для иной этого было бы достаточно, чтобы перестать мечтать, но для нее, полностью мне преданной, было мало. Она написала коменданту цитадели генералу Б. и плац-майору К., пытаясь нажать на все пружины чувств человеческих, чтобы узнать, что меня ждет. В таком вот ожидании провела она еще более полугода. Бедная страдальца!

Между тем я, лавируя в течение двух месяцев между жизнью и смертью, начал выздоравливать.

Во время моей болезни следственная комиссия получила все подробности от того, который меня опознал, и особых объяснений от меня не требовала, так что когда я предстал перед ней, задала лишь вопрос, подтверждаю я или отрицаю свое прежнее признание, что явился с целью заговора против правительства.

Стыдясь показаться человеком недостойным и не желая, из опасения порки, запираяться и врать, как студент, я с юношеской горячностью подтвердил, что говорил правду.

После того как признание мое занесли в протокол, подошел ко мне председатель комиссии и, взяв за руку, участливо сказал:

— Вы молоды, легко поддаетесь отчаянию, кажется вам, что попали в руки бандитов, а ведь власть наша, напротив, ценит величие души и характера (достойное, впрочем, лучшего применения), видно, что вы совсем потеряли веру в себя. Не забывайте: все, что полагалось сделать связному, вы выполнили, не щадя даже жизни своей, теперь надо оставить что-нибудь и для себя... Не надо терять надежду, можете еще стать человеком... Скажите нам только, какие привезли инструкции, кому их передали и кого приняли в организацию, а мы именем власти даем слово, что хотя закон требует наказания и накажет, но кара будет легкой.

Услыхав такие слова, я умоляющим голосом воскликнул:

— Ради всего святого, увольте меня от этого!.. Ну что если вам скажу, что принял того или доверился этому, так все это надо доказать, а доказать то, чего не было, — это новое преступление. Ведь при аресте у меня отобрали все бумаги, разве там были какие-нибудь инструкции? А со времени переезда границы до момента ареста разве не отчитался я почти в каждой минуте, и разве не ясно, что если бы действительно должен был что-то сделать, то не успел бы? О, остановитесь, — продолжал я растроганно, — на этом

признании, его ничто никогда не изменит!.. Я в вашей власти, можете поступить со мной как пожелаете, но малейшее насилие надо мной вам самим принесет позор.

— Довольно, довольно! — отозвался председатель. — Мы хотели лишь убедиться, что вы ничего от нас не скрываете; а из того, что господин секретарь прочитает, убедитесь, что нам известно все.

И секретарь прочитал мне неизвестно чьи показания (должно быть, шпиона) о малейших подробностях моего пребывания и деятельности в Галиции, а поскольку там не было ничего, кроме личных связей, я все подтвердил, и комиссия разъехалась, а меня отвели в камеру³⁴.

То, что я принимал яд, раскрылось таким образом. Через несколько часов после его приема началась у меня рвота. На зов испуганного немца прибежал надзиратель. Пруссак, не зная ни слова ни по-польски, ни по-русски, взял стакан и жестами показал жандарму, что я пил. Тот понял, а увидев, что мне дурно, побежал за водой, но, пока принес ее, рвота прекратилась. Когда же на следующий день спросили пруссака, почему он ночью не препятствовал моему самоубийству, он объяснил это тем, что спал и ничего не слышал. А того, что я принял яд, не утаил, напротив, сообщил об этом охраннику.

У

18 января 1836 года небольшие сани, запряженные тройкой лошадей, отъехали от дома коменданта города Варшавы генерала Т., проследовали через Краковские Пшедмесьче и направились к мосту, ведущему на Прагу³⁵. Справа сидел молодой, бледный, тщательно закутанный от мороза в енотовую шубу и шарфы мужчина. Проезжая через город, бросал вокруг грустные и горестные взгляды, а тихо произносимые слова из Байрона «Счастливо оставаться, край родной»³⁶ доказывали, что понимал он, что ему предстоит. Слева сидел

жандармский офицер В. в мундире, а впереди почтальон с рожком.

Жители Варшавы останавливались и долго смотрели им вслед, женщины, утирая слезы, указывали пальцами на небо, как бы желая этим немым жестом вселить надежду вывозимой жертве на будущую награду. И это было все, что земляки мои могли подарить мне на прощание.

Так вывозили меня с родины. Но куда именно меня везли, я не знал, потому что никакого приговора мне не зачитали. Излишне подробно описывать мои тогдашние чувства. Расставание с несчастной, но любимой страной, обманутые надежды, планы и мечты, скорбь, печаль и сердечная тоска — все в них было.

Всю дорогу мысли об этом, попытке подобные, сменяясь одна другой, терзали меня, превращали в самую несчастную жертву собственных чувств.

«А впрочем, что я мог, то и сделал, — подумал я, — так что страдания для меня в радость, ведь это для родины, и если бы не Альбина, бедная, навсегда любимая Альбина, которая постоянно стоит перед глазами, чувствую, что был бы, пожалуй, даже спокоен! Но она... — каждый раз, как ее вспомню, так сердце рвется на части от горя, так сильно я ее люблю».

После 24 дней пути, во время которых не было никаких происшествий, привезли меня в Оренбург, а оттуда после двухнедельного отдыха поехал я под конвоем в 1-й линейный батальон, который размещался в городе Уральске³⁷ и где мне приказано было служить в русских частях.

Первой моей обязанностью после того, как я устроился на месте, было написать Альбине. Вот подлинное содержание моего письма:

«Зная, какое в нашем положении действие может оказать время, решил я сначала не заявлять Вам о себе. Но упорствовать в этом намерении значит не выяснить все до конца и подвергнуть свою совесть постоянным и справедливым

упрекам, пренебречь священными обязанностями и, главное, оскорбить Ваше постоянство.

Альбина, единственный и неизменный предмет моих чувств! Права наши святы, даже расстояние в три тысячи верст, нас разделяющее, не должно повлиять на них, и на меня, в частности, не повлияет. В тебе сомневаться не позволяет знание твоего характера. Но если поддашься когда-нибудь влиянию, которое в подобных случаях могут оказать время, советы, несостоятельность, сама природа, наконец, то честью клянусь, что, несмотря на страдания, которые станут уделом моей жизни, ты будешь полностью оправдана в моих глазах. Будет у меня одна только святая обязанность молить Небо о твоём благополучии, без единого к тебе упрека.

Помнишь, наверно, дорогая Альбина, что я написал из цитадели, если письмо мое получила: “Несмотря на то что обращаются со мной здесь вежливо, я, однако, уйду из жизни!”

Не стоит мне все здесь по порядку описывать, скажу тебе только, что день этот наступил, было это 25 июня, когда узнали, кто я такой и в качестве кого приехал из Франции.

Стремясь выиграть время, я заявил, что тайну, которой они от меня домогаются, открою только самому князю-наместнику. Занесли все в протокол, дали мне письменные принадлежности для описания моей короткой жизни и закрыли в тюрьме. Таким образом, получил я в распоряжение время, достал спрятанный яд и, счастливый в несчастье, проглотил его, посвятив последний свой вздох после отчизны — тебе! Но, увы! Проходит десять часов, а я, кроме легкой рвоты, никакого действия яда не ощущаю.

А время приезда князя приближалось. Верный добровольно принятым принципам, беру ножик, подаренный твоей сестрой Винцентой, и наношу им пять ран в желудок, а шестую в область сердца. В таком состоянии нашла меня на следующий день комиссия.

Между жизнью и смертью находился я около двух месяцев. Выздоровев, торопил и просил, чтобы со мной кончали.

Во время следствия особых трудностей не было, потому что каждый мой шаг был уже известен, проявляли ко мне довольно явное уважение, заявляя, что власть оценит мои силу духа и самоотверженность. По правде говоря, хоть моя вина — не по моему убеждению, а по меркам закона — была намного больше, чем других, со мной, однако, поступали значительно мягче, чем с другими.

Так, меня от самой Варшавы до Оренбурга везли на почтовых, без кандалов, полтора золотого в день выделяли на содержание, в то время как других, менее виновных, нежели я, гнали пешком, не считаясь с их общественным положением, некоторых даже в цепях, выделяя по шесть или двенадцать грошей в сутки».

Со сжавшимся сердцем адресовал я это письмо Альбине и отправил на имя своих родителей, чтобы они знали о том, что со мной случилось.

Очень страдал я от того, что не описал ярко свою любовь к ней, которой дышу, а вместо этого лишь уведомил о себе и в довольно холодных выражениях освобождал ее от данного слова. Но этому была причина: поскольку я знал ее характер и силу преданности мне, то опасался, как бы она, почувствовав из писем всю мою огромную привязанность к ней и движимая сердечным порывом, не приехала ко мне и тем самым не пала бы жертвой своей самоотверженности.

Но до того еще, как письмо это отправилось к Альбине, получила она известие от сестры моей Рафалины о том, что со мной случилось в Варшаве. Пусть и несчастливо, но все же определившаяся судьба моя ее почти успокоила, так как самую тяжелую действительность легче перенести, чем ожидание в неизвестности. Впервые после нескольких месяцев вздохнула она спокойнее, мысль, что я жив и тем самым не потерян для нее, согривала ее душу.

Из-за разных несчастий, преследовавших нас, невозможно было упорядочить нашу корреспонденцию. Лишь некоторые сохранившиеся, но и то поврежденные письма могут

дать слабое представление о ее преданности мне. Вот выдержка из ее письма:

«В первые минуты, когда узнала я о твоей судьбе, то, рассчитывая на средства, оставшиеся до передачи в аренду нашего земельного владения, на помощь и преданность моей милой сестры Винценты, решила я категорически ехать к тебе, дражайший мой ангел. Никакие трудности, расстояния, мнение света не удержали бы меня от этого шага, когда бы не потребность и обязанность получения твоего совета и разрешения. Знаешь, мой дорогой, как я тебя люблю. Знаешь, сколько дала добровольных клятв в том, что вечно буду принадлежать тебе. Знаешь, наконец, что лишь ты один можешь вернуть мне спокойствие, без которого что стоит жизнь... Поэтому поспешила бы к тебе без малейшего колебания.

Но, дорогой мой! Стать бременем для тебя либо препятствием для твоих планов, видов на будущее, не спросив у тебя, желаешь ли ты моего приезда, нет! Это было бы злоупотреблением твоей добротой и доверием. Дорогое и несчастное создание! Посоветуй и напиши, как все можно устроить, так устроить, чтобы пошло на пользу твоему спокойствию и благополучию. Клянусь всем на свете, что с радостью откажусь от всего, лишь бы только ты был счастлив.

В двух предыдущих письмах просила я тебя и опять повторяю и заклинаю, докажи мне свою преданность и доверие! Не утаивай от меня своих намерений и желаний, скажи откровенно и правдиво, ведь могу я к тебе приехать, ведь не рассердишься за это? И наоборот, прижмешь свою несчастную Альбину к сердцу. О, она много выстрадала, и ты один можешь вернуть ее к жизни.

Дражайший Винценты, я тебя люблю в миллион раз сильнее, чем кто-либо на земле! Чем твоя семья, твоя сестра! Отец, мать, наконец! У них и без тебя был бы кто-нибудь на свете, для меня же ты — всё. Нет, я знаю, у тебя нет и части такой любви, и не понять тебе даже, что ты для меня значишь. Прошу тебя, умоляю, ангел мой, если ты когда-нибудь лю-

бил меня, если была я тебе мила, напиши, каким образом могла бы я способствовать твоему благополучию! Не впадай в ложное самолюбие, сообщи, может, тебе нужны деньги? Знаешь, что без тебя мне ничего не нужно, если и в этом откажешь, то дашь мне понять и почувствовать несомненно, что я уже совершенно на земле тебе не нужна, да и зачем, разве для того лишь, чтобы ты чувствовал себя рабом своего слова и из-за этого погубил все свое будущее счастье.

Заклинаю тебя твоим предназначением, не утаивай ничего от меня, открой свои мысли, даже если они против меня, против нашего союза! Может, невольно чувства твои как-то меняются. Любимый, ни в чем не буду ни обвинять тебя, ни жаловаться! Сама не знаю, дорогой мой, почему такое признание меня успокоило бы больше, чем теперешняя уверенность; есть только одна возможность счастья у меня — быть твоей навеки, в противном случае успокоит меня хоть немного уверенности, что ты без меня был бы счастлив, что я вовсе не нужна для твоего счастья. Опасаюсь, дорогой мой, что, может, я начинаю надоедать тебе своими письмами! Нет, любимый! Разве могу я подумать, что стала тебе ненавистна, да и за что?..»

Второе письмо Альбины ко мне:

«Представь себе, дорогой Винцента, до какой степени я несчастна, если единственного счастья, единственного утешения на земле меня лишают — твоих писем! Ты писал мне через свою сестру, добрая Рафалина любезно прислала мне твое письмо, но Антони его отобрал, и не знаю, то ли из заботливости, то ли по другим причинам, но вместе с отцом держат его в большой тайне от меня. И только сестра моя, этот ангел доброты, Винцента, найдя случайно в его столе записку от Рафалины ко мне, показала ее мне. Твоего же письма никак не могу допроситься. А из этой записки от Рафалины ничего, кроме того, что ты жив, не узнала.

Итак, твое нынешнее положение, твои намерения, желания мне совершенно неизвестны, а от них зависит мое счастье,

моя жизнь. Думаю, что семья моя, кроме Винценты, путем прерывания переписки пытается расстроить наши отношения... Смешные люди! Они судят по себе, думают, что так же, как они, если будет сто потерь, то они все сто забудут, даже после сотни утешатся, но я-то и одной не переживу! Со времени твоего злополучного отъезда не было у меня возможности связаться с тобой и открыто сообщить обо всем, хотя я несколько раз писала на адрес твоей сестры, коменданта и плац-майора Варшавской цитадели.

Ты должен знать, дорогой мой, что со дня нашей разлуки не давали мне покоя ужасные предчувствия, тоска и беспокойство, и здоровье мое чрезвычайно ухудшилось, а известие о твоём аресте добавило страданий. Доктора почти приговорили меня к смерти, я радовалась близкому концу; отказывалась от всякой врачебной помощи и, как они утверждали, была близка к помешательству, но тут мысль о том, кто же о тебе, дорогой мой, будет заботиться, вернула мне присутствие духа и приказала жить. Слабая, больная, поехала я вместе с Винцентой на воды. С тех пор прекратились известия о тебе, но зато вымыслов — множество, и все самые неблагоприятные для тебя. И, к несчастью, если раньше скрывали от меня правду, так потом все небылицы, о тебе выдуманые, старательно, даже во время лечения, безжалостно мне выкладывали.

Представь себе, до какой доходили низости, очерняя тебя, если я чувствовала, что смерть твою мне пережить было бы легче, чем эту боль. Верь мне, любимый, что это еще больше отдалило меня от людей, и если бы не уверенность, что ты не мог и не можешь совершить подлость, то я бы, вероятно, верить перестала, что на свете существует добродетель. Нежелание возвращаться домой, где все было так ужасно, общение с людьми, которые стали мне ненавистны, притом советы докторов, что я обязательно должна отойти ото всех воспоминаний, которые на мое здоровье могли бы повлиять, наконец, стремление сохранить жизнь, которая когда-нибудь

тебе, может быть, пригодится, заставили меня отправиться к кузинам, живущим подо Львовом, где нахожусь уже несколько месяцев. Отсюда-то и пишу тебе, дорогой мой, и сообщаю, что принадлежащие нам обоим доходы от имения выплачивает Антони, так что могу не только своими доходами, но и сестры, с ее разрешения, распоряжаться, их хватит нам на содержание, так позволь мне, ради Бога, приехать к тебе.

Однако, дорогой мой ангел, прошу не жалости, за которую ты готов был бы расплачиваться своими несчастьями, а честью твоей и предназначением заклинаю, напиши откровенно, прошу, не ставь меня в ужасное и ложное положение жалостью, не утаивай, напиши, что думаешь, открой мне сердце, поверь, что нет для меня невыполнимой жертвы ради тебя. Жизнь? Этого мало, она не имеет никакой ценности для меня. Нет у меня иных желаний, иных молитв, только о твоём счастье! Итак, заклинаю тебя всем на свете, пиши как можно скорее и откровеннее, помни, дорогой, что моя преданность тебе и мои ужасные страдания дали мне право на твое доверие!»

Еще одно письмо Альбины ко мне:

«Дорогой Винценты! После того как отправила я тебе письмо через твою сестру Рафалину и сообщила о том, что Антони задержал твое письмо, я его получила. Это, видимо, первое письмо из Уральска, и хоть я старалась написать побольше, однако в твоём письме нашла важные подробности, на которые должна тебе ответить, мой дорогой.

Сам пишешь мне, что наш союз священен, что расстояние в три тысячи верст и твое положение не должны бы повлиять на него, я же со своей стороны утверждаю, что не только три тысячи, но миллионы миль, целые миры, ни советы, ни время, ни даже кончина твоя, ни сам Бог — словом, ничто на земле не повлияет на мое чувство.

Дорогой Винценты! Заклинаю тебя поэтому всем, что тебе дорого на небе и на земле, избавь меня от таких писем, от такого освобождения. Разве что хочешь меня убедить, что

наш союз — помеха твоему благополучию, что он тебя тяготит, но и в таком даже случае пожалей меня, не повторяй ничего подобного! Сжался, слишком много я страдала и страдаю, и если утратила я право на все иные чувства, то пусть хоть жалость в тебе отзовется, потому что не понимаешь ты, дорогой мой, что остатки силы, мужества, спокойствия отобрали у меня твои слова.

Взаимны и равны права наши и отношения, так что не хочу, дорогой мой, чтобы ты превосходил меня в благородстве, и то, что ты считаешь святым шагом, для меня не менее важно, поэтому взаимно освобождаю тебя от данного слова, от твоей клятвы, ты в этом отношении полностью свободен.

Видит Бог, которого я молю лишь о твоём счастье, что как бы и когда бы ты, вопреки своему обещанию, ни распорядился собой, во мне не отзовется ни малейшего чувства неприязни. Будь счастлив, этого мне достаточно.

Я же еще одну к тысячам клятв добавляю, что если не тебе, то никому принадлежать не буду... В этом добровольно присягаю во имя Бога и во имя всего, что свято на земле и на небе, и еще раз прошу, никогда мне так не пиши, если ты когда-нибудь меня любил.

Дорогой и единственный Винценты! Ты сейчас стал еще более дорог мне! Разве может тот, в ком есть хоть немного чувства, думать о тебе без преклонения! Дорогая и невинная жертва! Именно тогда, когда ты страдал в цитадели из-за своего самопожертвования, когда судьи тебя ценили и уважали, низкие люди старались очернить тебя. Одна только твоя Альбина не верила и страдала! А ты теперь единственное утешение за такие адские муки хочешь у меня отнять своим советом расторгнуть наш союз, мое счастье и гордость в невообразимых огорчениях. Клянусь тебе всем, что страданий своих ни на самую завидную судьбу, ни на корону и скипетр, ни на что на свете не променяла бы.

Не могу также, навсегда дорогой мне Винценты, не поблагодарить тебя за хорошее мнение. Пишешь мне, что, “зная,

какое в нашем положении действие может оказать время, решил сначала не заявлять о себе”, одним словом, думал, что я, как многие другие, после потери неделю погрущу, на следующую успокоюсь, а на третью забуду. Только таким приятным мнением можно оправдать твой отказ от моей преданности и от моего постоянства!»

Еще несколько писем в таком же духе получил я от Альбины, во всех такая любовь, просьбы, признания и требования разрешить ей приехать. Тронутый ее страданиями и также пылая сильнейшим желанием соединиться с ней, я написал следующее:

«Из четырех твоих писем, дражайший ангел мой, с огромной, неопишуемой радостью вычитал я в ярчайших красках описанную любовь твою. Ты, дорогой мой человек, просишь и заклинаешь позволить тебе приехать, чтобы нам соединиться! Что я чувствовал, читая твои слова, как был счастлив, представляя себе, что мое самое горячее желание зависит от меня, это только ты одна, любимая и любящая, понять можешь лучше всех. В восторге от счастливейшего будущего, протягивая к тебе руки, хотел заключить в объятия и прижать к своему бьющемуся сердцу, но когда первые минуты воодушевления сменились минутами рассудительности, когда я посмотрел с точки зрения твоего лишь счастья, то написал 7 июля, затем 3 августа, чтобы ты воздержалась. Верь мне, моя дорогая, что так написать заставила меня только мысль о твоём счастье. Представь себе, до сих пор ни одного письма не получил я от моей семьи; хотя по-прежнему чувствам твоим и твердости верю свято, но совесть моя не позволяла воспользоваться твоим первым воодушевлением и пылом, потому что, когда задумаешься, какую огромную жертву решила ты принести, в какую дальнюю собралась дорогу и какая судьба ждёт тебя с человеком, который кроме вечно и безраздельно тебе принадлежащего сердца ничем больше обеспечить тебя не может, тогда признаешь, что поторопилась со своими желаниями.

И, наконец, наряду с другими, не менее вескими причинами была и та, что ничего не сообщала о разрешении твоего отца, а я думал, что его тронет твое состояние и он не только разрешит тебе приехать, но и поможет, но ты ничего мне об этом не пишешь...

Эти и многие другие причины заставили меня так написать тебе. Но раз ты неоднократно одно и то же повторяешь и течение времени чувств твоих не меняет, а притом уверен я, что без внутреннего удовлетворения ты не можешь быть счастлива, то не только позволяю тебе приехать, но более того, к ногам твоим припадаю и прошу, верь мне, что одна только ты, соединившись со мной, можешь дать мне счастье, а поэтому благословляю тебя святым крестом, во имя Бога и нашей святой любви приезжай, прошу тебя.

Дорогая Альбина! За благословением отца следует и Божье благословение. Если бы я тебя не знал, распространился б об этом предмете, но, зная тебя, ограничиваюсь лишь просьбой получить его и привезти».

Далее даю ей пространную инструкцию не ехать без прислуги, как поступать в такой дальней дороге, какими пользоваться лошадьми и экипажем, как собраться в дорогу, как избегать простуды ночью, хоть и летней, но холодной в московском климате, рекомендовал ей быть рассудительной и осторожной с ямщиками и с хозяевами на ночлегах. Предписав, наконец, тракт, которым следует ехать, заканчиваю такими словами:

«Сообщи мне, дорогая, твое окончательное решение и день выезда, но будь уверена, лишь подумаю, что тебя ждет на этом пути, какие мучения, неприятности и опасности могут тебя встретить, дрожу весь, пугаюсь и хочу взять обратно свое разрешение. Но если преодолеешь все это, то преданность моя и самопожертвование будут тебе наградой! И будущее наше, наша совместная жизнь тем светлее будут, чем большими страданиями будет устлана дорога к ним, поэтому еще раз повторяю и во имя креста святого прошу: приезжай!»

VI

На противоположном от Уральска берегу Каспийского моря находилась маленькая крепость, выложенная камнем на высоту человеческого роста. Ряд небольших деревянных домов, выстроенных внутри и предназначенных для проживания коменданта и нескольких офицеров, казарма, гауптвахта и несколько орудий на парапетах составляли все укрепление этой крепости. Была она сооружена на скорую руку, территория ее в то время составляла сто квадратных саженей.

В степных просторах Азии кочующие киргизы³⁸ нападали на московских купцов, занимающихся рыболовством и совершающих плавания по Каспийскому морю. Во время этих нападений киргизы обычно не ограничивались одним только грабежом, но, когда удавалось, жгли суда, захватывали москалей в плен и продавали в Хиву. Поэтому у возмущенного московского правительства был предлог поставить на их территории крепость, чтобы размещенный там гарнизон защищал от нападений, но одновременно могла быть здесь цель, подобная той, что была у Англии, которая также из такой маленькой крепости в Восточной Индии распространила над ней свое господство³⁹.

Размещенный там гарнизон состоял из 200 пехотинцев линейного батальона, 200 уральских казаков и артиллерийской батареи.

Из-за невыносимого климата это место было чрезвычайно вредно для здоровья несущих там службу. Почти тропическая жара вызывала слабость, боли в желудке и сильную лихорадку, а отсутствие пригодной для питья воды и многих продуктов питания приводило к водянке и цинге и к чрезвычайно высокой смертности. Зачастую из всего гарнизона, который заменяли каждые полгода, возвращалось едва лишь меньше половины. Как раз подходил срок послать из Уральска для смены 4-ю роту; в эту роту был включен и

я, и хотя мог бы перейти в другую роту и остаться в Уральске, но однако сам усиленно просил, чтобы меня послали туда на полгода.

Этот шаг сделал я с двойной целью: во-первых, чтобы ожидание приезда Альбины не казалось мне таким долгим, и, во-вторых, чтобы свирепствующая там смертность забрала и меня, а таким образом самое дорогое мне существо было бы избавлено от той судьбы, которая (я чувствовал это инстинктивно) ждет ее в Московии, и если написал ей, то только лишь потому, что, запретив ей приехать, дал бы повод предположить, что чувства мои к ней изменились, а этого я опасался больше всего.

Выезжая из Уральска, оставил я ее адрес сосланному туда своему товарищу Игнаци Прондзиньскому из Калишского [воеводства]⁴⁰ с просьбой, чтобы в случае, если услышит он о моей смерти, немедленно ее об этом уведомил.

В конце осени, когда было еще довольно тепло, переплыли мы Каспийское море и безо всяких происшествий благополучно прибыли в упомянутую крепость, называемую Александрийской⁴¹. Коменданту крепости господину Л. не понравилось, что я, солдат, живу не в казарме, а квартирую вместе с командиром роты, с которым прибыл. По этому поводу вызвал он его однажды к себе и в весьма резких выражениях укорял, как это он мог позволить мне жить вместе с ним, тогда как верховная власть поручила ему строжайший надзор за мной как за человеком очень опасным. На такой вопрос поручик рассудительно ответил, что самый лучший надзор будет при совместном со мной проживании в одной комнате. Но поскольку в московской военной иерархии не любят, чтобы младший по званию был умнее старшего, то комендант, крикнув «не рассуждать!», выгнал его из дома.

Уступая насилию, неохотно, так как в Уральске жил я не в казармах, а снимал квартиру, велел я свою кровать перенести в казарму, а сам остался на квартире с поручиком. Комендант знал об этом, и хоть кровать моя выделялась эле-

гантностью среди солдатских, но он был доволен, что его все же послушали, и смотрел на это сквозь пальцы. А поскольку я, проживая с упомянутым поручиком, вынужден был постоянно находиться в обществе офицеров и не только сам никаких спиртных напитков не употреблял, но, кроме того, и их упрекал за пьянки, а в таком узком кругу скрыть это от коменданта было невозможно, были там такие, что доложили ему, то вследствие этого полковник, встречаясь со мной, не только принимал мои светские поклоны, но иногда даже сам меня опережал, не возражая против моего переселения из казармы и моей штатской одежды.

Не помню в какой день доставила мне почта письмо, в котором находились кольцо и 400 рублей серебром, все это от моей дорогой Альбины. Заметил я, что после этого не только комендант, но и многие другие стали относиться ко мне вежливее. Известие о намерении приезда моей невесты разошлось по крепости и дошло до полковника.

В высшей степени счастливый после получения письма, вышел я однажды из крепости и, отдалившись от нее на две версты, сел на камне среди степи, в четвертый или пятый раз перечитывая письмо. Существовал приказ коменданта, запрещающий отдаляться от крепости, чтобы киргизы не захватили в плен. Я как-то позабыл об этом приказе, сидел и читал. Вдруг слышу за собой голоса, оглядываюсь и вижу коменданта, идущего с переводчиком под охраной четырех вооруженных солдат. Направлялся он на побережье к солдатам, несущим там караул.

При приближении полковника я встал и поклонился, он ответил мне весьма вежливым поклоном и мягко спросил:

- Что вы здесь делаете?
- Читаю письмо.
- От возлюбленной?
- Так точно.
- Она сюда приедет?
- Приедет.

— Сюда?! Сюда, в крепость?!

— Так точно, сюда, в крепость, чтобы жить в казарме, — зло с упреком ответил я, намекнув на то, как он сначала приказывал мне жить в казарме.

Добрый и снисходительный комендант, видя во мне, как позже выразился, молодого и вспыльчивого ляха⁴², ничего мне не ответил и удалился своей дорогой, а я возвратился к себе.

Но вот наступила зима, морская навигация закрылась, ниоткуда никаких ни новостей, ни известий, так что однообразные, как вечность, вечера проводили мы скучно. Не удивляюсь, что молодые офицеры по-прежнему проявляли склонность к спиртному, потому что и в крепостных гарнизонах, или в деревнях, либо командуя в шахтах и рудниках, летом держатся как могут, но когда наступает зима, а с ней одиночество, скука, отсутствие книг и общества, то поневоле сближаются с подчиненными, а так как в корпусах и в учебных заведениях к этому приучены не были, то для смелости пробуют выпить и так понемногу втягиваются, что иногда спиваются до смерти.

Наше однообразное, убийственное затишье прервало прибытие из Оренбурга полковника Мансурова. Прибыл он с отрядом из 500 уральских казаков, чтобы после нескольких дней отдыха здесь, в крепости, двинуться в киргизскую степь и отобрать у киргизов домашний скот, угнанный у москálей, живущих при границе.

При переезде через Каспийское море уральцы проявили удивительную ловкость. Почти в середине пути наткнулись они на трещину во льду шириной не менее трех саженей и, видя, что переправа невозможна, двое казаков бросились верхом в другую сторону вдоль трещины, чтобы найти целое место, но, проехдив более часа, убедились, что их усилия бесполезны, поскольку по всей ширине моря видели все ту же трещину. Не имея выхода, взялись они за дело и при помощи топоров, мотыг и железных ломов добыли соответ-

ствующей величины кусок льда и, перебросив его через трещину, благополучно переехали по так называемому живому мосту.

Плац-адъютантом в нашей крепости был в то время господин Вольмер, ранее унтер-офицер 4-го линейного полка бывшего польского войска, а теперь в войске московском произведенный в офицеры. Его-то, как имеющего боевой опыт, полковник Мансуров взял с собой в поход. После выхода отряда комендант попросил меня принять на себя обязанности плац-адъютанта. И я, несмотря на то, что был солдатом, исполнял их в течение шести недель, то есть до возвращения из похода Вольмера.

Научил меня мой комендант в свободное от службы время играть в какой-то калабрак, о котором сейчас не имею ни малейшего понятия, хотя другие игры мне не чужды. Однажды, было это весной, наигравшись после обеда досыта в бильярд и калабрак, вышли мы оба из квартиры и, обходя по службе все места, пошли к парапету, любовались там видом ровной и на 600 верст открытой степи.

Комендант, который не грешил храбростью и всегда и везде видел нападающих хивинцев, всмотревшись в одну точку, крикнул, что они в огромном количестве приближаются к крепости. Я долго смотрел по направлению его пальца, но ничего заметить не мог. Караульный у пушки тоже ничего не видел, принесли подозрную трубу, мы оба посмотрели и действительно увидели что-то движущееся по степи. Полковник, уверенный, что это хивинцы, желая опередить их нападение, приказал выстрелить из орудия. И тут вдруг всадники поднялись в воздух в таком количестве, что почти закрыли нам заходящее солнце, но разнесшиеся в воздухе и доходящие до нас крики их были не человеческие, а журавлиные.

Смутился несколько мой старый и добрый комендант, но я его успокоил доводом, что каждый командир обязан быть бдительным, усердным и расторопным.

— Юлий Цезарь, Александр Филиппович и Наполеон Карлович, командуя своим войском, еще не то делали, — говорил я ему.

Видно, что мое сравнение его с этими вождями понравилось, потому что в этот вечер был он необычайно весел, велел повторять мои слова, улыбался и лишь мягко возразил мне, что я ошибся, что не Александр Филиппович, а Александр Павлович следовало сказать. С трудом убедил я его, что речь шла об Александре Македонском, о котором он, бедняга, впервые услышал⁴³.

Тем временем приближался срок смены моей роты. Комендант сожалел, что нам придется расстаться.

— Что я буду делать, когда вы уедете? Это все, что меня окружает, это скот, — не раз говорил он мне, на что я, желая его утешить, советовал перевестись в Уральск и добиваться батальона, тем более что, по слухам, прежний командующий ушел в отставку.

Но он, тяжело вздохнув, ответил, что дорога отсюда трудная и узкая, дав понять, что и он не пользовался расположением старших, которые его сюда послали на службу.

Жаль мне его, беднягу, стало, когда это услышал, ведь насколько был он мне противен при первом взгляде, настолько позже, сблизившись с ним, я его искренне полюбил.

Так обстояли дела, когда прибытие почты ускорило мой выезд отсюда. Оказалось, что из главного штаба в Оренбурге коменданту пришло распоряжение немедленно отправить меня в батальон в Уральск. Здесь же был и выговор командиру батальона за то, что, не спросив разрешения в главном штабе, осмелился меня сюда отправить.

Распоряжение было составлено еще полгода тому назад: так редко приходила сюда почта.

Признаюсь, что я был этим очень обрадован, так как в ожидании обычной смены роты пришлось бы мне еще около трех месяцев жить в крепости, а тут с открытием навигации мой комендант с болью в сердце, как он выразился, от-

правил меня в Уральск с офицером Андруховым и десятью гребцами, отвозящими заодно и почту.

Со мной вместе была и моя легавая собака, весь морской залив шириной 500 верст переплыла она, но, разумеется, в лодке.

В жизни нашей мы постоянно сталкиваемся с множеством противоречий. Так, например, выезжая из Уральска, я полагал, что либо утону, либо захватят меня в новую неволю, в Хиву, либо, наконец, как многие другие, умру в крепости. Тем временем после шестимесячного пребывания там возвратился я здоровым, бодрым и румяным, словом, выглядел как никогда раньше.

Через две недели после возвращения в Уральск получил я письмо из Москвы со знакомым почерком Альбины. Сообщала мне она, что наконец после длительных и неслыханных трудностей и препятствий благополучно приехала и, отдохнув три дня, отправится в дальнейшую дорогу.

«В предыдущем письме я тебе сообщала,— писала она,— что еду к тебе с разрешения и благословения отца. К разным способам пришлось прибегнуть, чтобы успокоить твою и мою совесть; когда увидимся (хоть в этом все и в нашем крае, и даже здесь, в Москве, сомневаются), много надо будет тебе рассказать, завтра или самое позднее послезавтра должна отсюда выехать, согласно договоренности с ямщиком, через двенадцать дней буду в Симбирске, а через двадцать и еще пару — у тебя. Надеюсь, ты не сомневаешься в том, как бы я хотела ускорить свое путешествие, но лишь в середине июня Винцента, этот ангел доброты, должна прислать в Уральск деньги, а я уже так сильно потратилась и дальнейшая дорога потребует таких больших расходов, что боюсь, как бы, прибыв с малым, а то и вовсе без всякого запаса, не доставить тебе даже минутного огорчения вместо радости.

О, если б ты знал, в каких черных красках мне все обрисовали, отговаривая! И как тяжело это на меня действовало, несмотря на привязанность к тебе и на неизменность моего

решения! Всего опасаясь и боюсь того, что нас ожидает, даже на минуту не хочу задуматься!

О, если б по какой-либо причине наше с тобой объединение принесло тебе хоть минутное огорчение, то чувствую, что была бы я безмерно счастлива, если б благоприятный случай опередил все это и жизнью моей оплатил твое благополучие! Кончаю, мой дорогой, потому что вся душа моя в таком угнетенном настроении, что я не в состоянии больше писать!

Дорогой! Будь уверен, что и тут, и там любить тебя не перестану. Твоя навеки, Альбина».

Легко можно себе представить мои чувства после получения этого письма из Москвы. До сих пор, хоть я и верил в чувство Альбины, в ее характер, был уверен в ее клятвах и знал непоколебимую волю, однако сомневался, поскольку мне известны были мельчайшие подробности их семейных отношений, несогласие отца, препятствия со стороны брата и притом невероятным казалось, чтобы молодая и слабая девушка выдержала огромное путешествие в сопровождении единственной и к тому же беспомощной прислуги, словом, все это вместе взятое делало проезд ее таким же неправдоподобным, как восход солнца на западе.

Но когда принесли мне с почты письмо (было это в четверг) и я узнал на конверте почерк Альбины, заметил почтовый штамп «Москва», а затем, ломая сургуч и весь дрожа, прочитал приведенные выше слова, то в пылу величайшей радости упал на колени и со словами горячей благодарности взывал к Богу о дальнейшем попечении над ней!

Только теперь впервые полностью ощутил я свое положение пленника! Впервые моя обычная убийственная апатия отступила! Впервые, наконец, ощутил я жажду жизни! Мое бедное сердце разрывалось от печали, что не могу я с быстротой молнии очутиться в Москве и лично оберегать ее от опасностей! Два года, что прошли со времени нашего расставания, показались мне ничтожно короткими в сравнении с десятком-другим оставшихся дней!

Тут же занялся я наймом дома к ее приезду, сам же оставался с двумя товарищами на прежней квартире. По моим расчетам, самое позднее через две недели увижусь с дорогим мне существом и соединюсь с ним навсегда! Вы слышите, мои дорогие? Навсегда! О, что за чарующее слово для влюбленных! Я носился как шальной на радостях, что скоро, скоро стану самым счастливым человеком! Свое положение не променял бы я тогда ни на какие блага на свете! Почет, богатство, почести и звания — все это было ничто по сравнению с тем неопишуемым счастьем, что охватило все мое существо. В самом деле, для того, кто любил и был любим и после тысячи препятствий соединяется с дорогим человеком, разве может быть большее счастье?!

Стремясь ускорить момент встречи с Альбиной (а выехать мне нельзя было), проходил я ежедневно по шесть и более верст навстречу и там, изнемогая под палящими лучами солнца, со взглядом, устремленным в ту сторону, откуда она должна была приехать, сидел у дороги по несколько часов. Только тот, кто ждал, поймет, как, едва увидев какую-нибудь повозку, облако пыли или нечто подобное, срывался я с места и с бьющимся сердцем бежал вперед, а обнаружив ошибку, с горечью, отчаянием и новой надеждой ждал новый объект.

В течение двух так впустую прошедших недель я очень страдал, предполагая самые ужасные происшествия, которые могли случиться на степной дороге между Симбирском и Уральском. Воображение рисовало мне, в каком плачевном состоянии может оказаться Альбина: одна, не зная языка, среди враждебных туземцев, из-за недостатка денег или из-за того, что их украли, не имеет возможности двинуться дальше, а может быть, заболела, может, даже ее убили...

Эта последняя мысль едва не свела меня с ума.

В одно прекрасное утро, когда я, полный беспокойства, мрачных мыслей и предчувствий, собирался в обычный поход и в охотничьей одежде, с ружьем за плечами и с легавой

уже переступал порог, какая-то женщина, столкнувшись со мной в дверях, подала небольшую записку.

— От кого? — спросил я и, не дожидаясь ответа, прочитал: «Приехала, жду Вас в местном постоялом дворе, Альбина».

Как безумный бросаю я ружье на кровать, курок его ударяется о стену и ружье выстреливает, едва не убив одного из моих коллег...

Нисколько не смущенный этим происшествием и не обратив на него ни малейшего внимания, хватаю шинель и вылетаю как пуля. Бегу так без передышки почти версту, налетаю на людей, будто выскочивший из сумасшедшего дома, и, вбежав в маленькую комнату, застаю у окна Альбину.

Тут долго сдерживаемые слезы при виде ее полились из глаз моих. Я бросился перед ней на колени и, целуя ноги, плакал как дитя. Она не могла вымолвить ни слова и, рыдая, поднимала меня и мои ноги целовала. Так прошло несколько минут. Присутствовавшие при этой сцене хозяева и прислуга Альбины не могли удержаться от плача.

Наконец, Альбина первая, глядя мне в глаза, воскликнула:

— Так ты меня еще любишь?!

— Люблю ли я тебя?! Что это за новости! Откуда эти сомнения? О Боже, почему не дал Ты мне дара красноречия, чтобы мог я убедить тебя в своей преданности! Но нет, любви слова не нужны, по глазам моим читай, люблю ли я тебя!

И, подняв глаза, я бросил ей взгляд, полный той силы любви, что понятна лишь влюбленным. Он, подобно электрической искре, пронзил сердце моей будущей жены.

— Довольно! — обрадовалась Альбина.— Я полагаю, что ты не сомневаешься в моей преданности тебе.

— Кто бы мог сомневаться после таких явных доказательств! Ты достойна глубочайшего преклонения, выслушай меня: есть у нас пять чувств, так вот, если какое-либо из них осмелится оскорбить тебя, то перед лицом Бога добровольно

клянусь, что немедленно избавлюсь от него, чтобы вторично не допустить до такого преступления! Великий Боже, молю Тебя, помоги мне скрасить ее будущее, чтобы в нашей совместной жизни не ощутила она горькой участи изгнанника, чтобы мог я хоть частично вознаградить ее за самопожертвование! Пусть засверкают лучи нашего счастья! Пусть не иссякнет поток радости, пусть будем мы вечно связаны самыми тесными узами, пусть я буду чтить и почитать тебя как божество! Этого жаждет душа моя, с этим чувством хочу жить и умереть!..

Все это я произнес почти без передышки.

Потом оба мы вместе с прислугой сели в еще не распряженную повозку и я велел ехать к приготовленному для Альбины дому. Там, повторив друг другу слова вечной любви, мы вдоволь наговорились.

Альбина рассказывала мне, как во время переправы через Днепр внезапная буря носила паром и в течение нескольких часов не давала пристать к берегу. Измученные трудом и сильным холодом гребцы от упадка сил бросили весла и, плача, вручали Богу свои души. Только она одна, видя неминуемый конец, почти с радостью его ожидала, потому что не была уверена, что наш союз не станет для меня помехой. Только щекотливость ее положения могла оправдать подобные предположения.

Затем рассказывала, как нанятый в городе Симбирске ямщик свернул с тракта в густой лес и в то время, как она дремала, слез с козел и стал совещаться со своим товарищем, который ехал сзади, за повозкой, как бы ее убить вместе с прислугой, и как последняя, услышав этот разговор, разбудила госпожу и с плачем ей это рассказала.

Альбина, не теряя присутствия духа, вынула из карманов в повозке пару еще в Каменец-Подольском заряженных пистолетов, взвела курки и, приняв как можно более грозную позу, направила дула на него, предупреждая, что при малейшем покушении выстрелит ему в лоб. Растерявшийся

от неожиданности ямщик, увидев нацеленные на себя два дула, стал на колени и, сложив руки, умолял, чтобы сжалилась над его душой, клянясь и Бога в свидетели призывая, что ничего подобного не замышлял. Однако Альбина в первом же селе, не пожаловавшись, потребовала от местной власти сменить кучера.

Пистолеты же, которые вынул я из повозки, действительно были со взведенными курками, так как Альбина, боясь, как бы не выстрелили, но не умея их разрядить, так и опустила в карманы.

Далее она рассказывала, как серебряная сахарница, в которой было 500 рублей ассигнациями на второстепенные расходы и некоторые золотые женские украшения, приготовленные для нас обручальные кольца, выпала через открывшуюся дверцу повозки в то время, когда она и прислуга дремали. «Это все пустяки, — говорила она, а вот потеря колец — плохое предзнаменование, которое ужасно меня беспокоит».

Несколько дней спустя с еженедельной почтой в Оренбург отправил я настоятелю костела ксендзу Желёнке⁴⁴ письмо с просьбой приехать в Уральск обвенчать нас. Однако он, вместо того чтобы приехать, нашел препятствия, не позволяющие нас благословить. Препятствия эти были пустяковые и легко устранимые путем предъявления паспорта Альбины, где указано, что она не замужем и совершеннолетняя, а также письменного разрешения ее отца на наш брак. Но священник до педантизма любил пустые формальности и придумал новую, заключающуюся в том, что ему потребовалось разрешение приходского священника.

Таким образом, оставалось либо ждать три месяца, пока не вышлют требуемое разрешение, либо в соответствии с церковными правилами Альбина должна была прожить шесть недель в Уральске, после чего получить разрешение ксендза Желёнки в качестве священника ее нового прихода и тогда только уже могла быть обвенчана со мной.

Представьте себе, как мне это надоело, мои злость, нетерпение и возмущение тем, что священник все еще не прибыл, а я уже четвертую неделю занимаюсь пустой с ним перепиской. В конце концов в гневном порыве схватил я перо и написал ему: «Если по получении этого уже последнего с моей стороны письма Вы, отец-настоятель, немедленно не приедете, то я, чтобы не ставить далее свою невесту в ложное положение, поскольку она живет совсем одна и это вызывает двусмысленные толки на ее родине, где люди, привыкшие судить о вещах поверхностно, порицают ее за то, что принимает меня у себя, если, повторяю, не приедете, вынужден буду перейти в православную веру и принять благословение от попа, а потомки пусть рассудят, кто из нас будет в этом более виновен!» Такая угроза устранила все затруднения, ибо и мои товарищи в Оренбурге, которых я одновременно уведомил, заставили наконец священника приехать в Уральск.

И вот после стольких трудностей, препятствий и опасностей прибывший ксендз-настоятель в день 24 июня 1837 года сочетал меня с Альбиной узамы брака. Там не было нашего костела, поэтому торжество происходило в доме командира батальона подполковника Повало-Швейковского. Собрались здесь первые лица города, по секрету от нас уведомленные хозяином дома, чтобы посмотреть на ранее не виданное ими католическое венчание.

На лицах собравшихся наряду с выражением обычного любопытства отражались и некоторая растроганность и участие в судьбе невесты, которая, скромно, но со вкусом одетая, стояла рядом со мной, облаченным в солдатский мундир, и поглощена была значительностью и торжественностью акта, предопределяющего ее новое положение. Этим Альбина обратила на себя всеобщее внимание и для некоторых умеющих проникнуть в суть происходящего стала предметом того высокого уважения и даже преклонения, которые полагаются добродетели в несчастье; ведь достоинство присуще самому человеку как образу Божию, а не тому положению,

какое он занимает, или одежде, которая его покрывает. Во мне же заметили злость, ненависть и возмущение, ибо на лице моем написано было не только счастье в связи с обрядом, но и мысль, что не такая судьба должна бы встретить мою дорогую Альбину, и та мысль клеймом запечатлелась на моем лице.

После венчания присутствовавший на нем мой земляк генерал Цёлковский, который прибыл из Оренбурга, и местный командир батальона проводили нас до нашей совместной общей уже квартиры. Вечером кроме этих двоих приглашены были только наши земляки, такие же, как и я, политические ссыльные: господа Игнацы Прондзиньский, Тадеуш Жабицкий и Ян Злотковский. Мы не хотели приглашать никого из жителей этого города, с которыми никакие отношения нас не связывали. Правда, общественность была этим оскорблена и начала уже роптать, что мы не хотим завязывать с ними никаких знакомств, но мы не обращали на это внимания.

Из-за этого в дальнейшем мы не раз испытывали тысячи неприятностей, в особенности доставалось мне. Уральцам казалось, что мы на их участие (хоть участие это было подобно чувствам читателя какого-нибудь романа, когда он, дойдя до трогательной сцены, умиляется до тех пор, пока не закончит главу либо не перевернет страницу), так вот, что на участие мы отвечаем им ненавистью и презрением. Мы же вовсе не испытывали подобных чувств, а просто хотели жить скромно, как пристало изгнанникам.

Из-за этого не раз мне как солдату (хоть, по правде говоря, со времени женитьбы меня ни к какой службе не привлекали), вынужденному все же встречаться со своими начальниками, ставили такие требования, которые к простому солдату не предъявлялись. А вся вина моя была в том, что жена моя приехала в венском экипаже, гуляла в шляпке или под зонтиком и жила вместе со мной в меблированных комнатах. Они же, сами этого не имея, никак не могли взять в

толк, как это солдат всем этим обладает, а если и понимали, то стерпеть не могли.

Часто случалось, что в подобных стычках так меня придирками донимали, что я, несмотря на свое положение, возмущенный их несправедливостью, требовал, раз уж по несчастью пришлось мне стать солдатом, чтобы относились ко мне как к солдату, отстали от меня и ни в какие домашние дела, не касающиеся службы, не вдавались. Но все было напрасно, и может, дошло бы до крайности, если бы почтенный командир батальона Повало-Швейковский своим примером, подлинной снисходительностью и частыми посещениями не показывал своим подчиненным, как к такого рода людям, как мы, следует относиться.

Влияние этого благородного человека не могло распространяться на всех жителей города. Касалось оно лишь подчиненных из его батальона. Но даже им усвоить то, что внушал командир, и, скажем, переменить свою натуру, воспринять его принципы было так же невозможно, как нам за небольшой промежуток времени освоиться с нашим нынешним состоянием и положение свое так устроить, чтобы прошлое не влияло на настоящее, чтобы высшее образование и домашнее воспитание не проявлялись всегда и везде.

Чем дальше, тем больше наш дом становился предметом потаенных и злых пересудов жителей. Жена же моя оказалась для них полнейшей загадкой. Уральцы никак не могли осознать, как эта особа, имеющая возможность пользоваться преимущественными правами, которые не были у нее отняты общественными законами, пренебрегала ними. А того не могли уразуметь, что та же самая особа, покидая отчизну, добровольно отказалась от тамошних высших удовольствий и привилегий ради того, чтобы весь мир сосредоточить в уединенной жизни со мною. По этой причине предпочитали мы скорее подвергаться неслыханным и злостным осуждениям и сплетням, на какие способно только оскорбленное самолюбие, нежели, поддерживая с уральцами контакты,

выставить себя на унижительную для нас их жалость и снисходительное общение с нами только из памяти о нашем былом положении. Одним словом, были мы оба слишком горды, чтобы принимать мнимые любезности уральцев, и навлекали на себя грубости, к которым они в то время оказывались склонны. Не раз случалось, что они в своих собраниях, обсуждениях и спорах как самый веский аргумент приводили разницу в чине, доказывая, что младший по званию не может быть умнее старшего; каждый поэтому согласится, что я, сосланный солдат, а стало быть самое жалкое Божье создание, вечно, всегда вынужден был бы молчать; из-за этого, как я уже сказал, предпочитали мы избегать их любезностей, чтобы после тысячи таковых не услышать одну ничем не искупаемую грубость.

Потому я, заметив позднее, что жена моя в положении и, значит, ей требуется двигаться, вынужден был, чтобы не допустить скверных последствий, прогуливаться с ней только по огороженному двору нашего дома, поскольку неприязненно настроенное простонародье, заметив безрезультатность моих жалоб, не признавало иного обуздывающего средства, кроме палки, я же не собирался прибегать к нему постоянно, а лишь при крайней необходимости.

Так, мыкая горе, мы тем не менее относились друг к другу с такой любовью, какая редко встречается у других супругов. Я, как полагается примерному мужу, уступал своей жене во всем, ценил в ней те высокие, тихие, неброские, домашние достоинства, которые видны были только мне. Стремясь хоть частично отплатить ей, я был предупредителен и все свои усилия направлял на то, чтобы ни на минуту не дать ей повода со временем пожалеть о своем самопожертвовании; замечая облачко печали на челе моей доброй жены (которое возникало лишь из-за нашего положения), я осыпал ее такими ласками, был с ней так добр, откровенен и нежен, так неисчерпаем в проявлениях трогательной привязанности, что она, в блаженном наслаждении, сердилась на

себя за то, что позволила внешним обстоятельствам, не связанным с нашей семейной жизнью, вызвать грусть на ее лице.

В наших осчастливленных супружеством сердцах постоянно поддерживалось пламя восторженности, оно разгорелось с огромной силой и даже перешло в экзальтацию. Альбина, когда я был дома, целыми часами смотрела на меня, с восхищением слушала мой голос и также старалась предупредить каждое мое желание. Она вовсе не заботилась о себе, не думала об удобствах и нарядах, не угождала своему аппетиту; все, чего жаждала ее заботливая душа, это видеть меня здоровым, чисто и прилично одетым, с аппетитом поглощающим приготовленные ею лакомства, веселым и любящим ее.

Не раз, когда я дремал днем на диване, она, сидя рядом, отгоняла мух и будто в горячечном поэтическом восторге рассматривала мои черты и никак не могла насытиться своим счастьем. Когда меня не было дома, воображение открывало ей целый мир в необыкновенных мечтаниях; оставшись одна, она постоянно думала обо мне, считала это единственным и самым большим наслаждением, представляла себе мое лицо, вызывала из памяти эхо моих последних слов, вела тихий и таинственный разговор, и хоть меня, как я сказал, дома не было, она витала со мной в волшебных, неземных сферах фантазии.

Она никогда не представляла себе, что питать такое блаженное пристрастие безнравственно, что это может осуждаться религией; не думала, что такая глубина чувства к человеку может быть противна Богу, который его сам же и вдохнул. Напротив, ей казалось, что она лишь исполняет свой долг, в котором поклялась перед алтарем, и при такой любви еще упрекала себя, что любит меня недостаточно.

Словом, мы были бы счастливейшими супругами, если б наше благополучие не отравляли постоянные и неизбежные конфликты с местными жителями. Не было ни дня, ни часа, чтобы Альбина не обливала меня слезами, когда я по необходимости выходил из дому. Каждый раз по возвраще-

нии по глазам читала, не приключилась ли какая-нибудь неприятность на улице. Счастлива она была, если опасения ее оказывались напрасными, но если случался у меня на улице с кем-нибудь инцидент, то ее печаль переходила всякие границы: сетуя, обвиняла себя, что своим приездом подвергает меня постоянным неприятностям, ибо из-за необходимости вести дом и хозяйство я не мог быть избавлен от общения с жителями. Эти чуткость и щепетильность ее старался я, как мог, успокаивать, доказывая, что без нее жизнь моя была бы горькой мукой, тогда как она единственная ее услада.

Прошу прощения у читателя за то, что, описывая нашу любовь, я, может быть, вдаюсь в излишние подробности, но это единственные мгновения из прошлого, которые я в старости вспоминаю с горькой усладой.

По правде говоря, в то время даже представители высших кругов Уральска были несносны, простонародье же — Господи, смилуйся над ними!.. Невозможно было показаться на улице: приставали и задевали нас везде. А вся моя вина была в том, что я солдат, а Альбины — что не хотела с ними общаться. Наконец, потеряв терпение и желая раз и навсегда положить предел неприятностям, после инцидента, что произошел у нас с казачьим офицером Чертороговым, жена моя написала генерал-губернатору Оренбурга Перовскому ⁴⁵ следующее:

«Свободная и независимая некогда гражданка, я оставила все, последовав за несчастным женихом, а нынешним моим мужем. Не предполагала я тогда ни на минуту, что при русском правлении за благополучное достижение цели придется расплатиться, испытав величайшую грубость, которой я, к сожалению, подверглась.

В половине девятого вечера, возвращаясь с мужем домой после прогулки, встретили мы господина офицера Черторогова, который шел без эполет; муж мой, узнав его и помня о своем чине, поднял руку к пилотке, чтобы оказать уважение,

полагающееся офицеру, тем временем господин офицер, неизвестно по какой причине, задержал нас на улице и, угрожая палкой, обругал мужа, утверждая, что он не поклонился.

Предположим, господин генерал, что так и было, но разве нельзя было найти надлежащий способ поставить на место моего мужа, а не прибегать к грубости, позорящей офицера?

Господин генерал! Полагаясь на ваше благородство и справедливость, надеюсь, что поступок господина офицера не оставите безнаказанным, а тем самым соблаговолите сдержатъ и чернь, с покорной просьбой об этом имею честь...» и т. д.

Последствия этого письма были довольно благоприятны, так как арест господина офицера на некоторое время припугнул и остальных, но когда первое впечатление прошло, уральцы снова взялись за свое. Подобало ли нам повторной жалобой затруднять человека, который и сам этого не одобрял? Так что мы все терпеливо переносили, питая все же надежду, что Бог по доброте своей когда-нибудь нас вознаградит.

По-видимому, господин офицер, давая объяснения, доказывал, что я не снял перед ним шапку, а поскольку в воинской иерархии нельзя не верить словам старшего, то с одной из почт пришел приказ по батальону от генерала дивизии Эйсмана посадить и меня на две недели на гауптвахту; однако меня не арестовали, а лишь составили для информации приказ.

Узнал я об этом почти полгода спустя.

Так обстояли дела, когда в конце августа 1838 года Альбина родила дочь! Первый ребенок! Это изумительное явление в жизни женщины вызвало в ней новую любовь и новым светом озарило разум. Дитя это стало исключительным предметом наших усилий, забот, хлопот и любви и еще сильнее скрепило наш союз. Молодая мать, окрепнув, в каждой черточке милого личика усматривала сходство со мной. Я же, схватив ребенка на руки, как обезьяна по веткам, прыгал от радости по стульям, дивану, комоду и кровати, и мы

попеременно выхватывали его из рук, гоняясь друг за другом. Отдать его кормить чужой женщине было бы, возможно, здоровее и для матери, и для маленькой Михалины, но мысль о том, что это невинное существо вместе с чужим молоком может всосать и чужие склонности, остановила нас, и с согласия доктора Моретца жена моя кормила сама, а я не подпускал никого к Михалинке и не доверял ее никому, сам баюкал, пел ей народные песни Немцевича ⁴⁶, купал и пеленал, а подавая к груди Альбине, завидовал, что не могу сам кормить ее.

Одним словом, дитя это скрашивало наше одиночество; росло и развивалось счастливо. Упоенные счастливейшей любовью, славя Бога, молили мы Его святого покровительства над младенцем и в пылу радости ни на минуту не предполагали, что Бог нанесет страшнейший удар по нашим изболевшимся сердцам, призвав его к себе. Но, увы, именно так случилось! Весна в этом климате невыносимая, она была причиной массовой смертности младенцев и у нас отняла последнее утешение. Михалина в мае 1839 года умерла!

Несчастливая мать не плакала, а лишь жалобно стонала и, ломая руки, обвиняла судьбу, проклинала уральский климат, всю Московию и ее воздух; падая на маленький труп, пыталась дыханием своим оживить его! Долго длилась убийственная для меня сцена, глядя на мою бедную мученицу и умершего ребенка, я отчаянно и горько плакал. Наконец, надо было его похоронить; я отправился к местной власти, но атамана не было, командующий батальоном менялся, кроме того, поляков в то время считали нехристями, и мне, в насмешку над самыми святыми чувствами отца и христианина, как бы отказали в погребении.

Возмущенный таким издевательством, в первом порыве гнева хотел я тщательно упаковать труп и под видом обычной посылки отправить почтой в Галицию для погребения в семейном склепе, но, поостыв, поступил иначе. В приготовленный и плотно обклеенный изнутри гробик положил я

набальзамированное тело и поместил в выложенную из камня рядом с кладбищем могилу.

Долго-долго оставались мы безутешны после этой потери, я вынужден был поменять квартиру, потому что несчастная мать не хотела здесь дольше жить; очень часто выезжали мы в степь, почти жили там, чтобы время и новые предметы облегчили нашу боль.

После смерти Михалины Альбина написала императрице прошение посодействовать нам если не в возвращении домой, то хотя бы в увольнении меня от военной службы и разрешении жить в России под надзором полиции, только бы не в этом климате. «Сегодня, Ваше Величество, — пишет она, — Вы находитесь в сиянии престола и не нуждаетесь во мне, но в будущей жизни я за эту милость уроню слезу благодарности».

На эту просьбу 25 июля из Вальцбруна в Силезии пришел ответ, в котором секретарь императрицы сообщал Альбине: «Ея Величество ни в какое посредничество по делам сего рода не входит». (Подпись на документе — Иван Шамбо.)

Горький этот ответ не мог не удивить нас. По нашему мнению, он был бы уместен, если бы просьба касалась правосудия, но прошению о милости он не соответствовал.

Почти одновременно с этим ответом пришло сообщение от моих родителей, что их ходатайство перед престолом о моем помиловании осталось без ответа; прибавьте к этому еще выше и ниже изложенные причины, а прежде всего ожидаемые в феврале роды Альбины, отсюда опасение смерти второго ребенка из-за климата, продумайте все это, и тогда шаг наш и описанные ниже планы сами оправдаете.

Известно, что неволя никому не мила и что душа не терпит насилия, ее природа отвергает всякое принуждение, хочет свободы и что Бог, наконец, который все создал свободным, несомненно, желал, чтобы даже железо было свободно, а люди мучают им друг друга.

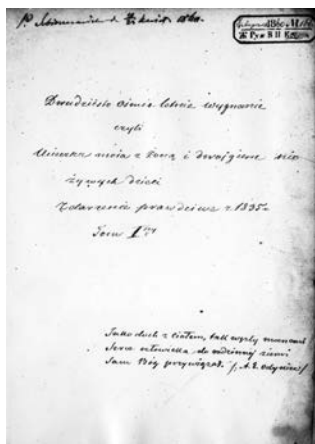
Исходя из такой точки зрения, разработал я план, в котором большую роль отводил жене. Хотя она и была болезненной и хрупкой, но зато обладала сильной душой, твердым характером, постоянной волей, самопожертвованием, стойкостью и готовностью ко всему. При такой основе можно было выполнить задуманный план, за который она и ухватилась горячо. План этот был — обретение свободы.

Жена моя утверждала, что жизнь, подобная нашей, оскорбляет врожденное достоинство человека, являясь скотским состоянием и грехом, и что каждый, кто имеет возможность и не пытается ее изменить, совершает преступление. Одним словом, посоветовавшись, решили мы бежать из России.

С этой минуты на всех наших домашних советах Альбина, отличающаяся особым даром проницательности во всех вопросах, касающихся человеческой души, получила от меня право решающего голоса.

В соответствии с согласованным и утвержденным столько раз упомянутым планом бегал я по всему городу и старательно разведывал, не умер ли кто из мужчин или не заболел ли смертельно. Не раз бросал я самое срочное занятие, как только узнавал о новом покойнике. Приходил в дом усопшего или больного, выискивал разные поводы для объяснения своего появления, чтобы скрыть подлинный. Если случалось, что какой-то мужчина заболел, то, признаюсь со стыдом, втайне желал ему смерти, под предлогом, чтобы не мучился. Ведь наша природа так испорчена, что когда личный интерес требует, тогда мы склонны даже в плохом увидеть хорошую сторону. Таким образом как будто заглушается наша совесть и мы освобождаемся от ее угрызений.

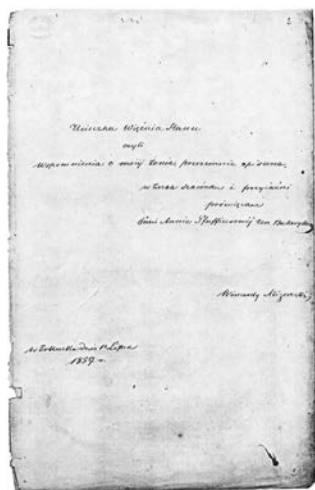
Случалось, что собравшиеся около больного соседи говорили о каком-то вчера только умершем казаке. Тогда я самым осторожным образом расспрашивал, где он живет, и под предлогом аренды дома, покупки коровы, подводки или чего-либо подобного бежал из одного конца города в другой. Посмотрев здесь на покойника и убедившись, что он не соот-

Титульный лист рукописи воспоминаний В. Мигурского. Семейный архив Я. Мигурского (Гливице, Польша)

Эдвард Одынец

Титульный лист рукописи воспоминаний В. Мигурского с посвящением А. Пфаффиус. Автограф. Гос. музей Л. Н. Толстого в Москве. Отд. рукоп.

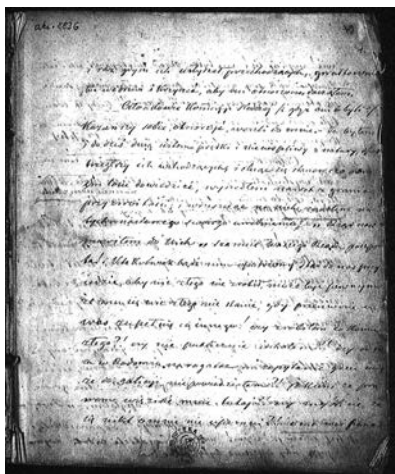
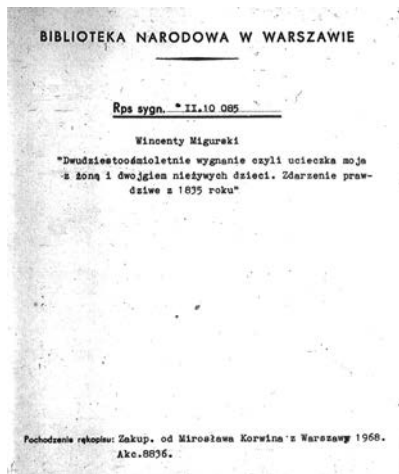
А. А. Пфаффиус — иркутская приятельница В. Мигурского, которой он подарил рукопись своих воспоминаний

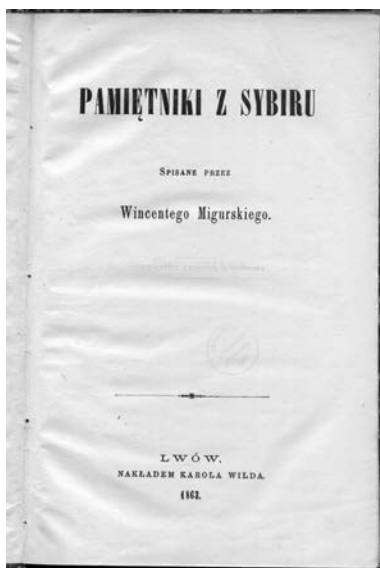
Адам Мицкевич.
Худ. Валенты Ванькович

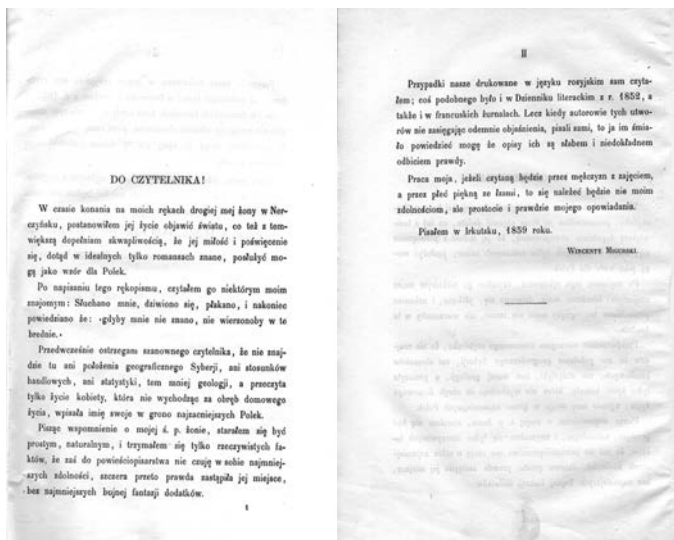
Заключительный лист рукописи
воспоминаний В. Мигурского. Гос.
музей Л. Н. Толстого в Москве.
Отд. рукон.

Архивный формуляр и первая страница
рукописной версии воспоминаний
В. Мигурского. Нац. библиотека. Варшава

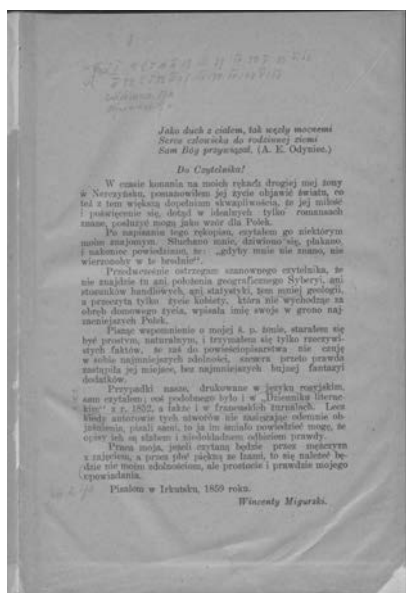
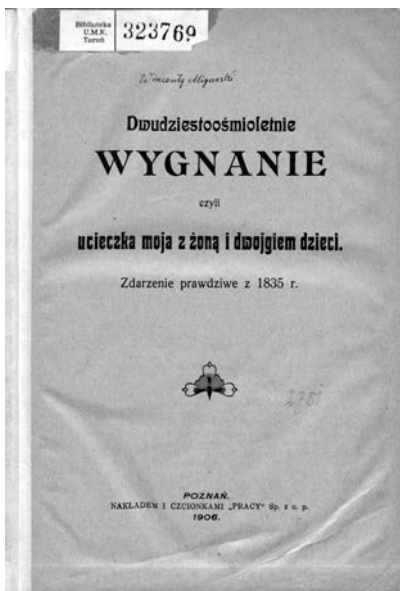

Титульный лист первого издания воспоминаний В. Мигурского (Львов, 1863)

Страницы обращения В. Мигурского «К читателю» в первом издании его воспоминаний (Львов, 1863)

Титульный лист второго издания воспоминаний В. Мигурского (Познань, 1906)

Страница обращения В. Мигурского «К читателю» во втором издании его воспоминаний (Познань, 1906)

Львов. Площадь перед бернардинским костелом

Вид Варшавы со стороны Праги. Б. Б. Каналетто

Радом. Городская ратуша

Варшава. Дворец Брюля

Эва Фэлинская

Е. Е. Суходольская, дочь Е. В. и А. А. Пфаффиусов. Видимо, она передала Иркутскую рукопись воспоминаний В. Мигурского в Гос. музей Л. Н. Толстого в Москве

Е. В. Пфаффиус, муж А. А. Пфаффиус (урожд. Боборькиной)

*Е. И. Трубецкая.
С акв. Н. А. Бестужева.
Не позднее 1828 г.*

*Декабрист С. П. Трубецкой.
Акв. Н. А. Бестужева*

*П. Д. Горчаков — генерал-
губернатор Западной Сибири
в 1836—1851 гг.*

*Н. Н. Муравьев-Амурский —
генерал-губернатор Восточной
Сибири в 1848—1861 гг.*

*Портрет Альбины Мигурской.
Оригинал в семейном архиве
Я. Мигурского (Гливице, Польша)*

*Могила Альбины Мигурской и сына Конрада
в Нерчинске. Рис. неизв. автора. Семейный архив
Я. Мигурского (Гливице, Польша)*

ветствует моим намерениям, снова без передышки бежал в другой конец города с новой информацией. Словом, ни один доктор, из преданности гуманизму ли, или же собственному кошельку, не посещал своих пациентов с таким усердием, с каким я наводил справки обо всех больных и умерших. Но, несмотря на то, что длилось это уже почти три месяца, я ни разу нигде не нашел того, что искал.

Но пора уже объяснить, что я искал. Так вот, хотел я найти покойника моего пола, схожего со мной возрастом и ростом. После похорон такого я намеревался тайно его извлечь, привезти домой, одеть в мое платье, размозжить в подвале ему голову несколькими выстрелами, облить заранее приготовленной свежей кровью, а самому спрятаться в доме. Жена должна была уведомить власти об этом несчастном случае, словом, так все устроить, чтобы власти уверились в моем самоубийстве и не могли иметь ни малейшего подозрения, что я жив.

Но поскольку Альбина ждала ребенка в феврале, до которого оставалось всего четыре месяца, а трехмесячные поиски подходящего трупа результатов не дали, мы решили изменить план. Однако расчеты в соответствии с новым планом показывали, что пока местные власти отрапортуют, пока из Петербурга придет разрешение моей жене на выезд, родить ей придется в Уральске, а значит, новорожденного снова принести в жертву местному климату. Поэтому решили мы немедленно приступить к осуществлению плана.

И вот 21 ноября 1839 года подготовил я письмо на французском языке к атаману полковнику Кожевникову: на французском потому, что он не знал польского, а я в то время — русского. Вот содержание этого письма: «Господин полковник! Лишая себя жизни, не забочусь о мнении общества, тем более безразличны мне те, кто поступок мой припишет легкомыслию. Знаю, что вряд ли кто-нибудь станет углубляться в истинную причину, которая привела меня к этому последнему шагу, к преступлению! Высшая степень боли и

отчаяния не позволила мне более оставаться опекуном моей жены, посвятившей мне всю свою жизнь; но, обращаясь к Вам с просьбой о покровительстве ей, хочу описать все.

Покидая свою страну, покидал я также и невесту, которую не надеялся больше увидеть, а тем более назвать своей женой. Однако истинная любовь и преданность могут многое. Молодая, насчитывающая едва лишь 18 лет, эта бесценная женщина, не считаясь с опасностями и трудностями такого дальнего путешествия, приехала сюда, чтобы и в изгнании разделить мою судьбу, но что она получила за свое самопожертвование?

Наградой ей — величайшие огорчения и страдания, сделавшие жизнь невыносимой. Четыре года уже я на службе, а до сих пор не зачитали мне приговор. Во время пребывания в Уральске губернатора Перовского жена моя обратилась к нему с прошением, вверяя ему наше будущее. По истечении года подала прошение императрице, наши родители прилагали усилия, подавали прошения императору, жене его и наследнику престола с просьбой о единственной милости, чтобы освободили меня от солдатской службы и разрешили жить в России частным образом, лишь бы в другой местности, так как здешний климат очень вреден моей жене и ребенку. Известно мне было, что по приказу императора и с его разрешения каждый поляк имеет право поехать в отпуск на родину для упорядочения своих дел. Несколько месяцев тому назад обратились мы к губернатору за разрешением. Я предполагал, приехав туда, уговорить жену остаться в семье, а сам — возвратиться и ждать лучшей доли, но, увы, нам было в этом отказано.

Как видите, господин полковник, у меня не осталось никакой надежды; положение мое с каждым днем становится все более ужасным, а мысль, что та, которая меня любит, из-за меня несчастна, убивает меня и к жизни не привязывает. Обдумав все это, решил я смертью своей избавить ее от мучений, а боль от удара, что ее постигнет, если она переживет

его, утихнет в кругу семьи; но чтобы уберечь ее от вида моего после смерти, решил я броситься в воды Урала, и когда это произойдет, умоляю Вас, уделите несчастной женщине свое покровительство, она его всемерно заслужила. Если здоровье ей позволит, уговорите ее покинуть этот край, и как можно скорее, поскольку состояние, в котором она сейчас находится, требует ухода и заботы родных.

Простите, господин полковник, за доставляемые хлопоты, но смелости придает мне общее мнение о Вашей доброте, равно как и моя преданность жене. Надежда, что просьба моя будет исполнена, позволяет смелее приступить к задуманному».

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Квартира, которую мы занимали, состояла из прихожей, залы, спальни и маленького, в одно окно, кабинета. Дом этот выбрал я с тем расчетом, чтобы наряду с другими удобствами иметь и то главное, что владелец одного, казак Попов, назначенный на трехлетнюю службу на Кавказе, дал мне хотя бы уверенность в том, что не выставит меня из дома, когда ему вздумается. Ведь в те времена среди уральцев договор не имел ни малейшего значения, можно было изменить его в любую минуту.

Закончив письмо к атаману, запечатал я его черной печатью, подошел к Альбине, в глубокой задумчивости сидящей на диване, и сказал:

— Ну, дорогая моя жена, с моей стороны все готово!..

— Готово, — повторила она жалобно. — Боже мой, что же завтра с нами будет!..

А после минутного раздумья добавила:

— Подожди, дорогой, посоветуемся сперва с Богом, с Него надо нам начинать.

С этими словами взяла она со столика молитвенник Фомы Кемпийского⁴⁷, опустилась на колени перед образом Спасителя, сжала нераскрытую книгу в руках и, возведя глаза к Богу, начала горячо молиться.

Я был растроган! Стоя в стороне, смотрел на нее с таким почитанием и уважением, каких лишь неземные существа достойны. В самом деле, если кто-либо из моих читателей испытает когда-нибудь такое святое чувство, как я тогда, то убедится, что никогда любимая женщина не кажется поря-

дочному человеку более дорогой и прекрасной, чем во время молитвы. В ее покорной позе, сложенных руках и вознесенном лице есть что-то ангельское; а к тому же если знаешь, что женщина эта молится за себя и за предмет своей Богом благословенной любви, то такое блаженство тебя охватывает, будто видишь ангела-хранителя, ежеминутно тебя оберегающего. Так было и со мной. Я был уверен, что мольбы этого земного ангела обещают нам лучшее будущее.

Не прошло в молитве и нескольких минут, как Альбина внезапно раскрыла дотоле сжимаемый ею молитвослов и на странице 64 книги I-й, главы 22, под номером 5 прочла следующие слова: «Зачем хочешь откладывать до завтра начинание свое? Встань, начинай немедленно и говори. Настало время действовать, настало время бороться, настало время, способствующее исправлению. Если тебе плохо и печаль гнетет тебя, то настало время и для деятельности, достойной признания. Должен ты пройти через огонь и воду, покуда не достигнешь прохлады!».

Представьте себе, что мы оба почувствовали, прочитав эти слова! Они, как бы явно исходившие от Бога, пронизали нас чувством глубочайшего раскаяния и благодарности к Нему!

Не секрет, что когда мы к чему-то стремимся, то в самых мелких и даже ничего не значащих обстоятельствах склонны увидеть нечто благоприятствующее нашим планам; слова, которые можно истолковать двояко, простые фразы, ветер, дующий в одну сторону, монотонный гул мастерской или машины, даже однообразный голос колоколов, словом, все, несмотря на сопротивление, силой тащим за собой. Так и здесь, после того как Альбина прочитала приведенные выше слова, мы истолковали их в свою пользу и были почти уверены, что само Провидение благоприятствует нашим намерениям.

Взволнованный, в глубоком раскаянии, упал я рядом с Альбиной на колени и, склоняясь перед Божественным величием, воскликнул:

— Боже, создавший почти в одно мгновение мир с любовью и несчастьем, благослови нас в наших начинаниях! Дай нам безропотно перенести предсказанные огонь и воду! Дай еще в будущем передохнуть на лоне предстоящего счастья! Пусть оттуда вознесутся наши благодарственные песнопения, оповещая о Твоей милости и величии! Мы же что можем Тебе принести? Поистине ничего, кроме обещания, что цветами, собранными на весне нашей жизни, будем в вере украшать Твои алтари!

Упомянутый выше кабинет был такой маленький, что кроме небольшого столика у окна с двумя стульями около него в нем ничего не было. Туда я удалился после молитвы, накрыл столик черным сукном, завесил окно такого же цвета платком, поставил на столе черное распятие, у подножья его положил череп, на левом краю столика — большую книгу, на правом — лист исписанной бумаги, посередине поставил чернильницу с воткнутым пером и положил письмо с черной печатью. Прибавьте сюда две низенькие стоячие зажженные лампы, которые давали неравномерный, то более сильный, то слабый свет. Неровный свет этот, падая на стены и остальные предметы, создавал какой-то колдовской и в то же время страшный вид. В так нарочно, для большего впечатления подготовленную комнатку позвал я Магдусю.

Магдалена Закшевская была маленького роста. Впавшая между плеч голова, довольно большой горб на спине и полных 38 лет не оставляли её никакой надежды вырасти. Родилась она в Галиции в деревне и почти с детских лет была взята в усадьбу, где носила на руках мою жену. Поэтому, находясь постоянно около господ и, кроме того, будучи родом из пришедших в упадок шляхтичей-арендаторов, научилась вести себя по-господски и выражаться господским языком, а благодаря здравому природному уму глубоко судила о вещах. Добавим к этому её злой и острый язык, которым природа возместила её физические недостатки, ненависть и мстительность ко всему человечеству, так как из-за своих

недостатков и уродства она считала себя отбросом общества; затем незамужнее ее положение, само по себе приносящее неудовлетворенность и портящее характер; при этом знание ею наизусть множества молитв, величаний, колядок, псалмов, песен, к исполнению которых она с детства была привычна; наконец, систематическое употребление табака. Если собрать все это и объединить в одном маленьком существе, то получим образ Магдуси, которую так уменьшительно называют до сих пор.

Альбина, выезжая из Галиции в Уральск, потому взяла с собой ее, а не другую, что, во-первых, Магдуся сама этого хотела, во-вторых, другую незаслуженно лишила бы родины, а в-третьих, всякая другая, несомненно, вышла бы замуж за кого-нибудь из наших храбрых солдат и Альбина осталась бы без прислуги.

Когда Магдуся по моему вызову вошла в эту комнату, она заметила произведенные там приготовления и, придя в явное замешательство, с испугу попятилась на несколько шагов. Но я сказал:

— Не пугайся, Магдуся! То, что я тебе открою, — это очень важное дело, но ты узнаешь о нем только после того, как поклянешься, что никому не скажешь.

Вот перед тобою панна Альбина (так ее Магдуся обычно называла); ее счастье, мое и твое требует этой клятвы. Итак, если ты на нее согласна, доверю тебе тайну, которая обеспечит нам всем лучшее будущее.

Магдуся ответила не задумываясь:

— Хорошо, господа! Я для вас все готова сделать и уверена, что не потребуете от меня ничего такого, что не было бы угодно Богу.

— Верно говоришь, Магдуся, — отозвалась Альбина, — правильно, что нам доверяешь, душу твою Бог не осудит и не откажет тебе в своем благословении, если поклянешься и сохранишь тайну.

— Так как, соглашаешься? — спросил я.

— Соглашаюсь!

— Ну хорошо, подойди ближе, опустишь на колени перед распятием, положи два пальца правой руки на Евангелие, внимательно слушай каждое слово, что я произнесу, и вслух повторяй.

Взяв бумагу, я стал читать:

«Я, Магдалена Закшевская, клянусь перед Господом Богом всемогущим, Пресвятой Девой и всеми святыми, что тайны, которая будет мне доверена, никому не открою, не предаю, не выдаю даже знаками; в противном случае пусть справедливый гнев Божий настигнет меня всюду, пусть душа моя навеки осуждена будет и никогда не увидит сияния Господа. Помогите мне в этом во имя невинных страданий Сына Твоего. Аминь!»

После этого обряда панна Закшевская, узнав, в чем заключается дело и подписав присягу, вышла. Я же после ее ухода бумагу с присягой сжег.

Предстояло нам уладить еще одно обстоятельство до того, как письмо мое будет передано атаману. А обстоятельство это было тем более сложным, что наши намерения предстояло доверить еще одному лицу, притом русской женщине, уралке! Долго мы с женой обсуждали, чего принесет нам больше — хорошего или плохого, если посвятим ее в тайну. Но пришли мы к выводу, что уведомить ее необходимо. С этой целью послал я Магдусю попросить к нам пани Марию.

Пани Мария была молодая, едва лишь шестнадцатую весну встретившая особа. В то время когда я приехал в Уральск и познакомился с ней, она три года как возвратилась со своей матерью из Петербурга, где в течение трех лет жила вместе с отцом, там служившим. Мужа и отца похоронили в Петербурге, а мать и дочь вернулись в Уральск.

Во время пребывания в Петербурге освоились они с тамошним образом жизни, совершенно несходным с уральским, и по возвращении первыми из уральских женщин ос-

тавили одежду и обычаи предков, оделись по-европейски и переняли европейские манеры. Уральцы, видя такие перемены в их жизни, называли их малым Петром в штанах.

Случалось, что закоренелые, старые уралки, увидев их на улице под зонтиками или в шляпах, незаметно крестились и потихоньку называли их между собой «проклятыми отщепенками». А для высшего слоя общества поначалу были они предметом глухих роптаний, затем постепенного, при сближении с ними, подражания. Поэтому ничего удивительного, что обе «реформаторши», вынужденные жить среди таких дикарей, стремились к лучшему обществу, а поскольку нашли его лишь в среде сосланных сюда поляков, то с удовольствием их у себя принимали. В особенности дочь, молодая Мария, обучаясь у нас и воспитываясь, усвоила наши правила, прониклась нашими обычаями и почти что говорила и думала по-нашему. Когда я прибыл в Уральск, давал ей уроки французского языка, и никто, не считая меня самого, не был так счастлив по поводу приезда Альбины, как она, так как присутствие моей жены давало ей право на посещение моего дома.

Эта Мария (в то время барышня) через три месяца после нашей свадьбы вышла замуж и жила по соседству с нами; муж ее был заклятым врагом поляков за то лишь, что во время нашей войны ⁴⁸ его, убегающего, где-то потрепали. Он злился на жену за то, что она бывает у нас, однако желание видеть ее образованной заставляло его смотреть на это сквозь пальцы. Поэтому-то добрая Мария по целым дням просиживала у нас с работой и была счастлива в нашем обществе.

Прервать, после моей мнимой смерти, такие тесные отношения без всякого весомого повода было бы не только безрассудно, но и опасно. Внезапный разрыв вызвал бы подозрение во всем городе; принимать же ее по-прежнему, не посвятив в тайну, значило бы заставить мою жену постоянно притворяться перед ней, а меня — целыми днями скрываться в доме, что было бы невыносимо.

Словом, надо было выбирать одно из двух и либо отказаться от принятого плана, либо, приступив к его выполнению, довериться также и Марии. Решили мы остановиться на втором, тем более что, будучи уверены в ее характере и преданности нам, рассчитывали на то, что она как жена высшего чиновника военной канцелярии сможет узнать у него о предпринимаемых против нас действиях и предупредить нас, а своим пребыванием в нашем доме устранил всякие подозрения о том, что я скрываюсь дома, если таковые возникнут в городе.

Когда пани Мария вошла, я подошел к ней и, взяв за руку, завел в знакомый уже нам кабинет. Там сидела в глубокой задумчивости Альбина. С головой, опущенной на руки, с глазами, прикрытыми ладонями, она не заметила, как мы вошли. Мария, увидев кабинет, воскликнула:

— Боже, что это?!

— Ничего, ничего, милая Мария, — ответил я, — сейчас все узнаешь, только будь добра, сядь здесь, на этом стульчике.

Встревоженная Мария с беспокойством огляделась, все охватила и поняла, что за этим кроется что-то серьезное. Кроме описанных выше предметов заметила она еще и пару пистолетов на столе. При виде их она вздрогнула и посмотрела на Альбину. Взгляды их встретились, а когда заметила отраженное в глазах и во всем лице моей жены разлитое страдание, содрогнулась и побелела как стена, и когда я вторично указал ей на стул, она села на него, вся дрожа, словно взошла на эшафот.

Не желая держать ее в мучительной неизвестности, взял я со столика письмо и, показав его ей, сказал:

— Вот та причина, по которой я тебя, дорогая Мария, попросил сюда прийти. Прежде всего я должен извиниться, что невольно испугал тебя видом этого кабинета, который не для тебя был подготовлен. Только что до тебя была здесь Магдуса, она поклялась, что доверенную ей тайну никому не откроет. Ты же, как человек одаренный более высоким по-

ниманием, клятву давать не будешь, мы так твердо уверены в твоём характере и добром сердце, что совершенно не опасаемся ни малейшего предательства с твоей стороны. Чтобы делом доказать наше доверие, сообщаю тебе, что в этом письме написано, что я, будучи не в состоянии больше переносить страдания Альбины, бросаюсь в Урал. В действительности же намереваюсь я спрятаться в доме и дожидаться момента, когда мы оба сможем уехать из России. Сегодня ночью это письмо будет передано атаману, так что завтра утром весь город будет взбудоражен, и начнутся поиски в Урале. Заметь же, дорогая Мария, как мы тебя любим и до какой степени доверяем, если могли бы и тебя, как и весь город, ввести в заблуждение, но по отношению только к тебе одной этого не делаем. Поэтому ты должна сохранить эту тайну и никому на свете не доверять, если не хочешь, чтобы эти вот пистолеты оборвали жизнь мою и дорогой Альбины.

Мария внимательно слушала, что я говорил, и постепенно успокаивалась. Но по мере того как слова мои раскрывали тайну, закипали у нее слезы. Когда же я, кончив говорить, показал на пистолеты, она, не в состоянии одолеть бурного потока слез, бросилась мне на шею и, рыдая, стала благодарить за доверие. От меня перешла в объятия Альбины и, всхлипывая, целовала ее. Наконец, бросилась перед нами на колени и, обнимая наши ноги, плакала, благодарила и умоляла не оставлять ее.

— Возьмите меня с собой, — кричала, — я всюду с вами! Хочу увидеть вашу отчизну, она и моей станет... Мне не нужна жизнь без вас, я навек с вами! С вами, с вами хочу быть вечно!

Эти и подобные слова и просьбы не могли не растрогать нас. Участливо подняли мы ее и, переговариваясь между собой, успокаивали как могли.

Когда первые минуты возбуждения прошли, я приступил к подробной инструкции, как ей следует поступать, как в компаниях, среди своих земляков, должна она сожалеть о

плачевном состоянии Альбины, как обо мне отзываться с величайшим презрением, выставять меня неблагодарным и доказывать, что своим самоубийством, план которого вызрел в аду, я погубил ту, что должен был осчастливить. При этом я особенно настойчиво требовал, чтобы она не доверяла эту тайну никакому определенному лицу.

Мария слушала меня прилежно и с вниманием, просила пояснить некоторые моменты и, заверив нас, что можем полностью на нее положиться, добавила, что последнее мое предупреждение — таиться перед определенным лицом — излишне, пояснив:

— Я его хорошо знаю и уверена, что он не только вас, но и меня бы принес в жертву, лишь бы похвалили. Голодный волк встречному ягненку меньше принес бы зла, нежели ему открытие этой тайны — удовлетворения.

Последние слова, относящиеся к ее мужу, были произнесены исключительно для меня.

Печальная до сих пор сцена эта сменилась весельем. Мария была так же счастлива оказанным ей доверием, как мы тем, что уладились весьма важные трудности. Наша поверенная обещала нам, что завтра поедет по всем своим знакомым домам и будет рассказывать, как всегда ожидала от меня того, что случилось, потому что, часто бывая в нашем доме, заметила во мне склонность к такому поступку. С присущей ей веселостью говорила нам, как, изображая себя моим непримиримым врагом, публично проявит ту злобу и ненависть, которую якобы давно в душе питала ко мне; как, посещая нас, будто бы выносила мое присутствие только ради Альбины, не в силах переносить моего поистине солдатского обхождения с ней.

Все это она должна была рассказывать, кроме других, своему мужу, ненависть которого к полякам известна была всему городу и вместе с мнимой ненавистью его жены должна была стать порукой, что люди эти из-под земли бы нас достали, лишь бы удовлетворить свою ненависть.

Жена моя, развеселившись от этой удачной мысли уралки, предугадывала счастливое будущее и тоже шутила над той ролью, которую ей придется завтра разыграть перед разыскивающими меня чиновниками.

Я же смешил их обеих, рассказывая применительно к тогдашнему времени и нравам известных мне лиц, как, когда все успокоится, буду в качестве посыльного с того света пугать по ночам одних — требуя покаяния, других — предостерегая, тем — советуя, а иных — призывая на суд Божий.

Словом, то ли потому, что надоело нам однообразие жизни с постоянными разговорами о страданиях, то ли одобренный план захватил нас предвидением нового будущего и новой жизни, то ли, наконец, настроение у нас троих было чрезвычайно веселое, или же потому, что разрешились главные трудности и мы предвидели благополучный исход и дальше, но мы очень весело придумывали тысячи остроумных шуток и не предполагали, увы, что после этой приятной погоды наступит буря, как обычно бывает не только в природе, но и в человеческой жизни.

После ухода Марии Магдуся сказала, что меня хочет видеть Левинский и что он ожидает в передней. Левинский был наш старый служака из одного со мной батальона, которого за непригодностью к строевой службе я взял к себе в услужение и платил за него.

Он просил меня разрешить ему пойти на свадьбу. Какой-то там русский солдат тогда женился. Эта его просьба очень соответствовала моим планам: как раз размышлял я над тем, под каким предлогом удалить его на всю ночь из дому. Поэтому я сказал:

— Иди и помни, служи пани верно. Она тебя, хоть меня дома и не будет, — добавил я тише, — щедро вознаградит.

Поощренный моим доверительным тоном, Левинский с такой же доверительностью спросил:

— А куда ж это пан поедет?..

— Я... я... никуда... разве что в ад,— изображая опечаленного, ответил я со вздохом.

Возвратившись к Альбине, взглянул я на часы, было уже десять часов вечера. Я взял пальто, вышел и стал бродить по улицам. Умышленно поговорил с несколькими знакомыми, зашел в два или три дома, там в непродолжительных беседах давал я многозначительные и таинственные ответы, изображая ужасно грустного и мечтающего о смерти; старался я все так устроить, чтобы завтра, когда известие о моей смерти распространится по городу, все те, кто сегодня со мной разговаривал, припомнив мои слова, теперь только поняли их смысл и уже с открывшимися глазами обсуждали между собой мои выражения, переиначивали их и, как в таких случаях бывает, делали свои замечания и передавали их другим, в полной уверенности, что меня нет в живых.

Ночь была светлая, снега было еще немного, мороз же доходил до 18 градусов; бродя по улицам, подошел я к дому атамана и, увидав, что в его комнате свет еще не погас, вернулся домой и стал ждать минуты, когда он ляжет спать. Дважды еще выходил я из дому, но напрасно. Наконец после двенадцати в комнате атамана на втором этаже света не было, а внизу, в его домашней канцелярии, свет обычно горел всю ночь. Увидев это, возвратился я домой.

Но здесь, несмотря на всю мою энергию, я не мог совладать с собой. Била меня такая сильная внутренняя дрожь, лицо так побледнело, что с письмом в руке тряся я как осиновый лист. Старался я перебороть себя, а главное, старался скрыть от Альбины свое волнение, но напрасно! Чем сильнее я пытался быть спокойным и не пугать своим видом, тем безрезультатнее были мои усилия. Она это заметила и, бросившись мне на шею, в отчаянии воскликнула:

— О Боже, что с тобой?!

И, не ожидая ответа, продолжала:

— Я не хочу, дорогой мой!.. Я отказываюсь от всех наших намерений, если их выполнение обойдется тебе такой

ценой... Если любишь меня, муж мой, уничтожь это письмо!.. Ведь ты еще не отдал его... Будем жить спокойно... Будем ждать!.. Может, милосердный Господь сжадется когда-нибудь над нами: зачем еще умножать наши несчастья!.. Ты знаешь, что и я с таким же жаром ухватилась за этот план, который кажется так легко выполнимым... Дорогой мой! Ангел мой! Откажемся от него, теперь я вижу, что он действует на тебя сильнее, чем могла я себе представить! Если он не удастся, мне будет в чем упрекать себя! Я этого не переживу!

— А ребенок? — несколько придя в себя, пробормотал я загробным голосом.

— Ребенок! — повторила со вздохом.— Правда, дорогой мой! Как ужасно Бог нас испытывает... Вид твоих страданий выбил мне его на время из головы... В первом порыве об одном только я думала: чтобы ты был спокоен, но вижу, что действительно придется нам проходить через огонь и медные трубы!

— Да, так, моя любимая! — отозвался я.— Если чувствуешь, что роль, которую тебе придется разыграть, не исполнишь, подумай!.. Есть еще время, я также не хочу злоупотреблять твоими мужеством и стойкостью, чтобы не создать причину окончательной нашей беды!

— О нет, дорогой мой! Ты знаешь, что я на все готова! Кто столько выстрадал, тому уже нечего опасаться, разве только смерти, но и она, если в твоих объятиях и с тобой вместе, была бы самой желанной мне наградой.

— А раз так,— сказал я, нежно прижимая ее к груди,— то будь здорова! — и выбежал за дверь.

— Винценты! Винценты! Если любишь меня, вернись на минуту! — внезапно крикнула она.— Не думаешь ли ты на самом деле топиться? — глядя мне в глаза, спросила беспокойно.— Признаюсь, у тебя такой вид, будто хочешь оставить меня вечной сиротой.

— Нет,— ответил я.

- Во имя твоей любви, скажи правду.
- Во имя моей любви, не думаю об этом.
- Честное слово?
- Честное слово.
- Ну, иди же с Богом,— поцеловала и осенила меня крестным знамением она.

Я вышел. На мне было заячье пальто, подшитое елотом. Набросил я его на плечи и застегнул под шеей так, чтобы стоячий воротник прикрывал не только лицо, но и всю одежду под ним. Пальто это вместе с военной пилоткой, моим ростом и всей фигурой делало меня похожим на капитана Еселевского, служившего в том же батальоне, что и я. Об этом сходстве я знал, о нем часто говорили мои товарищи.

В таком виде вошел я в большой коридор огромного дома, где жил атаман. Стоящий в коридоре часовой, приняв меня за упомянутого капитана, взял ружье на караул. Поприветствовав его по военным правилам, прошел я мимо него в канцелярию.

Посреди просторного зала стоял огромный стол, заложенный бумагами, книгами и разными документами. На нем в погнутом жестяном подсвечнике догорала сальная свеча, нагоревший фитиль бросал неровный свет, который не позволял рассмотреть находящиеся там предметы. Но, несмотря на мрак, заметил я спящих на полу нескольких сторожей. Чиновник же, то есть дежурный, положив голову на руки, спокойно похрапывал за столом. Мой приход его разбудил, он резко вскочил и с военной выправкой вытянулся как струна.

- Как твоя фамилия? — спросил я по-русски.
- Мазанов.
- Атаман дома?
- Спит.
- Это письмо завтра утром отдашь ему в собственные руки, а сейчас не буди его, понял?
- Понимаю, барин.

«Мосты сожжены! — подумал я, выходя. — Хочешь не хочешь, надо доводить до конца. Правда, я мог бы забрать еще это письмо, но тогда пришлось бы тем же самым тоном и с тем же достоинством приказать дежурному молчать, что было невозможно, потому что тогда он тем более все завтра выскажет и станет известно, что не капитан Еселевский, а я был в канцелярии, или же, забирая, просить урядника сохранить тайну, а это было бы тщетно» *.

Так рассуждая сам с собой, вернулся я к дому и, не желая скрипом калитки будить Альбину, перелез через забор, сложил свою шубу в конюшне, наскоро переоделся, захватил под мышку приготовленный узелок и, не показываясь никому в доме, вышел обратно, торопясь по направлению к реке Урал, находящейся в трех верстах отсюда.

Я не опасался, что кто-нибудь меня увидит по пути, поскольку это не только не помешало бы моим планам, но, напротив, помогло бы, зато, возвращаясь, боялся, чтобы меня не узнали, потому что назавтра могли бы это разгласить и меня стали бы искать не в Урале, а в противоположной стороне.

По дороге я думал: «Боже, помоги мне и прояви заботу о моей бедной Альбине! Это несчастное создание измучается в ожидании, пока я возвращусь, а еще так далеко! ...Если б я был один, посмеивался бы надо всем и был выше своих мучений... Много ли надо одному человеку? С Божьей помощью и со спокойной совестью можно и при горькой участи быть счастливым... Два пуда провианта (восемьдесят фунтов ржи в месяц), что выделяет каждому солдату правительством, достаточно, чтобы быть сытым; при таком пропитании можно влачить тяжесть нищей жизни и еще радоваться, что есть возможность посвятить ее Тому, кто свою за

* Между батальоном и Уральским войском была взаимная ненависть, поскольку последние смотрели на первых как на захватчиков их края. (Примеч. авт.).

нас отдал. Яма и могила, как говорит Шекспир, а знает об этом каждый, завершат все, а там Бог милосердный примет своих детей и утешит их, потому что невозможно, чтобы Он нас преследовал, чтобы нас ненавидел, карал и мучил, да и за что?..⁴⁹

Хоть и грешим мы и по-человечески заблуждаемся, но разве все это не искупили мы нынешним своим положением? О, звание изгнанника ужасно! Его страдания огромны! Его горе понятно только тому, кто привил нашим душам любовь к отчизне!..

О, уважаемый автор, не помню твоего имени, но сказал ты правду:

Terre, Terre, qui m'a vue naitre, tu seras toujours
ma terre preferee! Oh! je puis trouver un ciel plus
pur, des lieux plus beaux, mais jamais! non, jamais
aucuns ne seron aussi chers! *

Еще раз повторяю, что, будь бы я один, с радостью переносил бы муки, и Ты, Господи, который читаешь в моем сердце, видишь, что говорю это совершенно искренне... Но Альбина, эта несчастная жертва возвышенного героизма, неужели она должна мучиться возле меня? Неужели ей предстоит умереть, погаснуть, как свече, не испытав сладости жизни? Неужели ж мы, в конце концов, скот, а не люди, которых Бог создал свободными? А ожидаемый ребенок? Неужели снова должен пасть жертвой весеннего климата?..

О Боже! Не посылай нам этого последнего удара! О, я никогда не забуду, как несчастная мать лежала на малом трупики и своим дыханием пыталась оживить уже разлагающееся тело! Неужели эта сцена опять повторится? И кто

* «Земля, Земля, которая родила меня, ты всегда будешь моей любимой землей. О! Я могу найти чище небо, более красивые места, но никогда, нет, никогда никакие из них не будут мне столь дороги» (*франц.*) (Пер. публикатора).

может поручиться, что она ее переживет? А тогда разве не заслужу я упрека самому себе, что своим бездействием и скотской жизнью погубил ту, которую обязан был спасти?.. О нет, такого преступления и Ты, Боже, не простил бы мне!»

Такие вот мысли и рассуждения оправдывали мой поступок.

До Урала оставалось еще полверсты. Я торопился, потому что из головы не выходила мысль о том, чтобы не заставлять Альбину долго ждать меня. Наконец пришел я к реке. Но тут возникли новые трудности. Урал был покрыт льдом, поэтому я был вынужден ходить по реке, подыскивая подходящее место, но, кроме проруби около казацких домов, из которой черпали воду, я ничего не нашел. Прорубь эта, вырубленная в толстом льду, тоже замерзла, но несколько ударов каблуком пробили тонкую, только с вечера затянувшуюся пленку льда. И, о странная и непонятная человеческая природа, жаждал я найти и тщательно искал отверстие, а сделал его, испугался.

Но придя несколько в себя от невольного отвращения к этой проруби и оглядевшись по сторонам, развязал я узелок и разбросал по льду лежавшую в нем одежду, затем снова переоделся сообразно потребности и стал убежать от этого места вдоль берега, заслоняющего меня от города; пробежав так без отдыха более полуверсты, с огромным трудом вскарабкался на крутой и обрывистый берег и только вышел на улицу, как услышал за собой топот галопом скачущего коня.

Испуганный, не знал я, что мне делать; ночь лунная, дома закрыты, ворота и калитки также тщательно заперты, спрятаться невозможно, а убежать опасно! «О Боже, все пропало! — подумал я в отчаянии. — Не иначе как кто-то увидел, что я разбрасывал по льду одежду, и теперь гонится за мной».

Таковыми мыслями был я встревожен, когда услышал, что догонявший меня всадник в нескольких шагах за мной голосом, пронзившим душу, закричал: «Стой!»

II

Но возвратимся к Альбине, потому что и она пребывала в таком же плачевном состоянии. После моего ухода она искала помощи только в молитве. Коленопреклоненная перед образом Пресвятой Девы, с распущенными по белой шее в беспорядке волосами, с вознесенными лицом и руками, вся в слезах умоляла Ее, чтобы в память о своих страданиях взглянула на нее с небес и, так же страдающей и переживающей, помогла.

Громадность опасности, которой я подвергался, ясно представила она себе только сейчас. Только сейчас, размышляя в одиночестве, осознала, что задуманная сцена, которая поначалу казалась незначительной, может иметь самый трагичный конец. Только сейчас припомнила она, наконец, мои рассказы о том, как наших земляков, сосланных в Омск за политические провинности и уличенных в попытках побега, убивали палками в соответствии со всей строгостью закона⁵⁰. Мысль эта потрясла ее. Бедняжка задрожала и пожалела о задуманном плане в страхе, как бы и со мной подобное не случилось.

От таких ужасных мыслей и мучительных предчувствий пришла она в состояние, близкое к помешательству. Напряженные зрачки светлых больших глаз придали лицу какое-то страшное и дикое выражение, которое мало назвать апатией, черты лица ее, всегда милые и мягкие, мгновенно исказила та конвульсивная тень эпилепсии, что наблюдается лишь перед лицом смерти и с которой умирающий, после долгой борьбы, уходит из жизни.

Сидела не шелохнувшись эта несчастная, с виду неживая жертва, лишь изредка притрагивалась к груди и голове почти окоченевшими руками и внезапно их отбрасывала, будто пытаясь отразить грозящие нам удары.

О, какие же муки испытывала она, какая борьба происходила в ее душе!

Бедная Альбина умоляла небеса, чтобы отвратили от нас беду, а если нужна жертва, то пусть возьмут ее. Она во мне видела уже не мужа и возлюбленного, а земляка, изгнанника и несчастную, преследуемую жертву. Для нежной и чуткой души это было чрезмерно. Добавим к этому постоянно мучающее ее представление о том, что если бы я был один, то никогда бы на это не отважился; она обвиняла себя, свой приезд и свою любовь и, обливаясь из-за этого кровавыми слезами, горячо молилась.

В таком состоянии долго она находилась. Наконец поднялась и в отчаянии стала ходить по комнате.

Взглянула на часы:

— О Боже, уже половина второго, где он может быть так долго?.. Магдуся, далеко ли до Урала?

— Далеко, пани.

— Далеко, говоришь... Значит, не прошло еще время, за которое пан должен вернуться?..

— О нет, пани. Не беспокойтесь, туда три версты, обратно три, так быстро возвратиться невозможно.

— Ты права, Магдуся, успокоила ты меня немного.

Бедняжка, ей казалось, что ее успокоили, а тем временем сидела она под окном, напрягая слух и со взглядом, направленным в сторону, откуда я должен был появиться, несмотря на закрытые ставни, вся обратившись в слух и зрение.

— Магдуся, ведь семь верст можно пройти за час?

— Не знаю, смотря как идти!..

— А помнишь, Янек, он, бывало, из Панёвиц в Кудрыницы приходил обычно за час, хоть там почти миля.

— Правда, но Янек был молодой, — зевая, отвечала Магдуся.

— Говоришь сама не знаешь что, как будто пан уже старик.

— И то правда, но Янек спешил, ведь его что-то тянуло домой.

— Что же это такое, как ты говоришь, тянуло его домой? — спросила Альбина с неохотой.

— Это была я! Ведь он, вы помните, хотел на мне жениться, и если бы...

— Вот это да, называется, исправила ошибку! А, по-твоему, разве пан не оставил ничего такого, что его бы домой тянуло? — спросила Альбина, рассердившись, что кто-то осмелился усомниться в моей привязанности к ней.

— Да, но пан — это уже муж, а Янек был возлюбленным.

— Ах, моя Магдуся, плетешь не думая!

— Ой, нет! Не плету, разница есть, припомните себя... барышней...

— Тс... тише, слушай! Кто-то идет по улице,— прервала Альбина,— иди, Магдуся, отвори.

И Магдуся вышла, открыла калитку и посмотрела на улицу. На улице было светло, полная луна освещала улицу во всю длину и ширину, но она никого не увидела, кроме медленно бредущей пестрой коровы. Закрыла она калитку и сказала своей пани, что видела.

Несчастливая Альбина была в страшном волнении. Взглянула на часы, было уже после двух.

— О Боже! Мой милосердный Боже! Два часа уже, как ушел, что-то ужасное с ним случилось! — ломала она руки.— Магдуся, выйди на улицу... посмотри... может, встретишь... дойди до канцелярии атамана, будь внимательна... проследи... может, какой след заметишь... или какое движение услышишь... иди на гауптвахту... может, пана а...ре...стова...

И бедняга не смогла выговорить это последнее слово, его окончание застыло у нее на губах, сердце сжала боль, душа оцепенела, она упала и потеряла сознание.

Перепуганная Магдуся бросилась к ней на помощь, опрыскивала ее водой, вертела в ушах пальцами, все напрасно! Бедная моя мученица растянулась на полу и лежала как труп! Во всем доме в эту позднюю пору оставалась одна только Магдуся и не знала, что делать. Бежать к соседям? Неблагоразумно в связи с нашими планами и опасно оставлять одну полуживую пани... а Левиньский еще не возвра-

тился. В страхе хотела она закричать, но от испуга не могла издать ни звука. Как шальная бегала по комнате, схватила ложку, вложила в окоченевший рот своей пани и, с трудом вращая ее, добилась наконец вздоха из ее груди.

Придя в сознание и собравшись с мыслями, Альбина медленно спросила:

— Ну что, Магдуся, нету?..

— Нету, пани,— ответила заплаканная добрая женщина.

— Ну же, прошу тебя, Магдуся, иди, знаешь о чем речь...

Только Бога ради поторопись.

И Магдуся пошла, оставив ее одну в доме. Ходила по улицам, и около дома атамана прошлась пару раз, и к гауптвахте подошла, и на площади немного постояла, прислушивалась и осматривалась, но ничего не увидела, ничего не услышала и с этим возвратилась домой.

Во дворе у калитки ждала ее Альбина.

— Что, Магдуся? — спросила, дрожа от холода.

— Ни слуху ни духу.

— О Боже, дай мне мужества и терпения! — воскликнула она, входя в комнату.— Уже четвертый час! — и не в состоянии хотя бы слезами облегчить свои мучения, села на софу и замерла.— Магдуся, что бы ты сделала в таком случае?

— В каком, пани?

— А в таком, в каком я нахожусь.

— Бросилась бы на шею и целовала бы пана, который сейчас сюда идет.

И действительно, в половине четвертого послышался условный стук в дверь, ее открыли и я появился. Будто от летаргии очнувшись, Альбина бросилась ко мне и обняла мои колени. Полились потоком слезы, облегчив страдания ее измученного сердца.

— Благодарю Тебя, великий Боже! Ты жив и я тебя вижу! — повторяла она, сжимая меня в объятиях.

В изумлении, тронутый ее страданием, поспешно поднял я ее и, нежно целуя, спросил:

— Что для тебя моя жизнь? Откуда такие слова? Откуда неуверенность и беспокойство за мою жизнь?

— Но, дорогой мой, ты так долго отсутствовал, а я тут ужасно беспокоилась о тебе. Но хватит уже об этом, скажи мне, дорогой мой, все ли прошло благополучно, никто тебя не видел? Не было никаких происшествий?

С этими словами разглядывала меня со всех сторон, ощупывала, касалась моих ушей, носа, рта, головы и казалась в высшей степени счастливой от того, что все было на своих местах.

— Со мной все как нельзя лучше! — сказал я по окончании осмотра. — Будь спокойна! А что меня долго не было, то это вполне естественно и понятно. Представь себе замерзший Урал, пришлось по крайней мере час ходить по реке, чтобы найти прорубь, у которой можно было положить для создания видимости свою одежду, после этого я пошел обратно, но из опасения, чтобы кто-нибудь меня на улице не увидел, потому что там светло, как в комнате, через каждые несколько шагов я останавливался, чтобы звук шагов не мешал мне прислушиваться, не приближается ли кто сбоку, или спереди, или сзади. Было, правда, так, что казак на коне крикнул, чтобы я остановился, но спросил меня, не видал ли я его пестрой коровы, и поехал дальше в ту сторону, куда ему показал, узнать же меня не мог, потому что, как видишь, в этом уборе я больше похож на женщину.

Альбина удовлетворилась моим рассказом и забыла о своих недавних переживаниях.

— Ну, Магдуса, — позвал я ее, — с этой минуты меня уже нет на свете, я уже умер. Через несколько часов меня непременно начнут разыскивать. Ты в своих рассказах и ответах, как частных, так и официальных, притворяйся как хочешь, лги как можешь, жалея свою пани, сострадай ей, словом, делай, что тебе нравится, но постоянно имей в виду и помни, что я умер. Не забывай, что бить тебя не имеют права, запугивать же могут. В таком случае не пугайся, кричи, ори, про-

клинай, обвиняй их, что меня убили, а тебя и пани погубили. Тебе все сойдет, и волос с головы не упадет. А сейчас надень теплый салоп и иди к батальонному командиру. Придешь туда — колоти в ворота как можешь, хотя бы камнем, а когда откроют, спроси, нет ли там меня. Когда скажут, что нет, плачь и требуй, чтобы разбудили полковника. Его спроси, приказал ли он меня арестовать, потому что твоя пани всю ночь не спит, ждет меня, ежеминутно теряет сознание, от отчаяния почти умирает. Добавь еще, что пан твой, выходя в десять часов вечера из дому, был отчего-то очень растерян и, прощаясь с пани, сказал ей, что встретил его на улице солдат и вызвал к полковнику; словом, ты разумна и толкова, так сделай все таким образом, будто я действительно где-то пропал, а твоя пани велела меня искать. Но прежде чем пойдешь к полковнику, зайди к преподавателю местной школы пану Орлову, к начальнику таможни пану Воронину и к аптекарю Мюллеру, так как я в этих домах бывал, разбуди их и спроси обо мне. Таким образом, все потревоженные ночью легко поверят, что ни ты, ни твоя пани ничего не знаете о том, что со мной случилось. Ты все хорошо поняла и усвоила?

— Поняла и усвоила, — ответила Магдуся.

— Мне кажется, — добавила Альбина, — что не мешало бы зайти также и к полковнику Бизьянову.

— Хорошо, зайди и туда, — с этими словами отправил я Магдусю в путь.

Через час послышался из сеней стук в дверь. Я, как уже не существующий на свете, тихо сидел в укрытии из опасения, не идет ли с Магдусей кто-нибудь еще. Альбина же вышла и, услышав условный сигнал,пустила Магдусю и велела закрыть дверь на задвижку. Я вышел и шепотом стал спрашивать Магдусю о результатах ее миссии.

— Мой стук, — начала она, — первым услышал полковник, разбудил человека и послал его открыть мне. Я вошла в комнату для челяди, люди уже не спали, на воп...

— Живее, Магдуся, живее! — прервал я.

— Сейчас, сейчас, все расскажу. На вопрос о вас они ответили, что ничего не знают, удивились и сердились, что пани...

— Ближе к делу, Магдуся! Что мне до людей, что сказал полковник?

— Но это нельзя пропустить. Так вот, что пани такая плохая жена, что вместо того чтобы скрыть от властей отлучку мужа из дому, сама первая об этом сообщает. «Большая беда, — говорили они, — видно, где-нибудь засиделся, годится ли сразу же бежать жаловаться». Признаюсь вам, что...

— Ну, ну! Не признавайся, а говори! — крикнул я сердито.

— Простите, одну минуточку, я только закончу, уж очень смешно. Так вот, признаюсь вам, что мне неприятно было слушать такой несправедливый отзыв о моей доброй пани, и когда я попыталась их убедить, что это не жалоба, а, наоборот, забота от преданности мужу, они этого совсем не поняли и с явным неудовольствием утверждали, что они, «хоть не господа», а так бы не поступили, не то муж накостылял бы по шею такой подлой жене. Тут вошел в кухню солдат, и дальнейший разговор прекратился. Он позвал меня к полковнику.

«Что случилось, Магдуся?» — спросила меня его жена, когда я вошла в спальню.

«Ах, моя пани почти умирает от отчаяния», — ответила я с плачем.

«Так что же с ней случилось?» — поспешно спросили оба.

«Если, — говорю, — господин полковник приказал арестовать моего пана, то пусть прикажет освободить, а то моя пани до утра не доживет».

«В чем дело, — крикнул полковник, — я ничего не знаю, объясни понятнее».

Тут я рассказала ему все, как пан в последние дни был очень подавлен, но старался не показывать этого перед пани, как в последние дни и особенно сегодня закупал разные

продукты питания, заполнял ими кладовую, и все это втайне от пани, с замешательством на лице, как, возвратясь из города, сказал, что солдат вызвал его к полковнику, и с тех пор его нет. Все это рассказала я с мельчайшими подробностями, просила, чтобы сжалился он над пани и приказал освободить вас из-под ареста, и добавила, что свою пани оставила в ужаснейшем состоянии.

Полковник оправдывался, клялся душой и телом, призывал жену в свидетели, что он ни о чем не знает, она же, со своей стороны, заметила, что пан, возможно, развлекается где-нибудь у знакомых, и посоветовала в эти дома наведаться.

— О нет, — ответила я, — разумеется, пойду искать его повсюду, но надежда на это слабая, потому что я была уже в этих домах и нигде его не нашла; а с тех пор как пан женился на моей пани, еще не было случая, чтобы он не ночевал дома, а если, бывало, загостится у знакомых, то всегда в девять часов вечера уже дома.

Мы делали различные предположения и домыслы, а полковник с особенным беспокойством постоянно твердил, что это невозможно, чтобы вы могли куда-то пропасть.

И вот оттуда пришла я прямо сюда, потому что прежде обошла все дома, что вы мне указали, в каждый дом громко стучала, так, чтобы стуком не только слуг, но и господ разбудить, плакала, услышав, что пана нет, и направлялась к другому дому. Впрочем, аптекарь, а он был ужасно озабочен: у него лопнула какая-то там реторта и обезобразила лицо, а он, как вам известно, собирается вскоре жениться, так вот, хоть и с забинтованным лицом, сказал мне, однако, что вечером с паном виделся и что действительно заметил большие изменения, как в разговоре, так и в лице пана. Профессор же очень сильно удивился, что пана до сих пор нет дома, и сказал, что встретил пана вчера на улице в десять часов вечера и что пан был в необычайной задумчивости. Словом, кажется мне, что все так хорошо подготовлено, что нечего лучшего и желать.

«О, еще многого остается желать!» — подумал я и обратился к Магдусе:

— Помни, с этой минуты дверь в сени должна быть днем и ночью постоянно заперта. Жители города не должны этому удивляться, так как и при мне, когда я уходил из дому, так бывало, а вы вдвоем тем более должны закрываться, местные женщины все так делают, когда их мужья отсутствуют. Левиньского ни в коем случае в эту комнату не пускай, разве что если пани велит его позвать. Дверь в комнату должна быть постоянно на крючке. Посетители этому не удивятся, за полгода это стало привычным. Ты же в разговорах с ними или с их слугами между прочим дашь понять, что твоя пани слаба и нездорова, часто неодета, и посетуешь, что по такому поводу вы вынуждены жить, как в монастыре или в крепости, постоянно взаперти. Помни же обо всем и будь расторопна! А пока немного поспи, а то через пару часов должна разыгаться новая сцена.

В нашей спальне кроме двуспальной кровати, задернутой занавеской, нескольких стульев, софы и столика находился еще и небольшой шкаф. В верхней половине его были двойные дверцы, но не стеклянные; за этими дверцами — две полки, которые я вынул, прибил изнутри железный крючок и это свободное место приготовил под свое укрытие.

Шкафчик этот будет играть важную роль в последующих событиях, поэтому я так подробно его описываю. Так вот, в нем была четверть локтя высоты над стеклянными дверцами и три четверти в ширину, был он так мал и узок, что с трудом мог вместить сидящего в нем человека. Казался он таким небольшим, что на первый взгляд исключал всякое подозрение, что там может кто-то скрываться; в верхней же части упоминаемого шкафчика сквозь стекло видна была фаянсовая посуда.

В комнате этой было четыре окна, два из них выходили на улицу, а два — во двор. Так что отсюда всегда было видно, кто бы с какой стороны ни проходил или ни проезжал. По-

мимо двойных рам окна были еще и так закрыты цветами, что тот, кто днем смотрел в них с улицы, не мог увидеть, что делается в комнате, а при свечах плотно закрывались ставни и, кроме того, задергивались занавески, так что самый любопытный глаз не смог бы с улицы ничего разглядеть.

После ухода Магдуси мы с женой стали обсуждать приемы изображения отчаяния, неизбежного в ее положении. О моем письме к атаману она якобы знала, следовательно, в этой роли она должна ни на минуту не допускать мысли, что я совершил самоубийство, а предполагать арест и требовать от властей освобождения; в то же время начальство, видя, чего ей стоит одна лишь мысль о моем аресте, не станет объявлять, что меня нет в живых. Исходя из таких соображений недоразумение следовало предотвратить, чтобы долго не мучить Альбину неизвестностью, и поэтому я написал ей другое письмо, по-польски, где коротко изложил то, что было написано атаману по-французски. Письмо это лежало в ящике столика и должно быть будто случайно найдено Марией и передано Альбине в присутствии разыскивающих меня чиновников.

План этот казался легко выполнимым, но моей жене, чтобы сыграть такую роль, притом со всей силой и искусством передать истинное отчаяние в присутствии чиновников, надо было обладать даром высокоталантливой трагической актрисы, и каждый согласится, что от исполнения этой роли зависело, будут ли они внутренне убеждены в моем самоубийстве, а следовательно, и наше будущее.

Занятые такими рассуждениями, мы оба смеялись и шутили, и по неопытности нам казалось, что все это удастся легко осуществить, но по мере того как на дворе все сильнее стало светать, движение усиливалось и каждую минуту надо было ждать разыскивающих меня, нам становилось не до смеха и не до шуток. И только успел я разбудить Магдусю и спрятаться в своем шкафчике, как с появлением атамана

Кожевникова, командира батальона полковника Аничкова, полицмейстера подполковника Логинова и казацкого офицера Матвеева началась новая сцена.

Альбина, уже не притворно, а действительно испуганная приходом такого количества лиц, вообразила, что они непременно приступят к обыску дома, и от таких мыслей всерьез разболелась. Ломая от отчаяния руки, с распущенными волосами, бледная, невыспавшаяся, вся в слезах, такой она предстала пред ними.

Четверо прибывших, увидев ее в таком состоянии, были явно смущены, ведь ее страдание, отчаяние, боль на лице и опухшие от слез глаза тронули бы и каменные сердца. На лицах пришедших написаны были участие и добрые намерения. Все они стояли около минуты в молчании, не осмеливаясь нарушить ее оправданную скорбь.

Наконец атаман выступил вперед, подошел к Альбине, с величайшей вежливостью поклонился ей и робким, прерывающимся голосом спросил:

— Где ваш муж?

— О Боже, что я слышу! — воскликнула она. — Разве не я должна задать вам подобный вопрос? О, ради Бога, господа, не мучайте меня дольше неизвестностью!.. Если есть что-нибудь дорогое для вас на земле и на небе, отдайте мне мужа!.. Или скажите, что с ним?.. О, разве я предполагала, когда к нему ехала, что за наше соединение заплатим такими муками?.. Разве он кому-нибудь причинил зло?.. За что же вы его арестовали? Может, не снял шапку перед офицером?.. Велико преступление!.. А другого он не мог совершить, потому что офицер останется офицером, а он лишь сочувствия заслуживает за то, что судьба поставила его так низко!.. Ох, если б вы, господа, заглянули в это несчастное сердце и увидели, что в нем творится, возвратили бы мужа несчастнейшей жене, которая ради него все оставила, а вы по любому пустяку придираетесь к нему и преследуете, забываете, что нельзя глумиться сильному над слабым, что...

Приход Марии прервал речь Альбины. Гости расступились и дали ей пройти. Мария казалась чрезвычайно смущенной. Поздоровавшись с Альбиной и поклонившись присутствующим, прикинулась удивленной их приходом в такой ранний час, но как ближайшая соседка не могла притворяться, что не знает, о чем идет речь, так как действительно весь город уже знал, что я утонул.

Не в состоянии или не желая разговаривать с Альбиной, Мария обратилась к атаману и тихо спросила его:

— Ну что, нету?..

— Нету,— ответил тот, на что Альбина, услышав это, закричала:

— Как так нету?! Значит, вы не приказали его арестовать?.. О, я несчастная, боюсь допустить одну мысль, но если это так, то вы за его душу по большому счету уплатите Богу!

При этих словах она захлебывалась от слез. Атаман и остальные стали успокаивать ее, обещая, что приложат все усилия и вернут меня в целости и сохранности.

При плаче и общем разговоре Мария отошла в сторону и нашла благоприятную возможность вынуть из столика мое письмо, к которому стала внимательно присматриваться.

В этот момент послышались сильное царапанье в дверь и скуление. Майор Матвеев, стоявший у двери, открыл ее, и мой большой каштановый Бекас ворвался в комнату, увидел несколько чужих лиц, взглянул на свою хозяйку и, заметив в ее глазах слезы, залаял на присутствующих, после чего начал искать меня по всем углам, подбежал к шкафчику, обнюхал его и, сильно царапая когтями по дверцам, немилосердно завыл и заскулил.

В то время как собака меня искала, Мария, как я уже упомянул, рассматривала письмо, извлеченное из столика. Альбина, увидев его, почти вырвала из рук и начала читать, но тут заметила, что пес скребется в мое укрытие, и, испугавшись, как бы таким образом не обнаружился мой след,

выронила письмо и не притворяясь, а по-настоящему упала на пол без сознания.

Присутствующие бросились ей на помощь, Мария и Магдуса, плача, приводили в чувство и поднимали Альбину. Командир батальона схватил Бекаса за широкий ошейник и вышвырнул за дверь, освобождая присутствующих от невыносимого воя; атаман же поднял с полу письмо и положил его в карман.

Когда мою жену привели в сознание, чиновники, оставив ее на попечение Марии и прислуги, поклонились и вышли из комнаты.

Итак, начало этой драмы прошло благополучнее, нежели можно было ожидать. Присутствовавшая здесь местная власть вышла из нашего дома почти убежденная внутренне, что моя жена не принимала ни малейшего участия в моих действиях; то, что Магдуса искала меня среди ночи, утвердило их в этом, а мое письмо, переведенное на русский язык, которое Альбина выронила, а атаман поднял, убедило в том, что Альбина, несомненно, только из этого письма узнала о моей смерти и упала в обморок, в то время как обморок случился от страха, как бы собака меня не обнаружила.

Мы предполагали, что чиновники свой визит повторят не сразу, поэтому двери в сенях заложили и дали мне знать, что можно выйти из укрытия. Вышел я с огромным удовольствием. Мое положение в этом шкафчике, подобное тому, в каком я находился до рождения, было настолько мучительным, что ни за что на свете не принял бы я его вторично. Из-за горячности своего характера и неопытности я предварительно не проверил этот тайник. Когда он был готов, посидел я в нем минуту для пробы, и показалось, что он довольно удобный. Но когда пришлось по-настоящему там спрятаться и просидеть почти час, то все мое тело так одеревенело, онемело и изболелось, что, даю слово, если бы эта сцена продлилась еще полчаса, то не ручаюсь, что не вышел бы я добровольно, чтобы избежать явной смерти от удушья.

— О нет, любимая моя жена, клянусь, больше я туда не пойду! — воскликнул я, растирая затекшие и наболевшие конечности.

Хотя у всех нас не было повода для веселья, однако мое появление, по-видимому, было чрезвычайно комичным, если Альбина, Мария и Магдуся, глядя на меня, так начали смеяться, что при виде их я тоже не мог удержаться от смеха.

Представьте себе вырезанную из картона фигурку, у которой все конечности прикреплены нитками, а мальчик держит ее левой рукой за голову и правой, насвистывая, дергает за нитку, так, что она всеми членами своими судорожно размахивает; подобным образом и я, не будучи в силах постоять ни секунды на месте, дергался во все стороны, прыгал и тряс в воздухе руками и ногами, растирая и выпрямляя их. Наконец когда несвоевременный смех прошел, Альбина увидела мое почерневшее лицо, ужасно испугалась и, повиснув у меня на шее, вскричала:

— Ох, муж мой, где же я тебя, несчастная, спрячу?..

Едва она произнесла эти слова, как перед окнами остановился экипаж, оповещающий нас о новом посещении. Магдуся побежала открывать дверь, а я бросился под кровать; Альбина с Марией сели на нее и приготовились к новым страданиям и мукам.

Прибыли дамы: жена командира батальона, супруга полицмейстера и госпожа казацкая офицерша (атаман был холостяк). После обычных приветствий, соболезнований и слов утешения они уехали, а после их отъезда прибыли другие, и так сменялись в течение всего дня до поздней ночи. Ведь в подобных случаях публика толпится и толчется (одни — чтобы показать мнимое участие, другие — для удовлетворения простого любопытства), отступают от общественных норм, и дом, в котором случилось происшествие, становится как бы ее собственностью, куда знакомые и незнакомые не только имеют право входить, но и почитают это своим святым долгом.

Моя бедная Альбина в убеждении, что от первого впечатления, произведенного на публику, зависит все наше будущее, старалась изо всех сил и всерьез заболела. Атаман утром, выезжая, прислал доктора Адорадского, который прописал ей лекарство, рекомендовал покой и пообещал часто навещать.

Под вечер местные власти, под предлогом обеспечения безопасности моей жены и для ее обслуживания, прислали солдата-москаля. В действительности же это был домашний шпион. Мы оба не особенно этим обеспокоились, напротив, даже несколько обрадовались, так как в какой мере ему доверяли те, кто его сюда послал, в такой же мере мы могли быть почти уверены, что до обыска дома дело не дойдет. Альбина велела и его, и Левиньского позвать в комнату и слабым голосом поручила им всю ночь бодрствовать и при малейшем движении или лае собаки немедленно выходить во двор.

— Очень может быть, — говорила она, обращаясь к Левиньскому, — что с моим мужем случилось что-то необычайное, чего я ни понять, ни объяснить себе не могу, что он, еще не исполнив своего намерения, осознает все и, не имея возможности связаться со мной днем, попытается сделать это ночью; в таком случае тот из вас, кто первый его обнаружит и тайно приведет ко мне, получит щедрое вознаграждение.

На это солдат Гаврила попросил у моей жены разрешения удалиться на всю ночь, пообещав разыскать меня и тайком привести домой.

— Нельзя вам обоим сразу уходить из дому, — сказала Альбина, — когда один вернется, тогда другой может идти. — И, приказав дать им водки, отправила на кухню.

Такая беседа была, по нашему мнению, необходима, так как если Гаврила передаст ее тем, кто его сюда прислал, то подозрение от нашего дома обратится в другую сторону. И мы не ошиблись в наших расчетах, потому что назавтра ве-

чером дорогая наша Мария сказала, что в городе все считают, что если меня не нашли в Урале, то я несомненно сбежал в Астрахань.

Только после 12 часов ночи прекратились визиты к моей жене. Усталый и голодный вылез я из-под кровати и, погасив свет, поел хлеба с колбасой, еды, которая не требовала огня. Советуясь и беседуя, мы с женой шептались друг другу на ухо из опасения, как бы кто под окном нас не подслушивал. Перед рассветом природа, наконец, взяла свое, и мы ненадолго уснули, но лишь для того, чтобы обрести силы для новых мук, потому что с 9 часов утра начали уже съезжаться новые гости.

Если бы меня действительно не было дома, то Альбине легче всего было бы избавиться от их навязчивости, отказавшись их принимать, но боязнь вызвать подозрения не позволила ей прибегнуть к этому.

Наша поверенная успела коротко рассказать нам, что вчера атаман собрал батальон казаков и других местных жителей, приказал им рубить лед по обоим берегам Урала, забрасывать сети и искать мое тело. Известие это обрадовало нас невыразимо, поскольку подозрение с дома было снято, и хоть уральцы сперва по углам, а затем открыто роптали, что подобное движение на реке мешает им в багрении, однако все же вынуждены были подчиниться.

Желая обеспечить себе хоть небольшое, но все же удобство, доступное в моих условиях, я немного отодвинул кровать от стены, положил под ней кожаный матрац с такими же подушками, с помощью Магдуси принес из прихожей сундучок и поставил его рядом с чемоданом, который там находился. Сундучок и чемодан, стоя рядом, занимали половину ширины кровати, а второй половины было достаточно, чтобы удобно располагаться на матрасе, не будучи сжатым стеной и сундучками. Сундучки эти, кроме того что меня закрывали, еще и устранили всякое подозрение, что за ними кто-то может прятаться. Они стояли так, что свисающий с

кровати ковер, не доставая нескольких дюймов до пола, позволял видеть их каждому, кто находился в этой комнате.

Во избежание же неприятного и частого ползания вынул я в изголовье кровати одну доску, отвернул перину и так все устроил, что при желании подняться достаточно было лишь высунуть через это отверстие голову, упереться руками, чтобы, сев на подушках, оказаться над кроватью и беседовать. А при малейшем шуме или приближении постороннего достаточно было одной секунды, чтобы спрятать голову и закрыться одеялом.

Когда все было таким образом подготовлено, я поручил Магдусе в случае, если она заметит, что кто-либо из посетителей собирается долго здесь задерживаться, то чтоб пришла с ключами от сундучка или от чемодана и создавала стук и шум их открыванием и закрыванием, выдвиганием и задвиганием и, доставая из них что-нибудь, давала бы мне возможность откашляться или удобнее лечь.

Слушая в своем укрытии разговоры дам, навещавших мою жену, я не раз удивлялся и смеялся. Никто из них, кроме жены командира батальона, не был с ней знаком, однако они посчитали модной своей обязанностью после моей мнимой смерти приезжать к ней с визитами, навещать, не требуя ответных визитов. В своих рассуждениях они старались в такой же степени меня расхваливать, в какой при жизни усматривали плохую сторону в каждом моем шаге. Перебивая друг друга, они припоминали и пересказывали мельчайшие подробности моей домашней жизни и деликатного обращения с женой; говорили о том, с какой заботливостью я предупреждал каждое ее желание, как во время прогулки за городом переносил ее на руках через болото, как сам расчесывал ей волосы, заплетал косы и ни на шаг без необходимости не уходил из дому, чтобы она не скучала. Как, наконец, желая сделать жене сюрприз в новой снятой внаем квартире, ночью, тайком я выехал за шесть верст, купил там огуречную рассаду, зная, что она ее любит, и посадил так, что, про-

снувшись наутро, Альбина обнаружила под окном посадку. Словом, перечисляли все достоинства и превозносили мою доброту, а при сравнении моего обхождения с женой со своими мужьями завидовали и сетовали на столь большое, вопиющее различие.

Этот женский язык в отсутствии мужчины при невоспитанности, испорченности и бесстыдстве неизвестно до чего довел бы их разговоры и расспросы, если бы Альбина проявила хоть малейшее желание продлить беседу. Но она, это скромное и стыдливое существо, об одном лишь думала: чтобы они как можно скорее уехали, совершенно не вмешиваясь в их разговор и чаще всего притворяясь, что их не понимает.

Слушая это, я, как уже сказал, не мог не изумляться тому, каким подробнейшим образом примеряют к себе незадачливые жены то положение, в каком находилась моя Альбина. Это хорошо, что дети природы и степей добрыми словами отзывались о неживых, но перечислять и превозносить физические и моральные качества умершего мужа перед женой, разве это не то же самое, что растравлять свежие раны?

Поэтому моя дорогая Альбина при каждом их визите сидела как на иголках, почти в судорогах; мысль, что в их присутствии я могу быть случайно обнаружен, не давала ей покоя. Собаку мою, чтобы неожиданно не вбежала в комнату и не обнаружила меня, подарила она одному из наших земляков с условием, что если захочет ее навестить, то без собаки, под предлогом, чтобы своими поисками меня по комнате и воем не напоминала об ужасной утрате.

Но однажды дама, навещавшая Альбину, принесла с собой собачку и та, бегая по комнате, заглянула под кровать, на которой обычно при гостях сидела Альбина, и начала рычать. Жена моя так пронзительно вскрикнула и, предохраняя свои ноги от укуса, так хорошо изобразила страх перед ней, что никакие уверения владелицы в том, что эта домашняя собачка никогда в жизни никого не укусила, наоборот,

сама боится, как бы ее не укусили, не помогли; непритворный страх моей милой жены был столь сильным и явным, что раздраженная и оскорбленная уралка взяла собачку на руки и, не простившись, уехала.

Чтобы еще сильнее убедить весь город в том, что меня нет в живых, Альбина отправила в казармы мою одежду и белье и велела раздать бедным, чтобы молились за упокой моей души.

Таким образом, были устранены всякие подозрения в том, что я скрываюсь дома.

Горожанкам, навещавшим мою жену, надоели ее постоянное молчание, рыдания и обмороки, и они, удовлетворив свое любопытство и назвав ее между собой недоступной пониманию чудачкой, перестали ездить.

Наша добрая Мария просиживала у нас с рукоделием почти целыми днями и очень нам помогала тем, что не только своим присутствием устраняла подозрения о моем существовании, но и информировала о том, что делается в городе и что о нас говорят. При разговорах со знакомыми она деликатно давала понять, что не нужно проявлять назойливость при посещении страдающей вдовы, тем более что каждый разговор о покойнике очень отражался на ее здоровье.

Кроме всего прочего, почти вся власть, как уральская, так и оренбургская, была занята в то время походом на Хиву⁵¹. Поэтому мы были почти уверены, что о нас забыли и для ведения следствия никого в Уралск не пришлют.

Итак, все постепенно входило в обычную колею. Сперва посудачили об этом происшествии, поудивлялись, посочувствовали и, как всегда бывает, забыли. Поэтому у меня не было необходимости постоянно сидеть в укрытии; я сидел в комнате, разговаривал, читал, писал, строил воздушные замки, а иногда, отправив под разными предлогами домочадцев, кроме Магдуси, выходил ночью во двор или вечером поднимался на чердак, чтобы набрать в грудь свежего воздуха.

Почти через два месяца после этого происшествия Альбина подала прошение о выдаче ей паспорта для отъезда на родину, но ответа не получила. Только наша поверенная сказала, что из Петербурга пришло секретное распоряжение не выпускать жену, пока не растает лед, потому что тело мое непременно должно показаться где-то на реке. Общее мнение в городе Уральске, согласно донесению Марии, было такое, что я, так сильно любящий жену и любимый ею, не мог и не должен был допустить самоубийства. И если так проинформировали Петербург, то ничего удивительного, что и там были того же мнения.

Признаюсь, что известие это ужасно нас встревожило, ждать до весны, о Боже! Ведь на февраль приходится роды у Альбины!.. Как они пройдут? И куда мне укрыться на это время? Мысли эти нас убивали, но что же делать? Идти на попятную? Невозможно! Так положимся на волю Божью, столько претерпели, может, перенесем и остальное.

Так проходили дни, недели и месяцы внешне спокойной, но внутренне бурной жизни. Наконец подошел февраль, в середине этого месяца Альбина должна была родить. Долго-долго обсуждали мы, где бы мне на это время укрыться, но все наши планы и проекты кончались ничем. После упорных просьб и настояний моей жены решено было, что я останусь на месте. Она ни за что на свете не соглашалась на что-нибудь другое.

— Будь рядом, мне тогда легче будет, а если, умирая, шепну тебе «будь здоров!», то скончаюсь спокойнее.

В таком она была настроении и хоть смерти не боялась, однако мысль о том, что будет со мной, если, давая новую жизнь, сама скончается, отнимала у нее последние силы. Наша Мария также была страшно обеспокоена. Воображение, даже уверенность в том, что в случае смерти Альбины я в отчаянии забуду обо всем и покину свое убежище, терзали ее ужасно. Я же, не зная истинных причин ее тревоги и глядя, как по мере приближения времени родов становилась она

все более задумчивой и страдающей, приписывал это страху перед суровым законом, который задел бы и ее как соучастницу; поэтому старался уверить, что этого не сделаю. Но она, зная мою привязанность к жене, доказывала, и очень убедительно, что я сам не знаю, до чего меня может довести отчаяние.

— Ну, тогда тебе придется поступить подобно Альбине в первый день моей мнимой смерти,— сказал я ей,— отопрись от всего, а если я покажусь, удивись так же, как остальные присутствующие! Будь спокойна, я и Магдуса тебя не выдадим, скажем, что и тебя, как весь город, обманывали.

— Плохо ты меня знаешь, не в этом дело... я, если б и умерла за тебя в тюрьме, то это ничего... это хорошо... это блаженство... Но что будет с тобой и с бедной сиротой?... Это меня убивает! — шепнула мне на ухо добрая Мария.

Скажу вам правду, я ко всему был готов в случае смерти Альбины и был уверен, что когда потребуется жить ради сироты, то даже если объявлюсь, никакие самые строгие законы человеческие не будут карать меня за желание быть свободным.

После долгих споров, обсуждений и разных планов, к чему вместе с Марией была допущена и Магдуса, наше собрание решило и утвердило, что никто, кроме нас, не должен знать о сроке родов, и этот процесс пройдет между нами, втайне.

Но мою жену по поручению атамана опекали доктор и государственная акушерка, они навещали ее почти ежедневно и вычислили время родов. Так, 14 февраля были у нее два раза, а в 9 часов вечера пришли в третий раз и привели с собой еще двух каких-то женщин в помощь.

Неожиданно и сверх всякого ожидания все через полтора часа благополучно завершилось; крик ребенка и ласковые слова матери уведомили меня в укрытии о моем счастье. Альбина родила дочь. Еще не успели закрыть за уходящими вторую дверь, как я выскочил из-под кровати, обцеловал жену, схватил с подушки на руки ребенка и, прыгая с

ним по комнате и прижимая к себе, бегал от радости по всем углам, как безумный, и хоть сознавал, что с моей стороны это неразумно и опасно, но необходимо было облегчить изболевшуюся и отчаявшуюся душу. Ведь вы не поверите, что я пережил в своем укрытии при мысли, что одна минута может решить мою судьбу и не только отдать меня в жертву недругам, но еще и лишит прекрасной жены, а ребенка — матери.

Альбина, вечно дорогая мне Альбина смотрела на меня скачущего с улыбкой и была счастлива. Мария и Магдуся, глядя на это, плакали.

Случалось несколько раз так, что Магдуся бывала занята чем-то другим и небрежно подготавливала пеленки для новорожденной Михалинки; я сам, как уже упоминал об этом, пеленал ребенка и сердился, когда находил пеленки недостаточно чистыми и плохо раскатанными, и вот когда она мне снова принесла пеленки в таком виде, я начал ворчать, утверждая, что если б на нее не полагался, то сам сделал бы лучше. Так упрекая, в пылу гнева начал я почти кричать. Добрая Магдуся молчала, но Гаврила, который оказался в незакрытой случайно прихожей, кашлянул... Услышав это, я, как испуганная крыса, бросился в нору, но не потерявшая присутствия духа Альбина тут же открыла дверь и позвала его в комнату, а когда он вошел, она, подражая моему голосу, так же гневно, как я, покричав на Магдусю, спросила, не умеет ли он случайно, как солдат, стирать и раскатывать белье.

Гаврила, который один лишь раз, и то при свече, еще в тот день, когда я якобы утонул, видел мою жену, посмотрел удивленно, а на вопрос ответил, что умеет, и по знаку Альбины вышел, оставив нас в полной неуверенности.

Через несколько минут возвратилась из кухни Магдуся, отправленная туда в разведку, и успокоила нас, рассказав, что Гаврила наивно и доверчиво передавал Левиньскому, как барыня, такая, казалось бы, слабая и деликатная, кричит, однако, как мужик.

Из-за моей горячности и нетерпения нечто подобное произошло и во второй раз. Врач, посещающий Альбину, выписал рецепт и вышел из комнаты. Я, движимый любопытством, схватил его и, сидя на кровати, читал, как вдруг доктор, еще не закрыв за собой как следует дверь, открыл ее снова, подошел к столику, на котором писал рецепт, и стал его искать. Альбина, прикрыв меня портьерой, забрала рецепт и так подала, что он, ни о чем не догадываясь, исправил его и снова вышел.

Такие и подобные непредвиденные случаи тревожили нас страшно, и хотя они разнообразили нашу монотонную жизнь, так как потом было о чем между собой поговорить, однако были опасны. Поэтому в течение всего времени, когда я скрывался, не было ни минуты, чтобы мы не ждали несчастья. Из-за этого дочь моя не могла быть здоровой. Родившись от исстрадавшейся матери, всего лишь три недели дышала, а на четвертую умерла, крещенная мною.

В приготовленный гробик я вложил груз, соответствующий телу, заколотил крышку гвоздями, сделал черный крест на ней и отправил на кладбище. А тело Михалины, также набальзамированное, вложил в ящичек и отдал Магдусе, чтобы поставила его в подвале нашего дома.

Наша добрая уралка переживала вместе с нами. Каждый удар в наши сердца отзывался в ее душе; гибель нашего младенца тронула ее почти так же, как и нас. Об Альбине не хочу уж больше вспоминать, чтобы не наскучить читателю; она, глядя на мертвое дитя, так страдала, что не могла пролить ни одной слезы.

Мы с Альбиной заметили, что Марию очень угнетала необходимость скрывать тайну обо мне перед своей матерью, каждый раз, касаясь в разговоре с нами этой темы, она только вздыхала. Так что мы с Альбиной, посоветовавшись, видя преданность с ее стороны, поручили ей и свою мать уведомить, что я жив. Мария слушала меня внимательно, а когда дошло до разрешения сказать матери, залилась слезами, бро-

силась в наши объятия и благодарила со словами, что никогда бы об этом не заговорила, но теперь самые горячие ее желания исполнились и облегчили ее душу.

Ее мать, хоть и бывала у нас, как и многие другие, но тоже ни о чем не знала. Поскольку свое решение мы приняли за несколько дней до Пасхи, то встречу нашу мы назначили на первый день праздника. Мать пришла в этот день с утра и, по обычаю своей веры, поцеловалась со мной со словами: «Христос воскрес!»

Не дождавшись паспорта на выезд Альбины, я сразу после пасхальных праздников подготовил личное письмо к графу Бенкендорфу, шефу жандармерии. В письме этом, которое якобы жена написала, были подробно изложены все причины моего самоубийства и, со ссылкой на следствие, обращалось внимание графа, могла ли бы жена, принимающая участие в исчезновении мужа, первой уведомлять об этом власти? А ведь она поступила именно так, в связи с этим просит, чтобы он вник в это дело и выдал ей паспорт. Кроме того, написала она еще в подобном духе и к австрийскому послу, чтобы он напомнил о ней как об австрийской подданной.

Еще до того как были написаны эти письма, когда начал таять лед, Уральская военная канцелярия издала приказ, чтобы проживающие у реки жители внимательно смотрели, не появится ли где мое тело. В результате из одной станицы в 400 верстах от Уральска сообщили, что выловлено плававшее в реке мертвое тело. Несколько чиновников, знавших меня в лицо, поехали туда, но оказалось, что это был киргиз. Этот случай, когда мы о нем узнали, заставил нас поторопиться с упомянутыми письмами, их немедленно отправили на почту.

Неизвестно, то ли вследствие одного из этих писем, то ли по естественному ходу вещей, но главное, что после таких переживаний, опасений, неуверенности, тревог и ожиданий в последние дни мая Альбине пришло наконец разрешение на выезд из Уральска. Первой почти ночью прибежала к нам

наша Мария и, сообщая об этом, добавила, что есть распоряжение выдать Альбине и Магдусе на дорогу казенных денег и назначить преданного и надежного унтер-офицера, который под предлогом, что охраняет в дороге Альбину, в действительности будет следить, не заедет ли она куда-нибудь по пути и не захватит ли меня. Таким образом, в Петербурге не допускали, что я утопился.

На следующий день Альбину официально уведомили об этом распоряжении царя, и на вопрос, когда выедет, она назначила третий день июня.

С 1 на 2 июня в 12 часов ночи дождь лил как из ведра, темень была такая, что в нескольких шагах невозможно было ничего разглядеть, весь город был погружен в сон, нигде не видно было ни малейшего проблеска света. Две женщины вышли тайком из одного из домов и, с величайшей осторожностью идя по улице, через каждые несколько шагов останавливались, внимательно прислушиваясь, не следует ли кто-нибудь за ними. Одна из них была довольно рослая, вторая маленькая. Они несли под мышкой мотыгу и заступ и направлялись прямо на кладбище. Там долго бродили по грязи, тщательно к чему-то приглядывались, что-то искали. Наконец маленькая первой увидела какой-то знак и, не говоря ни слова, показала его второй. Этим знаком была жердь, лишь вчера днем сюда воткнутая. При виде ее высокая женщина, раздосадованная долгими поисками, как гиена, бросилась вперед и остановилась перед ней. Обе, обрадованные находкой, ощупали руками место возле жерди и старательно, но совершенно бесшумно начали его раскапывать. Поглощенные этим делом, не замечали, что кто-то неровными шагами приближается к ним, но едва услышали шаги, ни слова не говоря, упали на землю. Прислушивались с ужасом, как шаги все более приближались к ним. Тут высокая женщина выхватила у своей спутницы мотыгу и с ней в одной руке, а с заступом в другой тигриным прыжком бросилась вперед и как огородное чучело с распростертыми руками предстала

перед идущим, сыпля вокруг изо рта пылающими искрами. Одновременно вторая, размахивая в воздухе жердью, носилась, прыгая по воздуху, как коза, с могилы на могилу. Перепуганный пьяный солдат протрезвел в одну минуту и, собрав последние силы, ужасающе заорал и бросился бежать в противоположную сторону.

Избавленные таким образом от присутствия постороннего, женщины вернулись к своему занятию, вскоре извлекли из могилы гробик и забросали яму вырытой землей. Возвращаясь, благословляли небо за то, что проливной дождь смоем все следы. С той же осторожностью они благополучно дошли до дому.

На кухне как убитые спали Левиньский и Гаврила. Альбина на условный знак сама отворила нам калитку.

— Ну что, нашел? — был первый вопрос моей жены, а когда получила утвердительный ответ, стала просить показать ей дитя. Но я легонько отстранил ее, отдал труп Магдусе, а сам, взяв Альбину под руку, вошел с ней в комнату. Вскоре снял с себя женское платье и с Магдусей, переодетой уже в сухую одежду, напился горячего чаю.

Оставшись наконец наедине, мы с Альбиной долго обсуждали это событие.

На следующий день Мария с испугом рассказывала нам, что на улице на краю города нашли полуживого солдата, который, придя в себя, с ужасом говорил о том, что на кладбище ночью видел несметные полчища упырей, трупов, дувших на него огненными искрами, а также слышал стоны душ, которых черти огромными лопатами мешали в котле.

Объяснил я Марии, что это были мы с Магдусей, а искры, которыми я умышленно обсыпал солдата, летели от сигары. Это объяснение едва нас не погубило, так как добрая наша уралка, опровергая суждения окружающих о событиях на кладбище, в пылу воодушевления чуть не выдала тайну.

Несмотря на то что у Альбины были ограниченные знакомства с жителями Уральска, все же следовало ожидать,

что попроситься придет более десятка человек, включая и наших земляков. Мария потихоньку всех уведомила, что Альбина 3 июня в 3 часа утра уезжает, так что те, кто желает с ней проститься, пусть придут накануне, она же по слабости здоровья не будет ни у кого; в действительности же она опасалась оставить меня одного на время своих визитов, поскольку трезвость ее ума, которую доказывала она не раз, была порукой моей безопасности и ее спокойствия.

Теперь надо дать вам представление о тех способах и средствах, к каким мы прибегли, чтобы вместе с женой мог выехать и я.

Венская коляска, в которой Альбина сюда приехала, в ту пору в Уральске была явлением невиданным. Она обратила на себя внимание всего города, и многие жители хотели ее приобрести. Но поскольку в их числе была и мать нашей дорогой Марии, то я отдал ей предпочтение, тем более что у нее был тарантас *, который соответствовал моим намерениям.

И вот еще в прошлом году, когда составлялся план побега, я сетовал на то, что нам не высылают из дому денег, и, чтобы придать этому огласку, умышленно заложил свои карманные часы, причем платил проценты по пять рублей в месяц, а будто бы для того, чтобы избежать длительной выплаты их, якобы вынужден был продать матери Марии коляску, взять у нее тарантас и в придачу еще 1 500 рублей ассигнациями.

2 июня вечером, накануне нашего отъезда, были уложены тюки, обернуты войлоком два ящичка с нашими мертвыми детьми и прикреплены веревками сзади к повозке; все было устроено так, чтобы знакомые, приезжавшие попроситься с Альбиной, убедились, что она выедет завтра на рассвете. А так как в тюки упакована была и постель, то я не мог про-

* Тарантас — это повозка, короб которой лежит на длинных жердях, заменяющих рессоры; повозки такие обычно очень легки на ходу. (*Примеч. авт.*).

должать прятаться под кроватью и вынужден был свое семимесячное укрытие сменить на чердак, там Магдуся меня закрыла, и я стал ждать, когда подадут знак.

Церемония прощания была не слишком чувствительна, поскольку между уезжающей и остающимися почти вовсе не было близких знакомств, однако нашлись такие, кто по-настоящему, искренне плакал; это были женщины более низкого положения, такие почти в каждом уголке мира более чувствительны, чем мужчины; жалели они Альбину, что такая молодая, а уже столько вытерпела в их городе, и старались слезами искупить вину своих мужей, которые довели меня до самоубийства.

Уряднику, который должен был с нами ехать, жена моя в присутствии гостей поручила завтра утром, до 3 часов, привести кучера и лошадей и прийти самому, потому что она будет ночевать и ждать его в подготовленном уже тарантасе, который ему показала. Урядник, имея указания начальства проявлять повиновение и почтение, полагающиеся шляхте, выслушал приказ, стоя навытяжку, сделал налево кругом и вышел.

Лишь после 12 часов ночи, когда уже все разъехались и разошлись, сошел я с чердака и застал около Альбины только нашу Марию и ее мать. Тут я должен признаться, что минута прощания была поистине трогательной. Наша добрая наперсница повисла на наших шеях, и ее невозможно было оторвать; рыдая и захлебываясь от слез, умоляла взять ее с собой, мысли, что теряет нас навсегда, не могла и не хотела допустить, и когда, целуя меня, шепнула на ухо, что ничего от меня не требует, только быть с нами, видно было, что это признание далось ей очень, очень нелегко, потому что упала на пол без сознания.

Мы приводили ее в чувство как могли. Хоть она и очнулась, но была такая бледная, слабая и больная, что мать и Магдуся ее почти несли домой.

Магдуся, возвратясь от Марии, рассказала нам, что та, прощаясь с ней, целовала, просила, умоляла и заклинала следить

за моими удобствами и безопасностью, называла ее счастливницей, что едет с нами, завидовала ее увечью и утверждала, что если б не это препятствие, то осыпала бы ее золотом, а сама взяла бы на себя ее роль и поехала с нами.

«Ничего мне от них не надо, только смотреть на них, этого для меня достаточно». С этими словами вынула из шкатулки несколько ассигнаций и почти силой пыталась затолкнуть ей за корсаж, убеждая, что в случае несчастья будет чем откупиться, но Магдуса этого дара не взяла.

Июньские ночи, как известно, коротки, вскоре начало светать. Я поднялся в тарантас и, приняв позу ребенка, заспиртованного в банке, поместился под козлами. Заложили меня подушкой, шкатулкой, кофемолкой и разным хламом, накрыли полостью от повозки, в которой уже находились Альбина и Магдуса. Вскоре пришел и урядник с кучером, который вел лошадей и нес дугу с колокольчиками, поспешно запряг лошадей и уже почти сел на козлы. Мария, видимо, не спала и, услышав звук колокольчика, вскочила, как безумная, в тарантас, обхватила руками Альбину, а ногами так сильно топтала по полости, попадая по мозоли на моей ноге, что я, от неожиданности и не зная, в чем дело, едва не закричал от боли. Но подошла за ней мать и силой оторвала от нас. Лошади тронулись, и мы выехали из Уральска.

Благодарю вас, достойные уралки! Вы едва ли не первые доказали, что и вашему полу тайны доверять можно. Мои представления о законах дружбы порукой тому, что никто вас не упрекнет за то, что вы так бескорыстно для нас сделали, и если бы не уверенность, что читающий люд низко вам поклонится, я ни словом бы о вас не упомянул!

III

В тарантасе так все было приспособлено, что я мог во время езды вытянуться в нем в длину, положить голову на подушку возле сиденья жены и под прикрытием полога ти-

хонько с ней разговаривать, а при приближении к почтовой станции достаточно было минуты, чтобы я после предупреждения сжался под козлами.

Во время первой смены лошадей раздались пронзительные крики Альбины и Магдуси, которые из повозки не выходили, и одновременно я почувствовал, как что-то тяжелое свалилось на полог повозки, после чего начались общий крик, галдеж и суматоха. Я, не зная в чем дело, испугался ужасно, мозг молнией пронзила мысль, перешедшая в уверенность, что Мария, не в силах перенести нашу разлуку, поехала следом и как бомба влетела в тарантас. И я только подумал о страшных последствиях такого происшествия, как по крикам Альбины и скулению собаки понял, что это была моя легавая, которую инстинкт уведомил о моем побеге, и она гналась, чтобы проститься со мной. Я говорю — проститься, потому что после того как урядник сбросил ее с полости, она какое-то время еще бежала за повозкой, а поскольку собака была очень жирная и жара стояла невыносимая, по видимому, пала она где-то в степи жертвой своей привязанности, потому что с тех пор больше ее не видели.

Постоянной моей едой в этом необычном путешествии были швейцарский сыр, икра, хлеб и колбаса, а так как жара стояла страшная, то я, хоть не много ел, но очень часто и ужасно хотел пить; предупредил я об этом Альбину, и она, сама не выходя из повозки, велела Магдусе на каждой станции набирать в довольно большой чайник воду и в пути поила меня. Так проезжали мы в сутки по полтораста верст, ехали спокойно, мечтая о самом счастливом будущем.

Дорогие мои читатели, если б вы знали, какую ужасную сцену приходится мне описать, уверен, что самое жестокое сердце дрогнуло бы от жалости! До сих пор еще, когда об этом пишу, не могу вспоминать без страшного содрогания!.. Все планы оплачены такими страданиями моей дорогой Альбины!.. О Боже, за что Ты нас караешь и испытываешь так жестоко? Ведь Ты, Господи, всемогущий и всеведущий, знал,

что предстоит... И зачем Ты позволил преодолеть столько трудных препятствий, затем ли, чтобы нас, пересиливших их, внезапно сразить, как молнией, и все уничтожить?... Не знаю, что я тогда думал о Тебе, великий мой Боже, знаю лишь, что я слабый человек, и по-человечески мне кажется, что борьба между нами неравная и что Тебе, Господи, не годится испытывать человека! Ведь Ты, знающий все наперед, должен и о том знать, выстоит ли человек, перенесет ли и выдержит, ропща или безропотно?! Но для человека непостижимы приговоры Божьи! Сейчас, склоняясь перед Твоим Святейшим Величием, признаю, что тогда должен был и принять неизбежность как добродетель и удар этот перенести со смирением.

Представьте себе, на четвертый день нашего путешествия, в пяти верстах от города Петровска Саратовской губернии ⁵² из-за сильного удара колеса о камень, лежащий на дороге, свалилась с козел доска и придавила меня всей тяжестью двух человек, заставив закричать и раскрыть себя!

Перо выпадает из рук моих, когда пишу эти слова! Боже, за что и ради чего столько несчастий? Не понимаю, как человек может перенести столько ударов одновременно!.. Все страсти человеческие: злость, ненависть, возмущение, месть, бешенство, наконец — все это одновременно овладело мной, закипело и, как я сказал, исторгло страшный крик и стон из моей груди!

Разумеется, лошадей немедленно остановили, я, схватившись обеими руками за покалеченную голову, печально, со сжавшимся сердцем взглянул на Альбину. Она, прикрыв глаза, склонив на грудь голову, бледная как мертвец сидела на своем месте... Я не знал, что предпринять... Казак кричит диким, пронзительным голосом, как безумный, я покалечен и весь в крови... Альбина неподвижна, Магдуса колотит себя в грудь, рвет волосы и в отчаянье ломает руки!.. Ничего не ведающий кучер таращит глаза, несколько кучеров, перевозящих, товары, обступают нас вокруг, ротозейничая! Словом,

Страшный Суд, хоть мы себе и представляем его ужасным, не идет в сравнение с той минутой, которая для нас наступила. Там по крайней мере порядок и следует ждать очереди, здесь же господствовали крик, галдеж, беспорядок — настоящий хаос.

Через несколько минут открыла глаза Альбина и, не произнеся ни слова, не уронив ни одной слезы, лишь судорожно сжала мою руку, усадила рядом с собой, потребовала чайник с водой и начала промывать мою рану. Вскоре все наконец успокоилось. Только урядник, несчастный и растерянный, не переставая жаловался и кричал; так как крики эти не утихали, я, выведенный из терпения, указал на видневшийся на холме город и крикнул:

— Вези меня туда и не ори: ты не только не будешь отвечать за это, но тебя еще и наградят!

При упоминании о награде глаза у казака заблестели, он успокоился и замолчал.

Привезли нас в Петровск, лошадей остановили у дома бурмистра⁵³. На протяжении трех — пяти верст, что мы ехали к городу, я и Альбина не обменялись между собой ни словом, она лишь заботливо ощупывала и промывала мою голову, я же с невыразимой печалью смотрел на нее.

Городничий, бывший капитан армии, господин Попов, хоть, как говорится, «происходил из Бурбонов», был в действительности человеком добрым. От урядника он ничего не мог добиться, так как тот со страху так бормотал, что его совершенно нельзя было понять. Тогда городничий, узнав от меня, кто я и в чем заключается дело, вежливо нас принял, с неподдельным участием сострадал нам, кланялся мне непрестанно, после каждого слова целовал в плечо и просил не гневаться на него за то, что прикажет заковать меня в кандалы. Я находился в такой апатии, что все мне было безразлично. Но понимая, что Альбине неприятно будет видеть меня в оковах, сказал городничему, что кандалы, которые по закону приравниваются к телесному наказанию, нельзя применить

к шляхтичу, каковым я являюсь, однако, когда это не помогло, махнул рукой и только попросил его не разлучать нас, что он действительно выполнил.

Происходило это в пять часов вечера. Поместили нас рядом с бургомистром, дом окружили жандармы. Почти все население столпилось на площади, жаждающая новостей, как девицы мужей, и ротозейничая, смотрело на нас.

Известно, что в подобных случаях проверяют и вещи арестованных. Осмотрели поэтому и наши узлы, шкатулки и другие вещи, но когда развернули войлок, увидели ящички и намеревались открыть их, я прямо сказал бургомистру, что здесь мертвые тела моих детей, которые я, убегая из неволи, везу с собой на родину.

Толпа, стоявшая невдалеке, известие это плохо расслышала и, передавая через сотые уста, так исказила, что нас приняли за пожирателей мертвецов. Так что смотрели на нас с огромным страхом и ужасом и рассуждали о том, где возьмем для еды новые трупы, когда съедим этот запас... И бедные матери прижимали своих младенцев к груди.

Я попросил бургомистра, чтобы разрешил не открывать моих детей.

— Сообщите об этом происшествии в Саратов, — говорил я, — а когда нас привезут туда, убедятся, что я говорю правду.

Он сразу же с этим согласился. Обрадовался, как мне казалось, что я вывел его из затруднительного положения, потому что в самом деле не знал, что следует делать; составил на нас троих и урядника протокол, отправил нарочного в Саратов с вопросом, что ему прикажут дальше с нами делать.

На четвертый день по приказу саратовского губернатора привезли нас в Саратов. Двое жандармов в отдельной повозке ехали за нами, а наш урядник по-прежнему сидел с нами на козлах. На заставе в Саратове ждал нас полицейский надзиратель. Он вскочил в тарантас с жандармами и

проводил нас в подготовленный для нас дом, находящийся около полиции.

Лишь несколько минут дали нам для того, чтобы распаковать свои вещи, как вошел к нам полицмейстер господин Бартинев (Бартенев? — *Б. Ш.*), забрал меня с собой и повез на извозчике прямо к губернатору.

Я избегал и в дальнейшем буду по возможности избегать детального описания действующих в моем рассказе лиц. Например, как был одет полицмейстер, сколько ему было лет, какой у него рост, какие нос, глаза и зубы, какой ногой вперед ступил, что делал руками, о чем догадывался или не догадывался, словом, считаю все эти мелочи излишними. Поэтому описывать буду просто, не подражая некоторым писателям, для которых более важен объем книги, нежели ценность ее содержания.

В огромной зале очень вежливо принял меня седоватый высокого роста мужчина, это был сам губернатор генерал-майор Власов, который, как он мне позже рассказывал, перед этим десять лет пробыл в Варшаве, чисто и свободно говорил на нашем языке. Он ввел меня в свой кабинет, усадил рядом с собой и попросил, чтобы я сам рассказал ему подробно об этом происшествии.

Нам подали чай и трубки, он обратился в слух, и я, откашлявшись, начал рассказывать. Когда речь зашла об умерших детях, он прервал меня и сказал, что уже дал приказ, чтобы их по нашему обряду похоронили, для этого ждет нашего ксендза Снарского. Действительно, тот вскоре пришел и, получив от губернатора указания, согласованные и с моими пожеланиями, удалился. В заключение беседы генерал уведомил меня, что об этом происшествии обязан доложить в Петербург, затем посоветовал мне, чтобы жена не присутствовала при открывании и погребении детей, я же должен там быть обязательно.

Успокаивая меня в несчастье, господин губернатор поручился, что мы оба в его лице встретили не сурового судью,

а снисходительного и участливого человека. А после некоторого размышления спросил меня, почему я, скрываясь в течение семи месяцев, когда уже все почти были уверены в том, что я не существую, не использовал это время для побега? Я ответил так, как было на самом деле, что мы так сильно боялись разлуки, что если не могли бежать вместе, то поодиночке и не хотели.

Тогда он, взглянув на мои кандалы, стал извиняться, что не может меня от них освободить, поскольку законы для политических преступников и дезертиров строгие, но так как эти кандалы слишком тяжелые, то распорядится заменить их более легкими *, и добавил, что надеется на то, что я не воспользуюсь этим. Я заверил его словом чести, что благодарность моя за проявленное к нам участие так велика, что я скорее пожертвую всем, нежели подведу его под ответственность.

Услыхав эти слова, выходящие из глубины души и сердца, он удалился на момент в другую комнату, дал какое-то секретное распоряжение полицмейстеру, который там ждал, и возвратился ко мне. Долго еще о разных вещах, а главным образом о себе, говорил господин губернатор, наконец, пожимая мне на прощание руку, попросил разрешения познакомиться с моей женой.

На следующий день с утра снова поехал я с полицмейстером, и когда мы сошли с извозчика, то меня ввели в какой-то темный, холодный, сырой, освещенный несколькими лампами подвал. Признаюсь вам, что у меня даже кожа одеревенела, когда меня туда ввели, так страшно боялся я быть разлученным с Альбиной. Но страх быстро прошел, ибо, войдя туда, застал ожидающих нас нашего ксендза, доктора и двух или трех чиновников. Посреди на скамье стояли два ящичка с моими детьми. Открыв их и убедившись, что там действи-

* В замененных кандалах обручи были такие широкие, что я легко мог снимать их на ночь. (*Примеч. авт.*).

тельно были они, а не что-нибудь иное, переложили их в соответствующего размера гроб, заколотили его гвоздями, и ксендз, чтобы впоследствии знать, что именно он хоронит, приложил к нему свою печать.

Выйдя оттуда в том же порядке, возвратился к жене, которая спросила:

— Где ты был?

— У детей, — ответил я.

Альбина залилась слезами.

Почти всю ночь провел я в плаче и беседе с Альбиной. Рано утром снова появился полицмейстер, повел меня с собой и велел сесть в ожидавшую меня карету. Двое лакеев в ливреях с галунами и в соответствующих шляпах, также обшитых галунами, стояли около кареты; один из них, открыв передо мной дверцы и затем закрыв их, стал сзади, а второй, поместившийся рядом с возницей, крикнул:

— В костел *.

Полицмейстер ехал за мной в своей повозке один.

Приближаясь к костелу, я заметил на площади большое количество разного рода экипажей.

Должен еще сказать вам, любезные читатели, что в план нашего побега входило и то, что если бы мы въехали в польские земли, то я бы, уже не скрываясь, но переодетый женщиной, ехал с Альбиной, представляясь ее кузиной. Поэтому волосы мои в течение года не подстригались и были так длинны, что падали на плечи, а лицо, которое семь месяцев не видело солнца и воздуха, было необычайно белым, нежным и, по-видимому, до такой степени привлекательным, что когда женщины увидели меня входящим в костел и услышали звон кандалов, то почти все вместе заплакали в голос.

Признаюсь, этот случай почти примирил меня с ненавистной Москвой и запал мне в душу. Такое явное сочувствие

* Позже я узнал, что эта карета была собственностью господина Бэра, который жил в селе в четырех верстах отсюда. (*Примеч. авт.*.)

не могло не растрогать, оно сулило лучшее будущее. Прибавьте к этому чистую совесть, светлое лицо, взгляд смелый и спокойный и вы получите образ человека, с истинной покорностью ожидающего своей судьбы.

Так стоял я во фраке * посреди костела со сложенными на груди руками и смотрел на погребальный обряд...

На катафалке стоял гроб с моими детьми. Присутствовавшие на мессе часто, очень часто оглядывались и смотрели на меня... Но когда я в этих взглядах заметил не злобу, ненависть или презрение, а, наоборот, сочувствие, то, сказать по правде, был я вознагражден за все прежние страдания, потому что встретил людей, способных оценить мои преступления! Однако исследователь души человеческой или подобный Лаватеру физиономист⁵⁴ заметил бы в лице моем обиду на Того, которого почитали.

После богослужения все вышли из костела. Я заметил, что столпившаяся публика не собиралась ехать в своих экипажах, а шла пешком.

Вежливость с моей стороны требовала, чтобы и я поступил так же, но когда к выходящему из костела шествию присоединилась масса людей с улиц и площадей, а некоторые из них стали громко бранить урядника и бросать в него камни, то полицейский чиновник, опасаясь убийства, отправил урядника под прикрытием двух полицейских домой, а мне шепнул, чтобы я садился в экипаж. Была подана карета, я, стоя на ее ступеньках, огляделся вокруг, и показалось мне, что вижу хлебную ниву, колышущуюся от ветра, такая шла многочисленная толпа. Некоторые из процессии, а именно женщины, также заняли свои экипажи, и так, медленно двигаясь, прибыли мы на кладбище.

* Напомню читателям, что моя одежда была в Уральске роздана бедным, поэтому из-за отсутствия таковой я, не имея во что одеться на похороны, взял то, что было у портного, которому поручили сшить мне одежду. (Примеч. авт.).

Здесь по приказу губернатора была уже построена из кирпича гробница, куда положили моих детей *.

По окончании обряда ко мне подошли более десятка человек обоего пола и, представляясь, совали свои адреса, самым искренним образом уговаривая, чтобы мы с женой ни о чем не беспокоились, поскольку все начиная от еды они нам пришлют. С умилением слушал я такие заявления. После всех страданий, преследований, одиночества и однообразной жизни в Уральске, где каждый человек казался мне и действительно был ненавистным, очутиться внезапно в среде приятных, вежливых и участливых людей, это ли не повод для ожидания лучшего будущего? И вот вера в Провидение вошла в мою душу и наполнила ее не изведанным дотоле блаженством, а мизантропические и безбожные сомнения уступили место надежде. Я так был тронут отношением жителей Саратова, что, в свою очередь, пожимая им руки, благодарил не помня кого и почти не зная за что.

Возвратившись с похорон, я лишь начал рассказывать жене все подробности, как отворилась дверь и полицмейстер объявил нам о прибытии губернатора. Альбина велела просить его, я же вышел в переднюю ему навстречу.

Господин генерал со всей вежливостью хорошо воспитанного и салонного человека, представившись моей жене, поцеловал ей руку. Сегодня этот его шаг покажется кому-нибудь неуместным, но надо помнить о том, что в то время такая была мода в нашей стране, и он, как ее последователь, может быть, хотел еще и показать присутствовавшим, как должно уважать несчастную жертву преследований. По жесту Альбины он сел и обратился к ней:

— Все, чего только, несмотря на суровость закона, требует человечность, я для вас сделал; простите же, что не могу поступить так, как велит человеку сердце, а не чиновничьи

* Пани Фэлиньская в своих воспоминаниях о Сибири приводит этот случай⁵⁵. (Примеч. авт.).

обязанности, однако приложу все усилия, чтобы скрасить каждую минуту вашего злополучного здесь пребывания.

— Господин генерал! — ответила Альбина, — Нет слов, чтобы выразить вам нашу благодарность за проявленное к нам сочувствие и взволнованность им. От мужа узнала я во всех подробностях о вашей доброте и чуткости; участие же почти всего города, оказываемое нам в нашем положении, свидетельствует о высоких достоинствах правителя губернии и дает мне уверенность в том, что если нас будут пытаться судить даже самым суровым судом, то не оставят без внимания права человека, обязанности жены и матери, поэтому единственно о чем прошу вас, господин генерал, чтобы вы в своем донесении об этом происшествии попросили от моего имени императора России приказать судить не по суровости закона, а по-человечески, и не мужа моего, а меня.

После такого вступительного краткого разговора Альбина, которая давно уже лишена была в Уральске светского общества, с удовольствием беседовала с губернатором, и беседа эта убедила присутствующих, что у обоих нет недостатка как в хорошем воспитании, так и в образованности.

Во время их беседы я занялся паном Аверковичем, который пришел сюда к нам вместе с губернатором. Этот пан Аверкович ранее был членом Варшавской следственной комиссии и знал меня лично, но был оттуда удален и прибыл сюда на службу *. Мы говорили о наших общих знакомых, а также о происшествии, из-за которого мы с женой здесь очутились. Полицмейстер же, господин Бартинев, как человек очень хорошего происхождения, сидел на стуле, несмотря на

* Удален он был по следующей причине: отец политического преступника пан Гр., стремясь освободить сына, дал пану Аверковичу по его требованию десять тысяч золотых, однако деньги остались у того в кармане, а сын пана Гр. в тюрьме. Такое злоупотребление не могло остаться в тайне, поэтому пан А., будучи снят со службы там, получил, однако, должность здесь. (Примеч. авт.).

присутствие губернатора, и лишь прислушивался, не зная польского языка. Губернатор, прощаясь, попросил разрешения навещать нас, что ему, с выражением величайшей радости, было позволено.

С этой минуты квартиру нашу во все время пребывания нашего в Саратове ежедневно с утра до вечера навещало множество лиц различного положения, возраста и пола. Наперегонки старались не дать нам ощутить наше состояние, наоборот, постоянно развлекали. Несколько домов поочередно присылали нам еду, а разнообразных сладостей и фруктов для жены, для меня вина, портера, табака, сигар и тому подобного присылали такую массу, что я вынужден был просить, чтобы уменьшили количество даров, а то этого не только для нас троих, но и для окружающей нас стражи слишком много. Но ничто не действовало, жители были такие добрые, что, навещая нас, еще и просили ничего не покупать, а все, что будет нужно, требовать у них. Словом, несмотря на то что мы очень страдали от ужасной неизвестности, город этот, в сравнении с Уральском, назвали мы землей обетованной. Можно ли было черствостью и неблагодарностью отвечать на то сочувствие, которое нас окружало?

Среди многих прочих посещающих нас лиц была очень милая и образованная госпожа Горохова, жена чиновника по особым поручениям при губернаторе. Эта дама, подружившись с моей женой, умоляла, чтобы я, не дожидаясь решения из Петербурга, бежал из России. «Со всеми трудностями поможем, я обо всем подумала, — говорила она мне, — преданные и надежные люди отвезут вас в мое имение, там получите письмо и человека, который повезет вас дальше, и так на почтовых доберетесь до места, которое сами себе определите. Жену вашу держать здесь долго не будут, по закону она не несет ответственности за поступки мужа. А когда ее освободят, легко установите связь и поедете за границу».

Мы оба слушали ее с большим увлечением, мысль о свободе запала в наши души и вызвала радостную улыбку, но

после некоторого размышления мы решительно поблагодарили и сказали, что мы друг другу поклялись разделять ту судьбу, которая нам выпала; и если б мы совершили этот план, то нас преследовали бы угрызения совести, что мы не сдержали слово, данное губернатору, и тем подвергли его ответственности.

До сих пор не знаю, как об этом судить, несомненно лишь то, что господин Власов еще четыре раза был у нас и неизменно выказывал знаки глубокого уважения и благосклонности. Подозревать же госпожу Горохову в недобрых по отношению к нам намерениях мы не имеем права, тем более что позднее, при отъезде нашем из Саратова, она, прощаясь с Альбиной, не будучи католичкой, опустила перед ней на колени и, заливаясь слезами, попросила благословить.

— Кто знает,— говорила она,— может, потомки оценят столько мучений, перенесенных слабой женщиной, и признают тебя святой.

Слушая такие слова молодой, красивой, чужого вероисповедания женщины, трудно было предполагать в ней лицемерие, пожалуй, молодость и экзальтация могли вдохновить ее на эту мысль, чтобы, постигнув поистине единого Бога, уверовать в Его всеобщую справедливость.

Около нескольких месяцев жили мы в Саратове в ожидании решения из Петербурга, и нам, не знающим законов страны и, кроме того, полагающимся на всеобщее мнение, казалось, что царь не станет нас наказывать, а простит вину, за которую мы уже так пострадали. Но как же было нелепо надеяться на милосердие деспота-варвара!⁵⁶

Саратовский губернатор, в отступление от предписанной формы, рапорт в Петербург об этом происшествии составил в таких трогательных выражениях, что когда через нарочного его вручили царю во время обеда и вслух зачитали, то находящиеся там статс-дамы и фрейлины громко плакали. И только царь Николай, топая от злости ногами, бесился и, брызгая во все стороны слюной из августейших уст, орал

как одержимый, что в его государстве нашелся такой заклятый враг, что, убегая, выкапывает мертвых детей и увозит, чтобы не покоились в русской земле, а обращаясь к оренбургскому губернатору, который в то время там находился, попрекал, спрашивая, что там делала его губерния, если позволила одной жалкой и слабой женщине обманывать власти так долго? В пылу достойного себя гнева приказал, чтобы меня судили по всей строгости военного суда, а жену мою и Магдусю — гражданского. Обо всем этом узнал я в Оренбурге, где по моем возвращении генерал-губернатор сам это рассказал.

Пришел наконец этот строгий приказ в Саратов. Первым предупредил нас о нем по поручению губернатора пан Аверкович, который почти по целым дням просиживал с нами и стал как бы нашим домочадцем. Он нам сказал, что всего лишь пустая формальность требует, чтобы мы для выяснения дела возвратились в Уральск.

С болью в сердце выслушали мы это известие. То, чего больше всего мы опасались, увы, произошло. Вернуться к ненавистным нам и разгневанным на нас людям — это было ужасно!.. А мысль, что нас несомненно разлучат, была поистине убийственна!..

На следующий день посетил нас губернатор. На лице его отражалось явное смущение, свидетельствующее, что то, о чем он должен нам сказать, стоит ему больших усилий. В смущении долго колебался и молчал. Лишь когда жена моя начала первая: «Говорите, мы уже все знаем и ко всему готовы...», тогда он сказал, заверяя нас, что и он не менее нас переживает и ожидал иного.

В дальнейшем разговоре объявил, что для подготовки документов, требующихся для нашего выезда, достаточно трех дней, по истечении которых мы должны выехать из Саратова. Видно, что чего-то он опасался, потому что просил, чтобы мы покинули Саратов перед рассветом, когда город будет еще спать. Я пообещал, что его волю мы свято исполним.

Альбина же попросила разрешения присутствовать на богослужении и съездить на кладбище. С первой просьбой он согласился, сказав, что сам уведомит ксендза Снарского, а относительно второй почти умолял, чтобы она ради своего здоровья, на котором может отразиться ее слишком сильная чувствительность, отказалась от этого намерения; прощаясь с нами, советовал не отчаиваться, надеяться на Бога и говорил тому подобные утешительные слова, а в конце добавил, что напишет частное письмо оренбургскому губернатору, вверяя нас особой его опеке, и действительно выполнил это, о чем я узнал позднее в Оренбурге.

В течение этих трех дней нас снова стали часто навещать. Известие о нашем отъезде разнеслось мгновенно по всему городу, по этому поводу с утра до вечера съезжались к нам, чтобы попрощаться, привезти или прислать на дорогу разных продуктов. С неподдельной растроганностью принимали мы дары почтенных жителей, просили, чтобы так много нам не давали, поскольку трудно будет забрать все с собой; однако ничего не помогало, заложили продуктами не только наш, но и тарантас жандармов.

Наконец 6 августа в половине пятого утра я, Альбина и Магдуса в одном, а двое жандармов в другом тарантасе ехали в костел *. Проезжая в открытой повозке через город, заметили мы, что, несмотря на раннюю пору, многие окна тем не менее отворены и в них кланяются нам знакомые и незнакомые лица; поэтому с искренней благодарностью кланялись и мы все трое на обе стороны. Но когда из многих окон стали бросать цветы под ноги лошадям, тут мы расчувствовались безгранично. В таком настроении вошли мы в храм Господень и растроганно молились во время богослужения. Просили Бога о благополучии и для жителей Саратова.

* Урядник, после словесного объяснения в Саратове, еще раньше был отправлен в Уральск, где затем ему присвоили офицерское звание и наградили пятьюстами рублями серебром. (*Примеч. авт.*).

О спасибо тебе, достойный и благородный город, воспоминание о тебе после стольких лет не выйдет из моей памяти! Твои жители примирили нас со всем человечеством, ибо до сих пор нам, неопытным, на примере Уральска казалось, что вся Россия одинакова, но вы убедили нас в ошибке и уверили в том, что если б мы жили среди вас, то, возможно, не дошло бы до случившегося.

Когда мысленно благодарил город, пришло мне на ум, что такое закон? Закон — это те же предписанные людям условия, которые они не должны нарушать. Кто писал закон или условия? Люди. На что опирались, составляя их? На прирожденное право человека. Что это такое — прирожденное право человека? Разум и совесть. Следовательно, если жители Саратова, ничем не отличающиеся от остальных людей, осыпают нас цветами, то видно, что нас почитают, а так как почитаемых карать нельзя, то и у нас нет причины страшиться и опасаться закона.

Если то, что я увез неживых детей, действительно было большой и до сих пор не практиковавшейся демонстрацией, то жители Саратова, бросая в урядника камнями, а нам под ноги цветы, проявили ее несравненно сильнее.

IV

Когда мы возвращались обратно в Уральск, о, как отличались наши чувства от тех, что испытывали мы при отъезде! Тогда каждый оборот колеса и каждая секунда приближали нас к желанной, такими муками оплаченной цели, сегодня же каждый миг и пядь земли предвещают мне разлуку с женой...

Несчастливые мы люди! Природа наделила сердца наши чувствами, чтобы потом насмеяться над ними, потому что, по-моему, нет на свете большего счастья, чем соединить два любящих сердца, равно как и нет и большего несчастья, когда судьба их разлучает! Не знаю, как об этом буду судить

потом, но сейчас, когда пишу, хоть мне уже за 50 лет, уверяю, что все еще так же думаю.

Подъезжая к Уральску, я намеренно велел жандармам задерживать наше путешествие, так как пытался по мере возможности избежать той щекотливой обстановки, что ждала нас в этом городе. Если бы его простонародье было не таким диким, а несколько более сносным, то и среди бела дня я бы въехал смело; но подвергнуть себя, а главное, мою дорогую Альбину насмешкам, издевательствам и грубости толпы было равносильно испытанию моего терпения, и если б оно лопнуло и дошло бы до физической силы, ибо иного тормоза эти дикари тогда не знали, то при закованных ногах и без палки в руках борьба была бы неравной.

И вот в десять часов вечера приехали мы в Уральск. Нас отвезли прямо в полицию. Здесь, кроме старшего надзирателя и нескольких полицейских, не было никого, а сам полицмейстер был «нездоров», что в среде чиновников означает «пьяный». Видно было, что нас ждали, так как жену мою с Магдусей отвезли на приготовленную квартиру, а меня на гауптвахту в острог.

Мы с Альбиной договорились ни о чем власти уральские не просить, будучи уверены, что это не только ничему не поможет, но и усилит их торжество и глумление над нами. Разлуку, болезненную, но предвиденную, мы восприняли с притворным безразличием. Я видел, что ни у полицейских прислужников, ни у принимавших меня на гауптвахте не промелькнуло ни одного доброжелательного взгляда; все это злобное, разъяренное, с глазами динозавров, возилось вокруг меня. Исходя из этого, я почти уверен был, что так же ненавидят меня и их господ; поэтому решил держать себя непокорно до грубости, не поддаваться никаким важным особам, покоряться только закону, словом, с воспитанными быть предупредительным, с невоспитанными — грубияном.

Я не ошибся в своих предположениях, потому что назавтра дверь с грохотом отворилась и полицмейстер и другие

вошли в мою темницу. Скажу вам правду, мои дорогие читатели, что если б я увидел во взглядах этих господ хоть малейшую доброжелательность, то это бы меня полностью обезоружило и я встретил бы их со всей вежливостью, присущей моему воспитанию, но, заметив, что господин полицмейстер Логинов, который особенно был разгневан на меня за то, что из-за моего укрывательства в доме он лишен был отличия за безупречную службу, так вот, повторяю, заметив, что Логинов вместе с другими стоит с горящими от злости глазами, в фуражке, я также не снял с головы свою, скрестил по-наполеоновски руки и, растравленный, как петух, приготовился к бою.

Видно, это их страшно возмутило, так как подполковник-полицмейстер приблизился ко мне и с величайшим гневом спросил:

— А ты знаешь о том, что ты арестант?

— Знаю,— спокойно ответил я,— но и о том помню, что не ты меня арестовал и не ты освободить будешь!

— Ты не забыл о том, что ты солдат и что разговариваешь с подполковником? — все более разъяряясь, спросил мой судья.

— Не забыл, но знаю также и то, что не ты меня разжаловал и не ты будешь восстанавливать!

Подполковник затрясся от злости, спеси у него заметно убавилось, он вышел и начал ругать меня за дверью по-своему.

Случай этот, по-видимому, получил огласку и оказал влияние на других, так как с тех пор я не видел больше этого грубияна, а во время административного следствия не слышал больше обращения на «ты». Члены же следственной комиссии были намного вежливее, и я, замечая это, становился мягким как ребенок и покорным, но без подобострастия.

Несколько дней спустя начали меня допрашивать, и на вопрос, что было причиной моего побега и почему я увез

неживых детей, я ответил, что стою перед ними по причине желания быть свободным и похоронить своих детей в фамильном склепе. Такой ответ, казалось бы, все объясняет и должен удовлетворять, но многословная процедура административного следствия растянула дело почти на три месяца, и я вынужден был ходить к ним почти ежедневно, отвечая по нескольку раз на самые мелкие вопросы.

Некий пан Михал Сенкевич, арестованный в период кампании 1831 года, был направлен на военную службу в Уральск. Как соотечественник, соизгнанник и товарищ бывал в моем доме и после моей мнимой смерти, как имеющий опыт и знакомый с хозяйством, закупал для дома, по просьбе моей жены, необходимые продукты, а в качестве охотника получил в подарок мою легавую. Итак, его и Левиньского как подозреваемых в том, что знали о моем укрытии, арестовали.

Известие об этом огорчило меня чрезвычайно. Поэтому я просил следственную комиссию, чтобы этих двоих, не принимавших в деле ни малейшего участия, освободили.

— Словом чести и своей порядочностью заверяю вас, — заявил я, — что говорю правду, к тому же скажу вам более того: я оскорбил бы обоих, утверждая, что они недостойны были нашего доверия, и не знали они единственно потому, что от них, как и от других, легко было скрыть, а мы не находили нужным уведомлять их еще и потому, чтобы не увеличивать число жертв в случае, если меня обнаружат.

Поскольку они действительно ни о чем не знали и утверждали это, то спустя несколько дней их освободили.

Еду и белье приносили мне на гауптвахту от моей жены, и хотя мы не договаривались предварительно о способах письменного общения, однако же уверенность в том, что любящее женское сердце средство найдет, навела меня на мысль обращать внимание на каждую посылку от нее, вручаемую солдатам. Как показали результаты, мои предположения не были тщетны. Так, однажды, получив бутылку с

горячим кофе, я заметил, что пробка была не такая, как обычно, а бумажная; я развернул ее и нашел кусочек грифеля и надпись рукой Альбины «ищи в белье». Увидев это, поистине такую радость в душе почувствовал, что долго не мог прийти в себя, а когда в следующий раз просматривал белье, то в простыне нашел довольно широкую накрахмаленную и заглаженную подрубку, распоров ее, увидел пару тонких иголок и несколько ниток, вытянутых вдоль подрубки и зашитых, кроме того, несколько карандашных строк, написанных рукой Альбины. Я был совершенно счастлив, так как отсутствие известий о ней угнетало меня больше всего.

Как видно, где действует сердце, там препятствия отступают. Разумеется, отправляя использованное белье, я писал жене на ткани и зашивал в подрубку. В нашей переписке, для которой сперва использовалась бумага, заменяющая пробку, кроме уверений в тоске, нежности и супружеской преданности, не было ни слова, касающегося нашего дела.

Но, увы, однажды вечером, в то время когда я за неимением никакого занятия в пятый или шестой раз перечитывал эти записки, два члена комиссии вместе с городской стражей вошли ко мне, не говоря ни единого слова, приступили к перетряхиванию, обшариванию и ощупыванию всего и, естественно, нашли то, что искали, забрали записки от моей жены, поклонились и ушли.

Таким образом, нас лишили последнего утешения, прервали всякую связь между нами, кормили и обстирывали меня на гауптвахте; но поскольку в этих записках не было и не могло быть ничего важного, то я не очень беспокоился, а сожалел лишь о том, что не получу больше известий от жены. Как узнала о записках комиссия, неизвестно мне до сих пор.

Теперь, любезный читатель, припомни, пожалуйста, тот день моей мнимой смерти, когда Альбина перед атаманом и остальными так талантливо сыграла свою роль, хотя из правдивейше описанных выше подробностей видно, как много

помогло в этом Альбине то, что легавая стала царапаться в мой шкаф и одновременно Мария взяла мое письмо. Но поскольку власти об этом совпадении обстоятельств не знали, то чтобы начальство не утратило уважения к моей жене, полагая, что своим удачным притворством она насмеялась над самыми святыми супружескими чувствами, я вынужден был прибегнуть к следующему изложению событий.

Предварительно договорившись с женой и служанкой, я дал показания, что, оставив письмо атаману, действительно пошел ночью на Урал, но там после долгих поисков проруби, не найдя ее, оставил одежду, а сам вернулся домой, чтобы взять мотыгу или железный лом; однако прикинув, что пока вернусь обратно к реке и найду либо сделаю прорубь, начнет светать, спрятался в доме за дровами в сенях и, никем не замеченный, стоял весь день, отложив исполнение намерения до следующей ночи. На следующую же ночь установили караулы и патрули, и когда я вышел из укрытия уже после полуночи, то побоялся идти через город к реке, где меня мог схватить патруль, и вошел в комнату Альбины. Таким образом, разыгранная перед атаманом и другими роль ее не была притворством, так как она в течение дня не знала, что со мной случилось.

Не знаю, в какой степени этому поверили, но бесспорно то, что хотя мы все трое при допросах дали такие показания, однако меня не за попытку самоубийства, а за побег судили.

Однажды, сидя задумавшись в своей тюрьме, я услышал какой-то легкий шорох у двери; сперва я не обратил на это внимания, но когда таинственный звук повторился громче, подошел к двери и в ее щели заметил свернутую записку. Человека же, который мне ее передал, не видел. В записке прочел я следующие слова: «Послезавтра вывезут тебя в Оренбург, чтобы отдать под военный суд. Альбина останется здесь. Предприняты все усилия, чтобы тебе разрешили с ней попрощаться, но все напрасно! Пытайся сам, проси, требуй, может, тебе посчастливится больше! Несомненно лишь то,

что та, которая тебе пишет, была и останется самой несчастной среди живущих!.. М.»

О, только читая эти слова, я понял, что дружба прикрывала ее истинные чувства! И полное бескорыстие в столь тонкой области было лишь проявлением ее высокой нравственности; ведь до сих пор она при всей своей бойкости говорила единственно лишь о том, что, будучи сиротой, вынуждена была без любви выйти замуж, ни о каких-либо чувствах ко мне, помимо дружбы, никогда не упоминала.

Жену свою любил я безумно и сейчас, когда пишу эти слова, оскорбил бы ее память, если б подумал иначе, но отнестись безразлично к чувствам Марии и упрекать ее за то, что она, молодая, но находящаяся среди совершенно необразованной молодежи, полюбила более обходительного, чем окружающие, мужчину, было бы равносильно осуждению тех благородных чувств в женщине, которыми наделил ее сам Бог. Поэтому растроганно и благодарно поцеловал я святотатственными губами ее записку и из опасения, как бы ее у меня не нашли, с грустью разорвал.

В конце следствия, когда меня призвали в комиссию, я попросил разрешения увидеться с женой, поскольку административное расследование уже завершилось, но мне ответили, что это совершенно невозможно. Я перестал настаивать, зная, что это напрасно, и с тяжелым сердцем возвратился к себе.

Уже на следующий день я с казаком и офицером сидел в бричке; происходило это на рассвете, поэтому никто из знакомых на улице не встретился, но на выезде из города я не мог не заметить двух женщин, стоявших невдалеке от дороги. Одна из них в те минуты, когда моя стража в ту сторону не смотрела, постоянно мне кланялась, другая же, плача, показывала рукой на небо. Заметив их, я, чтобы дать знать, что вижу и узнал их, снял и поднял вверх фуражку, но поклониться в их сторону не мог из опасения скомпрометировать их перед стражей. По-видимому, знак поняли, потому что,

когда я, отъехав немного, оглянулся, они еще кланялись. Тогда я привстал с сиденья, обернулся к ним, а так как они были уже далеко, помахал фуражкой, окончательно прощаясь. На вопрос офицера, кому кланяюсь, ответил: «Всему городу», а в действительности это были Мария с матерью, я их сразу узнал.

По дороге в Оренбург думал я об одной лишь Альбине и тешил себя надеждой, что военный суд по моей просьбе вскоре вырвет ее из Уральска, и поэтому без сожаления покидал его.

Проезжая через Озерное, я ночевал в доме, где знаменитый Пугачев убил коменданта этой маленькой крепости Крылова; жена же его только красотой своей оплатила жизнь свою и четырехлетнего сына. Этот маленький в то время мальчик стал впоследствии известным русским баснописцем, на памятник которому собирали пожертвования⁵⁷.

На следующий день я уже был в Оренбурге, привели меня в помещение для ординарцев. Принял меня плац-майор Галецкий и водворил в маленькую зарешеченную комнатку. «Боже мой,— подумал я,— когда же окончатся наши страдания и какая судьба ждет меня в этих стенах?».

Вскоре после ухода майора пришел ко мне унтер-офицер по приказу свыше и сказал, что его направили ко мне на службу.

— На какую такую службу? — спросил я.

— Не могу знать,— ответил он.

Подобный ответ был для меня полной загадкой, но когда я от удивления вытаращил глаза и стал у присутствующих спрашивать объяснения, то только плац-адъютант Лукин объявил мне, что служба будет заключаться в том, чтобы ежедневно по утрам приходиться ко мне за распоряжением, что покупать на базаре, и готовить обед.

С жалостью посмотрел я на своего повара, которому четыре шеврона на рукаве и несколько медалей и крестов на груди предназначили на старости лет отмывать кастрюли.

Так кормили и поили меня в этой каталажке, ни на шаг не выпуская из комнаты.

Заметил я, что ни здесь, ни в Уральске ко мне никогда не входили поодиночке, всегда несколько человек, это затем, чтобы не мог я от одного узнать что-нибудь, разговаривать с ним или его подкупить. Те же, что заходили, на все вопросы, даже ни малейшего отношения к моему делу не имеющие, отвечали: «Не могу знать». Так, когда однажды унтер-офицер подавал мне белье и я спросил: «Что это, булка или колбаса?», ответил он: «Не могу знать».

Это вечное молчание, эта таинственность, скольжение их теней, как бы на Елисейских полях, в соединении с моей бездеятельной жизнью, а прежде всего с неизвестностью о том, что с моей женой, ужасно меня угнетали и доводили почти до бешенства. Но превращая беду в добродетель, я вынужден был понемногу ко всему привыкнуть.

Таким образом просидел я почти месяц, никого, кроме моих охранников, не видя. Наконец однажды утром вывели меня из тюрьмы и в сопровождении четырех штыков ввели в расположенное невдалеке здание, где собрались члены суда надо мной. Я был в штатском одеянии и в кандалах.

Войдя в зал, я поклонился присутствующим. Председатель суда полковник Кизерицкий, поднявшись со стула, приветствовал меня довольно любезным поклоном и, указав на также поднявшихся членов суда, зачитал их фамилии. Представив их, спросил меня, согласен ли я с таким составом, не исключу ли кого-нибудь из них? Я очень кротко ответил, что среди собравшихся здесь вижу не судей, а только людей, которые, когда вникнут в права человека, будут судить меня по-человечески.

— Вся вина моя в том, — говорил я им, — что хотел быть свободным и похоронить детей своих в фамильном склепе. Так пусть же каждый из вас, господа, присутствующих здесь, поставит себя на мое место, положит руку на сердце и спросит, не поступил ли бы он так же, а тогда меня осудит!

Видно было, что речь моя произвела на них впечатление, так как по мере того как слова мои становились им понятны, на их лицах проступало одобрение.

Когда я кончил говорить, господин председатель указал мне на стоящий рядом стул, жестом показав, чтобы я сел и немного обождал. Более четверти часа сидел я, не говоря ни слова. В это время следователь, господин Кислов, вполголоса беседовал с председателем суда, но я не мог ни расслышать, ни понять их. Наконец Кислов, задав мне несколько ничего не значащих вопросов, спросил:

— Есть ли у вас доказательство вашего рождения?

По правде, я вовсе не был настроен на шутки и, не поняв, о чем он меня спрашивает, вернее, буквально восприняв вопрос⁵⁸, встал и спокойно ответил:

— Наилучшим свидетельством тому, что я родился, является то, что я нахожусь здесь перед вами!

Все улыбнулись этому объяснению, а следователь, исправляя ошибку, задал вопрос, имею ли я документальное свидетельство моего шляхетства.

— Не имею, — ответил я, — поскольку в нашей стране перед 1831 годом мало кто обращал на это внимание, но что я шляхтич, это знаю наверное.

— Правда ли, что уряднику, который провожал вашу жену, вы давали шесть тысяч рублей с тем, чтобы молчал о том, что обнаружил вас, и чтобы вез дальше?

— Жаль, что урядник для того, чтобы выслужиться перед властями, прибег ко лжи. Шесть тысяч я не давал, потому что у меня их не было, ведь я, поскольку возвращался домой, так упорядочил свои семейные дела, чтобы хватило только на дорогу. Но не думайте, что не признался бы вам искренне, если б, имея не шесть, а шестьдесят тысяч, отдал бы все, лишь бы спасти жену и себя и вовсе не скрывал бы этого перед судом.

— Какие у вас были намерения на случай, если б удалось уехать из России?

— Об этом заранее не думал, но ручаюсь, что я был и желаю оставаться порядочным человеком.

— Почему, имея при себе в пути заряженные пистолеты, которые у вас затем отобрали, не применили их, чтобы убить урядника и, спасая себя, ехать дальше?

— Если бы я был гением⁵⁹ и притом был бы убежден, что от сохранения моей жизни и свободы зависит спасение моей родины, то, признаюсь, возможно, и поступил бы так, но поскольку таким не являюсь, то преступником стать не хотел; и сейчас вовсе об этом не сожалею, так как совесть моя чиста и вижу, что я нахожусь в весьма критическом положении, однако вы, господа (я поклонился вокруг), не отказываете мне в уважении, если же я поступил бы иначе, то не только сам себя презирал бы, но и стал бы достойным общего презрения убийцей.

— Что вам сделала Россия и откуда такая ненависть, что, убегая, увозили вы с собой мертвых детей?

— Что мне сделала Россия? Позвольте мне об этом промолчать, тем более что в моем побеге, так же как и в вывозе детей, нет ничего политического...

— Почему вы, зная, что закон это запрещает, переписывались тайно со своей женой в Уральске?

— Кто из вас, господа, находясь в моем положении и так любя жену, не изыскивал бы возможности сделать то же самое? Простите, что на вопрос отвечаю вопросом, но из изытой и в ваших руках находящейся переписки вы легко можете убедиться в том, что в ней, помимо супружеской нежности, не было ни слова, касающегося нашего дела, а такую переписку и Бог велит, и закон человеческий карать не может.

Не думайте, мои читатели, что несколько этих вопросов были рассмотрены в течение одного дня, наоборот, все это тянулось почти месяц, кроме того, мне задавали еще множество мелких вопросов, на которые я самым подробным образом должен был давать объяснения. Особенно трудно было

членам суда поверить тому, что я скрывался в доме, где бывало столько людей. В обоих городах, Оренбурге и Уральске, придерживались мнения, что я спрятан был в ином доме, поэтому непременно требовали, чтобы я, не щадя никого, раскрыл сообщника. По этому поводу приходилось рассказывать известные вам из моего предыдущего описания подробности, а военный суд все до мелочи записывал, удивляясь, между прочим, что я ночью на кладбище ходил за ребенком.

Вообще, судьи задавали мне вопросы серьезно, мягко и вежливо, а отвечал я торжественно, с достоинством и скромно. Заметил я, что судьям их внутренняя убежденность в моей невинности не позволяла насмеяться над несчастьем заключенного; поэтому их отношение ко мне, частные беседы отличались искренней снисходительностью, деликатностью и таким настроением, что если бы от них зависело, то приказали бы меня освободить, но так как закон, который зачастую действует вразрез с внутренним убеждением, осудил меня, то они, как Пилат⁶⁰, умывают руки.

Председатель суда, желая, по-видимому, как-то скрасить мою судьбу, посмотрел на меня с жалостью и спросил:

— Разве кандалы вам не тяжелы, что не просите снять их?

Я печально улыбнулся на этот вопрос и мягко ответил:

— Природа сотворила людей без кандалов, а следовательно, все, что неестественно, — смешно. Но если вы, господа, как я понял, хотите облегчить мои страдания, то об одной лишь милости прошу: позвольте мне пообщаться, хотя бы письменно, с женой. Ведь неизвестность о ней терзает меня страшно и доводит до безумия! Поверьте, господа, что я твердо решил ничем вам не надоедать, ни о чем не просить, но как человек, муж и отец дальше находиться в неизвестности не могу! Умоляю вас и заклинаю, позвольте написать ей пару слов!.. Ведь наши письма будут проходить через ваши руки и вы увидите, что в них нет ничего противоправного. О, умоляю, не отказывайте мне!

Так восклицал я, заливаясь слезами и протягивая к присутствующим руки... Молодость и любовь довели до крайности, это значит, что я, несомненно, упал бы, если бы не подскочили и не поддержали меня двое членов суда.

Несколько придя в себя, я огляделся вокруг и заметил на лицах членов моего ареопага сочувствие. Это меня немного утешило, в противном случае я досадовал бы на себя за слезы и растроганность.

Полковник Кизерицкий взял меня за руку, воскликнул:
— Бога ради, успокойтесь! Сделаем что возможно.

Я лишь сжал конвульсивно его руку и молчал, из-за волнения все еще не мог сдержать слезы; а так как всему должен быть конец, то и я успокоился; когда председатель заметил это, то сказал мне, что мою просьбу суд самостоятельно выполнить не может, но пообещал лично просить начальника штаба генерала Рокосовского (губернатор Перовский к тому времени еще не возвратился из Петербурга), советуя при этом, чтобы я сам ему написал. В результате этого разговора и разрешения на следующий день принесли мне бумагу, и в присутствии плац-адъютанта и офицера от охраны написал я начальнику штаба следующее:

«Господин генерал!

Вы видите из нашего несчастного судебного процесса, как мы любили наших детей и какой ценой, пытаясь сберечь их останки, оплатили родительскую любовь; к несчастью, я оставил жену свою в ожидании ребенка, и, чтобы уберечь новую жертву от сурового уральского климата, заклинаю Вас, генерал, всем самым для Вас дорогим позволить ей перед тем, как разрешиться, отправиться в Оренбург. Если будет на то Ваше позволение, сделайте милость, уведомьте меня, чтобы я, по Вашему позволению, написал проживающему здесь, в Оренбурге, генералу Цёлковскому, поручая жену мою попечению и заботам его супруги, поскольку оба они, будучи нашими друзьями, не откажут мне в этом. Предварительно разрешите мне еще написать несколько слов жене,

чтобы успокоить ее относительно себя, а также о ней узнать, жива ли, каково состояние здоровья и т. д.».

Через три дня мне сообщили, что в результате приведенного выше письма господин генерал разрешил мне написать жене, а равно и генералу Цёлковскому. Жадно схватил я перо и, как голодный гренландец, стремился насытиться письмом к Альбине, как тот едой; второе письмо подготовил к нашему соотечественнику генералу Цёлковскому, а третье, приведенное ниже — к начальнику штаба.

«Господин генерал!

Тронутый невыразимой признательностью, приношу сердечную благодарность за разрешение писать моей жене; прилагаю к сему письмо, соблаговолите, господин генерал, переслать его как можно скорее. Верьте, что умею ценить сочувствие, которое мне оказываете, а уверенный в Вашей доброте, осмеливаюсь еще обратиться с просьбой, чтобы Вы соблаговолители дать приказ срочно заняться моим делом, а когда оно будет отправлено в Петербург, взгляните милостиво на мое горькое положение и облегчите несколько страдания, которые являются следствием чрезвычайно строгого обращения со мной в тюрьме. Написал я, правда, моей жене, что вполне здоров и ни в чем здесь не нуждаюсь, но сделал это единственно для того, чтобы не увеличивать и без того большую печаль и огорчение, но в действительности здоровье мое так подорвано, что без некоторого облегчения и помощи тяжело мне будет переносить те трудности, что испытываю и которые, возможно, меня еще ждут. Вы можете отказать мне в этом, но прошу Вас, господин генерал, ради Бога, не предполагайте, что хочу злоупотребить Вашим расположением. Подобная мысль никогда не посещала мой ум и сердце. Сердце, которое жаждало умереть ради отчизны, как Вы, господин генерал, можете увидеть из первого моего дела, так вот, разве такое сердце может быть способно на такую хитрость? И тем более, господин генерал, можете быть уверены в правдивости моих слов, что знаю несомненно: ни смерть моя, ни

побег не освободили бы жену мою, поэтому спокойно ждать буду решения суда!»

Представьте себе, мои читатели, что, отправив эти письма, жду неделю, две, месяц, полтора, два, наконец, напрягаю и ломаю голову, предполагаю разные возможные и невозможные задержки из-за растянутых московских формальностей, через которые должны пройти мои письма, а мысль, что Альбина больна или умерла и поэтому не отвечает, заставляет меня метаться, как льва, только что запертого в клетке! Бегаю по всем углам своей тюрьмы, сотрясаю решетки, проверяю стены, дверь и печь, хватаюсь за них, как Самсон за петли ворот Газы⁶¹, и кажется мне, что одним толчком плеча могу все это сокрушить, но оно стоит неподвижное и нерушимое, как моя стража!.. О Боже, ни слова от жены, ни малейшего известия ниоткуда, не знаю даже, жива ли! А ведь я готов был броситься за ней хоть в ад и вырвать ее, как Орфей Эвридику из рук Плутона⁶². О Боже, что за сердца! Прошу, умоляю и со слезами спрашиваю каждого, но в ответ слышу лишь одно проклятое «не могу знать». О скалы, о камни, о люди, бессердечные и безжизненные, выкрикиваю я, как сумасшедший... Однажды даже дошел я до такой степени отчаяния и бешенства, что схватил за горло вошедшего ко мне с обедом унтер-офицера и, тряся его, заорал над ухом:

— Скажи, жива ли моя жена?!

— Не могу знать,— ответил тот в испуге.

— А сам ты, негодяй, жив еще?

— Не могу знать.

— О Боже, дай мне терпения! — размахнувшись, ударил я кулаком по тарелке, и ее осколки рассыпались по полу...

Ничего мне по этому поводу не сказали, лишь невозмутимо почистили пол и оставили меня без обеда.

Несколько поостыв, я устыдился своего исступления, сожалел и упрекал себя. «В чем виноваты передо мной бедные солдаты,— подумал я,— они ежедневно сменяются, ни-

чего не знают, только караулят арестанта и ничего более, лишь исполняют приказы вышестоящих, а те — еще вышших, следующие — еще и еще...» Так, подымаясь мысленно по лестнице, посмотрел я с горечью и упреком на самую верхнюю ступень, с презрением отвернул от нее взгляд, перевел его на небо и, обливаясь слезами, обратился к религии за утешением и облегчением.

Несколько часов спустя пришел ко мне плац-майор и заявил, что если повторится что-нибудь подобное тому, что было с унтер-офицером, то власти, хоть и неохотно, однако вынуждены будут держать меня в ежовых рукавицах, как положено арестанту. И с этими словами показал на руки, что, мол, и их можно заковать.

— Можете, — ответил я, — но пока сердце мне не вырвете, буду чувствовать, что поступаете со мной по-варварски и хуже, нежели позволяют вынести человеческие силы.

У

В первых числах февраля 1841 года вызвали меня снова в суд и объявили, что дело мое закончено и будет отправлено в Петербург.

Из приговора военного суда, зачитанного членом суда, я узнал, что дело мое разделено на четыре части, а именно:

1. За уклонение от службы.
2. За то, что скрывался дома в течение семи месяцев.
3. За то, что вывез мертвых детей.
4. За тайную переписку с женой в тюрьме.

При чтении каждой части процитировали несчетное количество статей, параграфов, постановлений, указов и приложений из разных томов Свода законов времен еще, кажется, Петра Великого и объявили, что за все это меня следовало бы повесить, но, принимая во внимание смягчающие обстоятельства (тут снова следовали ссылки на множество статей и параграфов), решено за эти преступления лишить меня

прав шляхетства (дворянства) и продержат в течение шести месяцев на гауптвахте ⁶³.

По окончании чтения меня спросили, нет ли у меня каких-либо дополнений или возражений и удовлетворен ли я тем, что услышал.

Воистину в моей бедной голове, слушавшей, что зачитывают, но плохо понимавшей язык, был полный хаос и такой наплыв разных мыслей, что когда я понял слово «виселица», то стал думать лишь о том, скоро ли меня поведут с петлей на шею, поэтому на неожиданный вопрос не знал что ответить. Однако, стряхнув с себя гнетущую тревогу, спросил я у своих судей, разрешат ли мне написать несколько слов императору, и когда в этом не отказали, а приготовили отдельный столик, я написал следующее:

«Светлейший Император и Король ⁶⁴, Милосердный мой Господин!

Возможно, не имел бы я в своей жизни счастья писать Вашему Императорскому Величеству, если б не находился под судом, поэтому, пользуясь предоставленной мне законом привилегией, как заключенный, солдат и подданный осмеливаюсь обратить внимание Вашей Светлости на мои смиренные слова.

Правда всегда была и должна быть желательна для трона, поэтому надеюсь, что моя откровенность будет принята благосклонно.

Из священных побуждений покушался я в Варшавской цитадели на свою жизнь, и если б оные были связаны с правлением российским, то поступок мой удостоился бы похвалы, но природа вещей не меняется от того, что цели ее различны. Именно здесь, в цитадели, когда после моего выздоровления начались допросы, в присутствии всей следственной комиссии председатель ее, выступая, сказал мне: “Не думайте, что правительство не сумеет оценить Ваш поступок, оно осознает и слишком хорошо понимает, что сила характера и величие души, проявленное в этом деле, служат

порукой и в другом, потому от имени Императора и его правительства даем Вам слово чести, что хотя закон требует наказания, но накажет легко”.

Пять лет я об этом молчал, даже в Уральске, намереваясь утопиться, не упомянул об этом в своем письме к атаману и сейчас не вспоминал бы, если б имел уверенность, что следственная комиссия именно так доложила об этом Вашему Императорскому Величеству; однако отсутствие такой уверенности позволяет мне в некоторой степени отказаться от былой скромности и выступить в собственную защиту, тем более что если б Вашему Имп. Величеству были известны метод действия комиссии и слова, сказанные председателем, выступавшим от Вашего имени, что дает повод Ваше имя осуждать, то уверен, что они были бы строго наказаны, а меня не осудили бы так строго.

Прикажите, Светлейший Государь, показать Вам мое письмо к атаману Уральского войска, написанное на французском языке. Из изложенных там подробностей моей горькой участи милостиво изволите убедиться, что мне не оставили даже надежды на изменение судьбы!.. Ничтожного перемещения, этой последней, доступной каждому солдату привилегии, и того не мог я вымолить!.. Несчастливым много ли надо? Кто знает, возможно, перемена места и с ней новые надежды, более здоровый для жены и ребенка воздух удержали бы меня от поступка, совершенного 9 ноября!

Ложно мнение, что якобы только безбожные люди совершали самоубийства. Я дважды покушался на жизнь свою, дважды молился со слезами на глазах: Бог видел, что я не безбожник, и этого мне достаточно!

Но кроме того, я черпал из Священного Писания слова, запрещающие лишать себя жизни, однако помимо множества примеров некогда разрешенных законами и религией самоубийств — самоубийства на могиле своих вождей, саможжение вдов на погребальных кострах мужей — нашел я примеры и в нашей, господствующей здесь христианской

религии. Так, Бог дал чудесную силу Самсону, который, сотрясая столп, убивает себя и окружающих. Итак, если б самоубийство было преступлением, разве БОГ поручал бы человеку совершать оное?! А если этот последний пример из Святого Писания безоснователен и противоречит законам общества, то почему же из цензуры и печати выходит столько книг, полных примерами героического самопожертвования?.. Деревце, искривленное в молодости, вырастет кривым.

Я не был бы достоин снисхождения и внимания Вашего, Светлейший Государь, если б по нынешним делам представлял опасность для правительства или общества и просил о милости, но поскольку я ничего плохого никому не сделал и лишь обстоятельства были против меня, то, будучи скорее несчастнейшим, первым среди несчастных, нежели преступником, имею право покорнейше умолять Ваше Императорское Величество о помиловании для моей жены и меня.

Богом клянусь, святым Евангелием и своей до сих пор не запятнанной честью, что вместе с женой стремлюсь жить по законам добродетели и правилам морали!.. Если же эта клятва и испытанные нами страдания не удовлетворят закон и не тронут Ваше, Светлейший Государь, сердце, и прикажете новыми страданиями продлять наши муки, то я покорюсь, но мучения свои посвящу Тому, кто всех нас будет судить!»

Кроме того, написал я еще оренбургскому губернатору, генерал-адъютанту Перовскому, находящемуся в то время в Петербурге.

«Господин генерал!

Не буду, описывая Вам свои несчастья, просить заступничества, ибо для таких людей, как Вы, обращение с просьбой является, по моему мнению, в некотором роде обидой. Им достаточно знать, что существуют двое несчастливых супругов, которые, промучившись несколько лет, ужасно страдают и нуждаются в спасении!

Господин генерал! Тот, у кого столько возможностей, кто так много добра сделал для этой губернии, кого так тепло

здесь вспоминают и с нетерпением ожидают, тот не забудет и о нас! Но если вина моя настолько велика, что прощения ей нет, то пусть хотя бы жена моя, этот образец добродетели, не страдает больше!

Плод моего с ней союза созреет в первых числах апреля, для таких женщин это решающие минуты; о, если б я мог еще раз ее увидеть! Кто знает, может, производя на свет... о Боже, что за мысль!..

Письмо мое, написанное и адресованное на имя императора и приложенное к моему делу, вверяю Вам, господин генерал; одно лишь доброжелательное слово при вручении может все сделать, ведь и он, как и все мы, рожден женщиной».

По окончании этих писем попросил я у председателя суда разрешение написать еще пару слов петербургским судьям, и вот что я написал:

«Судьи!

О, если б те, от кого зависит завершение этого дела, а следовательно, и соединение нас обоих, соблаговолили вспомнить, какими горькими слезами оплакиваем мы каждую впустую проведенную ими минуту, то отказались бы от всех светских удовольствий, бросили бы свои развлечения, прогулки, охоту, театры, маскарады, бильярды, карты, балы, клубы — словом, все и поспешили бы закончить этот несчастный процесс, который, не сомневаюсь, не может не соединить меня с женой».

Когда я возвратился к себе, то ощутил какое-то душевное облегчение, так мне как-то легко стало, потому что представлял себе, что все мои просьбы, усилия, старания и мольбы встретят хоть одно милосердное существо! А будучи молодым, неопытным и не знающим судебного дела с его проклятыми процедурами, полагал я, что судьи мои на самом деле все бросят и немедленно примутся за мое дело. Мечтал я, будто и почтальон, который повезет его, поспешит, и лошади побегут быстрее; представлял себе, как в Петербурге на заставе будут ждать мои документы, как выхватят их из почтово-

го пакета, и принесут, и разложат, и рассмотрят, и решат, и представят, и подпишут, и, вручая почтальону, прикажут гнать сломя голову в Оренбург, чтобы как можно скорее освободить и соединить эту трогательную и любящую пару; словом, мечтая так, я был счастлив и уже видел себя в объятиях жены.

О счастливые молодые мечтания, вы совсем как весна, которая легким дуновением ветерка колышет ветви цветущего дерева, но придет буря, осыплются цветы, и вы вместо ожидаемых плодов увидите лишь пустые веточки!

Таковыми мыслями был я занят, когда дверь отворилась и вместе со стражей увидел я кузнеца с молотком в руке, который по приказу военного суда пришел снять с меня кандалы. Это придало мне еще больше уверенности в моих надеждах; если так быстро, всего лишь через пару часов после окончания дела, меня освободили от оков, то, считал я, остальное пойдет быстро и хорошо.

Обрадованный, спросил я у окружавшей меня охраны: «Когда уходит почта в Оренбург?», но, верные своим правилам, ошеломленно на меня посмотрели, пожали плечами и, ответив «не могу знать», спокойно вышли.

Я заключил, что охрана решила, будто я ошибся и вместо вопроса о жене спросил про почту. Ведь она привыкла к одним и тем же моим вопросам.

Но когда стали проходить дни, недели и месяцы, а я попрежнему не имел ни малейшего известия об Альбине и положение мое ни в малейшей степени не изменилось, тогда только я убедился, что все мои расчеты были действительно всего лишь мечтами, мыльными пузырями. И в самом деле, еще пять месяцев так прошло, без малейшего изменения в моей судьбе, а в это время приехал наконец из Петербурга генерал-майор Перовский. Об этом событии не мог я не узнать, поскольку стража в коридоре постоянно громко о нем говорила, а я это слышал.

Несколько дней дал я ему, чтобы расположиться, после чего заявил, что хочу его видеть. Охрана постоянно обещала,

но без всякого результата. Наконец, я сказал офицеру охраны, что у меня важное дело к губернатору, хочу открыть ему государственную тайну. Произнося эту ложь, я краснел, хотя в Варшавской следственной комиссии врал я изрядно, но что оставалось делать?.. Офицер снова мне пообещал, но сменился, и я опять несколько недель прождал впустую, пока, потеряв терпение, не припомнил я одно обстоятельство, составил мысленно план, бросился к сюртуку и извлек из воротника запрятанную еще в Уральске иглу. Вооружившись ею, написал на гребне из слоновой кости губернатору следующие слова:

«Господин генерал! Жертва преследований имеет такие права, каких нет у других, поэтому прошу прощения за то, что осмеливаюсь писать таким способом, и еще беру на себя смелость умолять Вас, генерал, уделить мне аудиенцию либо в Вашем доме, либо в моей тюрьме».

Написав это, потер я гребень ладонью, и все буквы стали отчетливо видны.

Еще несколько месяцев тому назад, когда мой слуга подметал комнату, офицер охраны вытряхнул в свой кисет табак Жукова из пачки, и последний, выходя, пустую пачку от табака уронил на пол. Когда охрана вышла и закрыла дверь, я схватил эту пачку с мыслью, что какая-то доброжелательная душа тайно написала мне о моей жене. Но убедившись, что я опять впустую размышлялся, сложил эту бумагу, сам не зная зачем, и тщательно спрятал ее. И вот теперь, вспомнив, достал ее, обернул ею несколько раз гребень, сургуч с нее тщательно собрал и с его помощью снятой с пальца печаткой запечатал пакет, используя постоянный ночной огонь.

Назавтра, когда открыли дверь, я сделал серьезное лицо и потребовал кроме офицера из охраны еще дежурного и плац-майора, а когда они только после полудня ко мне пришли, я протянул завернутый и опечатанный гребень, торжественно спросил у дежурного и офицера охраны их фамилии и, вручая пакет плац-майору, произнес:

— Более месяца прошло с тех пор, как я просил и прошу разных офицеров охраны, чтобы сообщили губернатору, что у меня к нему важное дело, но раз не захотели этого сделать, то теперь будьте любезны передать это ему в собственные руки, в противном случае предупреждаю, что можете строго ответить за это.

Плац-майор, как самый старший среди них, взял его у меня и, повертев, старательно ощупал; но зубья гребня были несколько раз обернуты, и он, не в состоянии ничего предположить, спросил:

— Что это такое?..

Тогда я припомнил себе все те ответы, что получал от них, и произнес:

— Не могу знать.

Плац-майор, взвешивая груз на руке, опять спросил:

— Это случайно не гребень?..

— Не могу знать.

— А может, какой-нибудь портрет на жести или на слоновой кости?..

— Не могу знать, — в третий раз ответил я с улыбкой.

Наконец присутствующие догадались, что я обратил против них их собственное оружие, посмотрели на меня, усмехнулись, поклонились и вышли.

На следующий день, услышав стук повозки и сигнал вызова охраны, я решил, что приехал губернатор, но оказалось, что это был комендант города Оренбурга генерал-майор Лифланд. Этот добрый старик во время моего ареста несколько раз приходил ко мне, просиживал целыми часами и, беседуя о разных вещах, скрашивал одиночество моего заключения, и хотя, правда, на все вопросы, касающиеся моей жены, отвечал «не могу знать», «не знаю» и от него также я лично ничего не узнал, однако при каждом своем посещении оказывал мне знаки уважения и благосклонности, называя урядника, который меня обнаружил, наиподлейшим человеком. Я со своей стороны, заметив, что вопросы о моей

жене ставят его в щекотливое положение, проявил деликатность и в разговорах с ним ограничивался лишь темами, доступными нашему взаимному обсуждению.

Комендант этот, держа в руке мой нераспечатанный гребень, стал просить, чтобы я ему сказал, что там может быть, утверждая, будто невозможно будет вручить такому лицу, как губернатор, неизвестную вещь. Но я, подумав, что если он узнает правду, то может не передать пакет, попросил его как можно вежливее избавить меня от дальнейших вопросов, так как я никоим образом ничего сказать не могу.

— Могу лишь словом чести поручиться, господин генерал, что нет здесь ничего, что тюремный устав запрещал бы иметь заключенному, впрочем, более того, скажу, я уверен, что губернатор либо сам привезет мне эту вещь назад, либо пришлет.

Успокоенный комендант пожал мне на прощание руку и уехал.

Еще два дня прошло, а я не знал, что с моим несчастным гребнем, но наконец на третий день приехал сам губернатор и, с улыбкой отдавая мне гребень, спросил, какое у меня к нему дело.

— Господин генерал! — ответил я. — Восемь месяцев прошло, как я не знаю даже, жива ли моя жена! Как бы ни были жестоки и суровы законы, не может такого быть, чтобы запрещали мужу знать, жива ли жена; все это время пытался я разными способами узнать о ней, но все напрасно. Простите великодушно, что я вынужден был прибегнуть к такой уловке. Меня на нее толкнуло отчаяние, но я об этом вовсе не сожалею, поскольку благодаря этому получил счастье видеть лицо, от которого имею право ждать послабления, тем более что вы, господин генерал, обладая высоким пониманием и образованием, несомненно строгость закона объедините с чувством человечности; а поскольку мое дело уже закончено, то об одной лишь милости прошу вас: соблаговолите разрешить если не видеться, то по крайней мере переписы-

ваться с женой, отсутствие известий о которой может меня как человека, мужа и отца довести до безумия.

Слушал меня губернатор внимательно и участливо, а так как сесть не на что было, то опустил на мою кровать и показал рукой, чтобы я сделал то же самое. По правде говоря, садясь, подумал я об уральском полицмейстере, что известие об этом, переданное находящейся здесь охраной, будет ему наказанием за его грубость со мной.

Довольно долго разговаривал я с губернатором польски. От него узнал, что саратовский губернатор написал ему частное письмо, самым лестным образом характеризую меня и мою жену; рассказал мне также и о том, какое впечатление произвел мой рапорт на присутствующих при царском обеде, когда его там зачитали; говорил также, что мое дело можно будет подвести под манифест, ожидаемый вскоре по случаю вступления в брак наследника престола, нынешнего царя Александра II. Прощаясь со мной, поручил плац-майору, чтобы мне не запрещали писать жене и чтобы все мои пожелания, не противоречащие тюремному уставу, исполнялись.

Как Христофор Колумб при виде берегов Америки, так и я обрадовался принесенным мне письменным принадлежностям и написал Альбине:

«Легко поймешь, моя дорогая и любимая жена, сколько адских мук перенес я, пока добился наконец разрешения написать тебе эти несколько слов; этим счастьем мы обязаны уважаемому правителю губернии, который после десяти месяцев полной неизвестности о тебе первый сказал мне, что ты жива, и позволил с тобой связаться. О, если б ты знала, дорогая моя, как я теперь счастлив, что могу писать тебе, ведь любовь моя не обычная, не заурядная... Всю кровь мою по каплям, тело, разрезанное по кусочкам, вечность, разделенную по секундам, без колебаний отдал бы ради тебя. О, ведь я тебя люблю, и люблю так, что вера моя колеблется, сердце умирает, а закрытые глаза ничего не видят ни на зем-

ле, ни на небе, кроме тебя, кроме тебя, моя любимая... Слышишь ли, о ты, святая мученица... кроме тебя!

Не сомневаюсь, что ответишь мне немедленно, не теряя ни минуты, что сообщением о себе, о прошедших уже, надеюсь, родах, о Магдусе успокоишь несчастного мужа и отца, которого отсутствие известий о вас видишь как немилосердно терзает. Очень не распишывайся, чтобы одно твое лишнее слово, что может не понравиться властям, не задержало твое письмо и не лишило меня единственного и такого долгожданного утешения; по этой же причине и я ограничиваюсь тем, что передаю тебе супружеский поцелуй и Божье благословение».

После двух недель ожидания появился наконец на моем пороге улыбающийся плац-майор с письмом от Альбины; я бросился к нему как тигр и выхватил из рук письмо. Ломая сургуч, дрожал, и руки мои дрожали, из глаз обильно текли слезы и мешали читать. Плац-майор при виде этого также расчувствовался, полез за платком и стал вытирать глаза. Так, растроганные оба, взглядывали друг на друга, стыдись охраны, которая молча и почтительно смотрела на нас.

Несколько успокоившись, начал я читать письмо своей жены, которое было следующего содержания:

«Нетрудно будет представить тебе, дорогой муж мой, как обрадовало меня твое письмо, если перед его получением, когда переполнилась чаша моих несчастий, я уж перестала верить, что добродетель человеческая и милосердие Божье вообще существуют! Ведь и я о тебе, дорогой мой, во все это время не знала даже, жив ли ты! Разве таких мучений недостаточно, чтобы поколебать веру слабой женщины, вся вина которой в том, что тебя полюбила? Иногда думаю я о том, что же такое преступление и каким должно быть наказание за него, если мы, никому не сделавшие ничего плохого, столько страдаем! О ты, мой святой мученик, ты стал мне в миллион раз дороже!.. Насколько я прежде жаждала смерти, настолько теперь прошу Бога, чтобы позволил мне дожить хотя бы до того, пока тебя еще раз увижу!..

Ничего мне не пишешь, так же, как и я, когда будет закончено наше дело, видимо, и ты, как и я, ничего не знаешь; лишь то несомненно, что в сердцах наших такая подавленность, что даже мечтать о лучшем будущем не имеем права. Спрашиваешь меня о Магдусе, она рядом мной и здорова. Роды мои прошли в конце апреля, но Мстислав, рожденный от такой измученной матери, был не жилец. Три дня подышал и соединился с сестрами. Взяли его у меня, похоронили и охрану около него поставили, кажется, она до сих пор еще стоит, чтобы не забрали его из могилы и в Польшу по воздуху не отправили.

Видишь, дорогой мой, что и я здорова, если так спокойно сообщаю тебе об этом происшествии; хотела б я, дорогой мой, хоть минуту думать о тебе и оставаться спокойной, но напрасно! Потому что хоть днем, хоть ночью, хоть наяву или во сне образ твой постоянно витает у меня перед глазами, а в мыслях и в памяти глубоко таятся все твои слова и взгляды, и веселое настроение, и чудесные забавы, и игры, и шутки, и остроты, в которых проводили мы сладостные, но краткие дни нашей совместной жизни.

О, если б ты знал, какие тягостные мысли часто гнетут мою душу и голову!.. Сама не знаю, что думать и как судить об этих странных наших происшествиях! Временами быстрая мысль обежит юдоль печали, достигнет небосвода и, остановившись перед Создателем, спрашивает Его о начале, целях и конце рода человеческого и, не получив ответа, возвращается в свою темницу и вновь велит мне оплакивать твою судьбу. Вот видишь, какая я несчастная, но неизменно любящая тебя жена!»

Письмо моей дражайшей Альбины растрогало меня, и я опять залился слезами; но все нанесенные мне людьми обиды забыл бы я охотно, если б позволили мне прижать ее к моему изболевшему сердцу.

О люди, вы, для которых нет ничего святого, не пойму, как вы, холодным скалам подобные, еще можете жить! Ви-

дите, что любовь наша подобна возмущенной, поднявшейся от весенних паводков реке, которая тем сильнее возмущается, чем больше стараются связать ее плотинами, а вы ее пытаетесь еще и уничтожить!.. Но я вам и это прощаю, потому что известие о жене примирило меня с вами снова!

Письмо это получил я поздно вечером, а при свече перечитывал его снова. Радость и отчаяние попеременно терзали меня. Вознося Богу горячие молитвы, просил я Его покровительства над нами. Перечитывая письмо по нескольку раз, залил подушку слезами и так уснул.

И вот вижу я себя гуляющим по громадному и прекрасному лугу, покрытому красивейшей формы и ярчайших красок цветами, смотрю на них вдохновенно и радуюсь им. Кругом куда ни гляну не видно ни куста, ни пригорка, только равнина, а на ней цветы и цветы. Лучи восходящего солнца отражаются в жемчужной росе, покрывающей их, как бриллианты, и придают еще большую красоту. Радостно любуясь, начинаю я собирать их, чтобы отдать букет Альбине, а когда глаза мои, разбегающиеся по таким чудесным дарам природы, готовы уже все их собрать и захватить в одну руку, замечаю я мальчика в белой одежде с запиской в руке. Подхожу я к нему, глажу по голове и, изумляясь ему, беру записку и читаю: «Будешь, как молния, уничтожишь все, как гром, и возвратишься к жизни спокойной, как Цинциннат⁶⁵ к плугу». На месте подписи был знак, обозначающий Провидение Господне; по прочтении хотел я поговорить с мальчиком, но его уже не было.

Звяканье ключей, открывающих дверь, разбудило меня, и тогда я увидел, что свеча, горевшая в тазу на полу, погасла без всякой видимой причины; тюремная охрана вошла в мою комнату, чтобы ее зажечь.

Долго размышлял я над этим удивительным явлением; не верил суевериям и колдовству, но, не будучи в состоянии объяснить чудачества природы, в раздумье снова уснул.

VI

Тем временем жена моя, подобно мне, а как женщина впечатлительная даже еще сильнее, нежели я, страдала в Уральске. В течение всего этого времени, как видно из письма, ничего обо мне не знала, ниоткуда ни слова утешения, ни малейшего известия обо мне! Разве для любящей жены этого недостаточно, чтобы считать себя несчастнейшей? Такой она в сущности и была. Из-за постоянных однообразных непрерывных мучений и самых черных мыслей мое положение представлялось ей в гораздо более плохом виде, чем на самом деле. Всю огромность постигших нас несчастий приписывала она себе, а детально рассматривая судьбы моих соизгнанников, видела, что они, пусть тоже страдающие, однако как-то мыкают горе и на улучшение своей судьбы имеют надежду, мы же — никакой. Поэтому она заключила, что погубила меня.

Такие и подобные мысли доводили ее до умопомрачения и не давали покоя. О Боже, за высочайшую жертвенность, за нежнейшую любовь, это единственное сокровище женщины, этот истинный дар Божий, она столько страдала... О, это уму непостижимо... Бедная, в таком молодом возрасте — и уже разочарованная... но именно это ее разочарование и недооценка ее вам же во вред, мои судьи! Здесь та точка пересечения, где Бог предъявит вам счет, а враг рода человеческого будет радоваться!

Поместили Альбину в том же доме, из которого мы уехали. Там на каждый видимый глазом предмет смотрела она с болью в сердце, все ее приводило в ужас и напоминало недавно пережитое. На письменные вопросы властей отвечала собственноручно, а поскольку в доме были письменные принадлежности, пользовалась ими и по несколько раз писала своей любимой сестре Винценте и брату Антони, чтобы они ехали в Петербург и там хлопотали о нас перед престолом; кроме того, писала графу Бенкендорфу⁶⁶ и императору с

просьбой о помиловании не для себя, а для меня: «Позвольте, Ваша Светлость, спокойно умереть, пусть перед кончиной хотя бы знать буду, что он прощен!»

И, несчастная, веря еще в отзывчивость царя, в сладостных мечтах усматривала лучшее будущее.

Но когда по истечении долгого времени надежды ее не осуществились, а среди принесенных для письменного ответа судебных документов увидела подшитыми свои письма и прошения⁶⁷, заболела бедняжка и начала кашлять кровью. Хотела она свои письма к сестре и брату отправить через Марию и ее мать, но это не получилось, поскольку обе, хоть и почтенные, уралки боялись и отреклись от нее, как Петр от Христа. Действительно, разве можно было именно в несчастии рассчитывать на их дружбу?..

Эта проблема, может, даже посложнее, чем квадратура круга для математика.

При завершении дела, когда моей жене задавали вопросы, не хочет ли что-нибудь добавить или убавить, она, использовавшая уже почти все пружины, но все еще полагавшая, что найдет отклик у милосердия, написала с такой мыслью наследнику престола в то время, а нынешнему императору следующее прошение:

«Светлейший Цесаревич!

Дело наше слишком хорошо известно престолу, чтобы описанием его подробностей осмелиться затруднять Ваше Высочество, а показания наши успокаивают меня в том отношении, что если Ваше Высочество соизволит обратить внимание на мой умоляющий голос, то достаточно будет спросить графа Бенкендорфа или министра внутренних дел, чтобы получить подробные сведения.

С вершины страданий несчастная жена, окруженная лишь обнаженными мечами, разлученная с мужем, заточенным в тюрьму, над головой которого нависли громы и молнии светлейшего Вашего отца, на коленях взывает к Вам о милости и заступничестве!

Вашему юному и, несомненно, отзывчивому сердцу чувство любви не чуждо! Счастливец! Иная судьба Вам неизвестна, а лишь в этом случае полностью чувствуется, как дорогой человек в несчастье становится во сто раз дороже! В Вашем сердце, наверное, отзывается желание будущего счастья в супружеском союзе; когда-нибудь на престоле, среди трудов, тягот, от престола неотъемлемых, Вы почувствуете, что союз этот — истинная и единственная услада нашей жизни и как велика потеря у того, кто ничего другого на земле не имеет.

И вот несчастная на коленях, с мольбой протягивает к Вам руки! <...> Светлейший Цесаревич, пусть гнев отца Вашего падет на мою голову! О Боже, на мою, Вы слышите, на мою! Помилования, только помилования моему мужу прошу у Вас!!!

Я же, пусть даже на эшафоте услышу это Божественное слово, буду счастлива! О, безмерно счастлива... умру спокойно! Так помилования! Помилования моему мужу! — В этом слове вся моя просьба, весь мир, все счастье, все небо! Ничего не чувствую, ни о чем не думаю, ничего не понимаю, кроме этого слова!.. Да преисполнит Вас Бог милосердием, будущий владыка миллионов людей! И тот же Бог да наградит Вас, пусть слезы моей благодарности сопутствуют Вашему союзу!

Вашей, Светлейший Цесаревич, великокняжеской невесте, Вашим великокняжеским сестрам соблаговолите замолвить благосклонное слово о несчастной женщине, которая хоть и не царского рода и муж ее не в короне, а в солдатском мундире, но любит его не менее, чем они своих супругов!

Разве они, великие княжны, эти нежные женщины, чьи глаза не раз, наверное, заливались слезами над вымышленными в романах страданиями, осудив вину мою судом своего сердца, откажут мне в милости? Неужели не присоединят к Вашим просьбам свои к Светлейшему Государю и отцу?! Так помилования, помилования! Не для меня, о Бога

ради, не для меня! Ведь мои дни уже сочтены, и лишь ради несчастного мужа моего умоляю Вас!!!

Простите, Светлейший Цесаревич, что просьбу свою излагаю так необстоятельно: мое бедное сердце не общалось с царствующими, но сейчас, осиротевшее и от всего удаленное, встречающее в окружающих людях столько же участия, сколько его в тюремных стенах, ищет милости, сердечности, чувства! Оно счастливо тогда, когда к самому даже Богу обращается не как к господину, но как к отцу! Так помилования, помилования!..»

Вот прошение женщины, оно написано скорее влечением сердца, нежели пером рассудка. Хотя в нем не просматриваются ни изысканный стиль, ни надуманные фразы, ни пустые выражения, а в каждом слогом сердце обращается к сердцу и ищет отклика, тем не менее оно трогает и умиляет гораздо больше, чем блистающие риторикой слова мудрецов; но, как видно, зря старалась моя дорогая Альбина: ведь камень сокрушить можно только молотом.

Представьте себе, какую большую роль должны были играть покорность и форма в московский бюрократии, если, несмотря на наши собственноручные, известные уже тебе, читатель, обращения и прошения, не нашлось во всем Петербурге и в его суде ни одного отзывчивого лица, ни чувствительной души, которые, вопреки им, сделал бы в течение пяти или шести недель то, что совершалось 11 месяцев*.

О, пусть Бог простит вам, господа, те слезы, что мы оба пролили! Говорят, правда, что женские слезы как вода, но когда плачет мужчина, то сам Бог, обычно веселый, при виде их печалится.

Щедрые благодеяния в связи с бракосочетанием наследника престола 16 апреля 1841 года⁶⁸ коснулись и нас обоих. Лишь 7 ноября того же года объявили мне манифест, в силу

* От выхода манифеста до момента соединения с Альбиной прошло как раз одиннадцать месяцев. (*Примеч. авт.*).

которого я освобождался от суда и ареста и без лишения шляхетского звания назначался в 13-й батальон Сибирского корпуса, где, согласно постановлению, должен служить в качестве солдата⁶⁹. И, несмотря на все мои усилия, убедительные просьбы и мольбы, глухие ко всему власти тотчас после освобождения из тюрьмы отправили меня под конвоем в предназначенный путь.

Один лишь Бог знает, сколько я пережил, уезжая из Оренбурга! Все, что только могло иметь цену в моей жизни и что меня к ней еще привязывало, оставлял я за собой. Несчастливая, больная и страдающая, но неизменно дорогая мне Альбина вынуждена была в сопровождении лишь одной, притом неумелой и болезненной прислуги несколько тысяч верст ехать за мной в Сибирь.

Ох, если б вы знали, с каким возмущением, обидой и ненавистью ко всему человечеству садился я в сани! И с каким сжавшимся сердцем мысленно протянул я руки к настолько ненавистному ранее, насколько теперь дорогому мне Уральску!!!

Не допуская тогда и на мгновение, что жена моя может совершить это путешествие, я написал ей о своем отъезде из Оренбурга и заклинал, чтобы полностью обо мне забыла и возвращалась домой. «Спаси хотя бы душу, если уж тело спасти не можешь,— писал я ей.— Возвращайся же, дорогая моя Альбина, и там, на родине, молись за наших недругов! Если когда-то должны исполниться слова Христа, то пусть они исполнятся сейчас, ведь они действительно не ведают, что творят. К твоим незаслуженным страданиям, чтобы быть причисленной к лику святых, недостает только мученического венца, но здесь, где столько поводов для гнева и греха, ты его не обретешь... Не беспокойся обо мне, моя любимая, я, согласно с предопределением и волей Божьей, спокойно буду жить, а посвящая Ему и тебе последний вздох, умру с уверенностью в том, что Бог нас не покинет, простит и соединит в будущем».

В таком скорбном был я настроении, когда приехал в город Уфу, где находятся гражданские власти Оренбургской губернии; по приезде остановился на квартире у моего земляка пана Важиньского, который был адъютантом в батальоне; нашлись здесь добрые люди, которые помогли в том, что я под видом больного два месяца ждал приезда жены. Оренбургские власти знали об этом, поскольку за это время я написал несколько писем к Альбине и получил от нее ответы, а все они проходили через руки командующего Оренбургским корпусом. Отсюда видно, что и начальство этой губернии если и проявляло иногда строгость, то потому, что вынуждено было подчиняться не душевным порывам, а закону.

Вот отрывок из ответа Альбины на мое предыдущее письмо: «Пока не получила твое письмо, ничего, дорогой мой, не знала я о твоём отъезде из Оренбурга; какая боль охватила меня, когда лишилась я единственной и самой дорогой надежды ехать вместе с тобой, трудно описать! Один лишь Бог на чаше весов своего милосердия может это определить. Неужели невозможно было умолить задержать тебя еще хоть на пару недель? Но свершилось? В довершение всех наших мучений только этого недоставало. Оставляя без внимания все романтические замечания и советы, вычитанные в твоём письме, скажу лишь, что они лишние. В течение восьми лет миллионами клятв обязалась я разделять твою судьбу, и даже Бог не может освободить меня от моих добровольных обетов, а если, так ты пишешь, в противном случае меня можно будет понять, то тогда все преступления следует назвать добродетелью и святостью! Итак, пустые слова оставляю тем, кто все свои чувства и обязанности в них заключают; а чтобы избежать в дальнейшем всяческих сомнений с твоей стороны, еще раз во имя Бога и Сына Его торжественно клянусь тебе, что самую горькую судьбу буду делить с тобой и ничто на свете не поколеблет моего решения! Впрочем, как мне кажется, ты знаешь меня хорошо, потому что если и ты до

сих пор не понял душу своей несчастливой жены, то кто уж ее на земле постигнет и поймет?!

Я до сих пор ничего официально не получила и считаюсь еще арестованной⁷⁰; после освобождения, не тратя ни минуты, поспешу к тебе, но из-за новых формальностей к выдаче билетов слугам мало у меня надежды догнать тебя. По твоему совету пишу одновременно губернатору, прошу его, чтобы приказал тебя задержать, чтоб мы могли ехать вместе; впрочем, на всякий случай, когда буду выезжать из Уральска, вышлю тебе под расписку в Омск мое завещание, написанное перед родами в заключении.

Если небо лишит меня того, что я горячее всего желаю, и из-за смерти моей не позволит тебя увидеть, то прими, дорогой муж мой, из-за могильной грани этот небольшой документ от обожающей тебя несчастной жены... Но прежде всего не беспокойся, будь уверен, Бог добрый, Он нас не оставит, и я надеюсь, что мы еще увидимся!

Напиши мне, дорогой, как у тебя обстоит с деньгами, не хочу и не могу предположить, что ты не будешь со мной искренен, это был бы большой грех с твоей стороны, а для меня незаслуженное наказание, предполагаю, однако, что их тебе не хватает, посылаю 500 рублей на тот случай, если тебе не разрешат ждать моего приезда.

С сегодняшней почтой пишу своей любимой сестре, чтобы от пана Блажовского со счета Панёвиц взяла как можно больше денег и отправила нам прямо в Нерчинск до востребования. Дорогой мой, как же бедное сердце по тебе тоскует! А ты еще говоришь мне о каком-то там счастье без тебя, как ты до сих пор еще не знаешь, что все удовольствия и счастья земные вместе взятые так же были бы мне без тебя привлекательны, как эти стены моей тюрьмы».

Позже получил я также от Альбины известие, что в связи с предстоящим скорым завершением дела она приехала в Оренбург и живет под надзором полиции. Пишет она, чтобы свое пребывание в Уфе по возможности продлил, а глав-

ное, просила, чтобы я добился у гражданского губернатора господина Талазина ⁷¹ поручения гражданскому суду в Оренбурге на выдачу билета Магдусе для проезда с ней в Сибирь. Без этого поручения гражданский суд не имел права выдать билет, тем более что срок действия паспорта Магдуси кончился.

На следующий день после получения того письма отправился я сразу же на квартиру гражданского губернатора, и, когда ему доложили о моем приезде, он вышел в залу, выслушал потребности других ожидавших его чиновников и пригласил меня в кабинет. С самого начала господин Талазин объявил мне, что хоть лично меня не знал, но дело мое и фамилия во многих губерниях так известны и громки, что он, направляясь на службу в Уфу, слышал об этом неоднократно. В дальнейшем в обращении со мной был мил, вежлив и любезен, слова его были сладки, очаровательны и восторженны, наконец, когда по его распоряжению нам подали трубки и кофе, он, назвав себя в высшей степени счастливым нашим знакомством, попросил, чтобы я рассказал ему о своей жизни.

Мой хозяин и слушатель так сумел повернуть дело и добиться моего доверия, что я со всей искренностью рассказал ему обо всем, не умолчав даже и о том, что под предлогом болезни жду здесь приезда своей жены.

Удивительно, что человек этот, слушая меня, казался растроганным до слез; обещал сделать все, о чем я просил, и, пожимая мои руки, заявил, что, принимая во внимание мои средства, которые из-за судебного процесса, по-видимому, оскудели, прикажет, чтобы нас даром везли до границы его губернии. На прощание посоветовал не отчаиваться, поскольку мы везде и всегда, несмотря на строгость закона, найдем людей, подобных ему.

О, пусть Бог сохранит и убережет меня и даже каждого врага моего от встречи с подобными ему людьми! Ведь едва я возвратился домой и рассказал о своем разговоре с ним

знакомым, как господин Талазин призвал к себе командира батальона подполковника Стаховича, полицмейстера и начальника жандармов и стал самым строгим образом укорять их, что они допустили, чтобы я, такой опасный для правительства, так долго жил в Уфе, тогда как, согласно приговору, давно уже должен быть в Сибири; так орал он, топал ногами, брызгал слюной от злости и приказал командиру батальона отправить меня на следующий же день в дальнейший путь, а начальнику жандармов и полицмейстеру поручил проследить за этим.

Эти господа, на которых так набросились и отчитали, вышли от него изумленные и все трое подались на квартиру командира батальона. Послали за мной сани, и когда я туда приехал, то застал их очень возмущенными Талазиным. Эти благородные люди, узнав от меня обо всем, то есть как меня принял, что говорил и что обещал, решили между собой, что мне следует на самом деле заболеть, это значит, что я в ожидании приезда жены должен направиться в лазарет. Это в России является единственной привилегией, которой может пользоваться каждый несчастный, невзирая на сословие и звание, и достаточно доброжелательности пары лиц, чтобы «болеть» сколько потребуется, даже если на самом деле совершенно здоров. Итак, предупредили об этом батальонного врача господина Горденко, и на следующий день я был доверен его опеке.

Сюда, чтобы развлекать меня, здорового среди больных, сходились мои добрые знакомые и до поздней ночи сидели со мной на квартире надзирателя, а кровать с табличкой и описанием истории болезни выделили мне в палате для офицеров.

На третий день моего пребывания здесь, после полуночи, в то время как собравшиеся товарищи беседой своей улаживали мне больничную скуку, прибежал больничный слуга и доложил надзирателю, что кто-то подъехал к воротам и требует открыть их. Надзиратель в замешательстве выбежал,

чтобы дать соответствующие распоряжения, товарищи мои остались в комнате, а я, ведомый каким-то предчувствием, пошел по коридору в палату, где стояла моя кровать, надел больничный халат, лег и укрылся одеялом. Вскоре послышались шаги, и затем я увидел в своей палате чиновника в сопровождении надзирателя и двух больничных слуг.

Этот неожиданный ночной посетитель был, как я позже узнал, господин Маслов, чиновник по особым поручениям при гражданском губернаторе, который послал того ночью сюда, чтобы убедиться, действительно ли я нахожусь в лазарете. Господин Маслов приблизился к моей кровати, посмотрел на табличку, прочитал мою фамилию и, удаляясь, казался настолько удивленным тем, что меня здесь видит, насколько мой надзиратель обрадован, что нашел меня здесь, а не в своей комнате.

На следующий день с утра, перед обходом военного ординатора, пришли ко мне два штатских врача и начали расспрашивать о состоянии моего здоровья. Я понял в чем дело и, возмущившись поступком моего преследователя, ответил им, что хоть действительно страдаю от ревматизма в ногах и мог бы, вопреки принуждению губернатора, болеть сколько мне захочется, но не хочу сделать из батальонного врача жертву гнева и преследований Талазина, а поэтому готов в дорогу. «Передайте ему, господа, что я поздравляю его с одержанной надо мной победой».

Вышел я из лазарета всего лишь после четырех дней пребывания. Доброжелатели мои задерживали как могли мой отъезд из Уфы, все время надеясь, что приедет моя жена.

Вообще, я должен признаться, что господин Талазин как человек не имел никаких личных достоинств, а как чиновник наносил ущерб своему званию и месту, которое занимал. Это было не мое мнение, а общее, с которым соглашались все жители Уфы, и все его не любили. Поступком же своим по отношению ко мне окончательно восстановил он против себя почти весь город. В самом деле, удивительно и непонятно,

откуда у этого человека появилось столько личной неприязни ко мне, за что меня возненавидел и преследовал по ночам? До сих пор почти каждый, с кем я говорил о своем деле, сочувствовал и хоть выполнял волю закона, но неохотно, а чтоб орать и топтать ногами, брызгать слюной от злости, преследовать и травить, как борзая несчастного зайца, для этого надо было либо обладать огромной злобой и глупостью, либо быть если не самим сатаной, то, пожалуй, ближайшим его кузеном.

Пока подготовили необходимые для моего дальнейшего путешествия бумаги, прошло еще три дня, по истечении которых приехал ко мне командир батальона и спросил, есть ли у меня казенное обмундирование, полагающееся солдату. А когда узнал, что ничего у меня нет, кроме штатской одежды, обрадовался и сказал, что на подготовку солдатских вещей, без которых я ехать не могу, потребуется не менее десяти дней, а за это время, возможно, подъедет моя жена и мы сможем поехать вместе.

Но, увы, прошло и десять дней, а я вместо жены получил лишь письмо от нее, в котором уведомляла, что выполнение пустых формальностей задержит ее еще не менее чем на полтора месяца в Оренбурге, по этой причине, когда все возможные средства задержки моей в Уфе были исчерпаны, а мой преследователь гнал, как гончая, выехал я наконец в конце декабря из Уфы в сопровождении одного унтер-офицера, а несколько лиц из высшего круга, желая, как видно, показать губернатору, что не разделяют его взглядов, проводили меня до первой деревни.

О, спасибо вам, почтенные и благородные люди!

VII

Наконец и жене моей огласили приговор гражданского суда и приговорили к уплате 30 рублей серебром за укрывание меня в доме. Это называется манифест! И тут то якобы

доброжелательными советами, то устрашающим описанием края, где мне предстояло пребывать, то разными препятствиями тормозя ее стремление как можно быстрее соединиться со мной, начали склонять ее к тому, чтобы покинуть меня и возвратиться на родину. Но, подобно жене Сенеки, которая добровольно лишила себя жизни, узнав, что муж ее по приказу Нерона должен быть убит, эта новая Паулина⁷², всегда глухая ко всему, что было недостойно ее прекрасной души, открыла своей стойкостью дорогу себе туда, куда призывали ее обязанности жены, и, несмотря на все препятствия, решила ехать за мной.

Тем временем я без всяких происшествий приехал в Екатеринбург, здесь случайно узнал о моем приезде советник коллегии горного отдела господин Штайнфельд, пригласил меня к себе и на три дня задержал в своем доме. Перед этим он уже слышал о событиях моей жизни и при расставании вручил мне письмо к своему кузену, генералу Шраму, проживавшему в Омске, куда я прибыл в первых числах февраля.

Здесь, в Омске, находилось в то время главное командование Сибирского корпуса, во главе которого во время отсутствия князя Горчакова * был прибывший из Томска генерал-губернатор Татаринов. А начальником штаба был генерал Жемчужников, который, будучи до этого начальником генерального штаба в Оренбурге, знал меня лично, поскольку, случайно находясь в Уральске, присутствовал на моей свадьбе; к нему-то прямо я и отправился, где застал также корпусного врача господина Юльяна Штубендорфа⁷⁴.

В разговоре с начальником штаба я попросил его оставить меня здесь на службе, если же этого сделать он не может, то чтобы хотя бы разрешил ждать приезда жены. Господин генерал объявил мне, что утвержденный царем приговор суда, по которому местом моего пребывания назначен Нерчинск, изменить не может, что же касается ожидания

* Брата героя восьмого апреля 1861 г. в Варшаве⁷³. (Примеч. авт.).

жены, то это, сказал он, оборачиваясь и показывая на доктора, будет зависеть от него.

С этой минуты, хоть господин Штубендорф меня не знал, но я стал как бы его собственностью, поскольку он, проживавший на территории главного военного лазарета, определил мне квартиру у себя таким образом, что меня будто бы поместили в лазарет, а на самом деле я жил в его частном доме.

На обед повез меня мой добрый доктор к генералу Шраму, которому я отдал письмо от его родственника из Екатеринбурга. После обеда в зале, куда пришла жена его с дочерьми, я по просьбе хозяина рассказывал некоторые эпизоды из своей жизни.

Во время моего рассказа господин генерал делал попеременно только два восклицания: «Это ужасно!» и «Это прекрасно!» — в зависимости от того, был ли рассказ страшным или трогательным. А так как восклицания эти повторял очень часто, то слушающему со стороны могло показаться, что священник читает литанию⁷⁵, а прихожане отвечают «Смилуйся» или «Молись за нас».

Вечером поехал я с доктором к двум своим землякам, проживавшим вместе, к пану Адольфу Янушкевичу и пану Павлу Цеплиньскому⁷⁶. Им только что по амнистии отменили ссылку, они поступили на гражданскую службу и по этому поводу должны были сбрить усы, а их легава, которая в течение нескольких лет около них находилась, как ни посмотрит на лицо кого-либо из них, так и начинает, не узнавая, лаять, этим и нас располагая более к веселью, чем к беседе.

Три или четыре дня подряд возил меня и знакомил с разными лицами мой почтенный эскулап, после чего я, как больной, уже не выезжал из этой квартиры и не потому, что это мне запрещалось, о нет, поскольку там существовал такой похвальный обычай, что если начальство смотрит сквозь пальцы, то и подчиненный не сует нос, а потому, что деликат-

ность с моей стороны требовала не злоупотреблять его добротой, равно как и поблажкой иных военных властей, с которыми мог встретиться на каждом шагу. По этой причине я только принимал посещавших меня знакомых, а в отсутствие хозяина читал его книги, ожидая Альбину, которой письмом сообщил, что нахожусь в Омском лазарете.

Отсутствие известий о ней, а также неуверенность, увидимся ли еще когда-нибудь, снова терзали меня ужасно. Поэтому-то и характер мой, по природе своей живой, веселый, быстрый и предприимчивый, стал мрачным, угрюмым, осовелым и необузданным, а убийственная апатия овладела мной до такой степени, что недалеко было и до настоящей болезни.

Но наконец в первых днях марта 1842 года вечером, в тот момент, когда я меньше всего ожидал, в двери моей комнаты показалась Магдуся. О Боже, какую радость я испытал! С какой поспешностью бросился к ней и, сердечно обнимая и целуя, едва не задушил! Крикнул кучеру доктора, чтобы моментально запрягал, полетел бы, не дожидаясь, но Магдуся, измученная долгим переходом, не в состоянии была идти пешком. В нетерпении порываюсь помочь запрягать, но по неумению только мешаю; наконец, схватив Магдусю, бросаю ее, как коробку, в сани, сажусь рядом и несусь вихрем к указанному ею постоялому двору!

О Боже, с каким волнением и нетерпением, весь дрожа, схватил я дверную ручку комнаты Альбины! В каком упоении и потоке слез обнял я ее после восемнадцатимесячной разлуки, целовал, сжимал, плакал!

Бедная, несчастная Альбина ужасно изменилась! Она стала такой бледной, худой и истощенной, что при встрече на улице я ее, возможно, и не узнал бы. «О Боже! — думал я, глядя на нее. — Разве не должен я пылать ненавистью, желанием мщения ко всему человечеству! Что они с ней сделали?.. И за что?.. Слышите, за что?..⁷⁷ Ах, чудовища, молчите?!.»

Сетуя так, снова начал ее целовать, ведь она, даже такая жалкая, неизменно была мне дорога, и тем дороже, чем ближе была утрата предмета любви.

Альбина, увидевшись со мной, не могла своим счастьем насытиться! Все, что минуло, что выстрадала, уже забыла, но в ее взгляде, в словах и движениях прорывалось нечто ужасное, какая-то ненадежность и угроза ее жизни! О люди! О крокодилово отродье! Смотрите на нее и радуйтесь!..

Около двух недель жили мы вдвоем у упомянутых выше наших земляков, уступивших нам две комнаты. Мы ждали, когда установится дорога, и я пытался купить тарантас, так как на санях уже нельзя было ехать. Наконец, оставив много новых знакомых, с чувством благодарности и с приятными воспоминаниями о жителях Омска мы из него уехали.

Дальше поездка наша была тихая, спокойная и однообразная, событий, достойных внимания читателя, не было почти никаких. Начальник штаба, полагаясь на мое слово, а еще более, пожалуй, на невозможность побега из глубины Сибири, приказал отдать бумаги мне на руки, на козлы же посадил солдата и велел ему быть скорее лакеем, нежели моим конвойным, а чтобы его не заменили, приказал сменять перекладные только в городах, то есть в резиденциях гарнизонного штаба, а не на этапах *, благодаря этому у меня не было ни малейшего соприкосновения с офицерами этапов, которые, по правде говоря, не всегда отличались утонченным поведением. По-видимому, местные власти о том знали, и приказ, позволяющий избежать контактов с ними, избавил меня от многих неприятностей.

Так как мы, несчастные, ехали к несчастью, то я решил не торопиться приближаться к нему, а по возможности, наоборот, отодвигать его от себя. Поэтому, проезжая в сутки по одной станции, мы ночевали почти в каждой деревне, а в тех

* Государственные строения, в которых останавливаются партии осужденных в Сибирь, называются «этапы». (Примеч. авт.).

городах, где нам нравилось, то и по несколько дней жили, чтобы дать отдых больной Альбине.

Вообще же, проезжая по Сибири, я замечал и должен признать это прямо, что жители ее то ли потому, что тогда еще недалеко ушли от естественного состояния и были неиспорченными, то ли предки их, заселявшие этот край, также были изгнанниками и отвергнутыми обществом, а отсюда почти у каждой семьи были свои традиции и воспоминания, то ли, наконец, потому что, глядя постоянно на нескончаемые толпы проходящих арестантов, освоились с горем, а может, что самое верное, прониклись принципом житейской философии: «сегодня мне, а завтра тебе», но по отношению к нам они были чрезвычайно вежливы, услужливы и гостеприимны. Местные же власти почти без исключения везде и всегда с величайшим усердием и любезностью исполняли малейшие наши желания.

Причиной этого, помимо возможных личных качеств чиновника, нередко бывает и то, что он зачастую, будучи загнан в эти края необходимостью служить, немилостью вышестоящих, интригами, стечением обстоятельств либо превратностями судьбы, с удовольствием вспоминает прошлое и рад встретить приезжего того же, что и он, как ему кажется, уровня. Поэтому с самого начала знакомства с ним старается дать знать, что не является урожденным сибиряком и тоскует по стороне, которую пришлось покинуть, а желая показать свою воспитанность, образование и умственное развитие, охотно становится услужливым и полезным, чтобы явить собою звено той великой цепи цивилизации, каковой, по его мнению, европейская Москва отличается от Сибири.

Подъезжая к Иркутску, по пути узнал я, что в казенном винокуренном заводе, называемом Александровским⁷⁸, находятся более десяти наших земляков, сосланных в 1835 году за союз Конарского⁷⁹, и хотя было это не по пути, но из желания с ними познакомиться я съехал с тракта, и мы погостили пару недель у пана Михальского, к которому не-

давно приехала жена *⁸¹. Они, так же как и другие товарищи, советовали нам по дороге в Иркутск заехать в село Урик, где в то время находилось целое общество сосланных за 26 декабря 1825 года русских магнатов ⁸².

По приезде туда нам впервые случилось находиться в обществе русских аристократов. Жили здесь князья, графы, генералы, полковники и много других известных лиц, некоторые из них жили здесь с женами, другие без них, а иные приехали из других сел намеренно, чтобы познакомиться с нами. Все они приняли нас с распростертыми объятиями, ибо, как утверждали, наше дело считали своим. Они выказывали глубочайшее уважение моей Альбине, восхищались ею и удивлялись, что в таком слабом и хрупком теле обнаружили столько упорства, характера и душевной стойкости.

Князь Волконский ⁸³, один из ссыльных, не хотел отпустить нас из своего дома, пока не предупредит о нашем прибытии гражданского губернатора в Иркутске. Направил он к нему специального нарочного с письмом, и мы в ожидании ответа прожили здесь целую неделю.

После получения письма от губернатора покинули мы гостеприимный Урик, а по прибытии нашем в Иркутск гражданский губернатор господин Пятницкий ⁸⁴ приказал дать нам квартиру у чиновничьей вдовы, имевшей собственный дом на Большой улице.

Здесь, в Иркутске, познакомились мы почти со всеми нашими земляками, находившимися в ссылке. Фамилий же их не называю по той причине, что в нашей любимой стране

* Застал я в том числе Яцека Гольиньского, которого Альбина знала еще на родине, поскольку он был женат на ее родственнице Каролине Красновской, и который вскоре из-за тоски по родине, жене и ребенку (им запретили приехать к нему) умер в Иркутске, ко всеобщей скорби земляков, а точнее товарищей, сосланных с ним из одной местности и по тому же делу: Юльяна Сабиньского, Йоахима Лесьневича, обоих Олизаров, Косаковского, Подхородэньского ⁸⁰ и многих других. (*Примеч. авт.*)

мало семей, в которых не было бы среди них родных или знакомых либо не знали их лично.

В ожидании переправы через Байкал прожили мы здесь более двух недель, но добрая, верная и преданная Магдуся так заболела, что ни ждать ее, ни взять с собой мы никоим образом не могли. Поэтому под свою опеку взяла ее княгиня Трубецкая⁸⁵, супруга преступника 1825 года, после смерти которой в Иркутске помилованный муж ее увез Магдусю в Киев, где, как я слышал, живет она и до сих пор. Я же и моя Альбина, перебравшись счастливо через Байкал*, прибыли в Нерчинск, отстоящий на 1 300 верст от Иркутска. На этот известный Нерчинский рудник прибыл я 2 октября 1842 года. Тут получил я на почте ожидавшие нас деньги, купил дом, коня, скот и разное снаряжение, построил во дворе мельницу с ножным приводом и занялся хозяйством, чтобы не расходовать на жизнь капитал. Местная власть записала меня в солдатский строй, но ни в чем не мешала, напротив, старалась скрасить мое положение тем, что не использовала меня на службе, тем не менее я чувствовал себя несчастным.

Альбина, которая уже более принадлежала потустороннему миру, поддерживала себя лишь тем, что опять была в положении. А когда разделяла она свою гаснущую жизнь с новым сыном Конрадом, то поделилась с ним также зародышем чахотки, развившейся в ее груди со времени приезда ко мне.

Так посудите же сами, дорогие мои читатели, какие муки перенес я, когда однажды она позвала меня к себе и начала говорить такие слова:

— Не для того я хотела видеть тебя, дорогой и любимый муж мой, чтобы твою привязанность ко мне отягощать печальными картинами человеческой жизни, знаю, что для любящего мужа тягостен вид смертного ложа жены, ведь

* Объяснение о Байкале — в конце книги. (*Примеч. авт.*)⁸⁶.

глазам его открываются не только страдания любимого существа, но еще и минуты, когда блуждающая душа, почти освобожденная от телесных оков, пробегает по неровной дороге прошлого, настоящего и будущего. ...Была я твоей возлюбленной, затем женой, а теперь приближается минута, когда ты станешь вдовцом! Горько мне и очень больно, что оставляю тебя среди людей, которых мы должны называть своими врагами, — не относись к ним с неприязнью, мой дорогой!

Здесь попросила она пить и, проглотив пару капель и собравшись с мыслями, продолжала:

— Прости их так, как я, умирающая, прощаю!.. Ты и сам убедился, что народ этот так же несчастлив, как и мы, хоть этого и не чувствует, и что среди него есть люди, и люди, достойные уважения. Истинный христианин не должен питать в душе своей ненависти, и хоть патриотизм порождает ее и тем противоречит религии, но помни, однако, что Бог был прежде, чем люди стали драться за кусок земли. Если сын наш выживет, впрочем, то, что он рожден такой больной матерью, заставляет меня сомневаться в этом, так напomini ему иногда о бедной матери! Больше о нем тебе не скажу. Ты был хорошим мужем и таким же будешь отцом. Винценту, дорогую мою сестру Винценту, о, как бы я хотела прижать ее к своему умирающему сердцу! Благословляю ее, напиши ей об этом, а также брату Антони и отцу, если еще жив *. О Магдусе помни, и если когда-нибудь обратится к тебе, не покидай ее!

...Ты еще молод, мой дорогой и любимый муж, поэтому не надеваю на тебя путы, и если найдешь достойного себя человека — женись! Хоть и люблю тебя больше жизни, но заслуживала бы осуждения, если б за гробной ревностью ста-

* Во все время нашего пребывания в тюрьме Альбина не получила ни одного письма от сестры, несмотря на то, что та много раз писала, отсюда и эта неуверенность, жив ли отец, который болел. (*Примеч. авт.*).

ла связывать твои желания и волю!.. Завещание, которое я умирающей рукой подписала, отправь моей семье, не сомневаюсь, что последняя воля умирающей будет для нее свята!

Обливаясь слезами, слушал я последние слова любимой моей Альбины! И, увы, видел, как она с каждой минутой угасает: во время ее болезни, длящейся около трех месяцев после родов, я сам днем и ночью за ней ухаживал. Страдания и лишения, переносимые мною из-за ее болезни, бесконечная борьба в моем изболевшемся сердце, может, хотя бы частично оплатили ту боль, что испытывала она в беспокойстве обо мне.

Несмотря на то что, теряя ее, я чувствовал, что теряю все на свете, однако всей силой и мощью рассудка старался не проявлять своей внутренней боли, подходить к ее постели с неомраченным челом. Но когда 15 июня 1843 года, на 25-й весне ее жизни, увидел ее на руках моих, ксендза Богуньского и доктора Антони Бопрэ (моих соизгнанников)⁸⁷ умирающей, а затем мертвой, казалось, вырвали у меня сердце и душу, так сильно я ее любил!

Как христианин я почти радовался, что эта чистая душа отдохнет наконец в обители доброго Отца, но как человеку, мужу и отцу стало мне за Байкалом так тесно, как Антиоху на Востоке без Вероники⁸⁸.

Смерть этой несчастной женщины была легкой и спокойной, чахотка избавила ее от ужасных смертных мучений и, не изменив мягкие черты лица, отворила благосклонной рукой перед этой великой, достойной милости небес душой врата вечности. Видно, Бог повелел так для того, чтобы воспоминание о ее благочестивой смерти запечатлелось в памяти тех, кто не боится Страшного Суда, чтобы увидели они, что переход из одной жизни в другую не так труден, как кажется.

В отсутствие священника Забайкальского прихода ксендза Филипповича, который в то время объезжал свой обширный приход, ксендз Богуньский отдал умершей послед-

ний долг, по обряду и с чувством благоговения, хоть без священнического облачения⁸⁹, а тихая слеза сочувствия в немалом кругу соизгнанников проводила ее останки на кладбище!..

Вот житие женщины, которая, не выходя за сферу домашней жизни, наиболее свойственных ее полу чувств жены и матери, вписала имя свое в плеяду самых благородных полек! Спустя немногим более года после ее кончины ушел за ней и осиротевший Конрад. Могилу над ними засыпал я собственной осиротевшего мужа и отца рукой, более десяти лет каждую весну украшал ее сибирскими цветами! Могилу, скрывающую останки матери и сына, могилу добровольной изгнанницы — первой польки, загнанной в Нерчинск любовью и святостью проистекающих из нее обязанностей! Могилу, наконец, которую я приготовил и себе!

О, как нельзя рассчитывать человеку на свои планы! Мы, например, находясь в неволе, увозили наших детей, чтобы, помимо прочего, похоронить их в фамильном склепе, где и сами намеревались почтить, а тем временем, как бы наперекор нашим намерениям, двоих из них похоронили в Саратове, одного в Уральске, жену с сыном в Нерчинске, а меня? Один Бог только знает, где меня положат.

На этом я пока решил закончить свой рассказ. Слишком растроган я, чтобы, похоронив прекрасную жену и описывая это, мог писать дальше. И хотя после ее кончины я почти семнадцать лет живу в Сибири, но слишком свежи еще образцы правления графа Амурского⁹⁰ в Восточной Сибири, да и чересчур деликатная это материя — описывать личности, имеющие влияние на мою судьбу, чтобы делать это сейчас. Однако по возвращении на родину, со всей добросовестностью и правдивостью, как и до сих пор, не премину воздать каждому то, что ему полагается и что он заслужил.

Писал в Иркутске, в начале марта 1859 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если б не необходимость удовлетворить читателя, имеющего право требовать подведения итогов судьбам действующих в этой повести лиц, то мне следовало бы на этом закончить свой рассказ, потому что когда из нашего поля зрения ушла главная героиня событий, что мне сказать о себе такого, что хоть в какой-то степени было бы интересным или любопытным. Опишу вам, пожалуй, следующие свои впечатления.

Вот смотрел я с состраданием на людей, из которых преступная рука, нарушив природой в сердце начертанный закон, сделала изгнанников общества и принудила в темных подземельях разбивать молотом рудные пласты, которые, как жилы, пронизывают недра земли, а извлеченные на поверхность плавятся в домнах жутким, как бы горящего ада, пламенем.

Эти страшные костры освещают бледные, дикие и мрачные рабские лица, делаая их ходячими трупами. Такие вот они, обычные преступники, сосланные сюда за разные преступления на каторжные работы.

Что сказать вам о крае, где солнце, как бы подернутое туманом, неохотно бросает косые лучи, а сила их настолько слаба, что промерзшую землю оттаивает на глубину, едва достигающую до двух локтей; поэтому-то, несмотря на шумящие рощи, березовые, кедровые и лиственничные леса, голос соловья не слышен, ибо не хватает ему дубравы, а полевые цветы, несмотря на то что необыкновенно красивы, не имеют нашего запаха.

Что, наконец, сказать вам о крае, где взор человеческий, блуждая в лабиринте гор, долин и лесов, не видит ничего, кроме редких и угрюмых деревушек либо тунгуса со свернутой палаткой в поисках более плодородной земли для своего скота?

Что вам, в конце концов, сказать о крае, где голос и родная речь поляка-изгнанника тщетно отражается эхом от гор

и скал, подобных Гибралтарским, а ночной порой глаза его видят лишь иное небо и звезды; ну что же скажу я вам сегодня? Итак, скажу я вам, что это Нерчинские рудники, что это Сибирь — долина слез и обширная тюрьма, которой недостает лишь ворот и слов Данте над ними⁹¹.

В этой-то Сибири я, теперь вторично осиротевший, вел монотонную, как песочные часы, ничем в течение 17 лет не утешенную жизнь; долго, очень долго думал я первое время об умершей жене и так вспоминал об утраченном счастье, как мореплаватель мечтает о разбитой ладье, некогда величественно и споро плававшей по морю... Мои фантазии перемешаны были со скорбью и блаженством. Не раз, вспоминая Альбину, я улыбался и, позабыв о ее кончине, видел ее в венце почета и славную судьбу в будущем; но стоило возвратиться к печальной действительности и взглянуть на свое сиротство, как на лице моем появлялось выражение дикого отчаяния, и я оставался в такой убийственной апатии по нескольку часов, не слыша людских голосов, даже не видя самих людей, снующих вокруг меня. Очнувшись наконец как от летаргии, с грустью размышлял я о несправедливости в среде человеческой. Почему, думал я, бедняк в убогой избушке встречает восход солнца с горечью и слезами, в то время как богач приветствует его с улыбкой и с видами на новое счастье? Разве они люди и дети не единого Бога? Разве солнце не должно быть для всех одинаково приветливо и наполнять одним и тем же чувством? Но Бог в решениях своих непостижим, так же почти распорядился он и всей природой; здесь, скажем, благодатная весна золотит цветущие равнины, когда там, далеко-далеко, в то же самое время падает снег и придавливает склоненную, пожелтевшую траву.

Несколько успокоившись, я посчитал первой своей обязанностью написать письмо брату и сестре покойной Альбины, в котором, сообщив о смерти матери и сына, отказался от всякого наследства после нее. Пока жив был Конрад, я не

имел права лишить его дара, предназначенного ему матерью под моим именем, но когда он ушел из жизни, совесть моя запретила мне пользоваться ее завещанием, составленным на меня; но самым тяжелым для меня было то, что письмо я вынужден был написать на московском языке *. Что они там обо мне подумали? Одному Богу известно.

И хоть я не получил от них ни малейшего известия, был слишком горд, чтобы объясняться по поводу незаслуженного упрека, будто забыл родной язык.

Так, мыкая горе, жил я без перемен лет десять в Нерчинске; тем временем власти Иркутска поручили командиру батальона, чтобы меня как не лишеного шляхетского звания он представил к офицерскому званию, но когда мне об этом объявили, я, поблагодарив, решительно отказался. Неуместным, незаконным и неблагородным казалось мне присягнуть и усердно служить той самой власти, обида на которую сжимает мне сердце и для низвержения которой я вместе с другими прибыл из Франции.

В 1852 году батальон, к которому я был приписан, перешел из Нерчинска в другое место. Это серебряный рудник, а поблизости и золотой прииск на берегах реки Шилки. По названию этой реки завод носит название «Шилкинский».

* Причина написания этого письма на московском языке была в следующем: множество моих товарищей, сосланных за дело родины на каторжные работы, лишены были права писать семьям, у меня же, как у солдата, права этого не отняли, поэтому все письма, что они писали родным, я подписывал, отправлял на почту и ответы получал на свой адрес. Такая пространная, почти со всеми провинциями корреспонденция не могла привлечь на себя внимание властей, которые поняли уловку и под строжайшую ответственность командира батальона потребовали запретить мне связь, а письма писать по-московски. А поскольку командир мой не знал французского языка, мне же непременно надо было сообщить сестре Винценце о смерти Альбины, поэтому я так поступил. К своим же родителям и родственникам я из-за этого не писал с 1844 года ни одного письма. (*Примеч. авт.*)

Пункт этот из стратегических соображений правитель Восточной Сибири выбрал преднамеренно, во исполнение намеченного плана, который был задуман еще Петром Великим.

Смелый, деятельный, предприимчивый, активный, энергичный — словом, один из выдающихся русских генералов (как сам я читал о нем в «Revue de deux Mondes»⁹²), генерал-губернатор, генерал-адъютант и кавалер многочисленных орденов Николай Николаевич Муравьев, впоследствии граф Амурский, заменил крестьянскую соху на пику, лемех на ружье, сермягу на казацкий кафтан и с таким новоявленным войском вознамерился Амурский край присоединить к Москве в момент, когда мощь ее под тысячами орудий союзнических войск в Крыму уже почти поколебалась; но этот дипломат задумал, что если там сколько-нибудь от границ убавится, то зато чтобы здесь прибавлялось, и решил (под шумок) всего лишь с двумя батальонами и несколькими отделениями с отчаяннейшей смелостью и неслыханной отвагой взяться за овладение территориями Шилки и Амуре, что и выполнил, сам возглавив войско; и почти без малейших государственных затрат не только эту последнюю реку, но и правый берег ее присоединил к Москве трактатом, заключенным с Пекином 28 апреля 1858 года⁹³.

Поскольку батальон, в котором я числился, должен был двинуться в поход, то господин граф был так любезен, что велел спросить меня, не желаю ли я принять в нем участие. Но я горячо поблагодарил господина графа за оказанную мне благосклонность и через этого же адъютанта Черкасского ответил, что если мне предоставляется выбор, то признаюсь откровенно, что не желаю участвовать в походе, целью которого является расширение московских границ.

Не знаю, как передали мой ответ господину графу, правда, я мог об этом спросить, однако не спросил; но только когда 15-й батальон выступил в поход, а на его место пришел в Шилку 14-й и меня зачислили в него, местные жители, узнав

о моем ответе, так же как и о предыдущем отказе от повышения в чине, прониклись ко мне нескрываемым уважением.

Объявленное по случаю вступления на престол Александра II помилование коснулось почти всех моих уважаемых и любимых соизгнанников и товарищей. Счастливицы возвратились в круг своих семей; меня же всего лишь освободили от армии и приказали поступить в Иркутске на гражданскую службу, без возвращения на родину!⁹⁴

Боже, что со мной творилось! Представьте, я тяжело болел четыре месяца и думал, что скончаюсь, но, увы, этого не случилось, и я, чувствуя себя совершенно одиноким и покинутым соотечественниками, обливался горькими слезами! Наконец, приехал в Иркутск и здесь прожил полтора года, не поступая более на службу. Добрые жители этого города приняли меня в свою среду с искренним участием. Почти вся Сибирь (так сибиряки сами мне потом говорили) лишь тогда почувствовала, что значило лишиться поляков. Ведь последние приносили жителям пользу в воспитании их детей. Кроме того, почти не было дома, где бы наши изгнанники не были желанны. Почти каждый из нас имел по несколько семейных домов, в которых мы были желанны, нас считали чуть ли не членами семьи, притом до такой степени, что молодой человек не женился, девушка не выходила замуж, отец не отправлялся в путь или не предпринимал новых начинаний, мать не давала новорожденному имени без нашего совета, и почти всегда слово любого из нас было для них высшим авторитетом.

О, слава и добрая память вам, милые, доброжелательные и гостеприимные жители Восточной Сибири!

Тебе же, почтенный и благородный Людвиг Шульц⁹⁵, приношу мою особую благодарность. Ведь в твоём доме жил я в Иркутске полтора года, а поистине бескорыстная твоя и супруги твоей дружба, что более десяти лет связывала и связывает нас, порукой вам обоим в моей признательности до гробовой доски.

В 1859 году, лишь в конце июля, после многократных и неустанных прошений и представлений графа Амурского престола разрешено мне было, наконец, вернуться на родину⁹⁶. Мои добрые знакомые иркутяне толпой бросились ко мне с советом не возвращаться; они, увы, узнали из писем, полученных уже от некоторых возвратившихся ссыльных, что в нашей стране нет ни попечения, ни комитета, который бы подумал о возвращающихся изгнанниках, поэтому искренне просили меня остаться, заверяя, что полностью обеспечат мое будущее. Но я, хоть и знал, что не к богатству возвращаюсь, не мог допустить, чтобы, став свободным, не вернуться в страну, где родился, воспитывался и вырос, в которой постоянно мысленно пребывал! Не вернуться в страну, шум зеленых лесов которой, а среди них милую трель соловья слышал я беспрерывно, ведь даже в Сибири казалось мне, что слышал! В страну, где колосья обширных нив не только своих, но и путников гостеприимно кормят, в страну, наконец, где меня молодого купала Висла, даже вода которой кажется более мокрой, чем в других реках! В страну, что зовется моей отчиной! О, да сохрани меня Бог от подобного преступления!

Так что я за шесть дней собрался, а уже через 40, после 24 лет пребывания в Сибири и 5 за границей, проехав 8 128 верст от Иркутска, прибыл 13 сентября 1859 года в Варшаву!

Не стану описывать вам те чувства и впечатления, какие произвел на меня вид родимой земли. Слишком щекотливое и тонкое это дело — описывать то, что нельзя передать словами, а на что сами смотрите! Скажу лишь, что сестру мою Рафалину, сестру четырех изгнанников, застал я в нужде, обремененной к тому же сиротами! Ни отца, ни матери, никакой опеки, даже никого из знакомых после стольких лет я не нашел! Что же мне остается? Вот так, взглянуть на небо, вздохнуть глубоко и на этом — окончить свое повествование.

КОММЕНТАРИЙ *

¹ Как видно из данного свидетельства самого Мигурского, ему были известны изложения истории его собственного побега — и в публикации В. И. Даля, и в кратком анонимном очерке, помещенном в 1852 г. во львовском «Дзэннике Литэрацком» (под заглавием «Госпожа [Пани] Мигурская»).

Далее, по тексту этих же собственноручных записок Мигурского, их автор указывает и на свое знакомство со специально посвященным истории их с женою драматических перипетий фрагментом из весьма известных и популярных в польской читательской среде воспоминаний ссылавшейся в Сибирь конарщицы Эвы Фэлиньской, вышедших на польском языке в Вильно в 1853 г.

Более подробную характеристику названных публикаций по теме «мигурскианы», вышедших еще при жизни самого мемуариста, и конкретные их выходные данные см.: Шостакович Б. С. Эти неизвестные известные Мигурские... и примеч. 1—5 к данному предисловию, а также коммент. 55 в настоящем комментарии к публикации текста воспоминаний Мигурского.

Что касается упоминаемых Мигурским публикаций на ту же тему во французских журналах, то установление более конкретных библиографических данных, к ним относящихся, требует соответствующих дополнительных изысканий, ибо в существующей специальной литературе подобные сведения отсутствуют.

² Мигурский упоминает о капитуляции Варшавы, взятой царскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала графа И. Ф. Паскевича-Эриванского 7—8 сентября 1831 г. Это окончательно определило поражение польского национально-освободительного восстания 1830—1831 гг. (в польской традиции восстание именуется Ноябрьским), участником которого был автор воспоминаний. Часть повстанческой армии, где находился и мемуарист, в начале октября 1831 г. ушла за границу тогдашней Российской империи, в Пруссию и Австрию, и была там интернирована. Упоминаемый генерал Мачей Рыбиньский являлся главнокомандующим восстанием в течение наиболее драматичного месяца его подавления.

* Выполнил Б. С. Шостакович.

³ «Пётр́овин» — герой легенды, вошедшей в агиографию святого Станислава, почитаемого польскими католиками в качестве главного патрона их отечества. Станислав Щепановский являлся краковским епископом в 70-х гг. XI в. Предание гласит, будто бы он воскресил умершего за три года перед тем рыцаря Пётра Стшемьничика из Янишева — Пётр́овина, чтобы он сам подтвердил совершенную им еще при жизни продажу своих владений костелу, законность которой оспаривалась его родными и которую епископ Станислав не мог доказать иным способом. Из этой получившей распространение легенды и появилось фигуральное выражение «Пётр́овин», обозначающее человека болезненно исхудалого, подобного тени, восставшей из гроба.

⁴ Безансон — город на востоке Франции. Являлся одним из центров размещения бывших польских повстанцев 1830 г. Общей численностью они превышали 10 тысяч человек и образовали в западноевропейских государствах так называемую Большую эмиграцию. Сведения о пребывании в эмиграции, приводимые в записках Мигурского, могут быть дополнены его же ранее упомянутыми показаниями в следственной комиссии, опубликованными А. Краусхаром. Из них следует, что в Безансоне было в описываемое время сосредоточено более 900 польских эмигрантов, организованных в полувоенную структуру, которую возглавляли с польской стороны полковник Людвик Оборский, а со стороны французского правительства генерал Моран. Созданный Совет поляков в Безансоне был аналогичен подобным же в других местах их массового пребывания и руководствовался в своей деятельности подробной инструкцией, определявшей многосторонние функции по представлению интересов своих избирателей.

Университеты Варшавский (открыт в 1813 г.) и Виленский (основан в Вильно, современном Вильнюсе, в Литве, в 1578 г. и после многократных преобразований воссоздан в 1803 г.) являлись двумя крупнейшими польскими культурными, научными и учебными заведениями на территории Российской империи и были закрыты после подавления польского восстания в 1831 г.

⁵ После ликвидации Речи Посполитой в результате трех разделов в 1795 г. поляки возлагали надежду на восстановление своей государственности с помощью Наполеона Бонапарта. Под его эгидой

в 1797 г. было начато создание польских легионов в Италии. В дальнейшем польские военные формирования участвовали в многочисленных кампаниях на стороне наполеоновской армии.

⁶ Северной державой в польской традиции часто именовалась Россия. В данном случае В. Мигурский подразумевает под «северными правительствами» политические режимы трех держав, захвативших земли расчлененной Польши: Российской, Австрийской империй и Королевства Пруссии.

⁷ Столь однозначно пессимистичная оценка плана так называемой экспедиции Юзефа Заливского 1833 г. дается В. Мигурским уже на склоне лет. Однако совершенно иначе он воспринимал его же и самоотверженно ему содействовал в пору своего пребывания в эмиграции во Франции, о чем свидетельствуют опубликованные и собственные его показания, и другие источники. Мемуарист вступил тогда в масонскую ложу, а затем и в польскую карбонарскую организацию «Месть народов», готовившую «универсальную революцию» в Европе и даже обозначавшую точную дату ее начала. Он принял на себя функции одного из эмиссаров в польских землях. Их целью было осуществление там под общим руководством бывшего участника польского восстания 1830—1831 гг. полковника Юзефа Заливского партизанской войны, которой, по утверждениям ответственного руководства конспираторов, будто бы была обеспечена неременная поддержка тамошнего населения и гарантирована Англией и Францией вся необходимая помощь. Мигурский присягнул на верность этому опасному предприятию, в котором усмотрел свой долг перед отечеством, полагая, что таким образом будет способствовать достижению блага последнего.

Деятельность Мигурского в рассматриваемый период наглядно демонстрирует искреннюю преданность указанной концепции его как характерного представителя патриотической, шляхетско-демократической части польской эмиграции после Ноябрьского восстания. Весь утопизм, изначальную бесперспективность данного замысла приверженцы его осознали лишь после провала попыток воплощения такового на практике. Этот урок стоил многих загубленных жизней, драматично сложившихся судеб, в том числе и судьбы самого мемуариста.

- ⁸ Галицией назывались земли Речи Посполитой, находившиеся под властью Австрии в 1772—1918 гг. Официальное полное их название в ту пору — «Королевство Галиции и Лодомерии вместе с Великим княжеством Краковским, а также княжествами Освенцимским и Заторским».
- ⁹ См. примеч. 6 к воспоминаниям Мигурского.
- ¹⁰ В. Мигурский подразумевает древнеславянское (в том числе и в старорусских летописях) название поляков — ляхи (лехиты).
- ¹¹ Тадеуш Костюшко (1746—1817) — генерал, главнокомандующий национальными вооруженными силами в польском восстании 1794 г.
- ¹² Львов являлся официальной столицей Галиции, резиденцией провинциальных властей во главе с наместником австрийского императора.
- ¹³ То, что Мигурский называет «Обществом друзей народа», в исторической литературе более известно как «Союз друзей народа». Под этим названием на территории Галиции существовало несколько конспиративных групп национально-освободительного характера (в том числе во Львове), выделившихся из местных карбонарских лож и формально им подчинявшихся. Впоследствии, в 1835 г., Союз друзей народа вошел в состав более значительной тайной освободительной организации, возникшей на землях бывшей Речи Посполитой под названием «Содружество польского народа», возглавленной Шимоном Конарским. Об этой последней организации, ее деятельности и участниках читатель найдет более подробную информацию в сопроводительных материалах к разделам данной книги, в которых помещены мемуары ссыльных в Сибирь конарщиков — Ю. Ручиньского и Ю. Сабиньского.
- Название центрального города Буковины с 1944 г. известно в транскрипции «Черновцы». В мемуарах В. Мигурского фигурирует польская версия названия — «Чернёвцэ».
- ¹⁴ Мемуаристом подмечен любопытный штрих, отражающий добродушно-ироничное отношение к нему отца Альбины, Мачея Прусс-Висьнёвского, будущего его тестя. В уподоблении последним В. Мигурского Вильгельму Теллю, как можно полагать,

содержался косвенный намек на описанную выше мемуаристом историю его дуэли и его конспиративную деятельность, а также и присущую ему же горячность темперамента. Вильгельм Телль — герой швейцарской народной легенды, отразившей происходившую в XIV в. борьбу в стране против гнета Габсбургов. Меткий стрелок из лука В. Телль оказался принужден габсбургским администратором У. Геслером сбить яблоко с головы собственного сына-ребенка. Успешно выполнив это вынужденное ужасное испытание, В. Телль убил затем Геслера, что явилось начальной акцией народного восстания. Легенду о В. Телле положил в основу одноименной драмы немецкий поэт и драматург Ф. Шиллер.

- ¹⁵ Советник Крауффер — глава гражданской администрации в Черновцах — тогдашнем центре области в составе австрийской Галиции. Предпринятые им меры были направлены на ужесточение преследований участников освободительного движения, что подкреплялось незадолго перед тем заключенным соответствующим соглашением «трех восточных монархов» на съезде в Мюнхенгреце. Наряду с частыми полицейскими постами, поставленными на буковинских границах и бдительно проверявшими каждого их преодолевавшего, к обнаружению эмиссаров были привлечены местные крестьяне, получавшие денежное вознаграждение за каждого пойманного конспиратора.
- ¹⁶ Юнкер — здесь в значении воспитанника офицерского военного училища. По р. Збруч проходила в ту пору граница между Россией и Австрией.
- ¹⁷ Злочев (ныне Золочев) — город во Львовской области на Украине. В рассматриваемую пору относился к территории Галиции.
- ¹⁸ Мигурский не вполне точно воспроизводит цитату из I акта III части поэмы А. Мицкевича «Дзяды»:

Вот смех-то! Полно, ксендз, надеяться на бога!
Ну, пусть я вор, шпион — подобных званий много,
— Пусть турок, австрияк, татарин иль пруссак,
Чиновник царский пусть, — чего скулить: «Мой боже!»,
Коль Василевский мертв, нас в яму кинул враг,
А царь царит!

(Мицкевич А. Дзяды / пер. В. Левика // Мицкевич А. Собр. соч. — М.: ГИХЛ, 1952. — Т. 3. — С. 149).

- ¹⁹ Пултуск — город в русской части расчлененной Польши.
- ²⁰ Королевство — разговорное сокращение от «Королевства Польского» — официального названия той части коренных польских земель, которая с 1815 г. входила в состав Российской империи.
- ²¹ Тарнополь — прежнее название современного города Тернополь, центра одноименной области (ныне — в Украинской Республике).
- Название упомянутого округа происходит от его административного центра в г. Чорткове (выше по течению р. Серет, левого притока Днестра, от места, на котором расположен Та(е)рнополь).
- Корона — разговорное обозначение Королевства Польского.
- ²² Сандомеж — город в Польше, на левом берегу р. Вислы. Относился к Келецкому воеводству. С 1815 г. находился на территории Королевства Польского, входившего в Российскую империю. В прежней русской литературе было распространено наименование этого же города в форме «Сандомир» и употреблялись производные, образованные от последней.
- ²³ Монета, введенная австрийскими властями на территории Галиции, называлась рейнским злбтым.
- ²⁴ Разрабатывая версию, мотивирующую для властей свой выезд из Австрии, Винценты Мигурский не только назвал именем брата своей возлюбленной, Антони Висьнёвского, но использовал также имя своего собственного брата, Вацлава Мигурского, находившегося в действительности в эмиграции во Франции. Там же находился и другой его брат, Юзеф, к тому времени собиравшийся вступить в брак и осесть на постоянное жительство в Безансоне, приняв французское подданство.
- ²⁵ Рáдом — город в центральной части Польши, административный центр воеводства.
- ²⁶ «Московские» в смысле «русские». В польском языке в XIX — начале XX в. использовался ряд слов, родственных данному и производных от исторического названия «Московия» или «Мос-

- ковское государство», в том числе и слово «мóскаль»). Наряду с этим изначальным объективным смыслом данных названий в них нередко вкладывался и обидный, оскорбительный оттенок.
- ²⁷ Этот дворец был сооружен в Варшаве во второй половине XVIII в. как резиденция Генриха Брюля — могущественного министра при королях Речи Посполитой из Саксонской династии — Августе II и Августе III. Здание, являвшееся наиболее интересным из варшавских дворцов в стиле рококо, было взорвано гитлеровскими захватчиками в 1944 г.
- ²⁸ Варшавская цитадель (официально названная Александровской) была сооружена после подавления Ноябрьского восстания по приказу Николая I — «для предупреждения в будущем беспорядков в Варшаве, за счет города, который несет вину за последний бунт». На территории крепости, в X Павильоне, царские власти разместили самую большую в Королевстве Польском политическую тюрьму, через которую прошли тысячи человек и впоследствии сделавшуюся печально знаменитой. X Павильон начал функционировать во второй половине 1834 г., и Винцен-ты Мигурский оказался одним из первых его узников. Фамилии упоминаемых мемуаристом коменданта генерала Б. — Барышников, а плац-майора К. — Калиновский.
- ²⁹ Локоть — мера длины, применявшаяся в Польше с давних времен и несколько варьировавшаяся в различные периоды и в различных регионах страны. Трудно точно определить, какой конкретный ее вариант имеет в виду мемуарист Мигурский. В описываемую им пору в Королевстве Польском, откуда он был родом, использовался (официально в 1819—1848 гг., фактически же — до 1917 г.) новопольский локоть, равнявшийся 576 мм. В галицийской же части Польши, из которой происходила Альбина Мигурская, до 1856 г. применялся львовский локоть, равный 596 мм. Существовал также и краковский локоть, составлявший 711 мм.
- ³⁰ Имеется в виду существовавший в описываемую пору в Варшаве книжный магазин, основанный в 1809 г. Натаном Глюксбергом (1780—1831), известным также и своей книгопечатней, с 1819 г. действовавшей при Варшавском университете и выпускавшей в свет много ценных изданий, в том числе сочинения

выдающихся польских поэтов Зыгмунта Красиньского и Юль-яна Урсына Немцевича.

- ³¹ Раморино Джироламо — генерал, в период Ноябрьского восстания командующий корпусом, перешел вместе с ним в 1831 г. границу Австрии — на территорию тогдашней ее польской провинции Галиции.
- ³² В опубликованном следственном протоколе (от 27 мая 1835 г.) говорилось, в частности, что врач, вызванный в связи с покушением автора записок на самоубийство, «не был в состоянии в тот момент определить степени слабости Мигурского, высказал, однако, мнение, что допрашивание его могло бы иметь значительное воздействие на увеличение его слабости». В связи с этим следственная комиссия была вынуждена отложить намечавшиеся допросы изобличенного ею эмиссара польской эмиграции.
- ³³ Имеется в виду наместник русского императора (короля польского) в Королевстве Польском — Иван Федорович Паскевич (1782—1856). После подавления польского Ноябрьского восстания в 1831 г. (в частности, взятия штурмом Варшавы русскими войсками под его командованием) ему был пожалован титул «Светлейшего Князя Варшавского» и состоялось его назначение наместником в русскую Польшу. На этом посту он беспрерывно находился до своей кончины (20 января 1856 г.), проводя политику национального угнетения и русификации.
- ³⁴ Приходится констатировать, что в данном описании мемуарист явно лукавит, представляя собственные признания следственной комиссии как «неизвестно чьи показания». Между тем в официальных следственных материалах сохранились его достаточно искренние и подробные свидетельства, много позднее обнаруженные и опубликованные в 1916 г. польским историком А. Краусхаром. (В нашем предисловии и комментариях к запискам В. Мигурского содержатся неоднократные упоминания об этой публикации, также используются приводимые в ней данные.) Любопытно, что сообщенные Мигурским сведения привлекли внимание высшей российской администрации и самого Николая I, посчитавшего необходимым ознакомить с ними австрийские и прусские власти для использования в проводимой с польскими оппозиционерами борьбе.

Что же явилось причиной столь внезапной перемены в поведении будущего мемуариста, поначалу, как видно из его рассказа (что подтверждено и документами), самоотверженно борющегося за сохранение своей конспиративной деятельности в тайне? Задавшийся этим вопросом А. Краусхар высказал мнение, что Мигурский, пребывавший длительное время под арестом в ходе расследования его дела, обнаружил характерные симптомы так называемого тюремного психоза, установленные учеными-психиатрами в подобных же ситуациях у подследственных заключенных, над которыми постоянно тяготели неопределенность их положения и грозящее в перспективе наказание. Нам представляется, что такой подход к решению вопроса не лишен оснований. Видимо, было бы целесообразно проанализировать с точки зрения современной психологии весь поведенческий феномен Мигурского. Но даже по самим его мемуарам нетрудно установить, что ему был присущ легко возбудимый (неуравновешенный) тип характера и взрывной темперамент. Первый раз эти черты поведения повлияли на признание им дотоле скрываемого подлинного своего имени в ходе следствия. Далее нужно отметить, что осуществление Мигурским попытки самоубийства (шестикратное вбивание в собственное тело лезвия ножа, в том числе в область сердца), на которую он пошел сознательно, действуя в соответствии с этикой, принятой в конспиративной среде (из опасения невольного предательства, предпочитая ему смерть), свидетельствует о личной самоотверженности и мужестве, безусловно стоивших герою этих воспоминаний немалых душевных усилий. Вовсе не удивительно, что неожиданный провал столь мучительных усилий покончить с собой должен был привести Мигурского к огромному психическому потрясению, так или иначе сломавшему прежнюю логику его действий.

³⁵ Краковске Пшедмесъче — одна из главных и красивейших улиц Варшавы. Прага — правобережная (по Висле) часть Варшавы.

³⁶ Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт, основоположник и яркий представитель литературного направления революционного романтизма. Мемуарист, по всей вероятности, имеет в виду следующий отрывок из 1-й песни его поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда»:

И Чайльд запел, а белокрылый бриг
Летел туда, где ждал их берег дальний,
И в шуме темных волн тонул напев прощальный
«Прости, прости! Все крепнет шквал,
Все выше вал встает,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.
Пльвем на Запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!»

(Байрон Джордж Гордон. Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон Жуан / пер. В. Левика.— М.: Худож. лит., 1972. (Библиотека всемирной литературы. Серия 2-я. Литература XIX века).— С. 37).

³⁷ Уральск (до 1755 г. — Яицкий городок) — город, ныне областной центр в суверенном Казахстане. Расположен в степной местности, при слиянии р. Урал (Яик) и ее притока — Чаган. Был основан как военная крепость в 1613 г. и являлся центром Яицкого казачьего войска, которое в 1667 г. поддерживало С. Разина, а во время крестьянской войны Е. Пугачева сделало город одним из опорных пунктов восстания. В 1775 г., после казни Пугачева, указом Екатерины II город был переименован в Уральск «для предания всего случившегося полному забвению» и отнесен к Астраханской губернии. С 1782 г. Уральск входил то в Астраханское, то в Оренбургское генерал-губернаторство. Переименованное в Уральское казачье войско, было в начале XIX в. подчинено строгим военным порядкам, использовалось для несения военной службы на юго-восточных пограничных линиях, а также включалось в действующую армию, участвуя почти во всех войнах России, в частности в завоевании Средней Азии. В Уральске был размещен постоянный русский военный гарнизон, куда и был направлен на службу Винценты Мигурский.

³⁸ Под этим названием подразумевались казахи. В прошлом их ошибочно называли «киргиз-казаками», «киргиз-кайсаками» и просто «киргизами». Киргизы и казахи рассматривались как единый народ.

- ³⁹ В 1756 г. английская Ост-Индская компания, центром деятельности которой была Калькутта, спровоцировала войну с бенгальским навабом. В результате победы при Плесси в июне 1757 г. компанией была подчинена вся Бенгалия, что явилось началом английской территориальной экспансии в Индии.
- ⁴⁰ Здесь Мигурским дословно употреблено характерное для польской разговорной традиции выражение: «из Кáлишского». Оно указывает на исторически существовавшее с начала XIV в. воеводство, вошедшее с 1815 г. и в рамки Королевства Польского. В описываемый мемуаристом период эта территория имела статус губернии (с 1838 по 1844 г.). Впоследствии ее неоднократно преобразовывали: вначале в повят (уезд), а из него — вновь в губернию. Название указанной территории происходит от ее административного центра — г. Кáлиш.
- ⁴¹ Ново-Александровское укрепление располагалось на полуострове Мангышлак, на побережье Каспийского моря (ныне это территория Республики Казахстан). Основано оно было в 1834 г.
- ⁴² Лях — устарелое название поляка, употреблявшееся, частности, в русской разговорной практике с древних времен и все еще распространенное в пору, описываемую Мигурским в своих мемуарах. Ср. также с коммент. 10 к тексту данных воспоминаний.
- ⁴³ Калабрак — вероятно, название какой-то картежной игры.
Ирония Мигурского заключается в том, что он на русский манер образовал отчества к именам двух виднейших исторических деятелей. Александр Македонский (Александр Великий) являлся сыном македонского царя Филиппа II. Отцом будущего императора Франции Наполеона I был корсиканский адвокат Карло Буонапарте. Малообразованному и недалекому коменданту, не сведущему в подобных исторических нюансах, подумалось в его наивном невежестве, что Мигурский в разговоре с ним намекает на особу российского императора Александра I. Отсюда и происходит его «поправка» мнимой «ошибки» мемуариста — в отчестве, как он искренне полагал, русского монарха: Александр Павлович.
- ⁴⁴ Желёнка Михал (в монашестве — о. Кандид) (1797—1860) — инспектор гимназии и приор монастыря доминиканцев в Грод-

но. За содействие некоторым участникам «экспедиции Ю. Заливского» был сослан в Оренбург на поселение и подчинен надзору полиции. Только в 1839 г. с «монаршего соизволения» он был утвержден ксендзом Отдельного Оренбургского корпуса.

- ⁴⁵ Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — генерал-адъютант (1833 г.), генерал от кавалерии (1843 г.), впоследствии граф (с 1855 г.). В 1833—1842 и в 1851—1857 гг. — военный губернатор Оренбургской губернии и командир Отдельного Оренбургского корпуса. Руководил военными операциями русских войск, направленными на присоединение к России сопредельных регионов Средней Азии.
- ⁴⁶ Немцевич Юльян Урсын (1757—1841) — польский писатель, общественно-политический и культурный деятель. Представитель патриотической группировки в польском обществе. Адъютант Т. Костюшко в восстании 1794 г. Среди разнообразных литературных произведений им были созданы знаменитые «Исторические песни» (1816 г.). На эти тексты была написана музыка, и они начали исполняться по всей стране. В донесениях высокого царского сановника в Польше графа Н. Н. Новосильцева отмечалось, что «песни» Немцевича сделались «всеобщим букварем польского народа... возбуждали явный патриотизм... раздували рыцарский дух и стремление подражать отважным предкам». «Песни» получили известность и в России и, в частности, оказали заметное влияние на творчество К. Ф. Рылеева.
- ⁴⁷ Фома Кемпийский (Томас Хемеркен) (ок. 1380—1471) — католический мыслитель, монах. Уроженец г. Кампена (Кемпена) в Нидерландах. Являлся автором ряда религиозных трактатов, из которых наибольшую известность и распространение получила написанная на латинском языке его книга «О подражании Христу» (ок. 1418), переведенная на все европейские языки. Можно предположить, что В. Мигурский допустил ошибку, назвав именно эту книгу молитвенником.
- ⁴⁸ «Нашей войной» мемуарист называет польское Ноябрьское восстание 1830—1831 гг.
- ⁴⁹ Мемуарист неоднократно задает себе и читателям тот самый риторический вопрос «за что?», который Л. Н. Толстой, не знавший

о существовании записок В. Мигурского, угадал гениальным чутьем художника и сделал лейтмотивом и заглавием своей повести, посвященной судьбе Мигурских (1906 г.). См. об этом подробнее предисловие к тексту публикации данных воспоминаний: Шостакович Б. С. Эти известные неизвестные Мигурские... — с. 28—29 и примеч. 15 к нему.

⁵⁰ Мигурский имел в виду так называемое «Омское дело». Под этим названием в историю вошли обстоятельства законспирированной подготовки в 1832—1833 гг. вооруженного выступления высланных на принудительную военную службу в составе Отдельного Сибирского корпуса пленных солдат и офицеров из повстанческой польской армии 1830—1831 гг. Раскрытие заговора, привлекшего к себе внимание высших царских правительственных инстанций, вызвало более чем трехлетнее судебное-следственное разбирательство, закончившееся суровыми приговорами. Отнесенных к первым разрядам виновности осудили на кровавое истязание шпицрутенами — через 1 000 человек по 6 раз каждого с последующим отбыванием бессрочных каторжных работ. Четверо поляков — ксендз Ян Серочиньский, Владыслав Дружиловский, Анатолий Загурский, Ян Врублевский — и русский солдат Владимир Милидин оказались забиты насмерть во время этой зверской расправы. Одного из подвергнутых таковой, польского врача Ксаверы Шокальского, спас от гибели его русский коллега Соколовский, настоявший, чтобы после 5 тысяч шпицрутенов этому осужденному перенесли оставшуюся часть наказания на иное время. В данном контексте нельзя не удивиться вновь пронизательности Л. Н. Толстого, в своей повести о Мигурских убедительно показавшего, какое воздействие дошедшие до Уральска вести об «Омском деле» и об учиненных властями по отношению к его участникам жестокостях оказали на душевное состояние Винценты, но в особенности — Альбины. (Так же, как и о судьбе Мигурских, основные данные об «Омском деле» великий писатель почерпнул в «Сибири и каторге» С. В. Максимова.)

⁵¹ Мемуарист имеет в виду хивинский поход 1839—1840 гг. В ноябре 1839 г. из Оренбурга выступил пятитысячный отряд под командованием генерал-губернатора В. А. Перовского. Однако из-за крайне плохого снабжения необходимыми припасами в

условиях чрезвычайно суровой зимы от переохлаждения и болезней им было потеряно более половины личного состава и основная часть стада вьючных животных. Не достигнув Хивы, отряд был вынужден направиться назад и летом 1840 г. возвратился в Оренбург.

- ⁵² Город Петровск расположен в 103 км от Саратова.
- ⁵³ Бурмистр — полонизм в контексте записок. В Польше так назывался традиционно выборный глава исполнительного органа городского самоуправления. Мигурский смешивает этот термин с русским названием городничего — назначаемого должностного лица из дворян, возглавлявшего административно-полицейскую исполнительную власть в уездных российских городах (до 1862 г.).
- ⁵⁴ Выделено в тексте разрядкой мемуаристом. Физиономист — специалист в области физиогномики — учения о якобы прямой связи между внешним обликом человека и его принадлежностью к определенному типу личности. Мигурский имеет в виду Иоганна Каспара Лафатера (1741 — 1801), швейцарского писателя, автора трактата «Физиогномические фрагменты...» (1775 — 1778).
- ⁵⁵ Фэлиньская Эва (1793 — 1859) — польская патриотка и писательница, деятельница организации «Содружество польского народа», руководимой революционером Шимоном Конарским. Подверглась ссылке на север Западной Сибири, где находилась на поселении в г. Берёзове в 1839 — 1841 гг., а затем была переведена в Саратов. Оставила известные «Воспоминания о путешествии в Сибирь, пребывании в Берёзове и Саратове», опубликованные на польском языке в Вильно в 1852 — 1853 гг. Подробнее об этом см.: Шостакович Б. С. Эти неизвестные известные... — примеч. 4 к данному предисловию с соответствующими библиографическими данными и коммент. 1 к настоящей публикации текста воспоминаний В. Мигурского.
- ⁵⁶ В тексте записок выделено разрядкой самим мемуаристом.
- ⁵⁷ В данном описании часть истории легендарного происхождения. Но верно то, что отец великого русского писателя-баснописца И. А. Крылова (1769 — 1844) был армейским офицером и участвовал в сражениях против Пугачева. Сам будущий

- писатель сохранил детские воспоминания о пугачевской осаде Оренбурга и впоследствии рассказывал о них Пушкину. Станица Озёрная действительно была связана с событиями пугачевского восстания. Любопытно, что мемуарист проявил очевидный интерес к этим страницам прошлого российской истории и культуры.
- ⁵⁸ Основной причиной подобных недоразумений было не до конца свободное владение В. Мигурского русским языком. В описываемом случае обращенный к нему вопрос скорее всего содержал просьбу предъявления доказательств его сословной принадлежности (к дворянству), ошибочно понятую им как требование подтверждения факта своего собственного рождения.
- ⁵⁹ Гений — у древних римлян сверхъестественное существо, хранитель мужчин, а также защитник семьи, дома, общины, города и государства.
- ⁶⁰ Понтий Пилат — римский наместник Иудеи в 26—36 гг. н. э. Его правление отличалось крайней жестокостью, массовыми насилиями и казнями без суда. В евангельском рассказе о суде над Иисусом Христом говорится, что Понтий Пилат, утвердив смертный приговор Христу, умыл руки, чтобы снять с себя вину за казнь (отсюда выражение — «умыл руки»).
- ⁶¹ Самсон — древнееврейский мифический герой, наделенный необыкновенной силой и отвагой. Сказания о нем включены в библейскую «Книгу Судей». В их числе есть история о приходе Самсона в Газу, где у ворот города его подстерегали враждовавшие с ним местные жители филистимляне. Самсон поднял ворота Газы вместе с косяками и запорами и отнес их на вершину горы по дороге к Хеврону. Газа — существующий до наших дней город на юге Палестины, у побережья Средиземного моря.
- ⁶² Плутон (иначе Аид) — в древнегреческой мифологии бог подземного мира и царства мертвых, также именуемого Аидом (по-гречески «невидимое», отсюда — ад). Орфей — мифический певец из Фракии, изобретатель музыки и стихосложения. Его музыка заставляла растения склонять ветви, камни сдвигаться, укрощала диких зверей. Жена Орфея, нимфа Евридика (Эвридика) погибла от укуса змеи. Чтобы вернуть жену, Орфей спу-

стился в ад. Звуки его музыки укротили Кербера (Цербера) — трехголового пса, выпускающего в Аид всех и не выпускающего никого, исторгли слезы у богинь мщения Эриний, растрогали жену Плутона Персефону. Орфею было позволено вывести из Аида умершую Евридику.

- ⁶³ В сущности, этот приговор «по военно-судному делу, произведенному при Оренбургском ордонанстаузе» (иначе говоря, комендантском управлении), был лишь предварительным и подлежал еще окончательному утверждению — так называемой конфирмации в высших инстанциях. Эта процедура, как хорошо видно из записок, растянулась на многие месяцы.
- ⁶⁴ Такое титулование Николая I объясняется тем, что он, как и все российские императоры начиная с Александра I, по отношению к Королевству Польскому являлся королем.
- ⁶⁵ Цинциннат Луций Квинций — древнеримский политический деятель. Патриций. Консул в 460 г. до н. э., диктатор в 488 г. до н. э. В 439 г. до н. э. подавлял восстание плебеев. Согласно античной традиции, представленной древнеримским историком Титом Ливием и в других исторических сочинениях, Цинциннат славился образцом добродетели, простоты и храбрости. Он будто бы проводил большую часть жизни в деревне, занимаясь хлебопашеством, но, верный гражданскому долгу, взял на себя диктаторские полномочия и спас от гибели римские войска, окруженные племенами вольсков и эквов. Детали жизни Цинцинната являются недостаточно достоверными.
- ⁶⁶ Бенкендорф Александр Христофорович (1781 (1783) [?] — 1844), граф (с 1832 г.). С июля 1826 г. до конца жизни (23 сентября 1844 г.) — шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии — органа политического сыска и управления высшей жандармской полиции в Российской империи.
- ⁶⁷ Эти письменные ходатайства Альбины Мигурской, задержанные местными властями и включенные в следственное дело по поводу побега и поимки В. Мигурского, хранятся в нем до настоящего времени в Государственном архиве Оренбургской области.

- ⁶⁸ Речь идет о состоявшемся в 1841 г. бракосочетании будущего российского императора Александра II (1818–1881) с гессен-дармштадтской принцессой Максимилианой Вильгельминой Августой Софией Марией, принявшей имя Марии Александровны (1824–1880), и о приуроченном к этому событию «Всемилошвейшем манифесте» об амнистии «политическим преступникам».
- ⁶⁹ Описываемая Мигурским «декларация» в отношении него глагола буквально следующее: «генерал-аудиториат конфирмацией своей полагал его, Мигурского, не подвергая определенному наказанию, от суда освободить, а как по прежним его поступкам чело- века вредных наклонностей и образа мыслей, отправить на службу в дальние Сибирские батальоны. Каковая конфирмация в 9 день июля 1841 года утверждена Государем Императором».
- ⁷⁰ Альбина Мигурская вместе со своей служанкой Магдаленой Параскевой Закшевой находилась под арестом в ожидании разбирательства возбужденного против них дела в гражданском суде. Только в феврале 1842 г. Оренбургский уездный суд вынес решение, которым обе женщины были «учинены от дела свободными». Это наконец позволило им последовать за отправленным в Сибирь В. Мигурским.
- ⁷¹ Город Уфа, где Мигурский встретился с оренбургским гражданским губернатором, в рассматриваемый период являлся центром Оренбургской губернии.
- В написании фамилии губернатора мемуаристом допущена ошибка. Правильно — Талызин, Иван Дмитриевич. О нем см. подробнее коммент. 3 к воспоминаниям Ю. Ручиньского (вместе с соответствующим контекстом последних), публикуемым в книге. Также необходимо обратить внимание на принципиальное расхождение указанных двух мемуаристов в оценках личности И. Д. Талызина.
- ⁷² Сенека Луций Анней (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский государственный деятель, философ и писатель. Воспитатель Луция Домиция Аганобарба, ставшего римским императором Нероном Клавдием Цезарем в 54 г. н. э. Поначалу юный император оставался под влиянием Сенеки, но впоследствии обвинил его в причастности к заговору оппозиции и приказал умереть. Сенека вместе с женой Паулиной Помпеей вскрыли себе вены.

Однако Паулине по приказу императора не дали погибнуть. Долго проболев от потери крови, она скончалась лишь через несколько лет.

- ⁷³ Горчаков Петр Дмитриевич (1785–1868) — князь, генерал от инфантерии, в 1836–1851 гг. — генерал-губернатор Западной Сибири и командующий Отдельным Сибирским корпусом. Его брат Михаил Дмитриевич (1793–1861) — князь, генерал от артиллерии, русский военный деятель, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг., русско-турецкой войны 1828–1829 гг., подавления Ноябрьского польского восстания в 1831 г., интервенции русской армии против венгерской революции в 1849 г., командующий войсками на Дунае, а затем в Крыму во время войны 1853–1856 гг. В 1856–1861 гг. являлся наместником Королевства (Царства) Польского. При нем 8 апреля 1861 г. были допущены расстрелы царскими войсками многолюдной патриотической демонстрации на улицах Варшавы, в результате чего было убито свыше 100 человек (по некоторым данным, более 200) и еще больше ранено.
- ⁷⁴ Штубендорф Юльян (Юлий Иванович). В описываемую пору служил военным врачом Отдельного Сибирского корпуса. Подробнее о нем см. в данной книге коммент. 12 к воспоминаниям Ю. Ручиньского (а также в соответствующем контексте последних).
- ⁷⁵ Литания — вид католической молитвы, во время которой на возгласы проводящего службу священника верующие согласованно откликаются установленными фразами, взывающими к Богу или к Богородице.
- ⁷⁶ Янушкевич Адольф Юльян (1803–1857) — ссыльный повстанец 1831 г., имел по женской линии родственное отношение к Тадеушу Костюшко. Обучался в Виленском университете, был в близком знакомстве с Адамом Мицкевичем. Ссылку на поселение отбывал в Западной Сибири (Тобольск, Ишим; 1832–1841 гг.). В 1841 г. переехал в Омск и поступил на службу в Пограничное управление «сибирскими киргизами» (казахами). В течение более чем десятилетней службы неоднократно выезжал в казахскую степь, хорошо узнал и полюбил казахский народ и природу края, оставил ценные материалы по его истории.

Чеплиньский Павел (ок. 1812 — после 1856) — польский дворянин с Гродненщины, офицер. Подвергся ссылке на поселение в Западную Сибирь с лишением прав состояния и конфискацией имущества (первоначально был даже приговорен военным судом к смертной казни за то, что, находясь на службе в русской армии, в группе товарищей пытался бежать в Литву для присоединения к Ноябрьскому восстанию. В пору, описываемую В. Мигурским, был допущен на канцелярскую службу в Сибирском пограничном управлении киргизами в Омске, где находился в близких дружеских контактах с А. Янушкевичем. В 1845 г. получил разрешение вернуться на родину, но без возвращения офицерского звания и с установлением за ним тайного надзора полиции (снят с него в 1856 г.). (См.: Śliwowska W. *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku.* — Warszawa: Wyd-wo DiG, 1998. — S. 107).

⁷⁷ См. коммент. 49 к тексту данных воспоминаний.

⁷⁸ Село Александровское расположено в 76 км от Иркутска, на правом берегу Ангары. В начале XVIII в. там был открыт винокуренный завод, где работали ссылные каторжане и поселенцы, в том числе и по политическим делам. Позднее, с 70-х гг. XIX в., место это приобрело всеобщую известность в связи с расположившимся там же так называемым Александровским централом (т. е. Центральной пересыльной каторжной тюрьмой), наводившим страх на всю Россию.

⁷⁹ Мигурский называет «Союзом Конарского» конспиративную патриотическую организацию «Союз польского народа». Подробнее о ней и о ее участниках (сокращенно называемых «конарщиками» от фамилии своего руководителя — Шимона Конарского) см. примеч. 12 к данным воспоминаниям В. Мигурского, а также разделы других публикаций данной книги: предисловие Б. С. Шостаковича к мемуарам Ю. Ручиньского — с. 302—307 и коммент. 1 — с. 477—478.

⁸⁰ Имена перечисленных В. Мигурским ссылных конарщиков еще встретятся нам в разделах, содержащих мемуарное наследие некоторых из этой группы ссылных, в том числе и упомянутого здесь Юльяна Сабиньского.

- ⁸¹ Михальская Франчишка Ксавэра, жена Фрыдерика и мать Люцьяна Михальских, конарщиков, осужденных на каторжные работы в Сибири. Была в числе первых польских женщин, последовавших, подобно Альбине Мигурской, за своими мужьями в сибирскую ссылку. См. о ней подробнее коммент. 20 к мемуарам Ю. Ручиньского.
- ⁸² Так Мигурский именует декабристов, собирательное название которых, как известно, утвердилось далеко не сразу и в пору написания данных записок не было еще общеупотребительным. В с. Урике под Иркутском в описываемый период сложилась своеобразная колония вышедших на поселение декабристов.
- ⁸³ Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865) — декабрист, князь, генерал-майор. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, член Союза благоденствия и Южного общества, один из директоров Каменской управы. В описываемую мемуаристом пору проживал на поселении в с. Урике, неподалеку от Иркутска, с женой Марией Николаевной (1805—1863), дочерью генерала Н. Н. Раевского, и всей семьей.
- ⁸⁴ Пятницкий Андрей Васильевич (1790—?) — действительный статский советник, иркутский гражданский губернатор в 1839—1848 гг.
- ⁸⁵ Трубецкая Екатерина Ивановна (урожд. Лаваль) (1800—1854) — княгиня, жена князя Сергея Петровича Трубецкого (1790—1860) — декабриста (полковника, участника Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, одного из организаторов Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества, избранного диктатором намечавшегося на 14 сентября 1825 г. выступления на Сенатской площади, куда он не явился). В 1827 г. одной из первых жен декабристов последовала за мужем в ссылку на каторгу в Забайкалье.
- ⁸⁶ В оригинале издания воспоминаний Мигурского имеется приложение под названием «Объяснения». Автор в нем сообщает, в частности, что Байкал — «величественное» озеро, находится «недалеко от Иркутска», ибо всего в 60 верстах от него, «местный люд называет морем. Традиция же утверждает, — поясняет он далее, — что покойный иркутский губернатор Лавинский (Алек-

сандр Степанович Лавинский (1776—1814) — действительный тайный советник, генерал-губернатор Восточной Сибири. — *Б. III.*) «не придавал значения этому народному выражению и, переправляясь через Байкал, назвал его не морем, а озером. Слова эти вызвали такой отклик и такую месть Байкала, что носило его несколько дней по байкальским водам (вещь дотоле неслышанная) и едва не лишило жизни. С той поры местные жители предупреждают каждого из проплывающих по Байкалу, чтобы остерегался называть его озером, а если кто-то из переправляющихся через него чиновников все же назовет его этим именем, пугая простолюдинов, то перевозчик, глядя со страхом на такого и желая хотя бы несколько смягчить гнев Байкала, осеняет себя крестным знаменем».

⁸⁷ Ксендз Ян Богуньский (1801—1846) был сослан на каторгу в Восточную Сибирь за причастность к «экспедиции Юзефа Заливского». Находясь первоначально в Александровском винокуренном заводе близ Иркутска, он совершил неудавшуюся попытку побега в группе польских ссыльных, возглавляемой героем Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. Пётром Высоцким. После поимки «как буйный и непокорливый фанатик» Я. Богуньский был приговорен к 500 ударам шпицрутенов и высылке на Нерчинскую каторгу.

Врач Антони Бопрэ (1800—1872) был одним из главных обвиняемых на киевском процессе конарщников. Приговоренный к 20 годам каторжных работ, он отбывал наказание на Нерчинском заводе в Забайкалье. (О нем также см. коммент. 19 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.)

⁸⁸ Антиох — имя сирийских царей из династии Селевкидов, осуществлявших эллинизацию Востока. Возможно, Мигурский имеет в виду Антиоха II Теоса, правившего в 261—246 гг. до н. э. и среди прочего завершившего длительные войны с Египтом миром с царем Птолемеем II Филадельфом и браком с его дочерью Береникой (248 г. до н. э.).

⁸⁹ Настоятелем Забайкальского прихода был ксендз Кириак Филиппович (? — ?). С ним связаны многие факты поддержания нелегальных контактов между декабристом М. С. Луниным в Акатуе и его коллегами в Иркутске.

Указывая на то, что ксендз Богуньский совершил похоронный обряд над умершей Альбиной, «хотя и без священнического облачения», Винценты имеет в виду, что этот священник как политссылный, каторжанин был лишен права официального осуществления богослужебной деятельности. Богуньский Ян (1801–1846) — ксендз, ссылный «заливщик» и участник побега, возглавляемого Пётром Высоцким. (Об этом см. также коммент. 66 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.)

⁹⁰ Граф Амурский — Муравьев Николай Николаевич, граф Амурский (1809–1881). В 1847–1861 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири. Проводил активную деятельность по изучению, освоению и заселению края и расширению торговли на Дальнем Востоке.

⁹¹ Мигурский метафорически уподобляет горы Нерчинского края Гибралтарской скале на южной оконечности Пиренейского полуострова (высота 425 м), расположенной у Гибралтарского пролива, соединяющего Атлантический океан и Средиземное море.

Говоря о «воротах и словах Данте над ними», автор воспоминаний подразумевает фразу, вложенную великим итальянским поэтом Данте Алигьери (1265–1321) в собственные уста, согласно сюжету его поэмы «Божественная комедия» (1307–1321; часть «Ад»). Как герой «Божественной комедии», Данте в сопровождении знаменитого римского поэта Вергилия, автора «Энеиды», следует через Ад и Чистилище к Земному Раю — символу разума, ведущему людей к земному счастью. По ходу такого умозрительного путешествия оба поэта ведут свой диалог. В том числе при входе во врата Ада Данте обращается к Вергилию и к читателям поэмы со следующими словами:

Входящие, оставьте упованья.
Я, прочитав над входом, в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне»

(Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. с итал. М. Л. Лозинского. — М.: Слово/Slovo, 2003. (Великие книги мира). — Ад. Песнь третья. Стих. 9 [1–12]. — С. 18).

⁹² «Всемирное обозрение» — название известного французского периодического издания.

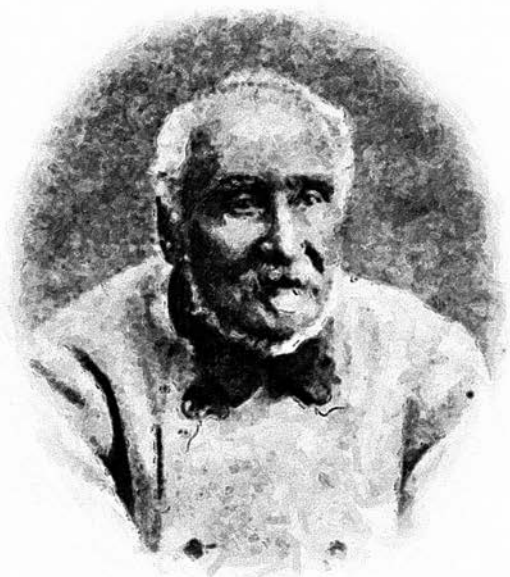
- ⁹³ Мигурский не вполне точен в данном вопросе. В 1858 г. (16 (28) мая) Н. Н. Муравьевым был подписан с китайской стороны договор в Айгуне, согласно которому Китай признавал переход к России левого берега р. Амур от р. Аргунь до устья. Граница, проведенная вскоре вслед за этим в так называемом Уссурийском крае (между р. Уссури и Охотским морем, включая и правобережье Амура в нижнем его течении, была утверждена Пекинским трактатом, подписанным русским представителем с китайской стороны в 1860 г. (14 ноября).
- ⁹⁴ Помилование «даровалось» манифестом об амнистии от 26 августа 1856 г. В отношении В. Мигурского в предписании военного министра от 16 октября 1857 г., сделанном на основании «Высочайшего Государя Императора повеления об облегчении участи лиц из политических преступников, состоящих на службе в войсках в Восточной Сибири», говорилось следующее: «рядового Сибирского линейного № 14 баталиона Викентия Мигурского уволить в отставку, если пожелает, с предоставлением ему права поступить в гражданскую службу в Восточной или Западной Сибири канцелярским служителем, но без возвращения его на родину».
- ⁹⁵ Какие-либо дополнительные уточняющие сведения о Людвиге Шульце и его семье не удалось установить.
- ⁹⁶ Действительно, в Государственном архиве Иркутской области сохранились документальные копии неоднократных ходатайств Н. Н. Муравьева-Амурского перед вышестоящими инстанциями об изъятии «Высочайшего соизволения» на возвращение В. Мигурского на родину. 15 мая 1859 г. военный министр Сухожанет уведомил генерал-губернатора Восточной Сибири, что такое разрешение было предоставлено Мигурскому. Однако в силу недоразумения ему было предложено выехать в Киевскую губернию, а не в Царство Польское, откуда он был родом. Согласование этого вопроса между инстанциями продолжалось до середины сентября 1859 г., когда наконец наместник князь П. Д. Горчаков согласился «водворить унтер-офицера Мигурского на жительство в Царстве Польском с учреждением за ним секретного надзора и с воспрещением ему отлучаться в столичные губернии Империи».

ЮСТЫНЬЯН Р УЧИНСКИЙ

К О Н А Р Щ И К

ВОСПОМИНАНИЯ О СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КОНАРЩИК ЮСТЫНЬЯН РУЧИНЬСКИЙ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ О СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

В российской исторической ментальности польская политическая ссылка первой половины XIX в. обыкновенно связывается с участниками польского Ноябрьского (1830—1831 гг.) национально-освободительного восстания. Что касается каких-либо иных польских освободительных движений и организаций той же эпохи и ссылки их участников в Сибирь, то сколько-нибудь определенное представление о таковых практически отсутствует не только у большинства российской читающей публики, но даже и у профессиональных историков. Красноречивым подтверждением сказанного может служить уже называвшаяся нами в другом разделе книги многотомная «История Сибири» — самый крупный и в советский период авторитетный коллективный труд по данной теме, где в соответствующем хронологическому периоду томе из польских политссыльных фигурируют (да и то представлены чрезвычайно кратко) исключительно повстанцы 1830 г.¹

Читатель, уже успевший познакомиться с первым разделом антологии польской мемуаристики — записками В. Мигурского и драматичной судьбой супружеской четы Мигурских, вероятно, обратил внимание, что мотивом высылки В. Мигурского явилась его принадлежность к так называемым заливщикам — эмиссарам из «экспедиции Ю. Заливского» 1833 г. Если начать отсчет этапов политических репрессий царизма против участников польского национально-

¹ История Сибири. — Л.: Наука, 1968. — Т. 2. — Гл. 10, 5. — С. 474—480.

освободительного движения первой половины XIX в. от эпохи, представленной вниманию читателя фигурой В. Мигурского, то Юстыньян Ручиньский относится уже к следующему этапу и представляет в данной антологии уже иную польскую конспиративную патриотическую организацию. Эта принадлежность мемуариста, вне всякого сомнения, хорошо осознавалась как им самим, так и его современниками. Об этом наглядно свидетельствует уже заглавие публикуемых ниже воспоминаний Ручиньского, ибо в самое начало его оказывается вынесен термин «конарщик».

Совершенно не случайно тот же термин использован и нами — в заглавии данного предисловия — в качестве существеннейшей характеристики Ю. Ручиньского. На наш взгляд, этот термин не просто отражает органическую связь мемуариста с историей одного из значительных разделов польского общественно-освободительного движения, он принципиально важен для адекватного постижения миропонимания и психологической атмосферы, свойственных данному мемуаристу и отразившихся в известной мере в его произведении. Поскольку же слово «конарщик» в русском обиходе неизвестно подавляющему большинству, кроме немногочисленных специалистов, необходимо пояснить, что оно означает как по буквальной своей этимологии, так и по более широкому ассоциативному ряду исторических фактов и событий, оказывающихся с ним в непосредственной связи.

Название «конарщик» закрепилось за участниками существовавших на землях Украины, Литвы и Белоруссии отделений тайной демократической организации «Содружество польского народа». Образовано оно было от имени основателя последних, выдающегося деятеля польского освободительного движения Шимона Конарского (родился в 1808 г. — расстрелян 27 февраля 1839 г. по приговору царского суда в Вильно (современный Вильнюс)). Ш. Конарский являлся участником Ноябрьского польского восстания 1830—1831 гг., после подавления которого эмигриро-

вал во Францию. Там он проявил себя как активный деятель карбонарского движения. Среди прочего Конарский участвовал в уже упоминавшейся «экспедиции Заливского» 1833 г. — неудавшейся попытке возобновления восстания в польских землях ², революционном походе итальянских карбонариев в Савойю в январе 1834 г., был одним из создателей организации «Молодая Польша», образованной в качестве федеративной части руководимого Дж. Мадзини тайного международного союза революционно-демократических организаций, известного под названием «Молодая Европа».

В качестве эмиссара «Молодой Польши» Ш. Конарский в 1835 г. (выражаясь словами из примечания о нем и о его организации, сделанного к польскому изданию воспоминаний Ю. Ручиньского) ³ «взял на себя миссию политического агента и тайно прибыл в страну (то есть в пределах бывшей Речи Посполитой.— *Б. Ш.*) с целью пропагандирования, насаждения и распространения обширного объединения на началах, обдуманых и разработанных эмиграцией». В соответствии со своими весьма радикальными воззрениями он намечал далеко идущий план действий по объединению всех демократических союзов и распространению расширенной таким образом организации на всю Польшу. Кроме того, им задумывались привлечение людей к революционно-освободительной деятельности, сбор оружия, а также (проект, даже в среде конспираторов наталкивавшийся на далеко не однозначное к нему отношение) выявление сведений о собственности и доходах имущих слоев польского общества, с тем чтобы все средства, которые бы превышали суммы, признанные (по им же предложенному расчетному критерию) максимально допустимыми, конфисковать на дело революции.

² Об этом см. в данной книге также коммент. 7 к «Запискам из Сибири» В. Мигурского.

³ Подробнее см. коммент. 1 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

Тайная демократическая освободительная организация «Содружество польского народа» (далее сокращенно именуется нами СПН.— *Б. III.*) была основана в феврале 1835 г. (в июле того же года был подписан ее устав) и действовала в обстановке конспирации на землях расчлененной Польши. Центр ее находился в Кракове — на территории самоуправляющейся так называемой Краковской Республики, окруженной территориями галицийской Польши, относившимися в ту пору к владениям Австрийской империи. Среди основных ее создателей и руководителей следует назвать повстанца 1830—1831 гг., конспиративного деятеля польского освободительного движения, одновременно являвшегося видным поэтом революционно-демократического течения в литературе Северына Гошынського, а также трех эмиссаров «Молодой Польши» — братьев Адольфа и Леона Залеских и Шимона Конарского.

По прибытии в Краков Ш. Конарский достаточно быстро сумел преодолеть обнаружившиеся идеологические разногласия с прежним руководством номинально уже оформившейся структуры СПН и сделался автором ее устава, в который заложил принципы, удовлетворившие всех участников этой организации. Устав включал в себя свыше 70 статей и исходил из аналогичного же документа «Молодой Польши». Главное его кредо нашло выражение в шести постулатах (забегая вперед, заметим, что как раз эти положения оказались и в основе программы отделений СПН, создававшихся позднее Конарским на землях бывшей Речи Посполитой в составе Российской империи), которые призывали: 1) сохранить национальность, 2) пробудить дух самоотверженности, 3) распространять просвещение, 4) исправлять нравы, 5) готовить аграрное население в качестве будущих защитников отечества и праведных граждан, 6) опровергать ложные мнения. В качестве цели устав определял «не только отвоевание Польши из-под чужого насилия, но кроме того омоложение... нации», результатом которого дол-

жно было стать всеобщее равенство. Эта задача объявлялась обязанностью и призванием не только отдельных людей, но и всего народа. В данной связи подчеркивалось, что подобное призвание человека и народа находится в неразрывном единстве с призванием всего человечества, ибо «люди всех стран являются между собой братьями... рассматриваемые как семья великого единого братства должны оказывать взаимную помощь в обретении и защите общей свободы. Человек, семья, каста, народ, наконец, желающий угнетать другой народ, становится врагом всех народов, то есть всего человеческого сообщества и как таковой союзными народами должен быть рассматриваем и преследуем»⁴. Таким образом, квинтэссенция цели, выдвигавшейся СПН, заключалась в воссоздании целостной независимой Польши, в государственном устройстве которой полностью ликвидировались бы феодалы в пользу принципов всевластия народа. Отсюда и происходит название этой организации.

Ш. Конарский, начав свою эмиссарскую деятельность в Кракове, затем нелегально перебрался на территорию западных губерний Российской империи. Именно здесь, в регионах Украины, Белоруссии и Литвы, его конспиративная деятельность достигла апогея. Указанный регион благодаря неукротимым энергии и решительности Конарского в относительно короткое время оказался покрыт сетью тайных ячеек Содружества. Здесь же необходимо заметить, что первоосновой создававшихся отделений организации Конарского на Украине (преимущественно на Волыни) послужила несколько ранее возникшая там структура так называемого Филодемического общества, руководимого незаурядным деятелем местной либерально-патриотической польской шляхты Каспером Машковским. Имя его еще встретится читате-

⁴ Здесь и выше изложение содержания и цитирование документов СПН осуществляется по работе: Łopuszański B. Stowarzyszenie Ludu Polskiego (1835–1841).— Kraków, 1975.— S. 25–26.

лю на страницах воспоминаний Ручиньского. Подобно едва ли не большинству упоминаемых в мемуарах его сотоварищей-конарщиков (в дальнейшем, как и он, оказавшихся в сибирской ссылке), он и сам вошел в СПН через организацию Машковского. В связи со сказанным приходится несколько подробнее остановиться на характеристике таковой.

Филодемическое общество складывалось из средней и мелкой польской шляхты волынского региона Украины. Читателю эти строки следует напомнить, что речь идет о территориях, всего лишь за 30 лет до этого перешедших из польско-литовской государственности под российское управление, где польское господствующее сословие сохраняло сильные идейные позиции и соответствующую традиционную национально-государственную ментальность. Актив общества был представлен плеядой польской шляхетской интеллигенции, людей в большинстве своем молодых (в среднем их возраст был около 30 лет), обладавших прекрасным образованием и очевидной незаурядностью. Все они практически являли собою яркие индивидуальности, и это стало весьма наглядно уже в период их ссылки в Сибирь. Немало тому свидетельств содержат и публикуемые нами мемуары.

Взгляды участников этой организации были, в сущности, достаточно радикальны, хотя ряд из них, включая и самого Машковского, довольно резко отзывался о демократии в том виде, в каком она им представлялась. При этом их программа носила сентиментально-моралистскую окраску, взывала к шляхте «сблизиться сердцем и умом с униженной, но в действительности самой достойной уважения и многочисленной частью польского народа» — крестьянством. Среди прочего в программе предлагалось: «удачно нацеленной на понимание крестьянина беседой создать у него убеждения, какими сами проникнуты; доказать ему словом и делом, что видим в нем равного нам человека, брата, сына будущей отчизны, что стремимся к общему и высшему счастью на земле, к общей для всех нас свободе». «Убедим же его,— говори-

лось там, — что мы предали вечному забвению и отвращению предрассудки, которые клеймили земледельца позорной печатью неволи... что, признавая в этом несправедливость, отрекаемся от нее и хотим ее ликвидировать и что только теперешнее правительство составляет препятствие нашему стремлению»⁵. Нельзя не признать, что сами по себе все перечисленные обращения к господствующему польскому словию, хотя и утопичные на практике, несли в себе позитивный идейный заряд.

Появление Ш. Конарского на Волыни и его стремление создать там отделение СПН на базе Филодемического общества не означало автоматического присоединения последнего к СПН. В идеологиях обеих названных организаций имелись определенные различия, а тактика «осторожных действий», характерная для общества Машковского, естественно, обнаруживалась в неприятии и резкой критике им «чрезмерного, безрассудного» (по меркам его участников) радикализма и энтузиазма Конарского⁶. Ради достижения поставленной цели Конарскому пришлось пойти на компромисс, сочетая в выработанной совместной программе позиции обеих сторон. Приводившиеся уже постулаты Филодемического общества были в ней дополнены рядом иных требований, также признанных руководством общества и для тогдашней расчлененной Польши весьма актуальных: республиканское государственное устройство в будущем, расчет на собственные национальные силы, а не на чужеземные правительства, отказ от ориентации лишь на элитарные магнатские слои общества. Прежнее название общества было сменено на СПН, а несколько позднее было утверждено и изменение прежнего его лозунга «Вера, Надежда, Любовь» на «Свобода, Равенство, Братство».

⁵ Łopuszański B. Op. cit.— S. 241.

⁶ Подробнее см. коммент. 1 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

Краткое знакомство с общественно-политической средой, в которой происходила деятельность нашего мемуариста, в конце концов приведшая его в сибирскую ссылку, безусловно предполагает и взаимосвязанное с этим конкретное представление о самой его личности. Сразу же заметим, что персоналия Ю. Ручиньского изучена далеко не исчерпывающе даже в польской специальной литературе, в связи с чем в целом ряде аспектов его биографии обнаруживаются белые пятна. Собственно, лишь в самые последние годы, благодаря двум работам известного польского историка, профессора Викторьи Сьлиховской, отчасти дополненным рядом иных публикаций, в том числе и отечественных авторов, было положено начало специальному изучению этой темы⁷. Ниже мы попытаемся представить аналитичный синтез основных материалов о Юстыньяне Ручиньском, первый по указанной теме в существующих на русском языке изданиях.

Будущий ссыльный конарщик родился в 1810 г. на Волыни в семье польского шляхтича-землевладельца. Первоначальное образование он получил дома, а затем учился в знаменитом лицее г. Кременца, широко известном в пору его юности как образцовое учебное заведение и обеспечивавшем весьма высокий уровень обучения целому поколению польской молодежи — как шляхетского происхождения, так и выходцам из других социальных слоев⁸. Завершить там образование Ручиньскому не довелось. Он был «вызван домой для ухода за больной матерью», а затем занялся хо-

⁷ См.: Śliwowska W. Ruciński Justynian // Polski Słownik Biograficzny. — Wrocław etc., 1991. — Т. 32. Z. 135. — S. 585—586; Tenże autor. Materiały do historii zesłańców syberyjskich. Justynian Ruciński — Gustaw Ehrenberg — Aleksander Krajewski // Pamiętnik Literacki. — 1990. — Т. 81. Z. 1. — S. 149—177; Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII—XIX вв.). — Иркутск, 1995. — С. 55—58, 77, 79, 84.

⁸ Подробнее о Кременецком лицее и его истории см. коммент. 9 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

зяйственной деятельностью в деревне, порученной ему отцом⁹. Сказанное отнюдь не следует понимать таким образом, будто бы Ручиньский остался недоучкой.

Об обратном свидетельствуют и последующая его деятельность (в частности, издатели его воспоминаний рассказывают, что он перебрался в Житомир «для административно-правовой практики, которая тогда, наравне с сельским хозяйством, входила в состав обычных занятий шляхты»¹⁰), и оставленные им мемуары.

Наконец, сохранилась весьма красноречивая оценка, данная Ю. Ручиньскому его современником Николаем Мамаевым — русским офицером, волею обстоятельств познакомившимся с ним в пору пребывания в Житомире на службе в должности адъютанта волынского губернатора и по той же причине соприкоснувшимся с процессом следствия и суда по делу организации Конарского. Человек этот, среди прочего обладавший (в данном случае важно специально подчеркнуть это) прекрасной университетской подготовкой, много лет спустя в своих воспоминаниях характеризовал нашего мемуариста как «молодого человека светлого, блестящего ума, милого, любезного, прекрасно образованного, отличного музыканта, страстного в душе; личность самую симпатичную». Сходство возраста (разница всего в два года), «одинаковая жажда познаний, моя квартира в доме его тестя, все это сблизило нас,— указывает Н. Мамаев,— а превосходство его воспитания, его начитанность, многосторонность сведений вынуждали меня искать и дорожить его общением»¹¹.

⁹ См.: Od wydawców // Ruciński J. Konarszczyk. 1838—1878. Pamiętniki zesłania na Sybir.— Lwów, 1895.— S. 9, 10.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Мамаев Н. И. Записки // Ист. вестн.— 1901.— Т. 86, № 11.— С. 69—70.

В то же время, по словам издателей воспоминаний Ручиньского, мемуарист сохранил «горькое воспоминание о домашнем и школьном обучении. Сетовал на то, что не было оно приспособлено ни к возрасту, ни к развитию ребенка, и потому чрезмерно перегружало его ум, а также страдало излишней энциклопедичностью, не дающей никакой специальности, которая позволила бы в дальнейшей жизни осуществлять какое-либо занятие с удовлетворяющим сознанием досконального владения этим предметом». «Может быть, так и было, — отмечают далее издатели, — однако Ручиньский не менее определенно признавал, что то гражданское чувство, та чуткость к общественным потребностям, недостаткам и нуждам, которые его не оставили до смерти, имели свой исток в той духовной атмосфере, которая окружала кременецкую молодежь под здоровым веянием ученого, гражданина, куратора школ Чацкого и граждан профессуры»¹².

В последующей биографической канве Ю. Ручиньского обнаруживаются существенные пробелы, на которые уже обратили внимание специалисты. Так, профессор В. Съликовская прямо указывает, что имя нашего мемуариста, с одной стороны, отмечается практически всеми авторами работ, посвященных Ш. Конарскому, но с другой — никому из них не удалось точно установить его роль в этой конспирации. Поиски В. Съликовской в архивах (в том числе в оригинальных документах следствия, проводившегося в Киеве по делу организации СПН) позволили лишь установить, что Ручиньский, по собственным его показаниям, лично познакомился с Ш. Конарским, принял его у себя в доме и получил от него программу СПН, ознакомившись с которой вступил в эту конспиративную организацию. Кроме того, он активно содействовал вербовке новых членов в СПН, а также посредничал в тайной доставке из-за границы запрещенных изданий. В результате исследовательница биографии этого

¹² Od wydawców. — S. 9.

конарщика приходит к однозначному заключению, что он «не выполнял в тайной организации никаких функций»¹³. Однако все отмеченное не помешало властям предрержающим усмотреть в Ручиньском одну из ключевых фигур в руководящем составе конарщиков. Уже упомянутый выше царский офицер Мамаев писал в своих воспоминаниях, что Ручиньский был «одним из самых деятельных членов общества Конарского, даже чем-то в роде секретаря»¹⁴.

В СПН Ручиньский оказался вовлечен через среду Филлодемического общества, с которым находился в контакте несколько ранее, примерно с 1835 г. Характерное и достаточно примечательное описание дается по этому поводу издателями его воспоминаний. Среди прочего сообщается, что оказавшийся в собственной деревне Юстыньян, наряду с хозяйственными заботами, вел «обычную в ту пору для молодого шляхтича легкую, веселую, светскую жизнь. Хотя ум его впоследствии посерьезнел, а условия жизни совершенно изменились, сохранил он до глубокой старости черты, характеризующие тогдашнего сельского шляхтича, веселость и остроумие, приветливость, охоту к проказам».

Серьезнейший «переворот в сознании и стремлениях будущего мемуариста произошел с момента, когда он вступил в союз молодежи... который останется в истории под названием союза Конарского, хотя эмиграционный эмиссар Шимон Конарский столкнулся с союзом уже существующим и разветвленным по целому краю и только придал ему более революционные черты, направил его на путь более подвижный, а будучи выслеживаем правительством и в конце концов схвачен, сделался невольной и невинной причиной открытия всего союза и вылавливания его участников. Судьба эта встретила Ручиньского уже в Житомире...»¹⁵.

¹³ Śliwowska W. Materiały do historii zesłańców... — S. 152.

¹⁴ Мамаев Н. И. Указ. соч. — С. 70.

¹⁵ Od wydawców. — S. 10.

4 мая 1838 г. Юстыньян Ручиньский женился на дочери адвоката Игнацы Миллера, Луцье. Эту молодую женщину (в момент вступления в брак ей было 20 лет), которая сыграла огромную роль в последующей жизни мемуариста, отличали замечательные черты характера: большая твердость духа, энергичность и предприимчивость. Одарена она была и многими талантами: прекрасно писала, играла на рояле, рисовала. Из перечисленных ее дарований особенно выделялось музыкальное, определившее профессиональную карьеру Л. Ручиньской как незаурядной пианистки, композитора и музыкального педагога ¹⁶.

По истечении немногим более четырех месяцев после женитьбы Ю. Ручиньский оказался арестован (22 сентября 1838 г.) и препровожден для следствия в Киевскую крепость. С этого начались долгие перипетии, приведшие его в сибирское изгнание. Как известно, последним Ручиньскому, подобно большинству его сотоварищей-конарщиков, был заменен первоначальный приговор — смертная казнь. Все последующее описано в мемуарах с той или иной степенью подробности, и мы не станем пересказывать непосредственное их содержание. Отметим лишь, что во многом участь нашего ссыльного конарщика-мемуариста сложилась относительно сносно и к нему в достаточно обозримые сроки был применен целый ряд поэтапных смягчений того осуждения на 20 лет каторжных работ, что было вынесено в начале ссылки. Это стало возможным благодаря неустанной самоотверженной борьбе его жены с влиятельным чиновным аппаратом за спасение близкого человека (видимо, под ее влиянием в этот процесс включались и высокие связи более широкого родственного окружения). В этом неравном состязании приходилось мириться с безнравственностью и корыстолюбием

¹⁶ См.: Śliwowska W. Materiały do historii zesłańców...— S. 152—153; Bibl. Narodowa. Rkps. akc. 8759. K. 48; Słownik muzyków polskich.— Kraków, 1967.— T. 2.— S. 156.

власть имущих. Особенно откровенным взяточничеством за послабления политссылным отличился клеветт всесильного генерал-губернатора Д. Г. Бибикова Н. Писарев, которому Л. Ручиньская была вынуждена заплатить за облегчение участи своего супруга, о чем последний прямо свидетельствует сам.

По выражению В. Сълиховской, знакомившейся с сохранившимися документальными архивными свидетельствами непрекращавшихся ходатайств Луцьи Ручиньской за мужа перед властями, она «сумела сдвинуть небо и землю, чтобы облегчить долю мужа»¹⁷, а затем и сама соединилась с ним на границе Сибири и Урала — в уездном городке Тобольской губернии Туринске. Ю. Ручиньский в мемуарах неоднократно касается как данного, так и других обстоятельств, связанных с его женой. При этом нельзя не заметить, что наряду с отдельными выразительно описанными мемуаристом эпизодами жизни в Туринске после прибытия туда его жены иные факты упомянуты им совершенно скупо. К числу последних относится, например, проблема трудного материального положения Ручиньских в туринский период ссылки (как выясняется, значительную лепту в разрешение такового вносила Л. Ручиньская своим преподавательским трудом), явно скудные данные о которой в рассматриваемых мемуарах могут быть существенно дополнены по другим выявленным документальным источникам¹⁸.

Таким образом, перед читателем разворачивается еще один историко-тематический фрагмент, как бы органически продолжающий (вслед за трагичной фигурой Альбины Мигурской), но уже на примере женской натуры абсолютно иного склада, историю судеб жен польских политических ссыльных в Сибири. Эта история, в свою очередь, естественно переключи-

¹⁷ Śliwowska W. Materiały do historii zesłańców...— S. 152—153.

¹⁸ Ibid.— S. 154.

кается с эпопеей их декабристских предшественниц. Однако в отличие от последней она в отечественной исторической литературе вплоть до настоящего времени почти не освещена и соответственно воспринимается широкой российской читательской общественностью как совершенно от нее обособленная тема из эпохи сибирской политссылки поляков первой половины XIX в., словно бы и не имевшая никаких примечательных фактических сибирско-польских параллелей того же самого периода. Между тем мемуарист на страницах своей книги не единожды сообщает о декабристах в сибирской ссылке: со многими ему довелось непосредственно встречаться, знакомиться и общаться; с некоторыми же у супругов Ручиньских завязалась настоящая многолетняя дружба.

Переходя далее к собственно характеристике самих воспоминаний Ю. Ручиньского, необходимо сразу же подчеркнуть, что этот неординарный исторический источник не ограничивается уже отмеченными тематическими направлениями. В действительности его содержание значительно шире и разнообразнее. Читатель найдет в нем и конкретные данные о том, как в конце 30-х гг. XIX в. осуществлялось этапирование политических ссыльных поляков, и уникальное описание уклада их жизни во время отбывания каторги в Забайкалье, на Нерчинских заводах (включая изложение устава так называемого Огула (Сообщества) польских политссыльных, разработанного в подневольных условиях и содержащего неукоснительные правила поведения в организованной ими совместной коммуне)¹⁹, и примеры повседневно-

¹⁹ До сих пор в отечественной литературе все сведения на эту тему ограничивались расплывчатыми пересказами из «вторых рук», в основе которых лежит описание данного сюжета еще в начале 1870-х гг. этнографом и очеркистом С. В. Максимовым, в свою очередь являющееся достаточно вольным переложением соответствующего отрывка из книги А. Гиллера о Забайкальском крае. (См.: Максимов С. В. Сибирь и каторга. — Ч. 3: Политические и государственные преступники. — СПб., 1871. — С. 47–52.) О соотношении очеркового творчества А. Гиллера

ных взаимоотношений поляков с сибиряками, вклада первых в местное просвещение, культуру, хозяйство и многое другое.

В современной польской исследовательской литературе воспоминания Ю. Ручинского уже оказались определены как «архитекстуальный документ эпохи, представляющий сегодня большую библиографическую редкость (и это говорится даже в самой Польше! — *Б. III.*), заслуживающий старательно подготовленного переиздания»²⁰. Едва ли следует дополнять приведенную цитату какими-то специальными аргументами, чтобы подтвердить «архитекстуальность» и важность введения данного мемуарного документа в научно-культурный обиход сибирского региона и России в целом. Настоящее издание как раз и призвано сделать это²¹.

Перед тем как читатель сможет обратиться к непосредственному знакомству с воспоминаниями Ю. Ручинского, задержим его внимание на ряде моментов, относящихся к источниковедческому анализу публикуемого текста. Ведь и для широкого читателя, интересующегося историей, совсем не безразлично, насколько можно доверять представленному в книге мемуарному материалу, что в нем вполне досто-

с содержанием нескольких разделов широко известной в России книги С. В. Максимова подробнее см. в предисловии к разделу данной книги с публикуемыми фрагментами мемуарного наследия Гиллера.

²⁰ Śliwowska W. Materiały do historii zesłańców...— S. 149.

²¹ Нынешнему полному изданию ранее предшествовали несколько фрагментарных извлечений из этих воспоминаний, касающихся реляций Ю. Ручинского о его встречах с декабристами, включенных автором этих строк в первоначальный его исторический очерк на данную тему и в соответствующий раздел позднейшей его же монографии по сибирско-польской проблематике. См.: Шостакович Б. С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.).— Иркутск, 1973.— Вып. 1.— С. 264, 265—266, 274, 277, 278 и др.; Он же. История поляков в Сибири...— С. 39, 44, 46—47.

верно, а что следует воспринимать критически. На эти общие вопросы в значительной мере должны помочь ответить наши пояснения к отдельным местам мемуарного текста (см. комментарий к последнему). Однако необходимо сделать и несколько замечаний в целом по поводу публикуемых ниже воспоминаний.

Мемуары Юстыньяна Ручиньского по своему характеру относятся к отчетливому типу ретроспективных источников. Они писались автором на склоне лет, по прошествии 40 лет от начала того периода его жизни, о котором ведется рассказ в книге. Сравнительно точную хронологию создания мемуаров позволяет определить дата, проставленная в их конце: «18 декабря 1878 г.». По всей вероятности, эта дата должна указывать на конкретный момент завершения работы мемуариста над всей книгой, но можно лишь догадываться, сколько всего времени она писалась.

В оригинальном заглавии мемуарной книги Ручиньского также присутствует элемент хронологической условности. Обозначенные в нем даты «1838—1878» не вполне соответствуют конкретной периодизации содержания воспоминаний, где наибольшее внимание уделено времени пребывания автора в сибирской ссылке, а затем — ссылке и поселению в европейской части России. Важно в данном случае принять во внимание, что последний пункт принудительного жительства в России, Калугу, Ручиньский покинул в конце 1853 г. На все последующие жизненные перипетии Ручиньским отведено в тексте мемуаров менее трех страниц. В сущности, это уже не воспоминания, а скорее краткая ретроспективная справка о некоторых фактах из позднейшего раздела биографий самого мемуариста и некоторых близких ему лиц. Автору этого предисловия представляется вполне возможным предположить, что 1878 г. совершенно не случайно указан как время создания рассматриваемых воспоминаний. Тем самым конарщик Ю. Ручиньский своеобразно отметил памятное ему 40-летие расправы с организацией

СПН, положившей начало ссылке товарищей и собственной его одиссее ссыльного, вместившей около десятка лет, проведенных в различных частях Сибири и Приуралья, а затем и последующее пятилетнее пребывание на поселении в России.

Как и любому типичному мемуарному источнику, воспоминаниям Ю. Ручиньского объективно не могут не быть присущи некоторые слабые стороны: пробелы и недостаточная точность фактических данных, забытых за давностью лет либо же искаженных под воздействием каких-то внешних факторов. Это общие негативные аспекты, достаточно характерные для подобного типа ретроспективных исторических источников. Однако в пользу того, что воспоминания Ручиньского если и грешат такого рода недочетами, то в самой минимальной степени, говорит целый ряд убедительных доводов.

Во-первых, легко удостовериться, что в самых разнообразных сообщаемых в воспоминаниях сведениях (из числа поддающихся проверке) память в целом почти не подводит автора, который в момент написания был уже пожилым (67 лет) человеком, но еще не глубоким старцем.

Во-вторых, сам мемуарист засвидетельствовал, что в отдельных своих конкретных описаниях он опирался на сохраненные им письма жены, по которым последовательно сверял необходимые подробности²². В связи с этим вторым обстоятельством следует заметить, что автору настоящего предисловия посчастливилось обнаружить в рукописном собрании Польской библиотеки в Париже оригиналы двух писем супругов Ручиньских периода пребывания их в изгнании в Туринске²³. К конкретному содержанию этих эпистолярных источников мы еще вернемся в ходе непосредственного комментирования текста воспоминаний Ю. Ручинь-

²² См. об этом коммент. 16 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

²³ Biblioteka Polska w Paryżu. Rkps. 478/2. K. 163–168.

ского. Сама же по себе указанная находка позволяет предположить, что мемуарное наследие этой семьи, вполне вероятно, в дальнейшем будет пополнено и другими сохранившимися его источниковыми составляющими. Тем самым в распоряжении будущих исследователей может постепенно оказаться весьма достоверная документальная основа для анализа этих воспоминаний.

В-третьих, польские издатели воспоминаний Ручиньского в своем предисловии к ним, представляя читателю мемуариста, к тому времени уже покойного, сообщали, в частности, о его «записной книжке, в которую он заносил как впечатления текущего времени, так и памятные свидетельства прошлого»²⁴. Следовательно, автор воспоминаний писал их не только «из головы», в его распоряжении имелись также и какие-то ранее произведенные записи. (Их дальнейшая судьба нам в настоящий момент, к сожалению, неизвестна.)

В-четвертых, мы располагаем еще одним принципиально важным для раскрытия данной темы высказыванием самого Юстыньяна Ручиньского, наглядно демонстрирующим, что он обладал хорошо осознанным, вполне зрелым собственным взглядом как на общественную значимость мемуаров, так и на необходимые требования, предъявляемые к их автору. Эти воззрения были высказаны им уже после их завершения — в переписке со своими товарищами по сибирской ссылке (имена их читатель неоднократно еще встретит в тексте воспоминаний Ручиньского вместе с нашими комментариями) — Хенрыком Голеевским и Каспером Машковским. Первому из них, работавшему в то время над собственными записками, он заявил: «Я был уверен, что ты заглядываешь в прошлое, что пишешь свои воспоминания. Бог тебе в помощь, ибо такая работа благодарна и полезна». И

²⁴ Od wydawców.— S. 9. Профессор В. Сьлизовская, также обратившая внимание на эти свидетельства, указывает, что «информация о судьбе этих бумаг отсутствует» (Śliwowska W. Ruciński Justynian.— S. 586).

здесь же он сообщал о выраженном в письме К. Машковскому своем отношении к его полемичным замечаниям, касающимся мемуарного творчества Х. Голеевского. «Написал я Касперу следующим образом: “Не могу понять, почему ты называешь ошибками цитируемые отрывки из писания Хенрыка. Ошибками в воспоминаниях являются вымысел или фальсификация фактов, что обычно совершает пишущий по слухам. Нельзя называть ошибкой суждение кого-либо о делах и людях. Суждение является правом каждого — проистекает оно из убеждения и личных взглядов, и, по той Божьей воле, что ни человек — то собственное мнение, что ни голова — то свой ум. Можно суждению одного противопоставить суждение другого, либо не убедить или не понять другого, либо остаться при своем. В каждом из таких случаев ни одна, ни другая сторона не совершает ошибку, а спорный вопрос отдается на суд общественный. Так бывает всегда, так и между тобою и Хенрыком. ...И это вовсе не будет ошибкой, поскольку и его, и твой суд могут быть несправедливы. Окончательно это рассудят те, кто когда-нибудь будет читать ваши писания”»²⁵.

Наконец, уже в-пятых, те же составители предисловия к мемуарам Ручиньского подчеркнули «простоту этих воспоминаний, доходящую, может, даже до чрезмерности, под воздействием опасения хотя бы в наименьшей степени разойтись с правдой, которое склонило автора к написанию только того, что он сам изведal и на что глядел собственными глазами. Если вследствие этого воспоминания проигрывают в красочности и не хватает им многих подробностей, очень интересных для широкой общественности, то настолько же они выигрывают в достоверности, и изучение их, подобно общению с упомянутыми в них людьми при их жизни,

²⁵ Ruciński J. List do Golejewskiego H. (11.05.1882. Żytomierz) // Golejewski H. Pamiętnik.— Kraków: Wyd-wo Literackie, 1971.— Т. 2. Aneks.— S. 327—328.

должно дополнительно воздействовать на младшее поколение»²⁶.

Действительно, можно во многом согласиться с высказыванием издателей воспоминаний Ю. Ручиньского. Мемуары написаны ясным и доходчивым языком, глубоко логичны и лишены каких-либо нарочитых прикрас. Сказанное, однако, вовсе не означает, что они совершенно безукоризненны в своей откровенности. Нельзя не заметить в них и достаточно очевидные недомолвки.

Характеризуя рассматриваемые мемуары, автор предисловия к ним считает необходимым указать также и на собственные Ручиньскому зоркость наблюдений вместе с умением отбирать в них наиболее существенное и типичное. Примеры подобного рода (в частности, описание мемуаристом «старого ветерана» — туринского почтмейстера²⁷) вызывают невольные ассоциации с хрестоматийными персонажами из классических произведений великих мастеров русской литературы — Н. В. Гоголя или Н. С. Лескова.

За всеми отмеченными чертами воспоминаний Ю. Ручиньского хорошо прослеживается вызывающая к себе бесспорную симпатию фигура их автора — человека высокой культуры и ума, оценивающего происходившее вокруг него верно, глубоко и тонко, нередко с мягкой иронией, но при этом сохраняющего искренность и подкупающую простоту во всех своих проявлениях. Иначе говоря, мемуарный источник его авторства позволяет нам через временные границы соприкоснуться с подлинным в полном смысле этого слова интеллигентом своей эпохи, повествующим о пережитом в сибирском изгнании.

В настоящем предисловии говорилось уже о том, что вокруг персоналии самого нашего мемуариста остаются до сих

²⁶ Od wydawców. — S. 11.

²⁷ См. с. 427 — 429 воспоминаний Ю. Ручиньского, публикуемых в данной книге.

пор белые пятна. В частности, это упоминавшаяся неясность в отношении конкретных функций, которые исполнял Ю. Ручиньский в организации Ш. Конарского. По этому поводу рассматриваемые мемуары хранят полное молчание, что совершенно невозможно объяснить желанием автора не отступать от правды им пережитого. И то, что период по возвращении из ссылки почти обойден в данном повествовании, также отмечалось уже нами. Наиболее же интригует наблюдение, которым первой поделилась в своей работе В. Сьли-вовская. Она отметила, что период ссылки в Сибирь, а тем более калужского поселения мемуарист изложил далеко не во всех подробностях и со значительными пробелами. Причиной же этого она сочла нежелание Ручиньского даже через четверть века после ссылки «возвращаться памятью» к отдельным эпизодам, «особенно если речь идет о раскрытии нелегальных начинаний, которые продолжались подобным способом следующими поколениями польских сибиряков»²⁸. Все эти и им подобные специфические особенности рассматриваемых мемуаров нужно также принимать во внимание при последующем знакомстве с ними.

Небезынтересным для читателя воспоминаний Ю. Ручиньского должно стать знакомство с обстоятельствами осуществления их польского издания. Они были опубликованы три года спустя после смерти самого мемуариста, во Львове, в 1895 г., и с тех пор в полном виде никогда не переиздавались. Издатели и авторы предисловия, их предваряющего, не сообщили что-либо о себе хотя бы иносказательно. Их имена — Леон Сырочиньский и Станислав Рошковский — оказались раскрыты и обнародованы все тем же польским историком-исследователем, биографом Юстыньяна Ручиньского В. Сьлиховской²⁹.

²⁸ Śliwowska W. Materiały do historii zesłańców...— S. 150.

²⁹ Śliwowska W. Ruciński Justynian.— S. 586.

Благодаря сведениям, любезно сообщенным автору данного вступительного раздела профессором Викторьей Сълизовской, у него теперь есть возможность познакомить читателя с некоторыми биографическими данными обоих польских публикаторов мемуаров Ручиньского. С. Рошковский являлся сыном близкого товарища мемуариста, конарщика Адольфа Рошковского и последовавшей за ним в Сибирь супруги Антонилли. Он был уроженцем Иркутска, где появился на свет в 1844 г. Ко времени опубликования воспоминаний Ручиньского сам С. Рошковский уже отбыл ссылку в Енисейской губернии как повстанец 1863 г. Деятелем группировки «красных» в том же польском Январском восстании 1863 г. был и Л. Сырочинский, впоследствии ставший горным инженером, профессором и ректором Львовского политехнического института, избравшийся председателем Общества ветеранов 1863 г.

Судя по приведенным фрагментам биографий обоих названных лиц, есть основания предположить, что они далеко не случайно занялись изданием воспоминаний Ручиньского. Столь же очевидно, что специальное, прямо направленное изучение их деятельности помогло бы разрешить еще не одну проблему, связанную с рассматриваемыми нами мемуарами.

В частности, это послужило бы ключом к выяснению, как велась подготовка ко львовскому изданию оригинального авторского текста воспоминаний и насколько при этом он подвергался редакционной правке и изменениям. В свою очередь, это позволило бы внести коррективы во встречающиеся разночтения в мемуарах при окончательной современной научной обработке таковых.

Как и в иных публикуемых текстах этой книги, при подготовке перевода воспоминаний Ю. Ручиньского соблюдалось по возможности единообразие написания терминов и названий, а все особые случаи в этом отношении специально оговорены в комментариях. Орфография написания польских

имен и фамилий принята публикатором в наиболее современной форме, то есть максимально приближена к польскому произношению и направлена на передачу его специфики средствами русской фонетики. Тем самым заменяются до сих пор еще традиционно широко распространенные, но устаревшие по своей сути и во многом русифицированные формы.

Б. С. Шостакович

KONARSZCZYK.

1838 — 1878

PAMIĘTNIKI ZEŚŁANIA NA SYBIR

JUSTYNIANA RUCIŃSKIEGO.

LWÓW.

JAKUBOWSKI & ZADUROWICZ.

Z drukarni i litografii Pillera i Spółki.

1895.

Юстыньян РУЧИНЬСКИЙ

КОНАРЩИК *

1838–1878

ВОСПОМИНАНИЯ О СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ

В мае 1838 года в Житомире проходил съезд жителей со всей Волынской губернии. Собравшаяся шляхта выбирала из среды своей уездных и губернских чиновников.

Во время выборов распространилось тревожное известие о поимке и взятии в Вильно под стражу эмиссара Конарского. Вскоре и по всей стране начались многочисленные аресты. Злополучная очередь дошла до меня. Меня арестовали утром 21 сентября, а вечером 22 сентября я уже был заключен в Киевскую крепость, наряду с большим числом узников, арестованных ранее. Удар этот свалился на меня спустя четыре с половиной месяца после свадьбы, так как я женился 4 мая того же 1838 года ¹.

Жена моя Луцья, урожденная Миллер ², вскоре приехала в Киев и заботилась обо мне в течение всего времени пребывания моего в тюрьме, которое длилось почти полгода. Виделся я с ней редко и непродолжительно, таковы были правила. В середине февраля 1839 года приговором военного суда я был осужден на смертную казнь. Приговор этот при высочайшем утверждении заменен был на 20 лет каторжных работ в Сибири. Приговоры оглашали узникам в момент высылки их в изгнание.

Семьи долго не знали о вынесенных приговорах. Лишь спустя время прекратили молчание и сказали правду.

Весть, что вывозят арестантов, распространилась по Киеву за несколько дней до того. Власти не опровергали извест-

* Перевод с польского Л. К. Фридман, Б. С. Шостаковича.

тие и даже разрешили женам видаться с мужьями и попрощаться окончательно. Позволили также приготовить каждому небольшой дорожный сверток. В последний раз увиделся я и простился со своей женой 23 февраля 1839 года. Не зная, что будет со мной, я обещал написать письмо, в котором, если будет написано один раз «будь здорова», значит, меня сослали в великоросские губернии, если же два раза «будь здорова», то это будет означать, что я осужден в солдаты. Ведь воображение наше не простиралось дальше этого, и солдатчина, по всеобщему убеждению, считалась самым тяжелым наказанием. Тем временем 24 февраля вечером зашел в мою тюрьму плац-адъютант Афанасьев, сделал описание моей внешности, спросил о моем возрасте, чему и где я учился, что умею, затем просмотрел приготовленный узелок, переписал находящиеся в нем вещи, объявил, что они конфискуются в пользу государства, но при этом попросил, чтобы я подарил ему серебряные ложку и ложечку, которые нашел в узелке; а разглядев на руке моей золотое обручальное кольцо, протянул руку к нему, говоря ласково: «Поедете в Сибирь, где все это не нужно, а мне пригодится». Но насколько охотно, а вернее, бессознательно отдал я ему ложки, настолько решительно не отдал кольцо, сказав, что разве обрежет его с пальцем. Тогда он перестал настаивать, опустил ложки в глубокий карман и, согласовав таким образом служебную обязанность с личной пользой, вышел, чтобы, по видимому, сделать то же самое в других тюремных камерах.

Организм мой имеет то странное свойство, что я полностью теряю сон, когда обеспокоен; но когда огорчен или сильно угнетен, сплю мертвым сном. В таком сне прошла у меня эта роковая ночь, последняя на родине. Проснулся я довольно поздно. Кто раз в жизни испытал подобное пробуждение, тот знает, что такое несчастье.

Я еще не знал, какая судьба меня ждет. Знал только, что буду в Сибири. Каким образом подготовить бедняжку жену

к этому неожиданному удару? Написал к ней прощальное письмо и закончил его троекратным повторением «будь здорова», чтобы дать ей понять, что степень наказания выше, тяжелее, нежели солдатчина. Тюремный страж, благосклонный благодаря двузлотовому, взялся отнести это письмо, к выполнению своего обещания побуждаемый уверенностью, что получит еще вдвое от моей жены. Едва это произошло, как снова явился Афанасьев и забрал меня, вернее, отвез в другую тюрьму, в так называемые Московские ворота. Лишь там зачитал мне приговор. Тут же немедленно явились жандармы и кузнец. Меня заковали в полупудовые (8 килограммов) кандалы, усадили в кибитку между двумя жандармами и повезли в неизвестные, неизмеримые просторы. Было это 25 февраля 1839 года.

На третий день сумасшедшей быстрой езды, где-то уже в Великороссии, впервые потекли у меня слезы и возвратилась трезвость рассудка. Наступили трескучие морозы. Плохо одетый, я бы замерз насмерть, если б жандармы не укрывали меня своими тулупами. Притом ощущал я тяжелый внутренний разлад, по-видимому, вследствие внезапного движения после длительного, в неподвижности, пребывания в тюрьме.

Снега были глубокие, выбоины, как волны, вдоль всего тракта, глубокие и непрестанные. Помню, из Орла вывезли меня ночью, на протяжении одной станции сани опрокидывались более десятка раз. Вылетали жандармы, вываливался я, как мяч. Меня, беспомощно из-за массивных оков лежащего на снегу, стражи мои поднимали и усаживали в сани до следующего опрокидывания. Измученные жандармы, добравшись до станции, поневоле дали мне отдохнуть, дожидаясь рассвета. Молодые в то время силы все это вынесли. Провидение везде и всюду нас опекало. Везли меня все дальше и дальше. В некоторых городах, в Москве, в Казани, в Перми, сменяли жандармов. Меня заключали в тюрьму, пока не заканчивались формальности. Я постоянно был один. Только

лишь недалеко от Тобольска нагнал я на станции Адольфа Рошковского и узнал, что он — полностью мой товарищ. Наконец после трехнедельного путешествия въехал я в Тобольск. Жандармы остановились перед домом губернатора. Был им в то время некий Талызин³. Обошелся он со мной по-человечески, объявил мне, что в Тобольске уже находятся многочисленные мои товарищи, что всех увижу в тюрьме. Было это первым утешеньем в несчастье, подобно первому солнцу, что светит не грея.

Торопливо направился я в Тобольскую тюрьму, довольно далеко расположенную от города. Отворились двери просторной грязной избы, и я увидел сразу несколько десятков изгнанников, усталых, измученных до неузнаваемости. Ведь путешествие из Киева до Тобольска длится 20 дней. Никто из нас не отдыхал и не только белье не менял, но, закованный в кандалы, не снимал обуви. Лишь два дня спустя освободили ноги наши от тяжелого киевского железа и надели оковы легкие, приспособленные для последующего пешего странствия, которое нам предстояло.

Помню ли я спустя 38 лет всех скопившихся там? Были с Волыни: два брата Яжныны — старший Нарцыз, ксендз Локацкого прихода, младший — Леопольд, красивый, милый и способный молодой человек, год назад женившийся на красавице панне Анеле Пшигодской. Оба умерли от чахотки: Леопольд — в 1850 году в Воронеже, Нарцыза я проводил на житомирское кладбище в 1859 году. Маурыцы Кисель, старый ветеран, третий раз находившийся в неволе, ибо был в Москве с Наполеоном и участвовал в войне 1830 года, умер в Варшаве в 1872 году. Тэофиль Чапский, хромой, хороший поэт, жил в Ворончине, при генерале Крупиньском.

Фортунат Грабовский, мой сосед и друг с молодых лет, в настоящее время свояк, поскольку по возвращении на родину женился на сестре моей жены, овдовевшей Юлии, они до сих пор живут на Подолии в Лятычэве. Все они и я — из Владимирского уезда. Филипп и Кароль Олизары, Валеры

Жонжевский, Петр Цырына, Вацлав Ожешко из Луцкого уезда. Вольфганг Щепковский, известный скрипач из Дубенского уезда, Адольф Рошковский, год назад женившийся на Антонилле Фафиус, прелестной женщине, отец сосунка Вандзи. Марьян Подхородэньский, немолодой и болезненный, бывший судья Староконстантиновского уезда. Леопольд Немировский, способный, талантливый, достойный молодой человек. До сих пор живет в Ковельском уезде, где жили его родители. Валеры Коссаковский, зажиточный владелец поместья — умер недавно в Вене.

Из Подолии были: Йоахим Лесьневич, бывший штабной офицер польской армии, способный инженер; Яцек Гольинский, богатый владелец поместья; Юльян Сабинский, выдающийся лингвист, очень разумный и приятный товарищ, умер в Чернигове, кажется, в 1865 году; Людвик Янишевский, владелец поместья, старичок, седой как лунь, очень уважаемый — умер в Иркутске, не помню, в каком году; ксендз Кароль Хаас, профессор семинарии в Луцке, в настоящее время приходский священник в Смиле, в Киевской губернии. Ксендз каноник Зелинский, протоиерей из Кулек, местечка в Луцком уезде; ксендз Тыбурцы Павловский, монах, умер недавно, будучи викарием при Иркутском костеле ⁴.

Из Литвы были: Наполеон Новицкий, филарет, товарищ Зана и Мицкевича; Ежи Брынк, родной брат ксендза Людвика Брынка, бывшего протоиерея в Киеве, а затем викарного епископа в Житомире ⁵. Появился, наконец, совершенно незнакомый нам всем Томаш Мрозовский из Гродненской губернии, молодой пригожий брюнет. Сидел в Варшавской цитадели. В конце концов, отправленный в Киев, вследствие связей с киевской университетской молодежью, был там осужден. Ловкий, энергичный, даже авантюрный хитрец. Был с нами в Нерчинских рудниках. Выйдя затем на поселение, бежал из Сибири, направил по ложному следу правительственных преследователей и сумел добраться до Франции. Что с ним случилось далее, не знаю ⁶. Припоминаю себе еще

двоих: Люцьяна Михальского из Подолии, Войчеха Уминьского из Волыни. Последний служил в 4-м уланском полку во времена князя Константина ⁷.

Было в то время в Тобольске немало ссыльных от 1831 года ⁸, но ни одному из них не позволили видиться с нами. Навещали нас в тюрьме чиновники поляки. Приходил Михал Кузьминский, некогда мой школьный товарищ в Кременце ⁹, и Кожелло-Пахлевский, литвин ¹⁰, впоследствии сделавший в Сибири большое состояние. Оба были в то время чиновниками для особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири князе Горчакове ¹¹.

С исключительно трогательной благодарностью сохраняю в памяти образ дивизионного доктора и личного врача князя Горчакова Штубендорфа. Этот молодой человек из Дерптского университета, хоть и немец, оказывал нам благороднейшее сочувствие. Посещал нас почти ежедневно. Ежедневно присылал кофе или чай, щедро и хорошо приготовленные, с добавлением освященных изделий из теста, ибо в Тобольск попали мы на Пасхальные праздники. Каждому из нас дал полфунта почтовой бумаги и стальное перо, чтобы мы имели чем и на чем писать к семьям, если случится соответствующая возможность. Кроме того, взялся за организацию складчины, поскольку узнал, что все мы почти без гроша. Слышал я, что впоследствии дошел он до губернаторского поста ¹². Благослови Бог его и детей его, он заслужил это!

Существует порядок, по крайней мере был в то время, что нарушителей закона и преступников, прибывающих со всей России, отправляли из Тобольска вглубь Сибири раз в неделю в определенном количестве, называемом «партия». И нас также разделили на отряды и отправляли отрядами при партии. При этом был дан приказ, очень благоприятный для нас, чтобы нас с обычными арестантами не объединять, то есть чтобы в марше мы шли за партией, а на этапах размещались отдельно. Этапы — это казенные здания, совершенно

одинаковые, расставленные вдоль главной дороги от Тобольска до Иркутска и до Нерчинских рудников. Каждая станция — это полуэтап, где партия ночует, а через каждые две станции стоит этап, где партия уже весь день отдыхает, и этот отдых называется «днёвка». У каждого этапа свой начальник, офицер с командой, состоящей из нескольких десятков инвалидов и десятка с лишним конных казаков. Эта вооруженная сила сопровождает арестантов от полуэтапа, где встречает и принимает партию в свой этап, и далее, после дневки, до следующего полуэтапа. Так вот, при одной такой партии выслали нас восьмерых: обоих братьев Яжынов, Леопольда Немировского, Валеры Коссаковского, Томаша Мрозовского, Фортуната Грабовского, Адольфа Рошковского и меня. Вышли мы из Тобольска 1 апреля 1839 года. Еще стояла зима. Арестантские пожитки везли на санях.

И здесь начался быт, которому трудно дать подходящее название, но еще труднее дать полное представление о нем. Казалось, уж большей нужды нет на свете. К ней приводили: ежедневный 18—25-верстный переход в кандалах, ночлег в тюрьме на грязных досках, называемых «нары», нехватка белья, одежды и обуви, нищенская еда, а далее полный голод, слякоть, жара, морозы — и при этом надо было идти непременно дальше и дальше. Постоянное созерцание арестантов, их жизни, полной самого циничного распутства, обычно поощряемого подкупленным этапным командованием; полная оторванность от прошлого, необозримая сибирская пустыня, отсутствие каких-либо вестей об оставшихся женах и семьях и невозможность переслать им хотя бы слово, подать какой-либо признак жизни¹³, тяжкое изнурение тела физическим трудом, а души — беспокойствием и тоской — вот бледное изображение тогдашней горькой участи нашей.

Когда спустя много лет вспоминаю я то далекое прошлое, кажется мне иногда, что этого не было. А ведь было действительно и длилось 13 месяцев. И как-то пережилось все это. Молодость, достойные товарищи, спокойная совесть, а выше

всего Провидение, явное и несомненное, поддерживали нас, сохранили и спасли.

Письмо от жены моей, которое сейчас лежит у меня перед глазами, а голос которой доносится из другой комнаты, написано было 3 апреля 1839 года, но получил я его лишь в декабре в Иркутске. В то время когда она писала это письмо, я только что начал сибирское пешее странствие и был, по видимому, на втором этапе за Тобольском.

Вспоминаются мне некоторые подробности перед выездом из Киева и из путешествия в Тобольск. Жена моя при прощании давала мне в дорогу несколько сот рублей ассигнациями. Будто ведомый предчувствием, я не хотел их взять и просил, чтобы эту сумму прислала позднее в предназначенное место. Взял я лишь два полуимпериаля золотом и несколько рублей мелкими монетами. Деньги эти опустил в скрытый карман, который раньше делали под часы. Таким образом сохранились они при проверке моей особы. Более крупная сумма несомненно пропала бы.

Обдирали нас немилосердно, почему — я и до сих пор не знаю, ведь ни в Варшаве, ни даже в Вильно не допускали этой ненужной жесткости. Возможно, это было злоупотребление подчиненных и высшие власти об этом не знали. Одним словом, кроме одежды, которая была на мне, ничего решительно мне не оставили. Что же случилось с теми, кто нас судил и снарядил так безбожно?

Генерал-губернатор, впоследствии министр Бибииков кончил жизнь в немилости и в изгнании, ибо умер в Дрездене. Фаворит Бибиикова, потрясавший тремя губерниями и бесстыдно их обиравший, Писарев, дошел было до губернаторства в Олонецке. На этом высоком посту получил публичную пощечину. Выгнанный со службы, обманутый своим мнимым другом, при посредничестве которого брал деньги за уменьшение наказания осужденным либо за обещание уменьшения этого наказания, умер где-то в России в презрении и нужде. Жена же его, известная красавица, бросила

мужа и в результате распутной жизни погибла якобы в больнице. Другой член следственной комиссии, плац-майор Гайворонский, блеснул временно в качестве вице-губернатора. Вскоре был уволен со службы и исчез где-то в глубине Малороссии¹⁴. Плац-адъютант Афанасьев, что сдирал с нас последнее, дожил якобы век свой в Киеве. Был он наименее грешен, ибо не ведал, что творил. Это было двуногое создание, жирующее инстинктивно.

Следственная комиссия, в которой Писарев председательствовал как заместитель Бибикова, стала для него источником непомерных доходов. Судьба узников была отдана на откуп. Наказание измерялось не степенью вины, а количеством заплаченных денег. Кто мог дать и дал крупную сумму, был освобожден. Кто мог меньше, того высылали в ближние или более отдаленные губернии либо на несколько лет в солдаты. Кто не дал ничего, тот пошел на каторгу в Сибирь или, как университетская молодежь, в вечные солдаты на Кавказ. Вместе с нами арестован был Александр Будзиньский из Звенигородского уезда, молодой, красивый, состоятельный юноша, единственный сын у матери, урожденной Василевской. Озабоченная, достойная женщина решила спасти сына, невзирая на жертвы, хоть бы самой высокой ценой. Она первая купила освобождение своего единственного сына, кажется, за 18 000 рублей серебром. Взяв порядочный задаток и уверившись, что и остальное будет выплачено, Писарев приказал привести арестанта и наедине с ним произнес такую патетическую речь: «Слезам и просьбам вашей огорченной матери я не смог противостоять, ради нее преступаю свой долг, рассчитывая на ваше благоразумие. Вот доказательства, осуждающие вас, я их уничтожаю (и в этот момент находящиеся в руках бумаги бросил в огонь камина), садитесь и пишите то, что продиктую». Продиктовал и освободил. Эти подробности рассказывал мне сам Александр Будзиньский. Примеру госпожи Будзиньской последовали все, кто был в состоянии платить. Начались явные торги, как

на ярмарке. Писарев знал имущественное положение каждого. Не требовал сумм невозможных, но выдирали как можно больше. Мы потом приблизительно подсчитали, что это политическое следствие принесло Писареву чистой прибыли около 300 000 рублей серебром. Окунал ли руки в эту чистую прибыль Бибикив, с уверенностью сказать нельзя. Несомненно лишь то, что обо всем этом он знал во всех подробностях и со снисходительностью сатрапа платил мужу за покорные ласки блиставшей в то время красотой госпожи Писаревой.

По выезде из Киева на следующей станции застал я какого-то военного господина, который пил в соседней комнате чай. Он подошел ко мне и с некоторым волнением в голосе спросил, не может ли быть мне чем-нибудь полезен. Я воспользовался его любезностью и настоятельно попросил устно сообщить жене моей, что встретил меня в пути на сибирскую каторгу. Продиктовал ему адрес жены в Киеве, он записал его. Обещал мне сделать это и обещание исполнил. Впоследствии я узнал, что это был некий граф Потоцкий, флигель-адъютант императора. Далее на протяжении всей дороги до Тобольска не встретилось живой души, через кого я смог бы передать несколько слов бедной моей жене. Некоторым из товарищей повезло больше. В Москве, где каждого из нас задерживали более десяти часов для замены жандармов, навестил их московский губернатор и позволил написать семьям. Ко мне не заглянул никто, никто не подал мне стакана воды. Поместили меня в какой-то пустой холодной тюремной бане, ибо иного места не нашлось. Дрожал я весь от холода, а внутри ощущал невероятную жажду. Тюремный сторож принес мне в ковше арестантской каши и в кастрюле холодного кваса. Я попросил подогреть этот квас. Сжалился кацапина ¹⁵ и принес мне теплого кваса. Там было так ужасно, что я с нетерпением высматривал жандармов. Явились они наконец и повезли меня дальше. По такой причине не написал я из Москвы жене. В письме от 15 апреля 1839

года она упоминает: «Антолька получила письмо от мужа из Москвы, а я до сих пор от тебя — ни буковки». Долго пришлось ждать бедной, потому что я только из Тобольска мог написать и написал.

В письме, начатом 29 апреля, а законченном 5 мая 1839 года, жена сообщила мне, что получила от меня известие из Тобольска. Письмо это получил я в первых днях августа, в губернском городе Томске¹⁶. А во время его написания я находился в глубине Тобольской губернии и вместе с товарищами высиживал «веснование». В северных областях переход от холода к теплу происходит внезапно. В Сибири же можно сказать, что существуют лишь две поры года: зима и лето. В конце апреля — начале мая дни увеличиваются в два раза быстрее, чем у нас. Солнце начинает сильно пригревать. Тают снега, трещат толстые льды на реках, начинается быстрая, буйная вегетация, и в мгновение ока наступает лето. Все эти изменения в природе завершаются в течение трех недель, а иногда и быстрее. На этот короткий период прекращается всякое сообщение. Тогда по правительственным распоряжениям приостанавливается регулярное передвижение арестантских партий на всем протяжении тракта от Тобольска до Иркутска. Каждая партия остается на этапе там, где ее застал приказ, пока следующий приказ не велит ей выступить. Это называется «веснование».

Такой приказ ожидал нас на этапе, начальником которого был офицер господин Здоренко. Некогда был он отдан в рекруты и после многих лет достиг офицерского звания и полновластия на этапах. Такого сорта начальниками снабжены почти все этапы. И вот господин начальник сразу принял нас очень недоброжелательно, так как приказал нас поместить вместе со всеми арестантами. Такой приговор немало нас испугал.

Хоть и знали мы, что г. Здоренко поступает не по закону, но что поделаешь? Кому жаловаться? Сообразили мы кое-как, что дело во взятке. Складчина, собранная благородным

Штубендорфом в Тобольске, дала нам возможность откупиться и избежать ужасных неприятностей.

10 рублей ассигнациями полностью задобрили господина начальника, он даже начал нам оказывать и оказывал до конца особую благосклонность. Сразу же поместил нас в отдельной просторной и чистой избе, в которой нам действительно было удобно. Позволял выходить за пределы этапа без конвоя. Валеры Коссаковскому не запрещал охотиться, давал собственное охотничье ружье, когда узнал, что он охотник. Приглашал в свою офицерскую баню и сам исполнял обязанности банщика, чистя нас пучком березовых веток, называемым веником. Поэтому простились мы с бедным Здоренко с благодарностью, и я до сих пор благодарен ему. Человек из простонародья, прошедший жизнь в среде, где взятка была средством и целью бытия, что ж удивительного, что он желал и искал взятки? Но один раз взяв то, что, по его пониманию, свято ему полагалось, становился он после этого благосклонным, любезным и по-своему порядочным. Годы спустя, возвращаясь из Иркутска, хотел я его навестить, но его уже не было на этапе. За какую-то взятку, неосторожно полученную, потерял он должность и был отдан под суд. Кто каким оружием сражается, от такого и погибает.

Какая же была тогда наша доля! Само лишь воспоминание о ней страшно. Угнетали нас острая печаль и тоска по минувшему, безвозвратно утерянному и тем особенно дорогому. Пустота будущего, горе нескончаемое убивали всякую надежду. Каждый из нас в то время не был расположен к общению — был угрюм, молчалив, печален. Однако надо было чем-то заполнить длинные, однообразные дни, требовалось искать спасения, какого-то развлечения для тела и души. Не было у нас никаких книг, кроме Евангелия и молитвенников, не было ни малейшего контакта с миром. Этап стоял на равнине, покрытой бесконечно тянущимся березовым кустарником, вокруг пустыня без движения, без жизни. Необходимость вынуждала думать о пропитании. Каждое утро яв-

лялись торговки из какой-то близлежащей невидимой деревни и приносили различную снедь для веснующей партии. У этих женщин мы покупали хлеб, молоко и мясо. Мы разделились на четыре пары. Обязанностью каждой пары было по очереди готовить обед. Это были первые пробы кулинарного искусства, которое впоследствии развилось великолепно. Уже тогда два человека имели ежедневное механическое занятие, неизмеримо благотворное, так как оно помимо воли развлекало. Остальные высматривали обед — ведь в молодости при скромной жизни аппетит есть всегда. У них была поэтому какая-то на что-то надежда. Правительство выплачивало каждому 6 грóшей в день на питание, получалось 48 грóшей. В Тобольской губернии, очень дешевой, этого как-то хватало и голода не было. С утра каждый получал кружку молока с булкой, на обед — борщ или суп с крупой и с мясом, приготовленный в таком количестве, что хватало и на ужин. Появились шахматы из хлеба, выструганные из дерева шашки, шахматные доски — расчерченные на квадраты листы бумаги. Ксендз Яжына получил от Здоренко колоду старых карт. Так что после обеда садились за шахматы, шашки либо все общество играло в карты, припоминая по очереди самые разнообразные игры. Так прошло три недели, по истечении которых пришел приказ двигаться дальше.

В конце мая 1839 года мы приближались к Таре, первому на нашем пути уездному городу Тобольской губернии. Уже было тепло, даже жарко. В нескольких верстах перед городом догнала нас панна Паулина Вильчопольская. Мы не знакомы были с ней лично, но знали, что она содержалась под арестом в Киевской крепости вместе с другими дамами. Жила она в собственном имении, в Староконстантиновском уезде, а приговорена была к поселению в Сибири, в Таре¹⁷. Это была немолодая уже девица, тем не менее еще с некоторыми претензиями. Ее тарантас остановился, и мы стали приветствовать ее с любопытством и неподдельной радостью. Она обещала прийти к нам в Таре на этап для более обстоятельной

беседы. «Нет ли у вас табаку?» — спрашивали все мы, ибо недостаток этого лакомства понимал нас очень. Она нашла четверть фунта вакштафа, который мы поделили как можно тщательнее. «До свидания в Таре», — и тронулись вперед.

На следующий день мы уже находились в городе. Вильчопольская со своей горничной, молодой, красивой и очень расторопной волынской крестьяночкой, которая, хоть и крепостная, но добровольно поехала со своей госпожой в изгнание. Ссылные, позднее направленные в Тару, влюблялись в нее без памяти. Я никогда с ними не виделся и фамилий не помню. Знакомство было легким, а беседа неиссякаемой. Узнали мы, что пани Эва Фэлинская, мать будущего архиепископа Варшавского, вместе с панной Юзефой Жонжевской¹⁸, обе из Луцкого уезда, приговорены к поселению в Берёзове, в самой северной части Тобольской губернии. Также узнали мы, что после того как все мы были высланы, в Киеве распространилось известие, будто четырех наших товарищей причислили к первой категории и что они должны быть повешены. Это были Каспер Машковский, Антони Бопрэ, доктор, Пётр Боровский и Фрыдерык Михальский. Мы поверили этому печальному известию, ибо если нас, менее виновных, осудили так строго, то для них, признанных самими виновными, осталась только смертная казнь. И с этой поры стали мы читать «Ангел Господень» за упокой души мучеников¹⁹.

Мы пошли вперед. Сильно потеплело. Началась жара. Чтобы избежать зноя, партию выводили до наступления дня, между двумя и тремя часами ночи. Не всегда это помогало, особенно когда случался длинный перегон. Обычно давали две одноконные повозки под наш скудный багаж. Если возница, как правило владелец повозки, был человек добрый, что часто случалось, то можно было присесть и отдохнуть. Но иногда вместо двух телег была только одна. Тогда необходимо было постоянно идти пешком. Усталость тогда оказывалась огромная, едва хватало сил добрести до этапа.

Вторым и последним городом в Тобольской губернии был Каинск. Расположен он на самой границе Тобольской губернии. Здесь множество евреев, а так как там, где евреи, там должна быть торговля, то когда мы вошли в Каинск, показалось, что мы очутились в родном городке. По обеим сторонам тракта стоят деревянные лавчонки, по внешнему строению и внутреннему оснащению совершенно такие же, какие можно увидеть в волынских и подольских городах. Высыпала любопытная толпа с криками: «Ай, вай, панночки наши! Откуда вы? А как давно из дому? А куда идете? Ай, вай, несчастье!» Одна такая купчиха произнесла дважды, услышав мою фамилию: «Ну! Я помню пана Ручиньского, что делал отбор в Брусилове: может, это отец ваш?» Она была из Брусилова, а сослана в Сибирь за контрабанду. Отец мой, будучи владимирским судьей, действительно проводил отбор в имении наследников Тадеуша Чацкого. И побежала евреечка в свою лавочку и вручила мне несколько фиг и конфет, так как торговала бакалеей. Толпой эскортировали нас евреи к этапу, стоящему на другом конце городка. Там расхозяйничались полностью, задоблив всю этапную команду; принесли кипящий самовар, булок и угощали нас чаем. Хотели привести музыку, чтобы развеселить нас. Мы поблагодарили за излишнее выражение восторга, но такое сочувствие и любезность евреев-изгнанников искренне нас тронули. Так вот влияют на людей воспоминание и тоска. Святые чувства! Облагораживают каждого, но наиболее щедро того, кто в состоянии лучше оценить их и им следовать.

Ближе к Томской губернии природа становится красивее. До сих пор были равнины, покрытые карликовыми кустами, однообразные, скучные, теперь ландшафт стал красив и разнообразен. Появились холмы и березовые и кедровые рощи; кое-где в отдалении виднелась деревня над какой-то маленькой, неизвестной речушкой. Перемена эта напоминала разницу между нашим Полесьем и более красивой частью Волыни и еще более красивой Подолией. Был конец мая —

начало июня, так что весна была в полном расцвете, украшая своей прелестью даже самые непривлекательные места.

В этой-то местности, где-то далеко уже за Каинском, встретила нас неожиданная большая радость. Помню, проходили мы через красивый лесок, тянущийся по обеим сторонам тракта. Адольф Рошковский несколько поотстал и шел сзади на несколько сот шагов. Догоняет его какой-то сибирский крестьянин на одноконной повозке. Сняв шапку, спрашивает: «Вы один из поляков из этой партии?» Получив утвердительный ответ, извлек из-за пазухи пакет, вручил его Адольфу, стегнув лошадку, поспешно двинулся вперед. Взглянул Адольф на адрес и узнал почерк Антони Бопрэ. Вздвонанный, бежит к нам и запыхавшись кричит: «Живы наши, идут за нами, смотрите, вот доказательство!»

Как же велика была радость наша, душа воспрянула, и в ней появилась какая-то надежда. Так, может, не все для нас кончено и, может, милостью Божьей когда-нибудь выберемся из нынешней горькой участи. Лихорадочное нетерпение мы должны были сдерживать, поскольку было небезопасно разрывать пакет и читать письма в присутствии окружающих нас солдат. Надо было спешить на этап и лишь там читать и слушать, что пишут воскресшие. А сообщали они следующее: когда всех нас уже вывезли, когда выслали также университетскую молодежь в солдаты на Кавказ, а остальных арестантов — на поселение в Россию, тогда лишь с некоторой торжественностью зачитали им четвертым приговор к смерти через повешение. Каждому прислали исповедника и позволили написать семьям.

На третий день вывели их на площадь перед крепостью, где увидели они четыре виселицы, окруженные большим числом военных, стоящих под ружьем. Всех четырех ввели на помосты, палач уже надел им было петли на шеи, как вдруг произошло сильное движение и послышался голос, приказывающий: остановитесь! Это был голос Бибикова, который подъехал во всех регалиях своего высокого звания и

объявил, что по высочайшей милости преступникам даруется жизнь.

Все это, наверное, продумано было заранее, но приговоренные уверены были, что пробил последний час. После этого их, живых, отвели в крепость, ко всеобщей радости всего города, который был в невыразимом ужасе от вида возводимых виселиц. Происходило это 13 марта 1839 года. На следующий день всех четверых выслали на каторгу с такими же, как нас, формальностями, только их менее обобрали, потому что при их отправке Афанасьев был не один. Они приехали в Тобольск вскоре после нашего выхода и двигались в следующей за нами партии.

Каспер Машковский, сын Миколая, из Староконстантиновского уезда изучал науки в Кременце. Женился очень молодым на богатой панне Грабовской. Женитьба была неудачной, и они разошлись. В 1831 году он служил в польском войске. Под Замостьем был ранен и носит на лице почетный шрам от палаша. Высокого роста брюнет с кудрявой шевелюрой. Сердце доброе, чувства благородные, характер не сказать чтобы сильный, но упрямый. Большой оригинал, что являлось поводом для весьма забавных сцен в дружеской среде. На виселицу шел с неподдельной отвагой. Жив до сих пор, ему уже более 70 лет. Житель Киева, повсеместно любимый и уважаемый.

Антони Бопрэ, также ученик кременецкой школы, затем Виленского университета, где он получил степень доктора медицины, был частнопрактикующим врачом в Кременце. От родителей-французов унаследовал во внешности и темпераменте характерные французские черты. Смуглый брюнет, живой, даже необузданный. Ум его был обогащен широкими знаниями. Память он имел громадную — никогда не забывал того, что однажды прочел. Но память отрицательно сказывалась на независимости его ума. Был он самовлюблен, из-за этого не всегда легок и приятен в общении с товарищами. Я не очень ему симпатизировал, однако отдаю долж-

ное многим его достоинствам. Возвратившись на родину в возрасте почти 60 лет, он женился на молодой панне Северине Ивановской, дочери Феликса, друга и товарища по школе. Умер недавно в Кременце, оставив молодую вдову и двоих детей, сына и дочь.

Пётр Боровский, также кременчанин, окончив науку в лицее, трудился гувернером в зажиточных шляхетских домах. Позднее, женившись, осел в Киеве при университете и содержал пансион для студентов. В таком статусе он и был арестован. Приятной наружности, обаятельный в дружеском общении, безупречного рода, он был очень симпатичным товарищем. Освобожденный от каторжных работ, получил выгодную должность в Сибири, на золотых приисках. С началом нынешнего правления, когда все возвращались на родину, дела Пётра так запутались, что он вынужден был остаться на месте, чтобы их урегулировать. И до сих пор находится в Восточной Сибири, живет там и работает; всеми уважаем. И, вероятно, никогда уже не вернется на родину. Да и зачем бы ему возвращаться, не имея никакого капитала, но насчитывая 70 лет с лишним! Трогательно и сердечно вспоминаю я дорогого Пётра.

Фрыдерык Михальский, зажиточный землевладелец из Брацлавского уезда Подольской губернии. Был он уже весьма немолод, имел взрослых детей. По-видимому, учитывая возраст, его оставили в окрестностях Иркутска, на так называемом Александровском заводе. Это большой винокуренный завод, где работают сосланные на каторгу. Там с паном Фрыдерыком соединилась благородная жена его, урожденная Старорыпиньская, также уже немолодая. Она самая первая приехала в Сибирь и не отошла от мужа до его смерти на том же Александровском Заводе. Я бывал там у них, когда меня освободили с Нерчинских рудников и когда некоторое время жил я рядом с Иркутском. Почтенная старушка, засыпав могилу мужа в сибирской пустоши, одинокая, возвратилась на родину. Долго ли жила, не знаю, а жаль, что не знаю²⁰.

Двигаясь вперед, подошли мы к Алтайским горам, где находятся серебряные рудники, и к самой большой сибирской реке, называемой Обью. На тракте находится уездный город Колывань, очень живописный, но бедный. Туда сослан был ксендз Михалевич, который по возвращении на родину был и остается домашним капелланом у пана Цезары Понятовского, богатого помещика в Киевской губернии.

На довольно значительном протяжении дорога идет по берегу этой воистину величественной реки. Обь несет свои воды среди лесов, уходящих вершинами в небо. Посреди реки разместились острова, также поросшие деревьями. Противоположный берег едва различим. Переправа трудная и длится долго. Производится на плоских обширных паромках. Паром сперва тянут бечевою против течения до известного пункта, определяемого опытом. Оттуда отпускают его по течению, с силой направляя к противоположному берегу. Мы переплывали эту реку, кажется, во второй половине июля. До сих пор помню острую тоску при взгляде с другого берега на громаду воды, отделяющей меня от родины, жены и семьи. Сколько ж еще таких и даже больших переправ было перед нами! Жестокая жара, несметные скопища комаров. Их количество, размеры и яростность невыразимы и забываемы.

Сопровождающие этапы солдаты обкуривают избы тлеющим сеном. Когда дым становится таким густым, что невозможно дышать, открывают окна, через которые вместе с дымом удирают комары. Однако это не очень помогает. Лица наши были изранены жалами этих свирепых созданий. Это по ночам, днем же воздух заполняют полчища микроскопической мошки, слепящей глаза, залепляющей уши. Крестьяне носят густые волосяные маски, предохраняющие от нападения этой мошки. Мне не на что было купить подобную, поэтому я страдал, как и мои бедные товарищи. Несмотря на все это, мы были совершенно здоровы. Иногда случались даже проблески некоторого веселья, вызванного

разговором, воспоминанием, рассказом. Ведь нас было восемь, восемь разных темпераментов в постоянном общении. У ксендза Нарцыза Яжыны, например, была какая-то убежденность, вернее, иллюзия, что случившиеся с нами не может длиться долго, что вот-вот услышим мы приказ либо о полном освобождении, либо о значительном смягчении наказания. Невозможно было опровергнуть эту иллюзию, он даже начинал раздражаться, когда кто-нибудь из нас перечил ему. Приближались мы к Томску — находились на последнем перед городом этапе. Едва прошли, как ксендз Нарцыз на минуту исчез. Возвращается — и с невыразимым задором наставительно обращается к нам: «Ну что? Не говорил я вам? Не верите, когда говорю! Ксендз несет вздор, баламутит?» — и так далее.

«В чем же дело? Что такое?» — спрашиваем заинтригованные. «Что такое? — и показывает рукой на известное этапное убежище: — Идите и читайте». Бежим все и видим на стене написанные мелом слова: «Торопитесь, друзья, весело в Томск, там ждут вас великие милости». Мы не сразу осознали суть дела, поскольку в несчастье каждая надежда воспринимается с легковерием. Но вскоре мы догадались, что это мистификация, ибо каким образом на этапе могли бы знать о милостях предупреждающие нас товарищи, если нам никто о них не говорит, притом мы заметили, что не прибежал с нами брат ксендза, Леопольд. Он-то и был исполнителем этой шутки, которая удалась ему прекрасно. Ведь по случайности ксендз Нарцыз первый пошел за ним и первый прочел на стене его писание. Итак, возвращаемся мы все вместе и застаем Леопольда задыхающимся от смеха, а ксендза Нарцыза с вытянутой физиономией, укоряющим брата.

В последние дни июля пришли мы в Тобольск. Несколько дней провели мы в двухэтажной каменной тюрьме, несомненно самом великолепном в то время здании в этом губернском городе, по большей части деревянном, живописно расположенном над рекой Томью. Самыми важными

жителями были богатые искатели золота. У нас была возможность взглянуть на город, так как нас вызвали в губернское правление. Там совершенно неожиданно нам вручили письма от родных. Я получил три от жены; при одном было сто рублей ассигнациями. Стоит ли пытаться описать душевное волнение при чтении этих писем! Ни в одном языке человеческом не найти подходящих для этого слов.

Благодарность за полученные в Томске письма полагается человеческим чувствам тобольского губернатора Талызина. Он выслал их вместе с приложенными деньгами не в Иркутск, а в Томск именно затем, чтобы у нас в пути была моральная и материальная поддержка. Менее человеческий томский губернатор отдал нам только письма. Из присланных денег не дал ни копейки и этим подверг нас очень тяжелым страданиям. Уже в Томске хлеб был дорогой. В Енисейской губернии мы попали в полный неурожай. Фунт хлеба стоил пять копеек, и найти его можно было с трудом, мы же имели по шесть копеек в день, которые платило нам правительство. Больше ничего. Так что был фунт хлеба на сутки и оставалась одна копейка, за которую можно было купить разве немного соли к хлебу. Молодые, здоровые, проходя по меньшей мере верст 20 в день, мы были измучены голодом, и голодом в полном смысле слова. Тогда-то на опыте почувствовали мы те страшные описания осад, когда ели крыс, подметки и даже матери — собственных детей. Все человеческие чувства замирают. Есть, есть и есть — только об этом думать, только об этом мечтать были мы способны. Шли мы, голодные как волки и злые как волки.

Не раз на этапе при виде жирующих солдат безудержно хотелось вымолить у них немножко хлеба и еды. Ницета — это очень плохой советчик. Надо обладать большой внутренней силой, чтобы противостоять искушениям и не унижаться окончательно. Бог милостивый не допустил до этого. Мы пережили эту нужду, гнетущую нас почти до самого Иркутска. Бывали редкие счастливые для наших пустых

желудков случаи. Где-то в Енисейской губернии пришел к нам на этапе хорошо одетый человек со штофом под мышкой и довольно объемистым свертком в руке. Представился нам местным целовальником (шинкарем) и попросил принять дар. Обычай не позволяет отказываться, чтобы не оскорбить дарящего. Откровенно признаюсь, что мы вовсе и не думали отказываться, наоборот, мы тут же выпили по рюмочке и начали жадно уничтожать принесенные булки. Завязалась беседа, из которой шинкарь узнал, что мы из Волыни, мы же, в свою очередь, узнали, что он был родом из Житомира. «Я был сослан, — рассказал он, — по оговору, будто я украл бриллианты у каких-то господ Миллеров. Может, вы их знаете?» Сильно удивила нас такая встреча, особенно меня, зять обокраденных. Действительно, несколько лет тому назад у матери моей жены были украдены бриллианты стоимостью в несколько сот дукатов. Дело было громким, следствие долгое, вора нашли и приговорили к Сибири, а бриллианты, как водится, пропали. Выражение «по оговору» значит в результате клеветы.

Каждый вор, рассказывающий свою историю, употребляет это выражение то ли из-за невольного стыда, то ли из-за желания возбудить сочувствие. Когда я сказал ему, что я — зять господ Миллеров, то увидел, что он также удивился. На следующий день, до рассвета, когда, выходя из этапа, проходили мы мимо кабака, он стоял уже в своих дверях и одного меня угостил рюмкой сивухи, видимо, в качестве компенсации за бриллианты. Никогда не забуду, с каким удовольствием выпил я эту рюмку в три часа утра натошак. Никакой нектар не может быть превосходнее. И с этих пор я уже никогда не удивляюсь при виде рабочего лица, охотно пьющего отвратительную водку в любую пору дня. Самый лучший повар и самые аппетитные приправы — это голод и усталость.

Где-то дальше, в той же Енисейской губернии, на полуэтапе отправился я как-то с Валеры Коссаковским и с конвои-

рующим нас солдатом в деревню на поиски и покупку хлеба. У двери шинка увидели мы стоящую там молодую еще привлекательную женщину. Как только мы приблизились, обратилась к нам по-польски: «Прошу вас, панове, очень прошу зайти ко мне» — и ввела нас через калитку во двор и в свой дом. Тогда лишь стала приветствовать нас с горькими слезами и самым радушным образом угощать. На стол, накрытый чистой скатертью, поставила водку, булки, масло, телячьи ножки, вареники со сметаной и т. д. Со стыдом признаюсь, что я едва замечал ее слезы и почти не слышал, что она говорила, такая прожорливость охватила меня при виде этих лакомств. Так что мы яростно набросились на них и смели одно за другим. Только потом, прихлебывая чай с ромом, рассказали мы нашей милой хозяйке свою историю и, в свою очередь, выслушали то, что она рассказывала о себе и своем прошлом. Была она родом из Вильно, дочь благородных родителей. Отец был чиновником. Влюбившись в какого-то офицера, дала обольстить себя и бежала с любовником из родительского дома. Затем была, как это часто бывает, брошена, а опасаясь гнева отца и из-за стыда, утаила свое происхождение и как бродяга была выслана в Сибирь. Тут познакомилась с шинкарем, он полюбил ее, и она вышла за него замуж.

Видели мы эту фигуру в темно-синей бекеше, проходящую через комнату. Поклонился нам, закусывающим, без единого слова. Говорила, что все время ее любил и хорошо к ней относился. Но неизлечимая тоска, сожаление о прошлом, воспоминания о любимой матери точили ее постоянно. Мы бы охотно продлили эту приятную беседу, если б не необходимость возвращаться к голодным товарищам. Забрав то, что дала для товарищей эта добрая грешница, возвратились мы на полуэтап, порадовали ожидающих нас принесенной едой и интересным рассказом. На следующий день перед рассветом она уже ждала нас. Прошла несколько верст, одарила еще чем могла и простилась с нами потоком горьких слез.

Такая вот грустная история любовного безумства. Любопытно, где на своем жизненном пути нашел наказание за совершенное преступление обольститель?

Вскоре я снова пришел на полуэтапе к офицеру с просьбой разрешить сходить в село за провизией. Был он рослый, с болезненным цветом лица. Он был явно нездоров. Я извинился за беспокойство и спросил о здоровье. «Я постоянно нездоров со времени прибытия в Сибирь, — сказал он мне, — а здоровье потерял, когда долго служил вахмистром в кирасирском полку Марии Николаевны»²¹. В этом самом полку служил брат мой Александр, был он там адъютантом. Заинтересованный этим, спросил я тогда, не помнит ли он фамилию польского адъютанта. «Как же, очень хорошо помню, это был поручик Рутиньский». Тогда я сказал: «Перед вами брат бывшего вашего начальника». Он взглянул на меня с грустным удивлением, подал руку и вздохнул. Угостил нас на своем этапе чаем, сливками и булками. Фамилия его была Ткаченко. Когда я возвращался, бедняги Ткаченко уже не было на свете. Умер он от чахотки. Вечный покой доброй душе его!

Помню также хорошо офицера Богданова, который не только хлебосольно кормил, но еще и хлебосольность свою сочетал с чуткостью. Солдатскую избу, которую обычно мы занимали вместе с солдатами, нашли мы тщательно вычищенной и свободной. «Я перевел свою команду в другое место, чтобы вы смогли спокойно отдохнуть», — сказал он, а одновременно нам принесли поднос с чайными принадлежностями.

Пил чай вместе с нами, беседуя о разных вещах, в манере, доказывающей, что ум его привычен к размышлениям. Также и внешностью своей и поведением отличался от своих коллег по этапу. Одет был чисто, курил не бакун, а вакштаф²², играл на гитаре и даже имел небольшое собрание книг. Это был действительно офицер, феномен на сибирском этапе. Должно быть, какой-то исключительный случай загнал

его туда. Что с ним случилось, мне узнать не удалось. Сказали лишь, когда я возвращался, что выехал неизвестно куда.

На фоне этих воспоминаний особенно выделяется личность начальника последнего перед Красноярском этапа. Когда мы подходили к полуэтапу, конвойный офицер предупредил нас, чтобы мы были осторожны, так как принимающий этап — большой оригинал, притом скандалист. Прибывшая партия остановилась перед воротами, мы, как обычно, несколько позади. Вышел офицер с грозным видом, взглянул на нас и приказал прежде завести нас на полуэтап. Затем с военной энергией и пунктуальностью начал принимать арестантов и выдавать соответствующие распоряжения. Так, он простился с офицером, который нас привел, проследил, как арестанты покупали провизию, отправил с площади торговков, расставил везде стражу. Все это забрало довольно много времени. Мы сидели тихо, голодные, ожидая, что будет дальше. А располагались мы на полуэтапе в конюшнях, тогда еще новых и чистых, где летом нам было вовсе не плохо. Когда движение прекратилось и наступила военная тишина, к нам вошел этот мнимый скандалист.

— Как дела, земляки! — воскликнул он по-польски. — Простите, что пришлось вам ждать. Я выполнил служебные обязанности и могу наконец заняться вами свободно.

Повел нас всех в приличный крестьянский дом, где рядом с приготовленной уже питательной едой кипел самовар. Там открылся нам, рассказав о своем прошлом. Фамилия его была Тарковский. Родом был из Киевской губернии. Испытывая сильную тягу к военной службе, в юном возрасте бросил учебу и завербовался в уланы. Из-за отсутствия документов, подтверждающих шляхетское достоинство, он 12 лет прослужил рядовым. Лишь после этого присвоили ему офицерское звание, а за какой-то скандал выслали на должность начальника сибирского этапа. Действительно был он вспыльчив и не склонен к покорности. Дал себе слово, что не сообщит о себе семье, пока не получит эполеты, и

слово сдержал. В Белой Церкви был у него брат, которого я знал, так как он был архивистом у гр. Браницких, когда мой покойный отец был генеральным уполномоченным. В связи с таким стечением обстоятельств он позволил мне написать письмо и с риском для себя отправил его по почте в Белую Церковь, на адрес брата. Благодаря ему родители мои и жена получили от меня известие из-под Красноярска.

На этапе он разместил нас в своих офицерских комнатах, кормил, поил и утешал. Так принимал он всех, кто шел перед нами и за нами. Объедали мы его полностью. Когда не оставалось ничего, закупал провизию в Красноярске для следующих гостей. Это был простой человек, без высшего образования, но очень добрый и благородный. После многих лет, кажется, году в 1857, когда все мы уже вернулись на родину, возвратился и наш этапный кормилец. Узнал он, что я живу в Бердичеве, и неожиданно появился. Поселился он в Киеве, но дела у него шли плохо. С Божьей помощью мне удалось хоть немного отблагодарить его. Я предложил товарищам складчину. Небольшая сумма была собрана охотно и быстро, и я вручил ее отставному капитану, и сделано это было вовремя, ибо он очень нуждался в помощи. Не очень давно он умер в Киеве.

Мы вошли в Красноярск, столицу Енисейской губернии; город называется так, по-видимому, из-за окружающих его яров и возвышенностей, сверкающих красной глиной. Расположение степное, грустное; город новый, почти полностью деревянный. Знаменитыми жителями были богатые купцы, владельцы золотых россыпей. Известны были и таковыми являются до сих пор под названием золотоискателей.

Встретили мы в Красноярске католическую часовенку, размещавшуюся в маленьком деревянном доме, неряшливо содержавшемся. Встретили при часовне ксендза Сънежку²³, который своим обращением, разговором, образом жизни и, кроме того, странной и совершенно светской одеждой произвел на нас вовсе не благоприятное впечатление. Продержали

нас в Красноярске целую неделю и разрешили присутствовать в часовне на богослужении.

В то время енисейским губернатором был некий Копылов, человек уже старый, и как старейший среди губернаторов замещал губернатора Восточной Сибири во время отъездов того за пределы Сибири²⁴. Это был, по-видимому, довольно просвещенный старичок, хорошо знал латынь и даже обладал значительным собранием древних книг.

Подробности эти известны мне по следующему случаю. В составе партии, что шла за нами, находился с восемью товарищами Юльян Сабинский²⁵, житель Подолии. Это был широко образованный человек; особенно замечателен он был как лингвист. Французским, немецким, итальянским и латинским языками владел он как своим родным, который также знал великолепно. Узнал как-то Юльян, что Копылов знает латынь, что любит ее и имеет латинскую библиотеку. Накатал он тогда послание, в котором выразил удивление по поводу того, что в сибирских степях имеется ученый муж, и попросил помочь усталому от убийственной скуки разуму какой-нибудь латинской книгой. Закончил послание ловой любезностью, лестной для самолюбия старика.

По прибытии в Красноярск сразу же отправил свое письмо губернатору через начальника тюрьмы. На следующий день поднялась большая шумиха: приехал Копылов. Познакомился с Сабинским, долго говорил с ним по-латыни и подарил сочинения Саллюстия²⁶. Но это еще не все. Через несколько лет губернатор Руперт²⁷ выехал в столицу, а Копылов прибыл в Иркутск в порядке заместительства. Немедленно он разведal, что Сабинский находится на фабрике соли в 60 верстах от Иркутска²⁸, послал за ним, сердечно приветствовал как ученый ученого, задержал у себя, любезно угощал несколько дней и с проявлением искренней благожелательности отправил обратно.

Между Томском и Красноярском лежит на тракте уездный городок Ачинск. Не стоит и вспоминать о нем. Не на-

шли мы в нем никого из наших ссыльных, расположен же он среди унылых и диких этапов и песчаных дюн.

От Красноярска до Иркутска еще верст 1 000. По пути один уездный город Енисейской губернии Канск и один Иркутской губернии Нижнеудинск. Недалеко за Красноярском перешли мы через другую великую сибирскую реку — Енисей. Меньше Оби, однако большая, широкая и величественная. Течет среди возвышенностей и уходящих вершинами в небо боров, образуя то там, то тут прелестные пейзажи. Постоянно страдая от голода, дошли мы до Нижнеудинска в середине осени. Наступили пронизывающие холода. Без теплой и целой обуви, плохо одетые, подвергались мы несчастью, ливням, ужасным ветрам, а затем морозам и метелям. Не раз брели мы по грязи и снегу, усталые и голодные. И такие невзгоды закалили наши молодые силы. За все эти страдания Бог вознаграждал нас неиссякаемым здоровьем. Никто из нас не заболел, никто не простудился, никто даже не схватил насморк. Пусть это послужит общим предупреждением и примером для молодежи. Жизнь в воздержании и труде, даже самая тяжелая, развивает и укрепляет силы тела и разума. Безделье и удобства разрушают одно и другое. Первые условия формируют людей деятельных и полезных, настоящих мужчин; вторые создают жалких, изнеженных паразитов, сущих баб в модных шароварах. Что это несомненно так — достаточно взглянуть на нынешнюю молодежь, особенно состоятельную.

В Нижнеудинске была у нас приятная и удобная дневка. Нашел нас там на этапе Михал Глэмбоцкий, родом из-под Кракова, сосланный в солдаты в сибирские батальоны. Был унтер-офицером в Удинской инвалидной команде. Молодой, красивый, толковый, он пользовался неограниченным доверием своего начальника. Немедленно появились чай, мясо и картошка. Подкрепились мы как следует, и началась нескончаемая беседа. Вместе с Михалом подошел и молодой человек Ефимов, учитель уездной Удинской школы, был он с

Михалом Глэмбоцким в близких, почти дружеских отношениях. Родившийся и выросший в Сибири, благодаря труду и постоянным поискам лучшего, более образованного общества дошел до определенного культурного развития и стал заметным чиновником. Со временем занял высокий пост в местной служебной иерархии, но всегда питал особую симпатию к полякам. Неоднократно доказывал это даже в сложных случаях и происшествиях, но об этом упомянут, возможно, подробно те мои товарищи, которые впоследствии были с Ефимовым в более близких и длительных отношениях. Подобное расположение встречали мы всегда со стороны личностей, наделенных благородными чувствами и более высокими способностями. Так, например, на Нерчинских рудниках встретились мы с молодым парнем по фамилии Бранд. Там родился, никогда не взглянул на мир за пределами Нерчинских гор, а прильнул к нам полностью. Неустанно искал нас, вслушивался в наши разговоры, научился понимать и читать по-польски, одним словом, получал образование. Постоянно был с нами, так что мы его в конце концов начали считать товарищем. Он имел приятную внешность, цвет лица бледный и нежный, манеры приличные, проявляющие благородство натуры. В то время был он горным унтер-офицером, впоследствии получил офицерское звание.

От Нижнеудинска до Иркутска еще верст 500. Расстояние это проходили мы уже глубокой зимой. Помню лишь, что холода и метели очень нас донимали и что мы всегда с радостью приближались к крыше этапа. Медленно, но непрерывно продвигаясь, увидели мы наконец Иркутск, кажется, в последних числах ноября 1839 года²⁹. Итак, от Тобольска до Иркутска путешествовали мы восемь месяцев.

В каждом, даже самом печальном положении вкрадывается в душу надежда. Ожидание и любопытство охватили нас при входе в последний губернский город Сибири. Прежде всего надеялись мы на то, что, вероятно, заканчивается долгое, отвратительное кочевание, что какая бы судьба нас ни

ждала, будем, по крайней мере, на месте. Надеялись мы также, что в Иркутске ждут нас письма из дому, известия от любимых, а может, и денежная поддержка. Торопились мы поэтому к простой квартире, к Иркутской тюрьме.

С той стороны, откуда мы приближались к городу, то есть со стороны так называемого Московского тракта, Иркутск выглядит красиво. Город расположен на ровной местности, имеет несколько церквей и значительное количество каменных домов. У самых городских стен течет река Ангара. Вытекает из озера Байкал, течет на север к Ледовитому океану и далее получает название Тунгуска³⁰. Течение очень быстрое, поэтому вода в ней такая холодная, что никто в ней не может купаться, и такая прозрачная, что везде, даже в самых глубоких местах, видно дно. Вследствие очень быстрого течения замерзает с трудом, обычно около Рождества Христова в период сильных морозов. До того постоянно и все сильнее парит, так что перед ледоставом покрывается густым непроглядным туманом. Наконец, однажды утром вся река оказывается покрытой большими острыми глыбами льда.

Тюрьма стоит на другой стороне города. Надо было поэтому прошагать через весь Иркутск, но мы не злились из-за этого, наоборот, с интересом оглядывались мы направо и налево, и вид многочисленных, свободно движущихся людей был для нас приятным развлечением. Сегодня я не помню уже ни города, ни улиц, помню, однако, что из всех познанных тюрем Иркутская была наименее отвратительна и угрюма. Нас ввели в чистую и очень просторную комнату; была она достаточна светлая и теплая. Принял нас начальник тюрьмы, который уведомил для начала, что мы сможем выходить в костел и в город сколько захотим.

Любезность эта была результатом хлопот русских ссыльных 1825 года³¹. В то время уже все они были освобождены от каторжных работ, а многие из них поселились в окрестностях Иркутска. Принадлежащие к самым известным московским семьям, располагая значительными денежными

средствами, ибо в большинстве своем были богатыми, они жили в добротных и удобных домах, построенных в ближних селах, и все местные власти были с ними вежливы, даже уступчивы из невольного опасения перед могущественными связями в столице. И вот на следующий день с утра приехали к нам Сергей Волконский и Артамон Муравьев. Первый был князем и генералом еще в 1815 году. Второй был командиром полка ахтырских гусар, который в 1825 году стоял в Любарах на Волыни. Оттуда арестованного полковника вывезли в Петербург. Оба господина приветствовали нас не только дружелюбно, но даже в товарищеском духе и манере. Предложили свою помощь в чем только будет возможность и потребовали, чтобы мы им как ссыльным откровенно высказывали свои потребности. Прежде всего мы жаждали писем, которые должны были лежать в канцелярии губернатора. Они тут же использовали свое влияние, и очень скоро почти каждому из нас вручили письма и ожидающие нас деньги. Несколько писем получил я от измученной жены моей. Сел я в уголке и всей душой погрузился в их чтение. Все товарищи также были заняты, стояла полная тишина. Текли слезы из глаз, но одновременно сердца наполнялись минутным успокоением и утешением. Молодым годам присуща неизмеримая сила, вера в то, что все желаемое будет достигнуто, что все ожидаемое придет. Вот и я дождался прибытия опекунши моей, но с того момента ожидание это продлилось еще три года ³².

Генерал-губернатором Восточной Сибири был в то время Руперт; жил он в прекрасном доме над Ангарой. Губернатором был Пятницкий ³³, хороший человек, по крайней мере я должен так сказать, ибо ощутил его благосклонность, о чем напишу ниже. Как губернатор он практически бездействовал. В его канцелярии совершались большие злоупотребления. Начальник канцелярии воровал направо и налево. Мы все это испытали. Поступающие для нас посылки он полностью забирает себе либо выбирает из них те вещи, что больше все-

го ему нравились. У меня украли два жилета, а домашние полотенца заменял кусками сибирского полотна. Во всей России везде одно и то же: везде воруют и воруют.

В Иркутске есть католический костел и при нем двое ксендзов; протоиереем был ксендз Хачиский, викарием ксендз Шайдевич, оба из ордена бернардинов, оба с небольшим образованием, но поведения безупречного. Привыкшие ко всякого рода ссыльным, они не проявляли к нам того сочувствия, какое имели мы право ожидать от католических священников. Приняли нас, однако, гостеприимно. Ежедневно бывали мы на богослужении, затем на скромном завтраке у протоиерея. Небольшой деревянный костел содержался неплохо. Учредителем был граф Литта, русский католик³⁴. Он оставил фонд, которым костел содержится до сих пор. По обе стороны большого алтаря находятся двери, которые должны бы, казалось, вести в ризницу, а тем временем они ведут прямо в квартиры и комнаты ксендзов. Это неуместно, но в Сибири многого требовать нельзя. Оба почтенных бернардинца вследствие длительного пребывания в Сибири приобрели привычки, не соответствующие духовному сану. Хачиский был страстным торгашом, торговал постоянно и всем, особенно лошадьми. Шайдевич же был заядлым охотником. Легко догадаться, что в таких условиях богослужения проводились лишь по праздникам и в исключительных случаях, как, например, наше прибытие. Позднее узнал я обоих этих священников ближе и лучше. С обоими были у меня забавные происшествия, о которых, возможно, далее упомяну.

В Иркутске продержали нас более десяти дней. И нам было неплохо. Ходили мы в костел и в город, разумеется, постоянно с конвоем. Каждый из нас старался запастись необходимыми вещами. Каждому нужна была целая рубашка, обувь без дыр. Вот и я купил себе кунгурские сапоги. Кунгур — это город в Пермской губернии, известный выделкой юфтовых кож. Кунгурские сапоги расходятся по всей

Сибири. Действительно, кожа толстая и мягкая. Новые сапоги служили мне хорошо и долго, а когда отбросил я лохмотья, которыми до сих пор обматывал ноги, то почувствовал себя элегантным господином. Этим ограничил я свои расходы, ибо, имея тяжкий опыт, предпочитал сохранить деньги на хлеб и мясо, поскольку неизвестно было, где и когда получу следующее денежное пособие. Так же предусмотрительно поступали и все товарищи. От декабристов получили мы запас сахара, чая и табака. Так называли русских ссыльных 1825 года. Мы не могли отказаться от этого пожертвования, сделанного, впрочем, очень по-дружески. Они также предупредили, что нас отправят на каторжные работы недалеко от Иркутска. Действительно, вскоре приказано было собраться в Усолье.

Так называется соляной завод в 60 верстах от Иркутска, над рекой Ангарой. В этом месте Ангара разделяется на два русла, образуя небольшой островок, в середине которого находится неисчерпаемый источник соленой воды. Выкачиваемый соляной раствор стекает в деревянные желоба, соединяющие источник с варницами, установленными на другом берегу реки, где лежит все поселение Усолье. Варницы — это железные котлы, широкие, но плоские, поставленные на кирпичные опоры, окруженные деревянными стенами и накрытые островерхой крышей с отверстием вверху вместо трубы. Котлы эти около двух сажень в диаметре высоту имеют не более аршина. Поступающий в них из желобов соляной раствор выпаривается до тех пор, пока соль не станет почти сухой. Под котлы вкатываются толстые сосновые колодцы длиной не более аршина и горят постоянно поддерживаемым огнем. Заталкивать колоды под испарители, зажигать огонь и поддерживать его равномерность, постоянно обжигаясь, — это действительно тяжелая работа³⁵. Привлекаемые для нее преступники при первой возможности сбегают. Побег начинается обычно весной, когда зазеленеют деревья. Происходят они без затруднений и без пре-

пятствий, ибо являются источником доходов для местных властей. Каждого присланного на каторжные работы записывают в книгу, и со дня прибытия он получает от правительства два пуда ржаной муки и полрубля серебром ежемесячно. И вот когда бежать начинают, это никого не интересует и не беспокоит, наоборот, беглецы фигурируют в книге как можно дольше, а поступающие для них мука и деньги идут в карманы чиновников. Легкость побега из каторжных мест создала в Сибири некий своеобразный и довольно многочисленный класс бродяг, имеющих свои определенные привилегии, освященные обычаем. Никто бродягу не задерживает, не арестовывает, разве лишь в случае совершения преступления.

От крестьян получают они щедрые подаяния. Летом в деревнях, расположенных у большого тракта, каждая крестьянка перед уходом ко сну ставит для бродяг кринку молока или кладет буханку хлеба на окошке в сенях. Утром, увидев, что хлеб исчез, крестится и со спокойной совестью принимается за обычную работу. Так что ходят они, собравшись в довольно многочисленные группы, свободно как птицы, без всякой опаски, без заботы о хлебе насущном. Заходят даже на этапы, офицер разрешает им ночевать, знакомятся с этапными солдатами, а уходя, говорят: до свидания. Стараются разузнать и всегда знают, в каком городе какой городничий, строгий или не очень, и в соответствии с этим строят свои будущие планы. Осенью, когда начинают донимать сильные холода, приходят по несколько человек в городок, представляются городничему, признаваясь, что они бродяги. Городничий вынужден забирать их в тюрьму, рапортовать кому полагается, начинается следствие. Они тем временем проводят зиму в теплой тюрьме, за государственный счет. С началом весны следствие обычно бывает завершено, ибо показания бродяг всегда правдивы. Всыпают им тогда плетей в количестве, указанном в приговоре, и каждого отправляют туда, откуда сбежал. Тогда они снова шагают

в партии по несколько месяцев, пока не придут к цели. Там дожидаются весны и опять исчезают. Среди них были даже такие, кто всю жизнь посвящал бродяжничеству, а огромное пространство между Тобольском и Иркутском, свыше 3 000 верст, прошел пешком туда и обратно более десятка раз. Во времена, о которых я пишу, происходили непонятные дела, в которые трудно поверить и о которых можно бы написать повесть под заглавием «Сибирские тайны». Ниже, возможно, напишу о вещах ужасных, страшных, которые мне самому довелось видеть.

Возвращаюсь к Усолью. Поселок имел вид городка. Большие по размеру, добротные дома были для чиновников, а меньшие, опрятные домики — для местных жителей. Были большие государственные амбары, предназначенные для складирования соли и для других государственных запасов. Главным начальником был тогда майор из корпуса горных инженеров немец Мевкус, помощником его являлся поручик Дейхман³⁶. Привезли нас шестерых: Немировского, двух братьев Яжынов, Рошковского, Грабовского и меня. Дней через десять прибыли Бопрэ, Боровский и Уминьский, а потом еще Сабиньский и Щепковский. Нам разрешили снять квартиры и каждому определили обязательную работу. Мне досталась должность «дровандора». Сосновые колоды для выпаривателей, о которых я упомянул выше, привозили из окрестных лесов и на просторной площади укладывали в штабеля. Бревна эти назывались «елтышами», а привозящие их — «коннорабочими». Правительство платило за доставку, но требовало, чтобы доставка производилась ежедневно всеми.

Итак, дали мне список коннорабочих, в котором я должен был отмечать, кто привез, кто не привез, и каждый вечер докладывать леснику. Я было сразу добросовестно взялся за обязанность. Озяб, стоя весь день на лютom морозе. Со временем я сообразил, что все это ни к чему, поскольку от нас не скрывали, что в Усолье мы временно, что нас отпра-

вят дальше, как только замерзнет Байкал³⁷. Поэтому дал я себе поблажку, а за мной дали себе волю коннорабочие. Из моего «дровандорства» только и было пользы, что, как услышал я позже, выявилась большая недостача елтыша.

Остальных товарищей разместили на двух соседних заводах: на Тельминской³⁸ фабрике по большому Московскому тракту, на которой вырабатывались сукно и фаянс, и на Александровском заводе, большой государственной винокурне. Будучи так размещены, мы проживали день за днем, не зная, что будет дальше, куда еще погонит нас судьба. Вот и воспоминания о той краткой эпохе остались бесцветные, унылые.

Зима была суровая, морозы ниже 30 градусов. Не имели мы ни соответствующих квартир, ни достаточно теплой одежды. Была нужда, но Бог давал здоровье. Климат в Иркутской губернии хорош тем, что он постоянен. Не бывает внезапных перемен, зимой никогда не бывает оттепели. Осенью начинаются морозы, постепенно и непрерывно усиливаясь, до конца января. Затем они несколько уменьшаются к весне. Весна начинается в апреле, вегетация — в первой половине мая. К такому порядку в природе жители приспособливают свои хозяйственные сооружения и обеспечение насущных жизненных потребностей. В течение всей зимы всё заморожено. Дичь, рыба, яйца, даже молоко продаются в замороженном виде. Путешественники наполняют сани кусками замороженного супа, замороженного молока, замороженными варениками с мясом, называемыми «пельменями». На станции в обеденную пору ставят кастрюлю с куском льда на огонь, в закипевшую воду бросают пельмени, и в мгновение ока готова хорошая еда.

Ангара, как я уже упоминал, замерзает около Рождества. Байкал встает лишь в январе. Как только лед установится, земская полиция намечает прямую дорогу, укрепляя по обеим сторонам ее сосновые ветви. На середине дороги вбивают верстовой столб, у которого проезжающие делают не-

большую остановку. Протяженность этой дороги 60 верст, и это самое узкое место Байкала. И так, нас держали в Усолье, пока Байкал не стал и пока не наметили и не накатали дорогу. В начале февраля 1840 года пришел приказ отправить нас в Иркутск³⁹. Господин начальник Мевиус оказался человеком чести, ибо пригласил нас всех на прощальный ужин. Трогательно прощались с нами остающиеся в Усолье Немировский, Сабиньский и Щепковский. Остались, потому что нужны были для воспитания детей Мевиуса⁴⁰. Из Тельминской фабрики забрали всех, на Александровском заводе оставили Фрыдерыка Михальского с сыном Люцьяном и двух братьев Олизаров, Филиппа и Кароля. Почему оставили их, этого мы никогда не смогли узнать. Впрочем, во второй раз все мы собрались в Иркутской тюрьме. Было нас 21 назначенных на Нерчинские рудники. Два старичка, Маурыщы Кисель и Людвик Янишевский, под предлогом болезни остались в Иркутске, в надежде, что их, как стариков, оставят там совсем. Однако это не удалось, и потом им самим, вдвоем, пришлось совершить этапное путешествие. От Иркутска до Нерчинских рудников еще 1 400 верст.

С благодарностью вспоминаю я дружелюбную товарищескую заботливость, которую проявили к нам российские изгнанники. Ежедневно нас навещали, добились для нас у местных властей разрешения на дальнейшую ссылку без кандалов и приказа выделять нам по десять подвод на каждом этапе. Помимо этого, снабдили значительным количеством книг серьезного содержания, которые были для нас подлинным и полезным питанием ума. Вспоминается мне еще одна подробность. Эти же русские ссыльные принесли нам как-то экземпляр «Иркутской губернской газеты»⁴¹, в котором были напечатаны все наши имена и фамилии и приложен перечень целей нашей организации. А именно напечатано было, что намеревались разрушить все религиозные и нравственные законы, подстрекать народ против господ и против правительства, распространять резню и убийства, вер-

нуть времена Марата и Робеспьера. За десятую часть приписываемых нам преступлений следовало бы каждого повесить. Без труда переубедили мы декабристов, поскольку они, наученные опытом, не очень верили подобным публикациям. Но что более печально, так это факт легкомысленного доверия к этой печатной белиберде в среде земляков, на родине. Следы такого слепого доверия нашел я еще по возвращении домой.

Всех нас, 19 человек, отправили вместе. Шагать к Нерчинским рудникам предстояло почти три месяца. Следовало обдумать методы удовлетворения жизненных потребностей и ввести постоянный порядок. У нас были запасы сахара, чая, табака. У каждого в кармане было немного монет. Вскладчину купили мы два медных котелка, один для супа, другой для каши, лапши или чего-нибудь подобного. Аккуратный и хозяйственный Пётр Боровский был выбран «гоф-фурьером»⁴². В его обязанность входило следить за кухонной посудой и снабжать походную кладовую. Службу эту выполнял он прекрасно. Всегда все было. Впрочем, все мы разделились попарно. Каждая пара по очереди должна была готовить обед. Освобождены от этой работы были Марьян Подхородэньский, страдающий астмой, и Тэофиль Чапский, калека без ноги. Оставалось 16 человек, то есть восемь пар. Очередь готовить обед называлась «нести шнурвахту» — слово, заимствованное у польской армии, где оно означало сторожить обозных лошадей, привязанных к бечеве. Мы уже приобрели опытным путем некоторые кулинарные навыки, так что обеды бывали питательные и вкусные.

В момент выступления из Иркутска явился старый князь Волконский и, объявив, что проводит нас до первого полуэтапа, уселся вместе с нами на этапные сани. Верстах в шести от Иркутска есть деревня Разводная, живописно расположенная на высоких берегах Ангары. «Здесь живет мой товарищ Якубович, — сказал нам Волконский⁴³, — он ждет нас к завтраку». Партия остановилась, мы все пошли к

стоящему поблизости аккуратному домику. На пороге встретил нас хозяин, рослый, с пышными усами, он с дружеской учтивостью пригласил нас в комнаты. Там приготовлен был стол, обильно заставленный всевозможной едой, горячей и холодной. Это было заранее задуманным делом. Знакомство состоялось быстро, и при обильном пиршестве завязалась оживленная беседа. Якубович и Волконский рассказали нам о своей сибирской эпопее, о первом, тяжелом поначалу времени ссылки, знакомили с Забайкальем и с Нерчинскими рудниками, в которых оба побывали, и давали нам доброжелательные и полезные советы.

После двух часов приятной передышки пришлось попрощаться с гостеприимным соизгнанником, которого больше я никогда не видел, ибо он умер. Под вечер, пройдя верст 20 с лишним, приблизились мы к стоящему у тракта желанному хутору. «Здесь живет другой мой товарищ, по фамилии Панов⁴⁴, — сказал опять Волконский, — ждет нас к чаю». На крыльцо вышел среднего возраста, невысокого роста блондин. Некогда был он офицером гвардии гренадеров. Небольшая квартира его так заполнилась прибывшими, что едва смогли мы в ней поместиться. И опять знакомство с хозяином, и опять хорошая беседа за чаем. Позднее я познакомился поближе с Пановым, так как был его соседом. Уже темнело, когда мы распрощались с благородными русскими. Волконский остался у Панова, мы же поспешили к близкому уже полуэтапу. И снова началось трехмесячное странствование. Куда и зачем? О Господи!

На следующий день была у нас дневка на этапе, в деревне Лиственничной⁴⁵, на самом берегу Байкала. Там находится что-то вроде порта, стоят суда, осуществляющие сообщение с противоположным берегом. Теперь судоходство стало лучше и безопаснее, ибо имеются пароходы. Рядом с портом вытекает из Байкала Ангара. И здесь, несмотря на самый сильный мороз, она никогда не замерзает, образуя место, подобное незамерзающему болоту, над которым постоянно стоит

пар. Расположение Байкала прекрасно. Оно было описано не одним искусным пером. Южные и северные берега оштетинены высокими горами, восточный и северный берега — пологие. Между последними, в самом узком месте, имеющем 60 верст ширины, осуществляется навигация. Простой люд верит, что глубина Байкала неизмерима, что дна в нем нет вовсе и называют это озеро «священным морем».

Преданий и легенд местных полно. Некоторые гласят, что якобы на том месте, где сейчас Байкал, некогда был большой, богатый город с прекрасными домами, но землетрясение все поглотило, и на этом месте образовались бездонные воды. В то время, о котором пишу, Байкал был покрыт толстым льдом, прямая дорога через него обозначена. В первый день шли мы вдоль северного берега верст 15 до зимнего полуэтапа, из которого должны были с рассветом двинуться дальше. И вот перед утренней зарей отправились мы в поход. К счастью, день был тихий, безветренный. Когда взошло солнце, мы увидели другой берег, на расстоянии 45 верст. Шагали мы резво, чтобы до темноты успеть дойти до суши. На этом огромном пространстве схваченной морозом воды трескается лед с громоподобным грохотом; зачастую внезапно образуются трещины шириной в аршин, которые мороз сжимает снова. В половине пути, на самой середине Байкала, мы немного передохнули около вколоченного там верстового столба. Уже темнело, когда мы, измученные и усталые, наконец добрались до берега, на котором находится обширное селение Посольск, имеющее вид небольшого городка. Полно в нем добротных хозяйских домов, есть лавочки с разными необходимыми товарами. Есть большой каменный монастырь, а в нем монахи-черноризцы. Считается, что тут был убит первый посол, направленный из Петербурга в Пекин. Якобы в память об этом происшествии был построен монастырь, а селение названо Посольск⁴⁶.

Пошли мы дальше по Забайкальскому краю, по древней Даурии. Пусто, глухо вокруг, только деревни вдоль тракта,

по несколько десятков километров одна от другой. Пройдя верст 200, увидели мы уездный городок Верхнеудинск⁴⁷. День был ясный, воздух мягкий, предвещающий весну. Ввели нас в тюрьму, неожиданно чистую, где несколько дней мы отдыхали. На следующий день навестил нас местный исправник, молодой и красивый брюнет. Узнали мы от него, что Верхнеудинский уезд занимает площадь 90 000 квадратных верст и что он не знает и знать не может всего уезда, начальником которого был. Прощаясь, объявил, что мы можем выходить в город, лишь бы всегда с конвоем. Мы пользовались этой свободой, ходили в магазины. Пётр Боровский сделал продовольственные запасы, поскольку предстояли необозримые бурятские степи, где ничего не найти. От Верхнеудинска расходятся два больших тракта: один на юг к Кяхте, другой на восток, к городу Нерчинску и к Нерчинским рудникам.

Верхнеудинская тюрьма была заполнена особого рода узниками. В Восточной Сибири, особенно за Байкалом, распространялась религиозная секта духоборов. Это христиане, исповедующие веру в единого Бога, верующие в Иисуса Христа и в Пресвятую Деву. Но отвергают любую обрядность. Нет у них церкви, не терпят и не имеют попов, молятся в мыслях и даже мысленно лишь осеняют себя крестным знаменем. Одним словом, отвергают внешнюю обрядность, сосредоточивая обращение к Богу в душе. Охотно говорят о своей вере, охотно ее пропагандируют. В тюрьме относились к нам вежливо и услужливо, распространялись о своей вере с явным желанием убеждения в ней и обращения в нее. Такое усердие вызывается у них официальным преследованием. В речах их безотчетно сквозит либерализм. Возможно, руководители секты это понимают, может, правительство догадалось об их целях и, может, поэтому держало в тюрьме явных последователей этой секты, принуждая к православию. Плохой это способ, как любое преследование: вместо того, чтобы уничтожать, умножают число прозелитов, готовых на любые жертвы.

Сразу за Верхнеудинском начинаются бурятские степи. Буряты — это монгольское кочующее племя. Нигде никакого постоянного поселения⁴⁸. Дорога тянется по голым степям, на которых стоят этапы и почтовые станции на расстоянии более или менее 20 верст. Кое-где виднеется юрта, переносное жилище бурят. Это конус из деревянных жердей, снаружи покрытый войлоком. В самом верху оставлено отверстие, служащее дымоходом. Вход в юрту прикрыт куском висящего войлока, который поднимается. Посредине тлеет костер, над которым подвешен чугунный котелок; в нем варится в воде неразмолотая рожь, бурятский суп. Слева от входа обычно стоит довольно большой сундук, сразу за ним деревянные ступени, сколоченные из трех обычных досок, на них множество латунных сосудов и фигурок разнообразной формы, рядом привязан малый теленок. Это алтарь, перед которым буряты молятся. Справа стоит простая кровать, очень грязная, под кроватью горшки с еще более грязным молоком и иной хозяйственный инвентарь и запасы. Так, без малейших отличий, оборудованы все юрты.

Буряты спокойные, даже кроткие. Землю не возделывают. В своих просторных степях пасут многочисленные отары овец, скота и лошадей. Отары эти — их достояние, и говорят, что среди них есть богачи. Внешность их совсем монгольская: волосы черные, лица смуглые, широкие, носы плоские, глаза небольшие, раскосые. Одеваются они в бараньи кожаные, сшитые наподобие рубахи, носят их зимой и летом, на голое тело, белья не знают. Фасон их одежды одинаков как для мужчин, так и для женщин. Бурятскую даму можно распознать лишь по тому, что у нее в волосах вплетено множество бус, а иногда бусы висят и на шее. Бусы составляют также важную отрасль торговли за Байкалом. Приезжают купцы с большим запасом бус и сбывают их бурятам с большой прибылью. Взамен берут бараньи, воловьи и конские шкуры, различные бурятские изделия, такие как войлок, седла, инкрустированные полированным железом, удила, огнива,

китайские трубки, называемые Ганза, и так далее. Все это буряты вырабатывают искусно и красиво, с истинно китайским терпением. Очень падки они на хлеб и табак. За кусок хлеба, за горсть табаку отдают вещь несравненно более ценную: какое-нибудь собственное изделие, полтеленка или полбарана. Обмены такие делали мы часто.

Правительство уже тогда вводило в среде бурят определенные права и обязанности. Ввели перепись населения, налоги, назначали начальников, принаряжали их в форменные кафтаны и украшали медалями. Кроме того, буряты содержали почты и поставляли телеги под вещи арестантов. Телеги у них оригинальные и крайне неудобные. Это нечто похожее на нашу двуколку, только больше размером и более неуклюжее. На два высоких и никогда не смазываемых колеса насажен деревянный ящик, сколоченный из досок, и к этому пристроены оглобли. Впрягают одну лошадь и более, в соответствии с грузом. Бурят или бурятка, сидя на лошади, правит. На почтах у бурят лошади отменные, но недостаточно объезженные. Совершенно спокойно дают себя запрячь. Но тут же сразу начинают проявлять нетерпение. Два буряты с силой их держат, пока не сядут ящик и пассажир. Тогда отскакивают в сторону, а лошади вылетают, как бешеные. Так летят версту или более, после чего позволяют управлять собой как угодно. Почтовые брички, посаженные на длинных жердях, несутся легко, как на рессорах, и очень удобны.

Бурятские степи простираются на 200 с лишним верст от Верхнеудинска до Читы. В то время Чита была большим и людным центром волости. Сейчас ее превратили в губернский город, столицу Забайкальской губернии⁴⁹. В Чите первоначально были собраны все государственные преступники 1825 года. Содержали их в больших казармах, специально для этой цели построенных, под особым надзором присланного из Петербурга жандармского генерала Лепарского. На [специально] устроенных жерновах они ежедневно мо-

лоли муку из ржи, и в этом заключалась их каторжная работа. Впоследствии всех этих господ перевели на чугунолитейный, так называемый Петровский завод⁵⁰ недалеко от Читы, и уже там жили они до момента освобождения от каторги и расселения по Сибири.

За Читой начинается край прекрасный и чем дальше, тем более красивый, только очень мало населенный. Переходили мы по горам Яблонного хребта, представляющего собой прелестный ландшафт. С верхушек многих гор, среди которых вьется дорога, открывался широкий вид на долины, изрезанные речками. Казалось, будто эта прекрасная природа приглашает людей собираться здесь, селиться и пользоваться дарами Божьими. Ведь здесь и климат хоть суровый, но здоровый, а почва очень урожайная. Яблонные горы в основном покрыты лесами. Растут здесь поднебесные кедры и хвойное дерево, называемое лиственница, очень похоже на сосну, только более твердое и прочное, а значит, лучшее. Его широко используют для всяческих построек. От Яблонных гор изменяется система всех рек. До сих пор они текли к северу, отсюда текут на юго-восток. Мы проходили через множество рек, больших и небольших, названий которых уже не помню. Помню очень красивую реку Ингоду⁵¹ и вторую — Шилку, впадающую в Амур. Стоял апрель, шла уже вторая весна нашей ссылки, а мы все еще шли к конечному пункту.

Прошли мы через уездный городок Нерчинск, небольшой и деревянный, от которого оставалось всего 300 верст до Нерчинских рудников⁵². Эта часть перехода от Иркутска была гораздо более удобная. Мы не испытывали ни голода, ни особых трудностей, потому что было на что покупать продукты и было по десять подвод от каждого этапа. Мы были молоды, здоровы, и нас было много.

Несмотря на непрестанную и все усиливающуюся тоску, случались минуты мимолетного веселья, остроумных шуток, забавных замыслов. Случались именины, тогда именинник принимал общие поздравления и обязан был устраивать

банкет. Пётр Боровский как «гоффурьер» снабжал нас лучшими съестными припасами. Всегда находил где-то хорошее мясо, отличную рыбу, а иногда даже и дичь. Тогда самые лучшие из нас повара, Коссаковский и Цырына, по просьбе именинника готовили обед. Был среди нас благородный, ныне покойный, Марьян Подхородэньский, болезненный, немолодой, но гостеприимный по натуре и по привычке. Как только наступал праздник Девы Марии, его убеждали, что это его именины, и, несмотря на протесты, вынужден был каждый раз устраивать обед. Забавно было видеть, как он, забыв, что находится на этапе, ходил, как дома, от одного к другому, любезно упрашивая кушать побольше, подавая колотый сахар к десерту. Если была возможность добыть водки, мы пили за здоровье именинника «до звездочки». Мы берегли у себя стаканчик с выгравированными на его стенках звездочками. Доходящая до одной из них — это была установленная опытным путем мерка полновесной рюмки водки, и называлась она «до звездочки». После сытного обеда начинались оживленные разговоры. Зачастую затрагивались важные вопросы, касающиеся истории, политической экономии, философии и тому подобного. Наступало общее оживление. Каждый высказывал и доказывал свое мнение. Шум стоял сильный. Не раз этапный офицер заглядывал, чтобы узнать причину. Убедившись, что все спокойно, что лишь кричат беседуя, уходил. В этих памятных дискуссиях главным образом сражались Бопрэ и Машковский. Оба живые и увлекающиеся, каждый разговор их был бурным и безудержным. Иногда казалось, что их хватит удар. И когда всем уже было достаточно споров, эти двое до поздней ночи не могли остановиться, пока не начинали их увещевать: «Перестаньте шуметь, спать не даете».

На пути от города Нерчинска к Нерчинским рудникам встречались нам деревни, уже относящиеся к Верхнему Заводу, так называемые подзаводские⁵³. Мы переправлялись через последнюю реку — Шилку, о которой я упоминал. На

другом берегу, тут же рядом с переправой, стояло зажиточное жилище, принадлежащее самым богатым в Нерчинском округе купцам Кандинским. Было их два брата, торгующих совместно. На старость лет построили себе дом в живописном месте над Шилкой, и все дела передали многочисленному потомству⁵⁴. С Кандинским-сыном, возглавлявшим всю обширную торговлю, мы познакомились в Главном Нерчинском Заводе⁵⁵, где он постоянно жил и откуда руководил всеми делами.

Под конец апреля 1840 года мы вошли в первый расположенный по тракту Верхний Завод, называемый Газимур. Здесь нас ожидали незнакомые товарищи. Мы уже слышали и знали точно, что во время нашего пребывания в Усолье через Иркутск в Нерчинск провели более десяти очень молодых людей из Варшавы. Пока семерых поместили в Газимуре, а всего их было десять: Брохоцкий Марцели, Эренберг Густав, Грушецкий Михал, Краевский Александр, Морозевич Станислав, Рабцевич Владыслав, Савичевский Константы, Венжик Александр, Валэцкий Антони и Жмиевский Эугеньюш⁵⁶. Прекрасная молодежь, внешне и внутренне, телом и душой. Учились много и хорошо. На каждого из них, едва окончившего учение, едва начавшего работать, свалилось несчастье и загнало в Сибирь. Некоторым из них, таким как Савичевский, Краевский, Жмиевский, не исполнилось и 20 лет. Переход от Варшавы до Нерчинска совершали с такой веселой покорностью, будто предприняли добровольную тяжелую прогулку. Шли с большими удобствами, чем мы, ибо их так не обобрали, как нас в Киеве. Поэтому у каждого были белье и одежда и немного монеты в кармане. Пересекая Байкал, пародировали песнь Бохдана Залеского о Мазепе⁵⁷, которую цитирую как образец грустно-веселого настроения этих симпатичных молодых людей:

Простись, полька, с идеалом!
Не текут обратно реки,

Твой любимый за Байкалом,
Не придет к тебе вовеки.
Далеко, среди буряток,
Найдет счастье и достаток.

Они знали о времени нашего прибытия. Вскоре услышали барабан приближающейся партии, выбежали все на улицу, сущие весенние мотыльки, которым красочные крылышки прихватило чужим морозным ветром. Приоделись по-праздничному в черные сюртуки, наварили еды, чтобы нас, голодных, угостить, и с юношеской живостью приветствовали нас и обнимали как давние наилучшие знакомые. Ведь общая горькая доля сближает ссыльных и объединяет лучше и более чистосердечно, чем самые близкие и длительные отношения в обыденной жизни. Оживление началось неопишное. Как искры посыпались веселые шутки, остроумные рассказы, беспорядочные, но занятные подробности о пережитом путешествии и неуверенные, понаслышке, сообщения о том, что ждет нас на рудниках, какой будет наша жизнь. Замороженный этим круговоротом, офицер не знал, что предпринять, и, сломленный радушием, покорно предоставил нам возможность беспрепятственно беседовать несколько часов. Наконец, подошло время, взаимное «до свидания» прозвучало более десяти раз. И вот, немного спустя, стали мы все часто видеться друг с другом.

Через пару дней вошли мы в Главный Завод, столицу Нерчинских рудников. Там жил главный начальник, горный инженер-полковник Татаринов⁵⁸. Там была вся администрация и юрисдикция. Завели нас в главную контору, похожую на все конторы во всей России. Несколько оборванцев, сидящих за столами в просторной комнате, покусывали перья. В другой комнате три чиновника в мундирах проводили заседание. Сперва проверили наши фамилии, а вслед за этим приказали сбрить усы. Поскольку царь Николай не любил усов, то и Татаринов считал своей обязанностью также не любить их. Явились цирюльники, и наши усы упали в мгно-

вение ока. На загорелых лицах появились под носами белые пятна, это нас так обезобразило, что без смеха не могли мы смотреть друг на друга. По завершении этой архиважной процедуры успокоенная власть приказала разместить нас временно в довольно большом доме, принадлежащем поляку, сосланному после войны 1830 года. Был он родом из Варшавы, портной по профессии, так что имел заработок и дела у него шли неплохо. Фамилии не помню.

Вскоре началось распределение. Начали развозить нас по несколько человек на разные заводы и рудники. Не зная будущего, не зная, что нас ждет, прощались мы друг с другом с глубокой печалью, будто надолго, будто навсегда. Трех из нас — Адольфа Рошковского, Фортуната Грабовского и меня — направили на рудник в 12 верстах от Большого Завода, называемый Горная⁵⁹. Это была довольно живописная деревня, расположенная на склоне холма. На вершине холма был рудник — шахта для добычи руды, содержащей серебро, одна из самых богатых в данной области. День был унылый и слякотный: шел дождь со снегом. Конечный пункт ссылки, Горную, увидели мы 1 мая 1840 года.

Как же прошли два года жизни? 21 сентября 1838 года я был арестован. Полгода сидел в Киевской крепости. Сперва в одиночестве, потом дали мне товарища, студента Киевского университета Антони Янишевского. Он только что закончил математический факультет и, как отличник, направлялся на государственный счет за границу для завершения образования, чтобы затем получить профессорскую кафедру. Судьба завела его в тюрьму, а потом в вечные солдаты на Кавказ. Провел он там много лет, дослужился до высокого чина и в качестве отставного подполковника возвратился на родину, кажется, в 1858 году. Поселился в Одессе, где два года назад умер.

25 февраля 1839 года меня вывезли из Киева в Тобольск в сопровождении двух жандармов и с 20-фунтовыми кандалами на ногах. 1 апреля 1839 года в обществе семи товарищей

вышел я из Тобольска вглубь Сибири, за все время непрестанного странствования прошел 4 500 верст и наконец 1 мая 1840 года очутился в Горной. Сколько же тягостей, нужды и голода осталось позади! Ночи в тюрьме, днем звон кандалов и циничные насмешки уголовников. Партия, в составе которой мы шли, состояла из ста с лишним арестантов. Во главе шагали приговоренные к каторжным работам, закованные в кандалы! У каждого из них на совести были убийство, поджог или подделка ассигнаций. На лицах их не видно было ни грусти, ни тоски, ни тем более каких-либо внутренних терзаний. Наоборот, были они веселы, развлекались наилучшим образом. Не раз я собственными ушами слышал, как они, собравшись в кружок на этапном дворе, по очереди рассказывали о своих страшных деяниях. Рассказы эти перемежались с шутками и сатанинским смехом, а заканчивались обычно ужасающим преступлением, которое вызывало у слушателей вместо возмущения необъяснимое удовлетворение. Они верховодили в партии, никто не осмеливался им противиться. За ними шли сосланные на поселение в Сибирь и женщины, одни были осуждены за разные преступления, другие добровольно сопутствовали мужьям. Последние обычно сидели на телегах, многие с ребенком у груди.

У ссыльных негодяев в партиях есть свой тайный устав, и все ссыльные подчиняются ему безоговорочно. Ничего не делается без голосования и общего разрешения. Каждый получивший разрешение обкладывается податью. Например, желающий убежать просит разрешения. Общество выносит решение, определяет размер оплаты, указывает время и место побега. Или же двое похожих друг на друга мерзавцев хотят поменяться своими судьбами; тот, что на поселение, соглашается пойти на каторгу за определенную денежную плату. Изучают поэтому свое прошлое, меняются фамилиями при проверке и отвечают один за другого. Но чтобы это осуществить, оба просят разрешения.

Партия назначает оплату и дает соизволение. Каждая ссыльная женщина должна быть чьей-нибудь любовницей, но выбирать не может ни одна. Решает партия. Претендент платит подать, а партия именуется его любовником. Если женщина сопротивляется, не хочет, то подвергается страшным преследованиям. Не раз видели мы ужасные изнасилования, совершаемые среди бела дня во время перехода. Подкупленные солдаты смотрят на эти преступления с полнейшим безразличием.

Объединение женщин и мужчин в одной партии было, несомненно, главной причиной бродяжничества и многочисленных преступлений. Говорят, что правительство спохватилось, и теперь женщины идут совсем отдельно. Такое изменение было необходимо и, несомненно, эффективно. Но хватит об этих мерзостях. Возвращаюсь к дальнейшим воспоминаниям.

Втроем мы, измученные и печальные, вошли в Горную. Завезли нас прямо к конторе. Верзила начальник конторы Березовский записал нас в какую-то книгу, велел стать под планку для замера роста и после этой процедуры объявил, что мы можем снять для себя квартиру. Тут же появился местный житель и пригласил нас к себе. Фамилия его была Портнягин. Ввел нас в небольшую, но отдельную квартирку и назначил месячную совсем незначительную цену. Поблагодарили мы Бога за такой приют, поскольку выбирать не было ни времени, ни желания. Четверть часа спустя вошел изнуренный болезнью и исхудалый, но приятной наружности земляк, по фамилии Крочевский, сосланный за политические дела 1833 года. Был он ксендзом в Люблинском приходе⁶⁰. Ни намек на священнический сан. Одет он был в жалкую байку. Сел и начал рассказывать нам о своей печальной жизни. Не исполнял никаких священнических обязанностей. Ему это запретили. Раз в год видывал ксендза и слушал богослужение. Обучился сапожному делу и с помощью шила зарабатывал на жизнь. Умер несколько лет спустя от рака желудка.

Едва мы начали разговор с бедным бывшим священником, как в окно заглянул оборванец в красной шапке и громко воскликнул:

— Завтра в четыре утра в комендатуру.

— Что это значит? — спросили мы тревожно.

— Ха! Это первые проявления местного гостеприимства, — ответил Крочевский. — До рассвета вы должны прийти к конторе, стать в один ряд с каторжниками и отправиться делать, что прикажут. Но я по пути сюда видел, что приехал начальник рудников капитан-инженер Фитингов. Он добрый человек, может вам помочь; советую — идите сейчас.

Мы тут же немедленно пошли к местному начальнику, поручику Аникину. Недостойная почтения личность и, как мы позднее убедились, ничего не стоящая. После доклада нас впустили в комнату. Вышел к нам рослый, средних лет, красивый брюнет в офицерском мундире. В коротких словах изложили мы причину нашего появления. Он немного задумался, а потом вежливо сказал: «Придите, пожалуйста, завтра, в восемь утра. Постараюсь дать вам желаемый ответ».

Но завтра вместо комендатуры пошли мы к Фитингову. Он явно нас дожидался. Тут же приказал подать чай и трубки и начал беседу, будто мы были его гостями. В заключение сказал, что назначает нас в помещение для анализа проб, где дважды в неделю с 11 до 13 часов проверяют образцы добытой руды, то есть химическим способом определяют, сколько в какой руде содержится серебра, что занятие это для нас не будет обременительно, но даже может стать интересным и занимательным. А поскольку мы еще не освоились с местностью, то один из нас может оставаться дома, лишь бы двое других постоянно бывали на пробах. Было два брата Фитинговых, упомянутый Александр Христофорович и второй, Николай. Оба прекрасного, даже благородного нрава. Именно так я должен судить о них, потому что не только всегда были деликатны, но и помогали нам чем

могли. Они помогали в переписке с отчизной, которая нам была запрещена, ибо мы, как умершие для общества, не имели права писать родным. Фитинговы отправляли письма, а ответные приходили нам на их адрес. Таким образом, Коссаковский, увлекающийся охотой, получил от сестер двустволку. Вспоминаю двух этих добряков с чувством глубокой благодарности.

Здесь я должен описать случай, доказывающий благородство Александра Фитингова и мою шальную неосторожность. По истечении некоторого времени, когда все мы начали уже жить свободнее и навещать друг друга, собрались мы сообща в Большом Заводе в день 29 ноября⁶¹. Оживленный обед проходил на квартире Бопрэ. После обеда, под вечер, отправили меня друзья к Фитингову с ответным визитом, поскольку он, когда бы ни приезжал в Горную, никогда не миновал нас. Просиживал с нами по несколько часов, однажды даже крепко напился — надо признаться, что к рюмке имел немалую склонность. Встретил меня самым любезным образом и стал угощать наливкой. Выпил я рюмку, вторую, третью. При воздержании и молодых годах напиток подействовал, тем более что я никогда не мог пить много. Я хотел уже уходить, Фитингов задерживает и наливает еще. Будучи под хмельком, говорю ему: «Выпью, но давайте вместе выпьем за то, что я предложу, ведь у нас сегодня праздник, годовщина восстания 1830 года». Добряк поднимает рюмку и обращается ко мне: «Поздравляю с праздником». Обнялись мы, чокнулись. Выйдя на улицу и осознав, какую допустил глупость, как же благодарил я Бога за то, что охранил меня от беды, и моего Фитингова почти полюбил.

Благое и простое постановление Фитингова действовало недолго. Что-то произошло в Большом Заводе, что возмутило Татарина. Сгоряча, а был он вспыльчив, приказал, чтобы полякам не давали поблажки, чтобы всех везде впрягали в работу. Совершенно неожиданно получили мы от Аникина распоряжение ежедневно ходить на рудник, от 8 до 11 часов

утра. Правда, не требовали от нас настоящей работы, была это лишь проформа, однако достаточно досадная. Посреди площади, где складывали добытую из глубины земли руду, толкли мы ее молотками, как толкут камни на шоссе. И это продолжалось несколько месяцев. Вскоре Татаринов стал генералом и уехал на должность губернатора в Томск, а его преемник, полковник Родственный⁶², приказал всех нас освободить от работ. И с этого времени никто уже нам не досаждал. Жили мы спокойно и почти свободно.

Нерчинские рудники занимают площадь в несколько сот верст по окружности. Было несколько заводов, в которых выплавляли из руды серебро. Делалось это в больших специальных печах. Руда кроме земли содержала в себе серебро, олово и мышьяк. Сперва отделяли серебро с оловом, потом отделяли олово, а чистое серебро сплавляли в небольшие слитки, которые, опечатанные и взвешенные, отправлялись ежегодно в Петербург. Во время плавления руды мышьяк улетучивался и пары его распространялись в воздухе, а значительная часть оседала на стенах печей. Работа около этих печей была убийственной, мышьяк разрушал здоровье работающих, обычно начиналась отечность в груди, кожа лица желтела, и часто наступала смерть. Встречались крепкие организмы, которые переносили этот яд без последствий, но это были исключения. Для предотвращения слишком большой смертности каторжников, проработавших неделю возле печей, отправляли на вольный и чистый воздух, на работу в рудниках. Таких заводов было несколько. Прежде всего, Главный Нерчинский Завод, где была сосредоточена вся администрация и где была резиденция главного начальника. Завод Кутомара — туда сразу был отправлен Каспер Машковский. Завод Дучара — на него направили Валеры Коссаковского, Ожешко, Цырыну и варшавянина Валэцкого. Завод Газимур, — где, как я упоминал, собрана была варшавская молодежь. Вскоре эту молодежь расхватили на все стороны; они стали учителями детей чиновников. Был еще какой-то завод,

но я забыл. Рудников было очень много, каждый принадлежал к определенному заводу и туда отправлял добытую руду. Отвозили ее крестьяне из многочисленных окрестных сел, называли их подзаводскими, потому что они должны были выполнять определенные обязательные работы, вроде барщины⁶³.

Все заводы и рудники лежат среди непрерывных гор. Вздыхаются они по всему Нерчинскому краю. Жители называют эти горы сопками. На некоторых выстроились кресты. Одни из гор голые, другие покрыты березовыми рощами. Земля здесь очень плодородна, вегетация буйная и прекрасная, растительность удивительная. Растут здесь полевые ландыши, красные и розовые пионы, белые лилии, колокольчики, более красивые, чем выращиваемые в наших садах, и много других цветов, сильно пахнущих. Особенно восхищал нас большой белый цветок с красивой красной каймой. Сожалею, что не собрал и не сохранил семян. Но кто ж из нас мог тогда думать о том, что вернется на родину?! В долинах между гор текут малые реки и ручьи, увлажняющие землю. В середине мая начинает усиливаться рост травы и цветов, и вырастают они очень быстро. Среди этих лугов пасутся стада скота и овец. Скот здесь тоже очень красивый, совсем как швейцарский, и уже в середине июня упитанный и налитой. Коровы черные, пестрые и очень много пегих. Молока дают много, и молоко отличное.

Вскоре после этого в Горную прибыл старик Маурыцы Кисель. Для четверых у Портнягина стало слишком тесно. Будучи уверены, что мы пробудем в Горной все 20 лет, стали мы думать о приобретении в собственность избы. Подвернулась изба сосланных на Кавказ татар. Были в ней сквозные сени, слева просторная кухня, справа две комнатки с печью-голландкой. В сенях кладовка, в кухне подпол, у дома небольшой двор, плохо огороженный, с плохим сараем, и не очень большой огород. Без долгих раздумий купили мы эту избу в общую собственность за 300 рублей. Итак, у нас был

свой дом, куда вскоре прибыл пятый товарищ из Кутомары Каспер Машковский.

В дороге к Нерчинским рудникам, где нам, по-видимому, предстояло прожить жизнь, разработали мы определенные правила, вроде конституции, обязательной для всех, все пункты которой мы добровольно обещали выполнять. Конституция требовала: 1) безоговорочного повиновения местным властям, ни о чем не просить и выполнять все, что только будет приказано; 2) не избегать знакомства с чиновниками, но ограничиваться необходимостью, не доходя до дружеской фамильярности, которая может повлечь за собой панибратство и даже притеснения; 3) ни под каким предлогом не играть с чиновниками в карты; 4) по возможности объединяться, если власти разрешат, навещать друг друга и собираться как можно чаще, для этого каждый обязан был отмечать именины и все должны были на именины приходить; 5) из денег, поступающих с родины, каждый обязан был вносить определенный процент в кассу, так называемую кассу ссыльных, обязанностью выбранного кассира было вести точный счет, а касса предназначалась для помощи и снабжения товарищей, не имеющих никаких средств; 6) избегать, по возможности, близких отношений с местным прекрасным полом, что в диком и полном преступников крае было опасным и даже угрожающим. Правила эти точно выполнялись в течение всего времени пребывания моего на каторге. Каждое отклонение обсуждалось и резко порицалось на общих собраниях, назначаемых по такому поводу.

Мы в Горной устроились по принципу полного братского равенства. Все доходы, откуда бы и для кого бы из нас в течение года ни поступали, направлялись для удовлетворения наших общих потребностей. Мы решили не иметь никакой прислуги и все домашние работы выполняли сами. Так, Адольф Рошковский был кассиром и хозяином. В его обязанности входило: 1) собирать поступающие с родины деньги, вносить из них проценты в ссыльную кассу, а остаток запи-

сывать в приход нашей кассы; 2) ежемесячно получать причитающуюся от правительства сумму; так как каждый из нас получал полрубля серебром и два пуда ржаной муки в месяц, то получалось 10 пудов муки и два с половиной рубля на пятерых; 3) закупать и доставлять в дом все продукты питания.

Фортунат Грабовский получил под свой полный надзор двух купленных нами коров. Его заботой было следить, чтобы коровы были накормлены как следует и подоены. В его распоряжении были молочные продукты, он снимал сливки и сметану, делал масло и сыр. Он также ставил самовар, готовил чай и кофе.

Каспер Машковский был сторожем, он подметал избу, носил дрова для печей, топил печь, обогревающую комнаты, и кормил двух поросят.

Я был поваром, готовил обеды, просеивал муку и пек хлеб, делал закваску, мыл кухонную посуду и все помещение кухни содержал в чистоте.

Маурыцы Кисель как ветеран был освобожден от работы и жил на всем готовом. Соседка, бабка Ивановна, доила коров и носила воду, ибо колодца не было.

Организованная хозяйственная машина функционировала хорошо и всё лучше. Каждый из нас набирался опыта, обязанности свои выполнял всё проворнее и тщательнее. Ни одна ключница не могла бы старательнее присмотреть за молочными продуктами, собрать сливки, чем Грабовский. Коровы всегда были накормлены, зимой хлев был старательно выстлан, коровы выглядели так, будто их намеренно откармливали, а молока давали уйму. Я поначалу куховарил неумело, но вскоре дело пошло на лад. Готовил я бульоны, борщи, другие супы, котлеты и бифштексы, лапшу и вареники и т. д. В выпечке хлеба я достиг почти совершенства: хлеб был не только всегда хорошо пропечен, но я еще и умел придавать ему разнообразную форму, круглую и продолговатую, большую и меньшую. За качество хлеба началось

соревнование между Горной и Большим Зааводом, где завел кухню и кормил товарищей Бопрэ.

Все было заключено в рамки порядка и почти военного режима. Малейшее уклонение немедленно бывало замечено. Развились крепкие товарищеские отношения. Это давало определенные права и налагало обязанности, которые выполнять надо было непременно. Отсюда иногда возникали щекотливые ситуации, зачастую очень забавные. Машковский, например, никогда не мог спокойно переносить ни малейшего напоминания, а тем более замечаний, касающихся его сторожевой службы.

«Каспер, — скажет кто-нибудь из нас, — посмотри, сколько ты оставил мусора». Тотчас начинает он кричать и доказывать, что подмел самым наилучшим образом. Мало того, эти доказательства, бывало, длились по три дня и так нам надоедали, что зачастую мы предпочитали сами исправлять его работу. Превосходный был человек, но оригинал каких мало. Сколько было связано с ним комичнейших сцен! Всегда можно было вывести его из себя, договорившись между собой, что мы умышленно с этой целью будем говорить то-то и то-то. В пять минут Каспер был уже готов, а мы умирали со смеху. Аппетит у него был безумный. Как-то заключил со мной пари, что съест полкопы ⁶⁴ крутых яиц, приготовленных с фаршем. Приготовил я ему яйца очень тщательно, как было оговорено в пари. Помню, как было забавно, когда он это блюдо уничтожал. В конечном счете он проиграл, однако съел более 20 яиц. Утренний кофе пил из большой кастрюли, не отцеживая гущи. Хорошо размешав, проглатывал все сразу, — а был это кофе из жареного ячменя, ибо настоящего, слишком дорогого, не было у нас никогда. Он жив до сих пор, и, несмотря на 70 лет с лишним, желудок его сохранил свои непомерные способности.

Вскоре в этих местах проявилось наше явное умственное и моральное превосходство. Было нас более 30 человек, более-менее одинаково воспитанных, привычных к лучшей

жизни, к лучшим формам общения. Многие среди нас обладали высшим образованием и талантами. Местные чиновники нашли средство воспитания детей, притом средство ни какое попало. С властями сложились более близкие отношения и всегда с перевесом на нашей стороне. Дети делали в учебе явные успехи, отсюда благодарность родителей. Домики, что мы покупали, приобретали все более опрятный вид, вокруг них вырастали усадьбы и палисадники. Жители восхищались и проявляли желание подражать. Часто собирались мы большими группами, по 20 и более, ибо все именины, все народные памятные дни мы должны были отмечать совместно. Сперва это беспокоило власти, а жителей интересовало, что же будет твориться в таком многочисленном обществе? Старались скрытно разузнавать, разведывали в шинках, сколько поляки закупили водки, сколько заказано женщин, потому что без этих двух скверных условий не представляли себе веселого общения. Разведка всегда убеждалась, что водки куплен был только один штоф⁶⁵, а женщин не было вовсе. И однако неустанный гомон, громкие разговоры и пенье слышал каждый прохожий. «Странный народ эти поляки», — говорили простолюдины. «Поря дочные люди, — говорили некоторые горные инженеры, — вместо того чтобы стеречь их, следовало бы брать с них пример».

Так развернулась свободная и единая жизнь. Разбросанные по заводам и рудникам, навещали мы друг друга очень часто. Сноровка в пешей ходьбе была у нас хорошая. Прогуляться 15 или 20 верст было делом простым и неутомительным. Только усиливался аппетит. Каждые именины ожидалась с нетерпением; каждый, кто мог, поспешал на них. Наш дом в Горной так был расположен, что из него видны были все окрестные возвышенности и вьющиеся по ним тропы. Ежегодно было пять именин, даже шесть, так как праздник старичка Людвика Янишевского приходился на 25 августа, на следующий день после моих именин, поэтому его отмечали

также в Горной. За два дня до этого в нашем доме подготавливалось все для приема многочисленных гостей. Пусть не изысканно, но вволю следовало накормить, ведь молодые желудки не знали несварения. Так что я готовил в двух чугунках густой холодный борщ, жарил мощные жаркие и поросят, делал пельмени, вареники с творогом или клецки. Фортунат Грабовский лихорадочно управлялся с молочными продуктами, собирал самовары, а Машковский подметал дом и двор. Большие сквозные сени служили столовой, там устанавливали простые столы и табуретки. На столах несколько буханок хлеба, глазурованные миски и деревянные ложки, ножей лишь несколько — больше у нас не было. Каждый гость извлекал собственный нож, это напоминало старинные обычаи.

Съезжались обычно накануне вечером. На холмах появлялись телеги, шли пешие, конные. Стоя на крыльце, мы издали узнавали идущих и едущих. Наконец, приезжали. Начинался гомон, оживление неопишное. Одни здороваются, другие заводят коней во двор. Каспер Машковский в качестве зрителя показывает колодец и ведет скакунов к воде. Грабовский суетится возле самоваров, а соседи с интересом наблюдают. После такой вступительной суматохи начинается чаепитие. Пьет шляхта вприкуску и хлеб ест. А при этом завязывается беседа на темы самые разнообразные, нескончаемые. Казалось бы, устали все и захотят отдохнуть. Какое там, лишь после полуночи общество начинает редеть. В сени приносят солому и на ней располагаются. Всем мягко, удобно, спят как убитые. С утра сами выносят постель, сени в мгновение ока подметены, все хорошо, все в порядке.

В день именин обед простой, питательный и, главное, приправленный молодым воодушевлением и естественным аппетитом. Затем разговоры, обмен новостями, полученными с родины, отсюда и бесконечные чувствительные воспоминания, надежды на будущее, надежда на приезд жен к мужьям, планы обустройства семейных домов. В некоторые минуты

воцарялось молчание, раздавались вздохи и слезы блестели на глазах у многих. Так проходили все встречи. На следующий день утром нагостившиеся и мечтательно настроенные скитальцы разъезжались, оговорив очередные именины, всегда с нетерпением ожидаемые. Эти наши собрания в самом деле были очень сердечны и благотворны. Создавали искреннюю и действительную сплоченность, укрепляли дух и в то же время контролировали жизнь всех и каждого. Была в них какая-то возвышенная поэзия, которая до сих пор озаряет мои воспоминания. Пребывание на Нерчинских рудниках осталось в моей памяти наряду с неугасимым чувством уважения и дружеского расположения ко всем ссыльным сотоварищам. Мало нас уже осталось. Большинство сошло в могилу. Мы, еще живущие, разбросанные по свету, занятые повседневными хлопотами, редко можем собраться вместе. Однако, несмотря на это, в моей душе по крайней мере, сохраняется братская любовь ко всем товарищам по изгнанию, и так будет до конца дней моих.

На Нерчинских рудниках мы застали много земляков, сосланных за войну 1830 года. Одни были солдатами в батальоне и в инвалидной роте, другие на каторжных работах. Эта несчастная среда, не объединенная прошлым, разнородная по воспитанию и семейным традициям, не имеющая никаких связей с родным краем, познала горькую судьбу и пропала. Некоторые пережились на местных девушках и навсегда стали сибиряками; иных нужда заставила пойти в батраки к крестьянам; немногочисленным ремесленникам было легче. Лишь некоторые из них выстояли в невзгодах и сохранили первоначальный, неискаженный характер. Таким был известный в истории полковник Пётр Высоцкий. Все знали, что при взятии Варшавы в 1831 году, тяжело раненым, он попал в плен, а затем был сослан на каторгу. Поначалу был в Усолье. Товарищи пытались его оттуда выволить, но побег не удался. После телесного наказания Пётра и его сообщников отправили в Нерчинск. Пётра определили в Ака-

туй. Так называется рудник, в котором есть тюрьма для самых значительных преступников. Я не познакомился с ним лично, не имел возможности и времени. Познакомились с ним и навещали его позже в Акатуе мои товарищи. Там же вместе с Пётром находился Винценты Хлопицкий, племянник генерала. Привязанность Винценты к Пётру была необычайной. Он никогда не отходил от него, помогал ему с образцовым самопожертвованием. Вдвоем устроили мыловарню, делали хорошее мыло, которое пользовалось спросом и находило сбыт. Вдвоем собственноручно построили дом и вместе жили ⁶⁶. Известно, что после амнистии возвратился на родину и благородный Пётр Высоцкий. Вместе с ним вернулся Винценты Хлопицкий, но в родном краю они вынуждены были расстаться. Пётр поселился в Королевстве, в Варке ⁶⁷. Винценты же остался на Волыни, в Пулинах под Житомиром. Умер он там, оставив жену и единственную дочь Марию почти в бедности. Обе живут сейчас в Житомире, я их часто вижу.

Третьим таким изгнанником был Мальчевский, майор саперных войск. Отличился он со своими саперами ночью 29 ноября 1830 года, а попав в плен, также был отправлен на Нерчинские рудники. Застали мы его в Большом Заводе. И хотя находился он в большой нужде, но духом не пал. Легко влился в наше дружеское общество, и было ему там хорошо.

На руднике Благодатском, в двух верстах от Горной, жили двое бедняг. Савицкий, который, будучи учащимся в Мендзыжечи на Волыни, присоединился к восстанию полковника Ружицкого, и Солэцкий, также очень молодой, который позже женился на крестьянке, а впоследствии возненавидел ее. Бедная женщина часто бывала у нас в Горной, стирала наше белье и оплакивала свою печальную судьбу. В Горной кроме ксендза Крочевского жил каменщик Франчишек Котовский ⁶⁸. Этот простой человек непоколебимо верил, что возвратится на родину, что еще будет счастлив со всеми земляками. Постоянно ожидал быстрого и чудесного освобождения. На-

значал сроки, а когда они проходили, спокойно назначал следующие и следующие, всегда с неизменной уверенностью. Он также получал самые забавные известия, о которых нам доверительно сообщал. Зачастую входит пан Франчишек с довольной физиономией.

— Как дела, пан Франчишек? Что нового?

— Идет, — отвечает он тихонько, — и может, через неделю придет.

— Кто такой? — спрашиваем.

— Неизвестно. Одни говорят: белый араб, другие говорят: Константин.

Надо сказать, что еще и в то время во всей Сибири среди населения распространена была уверенность, что великий князь Константин жив и с минуты на минуту явится⁶⁹. Вот Франчишек и верил этой сказке. Наш невольный смех смущал беднягу. Возмутился, что мы не верим таким вещам. Так и умер этот честный человек, не дождавшись освобождения. В Большом Заводе находились еще Хольштейн и ксендз Богуньский⁷⁰, коллега ксендза Крочевского. Первый давал уроки и играл на скрипке. Испытывал большую нужду, был слабого здоровья, однако дождался возвращения на родину. Второй утонул в реке Шилке во время рыбалки.

В те времена на всю Сибирь было лишь два небольших католических костела, в Томске и в Иркутске. При каждом — два священнослужителя, ксендз и викарий. Одновременно были они и военными капелланами. Ежегодно они объезжали свои обширные приходы, заезжали во все города и городки, где были военные команды, ибо в каждой находились солдаты-католики. Ксендза ожидали с большим нетерпением, и его появление становилось торжественным событием для ссыльных. Все спешили исповедоваться, слушать богослужение! Трогательны были эти богослужения.

Зимой 1840 года на Нерчинские рудники приехал иркутский настоятель, ксендз Хачиский. Власти назначили большой дом в Главном Заводе для проведения богослужения.

Устроили алтарь, в украшении которого каждому хотелось принять участие. Приносили коврики, подсвечники, восковые свечи, иконки. С утра ксендз исповедовал многочисленных грешников и проводил богослужение. Под вечер были короткие вечерни. Во время литургии за неимением органа мы отвечали священнику пением. Был создан квартет из неплохих голосов. Рабцевич вел бас, Жонжевский сопрано, я был тенором, Цырына отлично вторил. Исполняли мы «Когда утренние всходят зори» на прекрасный мотив, сохраняемый в нашей среде. Наше пение привлекало инженеров. Слушали как на концерте. Некоторые, как, например, майор Таскин ⁷¹, меломан, не пропустили ни одного богослужения. После мессы мы забирали священника на обед, угощали его не изысканно, но гостеприимно и искренне. Так прошло более десяти дней, и попрощались с настоятелем до встречи не ранее чем через год.

Так протекала тоскливая жизнь каторжников. Обязательная физическая работа поддерживала и укрепляла здоровье. Частые наши сборы укрепляли дух, хранили от морального упадка. Письма и денежная помощь с родины разжигали и оживляли тоску и любовь к родному краю и к оставленным женам и семьям. Постепенно создавалась общая библиотека ссыльных, которая постоянно пополнялась сочинениями серьезного и поучительного содержания. Затем возник проект свободного хозяйства. Бопрэ с Подлевским купили хутор недалеко от Большого Завода. Выросли строения и добротный домик. Неизвестные там прежде плуги начали взрезать землю. Семена пшеницы были доставлены из Сандомежа ⁷². В течение нескольких лет хутор расцвел; в нем работало несколько батраков, коней и скота было достаточно, и прибыль росла год от года. По несколько тысяч пудов зерна закупало правительство. Кароль Подлевский принадлежал к варшавской молодежи, только прибыл на рудник позже. Попал на каторгу, едва закончив учебу. Превосходный это был и способный юноша. С его братом мы были товарища-

ми в кременецких школах, а в 1836 году встретил я его в Берлине и мы подружились. Младший, Кароль, о котором здесь речь, стал мне товарищем по ссылке. Сперва учил детей чиновников, потом взялся за хозяйствование на хуторе.

Женился он на Нерчинских рудниках на панне Брынк, дочери товарища Ежи Брынка, приехавшей к Ежи вместе с его женой. В эту барышню до смерти влюблялись почти все неженатые ссыльные. Панна выбрала Подлевского, а иркутский настоятель этот союз благословил. Оба возвратились на родину с группкой детей и в настоящее время живут в Кракове. Состоялась и вторая свадьба. Самый старший по возрасту среди варшавской молодежи Владыслав Рабцевич перед ссылкой был обручен с панной Катажиной Непокойчикувной из Литвы. Не изменившая своей привязанности панна приехала в Иркутск. Владыслав, получив разрешение местных властей, помчался в столицу Восточной Сибири, обвенчался в Иркутском костеле и вместе с женой вернулся в Нерчинский Завод⁷³. Обе свадьбы состоялись уже без меня, ибо в моем положении произошло неожиданное изменение.

17 июня 1841 года прошло многолюдное собрание товарищей в Горной по случаю именин Адольфа Рошковского. Как обычно, для приема дорогих гостей заранее был подготовлен обильный банкет. Вечером Пётр Боровский, у которого тогда уже была обязательная работа⁷⁴, уехал в Главный Завод, а мы все беседовали до позднего времени. На следующий день ранним утром прибежал посыльный от Пётра с письмом такого содержания: «Ручиньский и Янишевский освобождены от каторжных работ и вызываются в Иркутск. Приказ губернатора пришел вчера. Пусть Юстыньян срочно прибудет в Завод, так как власти хотят отправить их как можно скорее». Известие это нас, собравшихся, поразило, как бомба. Что это значит? Только ли двоих? Пётр пишет неясно. Надо убедиться. Такие и тому подобные слова переходили из уст в уста. Волнение было всеобщее. В тот же час все двинулись к Заводу. Остались я, Рошковский и старик

Кисель. Через несколько часов местный начальник прислал приказ, чтобы я немедленно выехал в Завод. Едва успел я собрать немногочисленные пожитки, проститься с нашим домашним уголком, к которому уже успел несколько привыкнуть. В Большом Заводе я застал страшную спешку. Случилось так, что начальник Родственный куда-то выехал. Временно замещал его помощник, майор Черниговцев, тупоголовый и большой трус. Царский приказ поверг его прямотаки в лихорадочное состояние⁷⁵. Напрасно просил я дать пару дней отсрочки, мотивируя необходимостью подготовиться к дороге и попрощаться с товарищами. Бесполезно. В течение десяти часов выгнал он нас, выбросил из Завода, как из пращи. К домику Бопрэ подъехала почтовая кибитка, явился казак, который должен был нас сопровождать, вооруженный палашом и пистолетами. Окруженный толпой товарищей, шел я пешком до конца Завода. У каждого было какое-то пожелание, каждый просил написать его семье, если мне разрешат писать из Иркутска. Наконец, наступила минута прощания. Со слезами обнимал я их, также прослезившихся, каждого по очереди, с глубоким чувством, так как не знал, где, когда и с кем из них снова встречу.

Происходило это, насколько я помню, 20 июня 1841 года. Да, несомненно так, ибо в этот момент нахожу я среди сибирских записок листок, на котором записаны моей рукой расходы мои и Людвика Янишевского во время переезда с Нерчинских рудников в Иркутск. В самом его начале я пометил: «Выехали из Большого Завода в пятницу». Такая ничего не значащая записка сегодня, по истечении 37 лет, мне приятна и интересна. Даже полезна, ибо помогает восстанавливать подробности этого путешествия, о которых без нее я бы не вспомнил.

14 месяцев, проведенных в Горной среди добрых товарищей, составляют в изгнании период, о котором до сих пор сохраняю в душе грустные, но приятные воспоминания. Следующий период, который для меня начинался, был тяжелым

и мучительным: вырванный из среды друзей, я осиротел, стал полностью одиноким. И так прожил я более полутора лет.

Отправились мы по знакомой уже дороге, пройденной по этапу. Ехали почтой, отдыхая по мере желанья и потребности. Пан Людвик был уже старичком лет 70. Следовало соблюдать большую осторожность, чтобы сохранить его силы и здоровым довести до Иркутска. Я усердно за ним ухаживал, ехали мы не спеша, ночевали регулярно, кормил я его главным образом молоком и с Божьей помощью благополучно довел. Привязался он ко мне, как дитя к няньке. А когда затем судьба нас разлучила, писал мне постоянно и часто до самой смерти. Не дождался, однако, возвращения на родину, умер в Иркутске.

В записках, что лежат передо мной, читаю: первый ночлег был у нас в деревне Зелентуй, второй — в волости Солонцы. Здесь встретила нас неприятная неожиданность. Казак подъехал к дому горного чиновника, ведающего этой волостью. Сняли наши вещи, чиновник этот проверил их самым тщательным образом. Такие проверки делали затем городничие в городах Нерчинске и Верхнеудинске. Первый проводил обыск довольно условно, поверхностно, даже пригласил нас на обед. Другой, армейский майор, издевался над нами. Приказал нам раздеться до рубах, копался в нашем старье, а в дополнение к этому поставил караул и держал нас, будто в тюрьме. Упросили мы нашего казака ускорить выезд и убрались как можно скорее. Эти неприятности произошли из-за труса Черниговцева. Это он отправил почтой официальное распоряжение властям на нашем пути, чтобы везде нас обыскивали. Чего он опасался, в чем нас подозревал — угадать невозможно. Сам он имел, как говорили, значительный запас ложек из местного государственного серебра, возможно, предполагал, что и мы способны на подобное воровство. Никто ничего у нас не нашел, потому что ничего не было. Не имея за собой вины, переносили мы эти отвратительные процедуры молча. Городничий Верхнеудин-

ска нашел в моем сундучке довольно большую тетрадь, исписанную по-польски и по-французски. Не зная этих языков и полагая, что поймал нечто важное, отправил всю тетрадь с особым рапортом иркутскому губернатору, который позже отослал мне ее обратно.

Третий наш ночлег был в волости Тайная. Рядом с этой волостью расположен завод Газимур, где еще находился варшавянин Эугеньюш Жмиевский⁷⁶. Зашел я к нему и провел там с ним всю ночь. После этого ночевали мы в Бянкине над Шилкой, где жили упомянутые выше старики Кандинские⁷⁷.

Миновав город Нерчинск, доехали мы до Кайдатной. Эту волость запомнил я прекрасно. Почтовая станция стоит над прекрасной рекой Ягодой⁷⁸. Подъезжая, увидели мы двух казаков, сидящих на крыльце. Оба были вооружены, поэтому я сразу догадался, что кого-то сопровождают. И вот едва я спрыгнул с брочки, как отворились двери в избу и в них появился довольно рослый и молодой еще мужчина с массивными кандалами на ногах. Это был Хенрык Голеевский из Подолии. В 1831 году после войны он эмигрировал и потом тайно возвратился на родину. Полиция его выследила. Признанный эмиссаром, он был приговорен к каторжным работам. Как очень важного преступника везли его почтой до самых рудников. Я никогда не был с ним знаком, никогда о нем не слыхал. Знакомство произошло моментально. Всю ночь не сомкнул я глаз. Пан Людвик спал наилучшим образом, а мы рассуждали до бела дня. Рассказал мне Хенрык всю свою историю, а я ему, в свою очередь, рассказал о Нерчинских рудниках, о товарищах, о жизни, что его ждет. Утешил его и ободрил.

Был он уже очень глухой. Просил, чтобы я написал его сестре Леокадии о куске корабельного каната, якобы помогающем от глухоты, что я и сделал при первой же возможности⁷⁹. Я дал ему по-дружески несколько рублей, так как ему уже не на что было купить хлеба. Расстались мы после утреннего чая. Он также возвратился на родину, жив и жи-

вет сейчас в Подолии. Несколько раз был у нас в Житомире. Глухой совершенно, хоть стреляй. К счастью, любит много говорить, а поскольку видел немало и имеет большой опыт, то рассказы его зачастую интересны. Облегчает это беседу и сберегает другим легкие.

Продвигались мы далее снова через Яблонные горы, Читу, бурятские степи, Верхнеудинск, наконец 1 июля приехали к Байкалу, вернее к реке Селенге, впадающей в Байкал. Там находится большой волостной центр Кабанск, застроенный как городок. Мы попали на ярмарку. На большой площади в расставленных палатках купцы продавали различные товары, вокруг них толпились крестьяне и крестьянки. Шум и гомон напоминали торги в наших местах.

В Кабанске сидели мы целую неделю. Перевозное судно пришло от Иркутска через два дня после нашего приезда, но несколько дней на него грузили большое количество железа. 8 июля завели нас на судно. Из кабанского порта вышли мы под вечер. Не далее чем через две версты Селенга впадает в Байкал. Вид прелестный. Есть у меня этот вид, сделанный в натуры Леопольдом Немировским⁸⁰. Время было прекрасное. Попутный ветер обещал хорошее плавание. Но случилось, однако, иначе. Когда мы вышли в Байкал, наступила ночь, но ночь летняя, ясная и теплая. Поставили паруса, судно быстро продвигалось вперед. Все пассажиры уснули, заснул и капитан, а его примеру последовали матросы и рулевой. Оставленное без управления судно развернулось наперед и носилось на свободе целую ночь. Лишь на рассвете проснувшаяся команда привела все в порядок. Но время было упущено, ибо мы потеряли несколько часов самого благоприятного ветра. Вскоре ветер переменился, стал сильно дуть с другой стороны. Поднялись волны и начали сильно швырять судно. Три дня мучились мы немилосердно. У меня началась морская болезнь, казалось, испущу дух. Болели и другие пассажиры, один лишь мой товарищ, старичок, здоров был вполне.

В конце концов после невыносимых трех дней приплыли мы к берегу. Ступив на землю, я ожил, но еще потом целую неделю моя голова шла кругом. Будто в вознаграждение за неприятное плавание у самого берега Байкала встретило меня утешение. Мой знакомый по Нерчинским рудникам горный майор-инженер Таскин провожал из Иркутска на Байкал профессора Петербургского университета, действительного статского советника Купфера, который ехал в Нерчинский край для опытов с магнитной стрелкой. Едва меня заметив, вежливо поприветствовал и вручил мне письмо от моей жены, недавно написанное. Каким образом это письмо к нему попало, почему оно было при нем, совершенно не помню. Помню лишь, что очень обрадовался и в лучшем настроении приближался к Иркутску. А ехал я вместе с Таскиным, он пригласил меня в свою бричку.

В Иркутске сопровождающий нас казак подъехал прямо к дому губернатора. Как я уже упоминал, это был Пятницкий. Сразу сказал, что вызвал меня в Иркутск по просьбе моей жены, от которой получил письмо, и был так любезен, что показал мне это письмо. Итак, ее неутомимая бдительность и забота обо мне распространились повсюду. И доходили они своевременно почти чудодейственным образом. Приказ об освобождении меня от каторжных работ и письмо моей жены Пятницкий получил почти одновременно и тут же издал соответствующее распоряжение. И это было подлинным благодеянием, потому что поселение за Байкалом, в безлюдном краю, удаленном от всякой власти, стократ тяжелее каторжных работ. По-видимому, каким-то предназначением моим было преодолевать первые препятствия, переносить первоначальные трудности, быть предметом чрезвычайных, досадных распоряжений. После выезда с Нерчинских рудников меня мучили обысками, чего впоследствии не узнали мои товарищи. Когда я прибыл в Иркутск, никому тогда еще из политических ссыльных нельзя было жить в городе, в то время как потом все мои товарищи спокойно

жили в самом Иркутске. Правда, в городе жили Немировский и Лесьневич, но первый учил рисованию детей губернатора Руперта, а второй строил для него же летнюю резиденцию за городом. По этим серьезным причинам для них было сделано исключение из общего правила. Так что меня выслали в близлежащую деревню Щукино, расположенную верстах в 15 по тракту от Иркутска в сторону Байкала. Со мной выехал и старик Янишевский. Деревня была небольшая и бедная. Кое-как нашлось сносное убежище для пана Людвика. Для себя снял я безобразную избу, так тоскливо и плохо мне в ней было, что даже вспоминать о ней не люблю. Было это в середине июля. Все жители заняты работой в поле, деревня совершенно пустая, никакой помощи, даже дров я не мог получить и для приготовления пищи вынужден был носить ветки из ближнего леса. Для развлечения, для ознакомления с местностью выходил я на прогулку. Идучи однажды по берегу Ангары, увидел я невдалеке другую деревню, такую же неприглядную. На завалинке одной несколько более опрятной избушки сидел крестьянин. Подошел я к нему и начал беседу. Деревня называлась Крижановщина, а моего собеседника звали Иван Алексеевич Чернов. В избе я увидел маленькую, но отдельную комнатку, которая мне понравилась. Чернов охотно сдал мне ее, и на следующий день я сразу туда переселился. И жил в этой избе одиноко до конца пребывания в Иркутской губернии.

Этот крестьянский домик стоял над самой Ангарой, берег ее в этом месте был совершенно пологий. Противоположный берег, крутой, покрытый прекрасной зеленью, представлял собою вид чарующий. Посредине домика были входные сени, разумеется холодные. В глубине дверцы в маленькую кладовушку. Справа горница, в которой жили хозяева, налево горничка моя. В ней было два окошка, одно с видом на Ангару. Вглядывался я в прелестный пейзаж. Трогал он меня невыразимо и тоску доводил почти до экзальтации. Справа от входа стояла печь, перед ее отверстием под вторым окош-

ком — небольшое подполье, очень удобное; в нем я хранил недельные запасы продуктов. В углу между окон я поставил простой столик с запираемым ящиком и с самоваром, купленным в Иркутске. У двери рядом с печью две доски на деревянных опорах служили мне кроватью. Холщовый сеник, сложенный вдвое, лежал в углу слева от входа, на нем кожаная подушка и козух, все с утра тщательно прикрывалось старым пальто, прибывшим со мной. Помещение это было в шесть шагов длиной, пять шириной. А место было достаточно, ибо движимого имущества — почти никакого. В саквояже из рекрутского сукна было у меня немного белья и одно приличное платье, которое прислала мне жена. И это все.

Я решил обслуживать себя сам и не пользоваться помощью по двум соображениям: прежде всего, у меня не было средств, во-вторых, я по опыту знал, что физическая работа и механические занятия отвлекают от тяжелых размышлений, что при одиночестве, к которому приговорила меня судьба, они необходимы. Поэтому с утра я ставил себе самовар, потом готовил обед, в чем я уже приобрел сноровку, постоянно поварничая в Горной. Хозяин доставлял мне дрова и воду, больше ничего. После обеда я писал письма жене, родным и товарищам, читал поэзию Бехдана Залеского, нашедшуюся в саквояже, и без конца размышлял.

В этой неизменной тишине и одиночестве, в тяжелых и необычных условиях жизни мысли мои приобретали последовательность и какую-то необычную ясность. Подробности далекого и близкого прошлого, разные происшествия в жизни, различные мои поступки четко вырисовались в памяти и постоянно вызывали волнения. Во мне происходила как бы непрерывная внутренняя исповедь. С течением времени и по мере все более длительного одиночества такое состояние моей души развивалось все сильнее. Казалось мне, вернее, ощущал я, что со мной и около меня кто-то находится, слышит мои мысли и на них отвечает, что с помощью этого я предчувствую, предвижу, что мгла, скрывающая бу-

дущее, на мгновение развеивается. И от этого охватывали меня тревога и печаль либо успокоение, полное сладких, трогательных надежд.

Однажды, подсчитывая расходы, я увидел, что в кассе моей остается едва несколько рублей. Встревожился я очень, ибо вскоре следовало ждать голод и нужду, поскольку в это время не мог я еще ожидать помощи из дому. Когда я так сидел в глубокой озабоченности, будто бы кто-то шепнул мне на ухо: «Пойдешь в субботу в Иркутск и найдешь деньги». И тут же, неосознанно, стал я так спокоен, что помимо воли начал думать о чем-то другом. В субботу пошел в город, и первыми словами Леопольда Немировского были: «Поздравляю, тебе в губернской канцелярии письмо и деньги». Тогда я припомнил, что об этой неожиданности был предупрежден, что почти знал о ней. Письмо было от моего брата Александра. Узнав, что я освобожден от работ, прислал мне 25 рублей серебром. Это для меня в то время была сумма значительная. Возможно, не один ученый доктор скажет, что состояние мое было болезненное, а нервная система возбуждена. Не хочу с ними спорить, они знают больше, чем я. Скажу лишь, что в то время как они теоретически резонерствуют, ведя несомненно полезную, но обыкновенную жизнь, я в своей необычно горькой доле на деле узнал сверхчеловеческую поддержку. И верю, ибо знаю, что это было явным признаком высшей опеки надо мной, осязаемое проявление Провидения. По-видимому, были у меня тогда какие-то заслуги, возможно, испытываемые невзгоды несколько очистили меня от разнообразных грехов. Я должен был стать лучше, если рядом со мной был Бог. Сейчас я снова возвратился к обыденной жизни, опять забочусь о хлебе насущном, зачстую забывая, что не хлебом единым должен жить человек. Так что покров святости, в то время слегка прозрачный, снова задержался полностью.

Ознакомившись с окрестностями, нашел я с одной и с другой стороны недалеких соседей. Со стороны Байкала в

Щукине остался старичок пан Людвик, которого я часто навещал во время обычных пеших прогулок по берегу прекрасной летом Ангары. Верстах в 12 жил на хуторе Панов, тот Панов, у которого мы с Волконским пили чай на пути в Нерчинск. Каждую неделю регулярно ездил он к знакомым в Иркутск и почти всякий раз навещал меня. Я отдавал ему визиты редко, ибо пешком было далеко, а нанимать лошадей было не на что. Со стороны Иркутска в деревне Разводной, верстах в пяти жили декабристы Артамон Муравьев и Юшневские⁸¹, в удобных собственных домах.

Домик Муравьева, небольшой, но щегольской, стоял на высоком берегу Ангары и вид имел прелестный. Я знал Муравьева раньше, он посещал нас в Иркутской тюрьме. Вежливость требовала побывать у него и передать слова памяти от товарищей.

В первый раз застал я его нездоровым. Сидел он в меховом шлафроке и стонал, ибо донимал его артрит. Высокого роста, полный, с седой кучерявой шевелюрой, с могучими седыми усами и бакенбардами. Родная сестра его была замужем за Канкриным, министром финансов⁸². Портреты этих известных лиц висели на стене. Как говорили мне его товарищи, был он добросердечен, но легкомысленного и слабого характера. Без компании жить не мог. Ежедневно ездил в город, где у него было много знакомых. По возвращении заходил к Юшневым и очень комично рассказывал в подробностях о своих визитах. Это был истинный эlegantный гусар, с французским юмором. Деньги тратил так, что сестра, хоть и министерша финансов, не успевала удовлетворять потребность. Случайность оборвала его жизнь. Лопнул шкворень в экипаже во время езды рысью, он выпал на землю и скончался на месте.

Совершенно иным был Юшневский. Некогда генерал-интендант в армии Витгенштейна, он квартировал в Тульчине. Друг Пестеля, вместе с ним разрабатывал ту конституцию, что должна была создать федеративную славянскую респуб-

лику. Внешне полон скромной простоты, в беседе спокойный и серьезный, обладал он умом, отточенным научным трудом и знаниями. Он очень отличался от своих товарищей и в их среде являлся некоей необычной своеобразностью.

Разочарованный прошлым, без надежды на будущее, с грустной покорностью вел он тихую жизнь. И не скрывал этого в доверительных беседах со мной, к которым был довольно склонен. Хорошо говорил по-польски. Жена его, полька, хорошая была женщина. Очень простая, даже несколько заурядная⁸³. У него было слабое сердце, и умер он внезапно. На похоронах друга Вадковского, стоя рядом с катафалком, упал и скончался. Из всех декабристов возле Иркутска самым приятным для меня был Юшневский.

В субботу после обеда обычно отправлялся я в Иркутск. Немировский постоянно занят был уроками и рисованием и свободен был лишь по воскресеньям. Поэтому мы договорились каждый праздничный день проводить вместе. Прогулки по девять верст я совершал пешком зимой и летом. Если собирался быть у Юшневских, то тогда брал у хозяина лошадь за постоянно договоренную цену 25 копеек серебром. Тогда, чаще всего в шесть часов вечера, Леопольд снимал чайник с самовара, чтобы налить чаю, а я входил. Оба мы, исполненные жажды дружеского общения, начинали беседу, длящуюся до полуночи и более. Все дела прошлого выходили на сцену.

Биография Леопольда Немировского любопытна, интересна и отменна. Закончив курс наук в Виленском университете, сразу же поступил на государственную службу в Варшаве в качестве стажера-юриста. Вскоре вспыхнуло восстание 1830 года. Леопольд вступил во 2-й уланский полк и в этой храброй коннице провел всю кампанию. Ни одной битвы не пропустил и о каждой умел образно рассказать. Подробно сти кровавого сражения под Остролэнкой, где он был ранен, до сих пор остались у меня в памяти⁸⁴. По окончании войны

вошел с корпусом Раморино в Галицию⁸⁵. На родину возвратился в 1833 году и несколько месяцев отсидел в Киевской крепости. После освобождения подался в Одессу, где как комиссионер, торгующий пшеницей, завоевал доверие многих помещиков и начал было вести весьма прибыльные дела. Снова был арестован в 1838 году, из Киевской крепости был отправлен вместе с нами на каторжные работы. Хорошо рисовал и писал красками. Талант его оказался нужен сибирским властям. По приезде с рудников я застал его в Иркутске, он давал уроки рисования дочерям губернатора. Позднее из Петербурга прибыла комиссия для инспектирования Восточной Сибири под руководством сенатора Толстого. Направленные на Камчатку чиновники предложили Немировскому сопровождать их для зарисовки тех далеких, мало изученных северных районов. Возвратился он из этой поездки с накопленным значительным запасом рисунков, сделанных с натуры. Я видел у него великолепный альбом с изображением различных эпизодов этой экспедиции⁸⁶, когда навещал Леопольда в Ковельском уезде в Тужиске. В позапрошлом году внезапный пожар, от которого он едва спасся живым, уничтожил всё имущество и все работы Леопольда. Сгорел и этот прекрасный альбом. Этот новый удар перенес он преспокойно.

Размечтавшись после долгой ночной беседы, мы наконец засыпали. На следующий день, в воскресенье, ходили мы все вместе в костел, оттуда к Лесьневич. Пани Лесьневич уже была в Иркутске⁸⁷. И еще я запасался продуктами на неделю. В понедельник с утра Немировский шел к своим занятиям, я же возвращался к своему одиночеству.

Не раз пересматривал я письма от жены. Каждое из них было трогательным описанием тогдашней ее печали и сердечных огорчений. До сих пор, после почти 40 лет, не могу читать их без волнения. Рвалась ко мне, но на каждом шагу встречала тысячи препятствий. И в самом деле, поездка в Сибирь не могла быть легкой. Сердце ее разрывалось от

тоски по мужу и от вида больных, самых лучших родителей. Препятствия и трудности возникали везде, одни нечаянно, другие создавались умышленно. Что творилось со мной и во мне после получения каждого письма! Печаль, боль, тоска, даже возмущение бушевали во мне, как в безумном. Безумие это иногда изливал я на бумаге, потом, немного успокоившись, сожалел об этом. Порывистые слова, отправленные домой, усиливали страдания бедной моей мученицы, коробили членов семьи. Виноват я был несомненно, следовало бы поступать сдержаннее. Но и сейчас еще чувствую и говорю, что это было свыше моих сил. Судить меня надлежащим образом сможет лишь тот, кто был в таком же несчастном положении.

В одно из воскресений, после литургии, ксендз Хачиский предложил мне поехать в Александровский Завод и в Усолье, где он должен был исповедовать живущих там католиков. Я охотно согласился, ибо рад был навестить товарищей. При этом я обещал заменить ризничего и помогать при мессе. На нашем пути лежала деревня, где жили Волконские. Мы зашли к ним, ибо я считал своей обязанностью и долгом вежливости поблагодарить старика Волконского. Приняли нас очень любезно, а поскольку дело было к ночи, оставили ночевать. Княгиня Волконская была большой дамой в полном смысле слова. Высокого роста, смуглая брюнетка, некрасивая, но приятной наружности, в молодости она, должно быть, была привлекательна. Вела со мной оживленный разговор с большим салонным искусством и с доброжелательностью, сдавалось мне, неподдельной. Она возбуждала симпатию и уважение перенесенными своими страданиями и почти героическим самопожертвованием. Первыми с княгиней Трубецкой примчались они за мужьями аж в Нерчинские рудники. В первое время отношение к государственным преступникам было чрезвычайно суровое. Бедные эти дамы, привыкшие к удобствам и пышности, переносили много унижений, много моральных и материальных страданий. Это

оставило явные следы. Во внешности ее проявлялась усталость. Не могла дать себе отчета, за что и зачем столько выстрадала. Ведь действительно, дело 1825 года было фатальной утопией, лишенной малейшего логического и действительного основания. Все погибли, не возбудив сочувствия даже в своем обществе⁸⁸.

В Александровском Заводе мы заехали к пану Фрыде-рыку Михальскому с женой. Я не был знаком с ними на родине, тем не менее встретили меня как самого близкого и давнего знакомого. В их домике был устроен алтарь и служилась месса. Ежедневно сходились католики, а их было немало. Пани Михальская, в то время уже вовсе не молодая, очень набожная, обрадовалась прибытию приходского священника и молилась искренне и каждое утро. А поскольку была чрезвычайно гостеприимна, кормила и поила нас беспрестанно.

Оттуда поехали мы в Усолъе, где находились Сабиньский и Щепковский, оба занятые обучением потомства Мевууса. Сабиньский учил языкам, Щепковский — музыке. Знал музыку и страстно любил ее. Умер в Иркутске⁸⁹.

В Иркутск мы возвращались почтой через Тельминскую фабрику, а поскольку пора была поздняя, заночевали мы на последней станции. Во время езды у моего товарища-ксендза рот не закрывался. Поездка заметно оживляла его, говорил беспрестанно, рассказывая о разных происшествиях. На станции я, чувствуя некоторую усталость, сразу лег на диване. Ксендз погасил свечу и начал читать молитвы. Слушаю я и ушам не верю. Мелет ксендз, как мельница: «Отче, Отче, Отче и т. д., наш, наш, наш и т. д.» — и так до конца молитв. Это он избрал такой способ послать сразу несколько молитв. Насмешил меня немало такой способ богослужения. Очень забавный был оригинал.

Своеобразен был и викарий ксендз Шайдевич, увлеченный охотничьей страстью. Однажды среди зимы я проснулся перед рассветом и зажег свечу. Мороз был сильный. Вдруг

послышался скрип снега под приближающимися санями, которые остановились у моего домика. Входит некто в шубе, с саблей и охотничьим ножом на боку, с двустволкой за спиной, а за этим неким вторая такая же фигура. Оба покрыты белым инеем так, что узнать невозможно. Это был ксендз Шайдевич и его знакомый чиновник, тоже охотник. Собрались на волков, а так как сильно озябли, то завернули ко мне, чтобы обогреться и выпить чаю. Принял я их самым любезным образом, а когда рассвело, они отправились дальше. Нас шокировали эти выходки ксендзов, но мы смотрели на них снисходительно. Заброшенные в те далекие края, оставленные на волю Бога, с невысоким умственным развитием, они совершали разные бестактности. Но они не были плохими людьми, а как священники были лучше некоторых ксендзов на родине.

От соседей моих, крестьян, я не знал никаких неприятностей. Был с ними вежлив, платил за все наличными, не допуская, однако, никакой фамильярности. Население Сибири, в общем, очень разумно и быстро соображает, с кем имеет дело. Сперва на меня смотрели с любопытным недоверием. Затем все освоились, а хозяин мой, который получал от меня хоть небольшой, но регулярный доход и не имел никаких неприятностей, начал провозглашать в мой адрес похвалы по всему селу. Снискал я также доброжелательность крестьянской вдовы, у которой покупал молоко. Приносила мне его единственная ее дочь Дуняша, красивая четырнадцатилетняя девочка. Осмелев после нескольких посещений, рассказала мне о своей семье, о лучших условиях при жизни отца, о бедности после его смерти. И вот зачастую Дуняша, бывало, напьется у меня чаю, принесет матери подарочек, то муки пеклеванной, то немного крупы или кусочек сала. Сердца человеческие одинаковы во всем мире, везде покоряют доброжелательность и помощь в нужде. Однажды дал я Дуняше в день именин немного чаю и более десяти кусочков белого сахара. Надо заметить, что сахар, привозимый из Рос-

сии, был там очень дорог, пуд стоил 25 рублей, так что доступен был лишь для состоятельных, для крестьян же был редкостью. Повсеместно употребляли китайский сахар, называемый леденец, сахар этот очень похож на наши леденцы, желтый, твердый и в небольших кусочках, совсем недорогой, пуд стоит менее 4 рублей. Не мог я отказать очень уж сердечно приглашающей имениннице и пошел к ней на чай. Дуняша, выполняющая роль хозяйки дома, мне первому принесла поднос. Кусочек белого сахара лежал на леденце для меня одного, и я должен был непременно его взять. Деревня была небольшая и жители небогатые. Лишь один более зажиточный крестьянин имел самовар. О моем, новом еще и блестящем, знали все, и когда случалось торжество, всегда являлась делегация, приглашающая меня и самовар. В самоваре я никогда не отказывал, сам же, разумеется, не ходил, отговариваясь под разными предложениями. Ведь и в этом следовало соблюдать осторожность, чтобы отказом не оскорбить. В конце моего пребывания там брат хозяина, другой Чернов, выдавал дочь замуж. Перед свадьбой пришел с приглашением и, как обычно, взял мой самовар. Очень вежливо поблагодарив за приглашение, я, занятый иными мыслями, совсем забыл о свадьбе.

Вечером, когда я уже собирался отдыхать, появились сразу трое свадебных распорядителей, слегка под хмельком, с просьбой и настоятельным пожеланием моего присутствия на гулянье. Сообразив, что делать нечего, что вернуться не удастся, я сдался и пошел. Дом был полон гостей, женщин и мужчин, празднично одетых; гремела музыка, доставленная из Иркутска. Молодые и родители встретили меня в дверях и проводили на удобное место. В другой комнате кипел мой самовар. Подали мне чай с белым сахаром и внакладку, то есть сахар положили в стакан; обычно же для экономии пьют «вприкуску»: маленький кусочек сахару берут в рот и прихлебывают неподслащенным чаем. К чаю принесли мне сливки, ром, печенье, разные мясные кушанья, словом, угоща-

ли сытно и прилично. Рядом со мной сел дед невесты, столетний старик, седой как лунь, в белой чистой рубахе, и рассказывал о былых, лучших временах. В другое время я бы слушал его внимательно. Но среди свадебного гула голосов его слов расслышать не мог. Поэтому внимание обратил на общество, как развлекаются и как танцуют. К своему большому удивлению, увидел кадрили. Все фигуры выполнялись по очереди так хорошо, как в наших салонах. Танцоры выкрикивали «шён» и правильно поворачивались. Это был явный налет из близлежащего Иркутска, потому что затем начались народные танцы; образовывали хороводы с пеньем, был «казачок» вприсядку, были разные игры и, что самое удивительное, все проходило в границах приличия и умеренности. Развлекались весело, пьяных не было. Вероятно, это наступило позже. Улучив момент, я выскользнул; хозяин, однако, это заметил, но не пытался силой удерживать, а, поблагодарив за посещение, попрощался и отпустил.

На следующий день после этой свадьбы решил я навестить Юшневских и после обеда поехал в Разводную. Застал я Юшневского в кабинете с чиновником губернской канцелярии, которого немного знал, ибо в его отделе находились письма и посылки для ссыльных. Во время беседы чиновник обратился ко мне с вопросом:

— Так когда вы выезжаете?

— Куда? — спрашиваю я с удивлением.

— Как, вы до сих пор не знаете, что по высочайшему приказу вас переводят в Тобольскую губернию? Уже приготовлены прогоны и назначен казак, который будет вас сопровождать.

Это неожиданное известие обрадовало меня невыразимо. Жизнь моя в течение восьми месяцев была трудной, грустной, даже мучительной. Поэтому покидал я Иркутский край без сожаления, напротив, с удовольствием. Ведь я приближался к родине почти на половину расстояния. Это облегчало приезд жены. И наполняло душу надеждой и утешением.

Этой новой, избавительной переменой был я обязан также усилиям и хлопотам жены. В то время в Петербурге жила моя родная тетя, вдова генерала дивизии Розена. Преданная родственница, добросердечная женщина по просьбе моей жены направилась к своему знакомому помощнику шефа жандармов генералу Дубельту и добилась того, что меня приблизили к родной стороне⁹⁰. Это была действительно большая милость, и с этого момента моя ссылка стала более терпимой.

На моем лице отразилась большая радость. Добрый Юшневский понял причину ее и тут же написал обо мне несколько доброжелательных слов к своим товарищам, поселенным около Тобольска. Возвратившись домой, я занялся приготовлением к дороге, и хоть мои небольшие пожитки можно было уложить в мгновение ока, я, однако, провозился всю ночь, ибо сильное волнение прогоняло сон.

На рассвете позвал я хозяина, угостил его чаем, расплатился и с благодарностью простился. Хороший был человек, спокойно прожил я у него все время. Сразу после этого побежал я к старику Людвигу; он был грустен, ибо из волости уже пришло известие о моем отъезде. Под вечер выехали мы вдвоем в Иркутск. Происходило это в первой половине 1842 года.

В Иркутске было пусто, ибо Немировский покинул город и вернулся в Усолье. Месяц тому назад получил я из дому значительное денежное пособие. Так что все сложилось наилучшим образом. Жаль мне только было бедного Людвика. Прощаясь со мной, он расплакался как ребенок. Предчувствовал, что расстаемся навсегда. Он умер в Иркутске, когда я находился в Тобольской губернии⁹¹.

Снова отправился я в дальний путь. Снова преодолевал я огромное пространство, которое два года назад прошел пешком. Теперь удобно ехал, в безопасности и быстро. Сопровождающий меня урядник из казаков был молодой, спокойный и услужливый; он был истинным моим охранником. У

него была курьерская подорожная, так что лошадей запрягали хорошо и немедленно.

Забавно, фамилия его была Бибиков, от него я узнал, что в Восточной Сибири среди казаков очень много Бибиковых, отсюда делаю вывод, что фамилия произошла от татар. На одной станции увидел я удобные сани и купил их за 15 рублей ассигнациями. Ехал свободно, отдыхал, где хотел. На втором или третьем ночлеге догнали меня двое чиновников из иркутского комиссариата, едущие аж на Кавказ. Один из них, поляк, видел меня в костеле. В путешествии знакомство всегда завязывается легко, особенно легко посреди пустынных сибирских просторов. При утреннем чае решили мы держаться вместе и вместе ехать как можно дольше. Договорились также, что за мной будет чай, а они будут меня кормить. В объемистых саквояжах были у них запасы разной рыбы, мешок на два корца с варениками с сырым мясом, — всё, естественно, замороженное. На каждой остановке русский чиновник готовил суп с рыбой, а в кипящий самовар бросал вареники⁹². Делал он это охотно, умело и быстро. В компании было веселей. Так ехали мы вместе до самого Томска.

Господа чиновники погнали дальше, а я остался здесь, ибо хотел отдохнуть. Притом хотел познакомиться со ссыльными литовцами, живущими в Томске, хотел, наконец, побыть в костеле у ксендза. Томским настоятелем был в то время ксендз Гринчель, почтенный человек и уважаемый священнослужитель. Таким увидел я его при первой встрече. Впоследствии мы узнали его ближе, так как ежегодно он приезжал в Тобольскую губернию и всегда гостил у нас несколько дней. Костел, небольшой, но каменный, содержался в чистоте и старательно. Стоял на пригорке с видом на весь город. Рядом просторная усадьба ксендза с хозяйственными постройками; все каменное и аккуратное. Кроме того, был у ксендзов большой хутор, а в нем пасека и богатые сенокосные угодья. Викарий находился в поездке, я нашел его в Тобольске. Приход охватывал две губернии, Томскую и

Тобольскую. Ксендзы были дивизионными священниками и по долгу службы ежегодно навещали все воинские подразделения и исповедовали солдат-католиков. Ездили по очереди, и каждая поездка длилась несколько месяцев.

Жили в Томске в то время незнакомые мне лично товарищи по ссылке Томаш Булхак и Козакевич⁹³, оба из Вильно. Не застал я ни одного из них, ибо уже выехали в тайгу. Так называются отдаленные дремучие леса, где есть россыпи золота⁹⁴. Зимой идет подготовка, нанимаются работники, закупаются мука, мясо и прочая провизия в больших количествах. Все надо отправить в тайгу до наступления весны санями. Летом всякая транспортировка невозможна. Добыча золота длится все лето до поздней осени. В таком вот предприятии работали Булхак и Козакевич. Обычно в середине февраля они выезжали всем табором и возвращались лишь в начале зимы. Так что я познакомился только с женой пана Томаша, давно уже приехавшей к мужу. От нее и узнал приведенные выше подробности. Была она грустна, ибо недавно простилась с мужем и долгие месяцы предстояло ей жить одной. Разлука эта была необходима, потому что заработок пана Томаша составлял единственный источник их существования в ссылке. Я знал его по очень хорошим отзывам и сожалел, что не могу познакомиться лично. О жене его говорили, что у нее высшее образование, что даже она писательница и ученая, но по малооживленной беседе судить об этом было трудно⁹⁵.

В Томской губернии в Алтайских горах есть серебряные рудники. Главное управление их находится в городке Барнауле, а главным начальником является томский губернатор. Поэтому на эту должность обычно назначается горный инженер⁹⁶. Когда я проезжал, губернатором был Татаринев, ранее бывший начальником Нерчинских рудников, о нем я упоминал.

В Томске отдыхал я трое суток. Прослушав утреннюю мессу и простившись с почтенным ксендзом, отправился я

дальше. Эта обратная дорога была полной противоположностью первоначальной. Туда шел я пешком в голоде, холоде и ужасной нужде. Теперь же мне было тепло, удобно, я как птица перелетал через сибирские просторы. Кони бодрые и неутомимые, ямщики везут резво, весело насвистывая. Выезжая из Иркутска, я купил себе шубу из диких коз, которых там множество. Выделанные шкуры мягкие, сшивают их шерстью наружу, без подкладки. Называется это «доха». Надевают ее на обычную шубу, и тогда даже самый сильный мороз не проймет. Надо только соблюдать осторожность и не вносить доху в теплое помещение, потому что от резкой смены температуры толстая шерсть козули ломается и вылезает. Таким вот образом быстро и без происшествий приближался я к Tobольску. Однажды лишь в лунную ночь наткнулись мы на большую стаю волков, стоящую в нескольких десятках шагов от тракта. Я немного испугался, перепугался и мой ямщик, но ударил по лошадям, как вихрь дунул, и нам удалось благополучно удрасть. По всей Сибири почты содержали крестьяне. Несколько или более десятка человек создавали товарищество. У каждого была одна или две тройки лошадей, по возможности и по очереди выполняли почтовые обязанности. Деньги за проезд каждый клал в карман. Нигде не было ни опозданий, ни затруднений, везде быстрота и порядок на станциях образцовый. Где-то посреди Томской губернии вез меня немолодой уже крестьянин на резвой тройке сивых. Завел я с ним разговор и услышал интересный и характерный рассказ.

«Я, — говорил он, — родом из Екатеринославской губернии. Был я крепостным... В молодом возрасте взяли меня ко двору. Сманил меня леший, и украл я тысячу рублей. Следствие сразу обнаружило мою вину, я был осужден и сослан в Сибирь. Попав в беду, прочувствовал я грех свой и решил непременно исправиться. Бог помог мне. Принялся я всей душой за хозяйствование. Первую собранную тысячу рублей отправил я моему бывшему барину с просьбой о

прощении. Теперь я богат. Таких коней, как эти, что вас везут, у меня несколько десятков. Имею большое хозяйство, четырех женатых сыновей, и все у меня хорошо. Однако родимую сторону никак забыть не могу!»

«Благородная личность, — подумал я, слушая. — Сумел оправиться от несчастья, оценил свободу, потому что упорно работал, а успех не избавил его от тоски».

На последнем ночлеге, когда до места назначения оставалось только 300 верст и трехнедельное путешествие мне надоело, я сказал казаку: «Едем живо и без проволочек, чтобы завтра утром оказаться в Тобольске». После этого ехали мы по-курьерски и через 28 часов были у цели. Вот так ездят по Сибири. Въехал я в Тобольск в конце февраля 1842 года.

Я знал, что в Тобольске живет наш товарищ Кароль Мархоцкий, гражданин из Подолии, сын владельца прекрасных Миньковец над Днепром, известного своей эксцентричностью⁹⁷. Я не был с ним лично знаком, однако, из соображений товарищества, поехал прямо к нему. Он имел собственный скромный домик, жил очень экономно, зарабатывая уроками музыки, ибо хоть шляхетского звания его не лишили, но имущество конфисковали. Некоторую небольшую денежную помощь оказывала ему изредка родная сестра Малаховская. Хозяина я дома не застал, он уже выехал в город. Приняла меня кухарка, молодая и красивая полька. Немного приведя себя в порядок, поехал я со своим казаком к губернатору. Был им некий Ладажиньский, фамилия польская, может, и происхождения польского⁹⁸. В зале для просителей ожидал только один чиновник в парадном мундире. Позднее я познакомился с ним в необычных обстоятельствах. Фамилия его была Малюга, он исполнял обязанности чиновника для особых поручений.

Вошел потом второй чиновник, в вицмундире, высокий, седовласый. Поздоровался радушно с Малюгой и без доклада вошел к губернатору, а через несколько минут возвратил-

ся, подошел ко мне, поздоровался по-польски. Не было времени поговорить, потому что тут же вошел губернатор. Из короткой аудиенции я узнал, что жить мне предстоит в уездном городке Туринске и что могу дней десять пробыть в Тобольске. Следом подошел снова тот чиновник-поляк и пригласил к себе на блины. Я попал на Масленицу, а поэтому на ежедневные у всех блины.

— Живу я неподалеку, — добавил он, — каждый извозчик знает мой дом; прикажи только завести к Морачевскому. Моя жена вас встретит, а я вскоре подойду.

Из этих нескольких слов я узнал лишь фамилию моего блинодателя и то, что он женат. Заинтересованный, я поехал. Извозчик привез меня к большому дому. В передней встретил меня лакей. В зале стол был сервирован красивым фарфором и серебром; сбоку элегантный кабинет, дальше гостиная с мебелью, какой давно уже мне видеть не приходилось.

Вошла хозяйка дома, немолодая, но еще красивая. Представившись, начал я разговор. Вскоре пришел хозяин в сопровождении многочисленных гостей и начался завтрак, роскошный, вкусный. Мне, привыкшему к скромной жизни ссыльного, казалось, что я попал в какой-то волшебный замок. Во время завтрака прибежал Мархоцкий, которого уведомили о незнакомом госте, прибывшем к нему. От него узнал я наконец, где и у кого я находился. Морачевский был офицером Литовского корпуса. В 1831 году по политическому подозрению был выслан в Тобольскую губернию в уездный город Ишим. Там женился на богатой вдове. Переехал потом в Тобольск и служил в канцелярии губернатора⁹⁹. А так как был любезен и гостеприимен, устраивал приемы и хорошие обеды, то все бывали у него, даже губернатор. Хороший это был человек, доброжелательный к нам, что постоянно доказывал в течение нескольких лет.

Хозяин мой и товарищ Кароль Мархоцкий был уже лет 50, седой, низкого роста, живой в движениях и в разговоре.

Сказывались в нем сразу хорошее воспитание и привычка к хорошему обществу. В приятной беседе, дружески откровенной и приправленной юмором, ознакомил он меня с кругом тобольских ссыльных и условиями местного быта. Из его рассказов я заключил, а затем и убедился в том, что отношения его с земляками были прохладные, даже не слишком доброжелательные. Почему так было, сейчас уже не помню. Может, унаследовал от отца какие-то странности, может, в характере его были изъяны, неприятные при более близких, постоянных отношениях. Со мной весь тот десяток дней, что я у него прожил, постоянно был вежливым и радушным; простились мы очень сердечно. Знаю, что возвратился на родину, что на старости лет женился, что имел несколько сыновей и что жил в окрестности Одессы, но никто уже с ним не встречался.

Застал я в Тобольске ксендза-викария из Томска и ежедневные богослужения. Итак, на следующий день с утра поехал я к мессе. Там, разумеется, было все польское общество, и я сразу познакомился со всеми. Был там Антони Пауша, бывший выборный судья в Житомире, высланный еще в 1831 году из Овручского уезда, где у него было большое имение¹⁰⁰. Был некий Долькевич, солдат, но жил удобно, почти изысканно, давал завтраки и вечера с картами. Говорили, что его содержит князь Роман Сангушко¹⁰¹, который, как известно, также был солдатом Тобольского батальона. Я застал там добрые воспоминания о проявлениях его положительных качеств. Примером тому Долькевич, но были и другие ссыльные, о нуждах которых он помнил.

Угощали меня, ежедневно приглашая на завтраки, обеды, вечера, поскольку была Масленица, во время которой все стараются развлекаться. Пауша жил за городом в селе Серебрянке, где у него был собственный домик и цветник. Цветы он любил страстно и умел их выращивать; летом почти ежедневно отправлял либо сам развозил тобольским красавицам со вкусом составленные букеты. Ездили мы в Сереб-

рянку санями; вез меня Морачевский на прекрасных санках с резвым рысаком. Пан Антони угощал нас сытно, тем более что одновременно с нами был викарий, который любил, как я заметил, вкусно поесть и еще лучше выпить.

Жизнь ссыльных в Тобольске полностью отличалась от той жизни, к которой я привык в среде дорогих моих друзей. Да и условия здесь были иными. Дешевизна квартир и почти всех потребительских товаров почти сказочная; имея небольшой капитал, можно было жить хорошо. Одни, как Пауша, получали помощь с родины, другие зарабатывали. Заработать было легко, ибо благосостояние было всеобщим. В этом отношении Тобольская губерния была поистине счастливым краем. Никто особенно не беспокоился о хлебе насущном. Крестьяне были зажиточными, купцы зарабатывали торговлей, у чиновников были хорошие доходы. Такое общее благополучие облегчало дружеское общение, развивало гостеприимство и даже влияло на общую моральность, так как жизнь протекала легко и мысли у каждого были свободны. Европа, особенно западная, со всей своей утонченной цивилизацией, но внутренними социальными ранами, которые не может залечить, могла бы во многом позавидовать этой далекой северной стране.

Из русских ссыльных в то время в Тобольске жили господа Фонвизины и Анненков. Фонвизин был армейским генералом, жена его, не помню из какого рода, была приятная, даже красивая особа¹⁰². Анненков был кавалергардским офицером. Его жена, француженка, до замужества содержала модный магазин в Петербурге. Молодой, блестящий и богатый офицер состоял в близких отношениях с ней, у них был ребенок. После приговора к ссылке обещал жениться, если она приедет к нему в Сибирь. Отчаявшаяся влюбленная француженка, встретившись с императором, подала личное прошение о паспорте и о разрешении на выезд.

- Кто вы — жена Анненкова? — спросил ее император.
- Ваша светлость, я — мать его ребенка.

Император смягчился, приказал выдать ей паспорт и деньги на дорогу. Поженились они за Байкалом, в Петровском Заводе, и жили друг с другом прекрасно¹⁰³. Я нанес визиты в оба эти два дома и вручил письма от товарищей из-под Иркутска.

Прошла Масленица, установилась тишина Великого поста. Я устал от приятной, но беспрестанной суеты и начал тосковать по тишине и одиночеству. Так что, простившись с доброжелательными земляками, поручив опеке Морачевского мою переписку с родными, выехал я с приставленным ко мне казаком в Туринск, где предстояло мне, по воле Божьей, прожить целых шесть лет. Дорога ведет в город Тюмень, что лежит на тракте к Уралу и Перми, в 240 верстах от Тобольска. От Тюмени до Туринска еще верст 160 на север. В Туринск приехал я 13 марта 1842 года к вечеру.

Казак должен был вручить начальнику города привезенную контрабанду¹⁰⁴, поэтому мы поехали прямо к городничему. Седой, высокий, с мощным красно-фиолетовым носом старик сидел в шлафроке после недавнего послеобеденного сна. Назывался Алексей Данилович Водяников. Сам рассказал мне свою биографию. Сын крестьянина, отдан был в рекруты при Павле I, отправлен в Петербург, там служил в образцовом полку. После 20 лет службы удостоился офицерского звания и перешел на гражданскую службу. Когда я с ним познакомился, он был в чине подполковника и свыше 10 лет был туринским городничим. По этой причине мы в шутку звали его «монумент». Из такой биографии легко сделать вывод, что это был совсем простой человек, без малейшего образования. Неспособен был и ленив к служебным обязанностям, ибо не хватало ему способностей и препятствовала старость. При всем этом хороший он был старик.

Надо мной власть его была почти не ограничена; от его мнения и слова зависела моя судьба, но он ни разу властью этой не злоупотребил. Наоборот, всегда относился к нам сносно, даже благосклонно. Скажу больше, привязался он к нам,

и, когда через шесть лет выезжали мы в Россию, обливался слезами, прощаясь. Вспоминаю о нем с благодарностью. Да возьмет его Бог на небеса — знаю, что умер. При ежедневном, по необходимости, общении происходили у меня с «монументом» порой забавные сценки, о которых, возможно, упомяну в дальнейшем рассказе.

Для начала городничий приказал дать мне квартиру, с условием, что я в течение нескольких дней найму себе жилье. Солнце клонилось к закату, впереди был довольно долгий вечер. Я знал, что в Туринске находятся двое декабристов, Пущин и Оболенский, знал я даже, что занимают дом умершего товарища Ивашева. Решил тут же познакомиться, вручить письмо от Юшневского и получить нужную информацию об этой местности. Дом Ивашева был самым солидным во всем городке. Ивашев, человек зажиточный, после освобождения от каторги выслан был на поселение в Туринск. Приехал с женой и маленькими детьми. Не найдя подходящего помещения, построил собственный дом, просторный и удобный. Едва дом был закончен, оба умерли, а бедных сирот забрали в Россию родственники¹⁰⁵. Сожалели о них все в городке, ибо оба были сострадательны и делали много добра. После этого печального происшествия опустевший дом заняли Пущин и Оболенский.

Они уже были предупреждены о моем прибытии, так что знакомство произошло легко. Жил я с ними в Туринске три года, хорошо узнал обоих, а по их рассказам узнал характеры, способности и цену многим декабристам. Иван Иванович Пущин, сын сенатора, в молодости служил в гвардии конной артиллерии. Рослый, хорошо сложенный, приятной, даже обаятельной внешности, понравился он мне сразу. В дружеском общении, в движениях, в манере поведения проявлял естественную покоряющую простоту. За благородство характера, отзывчивость и щедрость при веселости и остроумии был он любим всеми. У женщин успех имел невероятный. Искренне любил свою страну, но без фанатизма;

основательно знал родную литературу, правильно говорил и писал по-русски, даже хорошо. Патриотизм его был истинный, просвещенный, вызывал симпатию и уважение. В этом отношении был он выше всех своих товарищей. В молодости не мог он избежать печальных и бессмысленных трагических событий, а жаль, потому что при том складе характера и ума, какими он обладал, несомненно стал бы выдающимся и полезным гражданином и служащим. По возвращении на родину в начале царствования Александра II женился на вдове своего товарища госпоже Фонвизиной и умер в имении жены под Москвой ¹⁰⁶. Я переписывался с почтенным Пуциным до конца его дней.

Иным, отличным был Оболенский. Бывший гвардейский офицер, генеральский адъютант и князь, обладал он тем внешним лоском, какой присущ каждому состоятельному русскому, воспитанному на французский манер. Склад ума неширокий, знаний мало, характер слабый. Фанатик в политике и религии. Регулярно постился, каждую среду и пятницу. Наевшись досыта борща и вареников с постным маслом, обычно гладил себя по животу со словами: превосходно для совести и желудка. Женился на кухарке, простой сибирской бабе, ради чистой совести, несмотря на советы и замечания Пуцина, который ему справедливо доказывал, что у бабенки этой был уже не один любовник, что более осчастливит ее, если обеспечит деньгами на всю жизнь. Такой прекрасный подарок привез своей семье, которая, несомненно, пришла в немалое замешательство, не зная, что с этим фантом делать, как с такой княгиней и кузиной обращаться. Писал он мне из Калуги, где поселился, ибо в Калужской губернии было его родовое гнездо ¹⁰⁷.

В довольно большой гостиной застал я несколько особ, с которыми познакомился. Был среди них Яков Петрович Тулинов, московский купец и откупщик Туринского уезда. Откупщиками называли тогда арендаторов государственных шинков. Продажу водки во всем государстве правительство

отдавало в аренду. Торги проходили раз в три года в Петербурге. Богатые купцы брали в аренду уезды и целые губернии. Чтобы получить прибыль и заработать, совершали самые разные злоупотребления, откупаясь со всех сторон. Все губернские и уездные чиновники были на жалованье у откупщиков, которые зато делали что им заблагорассудится. Порядок, вернее, беспорядок такой вошел в обычай. Тулинов заливал водкой весь уезд, кормил, поил и оплачивал чиновников. Вынужден был держать открытый дом, словом, был самой важной фигурой в городе. Простой кацап¹⁰⁸ в европейском сюртуке, но добрый человек; очень ограниченный, кроме своего откупа и практической сноровки в откупных мошенничествах, ничего больше не понимал и ничего не знал.

Жена его, Авдотья Егоровна, также дочь московского купца, была молодая, красивая и разумная женщина. Воспитания не получила никакого, но благодаря природной сметливости умела держаться прилично и даже быть приятной. Пуцин относился к ней со вниманием, за которое она, как мне казалось, платила ему искренней нежностью.

Далее была Григорьевна Григорьева¹⁰⁹, молодая брюнетка, только что присланная из петербургского института на должность уездной акушерки. Дитя неизвестных родителей, выращенное и обученное на казенный счет. Молодых акушерок такого происхождения отправляли в разные концы огромного государства.

Наконец, сидел среднего возраста человек в форменном сюртуке с белыми пуговицами; усы торчащие, шевелюра черная, гладко зачесанная. Оригинальная личность, в которой угадал я фельдшера. Это был литвин из Гродненской губернии Кароль Юдынович. В молодости учился на фельдшера в Виленском университете. А так как обладал необычными врожденными способностями, то научился большему. Прекрасно знал ботанику и свойства различных растений; изучал и определял с изумительной точностью болезни.

В 1831 году был фельдшером у повстанцев Пусловского; взятый в плен, бежал. Схваченный во второй раз, сослан был в солдаты в Сибирь¹¹⁰. В Туринской инвалидной команде поначалу бедствовал, но потом случайно проявил свои познания и стал известным и знаменитым. Все жители обращались к нему за советами. Крестьяне верили в него, как в чудотворный образ, и приезжали даже из отдаленных мест. И доктора, хоть с неохотой, но обращались к нему в тяжелых случаях. Действительно, это была необычная личность: простец, даже грубоватый, но как врач неопенимый. Когда я приехал, пан Кароль был уже знаменит, уже имел деньги, уже был желанным членом общества. Так я сразу по прибытии познакомился с местными знаменитостями.

Городок Туринск лежит в северо-западной части Тобольской губернии, над рекой Турой, исток которой на Урале, а устье у Иртыша под Тобольском.

Половина города на холме, вторая внизу; застроен добротно. Есть несколько каменных домов, много домов деревянных двухэтажных, четыре каменные церкви, из которых одна, весьма красивая, тем особенна, что построена простым крестьянином, не знающим правил архитектуры и руководствующимся собственным умом и вкусом. Есть еще женский монастырь для простолюдинок, управляемый старшей сестрой.

Были четыре очень богатых купца. Помню их фамилии, почему бы мне их не упомянуть? Все были ко мне услужливы, может потому, что я ни разу не злоупотребил открытым мне кредитом. Их фамилии были Мальцев, Ворсин, Бахулев и Дворников. Трое первых имели магазины, в которых продавали все, что могло потребоваться жителям города и окрестных сел. Помимо этого вели довольно широкую торговлю мехом и кедровыми орехами. Четвертый, Дворников, вел торговлю зерном.

К северу, в нескольких верстах от города, за Турой начинаются дремучие леса, тянутся они, с небольшими просвета-

ми, к Ледовитому океану. Растут в них пихты, уходящие вершинами в небо кедры и в огромном количестве березняк.

Березняк рубят для отопления, пихту — для построек, кедры берегут как источник дохода и торговли. Потребление кедровых орехов в Сибири велико, и огромное количество их закупают русские торговцы. В этих необозримых лесах водятся соболи и черные, голубые и белые лисы. Черные и голубые лисы дороже соболей и очень редки. Белых лисиц великое множество; мех их некрасивый и тяжелый, но дешевый и очень теплый. Шкуры взрослых используются для дорожных шуб, шкурки молодняка легче, красивее и такие же теплые. По-настоящему прекрасные соболи встречаются очень редко, обычно — со светлой, даже желтой шерстью. Самые красивые соболи водятся в Восточной Сибири, в Иркутской губернии. Часть из них закупают богатые сибирские купцы на воротники для жен, остальное идет в Петербург для двора. Все те соболя, которые продаются у нас, происходят из Западной Сибири и очень умело окрашиваются в Москве. К более дешевым, но пользующимся спросом мехам относятся белки, или сони. Как сельди в море, так белки в лесах толпами двигаются с севера, перескакивая с дерева на дерево. Появляются периодически в одну и ту же пору, но всегда зимой. Тогда начинается охота. Охотники стреляют из так называемых винтовок; это ружье очень маленького калибра, в которое вмещается щепотка пороху и одна крупная дробишка. Охотник приближается на десяток шагов и старается попасть в головку, чтобы не продырявить шкурку.

В нескольких сотнях верст к северу среди лесов находится волость Питым, по которой вся округа зовется Пелымским краем. Населяет ее полукочевое племя вогулов¹¹¹. Живет там становой пристав, который отчитывается в своей деятельности непосредственно перед тобольским губернатором. Вогулы промышляют охотой и платят мехом государственный налог, называемый «ясак». Племя это, покорное,

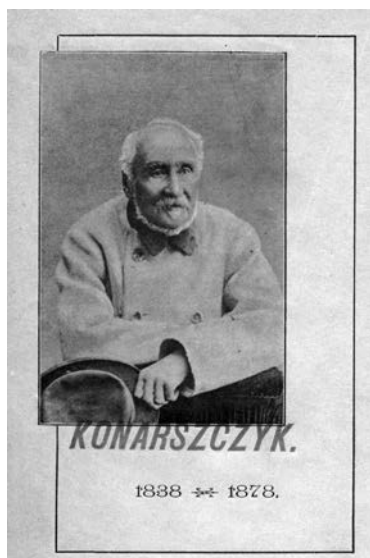
спокойное, жило в счастье и здоровье, пока не заглянули к ним правители, несущие цивилизацию, а с ней заразные болезни без каких-либо лекарственных средств. В суровом климате эти страшные болезни косили несчастных вогулов, не понимающих ни причин, ни последствий этого бедствия. Гибли как мухи и, возможно, погибли уже полностью.

Легкость и дешевизна жизни в Тобольской губернии была огромна, сказочна по сравнению с возрастающей во всей Европе дороговизной. В этом отношении край этот можно было назвать благодатным. Туринск, стоящий в стороне, в отдалении от основных коммуникаций, выделялся количеством, качеством и низкой стоимостью всяческих продуктов. Например, пуд ржаной муки, очень хорошей, стоил 15 грóшей, пуд пшеничной — 40 грóшей, пуд отличного мяса — 4 злотых, четырехнедельный, специально выкормленный молоком теленок — 5 злотых, пара рябчиков — 10 грóшей, диких уток, тетеревов, глухарей даже не хотели покупать, выбирали только молодых тетеревов и чирков. Рыб отменных уйма и также за бесценок. Зимой на базаре лежали в огромных количествах замороженные карпы, окуни, осетры, стерляди, щуки чудовищных размеров. Щуки уважением не пользовались, и правильно, ибо они не так вкусны, как из наших рек. Сибирские осетры также не могут сравниться с осетрами из Волги, и потому икра из России пользовалась у гастрономов спросом и платили за нее дорого.

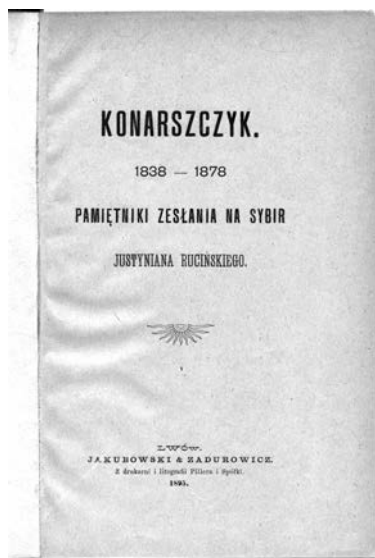
Лишь одна рыба была более редкой и дорогой, а именно нельма: с серебряной чешуей, белым и нежным мясом, она водилась только в Туре, и фунт ее стоил 20 грóшей. Другую, тоже очень вкусную сибирскую рыбу муксун привозили с Оби и также продавали дороже. За кубометр сухих, распиленных и привезенных во двор березовых дров платил я 12 злотых, а иногда и дешевле ¹¹². Квартиры были удобные, теплые и чрезвычайно дешевые. Я снимал один из лучших домов, принадлежащих купцу Мальцеву; в нем было пять комнат, две кухни, колодец во дворе, солидные хозяйственные

Шимон Конарский в тюремном заключении

Фотопортрет Юстыньяна Ручиньского. Обложка книги его воспоминаний

Титульный лист воспоминаний Ю. Ручиньского (Львов, 1863)

Каспер Машковский

Житомир. Кафедральный собор Св. Софии

Вильно. Костел Св. Анны

Антони Бопрэ

Вид Кременца. Литогр. с рис. Наполеона Орды

Хенрык Голеевский

*В. Я. Руперт — генерал-губернатор
Восточной Сибири в 1837—1847 гг.*

Дом С. Г. и М. Н. Волконских в Чите

Вечер у М. И. Муравьева-Апостола в Ялutorовске. Слева направо: И. Д. Якушкин (сидит на перилах), священник С. Я. Знаменский (стоит слева), ссыльный поляк Готард Собаньский и В. К. Тизенгаузен (с трубкой) сидят за шахматами, М. И. Муравьев-Апостол с женой М. К. Муравьевой-Апостол (стоят справа), А. В. Ентальцева (сидит справа). Рис. М. С. Знаменского

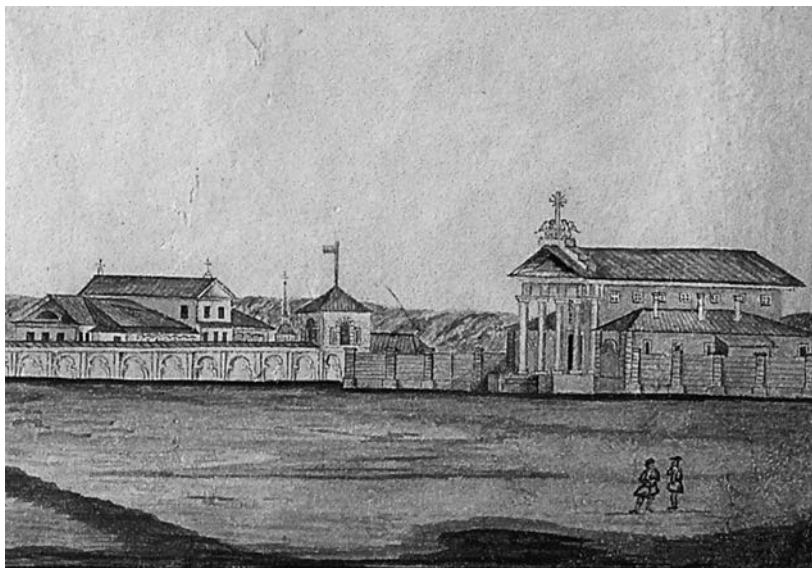
Дом декабриста И. И. Пущина в Ялutorовске

Декабрист А. З. Муравьев.
Акв. Н. А. Бестужева. 1838 г.

Декабрист И. И. Пуцин.
Худ. К.-П. Мазер. 1850 г.

Римско-католический костел на Тихвинской площади в Иркутске.
Фрагм. акв. П. И. Пежемского

постройки и огород. За все платил я 400 рублей серебром в год. Базар проводился раз в неделю, по субботам. Еврея не было ни одного.

Жители занимались главным образом двумя ремеслами, вернее, предприятиями: кожевенным делом и живописью.

Выделка кож и мехов была превосходной и составляла предмет торговли, вывозимый в Сибирь и в Россию. Художники заключали договоры и писали образа для строящихся церквей даже в дальних сторонах, что приносило значительные доходы. Кроме того, расписывали жестяные подносы и шкатулки и сбывали их оптом во время Ирбитской ярмарки.

На самой границе Тобольской и Пермской губерний лежит уездный город Ирбит, где ежегодно в феврале проходила ярмарка, учрежденная Екатериной II. Длилась она две недели, и съезжались туда купцы со всей Сибири, из столицы и других значительных городов России. Там заключались крупные торговые сделки. От Туринска до Ирбита всего лишь верст 80. Меньшие, но постоянные ежегодные доходы имели также жители окрестных лесов. Там росли самые разнообразные лесные ягоды: земляника, малина, красная и черная смородина, клюква, черника и в большом изобилии сибирская ягода княженика, похожая на нашу ежевику, с ананасным запахом, варенье из нее превосходное. Грибов уйма. Туринские рыжики, умело засоленные, были широко известны. Закупали их для Тобольска и для уездных городов южной, безлесной части губернии, как-то: Ялуторовск, Курган, Ишим и Тара. С ценностью и вкусом шампиньонов я первый познакомил жителей. Они называли их собачьими грибами, и никто к ним не прикасался. На уваженных местах и в самом городке я нашел их множество. За ведро шампиньонов платил я детям, приносящим их, по одному грошу. Потом цена их возросла, ибо вошли они в повсеместное употребление.

Через несколько дней после своего приезда снял я квартиру у мещанина, фамилию которого не помню. Было их

двое, брат Иван Иванович, тихий человек, служил в магистрате, я его видел только по вечерам. Дом вела старшая сестра, Анна Ивановна, старая уже и уродливая девка, но услужливая и спокойная. Две вещи она любили страстно: баню и чай. Из любезности к хозяйке я каждую субботу ходил в баню, после чего обычно просил поставить самовар и угощал Анну Ивановну. У этих добрых людей прожил я три месяца, а хорошие отношения сохранились и на все последующее время.

Вскоре я завел знакомства по всему местечку. Это произошло по неизбежным обстоятельствам. Сперва пригласили меня на обед Тулиновы. Первый раз вошел я в дом в сопровождении Пущина и Оболенского. Затем у них познакомился я с начальником школы Уткиным и стряпчим Любимовым. Оба молодых человека отличались в обществе хорошими манерами, первый как чиновник Министерства просвещения, второй как студент Казанского университета. С женой Любимова у меня нечаянно начался было флирт. Она была молода и красива, я тоже был молод, притом одинокий и тоскующий, все условия способствовали взаимной нежности. Искушение было на самом деле, и немалое. Я вышел победителем, о чем вспоминаю с удовольствием.

Уездную администрацию составляли, как везде, исправник, секретарь и три члена земского суда, далее уездный судья с двумя младшими судьями и секретарем, стряпчий и лекари, городской и уездный. Местечком управлял городничий.

Почтмейстером был Василий Васильевич Колпаков, старый ветеран, более 20 лет исполняющий эту должность в Туринске. Он один имел две награды: Св. Анну в петлице и Владимира за многолетнюю службу. Ему завидовали все чиновники. Был он большой чудака. Сослуживцев-чиновников не переносил и ни у кого из них не бывал. К нам проявлял исключительную доброжелательность. Ежегодно в первый день Светлого Воскресения в парадной форме приез-

жал к нам и только к нам с поздравлениями. Благодаря любезности Василия Васильевича мог я иногда отправить письмо по почте, хотя закон это возбранял. Переписка наша шла административным, очень извилистым путем. Незапечатанные письма вручал я городничему, он отправлял их с рапортом губернатору. Оттуда они шли в Третье отделение царской канцелярии ¹¹³, где их прочитывали, запечатывали и отправляли по адресам. Удивительное дело, но за восемь лет ни одно мое письмо не пропало. Правда, содержание всегда было невинным и секретов у меня не было никаких. Очень редко также я пользовался любезностью моего почтмейстера. Несмотря на это, было у меня с ним два эпизода, характеризующих местность и местных чиновников. Однажды потребовалось мне быстро связаться с уездным городом Курганом, и я хотел отправить эстафету ¹¹⁴. Старик Василий побледнел от страха, услышав мое пожелание.

— Увольте меня от этого! — воскликнул он. — За все время службы своей никогда не отправлял я эстафету, не умею этого делать, ошибусь и пропаду!

Я, конечно, успокоил старика и послал нарочного.

Опять же однажды, среди зимы, едва рассвело, появляется у меня Василий Васильевич. На его измученной физиономии написано было горе.

— Что с вами? — спросил я, встревожившись.

— Пропал я! Забрали у меня Тегутьева, а без него ни почту отправить, ни счетов составить не сумею. Хоть тут же подавай в отставку. Посоветуйте и спасите!

А случилось вот что. Этот Тегутьев, местный почтальон, был правой рукой и головой почтамта. Все делал он, а старый и плохо видящий Василий только подписывал. В награду за хорошую службу губернский почтамт продвинул Тегутьева на должность смотрителя почтовой станции. Грохнутый огорчением бедного Васильевича, составил я ему письмо к губернскому почтмейстеру, сущую молитву, полное искренности, покорности и чистосердечности. Дней через десять

появляется снова Василий, но уже сияющий от радости. К просьбе его прислушались, Тегутьева возвратили.

Наступила весна, внезапно, как обычно в Сибири. В конце апреля пригрело солнце, растаяли снега и тронулись льды. Тура разлилась по широким лугам, и тут же налетели водоплавающие птицы в непомерном количестве. После угрюмой зимней тишины в ожившей природе начался гомон. В первой половине мая поднялись травы, зазеленели леса и установилось лето. Я начал выходить на прогулки и знакомиться с окрестностями. Рядом с местечком в Туру впадала маленькая речушка, а вернее ручей. Протекал он, извиваясь, по полям и лесам и пересекал тракт, ведущий от Туринска к границам России. И вот чаще всего ходил я берегом этого ручья до мостика на тракте, по которому возвращался. Иногда брал я охотничье ружье и всегда подстреливал несколько диких уток, выбравших себе убежище в затененных кустами местах. Или же направлялся к кладбищу в версте от города. Содержалось оно тщательно, была там опрятная церквушка и немало надгробий. Такая память и уважение к умершим хорошо свидетельствовали о жителях. Доказывали некую возвышенность религиозного чувства, чего среди наших крестьян и мещан до сих пор не видно. Наши кладбища, за малым исключением, очень запущены. На некоторых туринских надгробиях были очень забавные надписи. На надгробии жены городничего была такая строка «Богатство, славу, почести и нежного друга покинула моя дражайшая жена».

В нескольких верстах от кладбища находилась деревня Культники и около нее прозрачный березовый лесок. В леске этом проходили пикники, на которые обычно приглашал откупщик Тулинов. На привезенных столах кипели самовары, стояли разные закуски, бутылки с водкой и с наливками. Собравшееся общество обоего пола угощалось в соответствии со своими желаниями и вкусами. Мужчины принимались за излюбленную водочку и неоднократно перебирали меру. И

тогда не раз случались грубовато-комические скандалы, которые хоть и оставляли временные шишки на лицах героев, но не расстраивали, однако, дружескую гармонию. Говорили тогда: подрались по пьянке — и квиты. Водка, явившаяся причиной драки, была одновременно и причиной для оправдания шишек. Сколько ж это раз был я свидетелем самых чудачковатых сцен!

С восточной стороны местечка также был красивый лесок, там обычно проходило катанье на саниах; назывался он «сорочья роща». За Турой же, в нескольких верстах, была бумагоделательная фабрика, собственность некоего Панаева, высокопоставленного чиновника в Петербурге. Помимо фабричных построек и неплохого жилого дома Панаеву принадлежал по наследству значительный земельный участок размером до тысячи десятин. Для упрочения и увеличения прибыли господин этот задумал поселить там крепостных крестьян и действительно прислал несколько десятков семей из своих российских владений. Не знал он, что любая колонизация очень трудна, в данном же случае была невозможна. Видел я этих бедных людей, прибывших в Туринск в первый год моего пребывания там. Уже во время долгого, изнуряющего путешествия погибло их много, больше всего детей. Те, которые смогли дойти, ознакомившись с местностью, оглядевшись среди свободных жителей, рассыпались затем в разные стороны, и в течение нескольких лет от них не осталось и следа. Иначе и не могло быть. Зачем и ради чего было им оставаться и в качестве крепостных даром работать на барина, если, сбежав и в худшем случае просидев непродолжительное время в какой-нибудь сибирской тюрьме за бродяжничество, становились они свободными жителями Сибири? Панаев потерял крепостных, крепостные же получили свободу.

Постепенно начал я осваиваться с местностью и с жителями. Утро обычно проводил я дома. Строчил письма в разные стороны света, расширял как мог свою корреспонденцию.

Писал часто жене, родителям, родственникам и знакомым, а также товарищам, оставшимся на Нерчинских рудниках. Читал газеты и книги, которые получал от Пущина и от земляков в Тобольске. Там образовалась небольшая польская библиотека из добровольных взносов ссыльных. Находилась она на попечении Онуфры Петрашкевича, бывшего филарета, друга Зана, Мицкевича и других. Сосланный еще в 1831 году, в свое время был секретарем учреждения «Общественное призрение»¹¹⁵.

По вечерам выходил я на прогулку, принимал посетителей либо, в свою очередь, навещал кого-либо, поскольку все были со мной любезны и приглашений постоянно было вдоволь. В мужском обществе играли в бостон. Игры этой я не знал, но научился быстро, а поскольку в ней много занятных и разнообразных комбинаций, то пришлось она мне по вкусу и играл я в нее охотно.

И все же тяготило меня одиночество, тоска донимала все сильней. Приезд жены ждал я с почти болезненным нетерпением. В конце июня Тулинов с женой выехал в Петербург на ярмарку. Прощался с ним весь город и провожал до первой станции. При этой okazji много ели, пили еще больше. Отъезд откупщика опустошил городок. Общество утратило временный очаг, у которого обычно собиралось. Пущин также выехал к друзьям в Тобольск. Остались мы вдвоем с Оболенским, ежедневно навещая друг друга. Так прошли июль и август.

4 сентября получил я сразу два письма от жены, где она сообщала, что собирается, но пока еще ничего определенного сказать не может. Наконец, день 18 сентября принес мне известие, что все трудности преодолены, что выезжает 25 сентября. Вслед за этим Морачевский из Тобольска известил меня, что губернатор получил служебное уведомление от волынского губернатора о том, что жена моя уже выехала. Значит, можно было ожидать прибытия ее в любой момент, ибо уже три недели она была в пути. 25 сентября было зна-

менательным днем в моей жизни. В этот день Провидение дало мне радость неизмеримую: после четырех лет разлуки увидел я и прижал к сердцу жену мою.

В июле переселился я к зажиточному мещанину Насонову. У него был каменный двухэтажный дом и флигель. И вот я занял временно две комнаты с кухней во флигеле, но заказал этаж в доме с условием, чтобы к 20 сентября был он приведен в порядок и полностью подготовлен. Рассчитал я точно, но хозяин подвел, и пришлось мою усталую путешественницу ввести в тесную квартиру. День был пасмурный, но теплый, дорога сухая. Под вечер пошли мы с Оболенским к начальнику школы Уткину и засели за бостон. В этот же день с утра стряпчий Любимов выехал в уезд по делам. С минуты на минуту ожидали уже возвращения Тулиновых, ожидал и Оболенский, ибо надеялся получить письма и деньги от сестры, живущей в Москве, ожидал и Уткин частых картежных вечеров. Когда мы разговаривали, сидя за зеленым столиком, через открытое окно послышался почтовый колокольчик и утих вроде бы у дома Тулиновых.

— Тулиновы приехали, — в один голос сказали Оболенский и Уткин. Тут колокольчик снова зазвенел и снова умолк, но уже как бы у моего дома.

— Что это? — произнесли мы все, но я уже дрожал от волнения. Это был колокольчик Любимова. На последней перед городом станции встретил он Тулиновых и мою жену, едущих вместе, и с этой вестью первым приехал в город. Прошло лишь несколько секунд, как зазвучал колокольчик и явно приближался к школе.

Я не мог удержаться. Сорвался из-за стола и выбежал на крыльцо в ту минуту, когда подъехал тарантас. Любимов уже выпрыгнул, но лишь только увидел меня, схватил в объятия и приговаривал одно: пойдем, пойдем.

Иступление охватило меня и лишило возможности поступать рассудительно. Ни о чем не спрашивая, вырвался я из объятий Любимова и без шапки со всех ног пустился по

улице, ведущей на Московский тракт. Любимов — за мной и кричит: «Постойте, постойте!» В домах пооткрывались окна, жильцы смотрят с удивлением, не могут понять, что случилось. Я бегу, стряпчий меня догоняет. Но никакая сила не могла остановить меня в эту минуту. Помчался я дальше, но от слишком внезапного волнения сердце перестало биться, а стало дрожать, будто оно оторвалось. Пришел я в себя, однако ж, призвал на помощь благоразумие и пошел медленнее. Совсем стемнело, когда я подошел к городской заставе. Тракта уже не было видно, но услышал я тяжелый топот от приближающихся экипажей. Вскоре из ночной темноты появился дорожный тарантас. Я крикнул, и в ответ раздался голос жены моей, которого я так давно не слышал. Вскочил я в тарантас и, одурев от радости, не помню как ее приветствовал, какие произносил слова.

Как уцелевший после долгой внезапной бури корабль начинает плыть свободно и вся его команда дышит радостью и надеждой, так и я после четырехлетней мрачной житейской бури ощутил внутренний покой и счастье в ссылке.

С этой минуты судьба нас уже не разлучала. Вместе жили мы в Сибири, потом в Великороссии, вместе преодолевали разные жизненные пути, зачастую мучительные и опасные, вместе, наконец, возвратились на родину.

Жена моя была в пути целых четыре недели. Ехала в удобном, прочном и вместительном тарантасе. Получила его от тогдашнего волынского губернатора Лошкарева. Суровый и деспотичный со всеми жителями Волыни, по отношению к жене моей он был особенно терпим, даже доброжелателен. Дом ее родителей, где она в то время пребывала, стоял в Житомире напротив дома губернатора. Из своего окна Лошкарев ежедневно смотрел на этот дом, тихий, закрытый и грустный. Знал он о несчастьях этого дома, прошлых и нынешних. Знал, что самый старший брат моей жены, Виктор, с 1831 года скитался по свету как эмигрант, сперва в Соеди-

ненных Штатах Америки, потом во Франции. Знал, что второй брат, Константы, также был эмигрантом. Знал, что у жены моей через четыре месяца после свадьбы вырвали мужа и сослали в Сибирь. Глядел непрестанно на одинокую, полную огорчений жизнь молодой женщины. Видел ежедневно, наконец, удрученного и измученного старого отца этой семьи. И хоть это сполна были страдания народно-польские, однако постоянный вид их, по-видимому, трогал сердце сатрапа и пробуждал в нем невольное уважение и сочувствие. Так я объясняю себе исключительную отзывчивость Лошкарева к моей жене и ее родителям. Немедленно уведомлял ее о каждом благоприятном изменении в моем положении, не чинил никаких препятствий в получении паспорта, а тем, что уступил собственную повозку, очень облегчил ее путешествие.

Доехала жена моя без происшествий, благополучно. Попутчиком ее был давний хороший друг Владыслав Дунаевский. Большой оригинал, но очень добрый. Ум его никогда не задерживался на практической стороне жизни, он постоянно витал где-то в туманных высотах. И вся жизнь его развеялась без следа, как туман. Родившийся на Волыни у состоятельных родителей, он в молодости вступил в армию и был гусарским офицером. В 1831 году по политическому подозрению был сослан в Тобольск и вынужден был там прослужить в местном батальоне. По возвращении на родину состояния уже не нашел, отчасти сам его расстроил, блуждая по свету, а большей частью расхватили его мнимые приятели и опекуны, пользуясь безоглядной добротой владельца. Когда жена моя стала собираться в Сибирь, предложил он сопровождать ее, а заодно попытаться получить в Тобольске должность. И получил бы ее без сомнения, но и этим случаем распорядился неудачно, так как взял служебное свидетельство, где было написано, что едет со своей родственницей. Законы того времени строго запрещали родственникам навещать в Сибири политических ссыльных. И так как тобольский губернатор прочитал, что жена моя

приехала с родственником, хотя и было это неправдой, приказал он Дунаевскому немедленно покинуть Сибирь. Это стало для него очень чувствительным ударом, а для нас — чрезвычайной неприятностью. Вернулся он на родину и дождался нашего возвращения. Но мне уже не суждено было его увидеть. Два раза он был у нас в Бердичеве и оба раза меня не застал. Умер потом в окрестностях Любара.

Вскоре перебрались мы из тесного флигеля в более просторную квартиру в каменном доме Насонова. Поначалу дела наши шли неудачно. Скромные средства, оставшиеся от дорожных расходов, быстро исчерпались на приобретение необходимых предметов домашнего обихода. Деньги из дому, на которые мы имели право рассчитывать, по разным причинам не поступали вовремя. Пришла нужда. Чтобы избежать долгов, ограничились мы расходы до предела. Пили чай без сахара, на обед ели один суп с мясом. Нам, закаленным в страданиях, такое положение не казалось очень мучительным. Жена моя переносила его спокойно, а я тем более. Но это не все. Наступил момент гораздо более угрожающий, о котором до сих пор не могу вспомнить без ужаса.

Месяц спустя по прибытии моей жены, в конце октября, вышли мы на прогулку. День был морозный, но ясный и погожий. Каким образом жена простудилась, один Бог знает, ибо одета была тепло. Сначала плохо себя почувствовала, а вскоре развилась сильная нервная лихорадка. В убогом уездном сибирском местечке был всего один доктор, занятый лишь служебными обязанностями. Не было аптеки, ибо на складе лекарств при городской больнице, кроме обычных трав, ничего не было. Встревоженный, без помощи, вызвал я этого единственного доктора. Звали его Лука Варнавович Дуригин. Вызвать Кароля Юдыновича мне не пришло в голову, потому что я еще не убедился в его действительных способностях. Но к счастью, вызвал его сам Дуригин, не полагаясь на собственные силы. Потому что был это человек добрый и честный, в чем я позже убедился.

Начался отчаянный, долгий период спасения больной. Оба, Дуригин и Кароль, приходили по несколько раз в день, вместе осматривали ее и вместе уходили. Потом обычно Дуригин привозил лекарство с рецептом.

По целым ночам бодрствовал я над больной, лежащей без памяти. В конце концов полностью выбился из сил. Потерял я память и не мог вспомнить, дал ли и когда дал больной лекарство. Тогда стал помогать мне Оболенский, по очереди со мной просиживая ночи.

Так прошли три недели, в течение которых жизнь моей жены висела на волоске. Доктора отходили молча, я не смел задавать вопросы. Наконец через три недели произошел счастливый перелом. Выйдя от больной, доктора обратились ко мне со словами: «Теперь вы можете быть спокойны, жена ваша выздоровеет!»

Это был первый миг надежды. Вскоре больная пришла в сознание. Медленно, очень медленно возвращались силы и аппетит, наконец здоровье восстановилось.

Тут у меня произошел своеобразный и забавный случай с Дуригиным. Когда стало очевидно, что жена моя выздоравливает, я, обрадованный и благодарный, почти все деньги, что имел, а именно 40 рублей, завернул в бумажку и поехал к Дуригину. Поблагодарил его сердечно за труды и хлопоты около больной, попросил, чтобы навещал нас еще, пока жена не встанет с постели, и вручил ему бумажку, которую он, не разворачивая, спрятал в карман. Через несколько часов является Дуригин. А был он человеком небольшого роста, с быстрыми движениями, как говорится, задиристый. Тихо вошел в комнату моей жены, нашел ее в удовлетворительном состоянии и ко мне:

— Что это вы сделали? — и опустил руку в карман.

Я было испугался, подумав, что он недоволен слишком малой врученной ему суммой. Но он развернул бумажку, отделил две красные ассигнации и положил их на столе, а две другие опустил обратно в карман со словами:

— Это ваше, а это мое. За лекарства я ничего не платил, а за мои хлопоты двадцати рублей достаточно.

Не смог я его упросить принять все, искренне доказывая, что если бы был богаче, то без сомнения озолотил бы его. Он уперся и не захотел взять больше. Это был исключительный доктор-чиновник, совершенно бескорыстный, и это тем более удивительно, что родом он был попович. Любил я его и уважал и до конца сохранил добрые отношения с ним. Слышал, что умер он в Тобольске.

После выздоровления моей жены судьба, как бы утомленная долгим преследованием нас, стала к нам более благосклонна. Начали мы жить скромно, но неплохо, и чем дальше, тем лучше. Поначалу наши денежные дела были шаткими, зачастую грошá не было в кармане. Потом, благодаря бережливости и заработкам, что нашлись на месте, вышли мы из нужды. Необыкновенно дешевая жизнь, небольшая помощь с родины, поступающая время от времени, привели к тому, что потом постоянно находилась в кармане пара грóшей, оставшихся от повседневных потребностей.

Притом, благодаря Богу, окружала нас общая доброжелательность всех жителей, чиновников, мещан и крестьян из окрестных сел. Доказательства этой доброжелательности получали мы неоднократно и ощутило. Такое окружение смягчало тоску. Мы спокойно отдались воле Провидения. В будущее мы смотрели без излишних надежд, но и без полного отчаяния.

В конце августа 1843 года Бог послал нам отраду, представляющую собой целую эпоху в ссылке жизни. Моя двоюродная сестра, Антонилля Рошковская, направляясь к мужу аж в Иркутск, свернула с дороги, чтобы увидеться с нами ¹¹⁶. Появилась она совершенно неожиданно, будто чудо. Ехала в сопровождении Войчеховой Уминьской, также направляющейся к сосланному мужу ¹¹⁷. Бедная Антолька (так я называл ее по праву родства) долго боролась с собой, пока решилась выехать и покинуть, возможно навсегда, единственную

четырёхлетнюю дочурку Вандзю. В то время закон запрещал брать с собой в Сибирь малолетних детей. В конце концов оставила Вандзю на попечение ее родной бабушки, своей матери. После ее смерти Провидение помогло, послав Ванде добросовестную покровительницу в лице пани Дарьюшовой Понятовской, урожденной Ивановской. Эта уважаемая особа, в то время еще молодая, бездетная и богатая, взяла Вандзю к себе, пообещав матери, что о ее ребенке будет заботиться как о собственном. И обещание свое сдержала. В ее доме в Пелаве на Украине Вандзя выросла, воспиталась и получила хорошее образование. По возвращении родителей вышла замуж за Александра Шумовского, профессора Киевской гимназии, достойного и просвещенного человека. В окружении многочисленных детей живут они сейчас в Варшаве. Итак, ехала Антолька к мужу, полная мучительной печали и тоски по единственному ребенку. А поскольку была она очень красива, то еще большее вызывала сочувствие. Жертва была вознаграждена. Благополучно соединилась она с мужем; в ссылке была окружена всеобщим уважением¹¹⁸. В Сибири, в Иркутске, родила она двоих детей — сына Стася и дочь Юльку. Стась, теперь уже Станислав Рошковский, человек высокообразованный и умелый работник. Юлька выросла красивой паненкой, безупречно и заботливо воспитанной. Всего лишь одну неделю отдохнули у нас дорогие путешественницы. Не могли мы их задерживать дольше, ибо приближалась осень, а преодолеть предстояло огромное пространство, свыше 3 500 верст. Провожали мы Антольку верст 90, до так называемой Туринской слободы, большой волости, расположенной на границе Туринского уезда. Там провели мы вместе еще сутки и простились с достойными женщинами, благословляя их на далекий и трудный путь.

В том же 1843 году посетил нас другой, почти такой же дорогой и необычный гость, пани Валерова Жонжевская, урожденная Пшевлочкая. Родители ее жили в селе Воютинно Луцкого уезда. Пани Валеровой предстоял небольшой

путь. Муж ее жил в то время уже в Петропавловске, в южной части Тобольской губернии. Он был переведен из Иркутска по просьбе сестры Юзефы, которая, как я выше упоминал, была сослана в Берёзово и там вышла замуж за уездного доктора Вакулинского¹¹⁹. Пани Жонжевская ехала в обществе Катажины Непокойчицкой, спешившей в Иркутск к своему жениху, Владыславу Рабцевичу¹²⁰. На границе Сибири они разделились: панна Катажина поехала дальше прямо по Сибирскому тракту, а пани Жонжевская через Ирбит свернула к нам в Туринск. Тоже отдохнула здесь дней десять. Я отправил ее дальше в удобных санях, которые уступил мне купец Мальцев. Воспоминания эти прочно сидят в памяти и светят на склоне проведенных в ссылке лет, как звезды в темной ночи, как маяк в тоскливой бескрайней степи, от которого измученный путник начинает отсчет своего дальнейшего движения.

В конце 1843 года почти все мои товарищи были освобождены от каторжных работ. Их расселили для колонизации по разным волостям Иркутской губернии. Некоторым, особенно женатым, разрешили жить в Иркутске. Фортунат Грабовский, с которым меня связывала тесная дружба почти с детских лет, добился позволения переехать в Туринск для соединения с родными¹²¹. Это была единственная причина, которую правительство иногда принимало во внимание. С прибытием Фортуната мы стали менее одиноки. Он снял квартиру у той же Анны Ивановны, где поначалу я жил некоторое время, а оставался у нас.

Вскоре после этого появился еще один товарищ по ссылке, давний знакомый Ян Вэрэциньский. Родители его обладали имением во Владимирском уезде, деревней Амбуково, Ян же имел собственных 9 000 рублей серебром — ипотека под деревню Верба, собственность родственника, Адама Подхородэньского. Так обстояли дела, когда вспыхнули восстание и война 1830 года. Ян пошел служить родине. Взятый в плен, бежал к братским отрядам. Схваченный во второй раз,

опасаясь расстрела, изменил фамилию и в Сибирь попал как Непомуцен Рэщинский. Узнав, что мы в Туринске, приезжал из Кургана, где было место его постоянного жительства, приезжал же потому, что имел уже разрешение разъезжать по всей Западной Сибири. Находился у нас по несколько месяцев и более. Разочарованный в людях, измученный ссылкой, стал он мизантропом. Резкими словами крыл всю свою родню за полное забвение и даже явную несправедливость. И был прав, ибо не только никто ему не помогал, но еще и отобрали у него собственный капитал. С началом нынешнего царствования возвратился он на родину и стал энергично добиваться своего, но так ничего и не получил до самой смерти. Умер он, кажется, в Люблинском воеводстве, у своей родственницы пани Гротусовой, урожденной Красицкой. Любил музыку и живопись, но больших талантов не проявлял. На флейте дудел немилосердно, кистью создавал кое-какие картины. Есть у меня его подарок, вид Туринска, написанный с натуры. Это благородное занятие было для бедного Яна утешением и спасением. Была у него любимая собачка Тузик. С тоскливой иронией он говорил, что на всем свете один лишь Тузик его любит.

Позже жили также временно в Туринске господа Клечковские. Пан Эразм Клечковский владел богатым поместьем в Гродненской губернии. Был он женат на своей двоюродной сестре, урожденной Ваньковичувне. Он являлся членом Союза 1825¹²² года, и за это его сослали в Сибирь. После войны 1831 года вернулся домой. Однако ненадолго, потому что, как известно, в 1833 году появились эмигранты (эмиссары) с целью начать партизанскую войну. Во главе тех, что вошли в Литву, стоял Волович, который, что также известно, был схвачен и повешен¹²³. Так вот, один из партизан пришел в дом Клечковского, который только что возвратился из ссылки, и потребовал укрытия и коней для побега. Хозяин, естественно, не отказал, хоть сразу предвидел, что безнаказанно это ему не пройдет.

Действительно, начавшееся вскоре следствие обнаружило его невольную виновность, и он был приговорен к поселению в Западной Сибири. В Тобольскую губернию чета Клечковских приехала вместе и жила в Кургане в собственном доме. Двух старших детей оставили они в Литве на попечении родственников. В Кургане дал им Бог трех дочушек. Обратились они к нам с просьбой, чтобы мы помогли им в воспитании этих деток, поскольку мать, постоянно недомогающая, сама этим заняться не могла. Итак, привезли к нам девятилетнюю Юльку и восьмилетнюю Валерку. Жена моя опекала и обучала этих девочек долго, кажется, до конца нашего пребывания в Сибири ¹²⁴. Клечковские переехали было в Туринск и для того, чтобы быть вместе с детьми, и для того, главным образом, чтобы спасти здоровье под наблюдением и по советам уже к тому времени известного Кароля Юдыновича. В левой груди пани Клечковской появилась твердая железа. Кароль определил, что это рак и что грудь надо удалять. Взятся за эту операцию и удалил на моих глазах. Едва хватило у меня сил пережить эти страшные минуты. Больная, однако, перенесла операцию мужественно, а рана через несколько месяцев полностью зажила. Спустя несколько лет рак, как обычно бывает, возобновился, и больная, слышали мы, умерла.

Прибыл, наконец, Игнацы Василовский, молодой человек из Варшавы ¹²⁵. Он служил в Министерстве внутренних дел. За какую-то политическую провинность, о сути которой я не помню, был сослан в солдаты в сибирские батальоны, а как непригодного к строевой службе его отправили в Туринскую инвалидную команду. Пришел он в большой бедности, без сапог на ногах, без гроша ломаного в кармане, так что мы сообща взяли над ним опеку, а убедившись, что он хорошо воспитан, способный и безупречного характера, приняли его полностью в наше общество. Через местные связи удалось освободить его от действительной инвалидной службы, от отбывания караулов и конвоирования арестантов. Впослед-

ствии исправник принял его в земский суд переписывать бумаги, с небольшим месячным жалованьем. Выяснилось, что Василовский был знаком с канцелярской работой и с бюрократическими порядками. Когда пришла пора составить и написать годовые отчеты, сделал он это так обстоятельно и ясно, что их редакция даже обратила на себя внимание губернских властей в Тобольске. С этого времени он стал в земском суде ценным и нужным. Увеличили ему оплату, так что заработка хватало на личную жизнь. Знаю, что он вернулся в Варшаву, но найти его там не смог.

Таким образом создавалась немногочисленная польская колония, живущая в единодушном согласии.

Помимо товарищей, появилось еще двое польских чиновников. Юзеф Лютык, литвин¹²⁶, был уездным стряпчим; Рогальский же, брат переводчика разных исторических сочинений, — был кассиром. Лютык — очень статный, Рогальский — с малой, жалкой фигурой. По легкомыслию, ибо иначе не могу этого объяснить, женились оба на местных девицах. Советовались со мной предварительно, но, как обычно бывает, сделали по-своему. Было ли удачным супружество у Рогальского, не знаю, потому что при нас было только его обручение. Лютык же плохим был мужем, сделал несчастной девушку, в конце концов спился и плохо кончил свою карьеру.

Еще соучастниками ссылки были польские солдаты, старые служаки из армии 1830 года. Взятые в плен, загнанные в сибирские батальоны, изводимые нуждой и противной службой, они вызывали трогательное сочувствие. Рядовые из народа, недалекие умом, оторванные от родной почвы, лишенные всякой связи с родиной, они отличались обходительностью, добродушием и точным исполнением служебных обязанностей. Пьянства, воровства, всяческого распутства среди них не было. Случались отдельные промахи, но очень редко. Несколько из них находились в инвалидах, я знал всех, и по мере возможности старались мы проявлять к ним деятельную доброжелательность и уважение.

Особенно хорошо помню двоих, ибо с ними у нас более близкие отношения. Один, Марковский из Люблинского воеводства, был по профессии садовник. Каждый раз с наступлением весны он устраивал для моей жены цветник. Делал клумбы под циркуль, копал и подготавливал землю, сажал цветы, садил кустарник и все это делал тщательно и с явным знанием дела. Тихий, покорный и притом болезненный, не знаю, дождался ли он возвращения на родину.

Второй, Пётр Королевский, из Познаньского воеводства. В 1830 году он служил в 3-м уланском полку и был вахмистром. В строю стоял на правом крыле на резвом коне, о чем часто вспоминал с искренней гордостью. Придя в Сибирский батальон, сразу заболел. На ногах появились раны цинготного характера. Каждый раз по выходе его из лазарета болезнь упорно возвращалась. Как непригодного к строевой службе отправили его к инвалидам в Туринск. Прodelьвали над ним разные опыты, ибо власти не верили в эту болезнь. Проверяли неожиданно, во время смотра выбивали костыли, когда он меньше всего мог этого ожидать, и тогда Королевский самым естественным образом растягивался во всю длину, как калека, не владеющий ногами. Наконец, оставили его в покое. Застал я его в Туринске передвигающимся на костылях, одна нога висела бессильно, и спокоен он был уже полностью. После двух лет знакомства приходит как-то Королевский. Убедившись, что никого нет, что я совершенно один, откладывает вдруг костыли, выпрямляется как струна и, притопнув бессильной якобы ногой, заявляет: «Вот, смотрите, какой я больной! Должен я облегчить душу и открыть правду хоть одному человеку. Здоров я как бык, но сказал себе, что служить им не буду, — и не буду. Но каких трудов и терпения мне это стоит! Вынужден передвигаться на костылях, хоть могу прямо и быстро ходить, вынужден поддерживать искусственные раны на ногах, вынужден морить себя голодом, а то как только начну есть досыта, так сразу морда округлится и здоровье за сто шагов станет видно. Мучаюсь

очень, но будь что будет, выдержу до конца». И действительно выдержал. По вступлении на трон Александра II он был освобожден. Был у нас в Бердичеве, погостил более недели и побрел куда-то на родную сторону. Таким был Пётр Королевский, бывший вахмистр 3-го уланского полка! Таких людей имела в своих рядах польская армия!

Жена моя бегло и хорошо играла на фортепьяно. Музыка очень любила, поэтому тосковала без инструмента. Получила она его через два года при посредстве Оболенского. Написал он сестре, жившей в Москве, и та была столь любезна, что сама выбрала фортепьяно и через купцов, которые ехали в Ирбит на ярмарку, прислала его в Туринск. Большой радостью для жены моей было появление долгожданного гостя. Инструмент был звучный и прочный. Уезжая из Сибири, продали мы его в Тобольске за 300 рублей серебром ¹²⁷.

Для развлечения, а также чтобы развить грациозность запущенной, но весьма привлекательной внешности Юльчи Клечковской, жена моя начала обучать ее танцу, припомнив теорию, которую преподавали ей некогда мэтры. Составила группу учениц, пригласив на уроки ровесниц Юльчи: Анюту и воспитанницу откупщика Тулинова Сашу. Счастливая детвора сбегалась в назначенные часы. А так как девушки были щеголихи и охочи к прыжкам, то легко поняли, что требуется, и в течение нескольких месяцев научились кадрили, вальсу, даже начали танцевать мазурку как истинные польки. Вскоре представилась okazия показать себя на публике. Наступил день именин Дворникова, на который было торжественно приглашено все общество. Четыре маленькие балерины стали в кадрили и станцевали так хорошо и ловко, как там никогда не видели, так что могли бы фигурировать и в европейских салонах. Радость родителей достигла степени воодушевления. Жену мою осыпали благодарностями без конца и без меры ¹²⁸. Наиболее забавно и одновременно сердечно проявил свои чувства почтенный «монумент». Не умея совладать с восторженным отцовским чувством,

старик подошел к моей жене, стал перед ней на колени и, вознеся руки, как в молитве, громко воскликнул: «Благодарю вас, Люция Игнатьевна, что вы дали такое образование моей Анфисе!» Единственную свою дочь он любил безмерно.

Странная смесь в этих московских чиновниках. Ведь они люди. Многие из них обладают истинными достоинствами. Есть среди них хорошие мужья, заботливые отцы, даже бывают отзывчивы по отношению к товарищам. В служебной сфере — деморализация, такая же большая, как повсеместно. Все крадут, открыто, обдуманно, как бы по убеждению. Получаемое от правительства жалованье для них ничто, взятки — всё. Каждая должность заранее просчитана, сколько должна принести дохода. Эту норму каждый старается не только выдержать, но и непременно приумножить, как хороший хозяин старается поднять доход с владения. Общественное благо, любовь к стране — эти понятия им незнакомы, умам их недоступны. В этом я полностью убедился за шесть лет пребывания в Туринске, а затем за пять — в Калуге. Так что без преувеличения можно сказать, что по всей России бюрократия обкрадывала казну и жителей. Так было. Не знаю, как обстоит дело сейчас, после введения многочисленных изменений и усовершенствований. Говорят, так же, как было и прежде. Вполне вероятно, ибо причины равно ясны, как и трудно устранимы.

Вспоминаю также услужливую и добрую прислугу, какую судьба послала нам во второй половине шестилетия в Туринске. Кучером и работником был Мартын, латыш-католик из Лифляндской губернии, из города ¹²⁹. Сосланный за незаконную продажу пороха, он так и не смог никогда понять свою вину. Порядочный был и очень трудолюбивый. Все наше жильё содержал в образцовой чистоте, а до какой степени был старательным, доказывает такой случай. В один год разбушевалась сибирская чума. Так уничтожила скот в местечке, что ни одной коровы не осталось. У нас была превосходная корова, дающая много отличного молока. Я поручил Мар-

тыну не выпускать корову и телушку из хлева даже во двор, кормить и поить взаперти, не входить в обуви, потому что одна соломинка, принесенная на сапогах, может занести заразу. Добросовестный Мартын очень тщательно выполнял мои указания, и через несколько месяцев скотина вышла совершенно здоровая. Склонные к суеверию жители убеждены были, что обладаю секретом, предохраняющим от заразы, и просили открыть им этот секрет. Когда я говорил им истинную правду, уходили с недоверием и с мыслью, что правду открыть им не хочу. Это обычный путь всех развивающихся обществ. Где склонность ума к анализу развита недостаточно, там сильно действует воображение и каждое естественное явление воспринимается как чудо и чудодейственностью объясняется. Поначалу было у меня немало хлопот, ибо Мартын говорил только на своем латышском языке, поэтому я не понимал его. Со временем дело пошло легче. Я поспособствовал его взаимопониманию с родным братом, оставшимся в Еллине, зажиточным, как выяснилось, мещанином. В ответ на составленное мною письмо он прислал Мартыну сердечные слова и с ними 400 рублей серебром. Не раз я со смехом говорил, что кучер богаче барина, и действительно так и было. Потом ежегодно благодаря написанным мною письмам получал Мартын более или менее значительные денежные суммы. Я стал как бы орудием роста его успеха и состоятельности, за что он был нам явно благодарен и верно служил до конца.

Горничной была Акулина. Я взял ее в земском суде прямо из партии арестантов, присланных на поселение в Туринский уезд. Родом она была из Вязьмы, а в Сибирь сослана за какую-то кражу в доме ее сестры. Была молода и красива и, что самое удивительное, прошла через этапный поход невинной девушкой. Рассказывала жене моей о разных нападениях и преследованиях, которым подвергалась, и я этому верил, потому что во время переходов с партией был свидетелем ужасных насилий и мерзостей, которым подвергались

женщины. Радуюсь убежищу, которое нашла в самом начале, встретив мягкое обращение, служила охотно и ловко. Со временем молодость и темперамент взяли свое, она повеселела. На кухне во время вечерних бесед флиртвала с Мартыном. Осторожный латыш посматривал на нее искоса, наблюдал за ее поведением, наконец, запорошил себе глаза, а убедившись, что девушка хорошая, попросил ее руки. Поначалу красавица ершилась, но мы без труда убедили ее, что когда Бог дает хорошего человека, то отталкивать его не надо. Тогда состоялось обручение, которое мы оба благословили. В приданое невесте дали мы коня с телегой и сбруей, доброго рыжика, большого нашего любимца, и немного домашней утвари. Свадьбы мы не дождались, ибо наступила счастливая перемена, конец сибирской ссылки.

Поздней осенью 1847 года от губернатора городничему пришла бумага с вопросом, как я себя веду и заслуживаю ли помилования. Тут же с этой хорошей новостью приехал «монумент» и дал мне прочитать подготовленный ответ. Вскоре из Тобольска сообщил, что губернатор также дал самую лучшую характеристику и что поэтому можем, наверное, ожидать освобождения из Сибири. Поддались мы радостной надежде, но только лишь надежде. Обычно в таких случаях формальности требовали много времени и любое обстоятельство могло все опрокинуть. И вот тревожное обстоятельство действительно появилось. Пришли сообщения о революционном движении и вспышках почти во всей Европе¹³⁰. Следовало предположить, что все амнистии будут отсрочены, что никого из политических ссыльных из Сибири не выпустят. Но случилось, однако, иначе. В конце марта 1848 года пришел высочайший приказ отправить меня в Россию, назначив местом пребывания Калугу. Радость и волнение мои невозможно описать.

Повод был очень веский. Надо пояснить, что перед выездом в Сибирь жена моя дала властям подписку, что не возвратится в свою страну без четкого высочайшего позволе-

ния, даже в случае смерти мужа. Мысль об этом терзала меня непрестанно, была как постоянный кошмар. С выездом в Россию этот драконовское условие теряло силу. Из России жена моя в случае, если овдовеет, могла возвратиться к своим безо всякого препятствия. Так что изменение в положении было радикальное. Тогда-то я убедился, что внезапную радость, как и внезапное горе одинаково трудно перенести. Не в состоянии я был подавить терзающее меня волнение. Утратил сон, аппетит, стал бессильным, как истукан. Такое мое состояние всех беспокоило. Доктор Кароль Юдынович, опасаясь нервной горячки, советовал собираться и ускорить отъезд, убеждая, что путешествие будет действенным лекарством. И он был полностью прав, ибо в дороге я стал постепенно успокаиваться и силы начали восстанавливаться.

В эти минуты проявилась общая доброжелательность жителей. Чиновники, купцы, мещане приходили поздравлять нас с освобождением. Посыпались письма от земляков из Тобольска. В городе началась череда прощальных обедов и вечеров. В час отъезда около нашего дома была настоящая процессия, в комнатах полно людей и каждый с каким-нибудь подарком на дорогу. Булок, тортов и иных лакомств нанесли огромное количество, так что невозможно было все это забрать. Несколько тарантасов провожало нас до первой станции, а печальный Фортунат Грабовский, которого отъезд наш осиротил, простился с нами аж на следующей станции. Так после шести лет постоянного проживания исчез с наших глаз тихий добрый городок.

Благодарно вспоминаю тех хороших людей. Они, не зараженные еще грехом политической ненависти, были к нам расположены, услужливы и доброжелательны. Жена моя до сих пор повторяет, что в Туринске провела самые приятные минуты в своей жизни. Потому что лишь там, собственно, и началась наша совместная жизнь, потому что я, арестованный и изгнанный через четыре месяца после свадьбы, лишь

в Туринске, после четырех лет разлуки, увидел и вновь обрел жену.

И снова, но уже вдвоем, под наблюдением Провидения, отправились мы в бескрайний мир, в далекое путешествие. Приближались мы к своей стране, постепенно вступая в другую, более легкую фазу изгнания, и могли надеяться на полное в будущем возвращение на родину. Но мы не знали, что нас ждет в Калуге, как распорядятся мною местные власти, как посмотрят на нас местные жители, наконец, какие ждут нас условия жизни и какие средства существования. Поскольку наказание мне было только смягчено, то ехали мы с конвоем. Сначала до Перми сопровождал нас фельдфебель-казак, от Перми — жандарм, сменяемый в каждом губернском городе. Везде я обязан был представляться губернаторам и ждать, пока не сменят жандарма, что обычно выполнялось в течение одних суток.

Первым уездным городом на нашем пути была Тюмень, лежащая на большом тракте из Сибири в Россию. Там был собственный дом и контора у Кожелло-Пахлевского¹³¹, о котором я уже упоминал. Деятельный и энергичный, благодаря ряду разных предприятий сколотил он значительное состояние. Узнав о нашем освобождении, в сердечном письме потребовал, чтобы мы заехали прямо к нему и у него отдохнули. Так что мы направились к Кожелло. Поздним вечером въехали в Тюмень. Приближаясь к дому Кожелло, слышали мы тарактение тяжелой повозки, которая остановилась рядом с нами. В ночной темноте ничего нельзя было разглядеть, но в ту же минуту послышался мужской голос, и очень знакомый, потому что принадлежал Адольфу Рошковскому. Удивление было обоюдное и огромное. Они ничего не знали о нашем, а мы об их помиловании. Оказалось, что по одновременному приказу также направлены в Калугу¹³². Быстро собрались из Иркутска и по санному пути проехали всю Сибирь. В Ялуторовске, уездном городе Тобольской губернии, санный путь кончился. Там задержались

они у гостеприимных декабристов Пущина, Оболенского, Муравьева-Апостола и Якушкина¹³³. С их помощью приобрели там удобный тарантас и, дождавшись лучшей дороги, снова отправились в путешествие.

Надо ж было произойти такому странному, фантастическому случаю, чтобы мы, направляясь с двух противоположных концов Сибири, оказались в одну и ту же минуту у ворот Паклевского, который пригласил и Рошковских. Тем временем отворили ворота и мы вместе въехали во двор. Не знали мы, правда, с кем здороваться, друг с другом или с хозяином. Все как-то пришло в согласие благодаря искренней гостеприимности хозяина дома. Нас удобно разместили, щедро и изысканно угощали. На следующий день потянулась процессия навещающих, ибо знакомых у нас было немало. Первым прибежал Уткин, бывший начальник Туринской школы, переведенный на ту же должность в Тюмень. Пришел также доктор Новицкий. Прошлое этого человека необычайно ужасно. Родом был из Житомира. Успешно закончил Виленский университет и получил звание доктора медицины. В Вильно же начал свою практику и там вскоре женился. После этого, вследствие своей получившей широкую огласку репутации, был вызван в Гродненскую губернию и там занялся лечением тяжелобольной очень привлекательной молодой особы. Вытащил ее из недуга, но сам впал в болезнь неизлечимую: безумно влюбился. Под напором слепой страсти утаивает он прежние обязательства, делает предложение и женится повторно.

Совершив двоеженство, возвращается к первой жене, ведет ее на прогулку в место, называемое Антоколь¹³⁴, и убивает на месте, воткнув иглу в умело выбранное место, около виска. Арестованный, сознался в двойном преступлении и был приговорен к пожизненной каторге в Сибири. Направили его на Успенский завод, большую государственную винокурню вблизи Тюмени, куда отправляли преступников. Здесь и еще ранее началась для бедного виновника череда невыносимых

страданий, жгучих угрызений совести, тем более страшных, что просвещенным разумом понимал и чувствовал всю мерзость моральной пропасти, из которой нет спасения. И он поддался безоговорочному покаянию. Многие годы никто о нем не слышал, никто не видел. Влившись в шайку обычных негодяев, он с тихой покорностью переносил всяческие унижения, выполнял самые тяжелые работы. Наконец, выбился из сил, подорвал здоровье. Своим поведением поневоле обратил на себя внимание местного начальства. Освободили его от работ и взяли на казенное иждивение. Случайно также вспомнили, что он был доктором. Постепенно стали обращаться к нему за советами, которые всегда почти оказывались действенными. Когда мы с ним познакомились, он приезжал в Туринск. Бог уже, по-видимому, простил его, потому что люди снова начали уважать его, даже любить. И мы полюбили его искренне. Приятный был в обществе, сохранил вежливость, выявляющую навыки хорошего воспитания. Выражение лица мягкое, но постоянно печальное. В этой тихой фигуре, которую, очевидно, так сформировали несчастья, кто бы мог угадать и вычитать прошлое страстное и преступное? Никогда о прошлом своем не вспоминал. Только в последний раз, прощаясь в Тюмени, сказал мне такие слова: «Вы приближаетесь к родине и возвратитесь туда, ибо вы этого заслужили. Я же не вернусь никогда, и так быть должно». Есть у меня среди бумаг собственноручное письмо от этого бывшего преступника, очистившегося долгим покаянием, полученное уже на родине. Вероятно, предстал он уже пред судом Божиим, и хочу верить, что душа его спасена.

Явился также благородный и симпатичный москаль Пущин. Тайком выскользнул из Ялуторовска, только чтобы попроситься с нами. Такие проявления доброжелательности были ценны и очень приятны. Я не особенно мог ответить взаимностью, ибо еще находился в состоянии полного бессилия. Потому от этих минут в Тюмени остались у меня неясные, туманные воспоминания.

В обществе четы Рошковских отправились мы в дальнейшее путешествие. Нигде не расставаясь, вместе доехали до Калуги. В нескольких десятках верст от Тюмени кончается Сибирь и начинается Пермская губерния, отнесенная к Европейской России. Первый уездный город, уже вроде бы в Европе,— Шадринск. Там жил Валевский, бывший в 1830 году офицером Войска Польского. Был государственным лесничим. Знал, что мы в Туринске, и, когда случалась связь, неоднократно просил, чтобы мы не проезжали мимо, если когда-нибудь будем возвращаться, так что заехали мы к Валевскому. Подхватился от послеобеденного сна усатый большой бравый служака и принялся угощать нас с солдатским чистосердечием. Кормил и поил нас прекрасно, детей Рошковских потчевал сладостями, словом, проявлял самое доброе гостеприимство. Порядок, чистота, даже элегантность в его доме были поистине военные. В конюшне, как в комнате, в комнатах же, как у изысканной щеголихи. Ничего больше о нем сказать не могу, ибо видел его всего лишь один этот раз, а разговоров, что велись нами тогда, не помню совершенно.

О том, как мы переезжали Урал, немного могу сказать. Дорога эта всем известна, особенно сегодня, когда по ней прошли многие тысячи соотечественников и когда связь с Сибирью значительно улучшилась. Широкий тракт проложен удобно. Путешественник почти не чувствует, что въезжает на высокие горы и что потом с них спускается. Сам хребет отмечен памятником, установленным в память проезда царя Александра I, когда еще он был великим князем. Также на самом верху Урала стоит город Екатеринбург, столица уральской горной промышленности. Там живет главный начальник, обычно в ранге генерала, с многочисленной канцелярией и с еще большей свитой горных инженеров и разных чиновников. Есть там россыпи (открытые разработки) золота, есть медные рудники, есть медный монетный двор.

Есть также фабрики, на которых обрабатывают местные драгоценные камни, как то: горный хрусталь, изумруды, сердолик и так далее, которых очень много находится в Уральских горах. Цены на эти драгоценности доступные. За десяток рублей купили мы две топазовые печатки и более десятка камней, из которых получилось для моей жены весьма значительное кольцо. В Екатеринбурге провели мы неделю у товарища по ссылке Дьонизыя Огородзиньского, в дружеском кругу известного под именем Дызя.

Родом из Волыни, Звягильского уезда, он в очень молодом возрасте был арестован, приговорен к солдатчине в Оренбургский батальон и определен в роту, квартирующую в Екатеринбурге. Хорошо воспитанный и очень способный, начал обучать детей местных инженеров. Вскоре снискал всеобщую доброжелательность и протекцию генерала Глинки, бывшего тогда начальником Урала. Дызе разрешили перейти на гражданскую службу, и он сразу получил должность в главной канцелярии. Он сразу же выделился в обществе сидящих там канцелярских крыс, а когда мы были у него, ходил уже в вышитом мундире и имел немалый вес. Через много лет попал он к Демидову, князю Сан-Донато ¹³⁵, известному богачу, владевшему на Урале медными, платиновыми и малахитовыми рудниками. Он управлял всем достоянием этого господина, а впоследствии, живя в Петербурге, получал большую пенсию. Время от времени приезжал на родину, навещал семью, родных и нас, товарищей. Разбитый параличом, преждевременно умер.

В губернском городе Перми задержались мы свыше недели немного ради отдыха, а больше ради прибывающих туда соотечественников, которые, обрадовавшись нашему приезду, задерживали нас горячими просьбами. Особенно помню двух: Ярошевича, доктора из Литвы, и молодого статного брjunета, сосланного в солдаты из Люблинского воеводства, Хенрыка Волиньского. О первом я никогда больше уже не слышал, а до сих пор лежит у меня злотый, который

он дал мне при прощании «на дорогу домой». Волиньский вернулся на родину и сейчас является президентом города Люблина. Был я у него, вернее, у них, в прошлом году, проездом в Варшаву. Из молодого некогда брюнета он стал седовласым, окруженным многочисленной семьей.

Пермским губернатором был Огарев, старичок, освоившийся со ссыльными и благосклонный к ним. От всех губернаторов отличался тем, что несколько десятков лет, до самой смерти, не трогали его с места. В Перми оборвалась последняя ниточка, соединяющая нас с Туринском. Простился с нами добрый казак, а для дальнейшего конвоя дали нам жандарма.

Пермь лежит над большой судоходной рекой Камой, впадающей в Волгу. Тут же по другой стороне находится уездный город Оханск¹³⁶. Въехав в центр города, увидели мы стоящих поперек дороги солдат, взмахивающих руками, как сигнальщики старинного телеграфа. Подчиняясь этим знакам, ямщики внезапно свернули вправо, и оба наши тарантаса вкатились во двор какого-то солидного дома. Мы не могли понять, что это означает. Но в ту же минуту выбежало к нам целое семейство. Это были господа Шадурские, литвины¹³⁷. Пан Шадурский занимал должность окружного начальника государственного имущества в Оханском уезде. Знали, что мы в Перми, что будем проезжать. И тогда поставили караул, который проследил за нами. Доброе семейство приветствовало нас, незнакомых, как самых близких родственников, одновременно извиняясь за поднятую суматоху. Несколько дней принимали нас очень сердечно, отдав себя, свой дом и все удобства в нем в наше распоряжение.

Кто и где, не помню, — хорошо сказал, что польская шляхта составляет как бы единую семью. Убедиться в этом мог каждый, кто был в ссылке. Там поляков друг другу не представляют. Знакомство возникает само по себе, и те, кто никогда в жизни не виделись, встречаются и приветствуют друг друга как давние и близкие знакомые. Несмотря на частые, очень

ожесточенные и вредные раздоры, в польском обществе существует неразрывная сплоченность, объединяющая всех его членов, главной, даже единственной основой которой является глубокая любовь к родине. Именно по этой причине польские ссоры обычно приобретают резкий характер в вопросах общего порядка, ибо тогда выступают сильные эмоции со слишком большими требованиями и слишком склонные к раздражительности. Это наша отрицательная сторона, наш общественный грех, который поистине много нам страданий и несчастий прибавил. Но мы грешны были избытком любви, а Спаситель сказал: кто много любил, тому многое простится.

На следующий день к пани Шадурской приехала жена местного городничего с приглашением на именины мужа. Мы удивились, услышав, что она говорит по-польски. Удивление наше возросло, когда сказала, что она урожденная Кулаковская, родная сестра филарета, друга Зана и Мицкевича¹³⁸. Мы были любезно приглашены и были у них на сытном вечере. В гостиной на почетном месте висела миниатюра брата хозяйки в мундире студента Виленского университета. Портрет филарета, уважаемый и любимый в доме московского городничего в Оханске, — удивительные дела!

Далее ехали мы через Казань, Нижний Новгород, Владимир. В каждом из этих губернских городов мы немного задерживались для отдыха и по необходимости, поскольку в каждом городе сменялся наш конвой. Наконец подъехали мы к Москве. Помню, что, въезжая в этот город, вспоминал я и рассказывал моей жене о мерзкой тюрьме, в которой провел двое ужасных суток, когда меня везли через Москву в Сибирь, и добавил, что, наверное, Московскую тюрьму никогда уже больше не увижу. Мог ли предвидеть, что еще в этот же день бросят меня в эту тюрьму?! Без всякой причины, так себе, будьте любезны! А вернее, по глупости и самоуправству подчиненного, у которого сосредоточилась в этот день самая высшая власть вследствие временного отъезда

из Москвы генерал-губернатора и губернатора. Временным сатрапом был тогда вице-губернатор, некий Новосильцев, личность, как я потом узнал, во всех отношениях дрянная, фамилия эта была зловещей, памятной в нашем краю многими несчастьями¹³⁹. Так же как везде, в Москве заехали мы в гостиницу, я устроил жену и пошел со своим жандармом представиться властям, в полной уверенности, что тут же вернусь, что, как в каждом губернском городе, пережду в гостинице смену жандарма. Тем временем меня надолго задержали в канцелярии губернатора. Мой былой опекун исчез, а меня передали под стражу какому-то верзиле, который молча, как немой, повел меня сперва к обер-полицмейстеру, а затем прямо в тюрьму. Задвинулись засовы, и стал я узником. Все произошло так неожиданно и таинственно, что я в самом деле пришел в ужас. Происходило это в 1848 году, когда во всей Европе были волнения¹⁴⁰. Я мог предположить, что помилование отменено, что меня повезут обратно в Сибирь.

По опыту зная, что такие дела делаются втайне, я думал об ужасном положении жены моей, оставшейся в гостинице, в огромном и совершенно чужом городе. Помимо всего прочего, в то время свирепствовала холера. Что предпримет одинокая женщина, от кого и когда узнает, что со мной случилось? Я попросил у начальника тюрьмы разрешения написать несколько слов жене и письмо обер-полицмейстеру. Под влиянием тяжелых переживаний одним взмахом пера написал я обер-полицмейстеру кратко, но с такой силой и искренностью, что заметно было, как сильно тронут смотритель, когда по обязанности читал мое письмо.

Немедленно он отправил мои письма и стал успокаивать, что мое заключение под стражу, несомненно, будет временным. Действительно, так и произошло. Если б сказали мне об этом сразу, открыто, я бы успокоил жену и попросил, чтобы спокойно ждала в гостинице момента отъезда. Оба мы тогда избежали бы страданий, которые могли закончиться

большим несчастьем. Я бы даже меньше скучал в тюрьме, чем в гостинице, ибо видел там и слышал вещи необычные, в своем роде весьма любопытные. Требовать благосклонности от московского чиновника — это то же, что желать, чтобы слепой прозрел. Чиновник проявляет иногда человеческие чувства, но за пределами службы. На службе почти каждый из них перестает быть человеком, теряет людские черты, а вместо них у каждого остается лишь инстинкт, при помощи которого хватает взятки и чины.

После обычных предварительных формальностей смотритель по разным извилистым коридорам ввел меня в просторное помещение, где находилось более десятка человек. С первого взгляда распознал я арестованных из лучших кругов. Действительно, там сидели за разные уголовные преступления шляхта и чиновники.

В тот момент, когда мы вошли, общество играло в лото. Молодой, видный мужчина в офицерском мундире стоял в центре с поднятой рукой и объявлял номер. Игра немедленно прервалась, все глаза обратились на меня. Новый заключенный возбуждает любопытство и разнообразит временные интересы тюремной жизни. Среди этих своего рода товарищей я подобен был несчастной овце, попавшей в стадо свиней, а подавленность моя была такой явной и сильной, что никто из этих господ не смел ко мне приблизиться. И лишь когда принесли мне от жены табак и чай, один, более смелый и очень услужливый, предложил приготовить мне чай. Во время совместного чаепития, ибо я пригласил его, он вступил в разговор, начав, конечно, с вопроса, за что меня заключили в тюрьму. Я видел, что он не очень поверил короткому правдивому рассказу, считая, по-видимому, что я, как и все они, утаиваю истинную вину. Так как был уже поздний вечер, то предложил он мне свою койку, сказав, что спать не будет, ибо у него партия в карты, которая продлится до утра, и попросил при этом полрубля на подкрепление. Дал я очень охотно, но до сих пор не знаю, что с этой помо-

щью сделалось. Видел только сквозь сон, как расстелили на полу зипун и, рассевшись вокруг, играли упорно, пока утром не вошли тюремные охранники подметать и наводить порядок. Открыли дверь в прилегающий садик, устроенный для прогулки заключенных. Я вышел вдохнуть свежего якобы воздуха и сел на скамейке под каменной стеной. Вышел и мой опекун, сел рядом и начал развлекать меня рассказами о прошлом собственном и некоторых сокамерников. Говорил он сначала о себе, что был чиновником в комиссариате, что обвинили его «без вины» за то, что якобы выдал фальшивую квитанцию на рекрута. Четыре года уже был в тюрьме, а до сих пор не знал, когда и как закончится его дело. Подавленности не проявлял вовсе, только ругал энергично правительство и своих бывших начальников. Затем указал мне на двух мужчин, гуляющих парой.

Один, рослый, красивый, был жителем Смоленской губернии. Сидел только за то, что имел одновременно трех жен. С первой договорился, что будет делиться с ней полученным приданым, и в силу такого договора она первая взяла на себя роль матери и благословила на два последующих брака. Этой особы я не видел, ибо она сидела в женском отделении. Его товарищ по прогулке, коренастый, слегка сторбленный брונет, был известный в Москве грабитель, сверхискусно извлекал из чужих карманов табакерки, часы и деньги. Бесчинствовал долго, пока наконец не поймали его на месте преступления.

Я бы слушал эти рассказы и дальше, но смотритель прервал беседу. Подошел ко мне и уведомил, что хочет поместить меня в другое отделение, где у меня будет лучшее общество. Повел в меньшее помещение, там находились три господина, пили кофе и читали газеты. По разговору и общению видно было, что вращались в лучшем обществе. Тут же предложили мне кофе, от чего я не отказался, так как был голоден. Спустя некоторое время двое вышли, оставив меня наедине с пригожим брונетом в золотых очках.

Рассказал он мне собственную историю и своих двух товарищей. Сам он был арестован за взятку, полученную неосторожно. В его деле не то было интересно, что украл, ибо воровство присуще всем чиновникам, а то, что уже лет восемь сидел в тюрьме, а конца делу не было видно. Измучен был очень и жаждал развязки, пусть самой плохой, лишь бы свет Божий увидеть. Один из его товарищей, немолодой уже, некрасивый, был доктором, а арестован был за изнасилование малолетней девочки. Вторым, франт, эlegantный, свободно владеющий французским, был вхож в аристократические салоны. Надо пояснить, что в Москве богачи перед праздником Светлого Воскресения охотно делают большие складчины для выкупа арестованных за долги. И вот мой франт договорился со своим хорошим знакомым, что посадит его в тюрьму будто за долг, а благодаря взяткам получит складчину и якобы выкупит его, а деньги между собой поделят. Как сказано, так и сделано. Только временный мой товарищ, почувствовав деньги в руке, предпочел взять себе всю сумму, а арестованного предоставить воле Божьей. Узнав о подвохе, обманутый сообщник немедленно выявил все мошенничество, и франт тоже попал в тюрьму. Вот такие достопримечательности увидел и услышал я в Московской тюрьме.

Временную неприятность я бы перенес лучше, если б знал, что она всего лишь временная. Но никто меня не успокоил, даже смотритель, который, несомненно, знал, что я у него лишь перелетная птица. О том, что он это знал, я заключаю по той исключительной любезности, какую мне оказывал. Через сутки, около трех часов пополудни, явился жандарм с бумагами, который должен был эскортировать меня в Калугу. Появилась и бедная жена моя, обрадованная, что меня увидела и получила обратно. Сам смотритель отворил тюремные ворота и простился со мной с добрыми пожеланиями. Не теряя ни минуты, умчались мы из негостеприимной Москвы.

Однако не был это конец огорчениям. В течение этих несчастных суток бедная жена моя почти все время была на

извозчике. Ездил к обер-полицмейстеру, к этому Новосильцеву, ум которого сам не знаю каким охарактеризовать эпитетом, ибо оказалось, что даже не знал он, как и когда подписал приказ о моем аресте. В результате такого беспокойства и переживаний, а вероятно и из-за сильной эпидемии в городе, почувствовала она себя нехорошо, проявились симптомы холеры. Можно ли выразить, в каком я был ужасе? До сих пор еще одно лишь воспоминание ужасает меня, и я скорее отгоняю мысли о нем. Господь помог мне довести больную жену до Калуги. Вызвал доктора, он прописал какое-то лекарство. Может, помогла аптека, но вернее всего, помогло Провидение Божье.

В первой половине июня 1848 года около полудня приехали мы в Калугу. День был прекрасный, по-настоящему весенний. Я хотел заехать сперва в гостиницу, уложить там больную жену и вызвать доктора. Но жандарм, трус какой-то, решительно воспротивился, говоря, что у него четкий приказ ехать прямо к губернатору. В губернаторском доме сказали, что начальник губернии переехал уже в летнюю резиденцию в загородном саду. Поехали мы за город. Увидели прекрасный дубовый лесок, в нем аккуратный небольшой домик, где губернатор с семьей проводил лето. По другую сторону леска виднелся монастырь Св. Лавра, и лесок назывался рощей Св. Лавра. Туда жители Калуги обычно направлялись на прогулку. Ждать нам не пришлось. Губернатор принял нас сразу, причем держал себя так, как от русского чиновника меньше всего можно было ожидать. С доброжелательной открытостью объяснял нам, какие вынужден по своему положению выполнять обязанности и каким в связи с этим должно быть наше поведение. Итак, прежде всего сказал, что мы будем под постоянным, бдительным оком полиции. Далее, поскольку по всей Европе волнения, а мы — политические ссыльные, то он полагает, что мы желаем знать о том, что происходит на свете, и, считая такой интерес совершенно естественным, предлагает нам для чтения все газеты,

разрешенные и запрещенные, которые он как губернатор получает без цензуры, с одним лишь непременным условием — ни с кем в городе не говорить о политике. Далее, поскольку он не получил никаких инструкций, касающихся способа нашей корреспонденции, то полагает, что мы можем вести переписку непосредственно через почту. Только советует и предписывает быть в письмах осторожными. В заключение добавил, чтобы мы в случае потребностей и пожеланий наших направлялись прямо к нему и только к нему. Весь этот разговор провел по-французски. Как сказал, так и поступал.

Под его правлением жили мы очень спокойно. Звали его Николай Михайлович Смирнов. Был малолетним единственным сыном, когда умерли его родители, оставив ему большое имущество в Калужской и Московской губерниях, прекрасные дома в Петербурге и в Москве, а к этому несколько сотен тысяч рублей капитала. Опекун над ним осуществлял родной дядя, также богатый и бездетный, после которого тоже унаследовал состояние. Служебную карьеру начал при посольстве в Неаполе в восемнадцатилетнем возрасте.

Под прекрасным итальянским небом кутил юноша напропалую. Московские рубли разлетались по всему Неаполю. Роскошной жизнью, красотой лошадей, элегантностью экипажей обратил на себя внимание неаполитанского двора. В течение неполных двух лет потерял весь унаследованный капитал и еще наделал долгов. Встревоженный дядя-опекун добился в столице распоряжения отозвать расточительного племянника. Возвратился тот в Петербург, где, прослужив в Министерстве внутренних дел, стал камергером и губернатором. Женат был на Александре Юзефовне Розетти, красавице, фрейлине царицы. Когда мы познакомились в Калуге, у них было четверо детей, три дочери — Ольга, Софья и Надежда, все очень красивые, и младший сын Михаил.

От губернатора мы с Адольфом Рошковским поехали к жандармскому полковнику, которому также обязаны были

представиться. Встретили мы человека не скажу знакомого, но хорошо ознакомленного с нашим краем, ибо когда мы были в Сибири, он был в Житомире. Поэтому знал он Волынскую губернию и почти всех ее жителей, притом знал столько и таких тайн, какие только до жандармского уха могли долететь. Фамилия его была Гринфельд. Родом немец, вероисповеданием католик. Холостяк, жил за городом в собственном доме среди цветов, которые с увлечением выращивал. Ровный в обращении, спокойный и тихий. Казалось, он ничего не знает о мире Божьем, а тем временем имел свою великолепно организованную полицию и ничто ни в губернии, ни в городе не ускользало от его внимания. Время от времени наносил нам церемониальные визиты, может, из вежливости, но скорее для того, чтобы своими глазами убедиться, как живем. От нас обычно заходил к владельцу дома, в котором мы занимали один этаж и который тот же Гринфельд порекомендовал нам, узнав из первого же разговора, что для меня было немалой заботой, где и как найти приют в чужом городе, не имея ни одной знакомой души. Владелец дома был православный священник, капеллан женского монастыря и одновременно учитель религии в гимназии. Входя в эту квартиру, я подумал, что каждый наш шаг будет под пристальным контролем жандарма и попа. Я не испугался этого, наоборот, хотел контроля над нашей жизнью, пусть даже самого строгого, лишь бы добросовестного. И это пошло на пользу. Провидение ввело нас под кров добрых людей. У них жили мы во все время нашего пребывания в Калуге.

Наш поп был уже немолод и сед, звали его Алексей Николаевич Протасов, а жену его Анна Григорьевна. У них был единственный ребенок, двенадцатилетняя в то время девочка Елизавета. В сословии, к которому принадлежал, был он подлинным исключением, ибо не имел никаких поповских пороков и плохих привычек. Тихий, скромный в жизни, трудолюбивый и без малейшего корыстолюбия. Священнические

обязанности исполнял по убеждению, не требуя излишних пожертвований. При этом был благотворителем, помогал и давал приют бедным родственникам. Присмотревшись поближе к этой доброй семье, прониклись мы уважением к ней, получая взамен доброжелательность, которая со стороны этих хороших людей перешла в задушевность. Прильнула к нам и их дочь. Начали мы ее обучать, моя жена — музыке, я — французскому языку. А так как девочка была очень привлекательная и с большим стремлением к знаниям, то и успехи были налицо. Хоть и не была от природы талантлива, но, однако, бегло играла несложные сочинения и танцы; по-французски же могла читать и понимать без словаря. Французский язык и фортепьяно — два условия, почти неизменные у нас и еще более ценимые в России, в то время в семьях калужских попов не практиковались вовсе. Так что когда через некоторое время при многочисленных гостях, собравшихся на именины матери, Лиза села за клавиш и начала играть, изумление было большим и всеобщим. Пошла молва, что у Протасова живут поляки, которые прекрасно воспитывают его дочь. И эта мелочь повлияла на судьбу барышни. Привлеченный известиями о таких талантах, молодой профессор Калужской семинарии попросил руки Лизы. При нас состоялось обручение, а после венчания господин профессор стал священником в одном из лучших приходов Москвы. О благополучном супружестве и богатой жизни дочери сообщали нам родители. Они писали нам постоянно до самого конца. Говорю «до конца», потому что последнее мое письмо возвратилось из Калуги с надписью на конверте: возврат в связи со смертью. Так мы узнали о кончине доброго попа и с тех пор не имеем никаких вестей об этой семье.

Молва о неплохом таланте моей жены опередила приезд наш в Калугу. Жандарм Гринфельд не раз слышал игру ее в Житомире и рассказывал всему городу. Случилось так, что в Калуге не было учителя по фортепьяно, а домов, где

надо было давать детям уроки музыки, было очень много. Первым обратился губернатор с просьбой об уроках для трех своих дочурок. Отказать нельзя было ни в коем случае, тем более что предложение было сделано осторожно, а нам нужен был заработок. Цену назначил губернатор — полтора рубля серебром за час. Она стала нормой для всех. Предложения посыпались как из мешка. Если б это я был музыкантом, то мог бы работать с утра до вечера и хорошо зарабатывать. Жена моя, несмотря на слабое здоровье, работала сколько могла, даже больше, чем могла; содержала весь наш домик, жили мы в достатке и даже немного сбережений привезли на родину.

Таким образом завязались многочисленные знакомства. Волей-неволей вошли мы в общение со всем высшим светом Калуги. А этот высший свет состоял из зажиточных граждан, из высоких должностных лиц, гражданских и военных. Все эти господа, не имеющие возможности жить в столицах из-за недостаточных или подрастраченных капиталов, оседали в соседней с Москвой, но более дешевой и скромной Калуге. К этому обществу относились также высшие городские чиновники и их семьи. Насколько помню, жили господа Уньковские. Сам он был некогда управителем губернским. Оба уже старики, имели шестерых сыновей и двух дочерей. Сыновья все уже служили, занимали разные гражданские и военные должности. Младшая дочь их брала уроки у моей жены. Семья эта, многочисленная и дружная, вызвала симпатию и уважение, в ней сохранялась патриархальная простота, редкая вообще и особенно редко встречаемая в России.

Другим был дом господ Яковлевых. Господин Семен Павлович исполнял должность уездного управителя; хозяйка дома, урожденная Беринг, была цветущая и красивая. Оба еще молодые, любили роскошь и утонченность, жили в изобилии в прекрасном и отлично меблированном доме. Все там было на французский манер. Транжирили капитал, не

считаясь с многочисленной и все прибывающей детворой. В сущности, неплохие люди, с нами были очень любезны. Две их дочурки были ученицами моей жены.

Далее был дом генерал-лейтенанта Тимирязева, бывшего военного губернатора в Астрахани. Попав в немилость, он поселился в Калуге, выжидая из Петербурга более благоприятных веяний. Жена его, урожденная Вадковская, была сестрой ссыльного 1825 года, с которым я был знаком в Иркутске ¹⁴¹. Тринадцатилетняя дочь их также училась музыке. Господа эти отличались тем, что по давнему, а в те времена уже реже практикуемому обычаю содержали толпу лакеев, заполняющих переднюю. Еще жили Нелединские, старые и бездетные. Он был когда-то адъютантом при великом князе Константине в Варшаве. Болезненный, слывший чудачком, он единственно и превыше всего любил музыку. Хорошо играл на скрипке и всегда был счастлив, когда имел возможность играть дуэтом с женой. Кроме перечисленных, было много иных подобных этим домов.

Это высшее русское общество отличалось от низшего и очень отличалось внешне. Насколько в среде чиновников и мелких собственников обращение грубое, часто до неприличия, настолько в сфере якобы высшей изысканность утонченная. Все устроено по иноземным правилам, особенно французским, виденным или слышанным. Меблировка, обслуживание, кухня, туалеты как в Париже. Дамы в салонах говорят только по-французски, и говорят умело, быстро и много. Все разговоры совершенно пустые. Родной язык можно услышать лишь в кабинете хозяина между мужчинами, и то напшигованный французским. Женщины рассуждают обычно о модах и нарядах, которые любят страстно. Мода господствует повсюду, но в России господствует деспотично. Малейшее отклонение от моды расценивается как недостаток воспитанности, даже как неприличие. В таких убеждениях растут барышни; с детства развивается в них пристрастие ко всему, что блестит. Поэтому московитянки ¹⁴² вообще лег-

комысленны, и говорят, что добиться их благосклонности нетрудно. Сам я в этом, естественно, убедиться не мог, но из того что слышал и из собственных наблюдений заключаю, что это вполне возможно. Разнузданности же нравов в столице, о чем много говорят и пишут, не удивляюсь совершенно. Несмотря на это, о польских женщинах здесь имеют очень неблагоприятное представление и всех их в целом зовут кокетками. Это происходит оттого, что не один русский молодой человек, добравшись до Варшавы и столкнувшись там с постоянными посетительницами кафе, чаще всего красивыми и очень ловкими, так вскружил себе ими голову, что либо женился, либо хотя бы излишним восхвалением их достоинств дразнил самолюбие местных красавиц. Один молодой человек, служащий в России, интересный, веселый и остроумный, а поэтому имеющий успех у прекрасного пола, так ответил даме, упрекающей полек в кокетстве: «Правда, что польки умеют нравиться, и возможно, что они кокетки; но их кокетство обычно начинается и кончается в салоне, тогда как кокетство русских дам только начинается в салоне, а заканчивается обычно... в ином месте». Где и как закончилась эта маленькая дуэль, мне неизвестно.

Сыновья воспитываются в подобных условиях. Как только мальчик начинает ходить, к нему приставляют бонну и так называемого гувернера, француза или немца, иногда обоих сразу. Чужеземными бродягами переполнена вся Россия, и каждый более-менее состоятельный дом обладает хотя бы одним из них. Кто он такой, этот инструктор, каково его прошлое, каковы принципы и убеждения, что будет говорить и какие понятия внушать молодому уму, об этом спрашивают меньше всего. Главное, чтобы имел хорошее произношение, чтобы ребенок научился болтать. Эта цель обычно достигается. Покидая родительский дом, молодой человек хорошо владеет двумя языками. Что еще выносит, каким образом и в каком направлении развиты его чувства и стремления? Выносит то, что видел и слышал в доме. Видел элегантность

и роскошь, а слышал постоянно, что как воздух необходимы чины и деньги, что чин легче всего получить в гвардии, деньги же с помощью определенных должностей и учреждений добываются из государственных касс и частных карманов. В этом заключался весь гражданско-патриотический кодекс. Вооруженный им юноша выходил на общественное поприще и шел начертанным путем. Прослужив некоторое время в армии, добивался затем доходной должности и становился большим лицом, творя всевозможные злоупотребления согласно общепринятому правилу: все можно, только осторожно.

Многочисленная и мощная бюрократия была, повторяю, истинным бедствием во всей России. Она сохранилась и сейчас, ибо она пред нашими глазами, видим, что делает, а читаем о ней еще больше. Достаточно привести пример с огромным и возмутительным воровством во время последней войны с Турцией¹⁴³, совершаемым за счет сил и здоровья собственной армии. Об этом пишут московские газеты, сообщают о следственных комиссиях, назначенных для обнаружения преступлений. Но и эти следствия, как и все предыдущие, ни к чему не приведут, и воровство и в будущем не будет пресечено по совершенно явной причине. Так, за воровством следит всегда товарищ по ремеслу, поэтому покровительствует ему и изо всех сил оправдывает. Почти никогда обворованный утрату свою не получит обратно, разве по счастливому случаю, не зависящему от воли следователей. Взаимное покровительство особенно сильно там, где речь идет о растрате общественных денег, ибо, по общему представлению, государственные средства не принадлежат никому, то есть принадлежат каждому, кто может их хватать. Так было, и, по-видимому, то же самое существует и сейчас.

Несмотря на многочисленные проводимые реформы, истинная цивилизация в России больших успехов не сделала. И иначе быть не может. Везде цивилизация распространяется медленно, веками, под влиянием различных причин и об-

стоятельств. Распространится она и в России, но не скоро, до этого времени еще далеко. Высказываются мнения, что Россия никогда не станет цивилизованной страной, что русское общество не способно к цивилизации. Я такого мнения не разделяю. Ведь москали — это люди, значит, должны обладать способностью к усовершенствованию, иначе не были бы людьми. Такие теории рождаются ненавистью, но ненависть, как чувство страстное и негативное, никогда не может продиктовать объективное и здоровое суждение.

В эпоху, о которой идет речь, а было это в 1850 году, всякие возвышенные чувства, всякое понятие об обязанностях в общественной, общегосударственной жизни, характерное для каждого цивилизованного общества, были совершенно чужды обществу русскому во всех его кругах. Каждый чиновник, даже судья, был продажным и должен был быть продажным, иначе становился ненужным, вредным, тормозящим привычное движение бюрократической машины, и его немедленно удаляли. В доказательство я мог бы привести факты, которые видел, или мнения, которые собственными ушами слышал.

Упомянутый выше губернатор Смирнов, проведший долгое время за границей, притом очень богатый, терпеть не мог взяточничества. А поскольку был энергичен, то так упорно следил за чиновниками, что бедняги со страху отказались от своих доходов. Не подумал честный революционер, что перекрыл губернский источник, из которого перестало течь в столичный резервуар. Тем самым вызвал на себя негодование всей столичной бюрократии. Прислали для ревизии губернии сенатора Давыдова. Ревизия никаких злоупотреблений не нашла, ибо их не было. Но нашла отступления от канцелярских шаблонов в издании различных административных распоряжений. За это отстранили его от власти. Явился новый губернатор, некий граф Толстой. Перекрытый источник немедленно освободился. Начальник губернской канцелярии, который при Смирнове вынужден был ходить пешком,

через несколько недель по его устранению уже имел хорошие лошадей и отличный фаэтон. И так было по всей губернии. Все вернулось в обычное состояние к полному удовлетворению всех и каждого.

В прекрасном доме, в просторном салоне, ярко освещенном, за изысканным ужином собралось мужское общество, состоящее из зажиточных помещиков и высших чинов. Разговор шел сперва о Петербурге, о дворе, о разных тамошних сановниках, рассказывали разные новости и анекдоты. Дошла очередь до местных чиновников. Учитывали достоинства и недостатки каждого и каждому выносили приговор. В то время председателем центрального суда был выборный от дворян житель Калужской губернии некий Писарев.

О нем услышал я такое мнение: «Писарев очень хороший чиновник, деньги берет, но дела делает». Я невольно, не подумав, спросил: «Как, выборный председатель берет деньги?» Наступило общее молчание, которое меня немного обеспокоило. Прервал его хозяин дома следующим объяснением: «Видите ли, господа, у них в Польше выборные чиновники денег не берут». Объяснение это, в которое, впрочем, сам объясняющий не верил, общество восприняло с сомнением, как известие о факте, который, может быть, где-нибудь на свете и практикуется, но для них он совершенно непонятен и не нужен.

Привожу эти два случая, потому что они характерны, потому что доказывают, что в тогдашнем российском обществе не было никакой морали. О добросовестном исполнении общественных обязанностей, о правосудии, о любви к родине, о добродетелях людей цивилизованных никто не имел ни малейшего понятия. А где этих условий нет, там о цивилизации не может быть и речи. Так что до цивилизации России далеко, очень еще далеко.

По этим и многим другим причинам, хоть все общество было с нами постоянно любезно, однако для нас отношения были трудны и тягостны. Более соответствующим и прият-

ным, приносящим больше развлечения и удовлетворения, было довольно многочисленное польское общество. Ссылных было мало, только Рошковские, мы и несколько позже прибывший Саньковский. У него было прекрасное имение в Трокском уезде. Будучи литвином, страстно любил охоту и без охотничьего ружьишка жить не мог¹⁴⁴. Несмотря на запрещение правительства в 1848 году, прятал двустволку. Лакей его предал и донес исправнику. Ружье конфисковали, а владельца за такое большое преступление изгнали в Калугу. Честного и приятного товарища мы оставили, но знаю, что он также возвратился на родину.

Первыми пришли познакомиться с нами три молодых человека, чиновники. Людвик Барщ, литвин из Вильно, окончивший университет в Москве, со школьным товарищем Людвиком Журавиньским, жителем Подолии, прибыли в Калугу, и губернатор Смирнов сразу дал обоим хорошие должности. Барщ стал секретарем строительной компании, Журавиньский — секретарем приказа. Оба хорошие ребята. Получаемого жалованья хватало на скромное, приличное содержание, служебные обязанности выполняли добросовестно, по-польски. Барщ по протекции госпожи Смирновой стал впоследствии чиновником по особым поручениям при виленском губернаторе, и поехал с радостью, ибо постоянно тосковал по родной стороне. Третий молодой человек, Невенгловский, преподаватель Калужской гимназии, вскоре после нашего прибытия выехал на такую же должность в Иркутск.

Местным доктором был Томаш Ягуловский из Московского университета, очень способный. Жена его была урожденная Булхакувна, дочь Томаша Булхака, моего товарища по ссылке, с женой которого я познакомился в Томске. Умер молодым от горловой чахотки. Советником в палате государственного имущества был Матэуш Чайковский из Подолии, старый уже недотепа. Жена у него была еще молодая, красивая и веселая. Был еще Манцевич, молодой человек из

Вильно, присланный на службу в Калугу по какому-то политическому подозрению. Приехал с женой и сестрой жены, довольно красивой панной, которая вышла замуж за Адольфа Шантыра, служащего также какой-то калужской конторы.

Припоминаю еще пани Курпиньскую, не живущую с мужем, даму с претензией на хороший тон и на некоторую эlegantность. По протекции какой-то русской графини занимала неплохую должность в местной больнице. Была у нее единственная дочь Элиза, красивая брюнетка, вокруг которой увивалась польская молодежь, однако с осторожностью, ибо модные московские претензии, которыми барышня, казалось, была пропитана, возбуждали опасения. Польскую среду дополняли офицеры лесной охраны, живущие в государственных лесах, разбросанных по всей этой лесистой губернии. Было их около десяти, все бывали у нас. Один из них, Зыгмунт Влодзимирский, из Ровно на Волыни, был впоследствии губернским лесничим в Киеве, и там я с ним в последний раз виделся, ибо он снова вернулся в Россию.

Составные элементы этого польского общества были очень разнообразны. Собрались здесь и соприкоснулись индивидуумы, не имеющие ничего общего в прошлом, в воспоминаниях, в стремлениях и целях на будущее. Было единение, естественно возникающее в чужом краю, окрашенное общей тоской по родине, ибо и чиновники постоянно чувствовали себя как бы ссыльными. Отношения тогда были доброжелательные, без сплетен, без неприязни, без всяких неприятных или скандальных сцен. Но в отношениях этих не было и быть не могло того душевного очарования, что вытекает из общего прошлого, из целостности в области духа и ума, которое украшало наше сибирское товарищество. Поэтому товарищество такое непонятно каждому, кто прожил обычную жизнь. Бог одаривает им лишь однажды, как бы в награду, при событиях и обстоятельствах равно как тяжелых, как и чрезвычайных.

Все живущие там поляки тянулись к нам. Чаще и охотнее всего собирались в двух домах изгнанников, у Рошковских и у нас. Мы всегда отмечали именины, ибо все о них знали и все дожидались угощения. Угощения эти были скромные и небольшой стоимости. Собравшиеся гости напивалась чаю, молодежь немного прыгала под фортепьяно, старшие засаживались за преферанс, затем — ужин, непродолжительный и скромный, после чего все расходились, обычно довольные, может, благодаря именно тому, что не было пышности, что каждый был встречен просто, но искренне и гостеприимно. На таких встречах всегда присутствовал мой доброй поп с дочерью, а иногда и с попадшей. Мы приглашали их, ибо все уже их знали и любили эту хорошую семью. А к тому же и для собственной безопасности. Собрания поляков в доме ссыльного, находящегося под постоянным надзором правительства, могли обратить на себя внимание полиции и вызвать подозрение. Поп был нашим громоотводом, его присутствие исключало доносы и обеспечивало нам полную безопасность.

Как в Сибири, так и в Калуге были у нас богослужения. Раз в год приезжал из Смоленска ксендз, который был капелланом в дивизии инвалидов и поэтому ежегодно объезжал гарнизоны и команды, где исповедовал солдат-католиков. Смоленским ксендзом в 1848 году был литовец Кроп. Мы бывали очень рады ему, ибо узнали его как хорошего человека, добросовестного и достойного священника. Богослужения длились более десяти дней. Ксендз Кроп исповедовал всех католиков, ежедневно проводил учения, а потом мы по очереди приглашали его на обеды и вечерний чай. Вскоре его от нас отдалили, и стал приезжать уже другой ксендз.

Пребывание в Калуге памятно еще и тем, что там после нескольких лет разлуки увиделись мы с моим родным братом Александром. Оставил я его холостяком, офицером в армии. В Калуге увидели его женатым и отцом четверых

детей. В первый раз приехал один. Через год привез к нам жену и двух старших сыночков, Стася и Ксаверика. Мы пообещали брату с женой, что путь наш пройдет через Могилевскую губернию и мы навестим их в собственном доме в Шамовщине, если Бог позволит нам вернуться на родину. Обещание мы сдержали.

Сейчас, когда пишу эти воспоминания, их обоих уже нет. Жена брата Тэкла, урожденная Стаховская, умерла в 1855 году, оставив сиротами мужа и шестерых детей. Смерть этой достойной женщины стала как бы сигналом к бедствиям и неудачам всей семьи. В 1863 году брат мой с двумя старшими сыновьями, Станиславом и Ксаверием, был изгнан в Вятку. Через несколько лет был помилован, но получил приказ перебраться в Царство Польское, а имение в течение двух лет обязательно продать. В связи с такой необходимостью Шамовщина за бесценок перешла в чужие руки, а мой брат с сыновьями поселился в Варшаве. В конце жизни, потеряв здоровье, он переехал в Житомир, чтобы находиться рядом с нами. И в том же 1878 году после длительной и тяжелой болезни 6 января завершил грустную и одинокую жизнь.

В мае 1852 года жена моя получила разрешение поехать на три месяца на родину. Собралась и выехала немедленно. Отца потеряла во время нашего пребывания в Туринске, но в Житомире жили мать и младшая сестра Юлия, которую оставила барышней, а теперь она была замужем и матерью троих деток. Мои родители поселились в Бердичеве, где имели собственные дома, частью купленные, частью ими самими построенные. После десятилетней ссылки посетила моя жена родимые края, обняла родителей, встретила с родными и друзьями. Узнав о ее приезде, сбегались родственники, и краткое пребывание ее там стало непрерывной чередой самых сердечных восторгов. Подробно описывала эти радостные минуты в письмах, что присылала мне в Калугу. Время от времени перечитываю эти письма. Слышу в них бла-

гозвучные голоса, возникающие из прошлого, погружаюсь в воспоминания, уводящие на время от повседневной жизненной прозы и скрашивающие мои немолодые годы.

Возвращаясь в Калугу через Киев, жена моя решила появиться у генерал-губернатора. Итак, поехала к Бибикову. Попала в то время, когда ожидался приезд царя Николая и когда Бибиков уже был уверен, что станет министром. То ли благодаря хорошему расположению духа, то ли, может, дрогнуло в сатрапе человеческое чувство при виде женщины, которую 14 лет назад видел молодой и пригожей, а теперь на лице ее отражены явные следы страданий и муки, во всяком случае, принял жену мою очень любезно и обещал, что воспользуется ожидаемым пребыванием царя и похлопочет о моем помиловании. С этим обещанием возвратилась жена моя в Калугу.

Обрадованный ее благополучным возвращением, я едва обратил внимание на эту надежду, по правде говоря, не верили мы оба. Тем временем случилось иначе. Бибиков сдержал слово. Спустя пару месяцев, то есть поздней осенью 1852 года пришла калужскому губернатору бумага за подписью Бибикова, гласившая, что по царскому изволению мне и Адольфу Рошковскому разрешено возвратиться на родину. Не буду описывать нашу радость. Она тем более велика была, что помилован и Адольф. Вместе приехали мы в Калугу, вместе и покидали ее. Итак, сердечно простившись с почтенными попами, нашими хозяевами, с доброй прислугой Акулиной, которая нам верно служила несколько лет, простившись с соотечественниками и знакомыми, мы как можно скорей умчались из этого города.

Адольф помчался прямо в Киев и дальше на родину, куда, опередив его на несколько месяцев, уехала жена с детками. Мы же направили свой путь в Могилевскую губернию и заехали к брату. Пребывание наше в их гостеприимном доме затянулось сверх меры. Приближался праздник Рождества Христова, и нас не хотели отпускать.

А тем временем постигло нас большое несчастье. Моя мать заболела воспалением легких и в самый сочельник 1852 года умерла. Эту печальную весть прислал ныне покойный отец мой. Получили мы ее в Белоруссии в момент, когда собирались к отъезду. По странной и равно печальной случайности судьбы такое же горе постигло и двух моих товарищей по ссылке, Адольфа Рошковского и Фортуната Грабовского. Оба утратили матерей, когда уже возвращались на родину.

Проезжая через Киев, я должен был представиться тогдашнему генерал-губернатору князю Васильчикову. В последних числах февраля 1853 года приехали мы в Бердичев, где, как я говорил, проживали мои родители. После 15 лет ссылки увидел я и обнял преклонных лет и уже одинокого отца. С этого времени он постоянно жил с нами и около нас, сперва в Бердичеве, потом в Житомире, куда мы переехали после продажи домов и где живем до настоящего времени. Добрый и любимый старичок покинул нас и ушел на небо 25 августа 1871 года в возрасте 90 лет.

Окончанием ссылки заканчиваю я эти воспоминания. О жизни моей по возвращении на родину много говорить нечего или вовсе не стоит говорить. Значительные происшествия и случаи, разные мысли, как собственные, так и вычитанные, отражены в заметках, разбросанных среди моих бумаг. Скажу лишь еще, что пятнадцатилетняя ссылка никогда уже полностью не кончается. Следы не могут не остаться и остаются. Стереть их не смогут даже те, кто приговаривает к ссылке. В первое время общество приходит в движение, как сдвигается почва при выдирании из земли растения. Постепенно поверхность выравнивается, пустоты заполняются. После ссыльных остаются скорбь осиротевших семей, трогательные воспоминания соотечественников. Но жизнь на родине потекла, должна была потечь своим обычным, естественным движением. После десятка с лишним лет изгнанник возвращается. Повсюду встречает давно знакомые лица, везде его радостно, сердечно приветствуют. Но на этом все.

Каждый возвращается к своим делам, к повседневной работе. Изгнанник остается изгнанником, ибо порвалась золотая нить, соединявшая его практическими и деловыми связями со страной. С помощью времени и соотечественников, собственными усилиями вроде бы снова включается в круг отечественных дел, однако неопределенная тоска преследует его всюду, шрам в душе остается навсегда.

Хоть бы уж решительно и бесповоротно кончилась и исчезла печальная эпоха изгнаний! Ссылка делает несчастным отдельного человека, наносит общий ущерб, истощает наиболее жизненные силы страны, ослабляет общественный организм. От этого бедствия сохраняют упорный труд и всестороннее развитие. В самом деле, это самый эффективный и единственный способ. Труд и религия истинная! Это прилагательное употребляю именно затем, чтобы обратить внимание тех молодых умов, которые, будучи поражены людскими злоупотреблениями, не принимают законов Божьих и уклоняются от обязанностей, этими законами предписанных. Без основательного просвещения не может быть истинной религиозности; без религиозности невозможно понимание и выполнение личных и общественных обязанностей; без выполнения обязанностей нет подлинной свободы; без свободы нет счастья. Эти истины провозглашают все могучие, независимые и действительно свободные умы. Эти истины подтверждает и наша собственная история. Традиционной сущностью нашей национальности является свобода. В ней заключается причина той славы, которой немногие народы могут похвалиться.

Вновь обрести понятие свободы, не преступая ее границ, принять ее как единственный ориентир поведения во всех случаях частной и общественной жизни — вот та стена Траяна¹⁴⁵, которой должен укрепить себя наш народ. И не пропадет он тогда, ибо станем мы на путь легальный, всегда надежный и единственно безопасный.

Житомир 18 декабря 1878 года

КОММЕНТАРИЙ*

¹ К отмеченному месту в опубликованном по-польски тексте воспоминаний отнесено обширное примечание (сделанное, по всей вероятности, издателями мемуаров Ю. Ручиньского — см. в оригинале львовского издания этих воспоминаний (Lwów, 1895) в конце мемуарного текста раздел примечаний, страницы нумерованные [247—249]) с характеристиками личности Шимона Конарского (1808—1839) и созданной им конспиративной национально-освободительной организации. В нынешнем издании это примечание уже не может быть сохранено неизменным в первоначальном виде не только из-за чрезмерных своих длиннот, но и в силу присущих ему очевидных архаики и тенденциозности, весьма показательных для трактовки указанных вопросов некоторыми влиятельными слоями польского общества еще в конце XIX столетия. Колорит таковой мы постараемся продемонстрировать читателю несколькими фрагментами, цитируемыми в последующем тексте нашего комментария.

В упомянутом примечании драматичная судьба СПН на территориях Российской империи поставлена в прямую связь с воздействием, оказанным на ее деятельность самим Ш. Конарским. Последнее же охарактеризовано в однозначно негативистском тоне: «Объехал он [Конарский] Вольнь, Подолию, Украину, всю Литву, везде рассказывая о своей миссии, увеличивая число входящих в объединение; осмотрительные и более осторожные отечественные патриоты заметили, что Конарский, чрезмерно ободренный удачей, действует излишне поспешно, временами опрометчиво и неуместно. Такое мнение стало все более шириться. Наконец было заявлено ему, что пребывание его в стране вовсе не нужно, что оно может стать причиной катастрофы, пагубной для всех, опасной и для него самого, поскольку правительство знало о его существовании, а полиция и сыщики искали и преследовали его неустанно. Добивались тогда от него, чтобы он как можно скорее покинул страну, и подготавливали всевозможные средства, облегчающие его возвращение за границу. Шимон Конарский уперся и бежать не хотел, доказывая, что в литовских пуцах, в пинских болотах, где он задумывает укрываться, будет в

* Выполнил Б. С. Шостакович.

полной безопасности. Что было главной причиной такого безрассудного упрямства, трудно сказать. ...Случилось вскоре то, что должно было случиться. В начале 1838 г. поехал он было в Вильно, якобы в последний раз. Там заметил его бдительный шпик и уведомил полицию. ...На станции под Вильно, на которую он выехал из леса, чтобы взять почтовых лошадей, попал в лапы исправника, уже ожидавшего его там с жандармами. Вместе с Конарским оказался взят ехавший с ним Родзевич, оседлый дворянин Минской губернии. При Родзевиче было найдено письмо от госпожи Эвы Фэлиньской, матери архиепископа. (Об Э. Фэлиньской см. коммент. 55 к запискам В. Мигурского, а также коммент. 18 к тексту данных записок Ю. Ручиньского. (Сын Э. Фэлиньской Зыгмунт Щенсны (1822 – 1895) с 1862 г. являлся архиепископом Варшавским. — *Б. III.*) Письмо невинного содержания, но доказывающее знакомство между ними. Сразу также арестовали и привезли в Вильно госпожу Фэлиньскую. Таково было начало политического следствия, тянувшегося свыше года. Виленская, Киевская [тюрьмы] и Варшавская цитадель заполнились политическими заключенными. Эта печальная национальная катастрофа известна в воспоминаниях под названием “Дело Конарского”, который в 1839 г. был расстрелян в Вильно».

² Луцья Ручиньская (1817 (1818) – 1882) – в девичестве Миллер, вступила в брак с Ю. Ручиньским 4 мая 1838 г.

³ Талызин Иван Дмитриевич (1799 – 1844) – тобольский гражданский губернатор в 1839 – 1840 гг., затем – оренбургский губернатор. Ниже мемуарист приводит еще иные доводы гуманного отношения Талызина к политическим ссыльным. Характерно, что диаметрально противоположным образом о нем же отзывался В. Мигурский (см. коммент. 71 к воспоминаниям В. Мигурского).

⁴ Ручиньский вспоминает своих ссыльных сотоварищей как по принадлежности к организации Конарского, так и по последующей ссылке, которую все они первоначально отбывали в восточносибирском регионе, о чем сохранилось немало оригинальных документальных архивных свидетельств.

Комментарий к отдельным из перечисленных здесь персоналий см. далее, в соответствии с контекстом публикуемых данных воспоминаний.

Упомянутые в мемуарах уезды соответствовали тогдашнему административно-территориальному делению Волынской и Подольской губерний в составе Российской империи.

Мемуаристом допущена ошибка в написании девичьей фамилии жены А. Рошковского. В действительности она происходила из семьи К. Пфаффиуса. Не исключено, что между последней и сибирскими носителями этой же фамилии, упомянутыми в связи с контактами В. Мигурского с ними в Иркутске (см. предисловие к воспоминаниям В. Мигурского С. 42–49), существовали какие-то родственные связи. В случае подтверждения подобного обстоятельства оно могло в известной мере влиять на сближение иркутских Пфаффиусов с польскими политссыльными в том регионе. Указанный вопрос нуждается в дополнительном изучении. Непосредственно об А. Рошковской см. коммент. 16, 116 и 118 к данным воспоминаниям.

Филарет — участник тайной организации студентов Виленского университета в период 1820–1823 гг. под названием «филареты» (от греч. — любящие добродетель). Организация филаретов, ставившая своей целью самосовершенствование и взаимную помощь, являлась филиальной структурой другой конспиративной организации университетской молодежи в Вильно (1817–1823) — так называемых филоматов (от греч. — стремящиеся к знанию), в числе основателей которой были великий польский поэт Адам Мицкевич (1798–1855) и его друг, также поэт, Томаш Зан (1796–1855). Именно Т. Зан являлся президентом общества филаретов.

⁵ В печатном тексте воспоминаний к этому месту сделано следующее примечание: «В группе литвинов был еще кс[ендз] кан[оник] Трышковский, славный проповедник в Вильно. Он помешался и умер в доме умалишенных в Иркутске». К сожалению, в написании фамилии данного конарцика в цитируемом примечании вкралась ошибка. Речь идет о ксендзе Людвике Габриэле Трынковском (1805–1849), канонике Виленского кафедрального костела, широко популярном своей проповеднической деятельностью, и активном сотруднике местного отделения СПН. После ареста подвергнутый следственной комиссией допросам «с пристрастием», он заболел расстройством психики и в таком состоянии оказался сослан в Сибирь на поселение. Весной 1849 г. он скончался в Иркутской гражданской больнице.

⁶ По материалам, обнаруженным в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), сведения о пребывании Томаша Мрозовского (ок. 1814 — позднее конца 1860-х) в ссылке удалось проследить до 1847 г. По отбытии каторги на Нерчинских заводах (Воздвиженский рудник) он сменил несколько мест поселения; последнее из зафиксированных документально — с. Урик Кудинской волости, расположенное недалеко от Иркутска (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 147. К. 33. Л. 82 — 82 об.). Согласно существующим данным, побег из Сибири был осуществлен Мрозовским в 1854 г.

⁷ Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, брат российских императоров Александра I и Николая I, главнокомандующий армией и фактический правитель Королевства Польского в 1815—1830 гг. (Номинальным наместником царя (короля польского) в русской части Польши являлся в ту пору генерал Юзеф Зайончек.)

⁸ Имеются в виду ссыльные участники польского Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. Подробнее об этом см. коммент. 2 к воспоминаниям В. Мигурского.

⁹ Кременец — город на Волыни (современный районный центр Тернопольской области Украины), где существовал знаменитый лицей, основанный в 1805 г. (первоначально — Высшая Волынская гимназия, с 1819 г. переименована в лицей) известными деятелями польского просвещения — графом Тадеушем Чацким (тогдашним генеральным визитатором (то есть инспектором) училищ Киевской, Подольской и Волынской губерний) и ученым-реформатором ксендзом Гуго Коллонтаем. Просуществовал он вплоть до наступившей после разгрома Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. эпохи гонений на польскую культуру. В 1834 г. на его базе был создан Киевский университет Св. Владимира, куда оказались перемещены богатейшие книжные собрания и оснащение, а также и преподавательский состав прежнего лицея. Характерно, что и мемуарист, и некоторые встреченные им уже в сибирской ссылке его коллеги являлись питомцами Кременецкого лицея.

¹⁰ Современное написание этой фамилии — Кожелл-Поклевский, Альфонс (1809—1890). Крупный промышленник и хозяйствен-

ный деятель в Западной Сибири. Обучался в Виленском и Петербургском университетах. В Петербурге начал свою чиновничью карьеру. В 1839 г. был переведен в его штат генерал-губернатором Западной Сибири П. Д. Горчаковым чиновником по особым поручениям. После замещения должности генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфордом вышел в отставку и занялся широким частным предпринимательством. Создал два больших торговых дома — в Тобольске и Тюмени, производство стекла и фарфора под Томском, несколько промышленных предприятий в Екатеринбургской и Вятской губерниях. Первым организовал паровое судоходство по Оби, Иртышу и Туре. Владел сетью винокурен и шинков, приносящих солидный доход. Покровительствовал польским политссыльным, поддерживал их материально, трудоустраивал на своих предприятиях, создавал для них школы, больницы, приюты. Основал католические храмы в Омске и Екатеринбурге. А. Кожелл-Поклевский происходил из Витебской губернии, воспринимаемой в польской исторической традиции как часть территории так называемой Литвы (то есть прежнего Великого княжества Литовского) в составе бывшей Речи Посполитой. Именно в таком смысле в мемуарах он назван «литвином». (Ср. с определением фамилии Козелло-Поклевских (в старорусской версии написания. — *Б. III.*) как «литовского дворянского рода» (Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1895. — Т. 15 А. — С. 594.)) О семантике польского термина «лiтвин» подробнее см. коммент. 110 к данным воспоминаниям.

- ¹¹ О П. Д. Горчакове см. подробнее коммент. 74 к запискам В. Мигурского.
- ¹² Штубендорф Юльян (Юлий Иванович) (1811 — 1878) — врач, получивший образование в университете г. Дерпта (назывался также Юрьев; современный г. Тарту в Эстонии). Некоторое время являлся чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве, а с 1856 г. занимал должность якутского губернатора.
- ¹³ Согласно законодательным предписаниям, польским ссыльнокаторжанам, подобно любым иным ссыльным этой категории, запрещалось самим писать письма. Родственники же каторжан

могли направлять им корреспонденцию через посредство соответствующих местных властей.

- ¹⁴ Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870). С конца 1837 г. по 1852 г. являлся киевским, волынским и подольским генерал-губернатором. Его управление отличалось крутыми, властными мерами и проведением политики великодержавного шовинизма. В 1852—1855 гг. являлся министром внутренних дел России.

Писарев Николай ? — секретарь и заведующий канцелярией киевского генерал-губернатора. Последним был назначен председателем Киевской следственной комиссии, им же учрежденной для рассмотрения обстоятельств дела о конарщиках на украинских территориях, включая и регионы Волыни и Подольи.

Олонецкое губернаторство, упоминаемое мемуаристом, относится ко времени существования в дореволюционной России (с 1802 г.) Олонецкой губернии с центром в г. Петрозаводске, охватывавшей часть Карелии и ряд прилегающих к ней земель.

Малороссия — название Украины, официально применявшееся в административно-правовой терминологии царской России.

- ¹⁵ Разговорное образование от распространенного в польской и украинской речи слова «кацап» — в качестве насмешливого или же бранного обозначения русского.

- ¹⁶ В примечании к тексту воспоминаний поясняется, что Антошкой называлась в переписке Антонилля Рошковская (ок. 1820—1900), доводившаяся мемуаристу двоюродной сестрой по отцу и одновременно являвшаяся женой его «друга и коллеги» по СПН и ссылке Адольфа Рошковского (ок. 1808—1875). Отмечается, что за три года до оформления мемуаров Ручиньского А. Рошковский умер в Люблине. (См. нумерованную страницу [249] польского издания воспоминаний.)

Здесь же, упоминая о полученных на пути в ссылку письмах от жены, Ю. Ручиньский сделал следующее примечание: «Все письма моей жены, с момента моего ареста и до нашего соединения в Сибири, я сохранил. Возвратившись на родину, сложил я их по датам и отдал переплести. Перечитываю их по очереди, когда пишу эти воспоминания». (См. нумерованную страницу [249] польского издания воспоминаний.)

¹⁷ Яжына Нарцыз (ок. 1812 – 1859), брат Леопольда Яжыны (о последнем см. коммент. 25 к публикации фрагментов «Дневника...» Ю. Сабиньского) – католический священник (с 1832 г.), политический ссыльный конарщик. После краткого пребывания в с. Усолье на Иркутском солеваренном заводе отбывал каторжные работы на Култуминском руднике Нерчинских заводов. По двукратном сокращении срока каторги был причислен на поселение вместе с братом – в ноябре 1843 г. в сел. Новоямском Жилкинской волости Иркутского округа. В июне 1857 г. выехал на родину в Житомир (см.: Шостакович Б. С. История поляков Сибири (XVII – XIX вв.). – Иркутск, 1995. – С. 89). Там был отдан под тайный надзор полиции и умер в 1859 г. от туберкулеза легких (см.: Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. – Warszawa: Wyd-wo DiG, 1998. – S. 289).

Паулина Вильчопольская (1793, 1795, 1798 [?] – после 1849) – дворянка, владелица имения Поповце в Староконстантиновском уезде Волынской губернии, активная участница женской ячейки СПН. Была сослана на жительство в Сибирь. В ту пору ей было уже за 40 лет. Это наказание она отбывала вначале в Берёзове (вместе с Э. Фэлиньской), затем в Таре. В 1843 г. получила разрешение вернуться на родину, где занялась организацией помощи польским ссыльным.

¹⁸ Об Э. Фэлиньской см. коммент. 55 к воспоминаниям В. Мигурского и коммент. 1 к данным воспоминаниям.

Юзефа Жонжевская (ок. 1815 – после 1861), сестра конарщика Валеры Жонжевского, принадлежала к женской ячейке СПН. В ссылке находилась вначале в Берёзове с Э. Фэлиньской, затем в Таре с П. Вильчопольской. В Таре она познакомилась с врачом Игнацы Вакулинским и вышла за него замуж. Проживала с мужем в г. Петропавловске. (В ту пору он административно относился к Тобольской губернии и рассматривался как центр на юге Западной Сибири. Ныне отнесен к территории обособившейся государственности Казахстана.) Ю. Жонжевская получила право возвратиться на родину в 1852 и повторно в 1856 г., но оставалась на прежнем месте с двумя детьми и мужем, который имел обширную и доходную практику. (См.: Śliwowska W. Op. cit. – S. 647 – 648.)

¹⁹ Четверо названных конарщиков еще на Киевском процессе оказались особо выделены соответственно тому положению, которое они занимали в СПН Ш. Конарского:

Машковский Каспер (Гаспар) Мельхиор Бальтазар (1806—1884) был инициатором и создателем Филодемического общества, предполагавшего всемерное реформирование польской общественно-политической системы, а впоследствии способствовавшего слиянию названной организации с СПН, в котором занял одну из ключевых позиций.

Бопрэ Антони Юзеф (1800—1872) — руководил отделениями СПН на Волыни.

Михальский Фрыдерык (1778—1848) — исполнял ту же роль на Подолии.

Боровский Пётр (ок. 1802 (1806) [?] — 1882) — осуществлял аналогичные функции в Восточной Украине (Киевщине).

Все четверо первоначально были приговорены военным судом не просто к смертной казни, а к четвертованию. Позднее «Высочайшим повелением» смертная казнь им, как и всем другим их сопроцессникам, была заменена ссылкой в Сибирь на длительные сроки отбывания каторжных работ. См. об этом же подробнее: предисловие Б. С. Шостаковича к воспоминаниям Ю. Ручиньского («Конарщик Юстыньян Ручиньский и его воспоминания...») — с. 312 и соответствующие примеч. 17 к ним; Śliwowska W. *Op. cit.* — S. 51—52; 76—77; 372—374, 379—381.

²⁰ Весьма характерна и показательна существенная ошибка мемуариста, утверждающего, будто бы супруга Ф. Михальского прибыла в сибирскую ссылку к своему мужу «самой первой» (среди жен польских политических ссыльных. — *Б. III.*). В действительности к моменту прибытия в Александровский Завод под Иркутском Франчишки Ксавэры Михальской (урожд. Старорыпиньской) (?—?) (в середине ноября 1840 г.) уже минуло около трех с половиной лет со времени приезда в Уральск к отбывавшему подневольную солдатчину Винценту Мигурскому его нареченной Альбины (начало июня 1837 г.). Это хорошо прослеживается в публикуемых в данной книге воспоминаниях В. Мигурского. Очевидно, что драматичная эпопея супругов Мигурских, к моменту появления в Александровске Ф. К. Михальской уже входившая в заключительную стадию своего развития,

мемуаристу Ю. Ручиньскому осталась совершенно неизвестной. О непосредственном посещении четой Мигурских на пути следования в забайкальскую ссылку Винценты (осень 1842 г.) ссыльных конарщиков в сел. Александровском, о чем последний повествует в своих записках, Ю. Ручиньский (он к тому времени перебрался из Восточной Сибири в Тобольскую губернию), вероятно, не был извещен остававшимися в прежних местах ссылки своими товарищами либо данное событие в своей памяти не сохранил.

Ссылный конарщик Фрыдерык Михальский умер в Александровском Заводе 11 апреля 1848 г. в возрасте около 70 лет. (См. о нем также коммент. 78 к воспоминаниям В. Мигурского.) После смерти мужа его жена, добровольно находившаяся при ссыльных муже и сыне, провела несколько лет в Вологде у сына Люцьяна (Люцьяна Франчишека Фрыдерыка) (1810—1885), куда он был переведен на поселение с каторги в Восточной Сибири, а затем уже вернулась в Подолию.

- ²¹ Мария Николаевна (1819—1876) — русская великая княгиня, дочь императора Николая I (1796—1855), супруга Максимилиана, герцога Лейхтенбергского (1817—1852).
- ²² Бакун — разновидность махорки, культивируемая на Украине. Вакштаф — более высокий по качеству и стоимости сорт табака.
- ²³ Как следует из сохранившихся документальных данных, «ордена Бернардинского ксендз Фома Снешка» (Томаш Сьнежка) являлся в указанную пору вице-куратором Красноярской римско-католической церкви.
- ²⁴ Копылов Василий Иванович — енисейский губернатор в 1835—1845 гг. (до назначения в Енисейск — тобольский губернатор), генерал, председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири. По положению последней из названных его должностей он должен был замещать генерал-губернатора Восточной Сибири в периоды отсутствия такового в управляемом им крае.
- ²⁵ Сабиньский Юльян (1797—1869) — конарщик, отбывавший ссылку на каторгу, а затем поселение в Восточной Сибири (Усо-

- лье и Иркутск). Более подробно о нем см. раздел данной книги с публикацией отрывков из его дневника.
- ²⁶ Саллюстий, Гай Крисп (86 — ок. 35 гг. до н. э.) — римский историк. Первоначально активно занимался политической деятельностью, в пору которой поддерживал Цезаря и непримиримо конфликтовал с Цицероном. После убийства Цицерона (44 г. до н. э.) отошел от политики и занялся созданием литературно-исторических сочинений. Из них до нас дошли письма к Цезарю с предложениями реформы государственного устройства, две книги — «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», а также небольшие фрагменты его последнего труда — «История» (в 5 книгах), освещавшего события 78 — 67 гг. до н. э.
- ²⁷ Руперт Вильгельм Яковлевич (1787 — 1849) — генерал-губернатор Восточной Сибири в 1837 — 1847 гг.
- ²⁸ Имеется в виду солеваренный завод, в тот период называвшийся Иркутским, расположенный в с. Усолье, в 67 км западнее Иркутска. Ныне — г. Усолье-Сибирское, районный центр Иркутской области. См. также коммент. 35 к данным воспоминаниям.
- ²⁹ Согласно существующим архивным документам, Ю. Ручинский прибыл в Иркутск вместе с группой ссыльных товарищей-конарщиков 29 октября 1839 г.
- ³⁰ Мемуарист не вполне точен в данном вопросе, хотя в его словах есть значительная доля истины. Дело в том, что у р. Ангары существует и другое, менее распространенное название — Нижняя Тунгуска.
- ³¹ Подразумеваются декабристы.
- ³² Жена Ю. Ручинского приехала к нему в Туринск, куда он был переведен на поселение в 1842 г.
- ³³ Об А. В. Пятницком см. коммент. 83 к воспоминаниям В. Мигурского.
- ³⁴ Ксендз Дезыдериуш Хачиский (? — 1855) (в установившейся и ставшей традиционной русской транскрипции — Гациский) являлся настоятелем Иркутского костела с начала 1833 г. до своей кончины 10 октября 1855 г.

Ксендз Клодоальд Шайдевич (? — 1854) состоял в должности викарного помощника (или вице-курата) по крайней мере с весны 1838 г. (точных документальных данных об этом не сохранилось) до самого упразднения таковой в феврале — апреле 1852 г. Назначенный затем к переводу в г. Вильно, он умер в Иркутске 17 апреля 1854 г.

Литта Юлий Помпеевич (1763—1839) граф, обер-камергер. Действительно он был одним из основных жертвователей средств на сооружение Иркутского костела. Однако неправомерно называть его русским, ибо он являлся итальянцем по происхождению, выходцем из Милана. С конца 1780-х гг. он находился на службе в российском флоте и был принят в российское подданство. Во время правления императора Павла I способствовал учреждению в России великого приорства Мальтийского ордена из 10 командорств, был пожалован титулом графа. После принятия Павлом звания великого магистра ордена Литта сделался его наместником и получил возможность влиять на ход государственных дел. Выгодно женившись на племяннице князя Потемкина, он стал владельцем огромного состояния. Попал затем на определенный период в опалу, а с 1810 г. был вновь возвращен на российскую службу и назначен членом Государственного совета.

³⁵ Аршин — русская мера длины, равная 0,711 м, употреблявшаяся до введения метрической системы мер. Сажень равняется трем аршинам, или 2,134 м.

Описываемый мемуаристом полукустарный способ добычи соли действительно применялся вплоть до середины 1950-х гг. Рассолы закачивались с небольшой глубины. Испарителями соли служили так называемые чрены — большие четырехугольные железные баки. В современном городе Усолье-Сибирское действует мощный и высокотехнологичный солевакуумный завод, объем производства которого превосходит дореволюционный уровень более чем десятикратно. Колоссальные запасы каменной соли позволяют обеспечивать ею Сибирь, Дальний Восток и экспортировать ее за рубеж.

³⁶ Мевуис Андрей Павлович (? — 1851). По источникам, выявленным автором данного комментария, установлено, что в описываемое мемуаристом время он имел чин подполковника, а не май-

ора, как говорится в воспоминаниях. Умер в 1851 г. в Иркутске, будучи полковником корпуса горных инженеров.

Вполне вероятно, что поручик Дейхман являлся сыном того самого горного инженера Оскара Александровича Дейхмана (1818—1891), который с 1849 г. исполнял должность начальника Нерчинского горного округа, находился в близких контактах со средой декабристов.

³⁷ По этому поводу в сохранившихся архивных документах говорится, что «содержащихся в здешнем (Иркутском.— *Б. III.*) тюремном замке Польских преступников, предназначенных к отсылке в работу в Нерчинские заводы», «по невозможности в настоящее время отправить за Байкал» и «коль скоро будут поступать в партии» подобные же и далее, «распределять их согласно назначению Господина Генерал-Губернатора в заводы: Иркутской (Усольский.— *Б. III.*) Соловаренный, Александровской винокуренной и Тельминскую казенную фабрику, донося о том каждый раз Его Высокопревосходительству <...> При чем управляющего заводами просить, а здешнему земскому суду, конторе Александровского завода и директору Тельминской фабрики велеть, чтобы они показанных преступников имели в строгом надзоре и не допускали их до преступлений и побегов, по закрытии же Байкала льдом выслали непременно в половине будущего генваря (1840 г.— *Б. III.*) в Иркутскую общую городовую Управу для отправки по принадлежности» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 432. К. 16. Л. 14—15 об.).

³⁸ В оригинале польского текста воспоминаний название Тельминской казенной фабрики дается в неверном написании: «Тульминская». Далее в переводе мемуаров указанная погрешность специально не оговаривается. В старинном рабочем поселке Тельме существовала первая (с 1731 г.) в Восточной Сибири казенная суконная мануфактура, вырабатывавшая сукно на продажу и для нужд армии. Поселок расположен в 62 км на северо-запад от Иркутска, в непосредственной близости от Усольского завода (5 км), находящегося чуть далее в западном направлении от Иркутска.

³⁹ В ГАИО хранятся официальные материалы, раскрывающие перипетии, стоявшие за событием, отмеченным мемуаристом. Из

них следует, что генерал-губернатор Восточной Сибири первоначально (в ноябре 1839 г.) предполагал оставить при заводах под Иркутском «преимущественно на весь срок» тех из конарщиков, «кои окажутся кроткой и тихой нравственности и вообще хорошего поведения». Однако в начале 1840 г. этот план был изменен самым кардинальным образом. Вероятно по настоянию центра, местной администрацией было отдано распоряжение о незамедлительной «отправке в работу в Нерчинские заводы» «всех почти» из перечисленных Ю. Ручинским ссыльных. Такое изменение было мотивировано генерал-губернатором в его препроводительном отношении тем, что «прежнее распределение» указанных польских ссыльных «по некоторым обстоятельствам признано неудобным» и в этой связи составлено «о них новое расписание» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 432. К. 16. Л. 56–58 об.).

⁴⁰ Как известно, Леопольд Немировский (1810–1883) был талантливым художником, занимавшимся в Сибири не только художественным творчеством, но и преподаванием рисунка. Вольфганг Щепковский (1801 (1807) [?] – 1857) подобным же образом обучал музыке, а Юльян Сабиньский (о нем мемуарист уже вспоминал ранее как об общепризнанном лингвисте, а в специальном разделе данной книги публикуется отрывок из его «Дневника») – иностранным языкам.

⁴¹ Здесь память явно подводит мемуариста. Первая в Иркутске газета – официальные «Иркутские губернские ведомости» – начала выходить (одновременно с аналогичными же периодическими изданиями и в других сибирских губерниях) только в 1857 г. Очевидно, что в описываемый Ручинским период первоначального его пребывания с товарищами в Иркутске (то есть на рубеже 1839–1840 гг.) просто не могло существовать описываемой им иркутской газетной публикации. Первоначальным материалом в прессе о конарщиках (как это следует из примечания, сделанного к данному месту по польскому изданию мемуаров Ю. Ручинского) явилась инспирированная Д. Г. Бибиковым статья в «Киевских губернских ведомостях» с умышленными инсинуациями в их адрес. Вероятнее всего, эта самая статья и была получена в Иркутске декабристами, показывавшими ее польским ссыльным. По какому-то недоразумению данный

- факт запомнился Ю. Ручиньскому как демонстрировавшаяся декабристами будто бы перепечатка киевской статьи в местной, иркутской газете.
- ⁴² Гоффурьер (франц.) — в некоторых армиях военнослужащий младшего командного, унтер-офицерского состава, исполняющий роль ротного или эскадронного квартирнера и снабжающий роту, эскадрон фуражом и продовольствием.
- ⁴³ Волконский Сергей Григорьевич в описываемый мемуаристом период жил с семьей на поселении в Иркутске. Подробнее о нем и о его жене см. коммент. 83 к воспоминаниям В. Мигурского.
Якубович Александр Иванович (1796—1845) — декабрист, капитан Нижегородского драгунского полка. Участник восстания 14 декабря 1825 г. В июле 1839 г. обращен с каторги на поселение, которое отбывал в д. Большая Разводная Жилкинской волости, под Иркутском (до 1841 г., когда получил перевод в Енисейскую губернию).
- ⁴⁴ Панов Николай Алексеевич (1803—1850) — декабрист, поручик. Участник восстания 14 декабря 1825 г. Местом поселения ему было определено с. Михайловское Жилкинской волости Иркутского округа.
- ⁴⁵ Лиственничная (или Листвянка) — деревня (ныне поселок) в 60 км от Иркутска, на юго-западной оконечности оз. Байкал.
- ⁴⁶ Посольск — село в устье речки Большой у юго-восточного берега оз. Байкал. Название его связано с традиционным путем русских посольств в страны Востока — переправой через Байкал в этом месте и последующим переездом на близлежащую реку Селенгу, по которой продолжался дальнейший их путь.
- ⁴⁷ Верхнеудинск — в описываемую пору уездный центр Иркутской губернии. Ныне г. Улан-Удэ, столица Республики Бурятия.
Исправник — в дореволюционной России начальник полиции в уезде.
Верста — до введения метрической системы мер русская мера длины, несколько превышавшая $1 \frac{1}{15}$ км.
- ⁴⁸ Характеристика бурят представляет оригинальные наблюдения мемуариста и в этом смысле не лишена источниковой ценности.

Вместе с тем некоторые его определения в данном вопросе достаточно субъективны. Так, отнесение бурят в начале 1840-х гг. к «монгольскому кочующему племени» не вполне корректно с научной точки зрения, ибо в указанную пору этот народ уже переходил на оседлость, правда, в более значительном масштабе в Предбайкалье, чем в Забайкалье, которое описывает мемуарист. Среди бурят тогда существовало немало и так называемых кочевых земледельцев, то есть тех, кто сочетал скотоводческую и земледельческую хозяйственную практику. Очевидно, что данные особенности нелегко было заметить Ручинскому, хотя и добросовестному и весьма доброжелательно настроенному информатору, но опиравшемуся лишь на собственные, достаточно ограниченные, чисто внешние впечатления от своего подневольного пребывания в забайкальских бурятских степях.

⁴⁹ В польском тексте мемуаров дается неверное написание названия г. Читы — через букву «е». Мемуарист также не вполне точен в наименовании территории, подчиненной Чите в административном отношении. С 1851 г. она становится центром новообразованной административной единицы — Забайкальской области.

⁵⁰ Петровский чугунолитейный и железоделательный завод был основан в 1789 г. С 1830 по 1839 г. в Петровском Заводе отбывали каторгу декабристы, переведенные туда из Читы в специально для них выстроенную тюрьму. Ныне г. Петровск-Забайкальский в Читинской области.

⁵¹ Яблонные горы, Яблонный хребет — имеется в виду Яблонево́ый горный хребет на территории Бурятии, Читинской и Амурской областей России. Достигает в длину около тысячи километров и на большом протяжении служит водоразделом бассейнов Тихого и Северного Ледовитого океанов. Практически любые пути в направлении с запада в дальневосточные регионы проходят через перевалы Яблоневого хребта в долину р. Ингоды (в польском издании мемуаров ошибочно написано: Jugoda), где расположена Чита.

⁵² Нерчинск — старейший город Забайкалья. Был основан в 1658 г. на берегу р. Нерчи, в 7 км от места ее впадения в Шилку. Почти

200 лет город служил важной опорной базой военного, политического и хозяйственного освоения огромного края, получившего от него название Нерчинского. Отсюда же происходит и понятие «Нерчинская каторга».

Вначале присвоенное (по имени Нерчинского воеводства) основанному в 1704 г. Нерчинскому сереброплавильному заводу и перенесенное на возникшее около него селение (так называемый Большой, или Главный Нерчинский Завод), оно затем стало обозначать всю систему каторжных тюрем, сложившуюся в юго-восточном районе Забайкалья. Там с XVIII в. на рудниках серебряно-свинцовых месторождений широко применялся даровой труд ссыльных преступников. Со времени декабристов весь Нерчинский горнопромышленный район сделался местом традиционного размещения политических ссыльнокаторжан.

⁵³ Мемуарист свидетельствует здесь о существовании в описываемую пору целых деревень с населением из так называемых приписных (к соответствующим рудникам и заводам) крестьян и чернорабочих. Их основали некогда специально переселенные сюда крепостные. Земли и предприятия Нерчинского горного округа до второй половины XIX в. относились к так называемым кабинетским землям. Иными словами, они являлись государственной собственностью особого назначения, доход с которой шел на содержание российского императорского двора (ими ведал специальный «кабинет» — отсюда и название — в составе Министерства императорского двора и уделов). Верхним Заводом Ручинский, как следует из дальнейшего текста его записок, именуется Газимурский завод, видимо, потому, что он расположен в верхнем течении одноименной реки, притока Аргуни.

⁵⁴ Кандинские — богатейшая и влиятельнейшая купеческая династия в Забайкалье. В описываемый период клан Кандинских был уже весьма многочисленным, насчитывая несколько десятков представителей, торговавших как в Восточной Сибири, так даже и в Москве. (Ряд потомков его получили мировую известность, в частности, врач-психиатр Виктор Хрисанфович Кандинский (1849—1889) и художник Василий Васильевич Кандинский (1866—1944), зачинатель позднейшего абстракционизма.)

Мемуарист, очевидно, описывает с. Бянкино, лежащее на р. Шилке в 36 км от Нерчинска, где жил в ту пору и там же умер впоследствии один из двух упомянутых братьев, стоявших во главе этого рода, — Алексей Петрович (1779—1845). Другой из братьев — Хрисанф Петрович (1795—185?) проживал в основном в Нерчинском Заводе. Кого именно из сыновей Кандинских имел в виду Ручиньский, было бы возможно установить лишь после отдельного изучения биографий каждого из многочисленных сыновей обоих названных братьев.

- ⁵⁵ См. подробнее коммент. 52 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ⁵⁶ Ручиньский перечисляет здесь имена политссыльных из группы так называемых съвентокшижцев. Это были члены отделения СПН в Варшаве, созданного и руководимого поэтом, автором ряда известных стихотворений, политическим деятелем Густавом Эренбергом. (Название группы закрепилось в литературе по польскому названию улицы в Варшаве — Съвентокшижска (Святого Креста), где на квартире одного из конспираторов чаще всего собирались ее участники.) Как свидетельствуют о том архивные документы, большинство из них проследовало через Иркутск с меньшей там задержкой, нежели конарщики, и примерно на месяц ранее них было отправлено на Нерчинскую кацторгу.
- ⁵⁷ Залеский Юзеф Бохдан (1802—1866) — польский поэт так называемой украинской школы польского романтизма. Происходивший с Украины, он черпал тематику своих произведений из ее исторического прошлого и фольклора, однако трактовал таковую довольно одностороно, сентиментально-идиллически. Ряд его произведений был написан в популярном в тогдашней польской литературе балладно-песенном жанре украинских «думок», в том числе и «Думка Мазепы» (1825), посвященная известному украинскому гетману.
- ⁵⁸ Подразумевается Большой Нерчинский Завод. Подробнее см. коммент. 52 к воспоминаниям Ручиньского.
- Татаринов Степан Петрович (ок. 1785 — ок. 1855) — горный инженер, полковник. Начальник Нерчинских горных заводов в 1830—1840 гг.

- ⁵⁹ Как видно из архивных документов, Ю. Ручиньский вместе с упомянутыми им двумя ссыльными товарищами был «причислен» к Зерентуйскому руднику. Примечательно, что сам мемуарист приводит название рудника в совершенно ином варианте — «Горная». Видимо, именно так в просторечии местных жителей именовались поселок и находившаяся там же каторжная тюрьма, официально называемые Горный Зерентуй. Широкою известность этот рудник приобрел со времени ссылки туда группы декабристов (И. И. Сухинов с товарищами), предпринявших неудавшуюся попытку поднять восстание каторжан с целью освобождения всех заключенных декабристов.
- ⁶⁰ Крочевский Винценты (1802—1841) — ксендз. Был лишен духовного сана и сослан в Сибирь как заливщик — участник партизанской «экспедиции» 1833 г. (См. подробнее по этому поводу примеч. 7 к запискам В. Мигурского.) В январе 1835 г. он был доставлен на первоначальное место отбывания каторги — Александровский винокуренный завод (в 76 км на северо-запад от Иркутска), откуда совершил неудавшуюся попытку побега в группе ссыльных, возглавляемой героем Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. Пётром Высоцким (1797—1875). Пойманный на третий день, вместе с другими бежавшими был по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири немедленно отправлен в более отдаленные и суровые по условиям содержания Нерчинские заводы и предан там военному суду, приговорившему его с остальными товарищами к наказанию шпицрутенами. Умер в Нерчинском Заводе в январе 1841 г.
- ⁶¹ В ночь с 29 на 30 ноября 1830 г. началось польское Ноябрьское восстание 1830—1831 гг.
- ⁶² Родственный Алексей Федорович — начальник Нерчинских горных заводов, преемник С. П. Татарина на этой должности, с 1842 г. — полковник.
- ⁶³ Перечисляемые мемуаристом заводы и рудники, служившие местами отбывания каторжных работ для упомянутых конарщиков, располагаются в относительной (по сибирским масштабам) близости от Большого (Главного) Нерчинского Завода. Так, от него до Дучарского завода — около 45 км, до Кутомарского

завода (расположенного на правом берегу одноименной реки недалеко от ее впадения в Среднюю Борзю) — 74 км, а до Газимурского завода — около 100 км.

Имена названных по фамилиям конарщиков: Ожешко — Вацлав (ок. 1809 — после 1857), Цырыны — Пётр (ок. 1811 — после 1858) и съвентокшижца Валэцкого — Антони Базыли (1815 — 1897).

Относительно так называемых подзаводских сел см. коммент. 53 к данным воспоминаниям.

⁶⁴ Купа — польский исторический термин, обозначающий число шестьдесят. Полкопы яйц означает тридцать штук таких.

⁶⁵ Штоф — мера водки и вина, равная $\frac{1}{10}$ ведра. Так же называется и стеклянная посуда такой меры, четырехугольная, с коротким горлышком.

⁶⁶ О попытке побега П. Высоцкого с товарищами по ссылке см. коммент. 60 к данным воспоминаниям, а также специальную статью: Дьяков В. А., Кацнельсон Д. Б., Шостакович Б. С. Петр Высоцкий на сибирской каторге (1835—1856) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.).— Иркутск, 1979.— Вып. 4.— С. 3—30. Ручинский ошибается, утверждая, что П. Высоцкий первоначально был на каторге в Усолье. В действительности это было с. Александровское. Что касается Усолья, то в направлении к нему беглецы стремились продвинуться и оказались пойманы как раз во время их попытки переправиться через Ангару на остров, где располагался солеваренный завод.

Винценты Хлопицкий (ок. 1809 (1811) [?] — 1857) — поручик, ссыльный участник Ноябрьского восстания. В январе 1836 г. он был доставлен в каторжную тюрьму Акатуя и здесь встретился и подружился с П. Высоцким. Известно намерение В. Хлопицкого вместе с несколькими соотечественниками-каторжанами организовать Высоцкому новый побег, уже из Забайкалья. Но их постигла неудача. Истинные свои планы заговорщики сумели скрыть от следствия, представив их в виде предприятия фальшивомонетничества, за что подверглись тяжелой и унижительной экзекуции плетьюми. С 1841 г. В. Хлопицкий вновь оказывается в Акатуе, где долгие годы продолжалась его дружба и

совместная деятельность с Высоцким, о которой повествует мемуарист.

⁶⁷ Имеется в виду Королевство Польское (по этому вопросу см. коммент. 18 и 19 к запискам В. Мигурского). Варка — городок под Варшавой, где Пётр Высоцкий поселился по возвращении из ссылки и прожил до конца своих дней.

⁶⁸ Мальчевский Франчишек (1800 (1801) [?] — 1852) — майор польской армии, участник Ноябрьского восстания 1830 г. Отбывал каторжные работы в Большом Нерчинском Заводе. Согласно данным А. Гиллера, умер там же в 1852 г., в возрасте 50 лет.

Упоминая о некоем ссыльном Савицком, мемуарист, по всей вероятности, имеет в виду Игнацы Савицкого (ок. 1811 — 1812 — после 1857), повстанца 1830 — 1831 гг. Первоначально сосланный в Западную Сибирь, он принял участие в так называемом Омском деле (см. коммент. 50 к запискам В. Мигурского), за что и поплатился новой ссылкой на Нерчинскую каторгу.

О Солэцком — данные, которые бы расширяли сведения о нем, приведенные Ручинским, не установлены. (По этому поводу см.: Śliwowska W. *Op. cit.* — S. 565.)

Котовский Франчишек (ок. 1790 — ок. 1854) — происходил с Виленщины. За участие в Ноябрьском восстании 1830 г. был приговорен к телесному наказанию — 3 тысячам шпицрутенов и каторжным работам. На родине у него остались жена и дети. Отбывал наказание на Нерчинских заводах. Переведенный на поселение, был убит по дороге к месту назначения уголовниками в окрестностях Кары (*Ibid.* — S. 292).

⁶⁹ Как можно видеть из рассказа Ручинского, данные представления, несмотря на всю очевидную их фантастичность, находили питательную среду в сознании прежде всего не слишком образованных низов сибирского общества, включая и соответствующую часть польской политссылки, которая по своему психологическому и идейному складу была подобна описываемому мемуаристом пану Франчишеку Котовскому. Характерно, что более молодое и здравомыслящее поколение тех же ссыльных, как отмечает мемуарист, уже тогда откровенно смеялось над подобными вымыслами. По данному поводу автор комментария полагает небезынтесным указать на выявленные им самим и

проанализированные в одной из уже давних собственных его работ материалы официальных расследований, проводившихся сибирской администрацией в описываемый в мемуарах период в связи с поступавшими в ее адрес различными доносами о якобы замышляемых ссыльными в Сибирь выступлениях. В подобных доносительских сообщениях упорно муссировались ссылки на неких распространителей сведений о том, «что Цесаревич Константин жив». Последнее неизменно связывалось со скорым началом «мятежа в Сибири», в подготовке которого будто бы фигурировали следы взаимного участия «политических» — поляков и «государственных» — русских, декабристов (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 325. К. 13. Л. 2, 7 об., 348—348 об.; Д. 128. К. 7. Л. 190, 210 об.). Все разбирательства таких доносов не приводили к убедительным их подтверждениям, но совершенно очевидно на их живучесть и распространенность. В них, как в своеобразном кривом зеркале, обнаруживалось искаженное отражение реалий еще не вполне забытого декабристского прошлого и развития непосредственных связей между польскими и русскими дворянскими оппозиционерами режиму царского самодержавия. (См. по этому поводу: Шостакович Б. С. История поляков в Сибири...— С. 36—38.)

⁷⁰ Хольштейн Хероним (ок. 1810 (1811) — после 1865) — повстанец 1830—1831 гг., отправленный на принудительную военную службу в Омский корпус, а за свою причастность к «Омскому делу» (см. коммент. 68 к данным воспоминаниям и 50 — к воспоминаниям В. Мигурского) сосланный на Нерчинскую каторгу.

О кс. Я. Богунском см. коммент. 89 к воспоминаниям В. Мигурского.

⁷¹ Таскин Алексей Николаевич (ок. 1804 — ок. 1875) — горный инженер. Окончил Горный кадетский корпус. Служил на Нерчинских заводах, а последние годы жизни — на Алтае. Автор многочисленных публикаций по геологии. Увлекался также литературным творчеством, поэзией. Ряд его произведений был позднее опубликован. В 1820-х гг. в театрах Петербурга шло несколько пьес в его переводах. Проявлял он интерес и к польской литературе, свидетельства чего приводятся в дневнике Ю. Сабиньского.

- ⁷² См. об этом коммент. 22 к воспоминаниям В. Мигурского.
- ⁷³ Кароль Подлевский (1814—1880) принадлежал к группе съвентокшижцев (см. коммент. 56 к данным воспоминаниям). Являлся уроженцем Кракова и в Ягеллонском университете изучал медицину и право. Там же он и вступил в 1837 г. в СПН, сделавшись активным деятелем в молодежной среде конспираторов. Весной 1838 г. приехал в Варшаву с целью расширения конспиративной сети в Королевстве Польском и до самого своего ареста оставался в составе съвентокшижцев. В 1855 г. в Иркутске состоялось бракосочетание К. Подлевского с Юзефой Брынкувной, дочерью ссыльного конарщика Ежи Брынка, прибывшей к нему в Забайкалье в 1854 г. вместе с его супругой Казимерой (по некоторым данным, она не была их родным ребенком). Проводил это венчание тогдашний настоятель Иркутского костела ксендз Кшиштоф Швермицкий. О свадьбе другого ссыльного съвентокшижца, Владыслава Рабцевича, с К. Непокойчикувной (Непокойчицкой) см. подробнее коммент. 120 к данным воспоминаниям.
- ⁷⁴ Пётр Боровский (ок. 1802 (1806) — 1882 [?]), как известно, еще до ссылки практиковал как частный педагог. Его работа в Забайкалье, о которой вспоминает Ручинский, также относилась к преподаванию детям из среды верхов местного общества: сыновьям начальника Нерчинских заводов Родственного (см. о нем коммент. 62 к данным воспоминаниям) и купца Кандинского (см. коммент. 54 к этим же воспоминаниям). Уже позднее он занялся в Сибири еще и разведкой золота.
- ⁷⁵ В ГАИО хранится отношение шефа III Отделения Е. И. В. Тайной Канцелярии А. Х. Бенкендорфа генерал-губернатору Восточной Сибири В. Я. Руперту (от 14 апреля 1841 г.), извещающее последнего «для зависящего распоряжения», что Ю. Ручинскому (вместе с еще тремя ссыльными конарщиками — Л. Янишевским, Е. Олешей и К. Олизаром) самим царем было «Всемилоостивейше соизволено» «даровать облегчение в их участи», выразившееся в освобождении «от работы с оставлением в Сибири на поселении» — «в ознаменование предстоящего бракосочетания Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, согласно представлению Г. Киевского Военного

Губернатора Генерал-Лейтенанта Бибикова». (См.: ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 7. Л. 1—1 об.)

По данному поводу самим мемуаристом сделано специальное примечание. В нем он поясняет, что только позднее от своей жены узнал, каким образом и почему произошло его освобождение от каторжных работ. Она купила его у заместителя киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, неоднократно упоминавшегося в воспоминаниях Писарева, за взятку в тысячу рублей. «Пожеманничав» для соблюдения первоначальных приличий, он, «вняв убедительным просьбам» Луцьи Ручиньской, «пачку ассигнаций опустил в бюро и обещал для меня помилование,— указывает мемуарист.— И действительно, обещание он выполнил при первой возможности, каковой явилось рождение какого-то из царевичей. Для лучшего симулирования независимого решения этого дела он помиловал одновременно со мной старика Людвика Янишевского задаром».

⁷⁶ Эугеньюш Жмиевский (1817—1885) был сослан на Нерчинскую каторгу как участник группы съвентокшижцев (см. коммент. 56 к данным воспоминаниям). После выхода на поселение работал в качестве техника в золоторазведочных экспедициях и на золотодобывающих промыслах. Свои сибирские впечатления он описал по возвращении из ссылки (в результате амнистии 1856 г.) в обширных (в 3 книгах) очерках-воспоминаниях и отдельных циклах публикаций в польской прессе, до сих пор остающихся неизвестными российским читателям.

⁷⁷ См. коммент. 54 к данным воспоминаниям.

⁷⁸ В таком виде в польском тексте мемуаров приводится ошибочное написание названия р. Ингоды.

⁷⁹ Голеевский Хенрык (1813—1883) происходил из Подолии, участник польского Ноябрьского восстания 1830—1831 гг., в одном из сражений которого потерял слух, так и не возвратившийся к нему никогда. Затем участвовал в различных конспиративных неудавшихся предприятиях по возобновлению восстания в польских землях. Некоторое время находился в эмиграции, входил там в Польское Демократическое общество. В 1837 г. осуществил (скорее всего, по собственной инициативе) поездку на территорию Галиции и Украины, вошел в контакт с

организацией Ш. Конарского, но не достиг с нею согласия в идеологическом аспекте. В 1838 г. отправился назад, в эмиграцию, но в результате предательства нанятого проводника оказался арестован на российской границе. После вынесения ему первоначального смертного приговора (по формальному обвинению, как дезертиру из русской армии, перешедшему на сторону повстанцев в 1830 г.) был помилован с последующей ссылкой на Нерчинскую каторгу. Это наказание Голеевский отбывал в печально знаменитом Акатуе (одновременно с П. Высоцким, декабристом М. С. Луниным и др.). Является автором «Дневника», создававшегося им по возвращении из ссылки, но не завершённого до конца, где нашли отражение некоторые фрагменты его сибирских наблюдений.

⁸⁰ Кабанск — современный районный центр Бурятии, находится в дельте р. Селенги, называемой также Кударинской равниной. Был основан в 1680 г.

Немировский Леопольд — ссыльный конарщик, одаренный художник, о творчестве которого мемуарист несколько подробнее упоминает еще ниже. См. о нем также коммент. 40 и 86 к данным воспоминаниям и коммент. 10 к фрагменту «Дневника...» Ю. Сабиньского.

⁸¹ Муравьев Артамон Захарович (1794—1846) — декабрист, полковник. Член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. По отбытии каторги находился на поселении с августа 1839 г. в с. Елань Бадайской волости, под Иркутском, в марте 1840 г. был переведен в с. Малая Разводная и там же впоследствии умер

Юшневский Алексей Петрович (1786—1844) — декабрист, генерал-интендант 2-й армии. Член Союза благоденствия и один из руководителей Южного общества. На поселении жил в с. Куде, затем переехал в с. Жилкино и, наконец, в с. Малая Разводная. Умер в январе 1844 г. при отпевании в с. Оёке умершего декабриста Федора Федоровича Вадковского. В ссылке с А. П. Юшневским находилась его жена Мария Казимировна (урожд. Круликовская) (1790—1863), полька по происхождению.

⁸² Канкрин Егор Францевич (1774—1845) — русский государственный деятель (выходец из Германии), министр финансов в

1823—1844 гг., граф (с 1829 г.). Был женат на сестре декабриста А. З. Муравьева — Екатерине.

⁸³ См. коммент. 81 к данным воспоминаниям.

⁸⁴ Остролэнка — уездный (повятовый) город в Варшавском воеводстве. Около него произошло одно из решающих сражений в ходе польского Ноябрьского восстания, 26 мая 1831 г., — между главными польскими силами под командованием генерала Я. Скшинецкого и русскими войсками фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского, завершившееся поражением польской стороны, во многом предопределившим последующий неуспех всего восстания.

⁸⁵ См. коммент. 31 к воспоминаниям В. Мигурского.

⁸⁶ Леопольд Немировский был участником так называемой экспедиции Булычова, являвшейся составной частью инспекционной комиссии сенатора И. Н. Толстого. Созданная им во время этого продолжительного путешествия обширная галерея великолепных рисунков и некоторых живописных работ, демонстрирующая незаурядное мастерство художника, частично сохранилась. Значительное число таковых оказалось издано в роскошном альбоме, однако под фамилией не самого художника ... а чиновного руководителя экспедиции И. Д. Булычова (Булычов И. Д. Путешествие по Восточной Сибири.— СПб., 1856). Меньшая группа оригиналов иных произведений Немировского находится ныне в собраниях Национального музея в Варшаве, а также в некоторых музеях Москвы и Сибири. (См. об этом, в частности: Трынковский Я. Леопольд Немировский (1810—1883) // Поляки в Сибири: науч.-информ. бюл. Гуманитар. обществ.-науч. центра.— Иркутск, 1995.— Март (№ 3).— С. 27—29; Шостакович Б. С. Леопольд Немировский — выдающийся представитель польской политической ссылки эпохи декабризма в Восточной Сибири (к 125-летию со дня смерти) // Современные тенденции развития полонийного движения в России: материалы междунар. конф. 19 сент. 2008 г.— Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008.— С. 4—16.) К сожалению, до сей поры творчество этого замечательного художника остается малоизвестным, в особенности в сибирском регионе России, которому оно как раз и посвящено.

- ⁸⁷ Конарщик Йоахим Лесьневич (1793—1852) был «причислен» на поселение в с. Еланское Бадайской волости Иркутского округа, куда к нему прибыла его жена Людвика.
- ⁸⁸ В данной своей оценке мемуарист явно противоречит общеизвестным историческим фактам. Среди прочего и собственные его воспоминания, как и разнообразные мемуарные сообщения других польских сотоварищей декабристов по ссылке, убедительно свидетельствуют о прямо противоположном.
- ⁸⁹ О Михальском Фрыдерыке см. коммент. 78 к воспоминаниям В. Мигурского, а также коммент. 19—20 к данным воспоминаниям.
- Об Юльяне Сабиньском см. коммент. 40 к данным воспоминаниям, а также в данной книге раздел публикации фрагментов его «Дневника...». Вольфганг Щепковский (1807 (по некоторым сведениям, 1800) — 1857) умер в Иркутске в возрасте 50 лет.
- ⁹⁰ По этому поводу в ГАИО хранится отношение, которым шеф III Отделения А. Х. Бенкендорф 23 декабря 1841 г. извещал генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперга: «Государь Император по всеподданнейшему докладу моему просьбы Баронессы Розен о переводе племянника ее Государственного преступника Юстиниана Руцинского из Иркутской в Тобольскую губернию и отзыва по оной Вашего Превосходительства, изъясненного в отношении от 25-го ч. Августа № 336, Высочайше повелеть соизволил перевести означенного Руцинского Тобольской губернии в г. Туринск» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 7. К. 30. Л. 128).
- ⁹¹ Янишевский Ян Людвик (1778—1848) скончался в Иркутске 6 мая 1848 г.
- ⁹² Кóрец — старинная польская единица объема, составляющая для сыпучих тел около 120 л; служила также мерой веса, близкой 98 кг.

Описываемое мемуаристом блюдо по всем приемам его приготовления, сохранения и употребления в пути полностью соответствует сибирским пельменям. То, что Ручинский именует его по-польски термином, переводимым на русский как вареники,

это скорее всего дань названию, более понятному и распространенному в польском обиходе.

- ⁹³ Томаш Булхак (1801—1895) — конарщик, отбывавший ссылку в Западной Сибири, под Томском, а вторично высланный в Сибирь за участие в польском Январском восстании 1863—1864 гг. Говоря о Козакевиче, мемуарист, по всей вероятности, имеет в виду Станислава Козакевича, адвоката из Вильно — ведущую фигуру в так называемом Литовском комитете, патриотической организации консервативно-умеренного толка, в конечном счете вошедшей в СПН и разделившей его участь. С. Козакевич отбывал ссылку в Томске и умер там же.
- ⁹⁴ Семантика слова «тайга» мемуаристом определяется не вполне точно. Так называют в Сибири и на Урале девственный, мало-проходимый, по преимуществу хвойный лес.
- ⁹⁵ Жена Т. Булхака, Тэрэса (урожд. Вежбицкая) (ум. в 1891 г.), разделившая сибирскую ссылку с мужем, действительно занималась писательской деятельностью. Существуют указания на созданный ею ряд морально-философских трактатов и описаний собственной с мужем ссылкой жизни. Однако большая часть ее наследия (за исключением одной известной публикации по-польски) осталась в рукописях, ныне, к сожалению, утраченных.
- ⁹⁶ Барнаул в описываемую Ручинским эпоху являлся центром так называемого Алтайского горного округа ведомства кабинета и относился к Томской губернии. Вплоть до 1863 г. там сохранялось горно-военное управление. Мемуарист совершенно справедливо отмечает, что должность главного начальника Алтайских заводов совмещалась с должностью томского губернатора. — О Татаринове см. коммент. 58 к данным воспоминаниям.
- ⁹⁷ Кароль Мархоцкий (1794—1881) принадлежал к вольному отделению СПН. В ссылке снискал себе известность как пре-красный пианист. Поддерживал контакты с декабристами.
- ⁹⁸ Ручинский ошибается в воспроизведении фамилии губернатора. В действительности тобольским гражданским губернатором в 1838—1844 гг. являлся Ладьженский Михаил Васильевич. Впоследствии он занимал должность председателя Пограничной комиссии в Оренбурге.

⁹⁹ По всей вероятности, Ручинский вспоминает здесь о ссыльном повстанце 1831 г. из Литвы Михале Морачевском (ок. 1895 (1806) [?] — после 1859).

¹⁰⁰ Па́уша (Па́вша) Антони Павел (1793 — после 1863) сосылался в Сибирь как повстанец 1830—1831 гг. В литературе встречаются упоминания о его причастности и к более ранним конспиративным акциям в рамках польского Патриотического общества в качестве избранного депутата от Вольни для переговоров с декабристами-южанами, но тогда следы его деятельности ускользнули от проводившегося следствия. Приговоренный поначалу к каторге, он затем по состоянию здоровья был оставлен на поселении в Тобольске, где находился в общей сложности 25 лет и вел дневники, впоследствии опубликованные в извлечениях, своеобразно скомпонованных в самостоятельные повествовательные тексты, принадлежащие перу их издателя, биографа А. Пауши, Э. Хэлленьюша (Ивановского) (Kraków, 1876, 1882).

¹⁰¹ Вполне вероятно, что здесь имеется в виду Станислав Долкевич, упоминаемый в одних из польских мемуаров ссыльный повстанец 1830 г., подофицер Войска Польского, приговоренный к принудительной службе в Тобольске в 1-м линейном Сибирском батальоне, а позднее перешедший в инвалидную команду в Кургане.

Сангушко Роман Станислав Адам (1800—1881) — князь, представитель знатного и состоятельного магнатского рода. Происходил с Вольни. Был взят в плен как офицер польской армии в одном из сражений восстания в 1831 г. и приговорен к ссылке в Тобольск, а затем — к отбыванию принудительной военной службы рядовым в местном батальоне. По некоторым сведениям, сам Николай I, разгневанный тем, что этот родовитый аристократ отказался от предложения суда официально раскаться в своих повстанческих акциях (Р. Сангушко твердо заявил, что все его поступки были им совершены по убеждению), настоял на том, чтобы он весь путь в ссылку отбыл «пешеходным порядком», в кандалах и в одной партии с простыми уголовниками. Позднее ему был разрешен перевод в армию на Кавказ. Полученными там несколькими ранениями

он заслужил, наконец, награды, был вновь произведен в офицерское звание и вскоре вышел в отставку.

¹⁰² Фонвизин Михаил Александрович (1788 – 1854) – декабрист, генерал-майор в отставке, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, член Союза благоденствия и Северного общества. По переводе из каторжных работ на поселение находился в Енисейске, затем в Красноярске и, наконец, в Тобольске, куда прибыл в августе 1838 г.

Жена – Наталья Дмитриевна, урожденная Апухтина (1805 – 1869), последовала за мужем в Сибирь. После смерти супруга (в апреле 1854 г. в имении брата М. А. Фонвизина Марьино Бронницкого уезда Московской губ.) она состояла во втором браке – с декабристом И. И. Пуциным.

¹⁰³ Анненков Иван Александрович (1802 – 1878) – декабрист, поручик, член Северного общества. На поселении находился вначале в с. Бельском Иркутской губернии, а затем был переведен в Туринск Тобольской губернии (прибыл туда в январе 1839 г.). Жена его – Прасковья (Полина) Гёбль (1800 – 1876), француженка. Последовала за Анненковым в Сибирь, где они и обвенчались. Произошло это в апреле 1828 г., однако же не в Петровском Заводе, как утверждает мемуарист, а в Чите.

¹⁰⁴ Из данного контекста мемуаров не вполне ясно, какой смысл вкладывался их автором в слово «контрабанда». Возможно, что Ручинский, не чуждый иронии, хотел таким образом подчеркнуть, что казак вез какие-то не подходящие ему по официальной должности (или по предписаниям для верующих в период начавшегося Великого поста) масленичные подношения туринскому городничему.

¹⁰⁵ Ивашев Василий Петрович (1797 – 1840) – декабрист, ротмистр, член Южного общества. В декабре 1835 г. был «обращен» на поселение в Туринск Тобольской губернии. Умер там же в декабре 1840 г. Жена его – Камилла Петровна Ле-Дантю (1808 – 1839) прибыла за ним в сибирское изгнание. Умерла в декабре 1839 г. во время родов дочери Елизаветы (умершей с нею вместе). Оставшимся после смерти родителей детям этого декабриста (еще один ребенок Ивашевых, сын Александр, умер во младенчестве в период их пребывания в Петровском Заводе) –

Марии (род. в 1835 г.), Петру (род. в 1837 г.) и Вере (род. в 1838 г.) было «Высочайшим повелением» разрешено выехать к их теткам, сестрам отца, в Симбирск. Они воспитывались под фамилией Васильевых до амнистии 26 августа 1856 г., когда им были возвращены наконец подлинная фамилия и дворянство.

¹⁰⁶ Пуцин Иван Иванович (1798—1859) — декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества. Судья Московского надворного суда. Близкий друг А. С. Пушкина. В июле 1839 г. был «обращен» на поселение в Туринск Тобольской губернии. По получении разрешения на перевод в Ялуторовск приехал туда в июле 1843 г. После амнистии 26 августа 1856 г. переехал в Европейскую Россию. Жил в имении Марьино Бронницкого уезда Московской губернии и умер там же в апреле 1859 г. Вступил в брак в мае 1857 г. с вдовой декабриста М. А. Фонвизина (см. коммент. 102 к данным воспоминаниям).

¹⁰⁷ Оболенский Евгений Петрович (1796—1865) — декабрист, князь, поручик, член Союза спасения и Союза благоденствия. Один из основателей и руководителей Северного общества. После выезда на поселение находился вначале в с. Итанцы Верхнеудинского уезда Иркутской губернии. Затем ему был разрешен перевод в Туринск Тобольской губернии, куда он переехал в феврале 1842 г., а еще позднее — в Ялуторовск (прибыл туда в августе 1843 г.). Жена его Варвара Самсоновна Баранова, вольноотпущенная крестьянка чиновника Блохина, была на 25 лет младше мужа. Брак их был заключен в феврале 1846 г. Е. П. Оболенский имел с нею девятерых детей. На основании амнистии 26 августа 1856 г. был восстановлен в правах и выехал в Европейскую Россию в ноябре 1856 г. Жил в Калуге и умер там (февраль 1865 г.).

¹⁰⁸ См. коммент. 15 к данным воспоминаниям.

¹⁰⁹ В такой форме, только с отчеством и фамилией, названа в польском издании мемуаров встреченная Ручинским в Туринске молодая акушерка. Можно предположить, что имя ее оказалось выпущено по технической ошибке, возникшей в процессе печати данной книги или же по небрежности редактора, готовившего мемуарный текст к изданию. Что касается Петербургского института, где обучалась эта уездная акушерка, то,

по всей вероятности, имеется в виду существовавший в Петербурге (с 1797 г.) так называемый Повивальный институт, специально организованный при так называемом родильном госпитале.

- ¹¹⁰ «Литвин» — термин, в польской традиции обозначающий лицо чаще всего польской этнической принадлежности, происхождение которого связано с каким-либо из регионов, относившихся к территориям исторической Литвы (то есть Великого княжества Литовского).

При упоминании повстанцев Пусловского Ручиньский, вероятно, имеет в виду одного из командиров периода Ноябрьского восстания в указанном регионе — Тытуса Пусловского.

Строго говоря, Туринск, который ныне отнесен к уральскому административному подчинению (Свердловской области), трудно безоговорочно зачислить в регионы сибирской ссылки. Мемуарист, подобно большинству польских политссыльных XIX в., не отличает принципиально Сибири от Урала.

- ¹¹¹ Вогулы — устарелое название народности манси, относящейся к финно-угорской языковой группе и населяющей бассейн рек Оби, Конды и Северной Сосьвы, верховьев рек Туры, Тавды, Пельма, Лозьвы. В оригинале — очевидное искажение названия Пелым — русского города, основанного в конце XVI в. на месте поселения, являвшегося центром одноименного мансийского княжества на р. Тавде. Имевший торговое значение до конца XVII в., позднее служивший местом ссылки, он уже в XIX в. сделался небольшим селом. Весьма вероятно, что это название (в виде: «Питым») просто было неверно прочтено в тексте мемуаров Ручиньского их издателями.

- ¹¹² В Королевстве Польском в 1834 г. было установлено следующее соотношение польских злѳтого и грѳша к российским рублю и копейке: 1 злѳтый равен 15 копейкам (10 злѳтых равны 1,5 рубля); 1 злѳтый равен 30 грѳшам.

- ¹¹³ О III Отделении см. коммент. 68 к воспоминаниям В. Мигурского.

- ¹¹⁴ Эстафета — срочное сообщение, передаваемое сменяющими друг друга на́рочными, преимущественно конными.

¹¹⁵ Об организации филоматов см. коммент. 4 и 138, 139 к данным воспоминаниям.

Петрашкевич Онуфры (1793—1863) — один из ее основателей и секретарь. Он сумел надежно спрятать от следствия, проводившегося по делу филоматов, их архив, уцелевший до наших дней и позволяющий изучать историю данного направления в польском освободительном движении. Царские власти применили жесткие меры наказания к участникам филоматской организации, хотя и не удалось прямо доказать ее политического характера. В числе 20 наиболее активных филоматов и филаретов (включая и А. Мицкевича), признанных виновными «в расширении безрассудного польского национализма посредством обучения», Петрашкевич подвергся высылке в центральную часть России с правом поступления на государственную службу, однако без возможности (до особого решения правительства) возвратиться на свою родину и в Вильно. Этот первый этап его изгнания продолжался до периода восстания 1830—1831 гг., когда Петрашкевич был обвинен в желании нелегально проникнуть на родину и присоединиться к повстанцам. В начале 1832 г. он оказался отправлен уже в Сибирь на поселение, местом отбывания которого ему был определен Тобольск. В 1841 г. получил право поступить на службу «канцеляристом по гражданской части». На основании амнистии 26 августа 1856 г. он смог покинуть Сибирь только в 1860 г. и поселился у брата в Вильно. Умер там же в декабре 1863 г.

¹¹⁶ Об А. Рошковской (а также и о ее муже) см. коммент. 16 к данным воспоминаниям. Подобно своим предшественницам, женам декабристов, Антонилля Рошковская и другие жены и невесты ссыльных конарщиков (некоторые из них были даже так или иначе ранее связаны с организацией СПН) следовали за своими супругами или сужеными в далекое сибирское изгнание. Конарщик Адольф Рошковский по отбытии каторги с ноября 1843 г. был «причислен» на поселение в сел. Баклашинское Жилкинской волости Иркутского округа Иркутской губернии.

¹¹⁷ Войчихова Уминьская — принятое в польском языке именование жены в притяжательной форме, образуемой от сочетания

имени и фамилии ее мужа, Войчеха Уминьского (ок. 1789 (1793) [?] — 1869). Собственное имя жены В. Уминьского было Ружа (Розалья). Сам же этот ссыльный конарщик по отбытии каторжных работ на Иркутском солеваренном заводе (Усолье) находился на поселении в близлежащей от него местности — сел. Тайгурском Бадайской волости Иркутского округа Иркутской губернии.

Как видно из хранящихся в ГАИО документов, А. Рошковская прибыла в Иркутск в апреле 1844 г. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 20. К. 31. Л. 1, 2 — 2 об., 8). Надо полагать, эти же сведения в равной мере относятся и к ее спутнице, Р. Уминьской.

¹¹⁸ Существуют данные о том, что А. Рошковской весьма нелегко далась как самая возможность выезда к мужу, так и начальный период жизни в Сибири. Однако, несмотря на это, она сумела создать вокруг себя тот «польский очаг», который затем обеспечивал необходимые приют и духовное утешение многим ссыльным ее соотечественникам.

¹¹⁹ Супруга конарщика Валерьяна (Валеры) Жонжевского (ок. 1806 (1809) [?] — после 1857), Александра (Александрина), как свидетельствуют о том документы ГАИО, в августе 1845 г. добилась «Высочайшего согласия» на «воссоединение» со своим мужем в Петропавловске Тобольской губернии. Туда она прибыла в апреле 1846 г. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 43. К. 34. Л. 5 — 5 об., 4 — 4 об.; Д. 126. К. 33. Л. 1 — 1 об., 8 — 8 об., 9).

О сестре В. Жонжевского, Юзефе, ее ссылке и замужестве см. коммент. 18 к данным воспоминаниям.

¹²⁰ Катажина Непокойчицкая торжественно венчалась в Иркутске с Владыславом Рабцевичем (1813 — ок. 1880) — ссыльным съвентокшижцем (о последних см. коммент. 56 к данным воспоминаниям) 16 апреля 1846 г. На этой свадьбе посаженной матерью была А. Рошковская, а свидетельницами — дочери декабристских семейств Волконских и Трубецких. (Об этом оставил соответствующую запись в своем дневнике конарщик Юльян Сабиньский, фрагменты наследия которого публикуются в отдельном разделе настоящей книги.)

¹²¹ Документальное свидетельство разрешения Ф. Грабовскому (ок. 1801 (1805) — после 1857) переселиться в Туринск отно-

сится к 1844 г., причем мотивировкой этого перемещения там выдвинуто «совместное проживание с его двоюродным братом» Ю. Ручиньским (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 56. К. 31. Л. 1—1 об., 7—7 об.).

¹²² Немногочисленные спорадические упоминания об Эразме Клечковском (ок. 1797 — после 1855), имеющиеся как в специальной, так и в мемуарной литературе, указывают лишь на его причастность к «экспедиции Ю. Заливского» (о последней см. коммент. 7 к воспоминаниям В. Мигурского; новейшую справку об Э. Клечковском см. также: Śliwowska W. Zesłańcy polscy... — S. 270). Что касается Союза 1825 г., членом которого, по словам мемуариста, якобы являлся Клечковский, то сведений об этом пока не удалось обнаружить. К тому же не вполне ясно, что подразумевал Ручиньский под названным им союзом: декабристские организации или польское Патриотическое общество того же хронологического периода.

¹²³ Воллович Михал (? — 1833) — воспитанник Виленского университета, член одной из филиальных организаций филоматско-филаретского круга, затем участник Ноябрьского восстания 1830—1831 гг., политэмигрант, связанный с масонством и Польским Демократическим обществом. В 1833 г. принял участие в «экспедиции Ю. Заливского» (см. коммент. 7 к воспоминаниям В. Мигурского) в качестве партизанского руководителя Гродненского округа. Был схвачен царскими властями и повешен в июле того же года.

¹²⁴ В обнаруженном автором этих комментариев в Польской Библиотеке в Париже письме Луцьи Ручиньской к родителям из Туринска (октябрь 1844 г.) подробно рассказывается о появлении в ее с Юстыньяном доме маленькой «Юльчи».

«У нас теперь появилось малое поле претворения в нашей практике теории о воспитании детей. По правде говоря, со своими собственными детьми дело это совершенно иное и, должно быть, более легкое,— пишет Л. Ручиньская.— ...В эти первые моменты, особенно пока я не узнаю ее характера, недостатков и склонностей, пока не привяжу ее к себе, не втяну в необходимое послушание и порядок, я мало имею свободных минут для себя». И здесь же она делает оптимистичное резюме: «Это является

трудом, но не превышающим наши силы. Мы находим милую награду в мысли, что можем быть полезными кому-то, а тем более товарищам по совместно испытываемым страданиям» (Bibl. Polska w Paryżu. Rkps. 478/2. К. 163—164).

¹²⁵ Василóвский Игнацы Александр Адам (1818 — после 1857) — дядя по отцу Марьи Конопницкой, выдающейся польской поэтессы и писательницы. Служил чиновником в Варшаве. Был арестован в 1843 г. за принадлежность к так называемому Союзу польского народа — освободительной организации, руководимой выдающимся польским революционером Эдвардом Дэмбовским и являвшейся прямым продолжением организации 1830-х гг. «Содружество польского народа» (СПН). В 1844 г. был отправлен на принудительную военную службу рядовым в Сибирский корпус с лишением прав состояния. Отбывал ее в Тюмени и в 1856 г. произведен в унтер-офицеры. В конце 1857 г. получил отставку из армии и право возвратиться на родину, в Варшаву.

¹²⁶ См. коммент. 110 к данным воспоминаниям.

¹²⁷ См. коммент. 2 к данным воспоминаниям. Будучи профессиональным музыкантом, Луцья Ручиньская оставила свой след в истории культурной и педагогической жизни Сибири, о чем существует целый ряд конкретных фактических данных, до сих пор практически неизвестных в российском обиходе.

¹²⁸ Данное свидетельство мемуариста непосредственно дополняют замечания самой Л. Ручиньской в ее письме родителям (Туринск, 13 октября 1844 г.):

«9 окт[ября] я была на именинах, даже танцевала немного, хотя и не испытываю от этого ни тени давнего удовольствия, и даже вовсе никакого, но меня сам Юстэк подгонял, ибо находит, что для меня временами хорошо побольше двигаться. После трех кадрилией я была уже очень утомлена, так отвыкнув от танца, но у меня было кем подмениться; моя маленькая ученица Саша щегольнула своим умением, ибо, наконец, выучилась исполнению контрданса. Ее танец произвел огромный фурор и вызвал зависть среди матерей. Несколько лиц уже осаждают меня насчет уроков фортепиано и просили за (плату.— Б. III.) уделять час танцу. ...Я в душе рада уже тому, что могу вести

более активную жизнь и что кое-что умею, и не только для вида. Конечно, приятнее было бы передавать это умение другим бескорыстно, но в нашем положении можно не отбрасывать этого средства заработка и принять его, не краснея. Впрочем, я буду им пользоваться двояким способом: одних буду учить даром, других — за деньги» (Bibl. Polska w Paryżu. Rkp. 478/2. К. 165). — По этому поводу см. также коммент. 2, 127 к данным воспоминаниям и с. 312 — 313 предисловия к ним.

¹²⁹ Лифляндская губерния — административно-территориальная область в дореволюционной России, включавшая в себя территории Латвии на север от р. Даугавы и на восток до р. Айвиексте, а также южную Эстонию. В печатном польскоязычном тексте воспоминаний название города приводится в нескольких вариантах: Феллин, Еллин. Трудно однозначно определить, о каком именно населенном пункте идет речь. Возможно, так искаженно называется г. Преи́ли, районный центр в современной Латвии.

¹³⁰ Мемуарист имеет в виду происходившие во многих странах Европы в период 1848 — 1849 гг. революции, получившие образное название «Весна народов». Среди прочего они затронули и польские земли под властью Австрии и Пруссии, вызвав большой резонанс в польском обществе.

¹³¹ Об А. Кожелл-Поклевском см. коммент. 10 к данным воспоминаниям.

¹³² Согласно документальным данным ГАИО, перевод А. Рошковского из Восточной Сибири (где он с 1843 г. находился на поселении — см. коммент. 116 к данным воспоминаниям) в Калугу состоялся после 1847 г.

¹³³ Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793 — 1886) — декабрист, подполковник в отставке. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества. В Ялуторовск прибыл в октябре 1836 г., по отбытии первоначальных назначений на поселение в Виллойске, в Якутии и в Бухтарминской крепости Омской области.

Якушкин Иван Дмитриевич (1793 — 1857) — декабрист, капитан в отставке. Участник Отечественной войны 1812 г. и за-

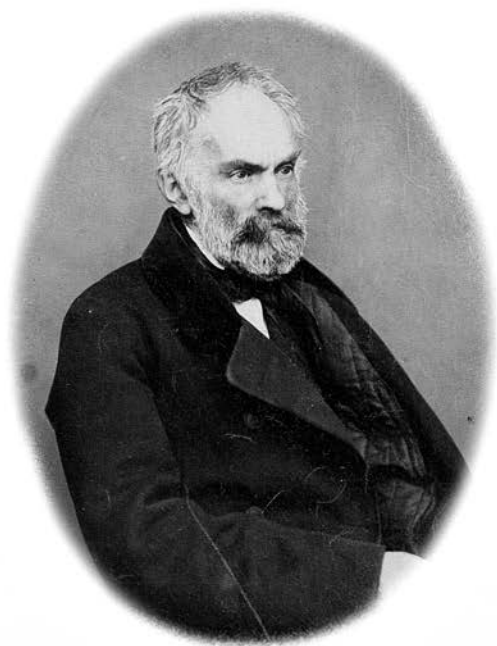
граничных походов. Один из учредителей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества. По отбытии срока каторги в Петровском Заводе был «обращен» на поселение в Ялуторовск в декабре 1835 г. и прибыл туда в сентябре 1836 г.

Об ялуторовском периоде жизни и деятельности И. И. Пущина и Е. П. Оболенского см. коммент. 106 и 107 к данным воспоминаниям.

- ¹³⁴ Антоколь — в описываемую пору предместье г. Вильно. Ныне это район современного Вильнюса, по-литовски называемый Антакалнис.
- ¹³⁵ Демидов Анатолий Николаевич (1812—1870) — представитель известного рода уральских горнопромышленников и заводчиков, происходившего из тульских кузнецов и выдвинувшегося при Петре I. Сколотившие огромное состояние и в 1726 г. получившие дворянское звание Демидовы в XIX в. вошли в состав придворной знати. Николай Демидов (1773—1828) был посланником России во Флоренции, а его сын Анатолий женился на племяннице Наполеона I и купил близлежащее к Флоренции княжество Сан-Донато вместе с соответствующим титулом.
- ¹³⁶ Оханск — город, районный центр Пермской области. Расположен на правом берегу р. Камы, в 75 км ниже Перми. Основан в 1663 г.
- ¹³⁷ Литвины — здесь употреблено в том же смысле, что и в ряде иных мест в данных воспоминаниях. См. коммент. 10 и 110 к ним.
- ¹³⁸ О филаретах см. коммент. 4 и 115 к данным воспоминаниям. Кулаковский (Колаковский) Феликс (1799—1831) — студент словесного факультета Виленского университета и талантливый поэт, вместе со своим товарищем Верниковским Яном Непомуценом (1800—1877) был в ноябре 1820 г. принят в общество филаретов по рекомендации председателя его отделения на указанном факультете Юзефа Ковалевского (1801—1878), будущего выдающегося востоковеда-монголиста. Именно этих троих молодых польских патриотов в конце 1824 г. власти отправили в Казанский университет, где им предписывалось заняться изучением восточных языков. По существу, это было завуалированной формой их ссылки.

- ¹³⁹ Ю. Ручинский имеет в виду Новосильце(о)ва Николая Николаевича (1761—1836) — русского государственного деятеля, сенатора. Он занимал крупные должности в Королевстве Польском, а также и в сопредельных с ним регионах с 1813 по 1831 г. и ревностно осуществлял русификаторскую политику, вызывавшую ненависть польского населения. В частности, именно Новосильцев как полномочный комиссар в Королевстве Польском руководил тайной полицией, а будучи назначен попечителем Виленского учебного округа, определял репрессивные меры против филоматов и филаретов.
- ¹⁴⁰ См. коммент. 130 к данным воспоминаниям.
- ¹⁴¹ Вадковский Федор Федорович (1800—1844) — декабрист, прапорщик. Член Северного и Южного обществ. Первоначально осужден на вечную каторгу. На поселении с сентября 1839 г. находился в Иркутске, а затем, с марта 1841 г., — в с. Оёке Иркутского округа, где и умер в начале января 1844 г.
- ¹⁴² Московитянки (в оригинале дословно: «москевки») — вариант женской формы от слова «москаль». См. об этом коммент. 26 к воспоминаниям В. Мигурского.
- ¹⁴³ Судя по времени написания Ю. Ручинским мемуаров, речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг.
- ¹⁴⁴ Троцкий уезд — в Российской империи уезд в составе Виленской губернии с центром в г. Троки (современный г. Тракай в Литовской Республике).
- ¹⁴⁵ Стена Траяна. Мемуарист имеет в виду римского императора Марка Ульпия Траяна (97—117 гг.). В его правление Римская империя максимально расширила свои границы. В целях их укрепления Траян заботился о возведении вдоль Рейна и Дуная оборонительных валов. Его имя, связываемое с обширным строительством, богатыми пожертвованиями и пышными зрелищами, в широком общественном мнении стало ассоциироваться с возведением многих сооружений, с научной точки зрения не вполне убедительно атрибутированных. В их числе оказывается и ряд сходных по своему функциональному назначению так называемых валов (или же стен) Траяна.

Юльян САБИНЬСКИЙ
ДНЕВНИК МОЕЙ НЕВОЛИ

**РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ,
ИЛИ НЕОБЫЧАЙНАЯ ИСТОРИЯ
«ДНЕВНИКА МОЕЙ НЕВОЛИ»
ЮЛЬЯНА САБИНСКОГО**

«Деятнадцать лет, вырванных из моей жизни, или Дневник моей неволи и изгнания с 1838 по 1857 год включительно» — так красноречиво озаглавлена эта рукопись, история возникновения и последующего существования которой одновременно и проста, и весьма необычна, а вдобавок носит еще и характер во многом драматичный, приобретающий подчас даже загадочно-детективный оттенок. Речь идет о рукописном дневнике, созданном Юльяном Гляубичем Сабиньским — политическим ссыльным в Сибирь за участие в Содружестве польского народа — конспиративной организации, возникшей под руководством Шимона Конарского, с которой уже состоялось достаточно подробное знакомство читателя в разделе этой же книги, посвященном мемуарам другого конарщика — Ю. Ручиньского. Кстати сказать, на страницах воспоминаний последнего встречалось среди прочего и имя Ю. Сабиньского. Там же отмечалось, что среда конарщиков была представлена плеядой неординарных личностей — своего рода цвета шляхетской интеллигенции, впоследствии пополнявших ссыльный контингент сибирского региона первой половины XIX в.

В указанной группе польских политических ссыльных Юльяна Гляубича Сабиньского можно рассматривать как одну из наиболее примечательных и своего рода ключевых фигур. Он являл собой совершенно оригинальный сплав необычайных способностей и неповторимых индивидуальных свойств, а также духовных черт, во многом общих, типо-

логически характерных и для него, и для его сотоварищей-конарщиков, в которых зримо отразились приметы современной им исторической эпохи.

Однако же если в процессе нашего знакомства с личностью Ю. Ручиньского приходилось констатировать относящиеся к ней отдельные белые пятна, то обращение к биографии Ю. Сабиньского обнаруживает в ней подобные же значительно большего масштаба. Работа по воссозданию биографического портрета данного конарщика была предпринята в самые последние годы в Польше. По определению занимавшихся ею двух исследователей, она «не относится к простым задачам. Утрата большей части источников, трудный доступ к некоторым из них и, наконец, противоречивая информация, сообщаемая в сохранившихся, — все это создает трудности, весьма не легкие для их преодоления»¹.

До последнего времени о подлинно уникальном историческом и человеческом документе, каковым является «Дневник...» Ю. Сабиньского, было известно лишь ограниченному кругу специалистов и любителей исторического чтения, которому доводилось знакомиться с двумя практически одновременно опубликованными еще в межвоенной Польше работами. Одна из них — созданный Эдвардом Малишевским и быстро завоевавший признание в научной среде своей высокой информативностью библиографический указатель мемуаров, принадлежавших перу польских авторов и тематически относившихся к Польше, другая — монография Михала Яника «История поляков в Сибири», долгое время служившая своеобразной универсальной энциклопедией темы, вынесенной в ее заглавие².

¹ Trynkowski J., Woltanowski A. Julian Glaubicz Sabiński (1797—1869) i jego «Dziennik» // Ze skarbca kultury.— 1991.— Z. 51.— S. 81.

² Maliszewski E. Bibliografia pamiątek polskich i Polski dotyczących [druki i rękopisy].— Warszawa, 1928.— S. 384; Janik M. Dzieje Polaków na Syberji.— Kraków, 1928.— S. 197, przyp. 3.

В обеих книгах рукопись «Дневника...» Ю. Сабиньского была отмечена в составе так называемого рапперсвильского собрания Национальной библиотеки в Варшаве³. При этом М. Яник — один из первых систематизаторов, публикаторов и исследователей источников по истории пребывания и деятельности поляков в сибирском крае — включил в свой труд краткую (в объеме около 6 страниц) аннотацию рассматриваемого «Дневника». По форме это был краткий пересказ избранных фрагментов рукописного текста Ю. Сабиньского, без прямого его цитирования. Одновременно автор «Истории поляков в Сибири» дал подробную и весьма высокую оценку рассматриваемому произведению сибирского ссыльного конарщика. По его словам, дневник «выдвигается на одно из главных мест среди всех наших (то есть польских. — *Б. Ш.*) сибирских записок... [и] имеет тем большую ценность, что писался непосредственно изо дня в день, а не спустя годы по воспоминаниям и заметкам, благодаря чему богатая его информация сделалась перворазрядным источником для хроники жизни наших изгнанников. ...Дневник Сабиньского, — заключает он, — во всех отношениях заслуживает печатного опубликования как самый лучший и богатейший источник по истории польской ссылки в Восточную Сибирь в период, в который там находился Сабиньский»⁴.

³ Рапперсвильское собрание — коллекция уникальных рукописей, относящихся к национальной истории и культуре Польши, в особенности к эпохе борьбы поляков за независимость. Собиралась в период отсутствия самостоятельности Польского государства в Швейцарии, в замке Рапперсвиль. После воссоздания независимой Польской Республики по завершении Первой мировой войны коллекция была перевезена в Польшу и размещена в Отделе рукописей Национальной библиотеки в Варшаве. В результате уничтожения гитлеровцами исторического центра Варшавы в 1944 г., в ходе подавления восстания в польской столице против фашистской оккупации, весь хранившийся в Национальной библиотеке комплекс ценнейших книг, документов и рукописей погиб.

⁴ Janik M. Op. cit. — S. 197, 198, 206.

И в самом деле, составленная М. Яником аннотация сибирского дневника Сабиньского убеждала, что этим исследователем истории поляков в Сибири был открыт первоклассный источник по указанной теме. Все свидетельствовало в пользу того, что «Дневник моей неволи» Сабиньского должен был в скором будущем появиться в опубликованном виде, подобно тому как в независимой Польше в 1920—1930-х гг. увидели свет некоторые иные сибирские мемуары и записки польских авторов (В. Лясоцкого, А. Иваньского, В. Четвертыньского и др.⁵). Однако же издание этой уникальной рукописи так и не осуществилось, хотя, как выясняется, уже строились соответствующие планы (к ним мы еще вернемся специально).

Естественно предположить, что оперативному и полному изданию дневника препятствовал прежде всего огромный его текстовый объем: рукопись Сабиньского насчитывала свыше 3 300 страниц! Строго говоря, вообще во всей обширной польской литературной сибириаде нет ни одного ему подобного произведения — ни по размерам, ни по жанру. Из сказанного нетрудно сделать вывод, что и само по себе издание столь масштабного произведения должно было потребовать соответствующих целенаправленных усилий, серьезного специалиста-источниковеда, существенных временных и финансовых затрат. В Польше межвоенного периода, как видно, не сложились необходимые условия для такой работы.

А затем началась Вторая мировая война, принесшая польскому государству неисчислимые жертвы и утраты, среди которых и разрушение его столицы в 1944 г., во вре-

⁵ См.: Iwański A. Pamiętniki 1832—1876. Staraniem synów autora wyd. i przedmową poprz. Czartkowski A.— Warszawa, 1928; Lasocki W. Wspomnienia z mojego życia.— T. 1—2 / Przygot. do druku Janik M. i Kope-ra F.— Kraków, 1933 (t. 1), 1937 (t. 2: Na Syberii); Czetwertyński Wł. Na wozie i pod wozem (1837—1917) / red. S. Wasilewski.— Poznań, [1939].

мя драматичного восстания против гитлеровских оккупантов. Именно тогда в пламени пожара, уничтожившего дворец Красинских (называемый также дворцом Жечипосполитой [Республики]), где размещались в ту пору рукописные сокровища Национальной библиотеки (по-польски Библиотека Народова), безвозвратно погибло уже упоминавшееся знаменитое рапперсвильское собрание, в составе которого, к слову сказать, находилась целая коллекция польских рукописных материалов по сибирской проблематике. Представлялось очевидным, что участь последних разделил и относившийся к их числу «Дневник моей неволи» Юльяна Сабиньского, так и остававшийся до того момента неопубликованным. В результате произошедшей варшавской трагедии из почти 3,5 тысячи страниц рукописи Сабиньского сохранился лишь неполный десяток страниц уже упомянутого нами краткого ее описания, осуществленного и опубликованного еще 16 годами ранее М. Яником.

В дальнейшем все, кто обращался к изучению истории пребывания поляков в Сибири декабристской эпохи и непосредственных связей политических ссыльных шляхетского этапа польского освободительного движения с русскими дворянскими революционерами, не могли уже миновать эту краткую справку Яника о ценнейшем источнике Сабиньского. Так, в изданном в Народной Польше в 1960 г. трехтомнике воспоминаний, относящихся к декабристам, данная аннотация М. Яника была воспроизведена по довоенному изданию его работы. При этом фрагменты дневника Ю. Сабиньского вновь были охарактеризованы польскими историками как «очень важные записки для истории декабристского движения»⁶.

Процесс научного исследования сибирской истории декабристско-польских связей, осуществляемого на протяжении

⁶ *Pamiętniki dekabrystów.* — Т. 3: *Sprawy dekabrystowskie w pamiętnikarstwie polskim.* — Warszawa: PIW, 1960. — S. 763 [Nota wydawnicza].

долгих лет автором данных строк, неоднократно подводил его к имени Юльяна Сабиньского. И каждое очередное обстоятельство такого рода служило подтверждением значительности белого пятна, образовавшегося в источникововедении названной темы после гибели «Дневника моей неволи». Закономерно возникала и потребность в отыскании способа хотя бы частичного восполнения этой существенной лакуны. У автора настоящего предисловия постепенно накапливались выявляемые им фрагментарные данные, рассеянные в польской литературе. Они позволили ему с определенной долей уверенности заключить, что по крайней мере перед началом Второй мировой войны рукопись Ю. Сабиньского существовала не в единственном экземпляре.

В частности, в уже упомянутой библиографии Э. Малишевского по поводу «Дневника» Ю. Сабиньского указывалось, что другой (уже не рапперсвильский) его экземпляр, принадлежавший внуку Ю. Сабиньского, профессору-правоведу Конраду Дыновскому, был «в 1926 г. передан им г[оспоже] Каролине Фирлей-Белянской»⁷. Последнее имя является достаточно хорошо известным автору настоящего предисловия, ибо К. Фирлей-Белянской принадлежал целый цикл содержательных публикаций и даже отдельных книг (выпускавшихся ею в период 1900—1920-х гг.) на тему истории гарибальдийского отряда, сражавшегося на стороне поляков в Январском восстании 1863 г. Она проявляла интерес и к последующему периоду в судьбах этих повстанцев-гарибальдийцев, связанному с пребыванием ряда из них в сибирской ссылке. Ее исследовательско-публикаторским интересам также не были чужды и некоторые сибирско-польские сюжеты, относящиеся к первой половине XIX в.⁸ Не исключено, что отсюда и мог проистекать интерес К. Фир-

⁷ Maliszewski E. Op. cit. — S. 384.

⁸ См.: Bielańska K. Nullo i jego towarzysze. — Warszawa, 1923.

лей-Белянской к сибирскому дневнику польского политического ссыльного. К сожалению, информация Э. Малишевского оказывается недостаточно подробной и детальной, чтобы дать исчерпывающие ответы на ряд вопросов, возникающих в связи с нею. Она лишь свидетельствует о том, что кроме находившегося в варшавской Национальной библиотеке и, как представлялось тогда, погибшего во время войны экземпляра «Дневника моей неволи» Ю. Сабиньского существовал с довоенных времен и другой экземпляр того же произведения. Но какова же его судьба? Естественно было предположить, что она каким-то образом оказывалась связанной с судьбой самой К. Белянской. Однако если биографические данные о ней вполне четко прослеживаются до середины 1920-х гг.⁹, то последующие сведения буквально обрываются и практически полностью отсутствуют. По крайней мере, нам до сих пор не удалось установить таковые, несмотря на многократные обращения с запросами к польским коллегам, специалистам-историкам.

Еще на один не вполне отчетливый след дневника Ю. Сабиньского наводит обнаруженная пишущим данное предисловие уже послевоенная публикация польского автора ряда научно-популярных исторических книг Дионизы Вавжыковской-Верчеховой, в которой утверждается, что дневниковая рукопись Ю. Сабиньского сохранилась среди материалов, оставшихся в архиве Стефани Сэмполовской (после смерти ее самой в 1944 г.)¹⁰. В Польше широко известно имя этой деятельницы общественного и просветительного

⁹ Практически единственным источником биографической информации о Каролине Белянской, выявленным нами до настоящего момента, является публикация: Walecka A. Karolina Bielańska // *Bluszcz* (Warszawa).— 1925.— S. 572—573.

¹⁰ Wawrzykowska-Wierciochowa D. Dekabryści opiekunami i przyjaciółmi zesłańców polskich na Syberii // *Za Wolność i Lud.*— 1954.— Nr 11.— S. 6—7.

движения, педагога и активного организатора опеки над политическими ссыльными. К сожалению, и в данном случае так и осталось не ясным, каким образом дневник Сабиньского мог оказаться у Сэмполовской, и (подобно тому, как и в ситуации с разысканием сведений о позднем периоде биографии К. Белянской) предпринятые в этом направлении поиски до настоящего момента не дали никакого результата.

Между тем продолжавшиеся автором данного предисловия научные исследования привели его к находке ценного документального свидетельства — подлинного письма Марии Николаевны Волконской к властям с просьбой разрешить привлечение Ю. Сабиньского (в то время еще числившегося каторжанином в Усолье) к совместному их с князем Сергеем Григорьевичем Волконским преподаванию собственному сыну Михаилу. Публикация автором указанного документа одновременно дала ему повод выразить сожаление об утраченной в годы войны ценной сибирской рукописи польского ссыльного¹¹. В свою очередь, на этот материал последовал отклик ученого из Польши, историка, доктора Яна Трынковского, преподавателя и научного работника из Варшавского университета и в то время его филиала в Белостоке. Так возникло знакомство, а затем и товарищеское научное сотрудничество автора с названным исследовате-

¹¹ Шостакович Б. С. О дружественных связях декабристов с политическими ссыльными-поляками в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1979. — Вып. 4. — С. 38—41; Он же. Новые сведения о взаимоотношениях польских ссыльных и декабристов в Сибири // Программа научной конференции «Декабристы и Сибирь» 10—15 декабря 1985 г. — Иркутск, 1985. — С. 8. Здесь же стоит заметить, что наиболее раннее упоминание о Ю. Сабиньском и о его дневнике было сделано тем же автором. См.: Шостакович Б. С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири... — Иркутск, 1973. — Вып. 1. — С. 266—268.

лем, а позже и с его коллегой, ныне покойным профессором Анджеем Вольтановским. Собственно Я. Трынковский и проинформировал впервые автора данного предисловия о том, что сравнительно незадолго до того, в 1976 г., одно из крупнейших рукописных собраний в Республике Польша — Отдел рукописей Библиотеки Оссолинских во Вроцлаве (или «Оссолинэум», как обычно именуют его в сокращении) приобрел у частного лица экземпляр четвертой, заключительной части «Дневника моей неволи», написанной собственной рукой Ю. Сабиньского. Эта часть носит вполне конкретное название — «Поселение». Она и охватывает соответствующий период пребывания автора дневника в Восточной Сибири: по отбытии им срока каторжных работ, на положении так называемого политического поселенца.

Таким образом, подтвердилось предположение, что рукопись «Дневника...» Сабиньского существовала не в единственном экземпляре. Занимавшиеся изучением отысканной рукописи «Дневника моей неволи» ранее представленные читателю польские историки Я. Трынковский и А. Вольтановский выдвинули убедительно обоснованную ими версию создания самим автором «Дневника...» уже по возвращении из сибирской ссылки, по крайней мере, двух или же (в максимальном варианте) — даже трех копий первоначальной своей рукописи почти в 3,5 тысячи страниц. По версии польских исследователей, делалось это Ю. Сабиньским с той целью, чтобы каждый из троих его детей располагал собственным экземпляром отцовского труда. В пользу данной версии говорит и отмеченное еще М. Яником открывавшее полную рукопись дневника вступительное посвящение его Сабиньским своим детям: сыновьям Земовиту и Ольгерду и дочери Хэмилде. Эти же ученые доказали, что попавший в «Оссолинэум» раздел сибирского «Дневника...» Сабиньского безусловно принадлежал к экземпляру, находившемуся в семье профессора К. Дыновского (о чем однозначно свидетельствуют собственноручные приписки и автографы

последнего, имеющиеся в этой рукописи). Иными словами, изначально это был экземпляр, доставшийся дочери Ю. Сабиньского, Хэмилде¹², а затем перешедший к ее сыну-профессору, доведившемуся автору «Дневника...» внуком.

В то же время обнаружение заключительного раздела дневника Сабиньского породило немало новых вопросов, относящихся как к предшествующей истории такового, так и к попыткам разобраться в истинной судьбе других составных компонентов данной рукописи и, быть может, установить даже нынешнее их местонахождение. В частности, четвертая часть «Дневника моей неволи» была приобретена «Оссолинэумом» от некоей госпожи Хэлены Найты (ныне уже покойной), сообщившей, что еще перед Второй мировой войной эта рукопись находилась в собрании ксендза Юзефа Неджели в Бельшовицах¹³.

Приняв во внимание все, что уже прежде стало известно об экземпляре рукописи Сабиньского, находившемся во владении К. Дыновского, несложно заключить, что за этим рукописным текстом должна стоять какая-то (хотя и остающаяся пока не вполне ясной по непосредственной конкретике) взаимосвязь фигур К. Фирлей-Белянской и ксендза Ю. Неджели. Не исключено, наконец, что к тому же самому экземпляру рукописи каким-то образом имела причастность еще и С. Сэмполовская. Весьма характерен бесследный обрыв сведений обо всех упомянутых лицах в период военного лихолетья. И тогда же совершенно однозначно пропадают какие-либо определенные следы местонахождения принадлежавших им архивов или коллекций материалов.

Конечно, на фоне колоссальных невосполнимых утрат во Второй мировой войне национальных культурных ценно-

¹² Janik M. Op. cit. S. 197, przyp. 3.

¹³ См.: Inwentarz rękopisów Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. — Wrocław, 1979. — Т. 6. — S. 228 (Rkp. Nr 14465).

стей Польши даже в среде специалистов представлялось неоспоримым, естественным и логичным объяснением исчезновения сибирской рукописи Сабиньского зачисление и ее в общий реестр подобных. Тем паче, что для данного вывода находились и внешне весомые приводящие основания. В 1960-х гг. в одном из польских изданий даже промелькнуло утверждение, будто во время Варшавского восстания 1944 г. сгорели сразу... два экземпляра рукописи Ю. Сабиньского¹⁴.

Вроцлавское приобретение, состоявшееся спустя 30 с лишним лет после окончания Второй мировой войны, опровергло указанную версию, представлявшуюся бесспорной истиной. На взгляд пишущего эти строки, данный факт служит красноречивым доказательством очевидности того, что в серьезном научном поиске никогда нельзя пренебрегать кропотливыми исследованиями, требующими большого упорства, временных и материальных затрат, несмотря на кажущуюся предрешенность их неуспеха. А именно так многие десятилетия и обстояло дело с исчезнувшим дневником Юльяна Сабиньского. Между прочим, обнаружение этой, как казалось, безвозвратно погибшей рукописи невольно приводит на ум давно уже ставшее крылатым и пророческим утверждение литературного классика, гласящее: «Рукописи не горят», и воочию подтверждает его справедливость.

В контексте этой последней сентенции автор данного предисловия не может не отметить тот факт (уже установленный к моменту, когда пишутся эти строки), что по крайней мере весь «рапперсвильский» экземпляр рукописи Юльяна Сабиньского оказался (волею совершенно непредвиденных, хотя, в сущности, и вполне обыденных, даже рутинных обстоятельств) полностью уцелевшим и избегнувшим пламени пожара, полыхавшего в 1944 г. в варшавской Национальной

¹⁴ См.: Dr. Antoni J. [Rolle]. *Literacka drużyna. Wybór pism.* — Kraków. — Т. 3. — S. 329.

библиотеке. Однако мы не станем посвящать читателя в подробности этого очередного сенсационного открытия, ибо его приоритет и право на первую публикацию по данному поводу принадлежат уже неоднократно отмечавшемуся здесь «творческому тандему» польских ученых — А. Вольтановскому и Я. Трынковскому, которым автор выражает свою благодарность за сообщение столь ценной информации.

Итак, на многие из вопросов, порожденных обнаружением рукописи Сабиньского, пока еще не удалось отыскать ясные ответы. Не желая чрезмерно утомлять читателя перечислением таковых и подробным комментированием их в данном предисловии, скажем только, что они должны явиться направлениями будущего специального изучения. Среди аспектов научной разработки в данном случае обратим внимание лишь на занимающую особое место задачу воссоздания адекватного биографического портрета самого автора «Дневника моей неволи». При всей, на первый взгляд, очевидности и как бы подразумеваемой простоте данной проблемы она в действительности оказывается весьма сложной и далеко не однозначной. Для примера отметим лишь два характерных ее момента.

Читатель книги уже мог заметить неоднократные свидетельства товарищей по ссылке Ю. Сабиньского об уникальном лингвистическом даровании последнего, приведшем к тому, что этот конарщик в регионе своего подневольного пребывания сделался общепризнанным педагогом в области преподавания едва ли не большинства основных европейских, древних и новых иностранных языков. На данном фоне не может не вызвать изумление, что официальные справочные данные о Сабиньском информируют, будто бы польский автор сибирского «Дневника...» едва ли не до 16 лет нигде не обучался, а позднее получил лишь некое минимальное начальное «домашнее образование». С учетом реальной, практически энциклопедической эрудированности Сабиньского в гуманитарной сфере и феноменального вла-

дения им всеми основными европейскими языками существующий параллельный справочно-биографический контекст вносит вопиющее противоречие в данный вопрос и требует дополнительного углубленного изучения и анализа с целью своего принципиального разъяснения.

Столь же необычными и противоречивыми выглядят место и роль Юльяна Сабиньского в истории конкретной деятельности организации конарщиков. Автор «Дневника...» с самого начала следствия и суда над участниками конспиративной организации Шимона Конарского избрал своей тактикой категорическое отрицание какой-либо к ней причастности и неукоснительно придерживался ее до конца, включая период своей длительной сибирской ссылки. Поэтому «Дневник...» нашего героя, несмотря на всю его обширность и содержательность, оказывается исключительно мало информативен в соответствующем аспекте.

Отмеченные обстоятельства подобного рода как бы открывают для нас некоторые неожиданные черты личности Ю. Сабиньского, важные для более полного представления о ее своеобразии. Перед нами — человек слова и принципа, раз и навсегда, до педантичности строго следующий морально-этическому жизненному кодексу, установленному им для себя самого. Указанные черты личности вполне определенно отразились и в интересующем нас важнейшем детище Ю. Сабиньского — его «Дневнике...».

Безусловно, всё отмеченное далеко не исчерпывает характеристики Юльяна Сабиньского во всей его противоречивой разносторонности. Можно полагать, что еще не одно специальное исследование будет посвящено подробностям истории жизни и деятельности этого видного польского представителя сибирской политической ссылки первой половины XIX в. и постепенно будут заполняться еще остающиеся в ней белые пятна.

Обращаясь непосредственно к тексту «поселенческой» части «Дневника моей неволи», отметим сразу, что в рамках

данной книги удастся представить лишь сравнительно небольшой, однако вполне репрезентативный ее фрагмент. В нынешнем книжном издании просто невозможно опубликование указанного источника в сколько-нибудь более полной форме. Попытка же аннотирования всего содержания «Дневника...» в какой-либо обновленной версии такового, некогда уже выполненного М. Яником, едва ли бы стала уместной, а тем более — корректной в научном понимании с позиций нынешнего нашего знания об этом источнике и возникших в соответствии с этим новых задач основательного его изучения и использования. Последний просто не вписывается в подобную форму в силу не только присущей ему объемности, но и многоаспектности его содержания.

Системная всесторонняя работа над «Дневником...» Ю. Сабиньского как уникальным и высокоценным источником проведена пока еще в пробном предварительном порядке. Настоящая публикация представляет ее результаты — перевод на русский язык оригинального текстового фрагмента указанного источника. Последний снабжен максимально широким и всесторонним научным комментарием к затронутым в нем фактографическим реалиям, а также предварен данным предисловием. Цель нынешней публикации состоит прежде всего в прямом ознакомлении отечественных специалистов и связанной с ними более широкой гуманитарной среды с самим характером и спецификой «Дневника...» на непосредственном, предметном уровне. Хотелось бы выразить надежду, что данное научно-издательское начинание пробудит закономерный интерес к этому обширному и ценному историко-культурному источниковому произведению, пока еще едва обозначенному в российском сибиреведении¹⁵.

¹⁵ Автором данного предисловия сообщались в отечественной научной литературе сведения об обнаружении подлинной рукописи «Дневника...» Ю. Сабиньского и давалась характеристика этого уникального

Остается пожелать, чтобы первое исследовательско-публикационное прикосновение к такому грандиозному источнику послужило конкретным стимулом к продолжению необходимой работы над ним. Ее конечным итогом должно явиться скорейшее полное включение в широкий научный и общественно-культурный обиход уникального по своему значению для сибирского источниковедения произведения польского хрониста в Восточной Сибири конца 30-х — 50-х гг. XIX в.

Б. С. Шостакович

исторического источника в нескольких информационно-исследовательских публикациях: Шостакович Б. С. Дневник Юльяна Сабиньского — уникальный источник по истории российско-польских связей в Сибири 1840—1850-х гг. // Историко-культурное наследие Восточной Сибири: науч.-практ. конф. / ВООПИК; Центр по сохранению историко-культурного наследия комитета по культуре Администрации Иркутской области.— Иркутск, 1994.— С. 25—26; Он же. Сибирский «Дневник моей неволи» Юльяна Сабиньского: поиски и находки по следам уникального исторического источника // Сибирская ссылка (XIX—XX вв.).— Иркутск, 2003.— Вып. 2 (14).— С. 82—93.

Dziewiętnaście lat
wyrwanych z mojego życia,
expli.

DZIENNIK
mojej niewoli i wygnania,
od roku 1838,
do 1857. łącznie.

Twista miłośći kochanej ojczyzny!
.....
Dla ciobie więcej, pęta nie zoligwe.
Krasicki.

Юльян САБИНЬСКИЙ

ДНЕВНИК МОЕЙ НЕВОЛИ*

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Поселение.— Большая возможность распоряжения собой и своим временем.— Почти годичное проживание в деревне.— Непрерывное пребывание в Иркутске в течение тринадцати лет.— Освобождение из изгнания с возвращением прав и свободой возврата на родину.

Di patrii! Servate domum,
servate nepotem.

Virgil[ius] ¹

В Иркутске, 16/28 дека[бря] 1843. Четв[ерг] веч[ером].

Я вздохнул свободней, оказавшись уже в городе. Правда, чувствую, что всегда нахожусь в изгнании, в неволе. Но, по крайней мере, нет у меня того опасения, что если задержусь здесь свыше указанного, разрешенного времени, то потом найдется кто-нибудь уполномоченный нахмуриться на такую самовольность, имеющий право подсчета моих шагов, слежки за моими действиями, распоряжения моим временем и личностью согласно своему чиновничьему разумению и обычно пользующийся этим правом не для какой-либо своей пользы и даже не по необходимости, но единственно затем, чтобы напомнить мне о моем положении, как если бы забыть о нем было вещью возможной!

* Перевод с польского Б. С. Шостаковича. Выполнен по рукописи «Dziwiętnaście lat wyrwanych z mojego życia czyli Dziennik mojej niewoli i wygnania, od roku 1838 do 1857 włącznie // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Dział rękopisów. Rkp. Nr 14465. K. 1135 / 33 — 1170 / 68.

Здесь занял я постоялый покой у гостеприимного и доброго ксендза Хачиского ², с которым и прибыл чрезвычайно промерзшим, ибо сегодня после теплых дней явился мороз, достигающий более 30 градусов и с достаточно резким ветром. Но хотя холод и неприятно ощущался, в особенности мною, не имеющим соответствующей теплой одежды, однако же я очень ненадолго задерживался на почтовых станциях, нетерпеливо стремясь оставить за собой большее расстояние от города, в котором был несколько лет как на цепи ³.

Переправа через Ангару была достаточно долгой и не слишком надежной из-за густых льдин, лишь с трудом позволяющих действовать веслами.

По прибытии сюда я сразу же пошел к Мацкевичу ⁴, который немало обрадовался моему появлению, но опечалил меня известием о плохом состоянии здоровья нашей подруги Адольфовой ⁵. А поскольку было еще довольно рано, то от него я с товарищем по сегодняшнему путешествию отправился на вечер к Йоахиму ⁶, где Адольфова живет со времени своего приезда в Иркутск. Застал я ее очень изменившейся. Мацкевич говорит, что уже миновала опасность, которая недавно ей грозила. Но мне всегда болезнь ее кажется достаточно страшной по причине состояния беспокойства и возбудимости, в котором бедная непрерывно пребывает. Сегодня как раз ее именины. А мысль ее о том, что первый раз этот день застал ее уже так далеко от дорогих существ, которых она покинула, хотя еще и далеко от мужа, с которым хочет соединиться, значительно ухудшает ее состояние.

Я не могу, как сам намечал, сразу поехать отсюда в Урик, так как хочу сперва написать своим ⁷, а писать я должен много. Рад бы я был немного пообщаться с моими земляками, которых так долго не видел, и дожидаться улучшения здоровья доброй Адольфовой, которая меня очень живо интересует. Следовательно, наверняка до праздников и в праздники ⁸ задержусь я здесь, а только потом переберусь на жительство в Урик.

17 пят[ница] в Ирк[утске]. Сказано мне, что княгиня Волконская сегодня сюда приехала и сразу же занемогла. Но поскольку она остановилась у губернатора, видеть ее я не мог, не будучи знакомым в том (губернаторском.— *Б. III.*) доме.

Беспрестанная суета и визиты не дали мне ни одной минуты свободного времени на письма домой. Поэтому я с радостью принял приглашение Мацкевича перебраться к нему: там я буду иметь угол, несколько более спокойный, чем у наших славных бернардинцев, у которых двери не закрываются для непрерывно входящих и выходящих людей разного рода ⁹.

18 суб[бота] в Ирк[утске]. Сегодня утром был у меня старший Поджио с объявлением, что княгиня Волконская, узнав о моем нахождении в городе, хочет меня обязательно увидеть ¹⁰. Я отвечал, что не менее того же желаю и еще вчера был бы у нее, когда бы не то, что она живет в доме губернатора, которому я незнаком. Поджио меня заверил, что смело могу там быть, ибо княгиня занимает особое крыло с отдельными въездом и двором, а затем настаивал, чтобы я с ним незамедлительно туда поехал, что я также исполнил. Княгиня проявила большую радость по поводу моего прибытия и готовности принять участие в воспитании ее сына. Об этом мы с ней достаточно долго говорили в общем виде, оставляя подробности для обсуждения на месте, то есть после праздников, которые (я предупредил ее) хочу провести здесь среди своих. Во время этого разговора пришла госпожа губернаторша Пятницкая, которой я был представлен г[оспожой] княгиней и которая сказала мне много любезностей о Немировском ¹¹ и о других моих товарищах.

19 воскр[есенье] в Ирк[утске]. С Лесьневичем я поехал к исправнику, г[осподину] Березовскому, от которого мы теперь непосредственно зависим как поселенцы. Я был там раз для знакомства со своим начальником, а повторно для

просьбы, чтобы не поручал заседателю (как требуют предписания) искать меня и отвозить в место моего поселения, но оставил это право мне самому, так как я собираюсь провести здесь некоторое время; но и потом имею намерение жить не в Грановщине, а в Урике. Он согласился на это, следовательно, по данному поводу не опасаясь никаких проблем.

Сильные морозы держатся без перерыва. Принужден я справиться здесь себе какую-никакую шубу, хотя и не рад этому: ведь придется одалживаться на это приобретение, чего до сей поры я усиленно избегал. Но нет способа поступить иначе. Впрочем, я уверен, что вскоре получу из дома материальное подкрепление.

20 по[недельник] в Ирк[утске]. Весь город занят прибытием доктора Thille, одного из сопровождающих сенатора Толстого, который уже вскоре должен здесь появиться.

«Сенатор» и «ревизия» — при различных передаваемых в связи с этим менее или более правдоподобных заключениях — вот главный и почти исключительный предмет разговора в каждом здешнем обществе.

Сегодня приехал сюда старый Волконский и сразу был у меня. Жена его, уже выздоровевшая, сегодня возвращается домой. Он просил меня, чтобы я поехал туда на несколько часов, предоставляя место в своих санях, с заверением, что завтра отвезет меня сюда. Я охотно принял это предложение. Должны мы поехать сегодня под вечер, пообедав у Лесьневича.

Того же дня в ночь в Урике. После почти двухлетнего отсутствия я был принят всем здешним обществом самым сердечным образом. Воистину мило наблюдать доброжелательные чувства к себе в доме, жителем которого я вскоре должен стать; также мило мне верить в искренность дружеских признаний, ибо что же бы заставляло этих уважаемых и добрых людей к двуличному со мной обхождению?

В дороге с Волконским, а здесь с обоими (супругами.— *Б. III.*) мы много говорили о воспитании. После ужина он долго за полночь задержался в комнате, где я должен был ночевать, обсуждая со мною разные обстоятельства столь важного предмета. Он познакомил меня с главнейшими чертами характера своего сына, особенными склонностями, не умалчивая и о некоторых недостатках. Мы разбирали, какие средства могут быть самыми действенными для развития первых и исправления последних, какое для этого мальчика может быть направление сообразно настоящему положению родителей, их желаниям и месту, какое их сын может занимать в обществе.

Оба (Волконских.— *Б. III.*) с полным доверием полагаются на объявленные им в данной ситуации мои принципы и образ мышления. Я же тем более ощущаю всю важность и святость порученной мне обязанности. Меня тревожат трудности ее выполнения так, как хотел бы этого и как они (Волконские.— *Б. III.*) надеются. Я не настолько самонадеян, чтобы не видеть, сколь значительно похвальные мнения обо мне и о моих способностях превосходят мою возможность оправдания выраженных с их стороны надежд. Потому-то несколько раз я им объяснил, что смело могу им поручиться только за искренность намерений моих, за добросовестную настойчивость в своих стараниях; что, сильно чувствуя, как много не хватает мне качеств, отвечающих почетному призванию, которое мне выпало, всегда буду рад искать их помощи в этом деле, изучать их пожелания, и что, имея возможность находиться в повседневном общении с лицами, более просвещенными и опытными, чем я, послушный всяческим их наставлениям, с благодарностью обращаю их на исправление невольных моих ошибок.

21 вт[орник] в Ирк[утске]. Уже совсем вечером я приехал сюда с Волконским и тотчас же поспешил к Йоахиму, жена которого получила письмо из Подолии от своей стар-

шей дочери с кратким упоминанием, «что все мои здоровы». Писала она это 25 сент[ября]. Не вполне меня успокаивает подобное известие при молчании моей семьи, которого не могу себе объяснить.

22 ср[еда] в Ирк[утске]. Познакомился с г. Яриным, молодым чиновником в губернской канцелярии, к которому относится экспедиция писем к нам и от нас. Снова ничего мне из последней почты. Есть только письма Адольфовой и Немировскому, которому я написал сегодня, отсылая ему письмо его отца. При этом сообщил и о здоровье Адольфовой, мало улучшившемся со времени моего приезда.

23 ч[етверг] в Ирк[утске]. Из-за непрерывно продолжающихся неустроенности и помех не мог еще окончить писем домой. Пишу обстоятельно моей матери, моим сиротам¹² и отцу. А матери Даровской и сестрам¹³ откладываю на позднейший срок. Может быть, первым получу от них письма. После праздников хочу быть в Усолье пару дней и надеюсь, что Немировский сделает тогда мой портрет, который намереваюсь послать Тэодоре¹⁴, как она того желала.

24 пят[ница] в Ирк[утске]. Ночью приехали сюда Филипп Олизар с Яцеком Гольнским¹⁵. Первый, пробыв несколько часов, поспешил назад, чтобы сегодня еще быть в сочельник в Александровске¹⁶. Яцек же останется здесь на праздники и позднее также намеревается находиться достаточно долго. Он поселен в Максимовщине, деревеньке отсюда в десяти верстах на реке Иркуте. Там уже есть поселенец Новицкий Наполеон¹⁷, с которым первый должен совместно жить и хозяйствовать.

Был сегодня у меня Волконский для выяснения, когда должен прислать лошадей за мной и моими вещами. Я просил, чтобы прислал их во вторник.

Сегодня на сочельник собралось у Йоахима несколько десятков лиц, одних соотечественников. Среди прочих: ксендзы Хачиский и Шайдевич, бедный Трынковский, квартиру-

ющий у них, все теряющий рассудок, два врача — Панкевич¹⁸ и Мацкевич, Гольныйский и я.

Адольфова кажется поздоровевшей. Но это лишь минутное улучшение, которое нас мало утешает... здоровье может возвратиться к ней только с прибытием ее мужа, а такового следует ожидать едва лишь через три или четыре недели.

Коллеги нашего Янишевского, внезапно заболевшего той ночью, не было с нами. Старания Панкевича принесли ему облегчение, но еще достаточно долго он не будет в состоянии двинуться из теплой избы. Уже поздним вечером я был у него, чтобы немного развлечь одинокого старца¹⁹.

Ломание облаткой²⁰ перенесло каждого в далекие семьи и опечалило эту минуту, некогда, среди своих, такую веселую.

25 суб[бота] Ирк[утск]. Ручиньский, наш коллега, сообщил Адольфовой, своей близкой родственнице, что генеральша Розен, их тетка, добилась для Рошковского разрешения на перемещение из Восточной в Западную Сибирь²¹. Генерал Руперт, получив о том правительственное уведомление, приказал спросить Адольфову, как она намеревается поступить. Но она не могла дать основательного ответа, оставляя его до прибытия мужа. Ручиньский сообщил еще, что «Мархоцкий²² получил [право на] возвращение в Россию, неизвестно куда именно».

26 воск[ресенье] в Ирк[утске]. Мне представился подходящий момент писать Немировскому, и я сообщил ему обо всех здешних новостях.

Когда бы не несколько коллег и земляков здесь и не дом Йоахима, а в нем приятное и занимательное общество Адольфовой, в особенности с момента, когда она уже менее страдает от болезни, то поистине пришлось бы умереть со скуки в этой благороднейшей столице Восточной Сибири.

27 пон[едельник] в Ирк[утске]. По случаю праздников письма мои и других на родину оказались отправлены толь-

ко сегодня. Я написал моей матери очень длинное письмо, предназначенное быть общим и для всей семьи. Среди иного просил их всех, чтобы наказали моим детям писать для меня такие дневнички, какие Адольфова получает от своей доченьки.

Просил притом о присылке мне 1 000 р[ублей] ас[сигнациями], добавляя, что этого хватит мне на два года. Вспомнил, что нуждаюсь в белье.

Писал также и милым моим сироткам с отцовскими, сообразно их возрасту, наставлениями. А кроме тех двух писем написал еще третье, отдельное, моему отцу с ответом на его письмо, полученное летом.

После обеда, взяв у Йоахима санки, человека и лошадь, я поехал в Разводную, чтобы навестить супругов Юшневских и Муравьева Артамона²³. Последнего я застал больным на *slinogarz*, и собственно при мне приехал к нему доктор Трубецких Персин²⁴. Таким образом, задержавшись там недолго, поехал я к Юшневским и очень приятно провел у них часа три. Юшневский, без сомнения, является одним из благороднейших и почтеннейших людей во всем обществе русских изгнанников 1826 г[ода]. Беседа его милая и вместе с тем поучительная. Он хорошо знает несколько языков. А что значительно удивительнее, он и нашим владеет в такой степени, что мог бы почитаться за родовитого поляка. Между собой мы все время говорили по-польски. Он рассказывал, что недостаток средств с родины на содержание уже два года как принудил его взять на себя обязанность воспитания трех мальчиков, сыновей иркутских жителей, за уговорную цену. Эти дети живут и столуются в его доме. Намечаю себе всегда бывать у Юшневского, сколько буду из Урика оказываться в городе, чтобы как можно больше пользоваться своими обязанностями в доме Волконских для поддержания ближайших отношений с таким человеком.

28 *вт[орник] в Ирк[утске]*. Я получил письмо от Волконского, который прислал за мной лошадей. Завтра еду в

Урик, но только на пару дней, поскольку Новый год хочу начать здесь, среди своих.

Получил письмо и от Немировского. Он сообщает, что мое присутствие в Усолье необходимо для подписания государственного акта, извещающего о нашем поселении²⁵. Но я там могу быть не скорее, как через несколько дней после Нового года, о чем хочу уведомить Леопольда.

29 среда] в Урике. Еще при первом свидании с княгиней в Иркутске, когда она спросила меня, как я жил в Усолье, я отвечал, что там несколько лет всегда нанимал отдельную квартиру и так привык к одиночеству, что отдельный, пусть самый малый уголок сделался для меня необходимой потребностью. Но сразу заметил, что она приняла эти слова за условие будущего моего пребывания в их доме. А потому, предполагая, что, быть может, нелегко им будет дать мне отдельную комнату, упрекнул я себя за эту неуместную откровенность и немедленно заявил, «что совсем не настаиваю на этом; что характер моего пребывания в Усолье, постоянно раздражающий различными тамошними неприятностями, невольно склонял меня к уединению, которое в столь отличающемся положении, которое ожидает меня у них, перестает быть для меня столь желаемым и необходимым, как там вначале. А затем я просил, чтобы в этом вопросе не причиняли себе малейших беспокойств». Она замолчала и уже об этом упоминаний между нами не было.

Находясь здесь в прошлый раз, сам убедился, что, несмотря на живейшее желание угодить мне во всем, дать мне отдельную комнату было бы невозможным делом, особенно теперь, когда оба Поджио живут в их доме, не слишком просторном. Итак, я был уверен, что окажусь помещенным с одним из них (братьев Поджио.— *Б. III.*).

Но как же я удивился, когда сегодня, вскоре после моего приезда, княгиня проводила меня наверх и там в одном из двух больших покоев показала на скорую руку специально сделанную перегородку большей половины, образующую от-

дельную и вполне удобную для меня комнатку. Она сама занялась ее устройством таким образом, чтобы всего хватало для удобства и удовольствия. Не забыла даже и о том, что если когда-то приедет сюда кто из моих товарищей, то я бы смог поместить его у себя; а потому в эту импровизированную комнату приказала внести диван, в случае надобности могущий служить в качестве кровати. При том же все это с таким вкусом, так хорошо было расставлено, что, несмотря на всю меблировку, остается у меня достаточное место для хождения. Словом, могу здесь быть совершенно самостоятелен, а выезжая из дому, могу замкнуть двери, чтобы дети либо кто из слуг не нарушили порядка.

30 ч[етверг] в Ур[лике]. С утра я пошел навестить г. Александра Муравьева и его жену. Неприятное овладело мною впечатление при входе в тот дом, который двумя годами ранее был так оживлен присутствием превосходного, повсеместно уважаемого и по всем понятиям почтенного человека. Родной его брат²⁶ ни своим просвещением, ни способом мышления и чувствования заменить его не в состоянии, как, в равной мере, воспитание и положительные качества госпожи Муравьевой делают ее значительно ниже княгини Волконской.

После обеда княгиня снова долго со мной говорила о своих детях. А позднее так направила разговор, чтобы узнать, какого я желал бы «трудов своих вознаграждения». На это я открыто отвечал, что ни сам ничего требовать не думаю, ни от них тоже не приму никакой оплаты, в каком бы виде они ее ни предлагали. Сильно удивило ее такое заявление, и она пыталась его опровергнуть всяческими способами. Я же, настаивая на своем, сказал: «что отнюдь не думаю, что принятие вознаграждения за свои труды могло бы быть унижающим; что, напротив, я глубоко убежден, что каждому делает честь находить в собственной работе средства для жизни и удовлетворения своих потребностей». Поэтому я просил, чтобы раз навсегда она поверила, «что не фальшивый стыд

либо дурно понимаемое, а в настоящем случае более чем когда-либо несвоевременное и заслуживающее порицания высокомерие (как она, казалось, заключила), но совершенно иные, весомые и справедливые в моих глазах причины руководят моим поведением».

А поскольку в начале разговора мы оба согласились на то, что взаимная искренность должна быть правилом в наших отношениях, княгиня имела право настаивать, чтобы я разъяснил ей эти «мои причины». В результате я тогда должен был напомнить ей все услуги, беспрестанно оказываемые ею, ее мужем и всем кругом русских изгнанников моим сотоварищам со времени нашего прибытия в Сибирь вплоть до настоящего момента, а в особенности всяческого рода помощь и поддержку при отправлении наших за Байкал, оказанные ими с подлинно братским чувством. Я сказал, «что такое их поведение кладет на весь наш коллектив долг неугасимой благодарности, отдавать который мы все желаем. А потому когда у меня сейчас представилась к тому возможность, я с наслаждением за нее хватаюсь, счастливый, если слабые мои способности и искренняя настойчивость в оправдании оказанного мне доверия хотя бы частично сумеют ответить взаимностью на этот долг, общий для всего нашего общества». Закончил я уверением, что «решения моего ничто поколебать не сможет». А заметив, что княгиня взволнована до слез, на иной предмет перевел эту беседу, которая вскоре, с приходом Волконского и обоих Поджио, стала общею.

Я очень рад, что уже произошло объяснение будущих отношений между нами и что мое пребывание в этом доме будет исполнением давнего намерения, задуманного еще при первом предложении, сделанном мне из Урика около трех лет назад, — намерения, не раскрытого никому из моих коллег. Да и к чему было говорить о вещи, осуществление которой до недавнего еще времени я считал немислимым?

Итак, теперь я имею поставленную перед собою определенную цель и рассматриваю это как самую большую цен-

ность сегодняшних [своих] отношений с Волконскими. Ибо чего же стоит жизнь без цели, какой была моя в Сибири до самой этой поры?

31 янт[ница] в Ирк[утске]. Возвратившись вчера из Урика, я сразу побежал к г. Яжыне²⁷, чтобы узнать о письмах с родины. Не нашел его дома. Повторно был там достаточно поздно, и снова его не было. Зато сегодня пошел к нему так рано, что застал его еще в постели. Но что мне с того, когда он всегда поет ту же самую печальную для меня песню, «что с почты для меня ничего нет»! Опасаюсь уже, не предвещает ли мне (сохрани, Бог!) столь долгое молчание всех моих какого-то несчастья.

ГОД 1844-Й

1 янв[аря] в суб[боту] в Ирк[утске]. Все находящиеся здесь товарищи и несколько других земляков, пребывающих на гражданской службе, собрались мы в доме Лесьневича, чтобы вместе начать новый год. Это первые пять лет, проведенных в изгнании. Под немного лучшей звездой начинается будущее. По правде говоря, это будущее всегда мрачно и печально. Но, по крайней мере, уже убyla из него та длинная полоса тяжких дней принудительного пребывания в местах, предназначенных для скверных преступников, и наказаний, может быть, еще превосходящих всю чудовищность таковых.

Так же как и первоначально, мы теперь отдалены от своих семей и от отчизны. Но немного утешает та мысль, что уже бывали и теперь порою случаются примеры возвращения на родину с поселения, тогда как такой перевод непосредственно с каторжных работ невозможно предположить. Что касается меня в теперешнем положении, то могу еще предсказывать себе изменения к лучшему: в связи с тем что уже располагаю свободой писать, мои письма должны вызвать

частые ко мне обращения. Только бы те послания, которые я сейчас выглядываю, не принесли мне какого-нибудь тяжелого известия.

2 воскр[есенье]. Генерал Руперт сегодня отослал Йоахиму письма с родины к нему и к Леопольду, прибывшие вчера на адрес генерала. Последнее из этих писем я хочу завезти Леопольду, намереваясь на этих днях быть в Усолье. Лесьневичу пишет дочь об освобождении Мархоцкого, не упоминая о жительстве [его] в России. Из этого можно бы заключить, что Мархоцкий получил возвращение на родину.

3 пон[едельник]. При лошадях, присланных из Урика, я получил очень вежливое письмо младшего Поджио (Александра). Но поскольку было уже довольно поздно, а еще я должен взять с собой г. Филадельфина²⁸, учителя из здешней гимназии, дающего в Урике уроки латыни, откладываю свой выезд на завтра. Но больше всего я хочу задержаться потому, что мне г. Яжына сказал, что только завтра он может знать, нет ли для меня письма в субботней почте.

4 вт[орник в Урике]. Ждал я сегодня до полудня писем от г. Яжыны. Но увы! ничего не получил для себя. Только для Олизаров получил бандероль с книгами, которые должен отдать им, когда теперь поеду в Усолье.

У княгини виделся со старым Дейхманом²⁹, сегодня прибывшим в Иркутск. Мне была приятна встреча с человеком, к которому я питаю глубокое уважение.

Сюда я приехал с ксендзом Хачиским, желающим сопутствовать мне и в Усолье.

5 ср[еда] в Александровске. После святой мессы, выслушанной сегодня утром в Урике, и раннего обеда выехали мы с нашим настоятелем. Посылка, которую я привез Олизарам, содержала несколько десятков номеров «Revue de Paris» 1843 г[ода], один том проповедей Скарги³⁰ и несколько книг для религиозной службы. Все это прислано из Подолии г[ос-

пожой] Ксаверой Грохольской, урожденной Бжозовской³¹ из Петничан Винницкого уезда. «Revue de Paris» и Скаргу из сегодняшней, а сочинения Скарбэка³² из давнишней посылки беру для чтения себе.

Заехал я здесь к Родзевичу³³, который теперь сам один хозяйствует, ибо Яцек остался в Иркутске, прежде чем перебраться к своему поселению. На чай и целый вечер я пошел к Фрыдерыковой³⁴, которой не видел около 2 лет.

6 четв[ерг] в Усолъе. Сегодня утром в Александровске, написав Волконскому при отсылке ему лошади, я приехал сюда с Родзевичем Игнацем.

Та мысль, что Усолъе уже не является моей тюрьмой, придала в моих глазах совершенно иной облик этому заводу.

Ксендз Хачиский сегодня также приехал сюда с Михальским Люцьяном³⁵. Но они и Родзевич завтра должны уехать назад. Я же дня на три задержусь на месте.

Леопольд так обрадовался моему прибытию, как если бы это случилось после очень долгого моего отсутствия.

Постановил он нарисовать мой портрет, но жаль, что сегодня начать этого не мог по причине пасмурного дня. Тем временем я сделал визиты Мевиусу и Дейхмановой³⁶. И у того и у другой я был принят самым любезным образом.

7 пят[ница] в Усолъе. Все утро было занято рисованием и беседой с дорогим товарищем, недавно моим хозяином.

Позднее навестил почтенного своего ученика Михайлова³⁷. Был на обеде у супругов Дейхманов, но скоро оттуда вернулся, чтобы дольше освежиться разговором с товарищами, а особенно с Леопольдом, которого люблю как родного брата.

8 суб[бота] в Усолъе. Еще более длительные, чем вчера, художественные заседания. Леопольд говорит, что портрет будет очень похож. Я был несказанно рад этому, ибо уверен, что это утешит дорогую Тэодору, которой я предназначаю

этот портрет. Снова был у Мевиуса и у Дейхмана. Первый выказывает мне много любезности. То же самое делает и его жена, хотя, может, догадывается, что я ее преднамеренным заявлениям не могу верить. Дейхманы оба так же держатся со мной, как всегда: доброжелательно, искренне, учтиво, без притворства и принуждения.

9 воскр[есенье] в Усолье. Хотел выехать сегодня после полудня. Но было это невозможно, поскольку, несмотря на всю спешку, Леопольд едва к часу дня сегодня сумел закончить мой портрет. После же обеда приехал Брониковский³⁸ и забрал у нас часа три, помешав Немировскому написать письма нашим, которые должны приехать из-за Байкала и с которыми я буду видеться, как только они остановятся в Иркутске.

После отъезда Брониковского, не желая пускаться в дорогу поздним вечером, отложил я поездку на завтра.

Любезный мой польский экс-ученик³⁹ нашел и нанял подводу прямо до Урика, и очень дешево, что является немалым выигрышем для моего тощего кармана.

10 пон[едельник] в Александровске. Почти всю ночь провел я без сна. Поэтому у меня сильно болит голова, столь значительно, что сегодня не мог уже поехать дальше, хотя в Урике наверняка ожидают моего возвращения. Но хочешь не хочешь я должен отдохнуть здесь до завтра.

11 вт[орник] в Алекс[андровске]. Сегодня утром прислал мне Фрыдерык сведения из письма Люцьяна⁴⁰, теперь находящегося в Ирк[утске], о том, что Мархоцкий не освобожден на родину, как мы полагали, но только получил перевод на жительство из Тобольска в Калугу. При этом Люцьян сообщает о печальном событии — смерти Вадковского⁴¹.

В т[от же] д[ень] в Урике ночью. В очень мрачном расположении духа я приближался к Урику, зная, что застану там всех, взволнованных кончиной такого милого им това-

рища и превосходного человека, каким был Вадковский. Я его кратко знал лично. Но есть люди, высшая ценность которых сразу же бросается в глаза, и именно к таким он принадлежал.

Однако при входе в здешний дом ждало меня еще большее непредвиденное потрясение, когда я услышал о внезапной смерти Юшневского, который, находясь вчера вместе с другими товарищами на погребении Вадковского в Оёке, совершенно здоровый, без каких-либо предшествующих болезненных проявлений, во время отпевания в церкви упал замертво у гроба Вадковского. Это происшествие невыразимо удручило всех. Чрезвычайное стечение обстоятельств делает его еще более ужасным. Хотя потеря Вадковского для всех очень болезненна, однако ее уже давно предвидели. Он прожил только до 44 лет, а таким образом, может, на десять лет моложе Юшневского, но очень слабого сложения, и на протяжении нескольких месяцев, пораженный тяжелой и неизлечимой болезнью, с каждым днем разрушался и угасал, зная о том, что его страдания должны кончиться не чем иным, как смертью. Врачи давно не скрывали этого от других и даже от него самого, а он с мужеством и полным сознанием разума ожидал последнего мгновения.

Но Юшневский, необыкновенно сильного телосложения и отменного здоровья, умеренный в жизни, спокойный, всегда ровный, возвышающийся над всяческими противоречиями, соединял в себе душу истинного мудреца со внешностью атлета, а это могло сулить ему более долгую, чем у других, жизнь. Его кончина, подобно удару грома, поразила всех.

Муравьев Никита, Вадковский Федор, Юшневский Алексей — трое самых цельных и достойных мужей во всем круге русских изгнанников — ушли в течение едва восьми месяцев при всеобщей скорби своих товарищей, нашего коллектива и всех знакомых.

Сегодня вечером прибыли сюда Фридерик Михальский с женой, вызванные Волконским для отвлечения его жены,

сильно удрученной нынешним потрясением. А завтра они должны отправиться в Разводную, где находится несчастная Юшневская, которая не могла поехать с мужем на похороны Вадковского и только сегодня узнала о безмерной своей утрате.

12 ср[еда] в Иркутске, ночью. Я приехал с Михальскими, которые, не задерживаясь в городе, поспешили к бедной вдове. Я застал здесь вызванных наших товарищей, чтобы со мной завтра в Разводной отдали они последний долг останкам почтенного мужа, сегодня перевезенным туда из Оёка. Утром я написал из Урика Немировскому и Щепковскому⁴², чтобы также поспешили на это печальное чествование. Но сомневаюсь, сумеют ли они это осуществить из-за краткости времени и местных препятствий. Сегодня приехал в Иркутск доктор Ян Орачевский⁴³, который получил царское разрешение возвратиться на родину и вскоре намеревается отправиться в это путешествие. Возобновил я с ним знакомство, некогда наспех состоявшееся в Киевской тюрьме.

13 ч[етверг] в Иркутске. Уже под вечер возвратился я из Разводной, где на похороны Юшневского собрались все его товарищи, поселенные в той округе. Из наших присутствующими были: Михальский с женой и сыном, Голыньский, Лесьневичова с сыном и я. Йоахим, Янишевский и Новицкий, сами больные, приехать туда не могли. Во время этого события я познакомился с двумя членами из общества русских изгнанников 1826 г[ода], до того не знакомыми мне лично: Сутгофом, поселенным в нескольких верстах от Урика, и Бечасным, который поселен по соседству с нашим Наполеоном⁴⁴. Согласно всеобщему мнению, эти двое оцениваются ниже других своих коллег.

14 пят[ница] в Ирк[утске] в полд[ень]. Поджио должен приехать за мной сегодня. Но до сих пор его не вижу и опасуюсь, не заболела ли Волконская и не это ли задержало его на месте?

В т[от же] д[ень] в Урике. Уже поздним вечером я добрался сюда с Поджио, который перед заходом солнца приехал за мной в город и застал меня в доме Йоахима, где я уже собирался провести вечер.

Оба мы сильно промерзли в дороге, поскольку после довольно мягкой в течение длительного времени погоды сегодня был мороз, достигающий 35 град[усов] R.

Княгиня Мария очень утомлена и ослаблена впечатлениями этих последних дней.

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В УРИКЕ

15 суб[бота]. Сегодня только вполне разобрался со своими вещами, уложив их все на предназначенном для каждой месте. До настоящей поры не мог этим заняться из-за непрерывной суеты и частых отлучек отсюда. Очень я доволен своей комнатой.

Сегодня также был у меня первый урок с моими учениками, то есть: с Михасем (Мишей, как его здесь зовем) Волконским и Павлом (Пашей), сыном Зверева⁴⁵. Последний уже два года находится в Урике, лечась у Вольфа. Волконские приняли его в свой дом, руководствуясь побуждениями человечности и надеждой, что таким благодеянием, оказываемым сыну, склонят и отца к лучшему обхождению с моими товарищами в Александровске. Но этой цели они не достигли, ибо Зверев вплоть до конца своего начальничества в Александровске всегда был для моих коллег хищным Зверем. Между тем Волконские, взяв уже к себе его сына (несколько лет тяжело и постоянно страдающего от золотушных высыпаний), привязались к этому мальчугану и проявляют к нему подлинно родительские чувства в такой степени, что заботятся о нем как о собственном сыне. Также и я не могу отказать ему в своих стараниях, во-первых, потому, что хочу со своей стороны поддержать благородные наме-

рения Волконских, а во-вторых, что рад буду сколько только смогу быть полезным в воспитании этого мальчика и таким способом отомстить его отцу за все неприятности и обиды моих коллег. Дни и часы как для моих, так и для других здесь сотоварищей занятий еще не определены окончательно. Собираемся об этом посоветоваться совместно и сделать постановление, которое должно служить правилом для всех.

Вот каковы предметы, которым мы будем обучать: Поджио Александр — всеобщая история и география; Поджио Иосиф — уроки музыки на фортепьяно детям Волконских, поскольку сын Зверева музыке не учится; Муханов Петр — математика и русская история; г. Филадельфин Алексей, учитель из Иркутской гимназии, — языки латинский и русский; княгиня Мария обоим своим детям дает уроки английского языка. В моем ведении находятся: язык французский, литература французская и язык немецкий. В первом оба мальчика довольно уже продвинулись стараниями Александра Поджио. Немецкий язык требуется начать с азбуки. Кроме этого я должен учить каллиграфии дочь Волконских и ровесницу ее, дочь Раевского из Олонок, здесь же воспитывающуюся⁴⁶. Но позднее наверняка прибудет для меня и латынь, поскольку его милость господин иркутский учитель в этом языке не силен.

16 воск[ресенье]. Были здесь сегодня из Иркутска: гг. доктор Тийе со своим сыном (недавно учеником Казанского университета), так же как его отец состоящим в свите сенатора Толстого, который еще не прибыл, но уже со дня на день ожидаем в Иркутске. Тийе-отец, кажется, просвещенный и благородный человек. Он был уже в Александровске, в Усолье и в Тельминской фабрике, осматривая больницы и аптеки. Везде там оставил хорошее впечатление о себе. Его сын скромный, вежливый и хорошо образованный молодой человек.

17 пои[еделецник]. Во время обеда приехали сюда г. Анрик Ришье, француз, с женой своей Юлией, девичья фамилия Ляни, также француженкой, уроженкой Таганрога. Он был прежде офицером французской армии. В Сибири находится в связи с поиском золота и осел тем временем в Красноярске, где его жена является домашней учительницей дочери господина Мясникова, одного из богатых владельцев золотых приисков. Оба приятны в обхождении и хорошо воспитаны. Сюда они прибыли за получением совета г. Вольфа⁴⁷ по поводу здоровья госпожи Ришье. Знакомы Волконским с прошлого года, когда были здесь с тою же самой целью. Теперь собираются провести несколько недель в Урике, откуда г. Ришье хочет поехать в Кяхту для сооружения там артезианского колодца и для других своих торговых замыслов.

18 вт[орник]. Михальский Фридерик с женой, которые до этого пребывали то в Разводной у госпожи Юшневской, то в Иркутске, сегодня появились здесь по пути своего возвращения в Александровск. Опечалили меня известием, что бедной Адольфовой снова хуже. Видимо, ее убивает беспокойство о муже, которого она так долго не может дожидаться.

Вскоре после приезда Михальских приехали супруги Зверевы, родители воспитывающегося здесь мальчика. Они, как я слышал, давно уже знают о моем пребывании здесь и об участии, что я принимаю в образовании их сына, которого наверняка захотят еще и от себя мне поручить. А тогда, похоже, дойдет и до открытого объяснения между мной и г. Зверевым и до укора его в подлости по отношению к моим коллегам, ибо я предвижу, что не сумею ни смолчать об этом, ни скрыть чувства, какие пробуждает во мне этот человек.

Сегодня я написал Тэодоре Хмелёвской при посылке ей моего портрета. Хотел также писать и матери Даровской и Казимире, но не имел на это достаточно времени. А при этом всегда надеюсь, что наконец получу так долго высматривае-

мые письма из дома. При этом сам призываю писать и заодно отвечать.

19 ср[еда]. Случилось точно так, как я предполагал. Сегодня супруги Зверевы перед отъездом поручили мне своего сына — каждый отдельно. Говоря с ней, я ограничился общим уверением, что с ее ребенком буду заниматься с той же самой заботливостью, которую уделяю молодому Волконскому, не проводя в воспитании их никакого различия.

Но когда пришлось мне затем говорить с господином Зверевым один на один в моей комнате, мне было невозможно не дать ему почувствовать, что способность сделаться полезным для его сына является для меня вождеденной, давая возможность отплаты господину Звереву добром за все грубости, притеснения и обиды, причиненные им моим товарищам, однако чувствительные и для меня как для члена того же самого коллектива; что каждому из нас подобает только такая месть и такую мы рады исполнить. Сначала он хотел представить себя человеком, не имеющим никакого отношения к укорам. Это меня неимоверно возмутило, а потому я прямо в глаза ему бросил все подлости, какие он допускал в течение нескольких лет. Я приводил факты, время, лица и слова. Смешавшийся, сломленный, принужден был он замолчать и наконец сам себя признать «виновным».

Только тогда я подал ему руку, объявляя, что отныне подобных попреков он от меня больше уже не услышит. Говоря о побуждениях взяться за образование его сына, я добавил, «что тот, кто такими руководим поводами, тем самым уже не может иметь в виду никакого вознаграждения за свои труды и что всякие какого-либо рода покушения на это четы Зверевых я воспринял бы как «личную обиду и не потерпел бы ее ни минуты». На этом окончился разговор, после которого они оба вскоре уехали. Я же, размышляя над своим поступком, доволен, что в этом столкновении уже сбросил то, что тяжестью лежало на сердце, ибо иначе мое поведение с этим человеком было бы фальшивым и вымучен-

ным, а это со временем может даже иметь вредное влияние на представления и чувства его сына.

20 чет[верг]. Сегодня утром с отъезжающими отсюда Михальскими я написал письмо Олизарам, приобщив к нему письмо к Густаву Олизару ⁴⁸, о котором они меня просили. Написал я также Немировскому, сообщая о том, что происходит в Иркутске и о моем здесь пребывании. Сообщил я также, что Вадковский, который был музыкантом-скрипачом замечательного таланта, завещанием, составленным в последние мгновения, передал свою превосходную скрипку нашему Щепковскому ⁴⁹. До сих пор она еще находится в Оёке. Следовало бы Щепковскому за ней приехать и познакомиться и со здешней семьей Трубецких.

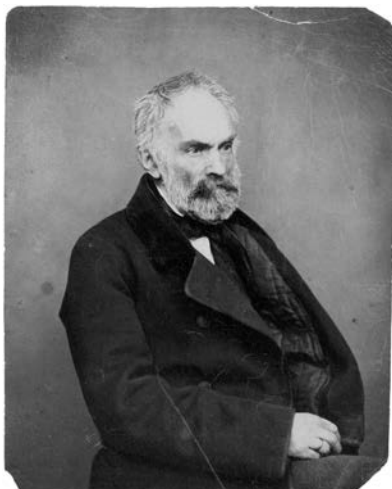
Каждый день нас здесь восхищает талант фортепьянной игры госпожи Ришье, талант необыкновенный, который мог бы быть по достоинству отмечен в каждой европейской столице. В том сходятся все здешние знатоки, а среди них княгиня Мария и Иосиф Поджио, оба так хорошо разбирающиеся в музыке.

21 пят[ница]. Чем ближе узнаю г. Петра Муханова, тем больше открываю в нем просвещенности и ценных достоинств. Он всегда приезжает сюда на полтора дня, то есть на пятницу и половину субботы, для дачи уроков математики и русс[кой] истории.

Г. Филадельфин, учитель латинского языка, также человек скромный и очень любезный. Этот приезжает на среду и половину четверга. Но с установлением нового распорядка предметов, может быть, дни их приезда и продолжительность каждого урока подвергнутся некоторой перемене, поскольку добавится у нас совершенно новый предмет — немецкий язык, на который наверняка придется искать время за счет убавления чего-либо из уроков обоих Поджио, Муханова и Филадельфина. Что касается английского, то он не занимает больше двух или трех часов в неделю.

22 суб[бота]. Волконские в прошлом году не выписали ни одной французской газеты. Но зато г. Ришье привез нам множество номеров «Журналь де Деба» от г. Давыдова, одного из российских изгнанников 1826 года, поселенного в Красноярске. Связка, присланная им теперь, содержит почти весь прошлый год. А таким образом, у нас есть что читать из новостей политических и литературных, прежде чем мы начнем получать другую газету, «Ле Съекль»⁵⁰, которую Волконский выписал на нынешний год, надеясь на первые номера в следующем месяце либо в начале марта.

23 воск[ресенье]. Посланный в город за письмами с почты привез от г. Яжыны письма для княгини и для Поджио с родины, но для меня оттуда ничего нет. Получил только из Тобольска письмо от доброго Кароля Мархоцкого. Он сообщает среди прочего под 21 дек[абря] прош[лого] г[ода], «что последний манифест, освобождающий 17 [ссылных] от [каторжных] работ [с переводом] на поселение, а двум из нашей группы сокращающий по пять лет из назначенного срока работ, содержит еще разрешение пани Фэлиньской и панне Вильчопольской, а также четверем мужчинам: Орачевскому, Станкевичу, Фэльштынскому и Верчиньскому⁵¹ возвращение в свои дома, а Мархоцкому перевод из Тобольска в Калугу». Пишет, что с трудом придется ему покинуть собственный домик, устроенный по своему же плану, и хозяйство. «Это последнее отдаю в опеку г. Козловскому» (наверное, также изгнаннику)⁵², «а дом свой хочу предназначить для проезжающих, а особенно (как он говорит) возвращающихся на родину поляков и для ксендза нашего на время краткого его там пребывания». Хочет, чтобы я ему написал, добавляя, что «будет ожидать этого в Тобольске». Я тоже хочу завтра его удовлетворить. В его письме есть упоминание о моей сестре Казимере, «что та, приехав в Одессу на купания, осталась там и на осень, а может и еще дольше, так понравилась ей Одесса». Жаль, что я не знаю, у кого она находится.

Юльян Сабиньский.
Фот. Нац. библиотека. Варшава

Рукописный титульный лист «Дневника...» Ю. Сабиньского. Библ. Оссолинэум. Отд. рукоп. Вроцлав

Начальная страница четвертой части «Дневника...» Ю. Сабиньского. Библ. Оссолинэум. Вроцлав

Ученик Ю. Сабиньского, сын
М. Н. и С. Г. Волконских
М. С. Волконский в зрелом
возрасте. С грав. Шюблера

М. Н. Волконская.
Акв. Н. А. Бестужева. 1837 г.

Декабрист С. Г. Волконский.
Акв. Н. А. Бестужева. 1840-е гг.

*М. К. Юшневская. Акв.
Н. А. Бестужева. 1838 (1839?) г.*

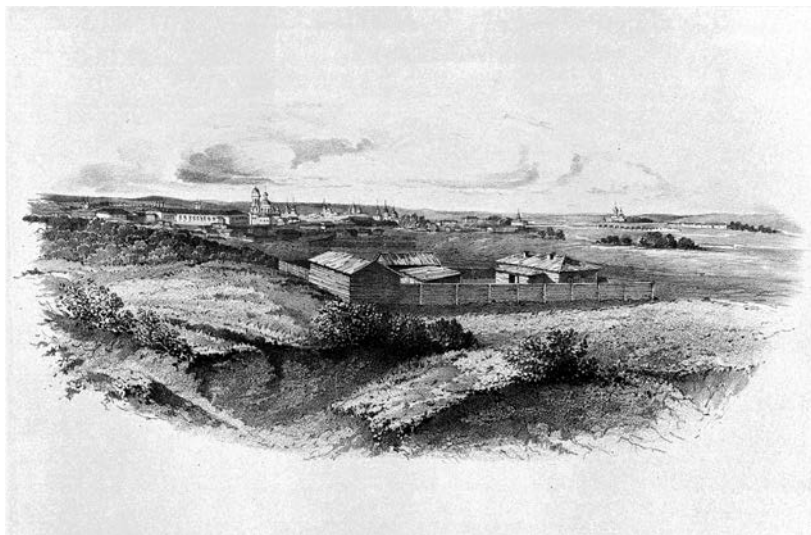
*Декабрист А. П. Юшневский.
Акв. Н. А. Бестужева. 1839 г.*

Вид Иркутска. Литограф. с рис. Л. Немировского

Декабрист Ф. Ф. Вадковский.
Акв. Н. А. Бестужева

Вид Иркутска. Литограф. с рис. Л. Немировского

*Декабрист А. В. Поджио.
Акв. Н. А. Бестужева. 1837 г.*

*Декабрист И. В. Поджио.
Дагеротип А. Давиньона. 1845 г.*

*Декабрист П. А. Муханов.
Дагеротип А. Давиньона. 1845 г.*

Богатая бурятка.
Литогр. с рис. Л. Немировского

Якутка в богатом наряде.
Литогр. с рис. Л. Немировского

Бродячие тунгусы. Литогр. с рис. Л. Немировского

И. Л. Медведников, супруг А. К. Медведниковой, иркутский купец-меценат, городской голова Иркутска (1841 – 1844 гг.) в пожилом возрасте

А. К. Медведникова, иркутская ученица Ю. Сабиньского, в пожилом возрасте

Ночлег в лесу. (В северных лесах). Литогр. с рис. Л. Немировского

24 пон[едельник]. Сегодня утром имел визит г. Фердинанда Вольфа. Позднее взялся за ответ на письмо Мархоцкого. Сообщил я ему вкратце о будущем занятии каждого из нас. Просил его, чтобы он часто обращался ко мне, ручаясь ему, что всегда буду отвечать и что позднее я пошлю ему так давно ему желательный и уже готовый перевод из Шиллера. Я только должен эту достаточно толстую тетрадь переписать на тонкой бумаге и мелким почерком, чтобы уменьшить объем свертка, который нужно приложить к письму.

На этих днях я имел предложение от госпожи Медведниковой, жены купца и бывшего недавно президента или бургомистра («головы») города Иркутска⁵³, желающей обучаться у меня немецкому и итальянскому языкам. Особа богатая сама и по мужу, она хотела бы употребить значительный капитал на то, чтобы повидать свет, и через год или два намеревается поехать в Германию, Италию и Францию. Поэтому была бы рада познакомиться с иностранными языками. По-французски, как утверждает старший Поджио, она уже хорошо понимает и говорит достаточно неплохо, но желает еще больше усовершенствоваться в этом языке и в музыке и просила об этом его и младшего Поджио. Побеседовав с княгиней Марией и обдумав с ней распорядок времени для меня и других учителей здесь [и определив], что я могу иметь два свободных дня в неделю, я просил Поджио, чтобы он от меня объявил госпоже Медведниковой, что только эти 2 дня и в каждый из них по 4 часа (2 на итальянский и 2 на нем[ецкий] язык) могу ей предоставить, прося за это 150 р[ублей] а[ссигнациями] в месяц. Сегодня Поджио вернулся из Иркутска и сказал мне, «что госпожа Медведникова согласилась на мои условия и занятия с ней должны начаться только в конце февраля либо в начале марта, то есть после ее возвращения из Кяхты, куда она должна отправиться в первые дни будущего месяца».

25 вт[орник]. Сегодня я писал Янушкевичу Адольфу⁵⁴, служащему в Омске, в канцелярии князя Горчакова, до того

некогда длительное время милого товарища, виновника или участника стольких незабываемых в моем сердце впечатлений. При сочинении письма через 14 лет, как мы не виделись, мысленно представилось мне, насколько огромна череда происшедших в его и в моей судьбе перемен, вызвав давние воспоминания и опечалив, тем паче что я должен был сдерживать прилив чувств и приказывать молчать словам, которые толпой теснились под пером...

Позднее получил письма Немировского и Щепковского. Последний, узнав о завещании Вадковского и сам по слабости здоровья не имея возможности сюда приехать, послал меня за скрипкой. Но поскольку не деликатно было бы мне напоминать об этом в Оёке, добрая Волконская с братским чувством выступила посредницей: написала Трубецкой, искусно заслонив Щепковского и меня от какого-либо впечатления нетактичности. Теперь наверняка эта скрипка будет сюда прислана. Ее ждет человек из Усолья.

26 ср[еда]. Княгиня Трубецкая с величайшей любезностью ответила на письмо Волконской, отсылая скрипку и богатый запас превосходных струн. При этом она выражает желание познакомиться со Щепковским, которому следовало бы сюда приехать, но сомневаюсь, станет ли его на это. Уже давно и я желаю быть в Оёке, куда самым доброжелательным образом был приглашен г. Трубецким, когда виделся с ним на похоронах Юшневского. На этих днях непременно хочу поехать туда. С тех пор как нахожусь в Сибири, повсеместно слышу о Трубецкой как о человеке, представляющем образец отечественных добродетелей, набожности, кротости и высокой просвещенности.

Долго писал в Усолье. К своему письму я приобщил дословную выписку из письма Трубецкой, чтобы побудить Щепковского сдвинуться с места, на котором он ржавеет, скиснувший и погрузневший.

Под вечер приехали гости из Иркутска, ранее мне знакомые: г. Голенковский, малороссиянин, чиновник, молодой че-

ловец, любезный и гладкий в обхождении, и г. Тийе-сын, а с ними г. Уоренд⁵⁵, англичанин, принадлежащий к свите сенатора, оригинальный, но хорошо воспитанный юноша.

27 *четверг*. Написал с утра госпоже Медведниковой с перечислением книг, необходимых для изучения немецкого и итальянского языков, чтобы она их выписала из Петерб[урга] или Москвы.

Замкнулся я в своей комнате с сочинением «De la Russie et de la France, enssietiens politiques par un inconnu, 1842»⁵⁶, привезенным сюда из города на короткое время. Мне нужно было быстро прочитать, и за этим я провел почти день и вечер. Но вижу, что мог распорядиться этим временем с большей пользой.

28 *пятница*. Несказанно приятно мы проводим здесь вечера. Прелестная игра госпожи Ришье, временами чарующее пение хозяйки дома со вторящими ей первой и ее мужем; избранное общество, оживляемое шутками и взаимной благосклонностью; всегда занимательная, а не вынужденная беседа — таковы ежедневные удовольствия, которые в моих глазах приобретают еще большую цену, когда сравниваю их с тоскливым пребыванием в Усолъе, так редко освещаемым приятными впечатлениями.

29 *суббота*. Сенатор, уже более года объявленный и ожидаемый с таким нетерпением и боязнью, вчера наконец появился в Иркутске. Кажется, что когда-нибудь я его увижу здесь, так как, будучи знакомым с некоторыми изгнанниками из здешнего общества, он, может быть, захочет их видеть. Но меня несказанно удивляет, что до сих пор еще не прибыли наши заморцы⁵⁷. Жду вестей об их появлении в городе, чтобы тотчас поспешить обнять собратьев после четырех лет принудительного [нашего] разделения.

30 *воскресенье*. Со времени, как нахожусь здесь, особенно неукоснительно обращаю внимание на знакомство со своими учениками, на изучение их склонностей, понятий,

недостатков и дурных привычек. Поэтому я стараюсь как можно больше быть с ними — как во время уроков, так и в часы развлечений либо общих собраний. Сыну Волконских 12 лет, Зверева — 14. Оба достаточно способные и имеют большое желание учиться. Первый лучше настроенный и с быстрым пониманием; второй гораздо трудолюбивее. У обоих доброе сердце. Но в чувствах первого удается замечать больше благородства, и не удивительно, ведь с колыбели он был иначе воспитываем, иные имел перед глазами примеры, подвергался более благотворным влияниям. В его поведении, в исправлении всяких его проступков словом, в моральном его воспитании достаточно будет приводить пример отца и матери как образец для подражания, а там родительская любовь и сыновья привязанность доставят самые действенные средства и разовьют самую стойкую склонность. С другим учитель уже не может прибегать к тем же самым столь простым и естественным методам.

Оба не лгут, ибо первый лгать не умеет, а второй избегает этого из боязни, как бы ложь не была замечена. Оба сильно рассеяны и чрезмерно разболтаны: Волконский — из-за большой живости, Зверев — вследствие приобретения этого недостатка как результата плохого воспитания. Однако, несмотря на излишнюю живость и младший еще возраст первого, тот обладает большим в сравнении с его товарищем благоразумием. Но если счастливый его нрав охотно располагает к нему каждого, то, с другой стороны, вид страданий, на которые маленький Зверев обречен непрерывно уже в течение нескольких лет и Бог ведает насколько еще долго, также вызывает доброжелательное сочувствие.

31 пон[едельник]. Приехали наши из-за Байкала. Волконский привез известие, что сегодня они остановились в городе. Но он говорит, что с Рошковским⁵⁸ прибыли только двое, а кто именно, не знает. Меня интересует, почему задержались другие. Завтра я поеду в Иркутск.

1 февраля в[торник] в Иркутске. Именно сегодня закончились 4 года с отправки наших из Усолья⁵⁹. Спустя столь долгую невозможность нам видеться с большим удовлетворением приветствовал я их. С Рошковским прибыли Грабовский и ксендз Яжына⁶⁰. Четверо других остались еще на месте для продажи домов и устройства торговых обстоятельств. Но порешили выехать дальше около 15 февраля. Появившиеся же здесь задержались со своим прибытием в связи с тем, что по причине праздников местное начальство опоздало с объявлением им освобождения и отправлением к нам. В Урике я предупредил, что задержусь тут дня на четыре; и, исключая два или три визита в городе, я хочу все это время посвятить коллегам.

Орачевский, доктор, сегодня выехал на родину, едва на час опередив мой приезд. Жаль мне, что уже не застал его, поскольку поручил бы я ему какое-нибудь сообщение моим.

2 ср[еда] в Ирк[утске]. С утра был у господ Зверевых для убеждения их в том, что уже после того, что я сказал ему при последнем разговоре в Урике, я не храню к нему никакой неприязни. Они, по-видимому, не ожидали моего посещения и вначале обнаружили некоторое замешательство. Я сделал вид, что этого как бы не заметил, и старался так держаться, как если бы между нами ничего не произошло. Это дало смелость г. Звереву, и вскоре он сделался чрезвычайно вежлив и предупредителен.

Затем я познакомился с будущей моей ученицей госпожой Медведниковой. Она приняла меня очень любезно, в самом начале извиняясь, что не написала ответа на мое письмо по той причине, что «сочла неприемлемым прибегать в обращении ко мне к русскому языку, во французском же не смела довериться своему с ним знакомству из опасения совершения ошибок». Несмотря на такое скромное суждение о себе, она достаточно бегло и неплохо говорит по-французски, чему я рад, ибо не с руки мне было бы вести будущее

обучение по-русски. Я был у нее с Иосифом Поджио, давним ее знакомым и дающим ей уроки на фортепьяно, также брат его Александр обещал ей дальнейшее обучение и упражнения во французском языке. Оба за уговорную цену.

Мы застали госпожу Медведникову одну, но вскоре пришел ее муж, довольно молодой, интересный, любезный и, как кажется, благоразумный человек. Он пригласил нас на обед. Поджио принял приглашение. Я был бы рад отказаться, но меня сдержало опасение, чтобы по русскому, а особенно [распространенному] в Сибири обычаю не был этот отказ принят за повод для обиды.

Госпожа Медведникова заверила меня, что после своего возвращения из Кяхты (куда она выезжает на пару недель), то есть в конце этого месяца, обратится ко мне, чтобы я знал, когда начать уже условленные с нею немецкие и итальянские уроки.

Оттуда я поехал к Йоахиму, где нашел всех собравшихся товарищей, с которыми остался до полуночи. Не было среди нас только Новицкого. Этот редко покидает свою квартиру в деревне, более других любясь собою в одиночестве. Хочу завтра нанять коней и поехать к нему, за 10 верст отсюда.

3 четверг] в Максимовщине ночью. Приехал сюда сегодня утром, имея намерение вечером вернуться в город. Но общество и беседа уважаемого коллеги Наполеона обладают для меня такой привлекательностью, его принципы и чувства так хорошо согласуются с моим образом мышления, что я с величайшей охотой удовлетворил его призыв братского гостеприимства и задержался здесь до завтра.

4 пят[ница] в Ирк[утске]. Госпожа Ксавера Грохольская из Петничан на Подолии с последним своим письмом к Фрыдерыковой прислала множество образков святых, предназначенных для всей группы политических изгнанников и наших женщин.

КОММЕНТАРИЙ*

- ¹ Эпиграфом к 4-й части своего «Дневника...» («Поселение») Ю. Сабиньский избрал стих из крупнейшей поэмы Вергилия «Энеида» со словами Анхиза, отца главного героя этого произведения — Энея: «Боги отцов! Лишь спасите мой род, мне внука спасите!» (Публий Вергилий Марон. Энеида. Книга вторая. Стих[и] 702 [687—703] / пер. С. Ошерова под ред. Ф. Петровского // Вергилий. Собр. соч. — СПб: Биограф. ин-т «Студия Биографика», 1994.— С. 157).
- ² О ксендзе Дезидэрыюше Хачиском (русифицированная версия транскрипции его имени и фамилии — Дезидерий Гациский) подробнее см. коммент. 9 к данной публикации фрагментов «Дневника...» и коммент. 34 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ³ Речь идет об Усолье (иначе называемом Иркутским солеваренным заводом), где автор дневника первоначально отбывал приговор к исполнению каторжных работ.
- ⁴ Мацкевич Тэофиль — доктор медицины. Был первоначально сослан на жительство в Оренбургскую губернию. Оттуда переехал в Восточную Сибирь. В Красноярске вел частную медицинскую практику, в Иркутске с 1845 г. занимал должность при генерал-губернаторе В. Я. Руперте. Летом 1847 г. вышел в отставку и выехал в Литву. (См.: Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. — Warszawa: Wyd-wo DiG, 1998.— S. 358—359).
- ⁵ Адольфова — так, в соответствии с польской разговорно-языковой традицией, автор дневника образует обращение к замужней женщине Антонилле Рошковской — из имени ее мужа и своего товарища, ссыльного конарщика Адольфа Рошковского. Антонилля Рошковская однозначно высоко оценивалась всеми польскими ссыльными в иркутский регион. О ней см., в частности, в данной книге коммент. 118 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ⁶ Имеется в виду товарищ Сабиньского по ссылке Йоахим Лесьневич. О нем подробнее см. в данной книге коммент. 87 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

* Выполнил Б. С. Шостакович.

⁷ Ю. Сабиньский так говорит об оставленных им на родине близких: своих родителях — отце Людвике (ум. в 1847 г.) и матери Юльянке Эльжбете, урожденной Рачиньской (ум. в 1848 г.), двух сестрах (рожденных своей матерью во втором браке) — Изабелле-Казимере (Казимире) (ум. в 1845 г.) и Идалии (ум. в 1883 г.), о собственных троих детях (см. о них коммент. 12 к «Дневнику...») и др. За уточнение подробностей по ряду из указанных персоналий комментатор выражает благодарность доктору Я. Трынковскому.

⁸ Автором «Дневника...» подразумевается связь описываемого периода с празднествами католического и православного Рождества и Нового года, объединяемыми 12-дневным периодом (вплоть до Крещения; 25 декабря (7 января) — 6 (19) января), именуемым в народной традиции Святками.

⁹ В описываемую в дневнике пору священнослужители католического костела в Иркутске, при котором первоначально остановился Ю. Сабиньский, принадлежали к монашескому ордену бернардинцев. Ими являлись ксендзы Д. Хачиский и К. Шайдевич. О них см. подробнее: коммент. 34 к воспоминаниям Ю. Ручиньского, а также коммент. 2 к данной публикации фрагментов «Дневника...».

¹⁰ Имеется в виду Поджио Иосиф Викторович (1792 — 1848), старший брат Поджио Александра Викторовича (1798 — 1873), — декабрист, отставной штабс-капитан, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, член Южного общества.

О княгине М. Н. Волконской и о ее муже князе С. Г. Волконском и их семье см.: коммент. 83 к воспоминаниям В. Мигурского, а также коммент. 43 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

¹¹ Немировский Леопольд — конарщик, товарищ Ю. Сабиньского по сибирской ссылке. Давал уроки рисования детям из семей высшей администрации региона. Подробнее см. о нем в данной книге коммент. 40, 80, 86 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

Пятницкая Любовь Александровна — супруга иркутского гражданского губернатора А. В. Пятницкого (о нем см. коммент. 84 к воспоминаниям В. Мигурского).

¹² «Своими сиротами» Ю. Сабиньский называет оставшихся на родине своих троих детей (сыновей Земовита (род. 1835), Оль-

герда (род. 1837) и дочь Хэмилду (род. 1838)). В начальный период ссылки автора «Дневника...», в 1839 г., умерла их мать и его жена — Пелягья (урожд. Даровская), оставив детей малолетними сиротами.

¹³ Речь идет о Даровской Катажине (урожд. Машкевич). Жена Кароля Даровского и мать Пелягьи, жены Юльяна Сабиньского, она доводилась тещей автору «Дневника...». За сведения об этой персоналии комментатор выражает благодарность доктору Я. Трынковскому. О сестрах Сабиньского — см. коммент. 7 к данной публикации.

¹⁴ Тэодора Хмелёвская — двоюродная сестра Ю. Сабиньского по брату его матери, Тадеушу Рачиньскому. Была замужем за Юзефом Хмелёвским. За сведения об этой персоналии комментатор выражает благодарность доктору Я. Трынковскому.

¹⁵ Олизар Филипп (ок. 1806 — после 1857) и Гольньский Яцек (1804—1846) — политические ссыльные конарщики, отбывавшие каторгу на Александровском винокуренном заводе.

Ф. Олизар в ноябре 1845 г. переведен на поселение в Олонский участок (сел. Олонское) Идинской волости Иркутского округа. После 1847 г. переведен назад в Александровский винокуренный завод (см.: Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII—XIX вв.).— Иркутск, 1995.— С. 88).

Я. Гольньский в ноябре 1843 г. обращен на поселение и числен в сел. Максимовском Жилкинской волости Иркутского округа (Там же.— С. 84).

¹⁶ Александровск (с. Александровское) — населенный пункт, где располагался Александровский винокуренный завод, служивший местом отбывания каторжных работ политическими ссыльными. См. об этом подробнее коммент. 78 к воспоминаниям В. Мигурского.

¹⁷ Яцек — Гольньский Яцек, ссыльный товарищ автора «Дневника...» (см. коммент. 15 к данной публикации фрагментов последнего).

Новицкий Наполеон (1800—1870) — политический ссыльный конарщик. По отбытии каторжных работ в Александровском винокуренном заводе и в Нерчинском заводе «перечислен»

- на поселение в июле 1841 г. в сел. Смоленское Жилкинской волости Иркутского округа, а в апреле 1842 г. переведен в сел. - Максимовское тех же волости и округа (см.: Шостакович Б. С. Указ. соч.— С. 87).
- ¹⁸ По всей вероятности, имеется в виду Панкевич Винценты — врач, выпускник Виленской медико-хирургической академии (1838 г.), в качестве «казенного» стипендиата направленный на службу в Иркутск и пребывавший там до 1851 г. В 1886 г. упоминался как вышедший в отставку штаб-лекарь, надворный советник. За сведения об этой персоналии комментатор выражает свою признательность доктору Я. Трынковскому.
- ¹⁹ Янишевский Людвик — политический ссыльный конарщик. О нем подробнее см. в данной книге коммент. 75 и 91 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ²⁰ Речь идет о традиционном католическом обряде взаимного преломления родными и близкими во время совместного рождественского ужина облатки — тонкого листка из пресного теста, служащего для причащения в католических храмах (хлебом — под видом тела Христова).
- ²¹ Приводимые сведения ср. с коммент. 90 к публикуемым в данной книге воспоминаниям Ю. Ручиньского и соответствующей ему страницей контекста последних.
- ²² О Мархоцком Кароле подробнее см. коммент. 97 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ²³ О них подробнее см. коммент. 81 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ²⁴ Персин Иван Сергеевич (1804—1858) — врач, первоначально работавший в Кяхте и лечивший декабристов в Петровском Заводе. Затем служил в Иркутске, был в добрых отношениях с кругом местных декабристов. Являлся другом семьи Трубецких и был уполномоченным Е. И. Трубецкой по делу о разделе наследства, оставшегося после смерти ее матери А. Г. Лаваль.
- ²⁵ Согласно выявленным официальным документам, Ю. Сабиньский был переведен из каторжных работ на поселение в ноябре

1843 г. и причислен в сел. Грановское Кудинской волости Иркутского округа (см.: Шостакович Б. С. Указ. соч.— С. 89).

- ²⁶ Сабиньским проводится сравнение между братьями-декабристами Муравьевыми: Александром Михайловичем (1802—1853) — корнетом, членом Северного общества, и его братом (ко времени занесения автором «Дневника...» данной записи незадолго до того умершим и похороненным в сел. Урике (28 апреля 1843 г.) Никитой Михайловичем (1795—1843), капитаном, участником заграничных походов, одним из основателей Союза спасения и Союза благоденствия. Н. М. Муравьев являлся также одним из правителей Северного общества и автором проекта конституции будущего Российского государства.

Супругой А. М. Муравьева (с 1839 г.), которую Ю. Сабиньский по ее качествам расценивает «значительно ниже княгини М. Н. Волконской», являлась Жозефина Адамовна Бракман (ок. 1814 — ?), уроженка Эстляндии, служившая гувернанткой в семье иркутской купчихи Е. Медведниковой.

- ²⁷ Яжына Леопольд (ок. 1817—1850) — политический ссыльный конарщик. По отбытии сокращенного ему срока каторжных работ был причислен на поселение в ноябре 1843 г. в сел. Новоямском Жилкинской волости Иркутского округа (см.: Шостакович Б. С. Указ. соч.— С. 88).
- ²⁸ Учитель Иркутской мужской гимназии Алексей Филадельфин обучал сына С. Г. и М. А. Волконских частным образом.
- ²⁹ Об О. А. Дейхмане см. коммент. 36 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ³⁰ Скарга Пётр (подлинная фамилия Повэнский) (1536—1612) — деятель религиозной контрреформации, теолог, проповедник, писатель. Происходил из мещан. С 1569 г. — член ордена иезуитов. Организатор иезуитских коллегий в Польше и Лифляндии. Первый ректор Виленской академии (1579—1584). Придворный проповедник польского короля Зыгмунта III (1588—1612). Сторонник усиления королевской власти в Польском государстве и противник религиозной веротерпимости.
- ³¹ Грохольская Ксавера (урожд. Бжозовская) (1807—1872) — польская помещица из Винницкого уезда (повята) Подольской

губернии. Ее родовое имение Петничаны управлялось, наряду с аналогичным же — Васильевкой, владением ее подруги и единомышленницы Ружи (Розалии) (урожд. Лубеньской) Собаньской (1799—1880), родным братом Ксаверы, Каролем Бжозовским, и оба были превращены в материальное и организационное средоточие созданного ими совместно нелегального Комитета Опеки над польскими политическими ссыльными. С 1843 г. этот комитет осуществлял активную деятельность по пересылке денежной и вещественной помощи репрессированным деятелям польского национально-освободительного движения — в Сибирь, Приуралье и на Кавказ. За это К. Грохольская и Р. Собаньская подвергались преследованиям властей. Первая вместе с мужем была в 1852 г. подвергнута тайному надзору полиции, а в 1855—1856 гг. высылалась в Ярославль. Вторая — последовала за своим мужем Людвигом Собаньским (1791—1837), членом Польского Патриотического общества, в ссылку в Пермь (1831—1833 гг.), где уже начала проявлять свою заботу о польских политссыльных. (См.: Śliwowska W. Op. cit.— S. 189—190; 560.)

«Revue de Paris» — «Парижское обозрение» — название французского периодического издания.

- ³² Скарбэк Фрыдерык (1792—1866) — экономист, историк, педагог, писатель-публицист. С 1818 г. — профессор Варшавского университета. Идеолог либерализма, теоретик капиталистических общественных отношений, пропагандист принципов английской политической экономии. Автор многочисленных работ.
- ³³ Родзевич Игнацы (ок. 1797—1800 — после 1857) — политический ссыльный конарщик. Первоначально был распределен для отбывания каторжных работ «в Нерчинские заводы», но, по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Руперта, оказался оставлен в Александровском винокуренном заводе «для призрения» своего престарелого родственника (отчима) Ежи Олеша, также ссыльного конарщика. Об этом см. подробнее: Шостакович Б. С. Указ. соч.— С. 60, 65—66, 158 (гл. 1.4; примеч. 6).
- ³⁴ Фрыдерыкова — имеется в виду жена Фрыдерыка Михальского (ср. с коммент. 5 к фрагментам данного «Дневника...»), Франчишка Ксавэра. О ней и о ее супруге подробнее см. в данной книге коммент. 19, 20, 89 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

- ³⁵ О Люцьяне Михальском см. коммент. 19—20, 89 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ³⁶ Об А. П. Мевиусе см. коммент. 36 к воспоминаниям Ю. Ручиньского. Дейхманова — супруга горного инженера Дейхмана Оскара Александровича.
- ³⁷ Михайлов — усольский полицмейстер, обучался у Сабиньского польскому языку. В 1844 г. он занял должность геометра на частных золотых приисках в Енисейской губернии. За уточнение сведений об этой персоналии публикатор выражает признательность доктору Я. Трынковскому.
- ³⁸ Брон[н]иковский Ян (в русскоязычной версии — Иван Викентьевич) — иркутский полицмейстер с 1840 г. Позднее — управляющий Тельминской казенной мануфактурой. Происходил с украинской Подолии. Ю. Сабиньский был с ним знаком еще по Каменец-Подольскому. За уточнение сведений об этой персоналии публикатор выражает признательность доктору Я. Трынковскому.
- ³⁹ Своим «экс-учеником» Ю. Сабиньский именует ранее упомянутого усольского полицмейстера Михайлова. См. коммент. 37 к данной публикации фрагментов «Дневника...».
- ⁴⁰ Речь идет о сыне Фрыдерька Михальского, Люцьяне. См. коммент. 35 к данной публикации фрагментов «Дневника...».
- ⁴¹ Вадковский Федор Федорович — декабрист. О нем подробнее см. в данной книге коммент. 141 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ⁴² Щепковский Вольфганг (1801 (1807) — 1857). О нем см. в данной книге коммент. 40 и 89 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ⁴³ Орачевский Ян (1806 (1809) — ?) — политический ссыльный конарщик, врач по специальности. Отбывал ссылку «на житьё» вначале в Киренске, а затем в Верхнеудинске (ныне — Улан-Удэ). Разрешение возвратиться на родину получил в октябре 1843 г. (см.: Шостакович Б. С. Указ. соч. — С. 92).
- ⁴⁴ Имеется в виду Новицкий Наполеон (см. коммент. 17 к данной публикации фрагментов «Дневника...»).

Сутгоф Александр Николаевич (1801 – 1872) – декабрист, поручик лейб-гвардии гренадерского полка. Член Северного общества. Участник восстания 14 декабря 1825 г. По отбытии срока каторги обращен на поселение в Иркутской губернии: в слободе Введенщине Жилкинской волости (июль 1839 г.), с. Куде (апрель 1841 г.), с. Малая Разводная (с июля 1842 г.). В мае 1848 г. отправлен из Иркутска – рядовым в Кавказский отдельный корпус.

Бечаснов (Бечасный) Владимир Александрович (1802 – 1859) – декабрист, прапорщик 8-й артиллерийской бригады. Член Общества соединенных славян. По окончании срока каторжных работ обращен на поселение в с. Смоленщине Жилкинской волости Иркутского округа. После амнистии (в августе 1856 г.) остался в Сибири. Жил и умер в Иркутске.

⁴⁵ Сабиньским в «Дневнике...» написано буквально: «Зверова». Речь идет об управляющем Александровским винокуренным заводом, где отбывали каторжные работы наряду с уголовными заключенными также и политические, в большинстве своем поляки.

⁴⁶ Поджио Александр Викторович (1798 – 1873) – декабрист, подполковник в отставке, член Северного и Южного обществ. Поджио Иосиф Викторович, декабрист (см. коммент. 10 к данной публикации фрагментов «Дневника...»).

Муханов Петр Александрович (1799 (1800) – 1854) – декабрист, штабс-капитан, член Союза благоденствия. По отбытии каторжных работ в 1832 г. обращен на поселение в Братский острог Нижнеудинского округа Иркутской губернии. В 1842 г. переведен в с. Усть-Куда Иркутского округа. Разрешено по болезни пребывать в Иркутске, где и умер.

Раевский Владимир Федосеевич (1795 – 1872) – декабрист, майор. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Член Союза благоденствия и Южного общества. С 1822 г. находился в заключении. В 1827 – 1856 гг. – на поселении в сел. Олонском (совр. Олонки) Иркутского округа.

⁴⁷ Здесь и далее Ю. Сабиньским упоминается Вольф Фердинанд (Христиан-Фердинанд) Богданович (Бернгардович) (1796 (1797) – 1854) – декабрист, коллежский ассессор, штаб-лекарь,

доктор при полевом генерал-штаб-докторе 2-й армии. Член Союза благоденствия (1820) и Южного общества.

⁴⁸ Олизар Густав (1798–1865) – граф, представитель польской шляхетской землевладельческой аристократии, общественный деятель, издатель, литератор, поэт, публицист, коллекционер произведений искусства, путешественник. Политссыльным в Сибирь братьям Каролу и Филиппу Олизарам он доводился двоюродным братом. В молодости испытал безнадежную любовь к Марии Раевской, будущей жене декабриста С. Г. Волконского (о последних см. коммент. 10 к данной публикации фрагментов «Дневника...»). Несколько лет провел в Крыму, где приобрел в собственность земельный надел (в этой местности в наши дни располагается знаменитый детский лагерь Артек). Именно там состоялось знакомство Г. Олизара с поэтами А. Мицкевичем и позднее – А. С. Пушкиным. В 1823–1826 гг. он избирался предводителем дворянства Киевской губернии. Находился в контактах с участниками польских масонских организаций данного региона и Южного общества декабристов. За это в начале 1826 г. подвергся аресту и следствию в Киеве, а затем в Петербурге, однако был освобожден от дальнейших репрессий за отсутствием прямых улик. Известно, что знакомство Ю. Сабиньского с Г. Олизаром состоялось еще перед сибирской ссылкой первого, но более конкретные его обстоятельства не до конца выяснены.

⁴⁹ Сведения по изложенному поводу см. также: Шостакович Б. С. Указ. соч. – С. 42, 154 (гл. 1.3; примеч. 67–68).

⁵⁰ Давыдов Василий Львович (1793–1855) – декабрист, отставной полковник, поэт. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. В 1812 г. был адъютантом при князе Багратионе. Член Союза благоденствия и Южного общества. Осуществлял связь Южного общества с Северным. По отбытии срока каторжных работ (приговор к вечной каторге изменен на 20 лет в 1826 г., до 15 лет – в 1832 г., до 13 лет – в 1835 г.) в июне 1839 г. обращен на поселение в г. Красноярске, где и умер.

Названия упомянутых в дневнике французских периодических изданий, поступавших к польским ссыльным через их окружение: «Жорна́ль де Деба́» – «Дискуссионная газета», «Ле Сьекль» – «Век».

⁵¹ В составе упомянутых в данном списке лиц, получивших в конце 1843 г. право возвращения из ссылки на родину, имелись в виду участники польского освободительного движения, высланные из пределов исторической Речи Посполитой (то есть из регионов Великого княжества Литовского, включая Украину, Литву и Белоруссию) в различные внутренние регионы Российской империи, не ограниченные пределами Сибири, но и включающие ряд европейских областей.

Из фигурирующих в этом перечне лиц см. в данной книге: о К. Мархоцком — коммент. 97 к воспоминаниям Ю. Ручиньского; об Э. Фэлиньской — коммент. 55 к воспоминаниям В. Мигурского и коммент. 1 к воспоминаниям Ю. Ручиньского; о П. Вильчопольской — коммент. 17 к тем же воспоминаниям; об Я. Орачевском — коммент. 43 к настоящей публикации фрагментов «Дневника...».

Из прочих упомянутых: Козловский Миколай (ок. 1796—1849), ссыльный за причастность к Обществу филаретов. После различных перемещений властями по отдаленным регионам России, где он главным образом учительствовал, в 1839—1849 гг. до конца жизни преподавал в тобольской гимназии латинский язык (см.: Śliwowska W.; & Op. cit.— S. 300—301).

Станкевич Александр (1799—1879) — врач, происходил из Подолии. В 1838 г. «за контакты с лицами, которые обвинены в преступных антиправительственных замыслах», был отправлен в Симбирск, где занимал должность врачебного помощника. В 1843 г. получил высочайшее соизволение на возвращение в Киев (см.: Śliwowska W. Op. cit.— S. 571).

Фэльштынський Станислав (род. ок. 1804 г.) — польский дворянин из Подолии, адвокат. В 1840 г. ссылался под надзор полиции в Олонецкую губернию за «неподобающий образ мыслей». В октябре 1843 г. получил помилование и право возвращения на родину. Полицейский надзор был снят с него лишь в 1856 г., но при этом оставлен запрет выезда за границу (см.: Ibid.— S. 160).

Верчиньский Юзеф (ок. 1783 (1785) — 1849) — польский дворянин с Волыни, «по политическому подозрению» выславшийся «во внутренние губернии» Российской империи. Осенью 1843 г. возвращен на Волынь, где подвергнут тайному полицейскому надзору (Ibid.— S. 664).

- ⁵² По всей вероятности, речь шла о Козловском Николае (ок. 1796 — 1849) — воспитаннике Виленского университета, участнике общества филаретов. Первоначально учительствовал в Ковно и Житомире. Был выслан во внутренние российские губернии, отдаленные от региона исторической Речи Посполитой. Преподавал в Пермской гимназии латинский и французский языки, но после рапорта местного губернатора о поддержании им отношений со ссыльными участниками польского Ноябрьского восстания и выражения своей откровенной симпатии их деятельности был в 1831 г. выслан в Якутск, а затем переведен в Тобольск, где вплоть до своей смерти продолжал служить учителем латинского языка в тамошней гимназии и пользовался уважением и признанием школьного начальства. (См.: Śliwowska W. Op. cit. — S. 300 — 301.)
- ⁵³ Медведникова Александра — представительница иркутской купеческой династии, известной своей состоятельностью и благотворительностью. По всей вероятности, речь идет об Александре Ксенофоновне Медведниковой (ок. 1824 — 1899) — дочери купца К. М. Сибирякова и жене Ивана Лог[г]иновича Медведникова (1807 — 1889) — иркутского купца 1-й гильдии, крупного золотопромышленника-миллионера и мецената, коммерции советника (с 1839 г.), потомственного почетного гражданина (с 1887 г.). В 1841 — 1844 гг. он являлся иркутским городским головой. По завещанию своей матери Елизаветы Михайловны и в память о ней вместе с братом Лог[г]ином Лог[г]иновичем он стал учредителем и попечителем известного Сиропитательного дома для девочек им. Е. М. Медведниковой и одноименного банка при нем, приобретшего значение первого общегородского банковского учреждения. Перебравшиеся в середине 1840-х гг. в Москву, супруги Медведниковы не оставили попечением свои иркутские дела, параллельно активно занимаясь благотворительством и в Москве (сооружение там нескольких больниц, богаделен, храмов и школы). В 1901 г. в Иркутске на средства А. К. и И. Л. Медведниковых была создана больница для хроников. Александра Ксенофоновна стала первой женщиной в Иркутске, удостоенной в 1899 г. звания почетной гражданки. Большая часть капитала была завещана ею на благотворительные цели. (Основано на: Энциклопедический словарь Иркутск. Издание осуществлено для

- общественного обсуждения.— Иркутск, 2006.— С. 218—219; Зуева Е. А., Гаврилова Н. И. Медведникова Александра Ксенофоновна // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири.— Т. 3 (Л.— М). Кн. 1 / под ред. А. С. Зуева, В. П. Зиновьева.— Новосибирск: РИПЭЛ, 1996.— С. 97.
- ⁵⁴ Янушкевич Адольф. О нем см. подробнее коммент. 76 к воспоминаниям В. Мигурского.
- ⁵⁵ Уоренд — имеется в виду англичанин, находившийся в свите сенатора И. Н. Толстого, проводившего ревизию Восточной Сибири. Более подробные данные о нем пока не удалось установить. Исходя из написания этой фамилии, не вполне типичной для английской фонетики (Warrand), публикатор допускает, что в оригинале она могла писаться как Warran — Уор[р]ен.
- ⁵⁶ «Из России и Франции беседы о политике [от] неизвестного. 1842».
- ⁵⁷ Заморянами (заморцами) Ю. Сабиньский иносказательно называет товарищей по ссылке на каторгу, отбывавших ее за Байкалом. Это озеро в сибирской традиции почтительно именуется «морем». Отсюда и происхождение данного слова.
- ⁵⁸ Рошковский Адольф. См. о нем в данной книге коммент. 16 и 116 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ⁵⁹ Речь идет о перемещении в Забайкалье группы ссыльных конарщиков из общего числа первоначально размещенных для отбывания каторжных работ на так называемом Иркутском солеваренном заводе, в Усолье, распределенных по различным центрам Нерчинских горных заводов.
- ⁶⁰ Грабовский Фортунат — политический ссыльный конарщик. См. о нем коммент. 121 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
О Н. Яжыне, католическом священнике, брате Леопольда Яжыны (о последнем см. коммент. 27 к настоящей публикации фрагментов «Дневника...») см. коммент. 17 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

Агатон ГИЛДЕР

ИРКУТСКИЕ РЕПОРТАЖИ

ГЕРОДОТ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРЬ

Агáтону Гиллеру (1831 – 1887) безусловно принадлежит совершенно особое место в многочисленном ряду поляков – исследователей Восточной Сибири и историков польской ссылки в этот регион. Однако ни само имя Гиллера, ни деятельность его (прежде всего в той ее части, что относится к России в целом и к Сибири как к ее составному элементу) в отечественной историографии еще далеко не известны в той степени, в какой они этого заслуживают. В дореволюционной русской литературе можно, пожалуй, выделить отведенный ему один абзац в обширном труде известного либерального историка-литературоведа А. Н. Пыпина. Для своего времени (1892 г.) этот фрагмент работы ученого отличался информативностью и не лишены оригинальности оценками. Впрочем, об этом факте автор данных слов напоминает, вероятно, впервые через сто с лишним лет после выхода книги Пыпина о так называемой (в особом понимании этого ученого) русской этнографии.

В ряде советских работ содержатся фрагментарные упоминания об А. Гиллере – в основном в связи с его активным участием в событиях польского Январского восстания 1863 г. Внимательные и дотошные ученые, знатоки специальной русскоязычной литературы на данную тему могли бы также дополнить этот перечень, во-первых, теми или иными замечаниями, относящимися к сибирскому периоду жизни А. Гиллера, которые встречаются в контексте отдельных исследований известного историка-полониста В. А. Дьякова, а во-вторых, обращениями к оценке вклада Гиллера в сибирь-

ско-польскую историографию и к выявлению документальных данных о его пребывании в «сибирском изгнании» — в нескольких очерках по названной тематике автора этих строк¹. Определенные шаги в разработке данного направления были предприняты автором этого предисловия и польской его коллегой, профессором В. Сьлизовской, совместно подготовившими первый на русском языке специальный очерк о Гиллере как о польско-сибирском историке-публицисте. Указанная работа сравнительно недавно вышла в свет в продолжающемся в Иркутском госуниверситете издании специализированного научного сборника по истории ссылки в Сибирь². В Польше фигура Агатона Гиллера, конечно же, несравненно более знакома широкой публике, и в ее изучении уже немало сделано специалистами³.

Однако создание всесторонней историко-биографической работы, посвященной данной неординарной личности, все еще

¹ В первой группе названных работ см.: Пышин А. Н. История русской этнографии. — СПб., 1892. — Т. 4. — С. 315; История Польши. — М., 1955. — Т. 2. — С. 107, 114, 116—120, 128 и др.; Миско М. В. Польское восстание 1863 года. — М., 1962. — С. 68, 103—106, 130—131, 138, 144 и др. Вторая представлена следующими исследованиями: Дьяков В. А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного. 1801—1890 гг. — М.: Наука, 1972. — С. 6, 140, 159—160 и др.; Шостакович Б. С. Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX — начале XX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1985. — Вып. 9. — С. 4—5; Он же. Ссылные поляки — участники тайных национально-освободительных организаций и революционного движения 1848 года — в Восточной Сибири (в отражении документов Государственного архива Иркутской области) // Там же. — Иркутск, 1987. — Вып. 10. — С. 30, 36, 42—43; ряд других работ того же автора.

² См.: Сливовская В., Шостакович Б. Агатон Гиллер как исследователь Восточной Сибири и первый историк сибирской ссылки поляков // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. — Иркутск, 2000. — Вып. 1 (13). — С. 8—34.

³ Из довольно значительного круга польских работ, в той или иной мере касающихся фигуры А. Гиллера (помимо работ З. Либровича, М. Яника,

остаётся задачей будущего. При этом системное современное изучение и осмысление оставленного Гиллером сибирского наследия является проблемой равно актуальной и для польской, и для российской истории общественной мысли и культуры.

Данное предисловие, естественно, создавалось его автором с учетом ранее названного его совместного с В. Сьливовской очерка об А. Гиллере, ибо и та, прежняя, и нынешняя работы имеют сходные задачи. Но в данном случае представлен уже в сущности иной, самостоятельный вариант эссе о Гиллере. Основное его назначение — максимально приблизить к читателю своеобразную и далеко не однозначную личность Агатона Гиллера. Это важно для того, чтобы в ходе знакомства с оставленной Гиллером обширной и совершенно уникальной мемуарно-публицистической и исторической сибирской литературой ощутить и понять природу, пожалуй, только ей присущих столь своеобразных стиля и характера, отчетливо отразивших в себе идейно-мировоззренческие и психологические черты самого ее создателя.

Существуют вполне реальные основания для того, чтобы в биографии и судьбе Агатона Гиллера усмотреть своего рода собирательный (а в чем-то даже символический) образ польского патриота эпохи борьбы за независимость отече-

Ю. Сокульского и ряда других авторов, необходимые ссылки на которые еще будут приведены в данном предисловии в соответствующих случаях), отметим здесь биографию Гиллера авторства видного историка С. Кеневича, помещенную в Польском биографическом словаре (Kieniewicz S. Giller Agaton // *Polski Słownik Biograficzny*.— Wrocław etc., 1948—1958.— Т. 7. З. 35.— S. 467—470), и сравнительно недавнее монографическое исследование отрезка биографии нашего героя в годы эмиграции после Январского восстания Х. Флёрковской-Франчиць, во введении которого содержатся ценные историографические и источниковедческие данные по рассматриваемой здесь тематике (Florkowska-Frančić H. *Emigracyjna działalność Agatona Gillera po powstaniu styczniowym*.— Wrocław etc., 1985).

ства. Он родился 9 (по другим данным, 10)⁴ января 1831 г. и сам впоследствии не преминул подчеркнуть, что это случилось «во время восстания»⁵, то есть польского Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. Явившееся крупнейшей вехой в истории польского национально-освободительного движения, оно буквально вошло в судьбы всего тогдашнего поколения поляков. Наш читатель уже может немного судить об этом по историко-биографическим преамбулам, открывающим в данной книге разделы с публикациями сибирских записок старших современников А. Гиллера.

В семье будущего «сибиряка» (так в Польше традиционно называли всех соотечественников, подвергавшихся сибирским репрессиям) были сильны патриотические настроения. Известно, что дед Агатона, Максимильян, являлся участником восстания под руководством Т. Костюшко, а отец, Ян Канты, в молодости воспитывавшийся в Кременецком лицее, где тогда на превосходном уровне было поставлено национально-культурное и общее образование (кстати, напомним читателю, что чуть позднее там же обучался и знакомый уже нам будущий конарщик-мемуарист Ю. Ручинский), воевал затем за освобождение Польши под знаменами Наполеона и служил в польской армии полусамостоятель-

⁴ В статье С. Кеневича датой рождения А. Гиллера значится 9 января; сам Гиллер в автобиографии указывает 10 января 1831 г. Рукопись данной автобиографии А. Гиллера была обнаружена автором предисловия во Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника Украинской АН, в фонде Бронислава Заморского — историка, публициста и редактора журнала «Огниско домов» («Домашний очаг»), издававшегося во Львове. Как видно из сопроводительного письма А. Гиллера к этому тексту (от 31 августа 1886 г.), он предназначал его для помещения в вышеупомянутом журнале, уступая настоятельным просьбам его редактора. Насколько нам удалось установить, по каким-то причинам рукопись эта осталась неопубликованной. (См.: ЛНБ. Ф. 9 [о/н]. № 137. Л. 20—24 (с оборотами) (далее — ЛНБ. Указ. рукоп.))

⁵ Там же. Л. 21.

ного Герцогства Варшавского. Те же убеждения разделялись и в семейной среде дяди Агатона по матери Юзефа Шпадковского, проживавшего в г. Ломже⁶. Именно в дом этого своего родственника перебирается Агатон 15-летним подростком, учеником Казимежовской гимназии в Варшаве, в силу тяжелой материальной ситуации в его собственной семье после внезапной смерти отца, много лет служившего бургомистром небольшого городка Опатувэк (в котором и родился будущий автор сибирских трудов) под Калишем.

Всего несколько лет отделяли юного Агатона Гиллера от начала его собственной конспиративно-патриотической деятельности. В 1849 г., в возрасте 18 лет, он, как сам писал об этом впоследствии, «отправился с кучкой молодежи в Венгрию, чтобы там вступить в Польский легион» и таким образом принять участие в происходившей в этой части тогдашней Австрийской империи революции. Однако на австрийской границе он оказался задержанным прусскими властями и затем содержался ими в тюремном заключении в Рацебоже, в Силезии, «в течение всего времени венгерской кампании»⁷. Здесь следует заметить, что в попытке А. Гиллера обратиться в Венгрию в рассматриваемый период не было ничего необыкновенного. Так реагировало польское общество в целом и в особенности его молодое поколение на любую возможность выступить против чужеземного порабощения. К этому добавлялось то историческое обстоятельство, что в

⁶ Эта тема получила специальное освещение в работе польского исследователя Яна Трынковского об А. Гиллере и его сибирском творчестве. Автору данного предисловия была предоставлена возможность ознакомиться с указанной работой еще в рукописи, за что он выражает искреннюю признательность своему доброму польскому другу и коллеге по проводимым научным изысканиям. Последующие необходимые отсылки к упомянутой работе включены автором предисловия в отдельное специальное примечание 43.

⁷ См.: ЛНБ. Указ. рукоп. Л. 21 — 21 об.; Kieniewicz S. Op. cit.— S. 467.

средневековом прошлом Польшу с Венгрией связывали долговременные межгосударственные союзы. По давней традиции Венгрия и ее народ воспринимались в Польше как близкие, страдающие под господством одного из тех же захватчиков, что и польские земли. Об этом Гиллер написал позднее следующим образом: «Когда вспыхнула война между мадьярами и австрийцами, наша молодежь начала спешить со всех сторон в Венгрию. Из Львова, из Кракова, горными тропками, пробиралась она через охрану неприятеля, который занял все проходы в Карпатах»⁸.

От пребывания в заключении Гиллеру удалось освободиться, представившись властям прусским подданным под чужой фамилией и по подложному паспорту. Результатом этого явилось то, что последующие несколько лет он, уклоняясь от разоблачения полицией, был вынужден неоднократно перебираться из великопольской (прусской) в галицийскую (австрийскую) части Польши и обратно. В этот период он поддерживал нелегальные связи с действовавшими польскими конспиративными демократическими организациями, учительствовал в частных домах и некоторое время даже посещал лекции в знаменитом Ягеллонском университете в Кракове в качестве вольнослушателя (но, заметим сразу, ему так и не довелось получить полного высшего образования). Тогда же началась и его публицистическая деятельность: свои корреспонденции он помещал в познаньской и иной прессе.

Конспирация лишь на время защитила А. Гиллера. Краковская полиция в конце концов установила его подлинную личность, к тому же завладела и рядом рукописей, его компрометировавших. Последовал его арест в декабре 1852 г., а в апреле 1853 г. он как российский подданный по рождению был выдан властям Королевства Польского — в соответствии

⁸ Giller A. Historia powstania narodu polskiego.— Paryż, 1871.— Т. 4.— S. 326.

с существовавшим между Австрией и Россией так называемым картелем об экстрадиции. Целый год провел Гиллер в стенах казематов Варшавской цитадели. «Российская сторона, — писал он, — допрашивала меня о моих политических и литературных взглядах и о разных союзах, к которым я не принадлежал. Я, — указывал он, — был приговорен как литератор за статьи рукописные и печатные, пропагандирующие право Польши на новое и независимое существование, к отправке солдатом в батальоны в Восточной Сибири, за Байкал»⁹.

Официальные мотивировки этого осуждения выглядят значительно пространнее и внушительнее. В них, в частности, упоминается «побег за границу в 1849 г. с намерением присоединиться к мятежникам». Упоминается также, что Гиллер, «напитавшись в высшей степени демократическими правилами посредством общего восстания бывших польских провинций... в этом духе сочинял статьи для периодических» изданий «за границею». Далее в документах отмечено, что Гиллер «по решению Его Светлости Наместника Царства Польского от 22/3 января 1853/1854 гг. отдан в зачет будущих наборов»¹⁰.

«Восемнадцать месяцев гнали меня по этапам пешком от самой Варшавы, в Бресте-Литовском меня заковали в кандалы», — вспоминал Гиллер впоследствии¹¹. Такому способу этапирования он подлежал как политический ссыльный, не относящийся к привилегированному дворянскому сословию. Между тем еще до рождения А. Гиллера его отцу было пожаловано потомственное дворянство герба Котвич (благодаря протекции тогдашнего наместника Королевства Польского генерала Ю. Зайончека). В одном из докумен-

⁹ ЛНБ. Указ. рукоп. Л. 21 об.

¹⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 6. К. 38. Л. 244 об., 245 об.

¹¹ ЛНБ. Указ. рукоп. Л. 21 об.

тальных польских изданий, посвященных А. Гиллеру, утверждается, что он будто бы даже смог освободиться от солдатчины после получения из дома «декрета о зачислении в дворянское сословие». Однако сохранившиеся документы ведомства генерал-губернатора Восточной Сибири свидетельствуют об ином. Из формулярного списка Гиллера уже как «отставного рядового» видно, что он даже и тогда по-прежнему числился «из мещан Варшавской губернии, Калишского уезда»¹².

Заслуживает внимания высказывание А. Гиллера по поводу завершения своей принудительной сибирской эпопеи: «Вследствие заступничества генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Муравьева, графа Амурского, просвещенного, справедливого к польским ссыльным и к полякам в целом доброжелательного, я оказался освобожден из Сибири после шестилетнего пребывания в ней»¹³. Это высказывание вполне подтверждается и существующими на сей счет вышеупомянутыми документами восточносибирской администрации¹⁴. В Сибири А. Гиллер находился в 1855—1860 гг. Первоначально он служил в Сибирском линейном батальоне № 14, расквартированном в Шилкинском Заводе, в Нерчинском горном округе. После увольнения в отставку (на основании «Высочайшего повеления» от 16 октября 1857 г.) он поселился в Троицкосавске (ныне г. Кяхта) в Бурятии, а позднее — в Иркутске. Здесь он заведовал польской библиотекой, участвовал в организации школы, в которой сам преподавал. К сожалению, за исключением кратких замеча-

¹² См.: Zygmontowicz Z. Agaton Giller w świetle akt państw zaborczych. W 50 rocznicę śmierci. — Lwów, 1937. — S. 30; ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 6. К. 38. Л. 244—244 об.

¹³ ЛНБ. Указ. рукоп. Л. 21 об.

¹⁴ См.: ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 6. К. 38. Л. 263—263 об. Согласно документальным данным ГАИО, А. Гиллер выехал из Иркутска на родину в апреле 1860 г.

ний Гиллера, никаких источников об этом периоде его жизни и деятельности пока не выявлено. Между тем указанный раздел биографии нашего героя представляет значительный интерес, в особенности при изучении истории Восточной Сибири и российско-польских контактов в этом регионе. Поиск материалов в соответствующем русле, безусловно, мог бы принести немало неизвестных нам еще ценных данных.

После возвращения на родину осенью 1860 г. Агатон Гиллер — 29-летний узник трех стран — захватчиц Польши и сибиряк-ветеран — почти мгновенно включился в продолжающееся польское освободительное движение. В Польше «национальное движение уже началось, — пишет он сам об этом периоде своей жизни. — Я, хотя и утомленный длительной неволей и жаждущий отдыха, принял в нем очень активное участие. Первое воззвание, озаглавленное “Послание ко всем полякам” и за подписью “Варшавяне”, содержащее программу национального движения, точнее, нравственной борьбы, принадлежало моему перу»¹⁵. Гиллер вошел в руководящий повстанческий орган, Центральный Комитет, представляя в нем умеренное крыло так называемых красных, в чем его многократно упрекали критики как слева, так и справа. Много лет спустя он следующим образом вкратце аргументировал свою позицию в ту пору: «Я был против применения насильственных, террористических средств и против восстания как преждевременного. Вследствие моего предложения Центральный Национальный Комитет высказался за то, что рекрутский набор не будет поводом к восстанию, что он будет предупрежден с помощью дислокаций по спискам. Затем я вышел из комитета. Новый Центральный Комитет, не будучи в состоянии сдерживать волн бурной агитации, которую поднимал Велёпольский своим управ-

¹⁵ ЛНБ. Указ. рукоп. Л. 21 об.

лением, и под натиском мнений повстанческих воеводских комиссаров, требующих кровавого ответа на пощечину, бесчестящую польскую молодежь известным указом Велёпольского, дал приказ о восстании»¹⁶.

Ныне, спустя более чем столетие, пожалуй, есть основание объективнее взглянуть на Гиллера как на человека «центра», противостоящего крайностям как бурного радикализма, так и ограниченного консерватизма, каждый из которых по-своему ведет к трагическим последствиям. Действительно, несмотря на свое прохладное отношение и к вооруженному выступлению, и к сотрудничеству с русскими революционерами, А. Гиллер пошел все-таки на участие вместе с революционным демократом Зыгмунтом Падлевским в лондонских переговорах с редакторами «Колокола» А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, как известно, закончившихся успехом. Но будет справедливым признать также и то, что в этом «центризме» Гиллера обнаруживались и определенная его непоследовательность, и двойственность, и пристрастность его взглядов. Зачастую проскальзывали даже и явно националистические оттенки.

Поражение восстания привело А. Гиллера в эмиграцию, где он занялся издательской и публицистической деятельностью. В течение некоторого времени он жил и трудился в Галиции, а затем вновь эмигрировал. В эмиграции он связал свою судьбу с Польским музеем в Рапперсвиле (Швейцария). Там же оказалась и значительная часть его бумаг. Однако, перевезенные уже после восстановления независимости Польши в Варшаву, они сгорели во время Второй

¹⁶ Там же. Л. 22. Упомянутые Гиллером конкретные реалии относятся к фактам кануна восстания 1863 г. Маркиз Велёпольский Александр, с июня 1862 г. начальник гражданской администрации Королевства Польского. Его указ — «пощечина» польской молодежи — это объявленный Велёпольским рекрутский набор по именным спискам с целью ликвидации наиболее активных кадров повстанческой организации, подтолкнувший к объявлению начала восстания.

мировой войны¹⁷. Скончался Агатон Гиллер в доме своей сестры в г. Станиславе в Восточной Галиции (ныне — Ивано-Франковск) на Западной Украине и был торжественно похоронен на местном кладбище, где соотечественники воздвигли ему замечательный памятник. Кладбище недавно было ликвидировано, но благодаря усилиям ревнителей истории его прах был заботливо перенесен в другое место.

Весьма характерна биография А. Гиллера. В ней отчетливо прослеживается и по-своему впечатляет то, что он всецело и безраздельно посвятил себя делу борьбы за свободу родины. Не обнаруживается практически каких-либо иных, кроме отмеченных, помыслов и мотивов нашего героя, определявших его деятельность: ни женщины, ни семьи, ни, тем более, карьеры в обычном ее понимании. Все это в сознании Гиллера вытеснило его постоянное обостренное чувство собственного гражданского, патриотического долга перед отечеством, во многом доводимое им до степени самоотвержения. В сказанном среди прочего кроются истоки как самого обращения Гиллера к сибирскому мемуарно-публицистическому творчеству, так и тех отличительных свойств последнего, что определили особое место его работ в ряду всей существующей «сибирско-польской» литературы рубежа 1850—1860-х гг. Сам их создатель высказывался по этому поводу неоднократно, фактически сформулировав своего рода поведенческое кредо польского патриота в заключении и «в

¹⁷ Тем не менее сохранились не опубликованные пока еще фрагменты оживленной переписки Гиллера с целым рядом ссыльных польских «сибиряков», содержащей немало любопытных реалий указанной эпохи и нуждающейся в системном исследовании (см.: Отдел рукописей Библиотеки Ягеллонского университета (Краков) — В. J. Rkp. 7138/ III).

Исследовательница эмигрантского периода жизни Гиллера указывает, что его «сибирские контакты должны были быть прочными, коль скоро в более поздние годы он мог помочь В. Плятеру (графу, деятелю польской патриотической эмиграции.— *Б. III.*) безопасно пересылать деньги для сосланных вглубь России польских священнослужителей» (Florkowska-Frančić H. Op. cit.— S. 188—189).

изгнании» (так в лексиконе Гиллера, как это увидит читатель в публикуемых далее его текстах, постоянно именовалась сибирская ссылка). Рассматривая как непреложный постулат о «никогда не прекращающейся обязанности трудиться для отечества», он в условиях лишения свободы и насильственного содержания «в изгнании» избирает для себя в качестве «наиболее полезной» формы исполнения своего патриотического долга — «служение пером»¹⁸. «Уже там, в Сибири,— заявлял впоследствии сам Гиллер,— я принял решение стать историком новейшего времени, времени нашей (то есть польской.— *Б. III.*) неволи»¹⁹.

Как же осуществлялось это «служение пером» Гиллера-историка? Нетрудно обнаружить, что он относился уже не к первому поколению польских сибиряков поневоле. В среде соотечественников у него было немало предшественников по ведению записей собственных наблюдений и впечатлений о пребывании в Сибири. В числе таковых и тогда существовали уже весьма талантливые авторы, обнародовавшие к тому времени свои сибирские репортажи, снискавшие заслуженное признание и популярность²⁰. Однако Агатон Гил-

¹⁸ По этому поводу см., в частности, размышления Гиллера в первой из цикла его сибирских монографий, посвященной описанию собственного нелегкого кандалного пути следования в Сибирь (Giller A. *Podróż więźnia etarami do Syberii w roku 1854.*— Lipsk, 1866.— Т. 1.— S. 43—44). Еще ранее автора данного предисловия обратил внимание на подобное восприятие Гиллером писательского труда «в изгнании» — как существенно важное для понимания характера его сибирских произведений — польский коллега доктор Ян Трынковский в уже упоминавшемся его исследовании.

¹⁹ ЛНБ. Указ. рукоп. Л. 21 об.

²⁰ Помимо уже знакомого читателю по данной книге В. Мигурского здесь следовало бы упомянуть: костюшковского бригадира (генерала) Юзефа Копэца, ксендза-конспиратора Фаустина Чечерского, ссыльную коннарищу и замечательную писательницу-мемуаристку Эву Фэлинскую, знаменитого своим необыкновенным побегом из ссылки эмиссара и автора глубоких по мыслям и пронизательным свидетельствам записок Руфина Пётровского и многих иных.

лер с самого начала не стал слепо следовать примеру этих предшественников и удовлетворяться простым описанием того только, что лично с ним происходило во время ссылки, что сумел он приметить по воле обстоятельств либо с чем или с кем сводил его случай. Он, по собственным его словам, начал сбор «детальных сведений по современной истории» Польши (с эпохи ее разделов), которых «никто не мог собрать прежде».

Разумеется, Гиллер не имел доступа к архивам, в ту пору полностью скрытым от глаз непосвященных во внутренние дела царской администрации, но зато в своем «изгнании» он «застал представителей всех восстаний и союзов, какие были с 1825 г.» в польской среде ²¹.

По образному выражению Юстына Сокульского, польского биографа нашего героя, «у Гиллера был живой источник по истории нашей мартирологии. ...Когда некоторые опускались под бременем беды, мучимые тоской по родной земле,— пишет этот автор,— Агатон пересекал Сибирь вдоль и поперек (правильнее, видимо, вести речь лишь о части Восточной Сибири — Забайкалье и Прибайкалье.— *Б. III.*), изучал ее прошлое, природу и обычаи, отыскал могилы участников Барской конфедерации, одним словом, неустанным трудом заглушал нравственные страдания» ²².

Этот тезис из уже 70-летней давности статьи польского историка подводит нас к выяснению некоторых взаимосвязанных аспектов из конкретной практики изучения А. Гиллером того самого «живого источника» по истории поляков в Сибири. Во-первых, в нем обращено внимание на осуществление Гиллером целенаправленного выявления и фиксации польских следов повсюду, куда только удавалось ему проникнуть в «крае изгнания». Во-вторых, здесь же наблю-

²¹ См. об этом: ЛНБ. Указ. рукоп. Л. 21 об.

²² Sokulski J. Agaton Giller więźniem i wygnańcem sybirskim (w 50 rocznicę śmierci) // Sybirak.— 1938.— Nr 1.— S. 61—65.

дается явная гиперболизация Сокульским возможностей этого одного, пусть даже пытливого и усердного, наблюдателя для охвата всей Сибири «вдоль и поперек». Действительно, при ближайшем рассмотрении данного вопроса исследователи обнаруживают непростое для воссоздания белое пятно в сибирском этапе деятельности Гиллера. До сих пор ведутся споры о том, каким образом удавалось ему, человеку подневольному (а в Сибири он оставался таковым хотя бы до предоставления ему отставки от принудительной военной службы в конце 1857 г.), многократно и, по всей видимости, легально осуществлять поездки по достаточно обширному региону Забайкалья. Так, по крайней мере, утверждает сам Гиллер в одном из главных собственных трудов, не поясняя, однако, более конкретно, где находил на эти забайкальские путешествия необходимые средства, а также и время при неизбежном в их процессе отсутствии на месте своего обязательного причисления. К этому вопросу мы еще попытаемся вернуться в ходе дальнейшего изложения темы.

В начале знакомства нашего читателя с непосредственными работами Агатона Гиллера, посвященными Сибири, представляется естественным отметить, что они занимают значительное место во всем его достаточно богатом творческом наследии, откладываявшемся на различных этапах изменчивого жизненного пути этого изгнанника-патриота, конспиратора, крупного повстанческого лидера, оппозиционного публициста-издателя и редактора, политического эмигранта.

Первые его публикации на сибирскую тему появились в 1856 г., когда автор находился еще на военной службе в Забайкалье. Их поместил его брат Стэфан (преподаватель гимназии в г. Калише, поэт и писатель) в журнале «Библиотека Варшавска» под названием «Письма из Сибири». Последнее же издание вышло незадолго до смерти А. Гиллера, в 1887 г. Им стали воспоминания ссыльного участника восстания

1863 г. ксендза Миколая Куляшиньского, подготовленные Гиллером к опубликованию и дополненные собственным его же к ним предисловием²³.

В 1866 г. в Лейпциге появилось его двухтомное «Путешествие арестанта по этапам в Сибирь в 1854 году», которое, однако, было доведено только до «сибирской границы». В предисловии к этой книге, написанном Гиллером в 1865 г. в Бендликоне (местечке под Цюрихом), он выражал надежду, что если позволят обстоятельства, то вторая часть этих записок, дополненная им описанием «этапных переживаний», о которых у него «имеются заметки», будет выпущена «следующим изданием»²⁴. Но замысел этот не осуществился. Сохранившиеся же бумаги Гиллера в большей мере относятся к Январскому (1863 г.) восстанию, а в меньшей — к сибирской проблематике, и в них отсутствуют те «этапные заметки», о которых в свое время упомянул сам их автор²⁵.

Но наиболее важным произведением в Гиллеровой «сибириаде» несомненно является опубликованное в Лейпциге в 1867 г. его трехтомное «Описание Забайкальского края в Сибири»²⁶, благодаря которому он снискал неоспоримый авторитет знатока данной темы. Этот труд Гиллера фундаментален по объему (он почти равен 62 современным печатным листам) и по содержащимся в нем фактическим данным. В нем характерные признаки воспоминаний сочетаются с очевидными чертами исторического исследования, что дает основание ряду специалистов расценить его как

²³ M. K[ulaszyński]. Tunka i jej okolice w Sajańskich górach, napisał... wydał i przedmową zaopatrzył A. Giller.— Poznań, 1887.

²⁴ Giller A. Podróż więźnia etapami...— T. 1.— S. VI—VIII.

²⁵ См.: Florkowska-Frančić H. Op. cit.— S. 15.

²⁶ Giller A. Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberyi.— Lipsk, 1867.— T. 1—3.

первую специальную работу, давшую начало историографии истории поляков в Сибири²⁷.

В наследии А. Гиллера по сибиристике, наряду с выше-названным трудом, выделяется еще несколько иных работ, каждая из которых по-своему заслуживает отдельного упоминания. Таков сборник под названием «Из изгнания», выпущенный в двух томах во Львове в 1870 г.²⁸ В него Гиллером была включена подборка статей на различные сибирские сюжеты, предварительно публиковавшиеся им в ряде польских газет и журналов: «Хвиля», «Дзенник Познаньски», «Тыгодник Велькопольски». В том числе вошел сюда и большой очерк «Польские могилы в Иркутске», который в первоначальном виде (в менее развернутой редакции) оказался помещен в периодических выпусках «Хвили», а затем выпущен также и отдельным изданием (1864).

Совершенно уникальна по своему характеру выполненная Гиллером работа, представляющая собой перечень польских ссыльных в различные регионы Российской империи (однако Сибирь среди них занимает доминирующее место) до 1860 г.²⁹ В алфавитном порядке в этом списке приведены собранные автором сведения о 1 183 лицах, из которых справочные данные об одних оказываются достаточно подробны, но об известной части не сообщено ничего, кроме фамилии, имени и места высылки. Несмотря на очевидную неровность этого в сущности прототипа словаря, сама реализация подобного замысла уже в начале 1870-х гг. (время издания работы — 1872 г., но контекст заглавия ее сви-

²⁷ См. об этом: Janik M. *Dzieje Polaków na Syberji*. Kraków, 1928. — S. 233—234; Шостакович Б. С. *Историография политической ссылки поляков...* — С. 4.

²⁸ Giller A. *Z wygnania*. — Lwów, 1870. — Т. 1—2.

²⁹ *Lista Wygnańców Polskich do roku 1860*. Spisana przez Agatona Gillera na Syberyi // *Album Muzeum Narodowego w Rapperswyll*. Na stoletnią rocznicą 1772 г. — Poznań, 1872. — S. 384—442.

детельствует о том, что она была значительно раньше подготовлена Гиллером, еще в период пребывания его самого в Сибири, то есть до начала 1860-х гг.) предвосхитила без малого на полтора столетия аналогичные замыслы современных историков, которые и по сей день не доведены до окончательного результата. Параллельной подобного же рода работой и в тот же самый период публиковавшейся Гиллером, но уже по эпохе ссылки участников восстания 1863 г., явился «Список поляков, находящихся в Усолье на каторжных работах с апреля по сентябрь 1868 года» (сведения о 401 человеке)³⁰.

Содержание работ А. Гиллера настолько обширно конкретным фактологическим материалом и многообразно — как по стилевым, так и по жанровым планам (в первую очередь эти характеристики относятся к его «Описанию Забайкальского края...»), что любая попытка косвенного аннотирования такового очевидно бы стала весьма затруднительной. Тем более проблематичной оказывается возможность подобным способом создать у русскоязычного читателя адекватное восприятие сущности сибирского творчества Агатона Гиллера. В данном вводном очерке мы остановимся на несколько ином аспекте последнего, который, на наш взгляд, позволяет увидеть всю его, если можно так выразиться, составляющую структурную основу в достаточно емком и как бы обобщенном виде. А укажут на этот своего рода конструктивный стержень сибирских трудов Гиллера сами по себе затронутые в них (в той или иной мере) тематико-проблемные направления.

Выше уже упоминалось о словарно-статистическом направлении разработок Гиллера в русле истории польских депортаций в Сибирь. Побочным ответвлением той же темы

³⁰ Spis Polaków będących w Usolu w ciężkich robotach od 17 kwietnia 1866, do września 1868 roku. Ułożył Agaton Giller // 1872. Stuletniej niewoli rok pierwszy. Dzieło zbiorowe.— Poznań, 1872.— S. 163—185.

явилось собрание нашим исследователем материалов для замысленного им еще в пору его пребывания в принудительном изгнании сибирского польского некрополя. У Агатона Гиллера было просто ощущение его собственной миссии в этом вопросе. Куда бы ни попадал он в своих сибирских путешествиях, первые его шаги были на кладбище, чтобы зафиксировать, кто из соотечественников остался лежать там и есть ли кому позаботиться об их могилах. О каждом из умерших поляков (или, еще точнее говоря, о погребенных по обрядам католической конфессии) Гиллер старался собрать как можно больше сведений, спасти их имена от забвения, а при случае — если участвовали они в каких-то подпольных кружках или организациях — сказать что-то и на эту тему, покрытую в ту пору самой величайшей тайной и совершенно незнакомую широкой публике. Зачастую то, что в свое время было записано Гиллером, сегодня составляет единственный след, сохранившийся от надгробных памятников, которые уже давно исчезли с лица земли...

В своих работах наш герой создал целую портретную галерею запоминающихся образов встреченных им в Сибири ссыльных соотечественников (нет там лишь материала, касающегося ссыльнокаторжан, к которым он не мог непосредственно проникнуть). Среди них — Пётр Высоцкий (Гиллеру принадлежит первое подлинное известие о пребывании в акатуйской глуши этого вдохновителя «Ноябрьской ночи», инициировавшей польское восстание 1830 г.), ссыльный ксендз-конарщик Тыбурцы Павловский, между прочим, являвшийся духовником декабриста М. С. Лунина (Гиллер сообщил сведения о его жизни в Чалбуче — забайкальском селении, которое и на старых, и на современных картах едва ли удастся сыскать) и многие-многие другие. Изгнанник-исследователь не ограничивался только «интеллигентскими судьбами», но тщательно описывал свои встречи с простыми, часто неграмотными ссыльными участниками польского освободительного движения, отмечая их тоску по

родному языку, по любой весточке с родины, нетерпеливое ожидание редкой встречи с польским ксендзом. Осталось также немало его ярких «словесных полотен» такого рода, в числе которых (в качестве характерного примера) — портрет знаменитого на всю Сибирь скульптора Игнацы Цейзика, выходца из литовско-белорусского региона и ученика виднейшего литовского художника XVIII в. Пранаса (Франчишека) Смуглявичуса (Смуглевича), который, впрочем, был приговорен не за политические преступления, а за фальшивомонетничество.

Гиллер обратился к описанию повседневной жизни польских ссыльных, находившихся в Восточной Сибири на поселении, а также отбывавших наказание в качестве солдат Сибирского корпуса. Он привел сведения о деятельности сообщества ссыльных в Нерчинском Заводе, так называемого (по-польски) Огула — первого своеобразного кооператива в России, существовавшего на принципах самоуправления среди польских ссыльных и на средства, пополняемые прежде всего организованной помощью с родины. Об этой организации, называемой Польским комитетом и руководимой патриотками Ксаверой Грохольской и Ружей Собаньской³¹, также поведал публично впервые в своих работах Гиллер.

Попытался он оценить и характер отношения к польским ссыльным местного сибирского общества. Вот лишь некоторые его свидетельства на сей счет: «Обхождение с польскими изгнанниками в последние 18 лет было преисполнено снисходительности и даже уважения. Я слышал мнение о

³¹ Недавно в Польше появилось первое исследование об этой организации, выполненное проф. В. Сьлиховской: Śliwowska W. Pierwsze organizacje pomocy dla więźniów i zesłańców syberyjskich w zaborze rosyjskim. (Ośrodek wolyńsko-podolski pod patronatem Ksawery Grocholskiej i Róży Sobańskiej) // Przegląd Historyczny.— 1987.— Т. 78, nr 3.— S. 411—449.

поляках крестьян и мещан, купцов и чиновников и заметил, что все если не сочувствуют нам, то, несомненно, ощущают благородство [нашего] дела, самоотверженность изгнанников и признают наше моральное превосходство. В Восточной Сибири имя поляка в уме сибиряка отождествляется с представлениями о добросовестности, честности и добродетели. Такое мнение сложилось благодаря достойному и благородному поведению изгнанников. Польша не могла быть представлена здесь лучше, чем была»³². Едва ли не первым Гиллер вышел за круг восприятия поляков в Сибири исключительно как ссыльных. Он обратил внимание и на процесс добровольных приездов своих соотечественников на различные виды государственной службы (в том числе и на

³² Giller A. *Opisanie Zabajkalskiej...*— Т. 3.— S. 216—217. Сибирское наследие А. Гиллера содержит оригинальный и богатый материал для изучения стереотипов восприятия сибиряками-россиянами и поляками друг друга. Автор данного предисловия уже предпринял попытку проанализировать таковой при освещении вопроса о стереотипе русского сибиряка в глазах поляков (см.: Шостакович Б. С. *Формирование в XIX веке польского стереотипа восприятия Сибири и сибиряков // Поляки в Сибири: науч.-информ. бюл. Гуманитар. обществ.-науч. центра.*— Иркутск, 1995.— С. 21—27). В связи с процитированным высказыванием нашего героя партнер автора этих строк по упоминавшейся уже в начале данного предисловия совместной статье об А. Гиллере проф. В. Сьликовская выдвинула целый комплекс исследовательских задач будущего. Как она справедливо полагает, необходимо разобраться, насколько представленный Агатоном Гиллером образ польского ссыльного в сибирском изгнании соответствует действительности и не является ли он во многом идеализацией (вольной или невольной) им и другими авторами польско-сибирской литературы периода своей юности в ссылке. Это следует сделать особенно потому, что широко известна альтернативная характеристика поляка-ссыльного, запечатленная Ф. М. Достоевским в его «Записках из Мертвого дома». В связи с этим же встает вопрос, а не отличалось ли видение поляка исконными сибиряками от стереотипа такового же, создававшегося русской публицистикой и художественной литературой? Все указанные любопытные, но далеко не простые для объективного решения проблемы требуют углубленного научного изучения — без эмоций и предубеждений.

мотивы, вызывавшие этот приток), попытавшись даже типизировать характер поляка на российской высокой государственной должности.

Весьма характерно, что Гиллер заявил о себе не только как историк и мемуарист пребывания поляков в Сибири. Хотя названной теме он безусловно уделил особо значительное место, в остальном его работы (и в первую очередь «Описание Забайкальского края...») касаются истории, хозяйства, административного устройства, описания больших и малых населенных пунктов, природных богатств и способов их использования, региональных и иных особенностей как Забайкалья, так и Прибайкалья (в черте близлежащих окрестностей Иркутска), их коренного и пришлого населения, обычаев, одежды, фольклора, верований и еще многого иного.

Эти записки в отдельных случаях Гиллером дополнялись также соответствующими польскими и русскими печатными материалами. Сам наш герой во вступлении к своему забайкальскому «описанию» с нескрываемым удовлетворением замечал, что, «несмотря на трудности в собирании сведений» подобного рода, ему «удалось найти» «точные данные» и «накопить их столько, сколько ни один пишущий о Забайкалье автор не представил дотоле в единой совокупности»³³.

Рассматривая описание А. Гиллером в широком масштабе Забайкалья и ряда других сибирских местностей, как и, тем паче, его мартиролого-исторические сюжеты, необходимо также обязательно принять во внимание, что несомненно помимо ранее отмечавшихся чисто прикладных, популярно-просветительных целей они, согласно его же концептуальной установке, имели еще и своеобразную высшую цель сугубо политического характера. Гиллер сформулировал ее следующим образом: «Для нас, поляков, необходимо хорошее

³³ Giller A. *Opisanie Zabajkalskiej...* — Т. 1. — S. XI—XII.

знание Москвы и ее земли (в смысле России.— *Б. III.*), ее силы, ее функций. Мы должны знать о каждом ее шаге. Поскольку мы стремимся освободиться от их власти, наша обязанность — изучить их лучше, чем остальную Европу»³⁴. Собственно говоря, данное высказывание является не чем иным, как полным логическим раскрытием приводившегося уже ранее несколько абстрактного постулата героя о необходимости «служения пером» во благо родины.

В связи с такой принципиальной установкой Гиллер уделяет много места характеристике системы управления Сибирью, аппарата власти и конкретных ее представителей, а также отбывающих здесь наказание российских противников деспотизма: декабристов, петрашевцев, всех, кто, по его выражению, «ради свободы государственной не жалел личной жизни и свободы»³⁵. В освещении и анализе данных вопросов наш автор проявляет наибольшую резкость и категоричность. Несмотря на жесткую форму, в которую оказываются облечены различные упреки, обвинения и нелестные характеристики, бросаемые им со страниц его сочинений по адресу тогдашней Российской империи, следует признать нелицеприятную справедливость многих из них. Но, к сожалению, приходится констатировать также, что таковые оценки не во всех случаях справедливы. В рассматриваемых работах этого польского патриота по сибирской тематике встречаются и места совершенно иного рода: с поспешными, малоубедительными заключениями, путаными утверждениями. Конечно, справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что у автора как подневольного сибирского изгнанника имелись свои личные веские основания для, выражаясь деликатно, неприятия российской государственности и ее властей предержащих. Однако в пылу своей полемики против них он

³⁴ Ibid.— S. X.

³⁵ Ibid.— T. 2.— S. 12.

нередко сбивается на декларации в откровенно вызывающем шовинистическом духе³⁶.

После данных предварительных замечаний к разделу критического разбора Гиллером механизма современного ему российского государственного и общественного устройства задержим наше внимание на некоторых из его, скажем сразу, весьма метких наблюдений в этой области, выполненных как бы «изнутри», из глубинной сибирской провинции этой колоссальной империи. Любопытно заметить, что в наши дни, когда усилился интерес к историческому прошлому России, сопряженный с определенной его ревизией, эти полуторавековой давности сибирские высказывания польского оппозиционера-изгнанника звучат во многом неожиданно злободневно и актуально.

В сочинениях Гиллера на многочисленных конкретных примерах демонстрируется, как деспотически-рабская система царской России разлагает ее представителей сверху донизу. Ведь даже администратор такого склада, как Н. Н. Муравьев-Амурский, к которому наш автор относится с уважением, не располагает в своей борьбе со злоупотреблениями и вымогательствами чиновников большим полем для маневра, так как сам может действовать только в рамках той же системы. Система эта, по Гиллеру, опирается на порабощение человека и создание видимости законности, которая легко обходится на практике. «Великолепные законы и тому подобные вещи, — отмечает он, — всего лишь красивое оперение, в которое Москва (то есть российское правительство.— *Б. Ш.*) рядится не для себя, а для Европы,

³⁶ Вот лишь один пример подобного рода высказываний Гиллера отчетливо националистического толка. «Характеры москаля и поляка, — утверждает наш автор, — прекрасно объясняют нам две идеи и два исторических предназначения славянства. Поляк имеет в крови свободу. Москаль имеет в крови неволю...» (Giller A. *Podróż więźnia etapami...* — S. 114).

но за которым скрывается совершенно иная почва и содержание. ...В Москве имеется много таких законов, об исполнении которых никто не заботится... Законы замечательны на бумаге, но совершенно не исполняются... либо же осуществляются в противоречии с их духом и буквой, либо же никем, а в особенности властью, не уважаются»³⁷.

Отмечая чрезвычайное богатство Забайкальского края, где «всего вдоволь» и (буквальное его выражение) «всё приходит без трудов и больших усилий» (здесь наш автор несомненно впадает в чрезмерное преувеличение.— *Б. III.*), Гиллер, однако, находит там «меньше благосостояния, чем должно было бы ожидать». Главные причины этого он видит в «политическом и социальном рабстве», очевидно, подразумеваемая коренные пороки феодально-крепостнического строя Российской империи той эпохи, а также «леность населения», проистекающую из тех же пороков. «До цивилизации, — развивает Гиллер свои размышления (в которых, как нам видится, безусловно есть рациональное зерно), — нужно идти им (имеются в виду россияне.— *Б. III.*) еще далеко, ибо цивилизацию не привьешь иначе, чем на нравственной почве свободы, и только на ней она дает здоровый и питательный плод. На почве же, лежащей нетронутой целиной под бременем бесплодной неволи, благотворное воздействие цивилизации выражается сперва в разложении и испорченности»³⁸.

Символом порочности существовавшего строя для нашего героя являлись розги и палки, употреблявшиеся в современной ему России повсеместно. Он говорит о них много, описывая различные случаи телесных наказаний и обыденного мордобоя, постоянным свидетелем которых ему приходилось оказываться. Гиллер горько иронизирует над воспе-

³⁷ Giller A. Opisanie Zabajkalskij...— Т. 1.— С. 42.

³⁸ Ibid.— Т. 2.— С. 48—49.

ваемой русскими поэтами березой — ведь это из нее изготавливаются розги: «Розги! Могущественное средство, им цари учат москалей завоевывать власть над миром, им они силу свою умножают, розги — это столпы, устои их трона! Поэтому-то, вероятно, буряты называют березу русским [московским] деревом»³⁹. Вторым, наряду с розгами, символом порабощенного российского общества являются для Гиллера тюрьмы. Обилие последних особенно наглядно именно в Сибири, крае депортаций и каторжного заключения. Подобно другим испытавшим плачевное состояние тюремных и этапных помещений он подробно описывает их грязь, тесноту, насекомых. «Куда ни обернешься, — записывает он свои впечатления, — повсюду увидишь тюремные стены или частоколы; на берегу Амура еще нет поселений, но уже имеются тюрьмы, вокруг которых, словно подле храма, начинают строиться люди»⁴⁰.

Социальный облик Сибири, как точно подмечает Гиллер, определялся не только фактом превращения ее в место отбывания наказания за преступления (как политического характера, так и за наиболее тяжкие уголовные), но и процессом переселения, отчасти принудительного. Привилегии, быстрое продвижение по службе, более высокие заработки манят в Сибирь молодых чиновников и офицеров, которые там «легче и быстрее получают очередные чины», что, в свою очередь, при деспотическом режиме способствует негативному отбору, проявляется в многочисленных злоупотреблениях против местного населения и прибывших поселенцев.

Представив, таким образом, читателю основные стороны сибирского творчества Агатона Гиллера, попытаемся теперь охарактеризовать таковое в целом. Здесь, на наш взгляд, заслуживают внимания оценки, дававшиеся ему в свою пору

³⁹ Ibid.— Т. 1.— С. 135.

⁴⁰ Ibid.— С. 118—119.

двумя авторитетными и сведущими в данном предмете исследователями.

Один из них, Зыгмунт Либрович, являлся автором первой последовавшей за трудами Гиллера чисто специальной книги по истории поляков в Сибири (1884 г.). Он откровенно признал «все работы Гиллера обладающими необыкновенной ценностью», однако тут же добавил, что они «имели бы еще бóльшую ценность, когда бы не были насквозь пропитаны ненавистью к России»⁴¹. (По-видимому, это последнее замечание цитируемого исследователя вызвали те специфичные черты сибирских сочинений Гиллера, которые среди прочего рассматривались уже в соответствующем месте данного предисловия и к которым мы не станем теперь вновь специально возвращаться.) Другой рецензент сибирского наследия нашего героя — Михал Яник, автор давно сделавшейся хрестоматийной, еще довоенной по времени выхода в свет польской монографии «История поляков в Сибири». Работы Гиллера, по его словам, «в польско-сибирской литературе занимают очень высокое и в известной мере единственное место как превосходный исторический материал, собиравшийся со всей тщательностью, а если говорить о польских проблемах, то и с величайшим пиетизмом. Можно также сказать о Гиллере, — указывает Яник, — что был он не столько мемуаристом, сколько, скорее, первым историком польских вопросов в Сибири, полностью сознающим цель, которой посвятил свое перо»⁴².

В отношении адекватного суммарного определения А. Гиллера как создателя всего рассмотренного и проанализированного нами комплекса сибирских работ автор данного предисловия убежден, что наиболее емко и точно это удалось сделать уже упоминавшемуся нами польскому истори-

⁴¹ Librowicz Z. Polacy w Syberji. — Kraków, 1884. — S. 148 — 149.

⁴² Janik M. Op. cit. — S. 233 — 234.

ку Яну Трынковскому, образно и вместе с тем весьма аргументированно назвавшему Гиллера «Геродотом XIX века»⁴³. И в самом деле, много родственного можно усмотреть в композиции труда и подходах к использованию выстраиваемого его материала у «отца истории» и у нашего героя. Вот что, в частности, указывает специалист-античник по поводу знаменитой «Истории» Геродота: «Геродот не всегда концентрирует внимание на главной теме... Разнообразные сообщения вводного и побочного характера, длинные и краткие отступления от главной темы, многочисленные вставные рассказы, потребовавшие от Геродота выработки особой техники экскурсов, придают изложению Геродота то свойство “пестроты”, которое было отмечено еще древними критиками. Отдельные части труда Геродота различаются не только по содержанию, но и по стилю. Точные описания, деловые справки, фактические сообщения о событиях чередуются с новеллистическими и даже сказочными рассказами...»⁴⁴.

В книгах Гиллера, о которых у читателя уже должно было составиться некоторое представление по данному предисловию, содержится увлекательное и фактически весьма насыщенное, но несколько хаотичное, «пестрое» повествование о далеких и малоизвестных в ту пору районах. Описания его включают немало исторических отступлений, занимательного и статистического материала, краеведческих зарисовок и собственных воспоминаний. Так возникла настоящая смесь

⁴³ Trynkowski J. «Polskie» źródła do dziejów miast Syberii pierwszej połowy XIX w. // Miasto — Region — Społeczeństwo. — Białystok, 1992. — S. 158. Польский исследователь отмечает, что Гиллер «очень напоминает великого историка V в. до н.э. складом и пытливостью ума, способом сбора информации, применением различных нарративных техник и даже подчинением своего произведения определенной высшей концепции, чуть ли не идентичной той, которая существовала у “отца истории” (конфликт Запада с Востоком)».

⁴⁴ Доватур А. И. Геродот // Советская историческая энциклопедия. — М., 1963. — Т. 4. — Стб. 400.

научно-популярного исторического очерка, основанного на современной ему литературе, с одной стороны, политической публицистики, местами граничащей с памфлетом или журналистским репортажем, — с другой, сведений, характерных для справочных изданий, — с третьей, оригинальной информации, типичной для мемуаров и дневника, — с четвертой ⁴⁵.

Автору данного предисловия кажется очень соответствующим всему охарактеризованному стилю построения произведений Гиллера то сенсационное открытие, которое сделал в своей новейшей работе о нем и о его творчестве уже неоднократно упоминавшийся профессор Я. Трынковский. Как показал внимательный анализ текста «Описания Забайкальского края...», проведенный этим польским ученым, проблема непонятных путешествий Агатона Гиллера по данному региону в действительности сводилась от силы к нескольким непродолжительным его отлучкам с места причисления, к которым добавляется даже сам процесс его же этапирования на принудительную военную службу. Только этот сибирский изгнанник мог использовать такие, казалось бы, малопригодные случаи, чтобы извлечь из них результаты подлинно исследовательской значимости, а затем еще в своей уникальной манере описать их именно как специально подготовленные научные экспедиции.

Безусловно, творчество Гиллера во многом противоречиво. Нередко его упрекают в тех или иных ошибках, неточностях или заведомой необъективности. Для всей этой критики работы Гиллера дают достаточные основания. (Кстати сказать, здесь вновь напрашивается аналогия с Геродотом, который также допускал в своем труде ошибки и обнаруживал собственные пристрастия.) Но, справедливости ради,

⁴⁵ Специфичный характер произведений Гиллера хорошо уловил М. Яник, заметивший, в частности, что они «не поддаются конспектированию, а только годятся для изучения» (Janik M. Op. cit.— S. 233).

необходимо учитывать и то, что избежать этих промахов Гиллеру было трудно. Если представить себе, в каких условиях подчас велась им работа над его сочинениями в период сибирского изгнания, остается лишь воздать должное его терпению, настойчивости и нескончаемому трудолюбию. Главное же достоинство оставленной Агатоном Гиллером его «сибириады» заключается в том, что значительная часть содержащегося в его книгах и публицистике материала не утратила своей исторической документальной и проблемной ценности, а конкретный анализ его отдельных компонентов приводимых им данных по большей мере свидетельствует в пользу нашего автора ⁴⁶.

В завершение предисловия остановимся на некоторых проблемах и задачах введения сибирского наследия Агатона Гиллера в российский историко-научный и общественно-культурный оборот. В данной вступительной части уже шла речь о том, что ни русская, ни советская историография не жаловали Гиллера сколько-нибудь серьезным вниманием. Казалось бы, не стоит и пояснять, что по-русски его «сибириада» не издавалась прежде и не могла получить оценки по достоинству. Но сказав так, мы явно упустим в затронутом вопросе один существенный момент. Оказывается, существует (и давно) своеобразное свидетельство... косвенного признания важности и большой содержательности трудов Гиллера (и

⁴⁶ К примеру, специалистом-языковедом была подтверждена правильность и ценность записей Гиллера, относящихся к языку так называемых орочёнов (дореволюционное название групп оленных эвенков). См.: Ziemiacki W. Agatona Gillera Słowniczek oroczońsko-polski // *Lingua Poznaniensis*.— 1953.— Т. 4.— С. 337—338. Высоко оцениваются и зафиксированные им данные этнографического характера. См.: Kuczyński A. Wkład Polaków do badań nad ludami Syberii i ich kulturą // *Lud*.— 1967.— Т. 51.— С. 536; Baranowski W. Agatona Gillera rozważania nad stosunkami społecznymi i kulturą ludową rosyjskiej wsi na Zabajkale // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego*.— 1975.— Ser. 1.— Z. 3.— С. 55—66.

в первую очередь его капитального «Описания Забайкальского края...»), о котором, возможно, не подозревают даже многие специалисты-сибиреведы.

Все дело заключается в том, что основу первой главы раздела «Политические и государственные преступники» широко известного в российском обиходе сочинения С. В. Максимова «Сибирь и каторга» составляет... сокращенный пересказ существенных фрагментов из вышеназванного важнейшего труда А. Гиллера⁴⁷. При этом сделанные заимствования С. В. Максимовым прямо не оговариваются за тремя частными исключениями. В числе таковых трех, во-первых, единственная прямая ссылка на используемую работу Гиллера (в неточном переводе Максимова ее название приобрело абсурдную формулировку: «Описание Забайкальской украины в Сибири» (!)) — в связи с извлеченным оттуда сообщением Гиллера о «самом мягком приеме» за Байкалом прибывавших в ссылку поляков и об оказании им материальной поддержки благодаря влиянию уже ранее находившихся там декабристов на небезызвестного коменданта Лепарского; во-вторых и в-третьих, в книге обнаруживаются еще два косвенных упоминания Гиллера — в контексте воспроизводимых там фрагментов его «Описания Забайкальского края...»⁴⁸.

⁴⁷ Максимов С. В. Сибирь и каторга. — СПб., 1871. — Ч. 3: Политические и государственные преступники. Гл. 1: Политические ссыльные. На данный факт первыми обратили внимание уже упоминавшиеся выше польские исследователи З. Либрович и М. Яник. Из отечественных историков неоднократно касался этого вопроса автор данных слов. В целом же указанной проблеме не было уделено серьезного внимания исследователями, о чем еще будет сказано чуть далее.

⁴⁸ Одно из этих упоминаний имени Гиллера обнаружено в контексте рассказа о ссыльном конарщике Александре Венжике. Другое — приводится в связи с характеристикой организации польских политссыльных «Огул», которая также заимствована у Гиллера (Максимов С. В. Указ. соч. — Ч. 3, гл. 1. — С. 45–46, 48, 52).

Весьма характерно, что перечисленные лаконичные упоминания нашего героя С. В. Максимовым не столько помогли его читателям сориентироваться в истинном состоянии историографии излагаемой темы, сколько ввели их в откровенное заблуждение, создав видимость, будто бы только этими несколькими обозначенными эпизодами и ограничилось использование в книге труда Гиллера. Вдобавок к сказанному нельзя не отметить, что Максимовым никак не обозначена и самая значимость упомянутой работы Гиллера. Автор же ее охарактеризован Максимовым в однозначном подчеркнуто резком тоне, как «один из поляков, живших на каторге (так дословно у С. В. Максимова.— *Б. III.*), вообще недружелюбный к России и озлобленный против Сибири»⁴⁹. К сожалению, даже очень внимательное знакомство со знаменитой «Сибирью и каторгой» не дает никакого объяснения принципу подхода к оценке и использованию сочинения Гиллера Сергеем Васильевичем Максимовым — известным и в целом либерально-демократически ориентированным русским бытописателем, этнографом, фольклористом, а в конце его жизни — даже почетным академиком. В качестве рабочей гипотезы допустимо высказать предположение, что все нами отмеченное могло явиться результатом официального цензурного вмешательства в текст книги Максимова, поскольку Гиллер был в ту пору в числе авторов, работы которых являлись запрещенными к публикации и распространению в царской России⁵⁰.

⁴⁹ Максимов С. В. Указ. соч.— С. 56.

⁵⁰ Имя А. Гиллера и названия его сочинений фигурировали в делах Центрального комитета иностранной цензуры (в связи с тем, что монографические издания его работ выходили за пределами Российской империи) в числе запрещавшихся изданий. См., в частности: РГИА (С.-Петербург). Ф. 779. Оп. 4. Д. 185 (т. 4). 1867 г. Л. 208 (о запрещении парижского издания работы А. Гиллера «История восстания польского народа в 1861—1864 гг.». 1-й том, 1867).

Автор предисловия полагает, что в затронутом вопросе преждевременно делать какое-то окончательное заключение. Ему представляется необходимым предварительно тщательно изучить историю написания указанного раздела «Сибири и каторги». Вполне возможно, что это приведет к интересным новым открытиям и даст ответы на многие вопросы, возникающие вокруг рассматриваемой темы. Но вне зависимости от того, как будут решены последние, уже сейчас следует утверждать, что «Сибирь и каторга» в существующем ее виде весьма способствовала широкому распространению в отечественных литературе и общественном сознании отдельных наработок Гиллера, причудливо препарированных, дозированных и интерпретированных Максимовым. На работе С. В. Максимова, служившей для многих поколений россиян настольной книгой по освещаемой там тематике⁵¹, в основном и базировались все их представления по относящемуся к ней кругу сюжетов, в частности и по истории польского присутствия в сибирском регионе (которое понималось, конечно же, как исключительно принудительное). Вполне естественно также, что эта книга за почти 130-летнее существование укоренила в сознании многих ее читателей преувеличенное суждение о заслугах ее автора, С. В. Максимова, в раскрытии и освещении сибирско-польской темы, оставляя в полном забвении имя того, кому в действительности таковые принадлежат. Как ни парадоксально, но на это в известной мере влияла и позиция специалистов историков и литературоведов⁵².

⁵¹ См. об этом в данной книге — предисловие к запискам В. Мигурского, с. 24–26 и примеч. 8, 10 к нему.

⁵² Характерно, что еще авторы первых польских специальных монографий на сибирско-польскую тему, прямо отмечая значительные заимствования Максимова из труда Гиллера, как бы не увидели их анонимного характера и расценили их вполне позитивно (см.: Librowicz Z. *Op. cit.* — S. 147; Janik M. *Op. cit.* — S. 229–230). И в современной литературе

Автор данного предисловия надеется, что для его читателей оно послужит, помимо общего знакомства с фигурой Агатона Гиллера и с его сибирским наследием, также и убедительным доводом необходимости введения последнего в русскоязычный историко-культурный оборот. Конечно, эта задача оказывается весьма нелегкой хотя бы в силу внушительности объема и масштабности проблематики, охватываемой всей «сибириадой» Гиллера. Его центральный труд о Забайкальском крае, давно снискавший ему неоспоримую славу «Геродота» такого, еще ожидает подобной же известности и в самом этом крае, и в целом должен наконец сделаться доступным в Сибири и в России.

В данной книге предпринят первый целенаправленный шаг в осуществлении указанного замысла. В нее включена подборка нескольких эссе А. Гиллера, предназначенных автором для различных польских изданий, но хроноло-

наблюдается сохранение той же самой тенденции. Даже два таких преходящих знаменателя данной проблематики, как В. А. Дьяков и Л. Н. Большаков, в своей книге, посвященной супругам Мигурским (об этой работе уже велась речь в данной книге — в предисловии к разделу публикации записок В. Мигурского), утверждают, что С. В. Максимовым была предложена «интерпретация обстоятельств» судьбы Мигурских «всегоцело самостоятельная и в ней нет следа чужих влияний» (Bolszakow L. N., Dżakow W. A. Sprawa Migurskich.— Kraków; Wrocław, 1984.— S. 194). Между тем проведенный автором этого предисловия сравнительный анализ того достаточно краткого (всего на полторы страницы) изложения истории четы Мигурских, которое содержится в соответствующей главе «Сибири и каторги» С. В. Максимова (изд. 1871 г. С. 75—76; именно этот отрывок заинтересовал и вдохновил Льва Толстого на создание своего произведения по истории супругов Мигурских, что также подробно уже было рассмотрено в данной книге — в предисловии к публикуемым в ней воспоминаниям В. Мигурского), с соответствующим фрагментом труда А. Гиллера (Giller A. Opisanie Zabajkalskiej...— Т. 1.— S. 262—266) обнаружил совпадение целого ряда специфических деталей, что позволяет вполне определенно атрибутировать текст Максимова с названным сюжетом как сокращенную версию отрывка из книги Гиллера.

гически и сюжетно тесно примыкающих друг к другу и составляющих тематически самостоятельное целое. Временной период, затронутый в них, достаточно четко обозначен самим автором. Все они относятся к последнему этапу пребывания Гиллера в «сибирском изгнании» — его жительству в Иркутске в 1858—1859 гг. Данный комплекс очерков Гиллера условно может быть назван прибайкальским (или иркутским) — по аналогии с параллельно существующим таковым же забайкальским. Уступая последнему и в абсолютном общем объеме, и в количестве содержащихся там фактических сведений, он достаточно оригинален сам по себе, являясь органической частью сибирской публицистики героя нашего предисловия, до сих пор не издававшейся в таком сводном виде.

В публикуемых далее очерках в характерном для Гиллера геродотовском стиле нанизывания на стержневую линию повествования множества сопутствующих вставок⁵³ описываются как жизнь самой столицы Восточной Сибири, увиденная глазами польского очевидца, так и впечатления от предпринятых им же нескольких краеведно-ознакомительных экскурсий в близлежащие окрестности города. Помещаемые ниже работы А. Гиллера следует, на наш взгляд, рассматривать не только как оригинальные исторические источники, но и в определенной мере как ранние образцы польской сибирской репортажной журналистики. Подобные, насколько нам известно, не были еще объектами изучения специалистов.

Исходя из жанрового характера этих работ Гиллера, публикатор и автор данного предисловия объединил их общим сводным названием «Иркутские репортажи».

⁵³ В настоящей публикации эти сюжетные вставки подвергнуты необходимой редакционной правке: излишние их длины сводятся к краткому аннотированию либо вообще опущены с соответствующими пояснениями в комментариях.

Текстологические принципы публикации в данном разделе приняты единообразными с остальными частями книги. Все конкретные частные случаи передачи особенностей оригинального текста отражены нами в соответствующих комментариях.

Б. С. Шостакович

Z WYGNANIA.

PRZEZ

AGATONA GILLERA.

TOM I.

WE LWOWIE,
NAKŁADEM F. H. RICHTERA.

1870.

Агатон ГИЛЛЕР

**В РЕДАКЦИЮ «СЛОВА»
(ПИСЬМО ИЗ ИРКУТСКА) *1**

Первые номера С л о в а ² получили мы в Иркутске в начале февраля, а прочтя их, обрадовались, что опираетесь на собственную позицию с призывом к образованию, прогрессу, разуму и хозяйству страны, становитесь печатным органом реальных потребностей народа ³. Таким образом, весело поприветствовав «Слово», мы решили написать Вам. Перед тем как я сообщу Вам новости из отдаленного, расположенного в глубине Сибири Иркутска, считаю своей обязанностью несколько слов сказать о самом городе.

Иркутск расположен на равнине при устье Иркуты и ручейка Ушаковки, впадающих в Ангару, которая опоясывает его с двух сторон глубоким и широким руслом. Если глядеть из города в сторону Европы, глаз пронесется над длинным лугом, который украшают рощицы и белые стены монастыря, где покоятся останки первого иркутского архиепископа И н н о к е н т и я К у л ь ч и ц к о г о, родом поляка, зачисленного в сонм русских святых и покровителя Сибири ⁴. С юга за рекой тянется цепь холмов, поросших березой, с востока — возвышенность, называемая Иерусалимской горой, с церковью и кладбищем. С севера, за Ушаковкой, на взгорье темнеют кресты двух других кладбищ — на одном из них покоится известный в нашей литературе автор работы «О религии славян» О л ь ш е в с к и й Михал (ум. в 1840) ⁵.

На Иерусалимском холме рядом с греко-русским существует небольшое кладбище поляков, далее кладбища про-

* Перевод с польского Б. С. Шостаковича.

тестантов, евреев, а между кустами разбросаны могилы бурят шаманистской и ламаистской веры. По кладбищу, по тому как оберегается память об умерших, путешественник может сделать вывод о высоте моральных чувств каждого народа. Заключение, которое, судя по кладбищу, приходится сделать о жителях Иркутска, не является для них благоприятным. На могилах пасется скот и летом совершаются сцены, напоминающие римские оргии. Медный крестик и металлический лист не удержатся на надгробии: не ветер и буря, а рука жадного человека приберет их; даже железные плиты и ограды выламывают и крадут воры. В этом году кладбище, кажется, должно быть огорожено и приведено в порядок, и наше католическое кладбищечко на складчину поляков, собранную старанием здешнего настоятеля кс[ендза] Шверницкого⁶, вскоре станет огражденным и замкнутым от людей, оскорбляющих места вечного упокоения.

На католическом кладбище покоятся останки каноника и прелата Виленского кафедрального собора, кс[ендза] Л ю д в и к а Т р ы н к о в с к о г о, автора многих сочинений и замечательного проповедника, который, заболев от грусти помешательством, отдал Богу благородный дух в 1849 г. Здесь также похоронены: В о л ь ф г а н г Щ е п к о в с к и й, умерший в 1857 г., отличался искусной и мастерской игрой на скрипке и оставил после себя много неопубликованных музыкальных композиций; М а р ь я н П о д х о р о д е н ь с к и й (ум. в 1846 г.); Я ц е к Г о л ы н ь с к и й (ум. в 1846 г.); Л ю д в и к Я н и ш е в с к и й; Ю з е ф Х о р д ы н ь с к и й (ум. в 1840 г.); Ю з е ф С а с и н о в и ч (ум. в 1839 г.); Б о н и ф а ц ы Д о б р о в о л ь с к и й; Х о д а к е в и ч; К ш и ш т о ф Ц и м е р м а н н; В и л ь г е л ь м М а л ь ч е в с к и й (ум. в 1849 г.); А у г у с т ы н О д а к о в с к и й (ум. в 1853 г.) и много других людей, известных своими заслугами и благочестием⁷.

Город Иркутск не слишком обширен. Улицы немощеные, длинные, прямые, застроены деревянными домами, среди

которых кое-где возвышаются каменные. Движение на главнейших улицах поддерживается пролетками и кабриолетками чиновников и купцов. Жизнь города сосредоточивается на рынке, где толчея и суматоха торгующих немного напоминает шумные европейские поселения.

Иностранцу, проходящему по улицам Иркутска, похожего на все провинциальные российские города, бросаются в глаза некоторые черты, отличающие его от прочих: большое количество прекрасных лошадей в упряжках, цветы в окнах, увлечение которыми очень расширилось в последние годы, великолепные меха на салопсах и мантильях женщин, множество бурят с раскосыми маленькими глазами и лица урожденного здесь русского населения, носящие следы смешения с монгольской кровью.

Согласно последним подсчетам, Иркутск имеет 24 000 жителей, следовательно, он является самым населенным городом Сибири, а свои претензии на звание столицы ⁸ он оправдывает развивающимся умственным движением. Местные мещане и крестьяне имеют больше врожденной сметливости и ума, нежели мещане и крестьяне в Европейской России ⁹. Те, кто ожидал найти здесь полудиких жителей, с удивлением признают, что низшие классы населения в Восточной Сибири при большой тяге к пьянству, мошенничеству и торгашеству обнаруживают много терпимости и лоска в присутствии им манерах. До недавнего времени было совсем иначе. На смягчение нравов и расширение просвещения наиболее повлияла свобода крестьян, издавна существующая в Сибири. Однако старые сибиряки эту добродетельную перемену и прогресс цивилизации приписывают главным образом влиянию поляков, которые пребывали здесь в значительном количестве.

Грамотность населения очень повысилась, а когда рука бюрократии и армии менее тягостно будет задевать народ, просвещение быстрее и значительнее совершит прогресс на этой подготовленной поляками почве. Пьянство является

одним из величайших пороков здешнего населения. Пьют как на убой низшие и высшие слои общества. Мыслящие люди, побужденные примером славных наших жмудинов и литовского духовенства, которые уже близко к 100 000 крестьян склонили к алкогольному воздержанию, и в Сибири обратили внимание на эту ужасную привычку, которая влечет за собой темноту, нужду, а также моральный и физический упадок всего общества. В иркутской газете уже поднят вопрос о воздержании и побуждается сибирское население к наследованию примера наших крестьян в Жмуди ¹⁰.

Как же у нас здесь, в отдалении, сердце радуется, что наши соотечественники проявили инициативу в стольких похвальных и великих реформах, как раскрепощение крестьян и улучшение нравов через воздержание от алкоголизма и школы для сельского населения, что праведная их работа и самоотверженность ради общественного блага пробудили движение прогресса и социальной реформы и в России. И даже здесь, в Сибири, на границах Поднебесного государства, над холодными водами Байкала, побуждают они людей к доброй, прогрессивной деятельности. Подача первого проекта и просьбы к правительству об освобождении крестьян от крепостной зависимости обеспечивают нашей польской шляхте в Литве доброе имя в истории ¹¹.

Но возвратимся к Иркутску. Следует сказать, что в высших классах здешнего общества достаточно широко распространено чтение. В прошлом году в Иркутске была осуществлена подписка на 579 экземпляров периодических и выпускавшихся в виде сборников российских газетных и журнальных изданий, 39 экземпляров таковых же изданий французских, английских и немецких. Из вышеназванной цифры 147 экземпляров получали различные учреждения и казенные конторы, 276 экземпляров выписывали чиновники, а 196 — купцы и мещане.

Из польских журналов выписывались в Иркутске следующие: «Библиотека Варшавска» (2 экз.), «Паментник рели-

гийно-моральны» («Религиозно-нравственный дневник») (1 экз.), «Тэка Виленска» («Виленский портфель») (3 экз.), «Вольнэ жарты» («Откровенные шутки») (1 экз.), «Кроника вядомосьчи крайовых и заграничных» («Хроника отечественных и зарубежных новостей») (1 экз.), «Газэта Варшавска» (1 экз.). В этом году прибавляется еще «Газэта цодзэнна» («Ежедневная газета») (1 экз.) и «Слово» (2 экз.)¹². Таким образом, всего польских периодических изданий выписывается 12 экземпляров.

Польское население в Иркутске складывается из политических изгнанников, чиновников, военных и сосланных за уголовные и полицейские преступления. Общее его число доходит до 150 человек. Особенно ощущается отсутствие среди него полек. Женщины создают нравы, они являются душой и связующим звеном общества; стало быть, без них польская колония в Иркутске, не имея центра притяжения, живет в разрозненности. Мы не предлагаем гнаться по свету за карьерой и искать, на немецкий манер, хлеба насущного в чужих краях, но если наши соотечественники будут и далее прибывать сюда на службу, пусть перед отъездом с родины постараются упрочить браком свои чувства, ибо тогда изведает здесь большее сердечное утешение.

Кроме гимназии Иркутск обладает еще институтом воспитания девиц, женским пансионом и несколькими меньшими начальными заведениями. Потребность в высшем образовании стараются, по польскому примеру, удовлетворить публичными лекциями. В текущем году г. Ф. Львов в первый начал доселе неизвестный в Сибири публичный лекторий. Излагает перед собирающейся достаточно многочисленной аудиторией, в значительной степени состоящей из женщин, элементарные основы химии, которые должны быть вступлением к техническим лекциям о мыловарении, кожевенном деле, стеариновом производстве и тому подобному. Несколькими днями позже д-р Н. Кашин начал лекции о популярной медицине, а возвращающийся из научного пу-

тешествия на Амур Р а д д е, молодой натуралист из нашего Гданьска, прочел три лекции о животных, живущих в бассейне Амура¹³.

Ни один из этих господ не обладает лекторским даром, однако имеют они достаточно слушателей, ибо их лекции в моде, а бывать на них означает хорошее воспитание, либерализм. А кроме того, бывают на них и потому, что генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский на них бывает весьма регулярно. Господин Радде, как немец, очень плохо говорит по-русски, но свой доклад он оживлял шутивными сравнениями и как бы политическими намеками, которые очень развеселили и заинтересовали присутствующих.

Симптомом разбуженного умственного движения в Сибири являются также работы здешнего Географического общества, издаваемые в отдельном сборнике, пополнение недавно основанного музея и издание И р к у т с к о й г у б е р н с к о й г а з е т ы, которая под редакцией г. Масловского, русского, сделалась очень полезным печатным органом¹⁴.

Иркутская газета создала себе весьма значительное положение, постоянно выступая в защиту принципа гласности и свободы. Она взяла за свою обязанность указывать на безнравственность и должностные злоупотребления здравствующих лиц, которые под прикрытием литературного повествования и вымышленных фамилий оказываются очень знакомыми местным жителям. Они всегда знают, о ком это именно пишут, и каждый боится, чтобы его не пропечатали в газете. Это опасение приводит к тому, что мошенничества и злоупотребления уменьшаются; ибо каждый почувствовал, что оказывается под контролем общественного мнения, которое лучше уследит и удержит людей на честном пути, нежели все власти и контроли д е - ю р е. Средство, которым иркутская газета вырабатывает неизвестное здесь до сих пор общественное мнение, не всегда и не всюду может быть

применимо, но оно является единственным там, где зло глубоко укоренилось и требует кропотливой работы и эффективных способов его искоренения.

Недавно в газете напечатан очень важный проект проведения через Сибирь в Америку электрического телеграфа, разработанный г. Романовым и принятый Амурским торговым обществом, которое добивается концессии на это значимое предприятие. Господин Романов, показывая выгоды, какие получит Россия от сибирского телеграфа, резонно обращает внимание, что он упрочит политическое преимущество петербургского кабинета в Китае и Японии, вызовет более тесные политические отношения между Россией и Соединенными Штатами Америки и очень поспособствует подъему российской торговли в Средней Азии и на Тихом океане. Однако значение этого телеграфа прежде всего политическое, поскольку петербургский кабинет очень заинтересован в том, чтобы приблизить к себе Пекин и Америку¹⁵.

О дальнейшей судьбе проекта мы не замедлим Вам сообщить. Пока же для характеристики настоящего момента следует еще сказать, что безумство с предприятиями не только политических, но и промышленных завоеваний передалось и Сибири. Здесь, так же как и в Европе, распространяется множество планов, проектов фабрик, железных дорог, пароходов и тому подобного. Присоединение Амура, Уссури и Сахалина к Сибири, приобретение этих краев, наделенных превосходной почвой и буйной растительностью, привело в движение умы и капиталы, оживило мертвую и до того укрытую и отдаленную от мира Сибирь и теперь вводит ее как полнозначную единицу в общий капитал всего мира. Амур дает жизнь Сибири и более основательно обеспечивает влияние и преимущество России в Китае, чем Тяньцзиньские трактаты, заключенные Англией и Францией¹⁶, выполнение которых со стороны Китая всегда сомнительно.

Известно, что Амур был уступлен России (Китаем.— *Б. Ш.*) Айгуньским трактатом (16 мая 1858 г.)¹⁷. Этот трак-

тат, ратифицированный в Петербурге, повезли в Пекин господа Хитров и Неклюдов¹⁸ для вручения его действительному государственному советнику Перовскому, который как российский полномочный представитель отправился в столицу богдыхана вместе с российской духовной миссией. «Санкт-Петербургские ведомости» ошибочно сообщили, что эти господа имели полномочия от России на переговоры с китайцами об устройстве почт. Настоящую же цель их миссии мы указали выше. Выехали они из Иркутска в октябре прошлого года¹⁹.

Торговля России с Америкой через присоединение Амура и побережья Восточного океана вплоть до Кореи, изобилующего великолепными портами, что ни день увеличивается. Корабли американских купцов уже заходят в новые порты Сибири, а их товары уже показались на здешних рынках; видели мы в Иркутске также и японские товары. Амурское торговое общество устраивает паровое судоходство на Амуре, а когда на его берегах увеличится население, что, судя по степени интенсивной, почти лихорадочной его колонизации, вскоре наступит, Амур будет одной из ведущих торговых дорог в Азии.

Иркутск, расположенный на продолжении этой дороги, станет одним из крупнейших складских пунктов, население его значительно умножится, а с ним увеличится и количество прихожан здешнего католического костела. Ныне их число в связи с поселением солдат из великорусских гарнизонов в качестве казаков, среди которых много поляков, дошло уже до 1 200 человек и постоянно еще увеличивается. Торговые отношения с Америкой вызывают временное пребывание в Иркутске американских купцов, а среди них также немало католиков. Католический приход охватывает Иркутскую губернию и Якутскую область, следовательно, является, может быть, самым большим приходом в мире по территориальным размерам. Костёлик имеется только один в Иркутске. Маленький, белый, чистый, мило украшенный

кустами, растущими в вазонах, в 1857 г. был расширен старанием настоятеля и подполковника Болеслава Кукеля. Настоятелем является кс[ендз] Кшиштоф Швермицкий из ордена кс[ендзов] марианов, а викарием кс[ендз] Тыбурцы Павловский²⁰ из ордена кс[ендзов] францисканцев. Когда один из них объезжает разбросанных на огромном пространстве католиков, другой остается при костеле для отправления служб, достаточно массово посещаемых набожными прихожанами из города. Уважаемые наши священники, усердно занятые исполнением своих обязанностей, мужественно сносят труды частых и больших поездок, удовлетворяя наши духовные потребности и побуждая своим примером к добродетельной жизни. Надеюсь, что они простят мне публичное упоминание об их заслугах и трудах, приняв во внимание, что делаю это от имени благодарных прихожан.

При костеле находится библиотека, насчитывающая 3 000 томов, подаренная костелу возвращающимися на родину освобожденными изгнанниками. Ее библиотекарем является Агатон Гиллер. Кроме того, там находится начальная школа для польских детей, в которой преподает Франциск Крыницкий²¹. Организация этой частной и бесплатной школы — образцовая, а усердие и педагогическое дарование учителя — достойны всяческой похвалы.

Не желая расширять и так уже обширного письма, оставляю другие известия из здешнего края до дальнейшей корреспонденции.

Иркутск. В месяце феврале 1859

КОММЕНТАРИЙ *

¹ Оригинал польской публикации данного очерка помещен в 1-м томе изданного во Львове сборника работ Агатона Гиллера под названием «Из изгнания» (*Z wygnania. Przez Agatona Gillera.* — We Lwowie: Nakładem F. H. Richtera, 1870. — Т. 1. — S. 213–234).

В настоящей публикации сохранена авторская разрядка в соответствии с первоначальным печатным оригиналом текста очерка.

² Примечание Гиллера к данному месту текста очерка: «“Слово”, политико-литературный журнал, выходил в Петербурге в 1859 году под редакцией замечательного патриота Юзефата Огрызко и возвращенного из изгнания поэта Эдварда Желиговского. Московское правительство не желало терпеть духа прогресса, просвещения и патриотизма, поэтому быстро запретило издание “Слова”, а Огрызко привлекло к ответственности. Статья, которую мы здесь помещаем, была корреспонденцией, предназначенной для “Слова”, но прежде чем она дошла до Петербурга, “Слово” уже пало жертвой варварства московского правительства, а Желиговский укрылся за границей».

Желиговский Эдвард (1816–1864) — польский поэт и общественный деятель. Публиковал свои произведения под псевдонимом «Антони Сова». Наиболее известен своей «драматической фантазией» «Йордан» (1846 г.). Еще в юности преследовался властями за связь с организацией Ш. Конарского, впоследствии за конспиративную деятельность ссылался в Оренбургскую губернию, где завязалась его дружба с Т. Г. Шевченко. По возвращении из ссылки жил в Петербурге, занимаясь вместе с Ю. Огрызко издательской деятельностью, поддерживал контакты с революционно-демократической средой. В 1860 г. эмигрировал в Женеву.

Огрызко Юзефат (1827–1897) — чиновник российского Министерства финансов, издатель, представитель Национального правительства в период подготовки Январского восстания 1863 г. и сибирский политссыльный. (Об этом последнем периоде его жизни

* Выполнил Б. С. Шостакович.

и деятельности продолжительностью в четверть столетия см. подробнее: Шостакович Б. С. Сибирские годы Юзефата Огрызко // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1974. — Вып. 2. — С. 11 — 53.)

Газета «Słowo» была среди многочисленных оригинальных начинаний принадлежавшей Ю. Огрызко типографии, выпускавшей многие демократические издания книжного магазина Н. А. Серно-Соловьевича (одного из руководителей российской революционной организации 1860-х гг. «Земля и воля») и много литературы на польском языке. Задумана она была как альтернатива ультрареакционному одиозному проправительственному изданию «Тыгодник Пэтэрсбургски» («Петербургский еженедельник»). В ней ставились задачи пропаганды национальных польских традиций, а также способствования сближению с прогрессивной русской общественной мыслью. Однако после выхода 15 номеров газеты власти нашли повод закрыть новое издание. Не последнюю роль в этом сыграла администрация Королевства Польского, усмотревшая в нем гораздо более либеральную трибуну для выражения «польских идей», чем в самой русской части Польши, задавленной жестким цензурным прессом. (Издательской стороне деятельности Ю. Огрызко посвящена монография отечественного исследователя: Баренбаум И. Е. Иосафат Огрызко (1826—1890): Очерк литературно-издательской деятельности. — М., 1964.)

³ Опушенные в данной публикации фрагменты первоначального текста очерка касаются полемики Гиллера с неким критиком, выступившим в 1858 г. в журнале «Библиотека Варшавска» (под псевдонимом «Ноль») в качестве «друга литературы» с советами, адресованными редакции «Слова». Как замечает Гиллер, к его радости, этих советов редакция не послушалась.

⁴ Кульчицкий Иннокентий (Иоанн) (1682—1731) — первый епископ Иркутский и Нерчинский. Был иеромонахом Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге, затем — префектом и учителем философии в славяно-греко-латинской академии и обер-иеромонахом флота. В 1721 г. отправлен через Иркутск с миссионерской экспедицией в Китай. После отказа ему на въезд туда был определен епископом в Иркутск. Помимо духовной деятель-

ности был известен благотворительностью и иконописанием. В 1804 г. канонизирован и сделался, таким образом, первым сибирским святым. Род Кульчицкого происходил из украинского региона Украины, с территории Черниговщины, находившегося на перекрестье влияния русской (с ориентацией на православную конфессию) и польской (с таковой же на католичество) культур. Сама по себе фамилия эта достаточно широко распространена и в польской среде. Отсюда, по всей вероятности, утверждение Гиллера об Иннокентии Кульчицком как «о поляке родом». Кстати сказать, ту же версию высказывают и некоторые другие его соотечественники, касающиеся данного вопроса. Такие утверждения объяснимы по своей историко-психологической природе, но недостаточно корректны с научной точки зрения.

⁵ Ольшевский Михал Войчех Цыприан (1818—1840) — конарщик (о последних см. предисловие к воспоминаниям Ю. Ручиньского). Был приговорен к ссылке на каторжные работы. В Иркутск доставлен уже тяжело больным и умер 21 марта 1840 г. в больнице Иркутского тюремного замка. А. Гиллер не вполне точен в сведениях о его работе, которая в действительности называлась «Образование славян-язычников» (Pamiętnik Naukowy.— Kraków, 1838).

⁶ Швермицкий (в отдельных случаях написание фамилии Шверницкий) Кшиштоф Марья (1812 (1814) [?] — 1894) — ксендз, принадлежал к ордену марианов. За причастность к конспиративно-агитационной деятельности периода подготовки польского восстания 1846 г. был выслан в Иркутск. После смерти настоятеля Иркутского костела Д. Хачиского (Гациского) вначале временно замещал его (с конца 1855 г.). В 1856 г. был официально утвержден в этой должности и бесценно занимал ее до своей смерти в декабре 1894 г.

⁷ Наряду с приведенным в данной статье перечнем польских католических захоронений в Иркутске (на период 1859 г.) А. Гиллером написан на ту же тему более подробный очерк под названием «Польские могилы в Иркутске» (опубликован в том же львовском двухтомнике «Из изгнания», что и настоящая его статья для журнала «Слово» («Słowo») (Z wygnania.— Т. 2.— S. 1—79)). В силу значительного объема указанная статья не мо-

гла быть включена в данную книгу. Здесь следует указать лишь отмеченные в ней Гиллером имена поляков, покоящихся на Иерусалимском кладбище Иркутска, которые не попали в публикуемый его иркутский репортаж для «Слова». Это: Казимеж Добровольский, Франчишек Подгурский, Юзеф Творев, Мачей Мыстковский, Антони Жаба, Павел Гадомский, Станислав Тшчиньский, Вавжинец Гловацкий, Дымитр Бэзьнюк, Анджей Романчук, Юзеф Багиньский, Даниэль Балановский, Антони Нечаевский. (На указанную тему см. также: Шостакович Б. С. Памятники и памятные места Иркутска, связанные с политической ссылкой 1830—1880-х гг. // Памятники истории и культуры Иркутска.— Иркутск, 1993.— С. 170—174.)

⁸ Не вполне ясно, что подразумевал Гиллер под «претензиями» Иркутска «на звание столицы». Можно, однако, пояснить, что статусом «столичного города» Иркутск обладал на вполне законных основаниях, будучи официальным центром и резиденцией органов административного управления на огромном территориальном пространстве, входившем в пределы генерал-губернаторства Восточной Сибири.

⁹ Эта мысль неоднократно обосновывается и в различных вариантах развивается в работах А. Гиллера, в частности, в его трехтомном «Описании Забайкальского края в Сибири». См. об этом подробнее: Шостакович Б. С. «Польско-сибирская» литература XVIII—XIX вв. — источник изучения стереотипов восприятия выходцами из региона исторической Речи Посполитой зауральской России и ее населения // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 23—24 мая 2006 г.).— Иркутск, 2006.— С. 172—177.

¹⁰ Иркутской газетой могла быть только единственная выходившая в ту пору (с 1857 г.) — «Иркутские губернские ведомости».

Жмудь — см. коммент. 39 к очерку А. Гиллера «Прогулки в окрестностях Иркутска».

¹¹ Действительно, помещики Виленской и Ковенской губерний впервые в России согласились обсуждать проблемы, связанные с отменой крепостного права. 20 ноября 1857 г. царское прави-

тельство издало на имя виленского генерал-губернатора В. Н. Назимова рескрипт, положивший начало подготовке реформы 1861 г. Большинство дворян-землевладельцев в литовских землях составляла польская, или полонизированная, местная шляхта — как историческое наследие прежней единой польско-литовской государственности. В этом смысле А. Гиллер и пишет о «нашей польской шляхте в Литве» (по этому поводу см. также в данной книге коммент. 10, 107 и 131 к воспоминаниям Ю. Ручиньского).

В связи с затронутой темой Гиллер касается ряда конкретных обстоятельств осуществления и насущных задач реформирования в историческом пространстве территорий бывшей Речи Посполитой, воспринимаемых им в категориях единой Польши. В данной книге эти фрагменты текста сознательно опускаются как отвлеченные от прямой ее тематики.

¹² Характерно, что все перечисляемые А. Гиллером польскоязычные издания, выписываемые в Иркутске, публиковались на территориях, входивших в состав Российской империи. По всей вероятности, цензура не пропускала таковую же периодическую печать из польских областей Австрии и Пруссии.

¹³ Львов Федор Николаевич (1823—1885) — ссыльный петрашевец. Был химиком по специальности. Сибирскими властями неоднократно привлекался как компетентный специалист по химическому анализу и по горному делу.

Кашин Николай Иванович (1825—1872) — известный врач, занимавшийся исследованиями ряда заболеваний в восточносибирском регионе, в том числе болезни, получившей название Кашина-Бека.

Радде Густав Иванович (1831—1903) — естествоиспытатель и этнограф, путешественник. Родился в г. Данциге (Гданьске), с 1852 г. переселился в Россию. Участвовал в многочисленных экспедициях по Восточной Сибири и другим регионам России. Автор трудов географического, этнографического и естественно-научного характера. С 1863 г. жил в Тифлисе и участвовал в создании Кавказского музея.

¹⁴ Приведение Гиллером фамилии Масловского вызывает вопросы, нуждающиеся в выяснении. Как известно, первая иркутская газета, называвшаяся «Иркутские губернские ведомости» (у Гиллера

искажено ее настоящее название), начала выходить с мая 1857 г. под редакцией петрашевца Н. А. Спешнева. В 1859 г. (с № 11) редактирование перешло к М. В. Загоскину. У него этот пост принял Н. Масловский в 1860 г. (с № 4). Таким образом, упоминание Гиллером его фамилии как редактора в публикации, датированной началом 1859 г., недвусмысленно свидетельствует, что в ряд мест ее текста автором вносились более поздние изменения.

- ¹⁵ Гиллер имеет в виду статью в «Иркутских губернских ведомостях» за 1858 г. В связи с тем что последующее достаточно обстоятельное описание Гиллером конкретных деталей данного проекта (относящихся к стоимости и последовательности его осуществления) является вторичным переложением указанной публикации, в настоящей книге соответствующий фрагмент текста из его очерка не приводится.
- ¹⁶ Тяньцзиньские англо-китайский и китайско-французский договоры. Подписаны в июне 1858 г. в результате поражения Китая в англо-франко-китайской (так называемой второй опиумной) войне 1856—1860 гг. Предоставляли существенные широкие привилегии английской и французской буржуазии как торгово-экономического, так и политического характера. Ратификация обоих договоров состоялась в 1860 г. в соответствующих Пекинских договорах. Данные соглашения были совершенно неравноправными для Китая и явились значительным этапом в его превращении в полуколониальную страну.
- ¹⁷ См. о нем в данной книге коммент. 73 к воспоминаниям В. Мигурского.
- ¹⁸ Примечание А. Гиллера к данному месту контекста очерка: «Неклюдов Михаил по возвращении из Пекина оказался застрелен на поединке любимцем Муравьева-Амурского исправником Федором Беклемишевым. Вследствие этого началась сильная и долгая агитация против любимцев генерала, а потом против него самого. Позднее она приобрела политический характер и дошла до того, что Петрашевский держал речь к народу на рынке Иркутска, а один раз, ворвавшись на служебное заседание советников генерал-губернатора, обругал их. За это вывезен из Иркут-

ска в Минусинск. Русские изгнанники разделились на две партии: Петрашевский и Львов руководили агитацией против Муравьева, Бакунин — его защищал».

¹⁹ В данной публикации опущен последующий фрагмент текста очерка с пространным отступлением Гиллера от основной темы его повествования. В нем идет речь о пути следования из Иркутска в Пекин упомянутых им посланцев, условиях и времени его совершения. (Как отмечает Гиллер, эта их доставка из Иркутска до Пекина заняла 36 дней, в обратном же направлении тот же путь Неклюдов преодолел за 18 дней. Такое же время требуется обычно и для доставления курьера от Иркутска до Петербурга.) Здесь же приводятся отрывочные данные о некоторых сторонах внутреннего положения в Китае и интерпретация Гиллером взаимоотношений России и Китая в связи с ратификацией Айгуньского соглашения.

²⁰ Кукель Болеслав (Казимирович) (1829—1869) в описываемое А. Гиллером время — полковник штаба войск Восточной Сибири. Среди прочего входил в состав официального коллегиального руководящего органа местной католической общины под названием: «Комитет, учрежденный при Иркутской римско-католической приходской церкви, по разным предметам». Об этом см., в частности: Шостакович Б. С. История Иркутского римско-католического прихода до начала XX века в отражении материалов Государственного архива Иркутской области // Сибирь в истории и культуре польского народа. — М., 2002. — С. 114—123.

Павловский Юзеф Тыбурцы (1796—1874) — ксендз, принадлежал к ордену бернардинцев. За участие в организации конарщиков (см. в данной книге — предисловие к воспоминаниям Ю. Ручиньского) был сослан в Сибирь на поселение, которое отбывал в Забайкалье. Получив в 1857 г. разрешение возвратиться на родину, остался в Иркутске при костеле, где выполнял обязанности викарного священника при настоятеле К. Швермицком (официальное утверждение его в этой должности было получено из Петербурга в 1858 г.).

²¹ Крыницкий Франчишек (ок. 1823 — после 1862) — был обвинен «во внушении сыну начальника Станиславовского уезда...

во время преподавания уроков зловредных правил и ненависти к правительству, которые, вероятно, распространял между иными». Отправлен на принудительную военную службу в Сибирь, где находился с 1850 г. В 1857 г. «был уволен в отставку... но без возвращения на родину и с запрещением заниматься преподаванием уроков и воспитанием детей» (см.: ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 6. К. 38. Л. 252 об., 282 — 282 об.). Однако, как можно видеть из данного контекста, преподавательская деятельность все-таки им осуществлялась в эту пору в Иркутске.

ПРОГУЛКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ИРКУТСКА *1

I

Болезнь глаз, которой подвергаются перемещенные в Сибирь европейцы, начала и меня сильно донимать в 1859 году. Должен был я забросить перо и книгу, приятнейшую услугу в изгнании, поскольку каждое хотя бы малейшее напряжение зрения вызывало кровоизлияние в глазной белок около зрачка и вызывало ощутимые боли. Одной только матери я сам писал письма, чтобы из-за водимого чужой рукой пера не было у нее поводов для беспокоящих догадок об изгнанном сыне. В писании писем к иным лицам, также как и работ, которые я намеревался осуществить, я должен был прибегнуть к помощи кого-либо. Моим чтецом и писарем был Владыслав Малиновский, взятый в армию, а затем из Саратова отправленный на поселение к сибирским казакам, молодой человек, привязанный ко мне полным уважением. Несмотря на казачество, в которое его втокнули, отличался он любовью к Польше, участливостью к соотечественникам и охотно служил мне своими глазами и рукой. Однако недолго я пользовался его доброй волей. Доктор Гжибовский посоветовал мне, чтобы я прервал всякую умственную работу и выехал в деревню для отдыха и там лечил свои глаза зеленью лугов и лесов.

Последовал я совету врача и вскоре затем пустился в путь из Иркутска лодкой по Ангаре в Усть-Куду, к Константы Хэйбовичу², изгнанному в 1854 году за намерение отбить польских рекрутов и поспешить затем вместе с ними

* Перевод с польского Б. С. Шостаковича.

на помощь к туркам, сражающимся с москалями. В упомянутой деревне он купил себе домик и занимался лесным хозяйством, то есть выгонкой дегтя.

Лодка быстро несла нас — меня вместе с сопровождающим Рудольфом Зарэмбой³, и гребцов по чистой, зеленоватой поверхности Ангары, самой быстрой из больших рек, какие видел я во многочисленных своих путешествиях. Ее течение в несколько сажень⁴ глубиной устремляется из Байкала с бесподобной скоростью. Судоходство для кораблей с глубокой осадкой здесь почти невозможно. Плывущую в Иркутск барку, которую мы встретили по пути, восемь лошадей едва были в состоянии тащить вверх по этой великолепной реке, более широкой и полноводной, чем Днепр.

По миновании деревни Жилкиной⁵ я начал присматриваться к горам по правому берегу, поросшим березой и сосной. Самая высокая из них, с которой открывается обширный вид на луга подле Ангары, зовется Верхоленской горой. Тропка у ее подножия вьется через возделанные поля, а по ней шествует толпа бурят в «малахаях»⁶, истинных наследников этой земли.

На реке лежало несколько островов, заросших ивой. Прекрасная зелень одного из них приманила меня к себе. Приказал я пристать к его берегу, и высадились мы все среди цветов, которые украшали его луговой ковер. С острова у нас был вид на деревню Бокова⁷, заселенную субботниками. Стоящие у берега женщины с ландышами в руках выглядели как девы с полотна Андреа дель Сарто⁸. Спускающиеся с их голов покровы зеленого цвета придавали фигурам их античное достоинство. Это не русский костюм, но позаимствованный у женщин Палестины, у тех женщин, которые тысячу лет назад населяли Святую землю.

У субботников все древнее, поскольку веру, которую исповедуют, приняли они только в XV веке. Тогда вот объявился в Великом княжестве Московском погруженный в каббалу⁹ еврейский апостол Шариа, который едва ли не

половину тогдашних москалей обратил в веру, реформированную им из еврейской. Иван Грозный очень преследовал сектантов, и ему-то, может быть, должны быть признательны москали за то, что еврейство не объяло всей их страны. Субботников, бунтующих против чрезмерного притеснения, он преследовал огнем и железом и несколько десятков тысяч покарал мечом. Это были сцены более кровавые и более широкого масштаба, чем те, которые учиняла священная инквизиция в Испании.

Наследники Ивана Грозного также не были милостивы к субботникам. Преследуемые всеми царями, они должны были исповедовать свою веру втайне. Число их очень уменьшилось, но и сегодня достигает еще нескольких десятков тысяч, рассеянных особенно по Курской и по Иркутской губерниям. Деревню Бокову составляет только рабочее население. Субботники священных еврейских книг не знают, говорят лишь по-русски. Однако же празднуют шабас¹⁰ и сохраняют много еврейских обрядов, ожидая, подобно израильтянам, пришествия Моисея. Русских христиан они рассматривают как другой народ. Поприветствовали мы стоящих у берега субботниц и поплыли дальше. Они долго смотрели нам вслед, покуда наша лодка не исчезла из виду на повороте реки. Тем временем мы приближались к цели нашей экскурсии. Едва заметили мы устье речки Куды, впадающей с правого берега в Ангару. Эта речка имеет несколько миль в длину. Истоки ее находятся на север от села Усть-Куда, к которому мы, высадившись на берег, шли через луг с речными заливами, рукавами, покрытыми высокими кочками, поросшими лапчаткой¹¹, цветущей желтым цветом. Прыгая с одной кочки на другую, проходили мы рядом с развалинами мельницы, некогда собственности француза Ришьера, жена которого содержит в Иркутске пансион для девушек, и, миновав стада пасущегося скота, мы пришли наконец в деревню.

Хэйбович уже ждал нас с самоваром и с блинами, при которых остаток дня прошел в беседе об освобожденных и

возвращающихся на родину коллегам. Нас, собравшихся в Усть-Куде, на этот раз миновала царская милость. Несмотря на благосклонное представление к освобождению, сделанное Муравьевым-Амурским, оставили нас в Сибири до дальнейшего распоряжения¹². Хотя сердце сжималось от грусти, что ворота Польши вновь перед нами заперты, мы утешались тем, что в Сибири осталось уже небольшое число нас, приговоренных к более продолжительной тоске по родине.

На следующее утро, взяв в руки палку, я пошел в близлежащую пуцу, предварительно осмотрев узкие и кривые, застроенные маленькими домиками улицы Усть-Куды * и церковь, воздвигнутую еще в 1782 году. Пуца, в которую я отправился один без проводника, тянется на сотни миль, можно было бы идти по ней хоть до Камчатки. Это целый мир, темный, понурый, хотя и зеленый, речью которого является нескончаемый, как морские волны, шум деревьев, приводимых ветром в движение у вершин, а внизу молчаливый, тихий, как бездонные глубины океана. Все в нем молодо, свободно, под законом Божиим! Здесь нет решеток, полиции и жандармов, нет победителей и побежденных! Нет славы и позора и нет, какое счастье, той немецкой культуры, о которой, пожалуй, напоминает маленький горноста́й, поставляющий мех для украшения монарших порфир, которого я вот вижу на ветви, готового броситься на загривок другого зверя и перегрызть ему все жилы на шее!

Как же здесь свободно дышится! Мне кажется, что все заразы, которые я поглотил во влажных тюрьмах и в смрадных степях сибирской дороги, вытягивает у меня из груди этот воздух, наполненный бальзамами лиственничной живицы и свежестью березовых листьев. Передо мной закрылись страницы написанных книг, но открылась большая книга природы! Вот сине-зеленый, отблескивающий золотом трехрядный панцирь, в который заковано тело майки, а около

* Усть-Куда в 1859 г. насчитывала 280 податных душ. (*Примеч. авт.*).

шеи вытянутая вверх складка твердого панциря создает как бы часть рыцарского защитного ее вооружения. Одна майка поедает листок потенциллы¹³, а у другой в груди червь, который ее саму пожирает. Одно создание служит другому, ибо вся природа является только собранием все более высоких целей, которые кончаются в самой высшей, самой общей, все иные обнимающей цели — в Боге.

Наблюдение за этой лесной жизнью отняло у меня несколько часов. Должно быть, уже наступил полдень, поскольку сверху через густую листву лучи солнца как золотые нити коснулись влажной земли, заросшей розовой вероникой, и просветлили затемненные заросли пуши. Двигался я дальше и дальше без дороги, в сторону, куда меня глаза вели, безмерно обрадованный, что жители этого девственного королевства признавали меня за своего брата. В первый раз я узнал тогда особенное наслаждение, о котором никогда не мечтал, возникающее из ощущения общности с тем, что меня окружало, при полном знании о моей самостоятельности. Я уже не был одинок в этой пуще.

Птицы не убегали от меня, но, глядя доверчивыми глазами, щебетали свои отрывистые мелодии. Что-то зашелестело в кустах. Я встал под елью. В трех шагах от меня пробежала косуля, а за ней — великолепный козел. Это любовная погоня. Уже он близок к ней, уже ее догоняет, когда она одним прыжком повернула в сторону, а другим встала на линию, по которой выбегала. Снова бежит рядом с елью. Посмотрела на меня, но не встревожилась. Козел же, который уткнулся в нее распаленным взором, не видел меня, стоящего под деревом.

Истинное это удовольствие, когда звери не убегают от человека! Не боялись они меня, ибо чувствовали, что я не был их врагом, не готовил им западню, не угрожал их жизни. Никогда также в частых моих прогулках по пуще у меня не было другого оружия, кроме палки, никогда я не смущал покоя и безопасности ее жителей звуком выстрела. Мне было

хорошо среди них и определенно лучше, чем среди людей, мысль которых привыкла подозрительно выискивать шпиона, вытягивать, подобно немецким или русским газетам, по биению сердца, вздоху, молитве или полному карману домыслы о бунте против императора.

Но вот и человек! Что он здесь делает? Какой случай привел его по моим следам в это свободное от человеческой власти королевство? Старичок собирает ягоды, а следовательно, это не чиновник, не учитель, имеющий приказ отучать от польской речи и охлаждать любовь к польскому отечеству.

Нет — это какой-то порядочный человек. Поздоровались мы взаимно и, быстро познакомившись, сели друг подле друга на пригорке, по которому простерлась земляника. Моего нового знакомого звали Василием Зверевым. Родился он в Усть-Куде и здесь дождался старости, трудясь как землепашец и как охотник. Теперь работать уже не может, потому дети посылают его в лес по ягоды. Разговорившись, рассказал он мне интересные вещи о тайнах пущи.

«Однажды, — говорил он, — возвращаясь из бора домой, встретил я человека, сидящего на пне и шьющего обувь. Я страшно испугался, ибо сразу узнал, что это Л е с н о й * . Не смотрел он на меня, только шил себе дальше свои в е р с т о - в ы е с а п о г и ** . Вдруг облака заслонили месяц. Поднял он тогда голову с глазами, горящими как раскаленные угли, и ужасным голосом вскричал: “Светите! Свѣта!” По его приказу облака разошлись и месяц вновь светил духу, занятому своей работой. Едва живым возвратился я домой. Небезопасное это дело, — говорил далее Зверев, — ходить одному по пуще. Ибо Лесной устраивает разные проказы с теми,

* Лесной — дух леса. (Примеч. авт.).

** «Верстовые сапоги» означают то же самое, что в сказках нашего народа «милевые сапоги». Кто их наденет, с каждым шагом сделает несколько миль. (Примеч. авт.)¹⁴.

кто сюда приходит. Временами переодевается в голубой халат и ходит по пропастям, где немудрено сломать себе шею, а подчас заведет в такие места, что уж никто оттуда домой не попадает. Не один погиб таким образом, и кости его белеют в пуще непогребенными. Особенно же Лесной любит ходить за женщинами, собирающими ягоды или грибы. Одну из них, из нашей деревни, схватил он в лесу и перебросил в Усть-Балей¹⁵. Водяной* же схватил однажды мою кобылу, бросил ее в воду и утопил».

Рассказ Зверева открыл передо мной брильянтовую область фантазии, которой вообще так мало обладают прагматичные по складу туземцы. В момент она заселила зеленое королевство, которое я так любил, чудесными образами и переселила на эти деревья: карпатских дзивожон, великопольских богунков, литовских свитезянок и украинских русалок. Народные баллады и песни наших великих поэтов неземной мелодией заиграли в моей душе¹⁶.

Я сказал Звереву, который, казалось, был удивлен, что его рассказ не пронял меня страхом, что я был бы рад встретить Лесного, что я менее бы испугался проказливого духа, нежели бродяг, которые с целью собирания убогой одежды не одного уже убили. Покачивая головой, старичок возразил, что страшны только злые духи и зашаманенные места**, а не бродяги, которых, впрочем, и потому уже я не должен бояться, что они в дебри не забираются, но держатся дорог и тропок, идущих по краю лесов, где легче чем-то поживиться или добыть милостыню.

В дальнейшем путешествии мне уже сопутствовал Зверев. Непрерывно идя по все более темневшей пуще, я был приятно удивлен неожиданно открывшейся перед нами впа-

* Водяной — дух воды. (Примеч. авт.).

** Зашаманить — значит заколдовать. Слово образовано из названия «Шаман», означающего священника первобытной религии всех народов северной Азии. (Примеч. авт.).

диной, которую старичок назвал долиной Ишума. По правде сказать, дикая она и глубокая, но протекал по ней среди зарослей сердечника прозрачный ручеек и блестело зеркало маленького прудика, а при нем тарахтела колесами мельничка, построенная на литовский манер. Вошли мы в нее и застали там старого мельника, который радушно встретил нас беседой и пищей. Этот мельник, фамилия которого вылетела у меня в стольких приключениях из памяти, был поляком, родом из Ошмян, помнил он резню, которую москали устроили в костеле в 1831 году¹⁷, так как за восстание в Ошмянском уезде и был он прислан на поселение в Сибирь. Живет здесь одиноко, как отшельник. Поодаль от его мельнички стоит хатка охотника, который также является поляком, повстанцем. Где только наших нет? Эти два литвина¹⁸ осели в пуще, поскольку напоминает она им родные леса, в которых еще король Мендовг¹⁹ охотился. Охотника не было дома, но его собака сильно донимала с у р к а²⁰ в норе, который, хотя и невелик, мужественно защищался от нападения. Я отогнал собаку, и мы пошли к дому.

В одном месте в пуще возвышался значительный холм. Взошли мы на его верхушку. Обернувшись на юг, увидели мы с него равнины, прилегающие к вьющейся как лента вокруг островов Ангаре. А за равнинами — боры, амфитеатром поднимающиеся по горам, замыкающимся на горизонте хребтами альп Саянских и Тункинских, которые отграничивают Сибирь от Монголии.

Завидев реку, мы уже легко сориентировались по ней и вышли из пущи. Вскоре мы добрались до каменоломни на высоком ангарском побережье, из которой как раз выходили рабочие *. Камни, которые вытесывают здесь, отправляют сплавным путем в Иркутск.

* Рабочий в здешних каменоломнях получает от 7 до 10 рублей серебром в месяц и содержание. (Примеч. авт.).

Отсюда не так далеко было нам и до деревни. На ее задворках в лесной тени наткнулись мы на свежеразбитый лагерь цыган. Число их в Сибири значительно увеличивается, ибо что ни год немало их суды приговаривают за бродяжничество на поселение. В Сибири они ведут подобную той, что и в Европе, жизнь. Зимой оседают в деревнях, летом же кочуют, перебираясь в отдаленные пункты этого края. Они не имеют родины, поэтому Сибирь не является для них изгнанием. Напротив, обширные здешние пространства, отсутствие властей, докучающих полицейскими предписаниями, свобода, которой они по этой причине пользуются, делают для них пребывание в Сибири очень приятным и даже желанным. Заработки они имеют здесь немалые от ворожбы, танцев, пения, перекупки, побирательства и разных других цыганских занятий.

Едва развесили они между ветвями несколько полотнищ, которые им служат шатром, едва пустили коней на траву, а на темном фоне леса покраснелись их костры, как уже в табор прибыла толпа людей из деревни. Я застал в одном месте на траве двух молодых и красивых цыганок с красными платками на голове, танцующих под скрипку в кругу любознательных крестьян.

Танец их был весьма оригинален, я назвал бы его индийским. Поклоны и выгибание тела во все стороны, ломаные прыжки, любовное возведение глаз на окружающих, округлые, символические фигуры, производимые руками, — все это создавало совершенно прекрасное целое, которое, будучи перенесено на театральные подмостки, привело бы в восторг любителей балета.

В другом кружке, состоящем преимущественно из девушек, уже немолодая цыганка в голубой юбке ворожила на нитке, смачиваемой в стакане воды.

Далее другая цыганка, очень уже старая, кривая, страшная, как колдунья, в одежде, распадающейся на куски, шептала что-то на ухо попу, держа его ладонь в своих руках. Этот

поп из России, приговоренный к поселению за кражу с применением насилия, является сельским учителем в Усть-Куде. За обучение платит ему заседатель Васильев, однако у этого учителя только несколько учеников. Родители боятся посылать детей в его школу из-за того, что одному мальчику за невыученный урок он вырвал все волосы на голове, а нескольких других так сильно побил, что должны были долго излечивать свои посиневшие, покрытые струпьями тела после такого учительского наставления. Что наворожила цыганка духовной особе? Не узнал я этого, однако должны были то быть интересные вещи, поскольку поп с напряженным вниманием и с удовлетворением слушал ее таинственный шепот.

Миновал я эту группу и приблизился к другой. Под ольхой, опершись о ветку, в живописной позе стоял высокого роста цыган с молодым, очень красивым лицом и, сам себе подпевая, играл на теорбани украинские песни слушающим его парням. Пение не мешало ему внимательным взором глядеть на молодую меланхоличного вида русскую девушку с льняными волосами, которая варила у костра пищу для всей компании. Явно видно, что девушка не цыганского происхождения. Старая цыганка, которую я спросил о ней, рассказала мне, что девушка происходит с Украины, что она сирота. Крестьянка с берегов Роси, умирая, отдала цыганам свою дочь на воспитание. С Украины, по которой кочевала эта ватага, русская девчушка вместе со своими опекунами оказалась пригнана в Сибирь и здесь им служит. Мне кажется, что она является невестой молодого цыгана.

Заходящее солнце бросило пурпурные лучи на цыганские картины, и, последний раз увидев в их освещении веселую жизнь табора подле пущи, пошел я, наконец, сильно уже усталый, к товарищам, которые были обеспокоены моим отсутствием в продолжение целого дня.

II

Назавтра после трудной прогулки в пуще я провел целый день в деревне, не выходя далеко за ее черту. На одной из улиц показали мне дом, где какое-то время жил князь Сергей Трубецкой после выхода на поселение с рудника, к работам на котором он был приговорен как один из начальников декабрьской революции в Петербурге, разразившейся после вступления на трон Николая. Сегодня дом пустой, начал уже рушиться, ибо князь из него давно перебрался в Иркутск, откуда, освобожденный Александром II, вернулся в Россию.

Трубецкой и коллега его, приговоренный за то же самое дело князь Сергей Волконский, несмотря на то что оба были изгнанниками, пользовались в Сибири немалым уважением, как и вообще все так называемые декабристы. Дома их собирали всех известнейших людей. Даже генерал-губернаторы Руперт²¹ и Муравьев-Амурский, хотя публично не могли иметь с ними иных отношений, кроме тех, что были рекомендованы царскими инструкциями, бывали у них и прибегали к их советам. Декабристы вместе с польскими изгнанниками, разумеется, более обделенными правительством, задавали тон в местном обществе и прививали таковому европейские культурные навыки.

В частой материальной нужде изгнанные князья спасались деньгами иркутского католического настоятеля, ксендза Хачиского, экс-бернардинца и скупца, который, однако же, все, что собрал, разодолжил без процентов и расписок на вечное невозвращение. Декабристов он особенно поддерживал, а среди них наиболее одаривал семьи обоих князей, навещая которых ввел в привычку как бы ненароком, всегда в одном и том же месте, на фортепьяно, оставлять деньги. Хозяева знали об этом деликатном великодушии своего гостя и после его ухода находили под нотами «б у м а ж к и», которыми поддерживали в изгнании блеск княжеских домов. После освобождения и возвращения к своим состояниям ни

один из них, насколько мне известно, ничего не сделал для костела, настоятелем которого был их умерший меценат. Это удивляет тем более, что костел находился в нужде, поскольку новый настоятель, ксендз Кшиштоф Швермицкий²², занялся его реставрацией, а полковник Кукель, шеф штаба войск Восточной Сибири, собирал на эту цель взносы*. Однако не следует по этому поводу делать заключений, оскорбительных для характеров обоих князей. Хотя и слабой воли, непостоянные и нерешительные, они оба были людьми благородными и образованными. Но ни ум, ни характер их не являлись равны таковым у Лунина, умершего в Акатуе, у Никиты Муравьева и генерала Юшневского, женатого на польке, Круликовской, умерших в окрестностях Иркутска, ни у Петра Муханова, умершего в Усть-Куде**.

Число декабристов, которые в изгнании окончили свою жизнь, очень значительно. Воспоминанием о них горд сегоднешний либеральный русский мир, и не без основания: те, которых мы узнали, были лучшими людьми и не настроенными против Польши. В то время когда меня гнали через Иркутск в Нерчинск, кроме упомянутых князей жили еще в Иркутске Александр Поджио, Бычестны и Кихельбекер²⁵, о которых не много было слышно. Старость отодвинула их в сторону, изгнание истерзало. Те, кто пережил своих товарищей, были уже только великолепными руинами, реликвия-

* Кукель (Болеслав. — *Б. Ш.*), родом из Орши, служил вместе со своим, равно как и он, набожным братом Брониславом в сибирских войсках, занимая высокую должность начальника штаба. Оба были честными людьми и много хорошего делали для изгнанников. Старший брат был замечательным музыкантом. Перед моим отъездом из Сибири на прощание сыграл мне на фортепьяно самые прекрасные сочинения Шопена с силой и проникновением, не оставляющим желать ничего лучшего. Произведенный в генералы, он умер на водах в Карлсбаде в 1870 году²³. (*Примеч. авт.*)

** Петр Муханов был братом Павла, известного сатрапа в Польше, который умер в прошлом году в Петербурге²⁴. (*Примеч. авт.*)

ми эпохи, которая полила мученической кровью первое зерно свободы, брошенное в российскую почву²⁶. Итак, у нас есть надежда, что это зерно не погибло!

Кроме декабристов здесь в изгнании были также иные еще с давнейших времен представители российской свободы, след которых мне едва удалось отыскать. Это были крестьяне из военного поселения в окрестностях Великого Новгорода, некогда столицы независимой и могучей республики, быт которой цари уничтожили насилием и натиском, а дух убили жестокостями, более кровавыми, чем те, что во времена Альбы наполнили Бельгию пожарами и могилами. Крестьяне эти были присланы за бунт против царя, начатый 16, 17, 18, 19 и 20 июля 1831 года, во время нашего восстания. Счастье, издавна сопутствующее царям, не допустило расширения пожара, который здесь начался и мог сделаться мощнейшей диверсией в пользу сражающихся поляков. Не следует думать, будто бы его разжигали поляки. Тогдашние руководители нашего восстания не обладали революционным духом и свои намерения едва простирали за пределы конгрессового Королевства²⁷.

Новгородский бунт начался сам из-за притеснения, в котором находились крестьяне, взятые в военное подчинение, непосредственно же вызвало его холерное бедствие, распространение которого приписывали крестьяне своим тиранам, объясняя царским властям свои действия тем, что офицеры, управляющие ими как американские плантаторы неграми, подкупленные поляками, начали их отравлять и распространять страшную болезнь. Новгородское движение в самом начале приняло достаточно широкие размеры, но, быстро парализованное в одном месте, не имело времени развиваться в другом. Парализовано же оно оказалось в окрестностях Сиркова на реке Волхов подполковником инженерных войск Панаевым. Каким способом он это устроил, мы сможем узнать из информации, которую приводим по изложению и описанию этого события у Герцена²⁸.

По окончании этих происшествий в бывшей республике Новгородской установилась обычная тишина, похожая на ту, которая здесь в изгнании меня окружает. Даже может быть, что тишина оказывается большей там, нежели здесь. Ведь в духовной памяти нынешнего, измельчавшего поколения, живущего по берегам Ильменя и Волхова, не звучит тоска по традиции жизни, славы и силы его республиканских предков, уже не бытует там даже дух Марфы посадницы. Здесь же, в Сибири, собираются воспоминания о крупных событиях и из скорби и тоски жертв деспотизма создается новая традиция мученичества и борьбы за свободу, которая, будучи когда-нибудь положена на лютню сибирским Тиртеем²⁹, станет содержанием стремления Сибири к самостоятельности и политической свободе.

Куда ни обернешься, приходят в голову воспоминания об истерзанной свободе. В этой малой деревне я нашел много сердец, которые для нее бьются, много следов происходивших случаев, вызывающих мысль о вечной тоске мира по свободе.

Среди рабочих, занятых выгонкой дегтя, был и наш польский селянин Михал Мурава, курпёв³⁰, сегодня уже преклонных лет, а некогда доблестный удалец, который под Остролэнкой (1831) два раза совместно с горожанами подрубал мост через Нарву для создания помехи москалям, марширующим через него на другой берег³¹. Стало быть, разговаривал я с ним о курпях, об этом смелом, патриотичном народе, который столько раз громил захватчиков Польши. «Устроили мы в лесах засады на москалей, стреляли мы в них из укрытия, — говорил Мурава, — и так ходили мы за ними по пятам, что ни один ни патруль их, ни отряд не мог показаться в нашей стороне. Под Новогрудом* мы стреляли в них на плотине; под другим городком полсотни крестьян напали на превосходящий отряд солдат и крепко дали им о себе знать».

* Новогруд — городок в земле курпёв на реке Нарев. (Примеч. авт.).

Эти воспоминания оживили меня и Михала. Беседы об отчизне, о ее славе в изгнании являются роскошью, с которой ничего нельзя сравнить. Переходя от предмета к предмету, восхваляя польскую землю, польский обычай и польские сердца, долго тянули мы золотую нить польских воспоминаний.

Мурава рассказал мне обо всей своей жизни. Какое-то время он служил в Опиногуже в Плоцком воеводстве, резиденции ген. Винц[енты] Красиньского, и знал его сына, великого пророка нашего Зыгмунта³². Не ведал изгнанный курпъ, какую почетную славу заслужил себе в отчизне его молодой господин, не мог ничего рассказать о его вдохновении, страданиях и трудах. Но то, что он видел в нем, что узнал у него, сохранило глубоко в его сердце память о поэте. Зыгмунт носил тогда маленькую испанскую бородку и был сутулым от работы над столиком. Любил сидеть в своей комнате и редко из нее выходил. Когда отец или управляющий именем заглядывали к нему, он всегда быстро прятал под сукно бумагу, на которой писал. «Мы ходили, — говорил далее Михал, — к пану Зыгмунту как к отцу, поскольку был он добрым и прямодушным господином. Потому как был он “душой нараспашку”, отец не отдавал ему управления имением, но сам его вел. Однажды, чтобы развеселить сына и гостей, генерал устроил в Опиногуже праздник дожинок³³. Собралась большая толпа крестьян, которым в его владениях жилось очень хорошо. Еды и питья хороших было вдосталь. Были также и ряженые, и ездили маски на волах с позлащенными рогами и копытами».

За веселыми временами настали для Михала печальные. За свободой пришла неволя, и москали гнали его из одних арестантских рот в другие, пока, наконец, не загнали его в Сибирь, где вот он из березовой коры добывает деготь. В арестантских ротах в Киеве и Казани вместе с Михалом было много наших. Всегда они держались своей компании и все вместе вставали на защиту каждого находившегося под

угрозой москалей. А сколь полезной была такая общность в тех пещерах злодеяний, в которые они были брошены, в отношении к стражникам, задачей которых было ежедневным третированием словами, палками, розгами, пощечиной либо голодом доводить каждого поляка к выработыванию в себе понятий и чувств, которые представляют царского москаля, не требуется говорить:

Сквозь ад ведет дорога идеала!
Пусть же в слезы она растопит снега Сибирей,
А дух наш — пусть преобразует в плачи людей;
Святые ж кости изгнанников земли своей
Нести мы с пеньем будем,
Чтоб погребать их меж своими *³⁴.

Те из многочисленных групп наших людей, позагнанных в арестантские роты, кто не оказался убит либо не сгнил в казематах, спасли в себе национальную душу через эту общность и через память родной молитвы.

«У нас был, — закончил Михал свой рассказ, — в одном каземате алтарик Богоматери, который мы сами себе сделали, и перед ним мы ежедневно молились».

Родной молитвой также поддерживает в себе отеческий дух вдова из Жмуди ³⁶ по имени Франчишка, с которой я познакомился сегодня вместе с Михалом. Одна-одинешенька, убогая крестьянка родом с берегов Дубисы ³⁷, пребывает здесь среди людей, языка которых не знает. Какая же вина привела ее на сибирское поселение? Так вот, укрывала она сына, который убежал от набора в армию. Ее материнское чувство было расценено как преступление. Сына загнали в арестантские роты, мать же — в Сибирь, и говорят при этом, что наши крестьяне не принимают участия в борьбе против захватчика! Не правда! Принимают — и страдают равно

* Стихотворение Влад. Тарновского. (Примеч. авт.)³⁵.

с остальным народом, но их мук никто не описывает!

III

Желание осмотреть равнины за Ангарой, расположенные напротив Усть-Куды, заставило нас отправиться на более длительную прогулку. Поэтому с малым запасом провианта, взявши в руки палку взамен ружья, пустился я в путь в заречные окрестности вместе с Я. Марчевским, выданным пруссаками и сосланным в сибирские войска за восстание³⁸.

Беседа с перевозчиком через Ангару отвлекла мое внимание от обозрения природы, изучению которой я в своем изгнании отдавался с большим увлечением³⁹. Перевозчиком был старый широкоплечий малорусин из Харьковской губернии по фамилии Зубченко, 50 годами ранее присланный сюда на поселение за убийство жены.

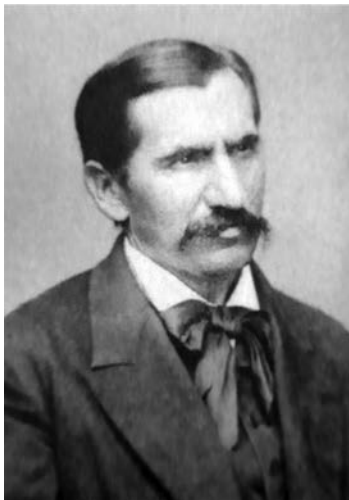
«Зачем же ты ее убил?» — спросил я его. Он отвечал: «Был я молодой и глупый. Во время Масленицы хотелось мне поразвлечься и чтобы жена пошла со мною на гулянку. Она же медлила и идти не хотела. Со злости я и ударил ее кулаком в грудь так сильно, что она на месте упала замертво. Ну и была у меня “Масленица”! Арестовали, посадили меня, дали в Харькове 50 кнутов, и вот уже тут много лет ловлю рыбу и перевозу людей».

Посмотрел я на его ладонь. Была она сморщенной от старости, но имела еще геркулесовы размеры. Мог он ею убивать, как палицей. Через десять лет после прибытия в Сибирь Зубченко взял в супруги также присланную на каторгу⁴⁰ женщину, которая, как и он, до сих пор не научилась говорить по-русски. Ее первым мужем был солдат, который аж три раза убегал с военной службы. Во время одного из побегов он совершил убийство, а после поимки намеренно обвинил жену в соучастии в нем — для того, чтобы иметь ее с собою в Сибири. Присудили ее к 25 кнутам, по получении

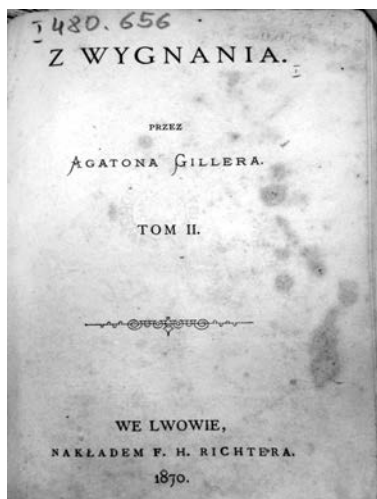
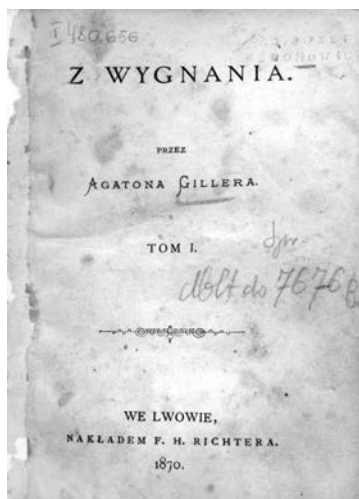
же их отправили на работы в другое место, нежели мужа, которого провели через тысячу ударов палками. В Сибири она не встретилась с мужем; таким образом, он обманулся в расчетах. Предполагая, что его уже нет в живых, она вышла повторно замуж за Зубченко и является его женой уже 40 лет, помогая ему в ловле лососей, щук, карасей, плотвы, форели и «хайрусов», которыми изобилуют глубины зеленой Ангары ⁴¹.

Из дальнейшего рассказа перевозчика узнал я о способе пересылки арестантов в Сибирь, который применялся в прошлом веке и в первой четверти нынешнего. Не многим он отличался от используемого в настоящее время. Сопровождали их не солдаты и казаки, как теперь, а башкиры и татары; они в отсутствие цепей, которыми нынче скрепляют руки и ноги приговоренным, связывали руки назад толстыми веревками и погоняли узников палками, приговаривая «ступай, русская собака»! Сегодня также палками и нагайками погоняют, однако уже нет башкир и татар на этапах. В то время пищу давали только в городах, разделенных значительными пространствами, на станциях нельзя было ничего купить из продовольствия, поэтому бедные арестанты шли голодными, существуя на подаваемую им милостыню. Таким-то способом направлялись в Сибирь: барские конфедераты, защитники конституции Третьего Мая, костюшковские повстанцы, пленные 1812 года и даже еще пленные 1831 года ⁴².

Рекрутов вели иначе, их не связывали, но батогов и для них не жалели. Несколько таких наборов, осуществленных в забранных у Польши землях, привели среди прочего 1 800 рекрутов в Сибирь. Не будучи определены туда по приговору, они остались там навсегда. В Селенгинском казачьем полку было тогда из этих наборов множество поляков, литвинов и русинов ⁴³, женились на п о с е л е н к а х, бурятках, тунгусках, которые не только во внешности, а подчас — в характере потомства оставили следы своего типа и своего духа. В ту пору тот край был намного более диким и имел еще более

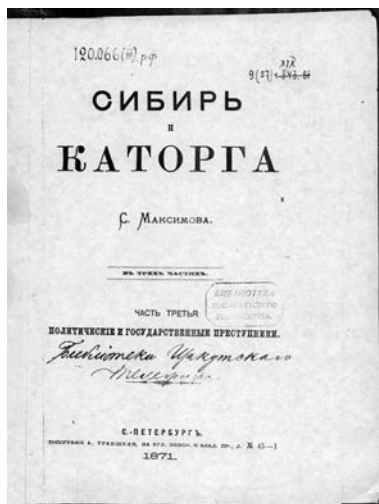

Агатон Гиллер

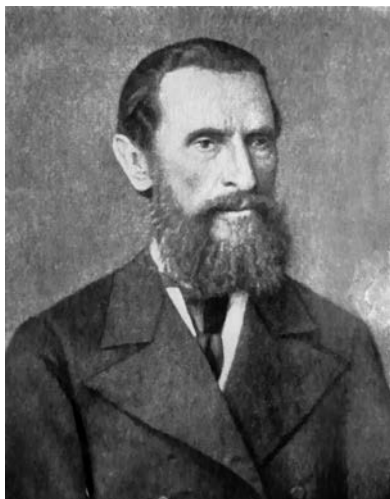

Титульные листы 1-го и 2-го томов сборника очерков А. Гиллера «Из изгнания» (Львов, 1870), из которых публикуются в русском комментированном переводе его иркутские репортажи: «В редакцию “Слова” (письмо из Иркутска)» и «Александровск под Иркутском»

Титульный лист первого издания работы С. В. Максимова «Сибирь и каторга» (СПб., 1871). В основу ее главы «Ссылные поляки» положен анонимный пересказ содержания разделов 3-томного труда А. Гиллера «Описание Забайкальского края в Сибири». (На польск. яз. Лейтциг, 1867)

Страница газеты «Познаньский дневник», где в 1872 г. публиковался очерк А. Гиллера «Прогулки в окрестностях Иркутска»

Юзефат (Иосафат Петрович) Огрызко — издатель в Петербурге польской газеты «Сюго» (в январе — феврале 1859 г.). Непосредственно в ее редакцию А. Гиллер адресовал ныне публикуемый иркутский репортаж

М. В. Бутаевич-Петрашевский — революционер-социалист. С 1856 г. — на поселении в Иркутске

М. А. Бакунин — революционер, теоретик анархизма, сибирский ссыльный в 1857—1861 гг.

Здание римско-католического приходского костела Успения Богородицы в Иркутске в конце 1850-х гг. Уничтожено в большом пожаре города 4 июля 1879 г. А. Гиллер заведовал библиотекой при костеле

Резной алтарь Иркутского римско-католического приходского костела. Проект арх. Куликовского, выполн. в мастерской И. Эйхмиллера и В. Копэрского. Уничтожен вместе со зданием костела в пожаре Иркутска 4 июля 1879 г.

Тыбурцы Павловский — vicарный священник Иркутского римско-католического костела и прихода, ксендз ордена францисканцев

Кишитоф Швермицкий — настоятель Иркутского римско-католического костела и прихода, ксендз ордена марианов

понурый облик, нежели в наше время. Густые вековые леса подходили почти к самому Иркутску и черным венком, прерываемым зеленой лентой Ангары, обрамляли его со всех сторон. Только военный губернатор Лещано ⁴⁴ приказал выжечь леса и просветить окрестности города, жители которого стонали и сгибались под управлением равно тяжким, как и несправедливым, подобным власти крестоносцев в Пруссии, описанной хронистами. Разбой, лихоимство, мытарства, беззаконие и всяческого рода произвол сходили чиновникам безнаказанно и назывались ц и в и л и з о в а н и е м к р а я ⁴⁵.

Идя от перевоза ангарским лугом, мы достигли деревни Зоя, построенной в один ряд при почтовом тракте. Почтовая станция в конце деревни отличалась от остальных домиков красной крышей. Вошли мы в нее за лошадьми, а пока их запрягали, я познакомился с хозяином, содержащим станцию. Это был наш земляк, еврей Лейзер из Гродненского воеводства, сорок лет назад сосланный в Сибирь. На станции, весьма добротной устроенной, он нажил средства. Жена его умерла. Усладой его старости были две дочери на загляденье и по-господски воспитанные. Хотя и происходило то в деревне и в будничные дни, на них была одежда из шелка. Между собой они говорили по-еврейски, при чужих обращались по-русски; польского языка не знали, хотя отец их не забыл нашей речи и говорил с нами безо всякого еврейского акцента.

Попрошавшись со старцем, который угощал нас чаем, мы быстро помчались к Паулиновской мельнице, на милю отстоящей от Зои. Здесь задержались мы у владельца мельницы Ф. Левандовского, не помню уж за что в Сибирь из Польши сосланного. Как сельский механик, понаустраивал он в окрестностях Иркутска много мельниц и лесопилок. Принадлежал он к числу тех неученых механиков, отличающихся практичностью и способностью к комбинированию, которых хватает по селам и городкам нашим. Строят они по вечным

образцам и образцы те с берегов Вислы и Немана перенесли на берега Ангары и Байкала. Левандовский принял нас сердечно, подлинно по-польски. Мы застали его на мельнице за работой, которую он бросил, чтобы нас угостить и поразвлечь. Разумеется, мы говорили о Польше, о возвращении, о котором едва могли мечтать. Он описывал свои окрестности, а я — свои.

«Устроился я здесь, — говорил Левандовский, — так, словно бы находился на своей земле, чтобы мне все ее напоминало», — и повел нас по своей усадьбе. Расположена она в красивом и уединенном месте подле тракта и березового леса, в котором выкопанный Левандовским прудик был обиталищем диких уток. Плавали они там целыми стадами как в родной стихии, не опасаясь вида человека. Левандовский не стрелял в них вовсе, поскольку каждая была окружена утятами, «которых убивать не гоже». В этом милосердном для крылатых созданий высказывании выразилась его польская душа, которую я узнал позднее по многим благородным поступкам. За прудом березовый лес соединялся с сосновым бором, темным поясом заслоняющим горизонт, как у нас в Мазовии. Вода из пруда, обильным потоком устремляющаяся на мельничные колеса, наполняла усадьбу поляка тем характерным шумом, который свойственным ему постоянством и однообразием убаюкивает мысли в нескончаемые грезы.

Сел я на водосбросе и, когда хозяин пошел делать приготовления к обеду, вспомнил моменты из своих молодых лет. Отделенный тогда венгерской бурей от семьи, после освобождения из Силезской тюрьмы ⁴⁶, нашел я пристанище у мельника под Познанью, у которого, отвечая на его гостеприимство, я учил детей, а ему самому на досуге читал поэзию епископа Красицкого ⁴⁷. Куда подевалось то время? Где я теперь очутился? Но и этот мельник, как и тот, из-под Познани, дает приют людям, оказывающимся без земли, крыши и прав. На Пасху он раздал все свои рубахи бедным и

нагим. Жена сшила ему две новых. В ту пору кто-то постукал под утро в его окно, и на вопрос Левандовского, кто это, последовал ответ: «Бродяги, бегущие из Нерчинска». Встал он, пригласил к себе, накормил, напоил, а по речи узнал в одном из беглецов поляка. И в самом деле, это был поляк, родом из Ловичского района, крестьянин, за разгром русского конвоя, сопровождавшего наших рекрутов в Москву, приговоренный к 25 годам каторги, откуда теперь бежал. Не было у бедняги рубашки, и Левандовский сразу же хотел дать ему одну из двух своих, но жена не позволила. Тогда, воспользовавшись моментом, когда жена заговорила, он незаметно вышел с убегающим поляком на скотный двор и там, сняв с себя все, что имел, одел в свои вещи несчастного, а сам возвратился в избу в нижнем только белье и босой, ибо отдал и свою обувь. Это необразованный, простой человек, но какими сокровищами обладает его сердце!

Мы переночевали у него, а назавтра, после обеда, отправились обратно. Левандовский, признательный за то, что я его навестил, проводил нас до самой Усть-Куды. Мы проходили через деревню Сухую⁴⁸ (отстоящую на 34 версты от Иркутска), застроенную двумя рядами маленьких, убогих деревянных домишек, каждый в три окна и с одной жилой комнатой, сооруженных на казенный счет для поселенцев. Начало этой деревне дали ссыльные разных категорий, среди которых, однако, не было политических изгнанников. Из-за такого населения окрестность деревни была небезопасна, потому как и сегодня, хотя уже проживают там только потомки тех поселенцев, в Сухой много грабителей, особенно уводящих лошадей с пастбища.

Перед двумя шинками видели мы толпы крестьян, занятых пьянством и разными забавами, среди которых были очень непристойные, но здесь хорошо принимаемые. За селом дымится несколько печей, в которых производится смола, а над рекой располагаются мастерские, где строятся барки и корабли, предназначенные для сплава по Ангаре и Бай-

калу. Это самое большое заведение такого рода, которое существует на этой великолепной реке.

Осмотрев мастерские, пустились мы вчетвером на маленькой лодке по водам Ангары с намерением высадки на противоположном берегу. Под Сухой Ангара разливается очень широко — как озеро. Главное ее русло имеет до 600 сажень ширины. Кроме того, река образует еще много рукавов, которые, благодаря дождям, часто в то лето шедшим, были полны воды, выступающей на берега. Крутились мы между островами, как в лабиринте, натываясь на корабли, груженные солью. Плыли они из недалекого села Усолье, обладающего на острове по Ангаре соляными источниками и заводом выварки соли, на который всегда посылались и посылаются много наших земляков, приговоренных к каторжным работам за политические дела.

Острова, о которые опирались мы в нашем трудном плавании по быстрой воде, были поросшими черемухой, ивой и очень буйной, но уже желтеющей травой. Из нее высовывались ветреницы, желтые купальницы («троллинс азиатикус») и растение, называемое здесь «мангир» (сибирский лук-порей). Мы миновали несколько островов, а потом, счастливо преодолев течение главного русла, высадились на каменистом песчаниковом берегу. На его осыпях я нашел несколько кусков каменного угля.

Забрались мы на крутое побережье, а затем шли по его склону, не находя следов тропинки. Наши ноги застревали между камнями и сорной травой. Непрестанно мы спотыкались; на счастье, ни один не опрокинулся и не свалился в реку с почти отвесной кручи. Среди сорняков, которые были связаны между собой боярышником и полевым вьюнком, росли елочки и полынь. Последним из этих растений наши польские девушки, как свидетельствует Ян Кохановский⁴⁹, во время танцев Собутки⁵⁰ опоясывали свои бедра. В наиболее открытых местах ветер качал коротколистную лилию, валериану и лиловый бодяк. На каждом шагу высовыва-

лись из-под ног и камней черные ящерицы, которых здесь живет огромное множество. Временами показывались серые змеи. Это подлинное королевство гадов. Его покой, быть может, не нарушавшийся веками, мы прервали нашим походом.

Дальнейшее хождение по побережью делалось все менее удобным. Поэтому решили мы взойти на гору и следовать по вершине, покрытой пушей. Держась ее края, справа непрерывно имея обширный вид вплоть до границ Монголии, через какое-то время мы спустились в дикую долину Каштак. Из нее мы взошли на гору, с которой требовалось снова сойти в долинку Мог. В устье реки испугнули мы двух косуль, пьющих воду.

Звук топора, рубящего дерево, заставил нас повернуть влево, вглубь долинки. Дровосек, которого мы поприветствовали выражением «Бог в помощь!», был поляком, сосланным за участие в восстании 1831 года в Беловежской пуше. Звали его Леонтий Масьлюк, крестьянин из Хородэчно в Пружаньском повяте. Крестьян, которые в Литве принадлежали к добровольным повстанческим отрядам, русские называли суровее, чем шляхту и военнослужащих. Масьлюка также били кнутом и отправили на работы в Усолье. Выпущенный откуда через много лет на поселение, живет он в соседнем селе, зарабатывает себе на содержание как поденщик. Старый и ослабевший, забытый всеми и до сих пор не освобожденный, догорает он в изгнании.

Масьлюк указал нам дорогу в лесу, идя которой дождались мы ночи. Густую темноту среди деревьев рассеивали светлячки. Тусклым, зеленоватым светом блистали они как звездочки на траве и веточках кустов. Не скоро еще блеснул нам желтый свет свечи в доме товарищей. Приветствовали они нас целой связкой газет, присланных из Польши. Читал я их всю ночь вплоть до утра, несмотря на утомление и боль глаз. Завтра снова буду лечить глаза зеленью природы!

КОММЕНТАРИЙ *

¹ Оригинал польской публикации данного очерка помещен в газете «Dziennik Poznański» (Poznań) (1872. — № 29, 37 — 38, 79).

В настоящей публикации сохранена авторская разрядка в соответствии с первоначальным печатным оригиналом текста очерка.

² Усть-Куда — деревня, расположенная при впадении р. Куды в Ангару по ее правому берегу. Находится примерно в 17 км ниже Иркутска по течению Ангары.

Дополнительных сведений об упоминаемых Гиллером Владыславе Малиновском и докторе Гжибовском пока отыскать не удалось.

Хэйбович Константы (ок. 1838 — после 1859) — по обвинению в преступлении, мотивировка которого в основном адекватно изложена Гиллером, был приговорен к ссылке в Сибирь на поселение, где находился с 1855 г. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. К. 39. Л. 45 об., 50 об.).

³ Согласно архивным документальным данным, Рудольф Зарэмба (ок. 1835 (1836) — после 1865) был сослан в Сибирь «за побег с намерением присоединиться к французам» (в момент происшедшей Восточной, или Крымской, войны. — *Б. III.*) и находился там с 1856 (по другим сведениям, с 1857) г. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 15. К. 39. Л. 45 об., 50 об.).

⁴ Сажень — см. в данной книге коммент. 35 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

⁵ Гиллер приводит название деревни в устаревшей форме, принятой в пору его пребывания в Иркутске. Ныне это район г. Иркутска Жилкино.

⁶ Малахай — большая шапка на меху с широкими наушниками.

⁷ Гиллер приводит название деревни в устаревшей форме, принятой в пору его пребывания в Иркутске. Ныне это район г. Иркутска Боково.

* Выполнил Б. С. Шостакович.

- ⁸ Сарто Андреа дель (настоящее имя Андреа д'Аньоло) (1486—1531) — выдающийся итальянский живописец, представитель искусства Высокого Возрождения.
- ⁹ Каббала (древнееврейск.) — предание, традиция. Подразумевается еврейское «священное писание», вокруг которого в средневековье развивалось религиозно-мистическое течение, близкое к схоластике.
- ¹⁰ Шабас (древнееврейск. «саббат» — покой) — субботний отдых, предписываемый иудейской религией. Отсюда происходят и русские слова «суббота» (от него же производное — «субботники») и «шабаш».
- ¹¹ Собственно употребляемое Гиллером название «лапчатка» не позволяет точно определить, о каком конкретном растении ведется речь, ибо в Сибири произрастает 51 вид лапчатки, в том числе такой распространенный и известный, как лапчатка кустарниковая, или курильский чай.
- ¹² О генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском см. подробнее в данной книге коммент. 72 к воспоминаниям В. Мигурского. В официальных документах, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), имеется несколько ходатайств генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского (на протяжении 1858 г.) перед центральной петербургской администрацией — об освобождении А. Гиллера вместе с несколькими подобными ему «отданными в военную службу», «чего они по поведению своему и положению здесь вполне заслуживают». Говоря об отказе ему в возвращении в Польшу, Гиллер имеет в виду состоявшееся в мае 1859 г. решение императора по вышеупомянутому докладу, давшее такое право «из означенных лиц одному только» В. Мигурскому, уже представленному в другом разделе настоящей книги. «На возвращение же на родину, в Царство Польское Гиллера Его Величеству не благоугодно было изъявить согласия». (См.: ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 6. К. 38. Л. 263 об. — 264 об., 282—283, 284 об. — 287, 350—350 об.; Шостакович Б. С. Ссылные поляки — участники тайных национально-освободительных организаций и революционного движения 1848 года — в Восточной Сибири (в отражении документов Государственного архива Иркутской

области) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.).— Иркутск, 1987.— Вып. 10.— С. 30, 35—36, 42—43.)

- ¹³ Потентилла — латинское название, обозначающее род растений «лапчатка». За данным абзацем в тексте польской первопубликации следует еще ряд аналогичных по характеру деталей в описании Гиллером своего знакомства с таежной природой в окрестностях Иркутска. В силу излишней пространности таких они опущены в настоящем переводе.
- ¹⁴ К сведению читателей, верста — русская мера длины, употреблявшаяся до введения метрических мер. Она немного превышала $1 \frac{1}{15}$ км. Миля — мера длины, применявшаяся в Польше, в разные периоды различалась. До начала XIX в. она составляла чуть более 5 600 м. Позднее — равнялась 8 534,3 м.
- ¹⁵ Усть-Балей — село, расположенное при впадении одноименной реки в Ангару, по правому берегу последней. Расстояние между Усть-Кудой и Усть-Балеем составляет около 25 км.
- ¹⁶ Гиллер, по всей вероятности, имеет в виду творчество великих польских поэтов романтического направления в литературе — Адама Мицкевича и Юльюша Словацкого, которые во многих своих произведениях опирались на фольклорные темы.
- ¹⁷ Ошмяны — город в современной Республике Беларусь, исторически входившей в территориальный состав Речи Посполитой до ее разделов.
- ¹⁸ О значении термина «лїтвины» см. в этой книге коммент. 10, 107 и 131 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ¹⁹ Мендовг (Миндовг), точнее Миндаугас. Великий князь Литовский с конца 1230-х гг. по 1263 г. Объединил под своим началом литовские земли и ряд древнерусских городов.
- ²⁰ Название «сурок» — для описываемого Гиллером региона не вполне точно. Здесь распространен другой вид указанного рода грызунов из семейства беличьих, называемый «тарбаганом».
- ²¹ О В. Я. Руперте см. коммент. 27 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

²² О ксендзе Д. Хачиском см. коммент. 34 к воспоминаниям Ю. Ручиньского. К. Швермицкий в качестве настоятеля Иркутского костела сменил умершего Д. Хачиского в октябре 1856 г.

Явно предвзятой и надуманной выглядит изложенная Гиллером версия якобы содержания в Иркутске домов Трубецкого и Волконского на средства, полуанонимно жертвовавшие обоям названным декабристам ксендзом Д. Хачиским. На самом деле финансовые отношения поддерживали с настоятелем Иркутского католического прихода не только эти двое декабристов. Имеется немало документальных свидетельств, красноречиво свидетельствующих о том, что подобные связи отнюдь не были односторонними. Так, в сохранившейся тетради Хачиского с «Реестром долгов» значатся записи о получении: от Волконского одновременно несколько сот рублей «по расчету», от Трубецкого одновременно (в 1850-е гг.) — свыше 500 рублей, от Е. И. Трубецкой (в июне 1852 г.) — 1 000 рублей. Там же фигурируют имена декабристов П. А. Муханова, Н. А. Панова, А. П. Юшневского и др. (См.: ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 9. К. 3. Л. 315, 409 и об.)

²³ В этом примечании А. Гиллер имеет в виду Болеслава Кукеля. О нем см. коммент. 20 к очерку Гиллера — «В редакцию “Слова” (письмо из Иркутска)». В конце своей карьеры — генерал-майор, начальник штаба войск Восточной Сибири. Принадлежал к оппозиционному лагерю в среде царской администрации. В феврале 1863 г. подвергся взысканию за то, что якобы содействовал побегу М. А. Бакунина из Сибири в 1861 г. Непродолжительное время занимал пост военного губернатора Забайкальской области — в начале 1860-х гг. Его родной брат, Кукель Бронислав (1831 — ?), также офицер, некоторое время тоже находился в Иркутске.

²⁴ Действительно, Павел Александрович Муханов являлся попечителем Варшавского учебного округа и главным директором правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского и умер в 1871 г.

²⁵ В таком искаженном виде приводятся в тексте фамилии декабристов В. А. Бечаснова и В. К. Кюхельбекера.

²⁶ По поводу данных и характеристик Гиллера, относящихся к известным декабристам, приходится отметить очевидные их субъективизм и противоречивость. Трудно согласиться и с теми сравнениями, которые проводит автор очерка между отдельными декабристами. Пристрастность его совершенно очевидна.

²⁷ Говоря о «временах Альбы, наполнивших Бельгию пожарами и могилами», Гиллер имел в виду эпоху 1567 – 1573 гг., когда в Нидерландах (бельгийские провинции входили тогда в их состав) свирепствовала диктатура испанского губернатора, герцога Альбы Фернандо Альвареса де Толедо, осуществлявшего массовые казни жителей и политику грабления страны.

О польском Ноябрьском восстании 1830 – 1831 гг. см. в данной книге, в частности, коммент. 2 к воспоминаниям В. Мигурского.

Конгрессóвым поляки называли Королевство Польское в связи с тем, что оно было образовано и вошло в состав Российской империи в 1815 г. по решению Венского конгресса.

²⁸ В собственноручной сноске к этому месту текста очерка Гиллер конкретно поясняет, что им использована соответствующая публикация по данному вопросу в герценовском «Колоколе», помещенная в № 18 за 1858 г. (достаточно свежая по времени написания самого этого очерка в 1859 г.).

За неимением места и необходимости воспроизведения этого пересказа содержания из доступного русскоязычного оригинала мы опускаем данный довольно обширный фрагмент текста очерка Гиллера.

Вместе с тем полагаем целесообразным пояснить, что здесь идет речь об истории восстания военных поселян в Старой Руссе и на прилегающих к ней территориях 11 – 25 июля 1831 г. Оно было составной частью выступлений антикрепостнического характера во многих частях Российской империи городских, крестьянских и солдатских масс в 1830 – 1831 гг., принявших форму так называемых холерных бунтов (в связи с поразившей в тот период страну эпидемией холеры).

²⁹ Тиртей – древнегреческий поэт-лирик, живший в Спарте. Во время 2-й Мессенской войны (VII в. до н. э.) своими песнями при-

- зывает спартанцев к героической борьбе и стойкости, воспевал спартанский дух.
- ³⁰ Курпи — жители лесного района в Польше, так называемой Курпёвской пуци (между р. Нарев на юге и границей Ольштынского воеводства на севере), выделяющегося характерными чертами регионального фольклора и художественных промыслов.
- ³¹ Упоминаемая операция на мосту под Остролэнкой касается событий одного из крупнейших в ходе Ноябрьского восстания сражений, произошедшего 26 мая 1831 г. между основными польскими и русскими силами и завершившегося поражением первых из них.
- ³² Гиллер имеет в виду Зыгмунта Красиньского — выдающегося поэта-романтика (1812—1859), которого со середины прошлого века зачисляли в триумвират (вместе с А. Мицкевичем и Ю. Словацким) так называемых поэтов-пророков.
- ³³ Дожинки, или праздник плодов — фольклорный польский праздник урожая, берущий свое начало в древних языческих обрядах у западных славян. Дошел до современности в виде многих региональных вариантов с местными песенными, танцевальными, стихотворными и иными ритуалами и обычаями.
- ³⁴ Перевод с польск. Б. Шостаковича.
- ³⁵ Данное пояснение А. Гиллера нуждается в специальном уточнении комментатора. Владыслав Тарновский (1844—1878) происходил из аристократической семьи, обладал графским титулом. Он прожил недолгую жизнь, однако успел стать известным как музыкант, драматург, поэт и оставил разнообразное творческое наследие, совершенно неизвестное русскоязычной среде. Задачей дальнейшего остается установление конкретного произведения В. Тарновского, фрагмент которого свсв процитирован в данном случае А. Гиллером.
- ³⁶ Жмудь — польский вариант названия северо-западной части Литвы. В оригинальном литовском произношении — Жемайтия.
- ³⁷ Дубиса — река в Литве, правый приток р. Немана. Берет начало к югу от г. Шауляя.

- ³⁸ Марчевский Ян (? — после 1860) — участвовал в событиях революции 1848 г. на польских землях под господством Пруссии (Великое княжество Познаньское), властями которой он был передан в Россию как ее подданный (уроженец Калишской губернии, относившейся в ту пору к Королевству Польскому как составной части Российской империи).
- ³⁹ Неоднократные свидетельства самого автора публикуемых очерков о собственном природоведческом интересе отражают его изначальные предметные склонности. В юности он поступил в Ягеллонский университет (Краков) на географическое отделение, где испытал большое воздействие популярного профессора-географа и выдающегося польского поэта Винценты Поля (1807 — 1872). Однако активная патриотическая оппозиционная деятельность А. Гиллера вызвала ответные репрессивные преследования его властями, которые помешали ему претворить в профессиональном русле свои предметные увлечения.
- ⁴⁰ Здесь Гиллер неточен в употребляемых формулировках. Очевидно, каждый из двоих описываемых им героев данной истории поначалу был сослан на каторгу, и лишь позднее, по отбытии ими срока каторжных работ и переводе их в разряд так называемых поселенцев, они смогли уже объединиться для совместной жизни.
- ⁴¹ Перечень речной фауны Ангары в изложении Гиллера не вполне точен, поскольку собственно лосось и форель в ней отсутствуют. Однако многие из распространенных здесь рыб (ленок, сиг, таймень) относятся к семейству лососевых, как, впрочем, и упомянутая Гиллером форель. Плотва, которая водится в Ангаре (наряду с упомянутыми в очерке карасями и щуками), более известна под местным названием «сорога».
- ⁴² Здесь перечислены основные этапы польских выступлений за национальную независимость. Из них подробнее см.: о польском восстании 1831 г. — коммент. 2 к воспоминаниям В. Мигурского, об участии поляков в наполеоновских войнах — коммент. 5 к тем же воспоминаниям.

Барские конфедераты — участники конфедерации (в политической практике Речи Посполитой так обозначались зако-

ненные объявления вооруженных выступлений какими-либо группировками шляхты против центральной власти), провозглашенной 29 февраля 1768 г. в городке Бар (Подолія, территория современной Винницкой области) против польского короля Станислава Августа Понятовского и царской России. Представляла собою своеобразную конгломерацию некоторых патристических шляхетских кругов и консервативно настроенных их деятелей, отвергавших реформирование государственного устройства Польши, в том числе и уравнение в правах католиков с приверженцами других христианских конфессий (так называемыми диссидентами). Война с барскими конфедератами продолжалась до 1772 г. и завершилась их поражением, репрессиями против них, включающими ссылку в Сибирь, а также подготовила почву для I раздела Речи Посполитой.

Конституция Третьего Мая — принятый в 1791 г. Четырехлетним сеймом основной закон Речи Посполитой (являвшийся вторым в мире такого рода установлением, после французской конституции). Существенно закрепила реформированное государственное устройство Польши, позволявшее спасти последнюю от угрожавшей ей гибели. Однако против конституции, определявшей новый политический курс в стране, выступила так называемая Тарговицкая конфедерация (от места ее формального объявления в Тарговице, на Украине). Фактически инспирированная правительством Екатерины II и опиравшаяся на призванные ею российские войска, она вызвала войну 1792 г. и последовавший за ней II раздел Речи Посполитой.

Костюшковские повстанцы — участники польского национально-освободительного восстания под руководством генерала Тадеуша Костюшко, происходившего с 12 марта по 16 ноября 1794 г. Поражение восстания привело к окончательному, III, разделу Речи Посполитой.

⁴³ Гиллер имеет в виду население различных регионов бывшей многонациональной Речи Посполитой, которое в силу бытовавшей тогда ментальности рассматривало все территориальное пространство, входившее в состав этого государства, как Польшу, и себя, там живущих, — как ее граждан.

⁴⁴ Леццано Борис Борисович (1738–1827) – военный губернатор Иркутска в 1799–1802 гг. Генерал от инфантерии, участник многих военных кампаний.

⁴⁵ Далее следует весьма обстоятельное изложение Гиллером печально известных страниц истории Иркутска в период генерал-губернаторства Ивана Борисовича Пестеля и непосредственного правления от его имени гражданского губернатора Николая Ивановича Трескина (1806–1819). Можно предположить, что изложение Гиллера было основано на работе П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (М., 1838–1844. – Т. 1–2). В данной публикации мы опускаем этот раздел очерка, поскольку он является вторичным пересказом событий, нашедших отражение во многих работах и публикациях, достаточно известных отечественному читателю. (Из самых недавних изданий, в которых затрагивается та же тема, см., в частности: Калашников И. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 289–322; 493–494.)

Заслуживают внимания некоторые собственные замечания Гиллера, сделанные по контексту изложенного им раздела истории Иркутска.

«Мы должны были бы написать целый том, если бы хотели представить эскиз всех способов, которыми добывал он [Трескин] у граждан деньги, а крестьян принуждал к бесплатной работе, – пишет Гиллер. – Волосы встали бы дыбом на голове у читателей, если бы мы описали администрацию этого мудрого чиновника». Он же заключает в другом месте: «Если бы Трескин ограничился насилиями, оправданными потребностями общественного блага, наверняка бы его имя не перешло к потомкам с типовым обозначением царского чиновника, которое включает в себя черты всех русских [московских] и немецких цивилизаторов, – но губернатор ничем не отличился от своего типа и о своем кармане хорошо помнил».

⁴⁶ См. об этом во вводном к данному разделу очерке об А. Гиллере.

⁴⁷ Красицкий Игнацы (1735–1801) – поэт, прозаик, переводчик. Самый выдающийся автор эпохи польского просвещения.

- ⁴⁸ По-видимому, речь идет о селении, на месте которого ныне находится пос. Суховская, на трассе между городами Иркутском и Ангарском.
- ⁴⁹ Кохановский Ян (1530—1584) — великий польский поэт-гуманист, крупнейшее имя в польской литературе XVI в.
- ⁵⁰ Собутка — фольклорное гулянье накануне дня Ивана Купалы.

Агатон ГИЛЛЕР

АЛЕКСАНДРОВСК ПОД ИРКУТСКОМ *1

В 1859 году имели мы в Иркутске дождливые весну и лето ** и дождались такой же самой осени. 2 сентября (нов. ст.) в воздухе было затишье, на небе поднимались облачка, которые, удаляясь в северном направлении, затем исчезли. В 7 часов вечера на северо-западе показалось светло-красное облако в районе созвездия Калиопы; позднее появилось второе, которое удалялось от Большой Медведицы на юго-восток. По мере их удаления и вытягивания к горизонту оба пурпурных облака приобретали форму столпов, связанных между собой словно бы архитектурной аркой из магнетического света, проходящей через зенит, вместе с которой новые колонны выглядели как подпирающие небесное здание. Крайние части этой воздушной картины светились, как зарево большого пожара, свет же арки был бело-серебристым, дрожащим и выделяющим лучи красно-белого цвета. В 8 часов арка чудесного света изменила направление; один ее конец был на западе, другой на востоке, и так светилась она до 10 часов 15 минут. В 2 часа ночи северное сияние снова появилось этой световой аркой, что наблюдается крайне редко. И долго светило оно нам, заглядевшимся на него и вместе с его воспламененным магнетическим потоком плывущим душою

* Перевод с польского Б. С. Шостаковича.

** В результате частых дождей и влажности воздуха состояние здоровья жителей Иркутска не было в том году в удовлетворительном состоянии. Почти эпидемически господствующая корь (которой болел и Михаил Бакунин) и оспа одолели многих взрослых лиц. (*Примеч. авт.*.)

к Создателю всех явлений, который прекрасно украшает небо польского изгнания *.

Назавтра после такой праздничной ночи я сел в коляску с товарищами по изгнанию Константы Добкевичем и Яном Марчевским и мы отправились в краткое путешествие в Александровский Завод, где столько наших сосланных в работы недавно жило, а среди них умерший музыкант Вольфганг Щепковский и известный удивительными приключениями Юльян Коноплицкий ².

Широкая дорога вела нас полями, с которых убрали пшеницу и овес, прямо к Урику, селу, памятному в связи с длительным пребыванием в нем русских декабристов, а затем к селу Москевки ³. Вся эта окрестность, заселенная потомками поселенцев и вовлеченная в земледельческую обработку, желтеет жнивьем, чернеет растениями, которые иней побил в ночь со 2 на 3 июля, а на многочисленных пригорках красуется остатками боров, шумящих под порывами осеннего ветра. Смотрится она мрачно и одиноко.

На дороге встретили мы только убеленного сединой старца, который, несмотря на весьма преклонный возраст, резвым шагом направлялся к Иркутску. Это был наш земляк, поэтому мы остановили свою коляску и после приветствия принялись вместе с ним за еду. Во время привала Карчевский, так звали старца, рассказал много интересных подробностей о своем родном районе Якобштадт в Курляндии. Курляндия, несмотря на немецких господ, еще долго после включения в московское государство имела польский характер. Польский язык не был чужд тамошнему населению, и говорили на нем довольно многие и хорошо. Не немецкая речь, а польская была признаком интеллигентности и наилучшего общества. Но что еще более важно, чем язык, это польский

* 2 октября (нов. ст.) того же года в Иркутске второй раз было видно северное сияние, но менее яркое, чем сентябрьское. (*Примеч. авт.*).

дух привязанности к общему отечеству, живо там сохранявшийся⁴.

Карчевский был схвачен русскими в начале этого века, не помнит он уже, в котором году, но за несколько лет перед вторжением русских в Польшу⁵. Претерпел он в Сибири много бед и теперь еще их сносит и сегодня еще восьмидесятилетней рукой должен себе зарабатывать на хлеб, не находя отдыха для натруженных костей. Женится здесь в изгнании на крестьянке и имеет одну дочь, которую по смерти жены выдал замуж. Покинутый и забытый, он, однако, помнит отчизну, польский язык сохранил в чистоте, а известия с родины, где уже все близкие у него умерли, заменяют ему все дальше убегающие воспоминания о Курляндии. Видит он ее такой, какой она была прежде, и с такой польской Курляндией в сердце он умрет в земле Анхелли⁶.

Прощались мы с Карчевским, а въехавши в сосновый бор, быстро потеряли его из виду. Оттуда и вплоть до самого Александровска мы непрерывно ехали через бор, пахнувший, как и наши подлясские боры, сосновой живицей, чабрецом и вереском. Темные его глубины освещали костры, горящие около палаток, поставленных на протяжении нескольких миль крестьянами, согнанными на дорожные работы. Одни копали рвы, другие укладывали фашины в топких местах, иных, спящих в палатках, сменяли женщины. Лица рабочих острые, фигуры сильные, речь грубая, но сердца, хотя испорченные неволей, не лишены доброты.

Сквозь бор пробивает себе дорогу долина Б а л е я, по которой течет широкий поток, вращающий мельницу, построенную на польский манер. Выкупались мы в ручье и, беседа о польском цивилизационном влиянии, добрались до второй лесной долины Я л о в к и, по которой и ручей протекает с тем же названием⁷. Над ручьем три мельницы, перемалывая уже сборы текущего года, своей постройкой свидетельствуют, что не только земледелие обязано полякам своим более широким распространением, но и мельнич-

ное дело — своим начинанием. Как видели мы во многих мельницах в окрестностях Иркутска, так и здесь видим мельников, сосланных из Польши и из Литвы за различные мелкие проступки, а главным образом из-за злости и ненависти московской к полякам.

От села Яловки до Александровска уже недалеко. Мы приехали не слишком поздно в это значительное селение, имеющее внешний вид города. Одна его улица тянется вдоль узкой долины, которая сходится под прямым углом с другой, также застроенной. Холм между этими двумя долинами является главной основой Александровска. Он состоит из нескольких улиц и рынка, на котором сосредоточивается лоточная торговля около палаток перекупщиков. Однако движение здесь небольшое, поддерживают его прежде всего буряты и поселенцы из окрестностей. Деревянная церковь, окрашенная в желтый цвет, редко заполняется прихожанами, поскольку местное население не отличается ни набожностью, ни нравственностью. В суровом его облике отражается одичание.

Менее гостеприимное, чем за Байкалом ⁸, население руководствуется в своем поведении реалистическим направлением, не будучи склонным к мечтаниям и возвышенным чувствам. Прагматизм, который его отличает, подталкивает его ко все новым завоеваниям. Владеть — это для него является единственными гордостью и счастьем. Потому-то и самодержавие, и система управления государством розгой находит в нем почву, а партия тиранов и чиновников, видящих в этой системе спасение России, имеет в нем мощную опору. Эта система, которая покрыла Россию тюрьмами и каторгой, определила также и Александровск в качестве места принудительных работ. Узнать это можно сразу при въезде по тюрьме, окруженной палисадом, по лазарету, складам, казармам, в которых находится гарнизон в составе пехотной полуроты, и по нарядно выстроенной казенной винокурне, в которой бренчат кандалы работающих каторжников.

Тоскливо смотрят они на голубой горизонт и на окружающие селение горы, поросшие сосной, березой и лиственницей, с которых струятся многочисленные ключи и ручьи. Полей вблизи Александровска не видно, ибо жители имеют обыкновение обрабатывать пашни, расположенные в лесах, в достаточном отдалении от своего жилья. Зато огородов, увлечение которыми также расширилось благодаря полякам, здесь достаточно много.

Вообще Александровск напоминает российские городки: в нем домики, огороженные заборами, покосившиеся, старые, построенные из дерева, среди которых несколько каменных домов на горе, и топкие улицы, служащие превосходным лежбищем для свиней. Эти животные и скот всюду бродят на самовыпасе, их можно видеть даже перед наиболее солидным домом правителя поселения и перед зданием полиции. Последняя более усердна в том, чтобы запирает людей за решетки, нежели загонять в хлева свиное поголовье. По этой причине, подобно коровам в Индостане, таковое здесь пользуется большой свободой в учинении беспорядков, обильно плодится, а его мясом Александровск снабжает всю Иркутскую губернию.

Вторым продуктом, которым Александровск обеспечивает уже не одну только губернию, но всю Восточную Сибирь, является водка. В огромной здешней винокурне на один затор берут обычно 2 800 пудов муки. В год выдают 800 000 ведер спирта. Александровская винокурня в настоящее время находится в аренде у трех купцов: Медовикова, Юдина и Шведова. Государственное казначейство обязано поставлять им муку и каторжных для работы, которые под охраной солдат или казаков работают в кандалах. Арендаторы же обязаны на свой счет содержать рабочих и произвести назначенное количество спирта, за которое получают по 50 польских грошей с ведра⁹. Кроме того, произведенный спирт казна отдает за условленную сумму тем же арендаторам, которые, пытаясь его в торговлю, продают за очень высокие цены,

составляя миллионные прибыли и оплачивая всех без исключения чиновников за терпимость к обману при продаже и несоблюдение правительственных предписаний. Прибыли же казны от этого производства, как известно, составляют главную рубрику. Мы уже упоминали, что казна обязана доставлять арендаторам муку. Доставка эта осуществляется принудительным путем, приказанием через посредство административных властей сельским общинам привести указанное количество муки в винокурню по цене, также самовольно самими установленной. Более всего муки в Александровск доставляют буряты из Идинской думы (волости), потому что их легче всего, как здесь говорят, надуть. И в самом деле, при взвешивании чиновники допускают великое мошенничество, уменьшая каждый пуд на несколько фунтов¹⁰. Кража муки, жалованье от арендаторов винокурни и от казны складываются в доход чиновников, которым здесь очень хорошо живется: они содержат здесь по два дома — один для жены, другой для любовницы, и выдают очень много на роскошную жизнь, и хватает еще каждому на составление капитала.

Суды обыкновенно ссылают на каторгу в Александровск за убийства, поджоги из военнослужащих и из класса крепостных крестьян. Согласно докладу министра внутренних дел, ежегодно крестьяне в России убивают около 200 господ, экономов и управителей. Причины столь многочисленных убийств лежат в рабстве крестьян и тиранском обращении с ними. Особенно строго обращаются с крестьянами немцы, управляющие в имениях русского дворянства, так, что между последними возникло выражение: «строг, как немец управляющий». Но не только управляющие, но и немцы господа обладают рукою не менее жесткой, чем московская. В прибалтийских губерниях крестьяне литовского и финского происхождения оказываются так же угнетаемы немецкими «эдельманами»¹¹, как и великорусские крестьяне московским «дворянством».

В 1858 году в Эстляндии были даже по этому поводу общественные волнения. В Зиндгарренский уезд были посланы войска на усмирение взбунтовавшихся крестьян. В столкновениях с ними погибли один офицер и 14 солдат. Губернатор Гринвальд оказался вынужденным вызвать военные подкрепления, во главе которых прибыл генерал Исаков, и только он возвратил «порядок рабства». Такие же волнения имели место в уездах: Ландвирландском, Гарренском, Остервенском и на острове Даго¹², а после каждого сибирская «каторга» пополнялась. Кроме крепостных крестьян там есть и угнетаемые государственные крестьяне. Оказалось, что они разорены и доведены до выступлений региональными властями Министерства государственных имуществ, которым заправляет известный своими злодеяниями Михаил Муравьев¹³. Не лучше живут коронные крестьяне (удельные), то есть те, которых царь Павел исключил из числа принадлежащих к государственным имуществам и отдал короне в собственность.

В России есть не только крепостные господ (помещиков), имуществ, царя, но и крестьяне, являющиеся собственностью научных институтов, монастырей, храмов, фабрик, дворцов и кавалерийских полков, есть крепостные царских рудников, конюшен, мачтовых лесов и комиссий различного предназначения. Комиссия по строительству церкви Спасителя в Москве¹⁴ имеет отданных ей в собственность крестьян, которые в качестве барщины должны строить прекрасную церковь в столице. Типография Московского университета имеет крепостных в селе Бутыр. Все жители этого села должны учиться мастерству наборщиков и печатников, поскольку их принуждают на протяжении всей жизни отрабатывать барщину в типографии. Управители типографии весьма немилосердно обращаются с этими рабами-наборщиками и приказывают их пороть в полиции за какую угодно провинность, за каждую типографскую ошибку. Полиция бьет их безо всякого подтверждения обвинения, потому что ее обя-

занностью является поколотить каждого крепостного, отправленного владельцем под ее розги. Ярославский лицей¹⁵ имеет 6 000 крепостных, а управляющие ими ученые битьем и притеснением подталкивают своих крестьян к волнениям, а в конце концов и к каторге.

Рядом с крепостными, которые своими злодеяниями протестовали против социального рабства*, находятся на каторге польские господа (паны), сосланные за освобождение своих крепостных, как и те, что, следуя примеру благотворителя человечества Станислава Сташица¹⁶ и Кароля Бжостовского из села Штабин в Августовском воеводстве, желали даровать селянам свои имения. Много шляхты из Литвы и из Руси¹⁷, так злобно оговоренных доктринерами и врагами отечества, было наказано за предоставление свободы крестьянам в период деятельности Шимона Конарского¹⁸. Таким образом, не только жертвы плохого общественного устройства, но и те, кто хотел уничтожить это устройство, оказались сравнены одною и тою же царской карой. Хорошее обращение с крестьянами, согласие между помещичьей усадьбой и крестьянской хатой, любовь крепостных к своему пану за вину последнему почитается царем, в то время как тиранство крепостных не преследуется никаким наказанием. Одна только княгиня Трубецкая, русская, за убийство розгами девятирех девушек оказалась сослана в работы; в настоящее время она живет в близкой отсюда Усоли¹⁹, лишенная господского положения, но не свободы. В то же время другие, что также довели уже угнетение до убийств, оказались наказаны Николаем высылкой в заграничное путешествие, как знаем мы это о помещике Базилевском. Но кто же подсчитает примеры произвола и общественного гнета, творимые царями в своем государстве? Власть уничтожает их следы, а

* Русским крестьянам не дозволено жаловаться на своих господ, поэтому их и убивают. Указ царицы Екатерины II от 22 августа 1762 г. под угрозой кнута и каторги запрещает крестьянам вступать в расследование своих обид, понесенных от господ. (Примеч. авт.).

жертв посылает в Сибирь, где, копая золото или производя водку, под кнутом казака или кулаком чиновника забывают они наконец о причинах своего несчастья.

Мысль, что Бог создал человеческую несправедливость, что по Его воле, как говорят попы, правят цари и судят судьбы, поддерживая господство несправедливости среди народов, понемногу прививается в сердце приговоренного и делает его бессильным морально. Глядя на них, мы перестаем верить в ту относительную правду, что несчастье поднимает человека, учит его и закаляет, — ибо только большие характеры выходят из несчастья рабства, как Даниэль между львов человеческой злости²⁰, невредимыми душой и ясно видящими Бога и Его цели в Его творении.

Такими Даниэлями обладал Александровск в лице изгнанников с берегов Вислы, Немана и Днестра. Сюда сослан был в работы Пётр Высоцкий. Отсюда вместе с товарищами начал осуществление большого плана побега через Алтайские горы и Туркестан в Индию, задержанный только предательством, которое позволило схватить его раненым в лодке на быстрой Ангаре²¹.

Здесь проводили печальные дни некоторые изгнанники по делу Конарского, а среди них Ежи Олеша и Фрыдерык Михальский. Последний был приговорен в Киеве к виселице вместе с Антони Бопрэ, Каспером Машковским и Пётром Боровским. После накидывания им петли на шею, когда уже только несколько минут отделяло их от смерти, прочитано было им о помиловании и о замене приговора к смертной казни каторжными работами. Михальского прислали вместе с сыном Люцьяном в Александровск, куда за ними прибыла жена Фрыдерыка, добрая и уважаемая старушка²². Дочь Эмилию, которая была невестой Конарского, она оставила на родине. Михальские, как и Конарский, были кальвинистами по вероисповеданию; у них славный эмиссар более всего пребывал и от них выезжал в патриотические объезды по Руси и Литве.

Фрыдерык Михальский, согбенный возрастом и перенесенными страданиями, умер в Александровске. Могила его, как и других поляков, находится на кладбище на горе, здесь же, при ограде со стороны улицы. Поломанный штакетник, могила заросла многолетником, веснянкой, шиповником, а как напоминание о прошлом старательном за ней уходе растут еще пунцовые пионы, наверняка посаженные рукою жены. Колонна, обломленная чьим-то ударом, поднимается над могилой не поврежденной еще своей частью. На ней надпись:

«+. Фрыдерык Михальский, Подолянин, проживший на родине 61 Год, в изгнании 9 Лет, умер в Александровске 11/23 Апреля 1848 г. | Жена и Сын лучшему Мужу и Отцу»²³.

Рядом с этой могилой, хранящей столько воспоминаний, находится прикрытая полынью и полевыми незабудками могила не менее заслуженного в Польше мужа. Опирающаяся на груды камней черная доска содержит следующую надпись:

«+. Ежи Олеша умер в изгнании в возрасте за 70 лет, 11 Марта 1841 г. Потеряв все, кроме достоинства и любви соотечественников. Этот камень положен соизгнанниками в 1856 г.»²⁴.

Могилы других поляков не имеют ни памятников, ни крестов, которые поломали время и вихри. От двух же польских семей, находящихся в Александровске на поселении и прибывших в более позднее время, я не мог дознаться их фамилий, поскольку и им они были также неизвестны. Прошли они — и память даже на здешней земле не смутит их вечного покоя²⁸. Однако любовь к родине, за которую они сложили головы в изгнании, Бог добавит на чашу весов, которая перевесит справедливость на сторону Польши.

От могил я отправился к «с в я щ е н н о м у» или «ш а - м а н с к о м у и с т о ч н и к у» в долине З а м а р а х и. Источник этот славится эффективным лечением глазных

болезней. И я искал в нем лекарства для своих глаз. Они у меня оказались затронуты обычной в Сибири болезнью, которая возникает особенно в более северных областях из-за отвесно падающих на снег лучей солнца в начале весны. С горы я спустился в глубокую и лесистую долину Замараихи, полную скелетов лошадей и коров, разбросанных по берегу ручья и между соснами. Священный источник вытекает из высокой скалы. Некогда стояло около него изваяние христианского святого, но вскоре оказалось оно повалено местным людом из опасения, чтобы лечащая шаманская сила не исчезла из источника вследствие освящения его присутствием креста. Поэтому сегодня нет здесь ни креста, ни изваяния, но вокруг источника лежат кости и пейзаж очень мрачный, тоскливость которого усиливали черные тучи, закрывающие долину, а дикостью жизни дополняли крестьяне, забивающие корову. Измазанные кровью, они накладывали лучшее мясо на воз, худшие же его куски и внутренности отбрасывали на камни. Несколько бурят алчно приглядывалось к их скотобойничьей деятельности. Они забирали отброшенные куски и с большим аппетитом съедали сырыми. То, что они не успевали забрать, захватывала стая худых собак, а также воронов и стервятников, которые, унося мясо, вырывали его друг у друга и тучей улетали к лесу, страшным криком, как и собаки лаем, нарушая покой долины.

Тем временем я начал промывать глаза. Вода в источнике была чрезмерно холодна и вместо того, чтобы помочь, застлала мои глаза темным туманом. Исчез дневной свет, и я как бы оказался перенесен в ночную тень.

Напрасно я напрягал взор, напрасно протирал глаза: я ничего не видел. Стоял я около получаса возле источника, а зрение не возвращалось. Ужели мои несчастья должна еще увеличить слепота, ужели кровавая картина человеческой прожорливости, состязающейся с собаками и стервятниками, была последним моим зрелищем на земле? Подумал я об этом, и встала передо мной нескончаемая, как горькая доля,

ночь жизни без форм и цветов, страшная, как тюремная темница, в которой меня некогда держали пруссаки. Мысль о том, что у источника я навсегда сделался слепым, принесла мне еще в голову и сердце все суеверные напоминания и легенды о шаманах. Ведь это их таинственное и неизвестное могущество лишило меня зрения; я уверовал в нечистую силу шаманов и был как толпа, которая воображает, что все ее действия, мучения, провалы, счастье являются следствием влияния на человека невидимых духов, заполняющих собою всю природу.

Был я в глубочайшей печали, когда, палкой и стопой отыскивая дорогу, медленно двигался за своим псом В е с е л ы м, который сделался для меня проводником. Так продвигаясь и наталкиваясь на камни, я вышел из долины.

Темнота в моих глазах начала редеть, а зрение — пробиваться сквозь густую завесу слепоты. Я сделал несколько шагов дальше; внезапно эта завеса исчезла как колдовство, и я увидел солнце, этот «прекрасный глаз, глаз дня ясного!»

КОММЕНТАРИЙ *

¹ Данный очерк опубликован во 2-м томе вышедшего во Львове сборника работ Гиллера «Из изгнания» (*Z wygnania. Przez Agatona Gillera.* — We Lwowie: Nakładem F. H. Richtera, 1870. — Т. 2. — S. 81 — 105).

В настоящей публикации сохранена авторская разрядка в соответствии с первоначальным печатным оригиналом текста очерка.

² Добкевич Константы (ок. 1819 — ?) — оказался в ссылке за организацию отделения патриотического Союза литовской молодежи в Новогрудке и попытку принять участие в событиях революции 1848 г. в прусской части польских земель. Отбывал наказа-

* Выполнил Б. С. Шостакович.

ние в Орске — на так называемой пограничной Оренбургской линии. Подвергся новому наказанию после нанесения удара командиру батальона, оскорбительно отозвавшемуся о поляках как о народе. Был подвергнут телесному наказанию (битьем батогами) и высылке в Восточную Сибирь.

Марчевский Ян — участник восстания в 1848 г. в Великой Польше (под властью Пруссии). (См. о нем коммент. 38 к очерку Гиллера «Прогулки в окрестностях Иркутска».) Отбывал принудительную военную службу в гарнизонном батальоне в Иркутске.

Щепковский Вольфганг — ссыльный конарщик (о последних см. подробнее в предисловии к публикуемым в данной книге воспоминаниям Ю. Ручиньского, с. 302–307), талантливый скрипач. О В. Щепковском см. коммент. 40 и 89 к воспоминаниям Ю. Ручиньского, а также коммент. 49 к публикации фрагментов «Дневника...» Ю. Сабиньского.

Коноплицкий Юльян (? — ?) — участник Союза литовской молодежи. По данным А. Гиллера, был в ссылке «в каторжные работы под Иркутском», откуда неоднократно осуществлял побег и «известен удивительными приключениями». Данные о нем противоречивы. По выявленным официальным документам видно, что он высылался «во внутренние российские губернии под гласный надзор полиции». (См.: Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. — Warszawa: Wyd-wo DiG, 1998. — S. 282).

Об Александровском Заводе — подробнее см. коммент. 78 к воспоминаниям В. Мигурского.

³ Ныне это с. Московщина под Иркутском.

⁴ Курляндией именовалась часть Латвии к югу от р. Даугавы (Западной Двины), на территории которой находилось вассальное по отношению к Речи Посполитой герцогство Курляндское и Земгальское, образованное под началом магистров Ливонского ордена в 1562 г. В 1795 г. по III разделу Речи Посполитой Курляндское герцогство было включено в территорию России и преобразовано в Курляндскую губернию.

В оригинальной публикации в месте, отмеченном настоящим комментарием, Гиллером дается обширное описание историчес-

кого прошлого, связывавшего Курляндию с польской государственностью, и вытекающих из этого проявлений польского патриотизма ее населения. С учетом пространности данного фрагмента текста и соответствующего отклонения его автора от основной темы очерка в данной публикации таковой воспроизводится в сокращении. По той же причине опущен многословный эпизод, связанный Гиллером чисто случайной ассоциацией с курляндцем Карчевским и касающийся ссыльного в Сибирь майора Щегловского, одного из многочисленных эпизодических любовников Екатерины II, ставшего жертвой возникших вокруг него интриг, и последующей его судьбы.

⁵ Под «вторжением русских в Польшу» А. Гиллер подразумевает включение с 1815 г. собственно польских территорий в состав Российской империи (в виде Королевства Польского).

⁶ «Земля Анхелли» — иносказательное название Сибири. Взято Гиллером из образного мира поэмы «Ангелли» (Анхелли) Юльюша Словацкого (1809—1849) — великого польского поэта, представителя литературного направления романтизма. Действие указанного произведения происходит в сибирской ссылке. Анхелли — его главный герой, метафорическое воплощение искупительной жертвенности борцов за освобождение польского отечества.

⁷ Здесь в первооригинале публикации допущена неточность транскрипции русского гидронима «Еловка» и возникших от него одноименных топонимов.

⁸ Подобное сравнение вполне естественно для Гиллера, который много лет провел в Забайкалье на принудительной военной службе и имел хорошее представление о его населении.

⁹ Польский грош — см. в данной книге коммент. 109 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.

¹⁰ Пуд и фунт — русские единицы веса, употреблявшиеся до введения метрической системы и равные: первая — 16,38 кг, а вторая — 409,5 г.

¹¹ Эдельман — дворянин (нем.).

¹² Гиллером описываются события, относящиеся к так называемому Ма́хтраскому восстанию 1858 г. в Северной Эстонии, ко-

торая прежде называлась Эстляндией. В 1710 г. она была завоевана у Швеции Россией и вошла в ее состав как Эстляндская губерния. Остров Даго — современное название Хиума — острова Моонзундского архипелага в Балтийском море.

- ¹³ Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — русский государственный деятель, брат декабриста Александра Николаевича Муравьева. В молодости был связан (до 1821 г.) с декабристским движением, но затем изменил прежним политическим убеждениям. В 1857—1861 гг. являлся министром государственных имуществ и выступал против осуществления крестьянской реформы в России. Впоследствии (позднее периода, затрагиваемого в очерке Гиллера) в качестве генерал-губернатора Северо-Западного края (1863—1865 гг.) жестокими мерами расправлялся с польским Январским восстанием на территории Литвы и Белоруссии. За это от царя получил титул графа (в 1865 г.), а в широком общественном мнении за ним закрепилось позорное прозвище «вешатель».
- ¹⁴ Имеется в виду храм Христа Спасителя, сооружавшийся в Москве (по проекту архитектора К. А. Тона) в 1837—1883 гг.
- ¹⁵ В 1805 г. в Ярославле промышленником Павлом Демидовым было основано училище высших наук, преобразованное в 1833 г. в лицей — привилегированное учебное заведение, предназначенное преимущественно для дворянских детей, готовившее главным образом чиновников для государственной службы.
- ¹⁶ Станислав Сташиц (1755—1826) — польский общественный деятель, просветитель-материалист, публицист, ученый. Он передал крестьянам в вечное общее владение свое имение Хрубешов.
- ¹⁷ Неоднократно употребляемые Гиллером в контексте очерков термины «Литва» и «Русь» — традиционные названия регионов бывшей Речи Посполитой, означающие: первое Литву вместе с Белоруссией, а второе Украину.
- ¹⁸ Здесь несомненное противоречие. Очевидно, что царизм применял ссылку в качестве репрессивной меры по отношению к соратникам Ш. Конарского, видя в них прежде всего борцов за

восстановление польской независимости. Правда и то, что в уставе организации «Содружество польского народа» (к которой, как известно, принадлежали все группы так называемых конарщиков) важное место отводилось идее «всеобщего равенства народа» при неременном признании такового и для «аграрной» его части — о том же красноречиво свидетельствовало и само название организации (подробнее о ней, о ее программе и участниках см. в данной книге предисловие к воспоминаниям Ю. Ручиньского). Однако же Гиллер явно меняет смысловые акценты, представляя дело так, будто бы конкретных помещиков-конарщиков русские власти высылали в Сибирь за их сугубо практические шаги по «предоставлению свободы» собственным крестьянам, что в действительности если как-то и влияло на осуждение конарщиков, то сугубо косвенным образом.

- ¹⁹ В такой транскрипции дано в тексте название с. Усоля, одного из мест отбывания ссыльными каторжных работ. См. о нем подробнее коммент. 28 и 35 к воспоминаниям Ю. Ручиньского.
- ²⁰ Даниэль (в русской транскрипции — Даниил) — библейский персонаж, пророк Даниил, поставленный царем Дарием одним из «трех князей над ста двадцатью сатрапами» в управлении царством, «превосходил прочих князей и сатрапов, потому что в нем был высокий дух». Это вызвало зависть последних. Обвинив Даниила в том, что он молится своему богу, не почитая Дария превыше всего, они добились, что его бросили в «ров львиный». Однако Бог, перед которым Даниил «оказался чист», «послал Ангела Своего и заградил пасть львам, и они не повредили» ему (Ветхий Завет, кн. Пророка Даниила, гл. 6).
- ²¹ К данному месту текста Гиллером сделано примечание, в котором он указывает, что описание побега П. Высоцкого с товарищами имеется в его сочинении «Описание Забайкальского края в Сибири» (Т. 1. — S. 216). Как уже отмечалось в предисловии к публикации очерков Гиллера, данный весьма оригинальный, обширный и ценный своим фактическим содержанием труд Гиллера существует в единственном раритетном польскоязычном заграничном (в Лейпциге) издании 1867 г. В отечественной историографии указанный вопрос вместе с дальнейшей судьбой П. Высоцкого в Сибири получил подробное освещение в

статья: Дьяков В. А., Кацнельсон Д. Б., Шостакович Б. С. Петр Высоцкий на сибирской каторге (1835–1856) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1979. – Вып. 4. – С. 3–30.

- ²² Довольно обширные документальные материалы, освещающие многие подробности пребывания конарщиков в ссылке в Восточной Сибири (в том числе и представителей описываемого Гиллером репрессированного семейства Михальских), хранятся в ГАИО – Государственном архиве Иркутской области. Этому посвящен специальный обзор в работе: Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.). – Иркутск, 1995. – С. 55–78. Подробнее о Михальских, как и о других упомянутых Гиллером конарщиках, см. в данной книге коммент. 19, 20, 74, 89 к воспоминаниям Ручиньского и коммент. 78 к воспоминаниям В. Мигурского.
- ²³ «+. Fryderyk Michalski, Podolanin przeżywszy w ojczyźnie Lat 61 na wygnaniu Lat 9 umarł w Alexandrowsku dnia 11/23 Kwietnia 1848 r. Żona i Syn najlepszemu Mężowi i Ojcu».
- ²⁴ «+. Jerzy Olesza mając lat pteszlo 70, umarł na wygnaniu. Marca 11. d. 1841 r. Straciwszy wszystko, prócz cnoty i miłości rodaków. Kamień ten położony przez współwygnańców w r. 1856».
- ²⁵ Гиллер сделал к этому месту текста собственноручное примечание, в котором указал, что у буддистов вечный покой означает нирвану: «королевство Божие, где нет воспоминаний, мучений, болезней, форм и быта, это одно счастье, которое ждет человека», и что существуют посвященные ему буддистские храмы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Август II, король саксонской династии в Речи Посполитой 282
 Август III, король саксонской династии в Речи Посполитой 282
 Аверкович, бывший член Варшавской следственной комиссии 216, 219
 Агенобарб Луций Домиций, впоследствии римский император Нерон 292
 Адорадский, врач 192
 Акулина, горничная в семье Ручинских в Туринске 446—447, 474
 Александр Македонский 133, 286
 Александр I, Александр Павлович 133, 286, 291, 452, 480
 Александр II, Александр Николаевич 245, 274, 292, 298, 415, 444, 646
 Альба, герцог 648, 667
 Ангелли (Анхелли), лит. персонаж одноимен. поэмы Ю. Словацкого 675, 686
 Андрухов, офицер 134
 Анеля, родственница хозяйки дома, где укрывались эмигранты 69—70
 Аникин, начальник Горно-Зерентуйского рудника, поручик 375—376
 Аничков, командир батальона, полковник 188—190
 Анна Ивановна, старшая сестра хозяина квартиры Ю. Ручинского в Туринске 427, 439
 Анненков И. А., декабрист 412, 505
 Анненкова П. И. (урожд. П. Гёбль), жена декабриста 412—413, 505
 Антиох II Теос, сирийский царь 268, 296
 Анхиз, персонаж «Божественной комедии» Данте 569
 Анюта, ровесница Ю. Клечковской 444
 Апухтина Н. Д., см. Фонвизина Н. Д.
 Арембовский И. В. 6
 Афанасьев, плац-адъютант в Киевской тюрьме 326—327, 333, 341
 Б. [Барышников], генерал, комендант Х Павильона Варшавской цитадели 98—99, 115, 282
 Багиньский Ю. 631
 Багратион П. И., кн. 577
 Базилевский, помещик 680
 Байковская И. С. 15
 Байрон Дж.-Н.-Г. 117, 284—285
 Бакунин М. А. 634, 656 (*илл.*), 666, 673
 Балановский Д. 631
 Баранова В. С. 506
 Баренбаум И. Е. 629
 Баргинец, саратовский полицмейстер 216
 Барщ Л. 470
 Бахулев, туринский купец 417
 Бек Е. В., врач, совместно с Н. И. Кашиным описавший болезнь, названную в их честь 632
 Беклемишев Ф. 633

* Составитель Б. С. Шостакович.

- Белоголовый Н. А. 45
Белянская К. 523—524
Бенкендорф А. Х., шеф III Отделения с.е.и.в. канцелярии 201, 249, 291, 498, 502
Березовский, иркутский исправник 535
Березовский, начальник конторы в Горной 374
Беринг, девичья фамилия жены С. П. Яковлева 464
Бестужев Н. А., декабрист 39, 157, 425, 557—558, 560
Бечаснов (Бечасный) В. А., декабрист 45, 549, 576, 666
Бжозовская К., см. Грохольская К.
Бжозовский К., брат К. Грохольской 574
Бжостовский К. 680
Бибииков Д. Г. 313, 332—334, 340, 406, 474, 482, 489, 499
Бибииков, казачий урядник 406
Бизьянов, полковник 183
Блажовский, управляющий имением Зеленые Панёвицы 255
Блохин, чиновник 506
Боборыкина А. А., жена Е. В. Пфаффиуса, см. Пфаффиус А. А.
Боборыкина Н. А., сестра А. А. Пфаффиус 44—45
Боборыкина Н., жена Д. Горчакова, родственника Л. Н. Толстого 44
Боборыкины 44
Богданов, офицер 348
Богунский Я. 268, 296—297, 386, 497
Большаков Л. Н. 32—33, 37, 44, 615
Бопрэ А.-Ю. 268, 296, 338, 340—341, 359, 369, 376, 381, 387, 389, 422 (илл.), 484, 681
Боровский П. 338, 342, 359, 362, 365, 369, 388, 484, 498
Бохданович Ф. 13
Бракман Ж. А., см. Муравьева Ж. А.
Бранд, знакомый Ю. Ручинского на Нерчинских рудниках 353
Браницкие, графы 350
Брон[н]иковский Я. (И. В.) 547, 575
Брохоцкий М. 370
Брынк Е. 329, 388, 498
Брынк К., жена Е. Брынка 388, 498
Брынк Л., ксендз, брат Е. Брынка 329
Брынк Ю., дочь Е. Брынка 388, 498
Брюль Г. 155, 282
Будзиньский А. 333
Булхак Томаш 407, 470, 503
Булхак Тэрэса 503
Булхакувна (в замужестве Ягуловская), дочь Т. и Т. Булхаков 470
Булычев И. Д. 501
Буонапарте К. 286
Буташевич-Петрашевский (Петрашевский) М. В. 633—634, 656 (илл.)
Бычестны (ошибочное написание), см. Бечаснов В. А.
Бэзньюк Д. 631
Бэр, состоятельное лицо из окрестностей Саратова 213
Бялокозович Б. 36, 44
Вавжыковска-Верчехова Д. 523
Вадковская С. Ф., см. Тимирязева С. Ф.
Вадковский Ф. Ф., декабрист 398, 465, 500, 514, 547—549, 554, 559 (илл.), 564, 575
Вадковская, вдова декабриста Ф. Ф. Вадковского 549
Важиньский, адъютант в Оренбургском батальоне 254

- Вакулинский И., врач, муж Ю. Жонжевской 439, 483
- Валевский, лесничий, бывш. польский офицер 452
- Валэцкий А.-Б. 370, 377, 495
- Ванькович В. 151
- Ваньковичувна 440
- Василевская (урожд. Будзиньская) 333
- Василовский И.-А.-А. 441—442, 511
- Васильев, учитель в с. Усть-Уде 645
- Васильевы, фамилия, присвоенная детям умершей супружеской четы декабриста В. П. Ивашева и К. П. Ле-Дантю-Ивашевой 506
- Васильчиков, киевский генерал-губернатор, кн. 475
- Вежбицкая Т. 503
- Велёпольский А., маркиз 592
- Венера, древнеримская богиня 72
- Венжик А. 370, 612
- Вергилий 297, 569
- Верниковский Я. Н. 513
- Вероника, супруга сирийского царя Антиоха II Теоса 268, 296
- Верченский Х. 12
- Верчинский Ю. 555, 571
- Вильчопольская П. 337—338, 483, 555, 578
- Висьнёвская А., см. Мигурская А.
- Висьнёвская В., сестра А. Висьнёвской-Мигурской 72, 75, 119, 122—123, 134, 249, 272
- Висьнёвские 84, 87
- Висьнёвский А., брат А. Висьнёвской-Мигурской 72, 80, 84—89, 92—94, 98, 101, 104, 106, 115, 122, 124, 249, 267, 281
- Витгенштейн П. Х., командующий 2-й армией, фельдмаршал 397
- Власов, саратовский губернатор, генерал-майор 210—212, 215—219, 245
- Влодзимирский З. 471
- Водяников А. Д. 413
- Водяной, фольклорный персонаж 642
- Волиньский Х. 453—454
- Волицкий К. 12
- Волконская Е. С., дочь М. Н. и С. Г. Волконских 551
- Волконская М. Н. (урожд. Раевская), жена декабриста 295, 400—401, 423, 524, 535, 541—542, 550—551, 554—555, 557 (*илл.*), 563—564, 570, 573
- Волконские 400, 509, 537, 540, 544, 550—551, 555, 573, 577
- Волконский С. Г., декабрист 265, 295, 355, 362—363, 397, 400, 423, 490, 524, 536—538, 540, 543, 546, 548, 552, 555, 557 (*илл.*), 570, 577, 646
- Волконский М. С. (Михаил, Миша), сын М. Н. и С. Г. Волконских 524, 533, 535, 550—551, 553, 557 (*илл.*), 566, 666
- Воллович (Волович) М. 440, 510
- Волос М. 14
- Вольмер, плац-адъютант в Александрийской крепости 132
- Вольтановский А. 525, 528
- Вольф Ф. (Х.-Ф.) Б., декабрист 550, 552, 563, 576
- Ворсин, туринский купец 417
- Врублевский Я. 288
- Высоцкий П. 296—297, 384—385, 494—496, 500, 600, 681, 688—689
- Вэрэциньский Я. 439—440
- Г., участник конспирации эмиссаров под Львовом 70
- Габсбурги 280

- Гаврила, слуга семьи Мигурских 192, 199, 203
Гаврилова Н. И. 15, 579
Гадомский П. 631
Гайворонский, плац-майор 333
Гайкевич, эмиссар в Галиции 69
Галецкий, плац-майор в Оренбурге 228, 246
Гасфорд Г. Х. 481
Гациский Д. 569, 630
Гёбль П., см. Анненкова П. И.
Геродот 609—610, 615
Герцен А. И. 592, 648
Геслер У. 280
Гжибовский 636, 663
Гиллер А. 11—12, 14, 23, 25, 45, 314—315, 496, 581—689, 654 (илл.)
Гиллер С., брат А. Гиллера 596
Глинка, генерал 453
Гловацкий В. 631
Глушковский П. 14
Глэмбоцкий М. 352—353
Глюксберг Н. 101, 282
Гоголь Н. В. 320
Голеевский Х. 318—319, 391, 423 (илл.), 499—500
Голенковский 564
Гольныйский Я. 265, 329, 538—539, 546, 549, 571, 620
Горденко, врач 257
Гордон Я. 22
Горохова, жена офицера-порученца при саратовском губернаторе 217—218
Горчаков Д. 44
Горчаков М. Д. 293
Горчаков П. Д. 157 (илл.), 260, 293, 298, 330, 563
Горчакова П. 44
Гоцынский С. 304
Грабовский Ф. 328, 331, 359, 372, 380, 383, 439, 448, 475, 509, 567, 580
Грабовская, бывшая жена К. Машковского 341
Гранина А. Н. 6
Григорьева Григорьевна, акушерка в Туринске 416
Гринвальд, эстляндский губернатор 679
Гринфельд, жандармский полковник 461—463
Гринчель, ксендз 406
Грозный Иван IV Васильевич 638
Гротусова (урожд. Красицкая) 440
Грохольская К. (урожд. Бжозовская) 546, 568, 573—574, 601
Грушецкий М. 370
Д'Аньоло Андреа 664
Давиньон А. 560
Давыдов В. Л., декабрист 555, 577
Давыдов, сенатор 468
Даль В. И. 21, 23, 276
Даниэль (Даниил), пророк 681, 688
Данте Алигьери 271, 297
Дарий 688
Даровская К. (урожд. Машкевич), теща Ю. Сабиньского 538, 552, 571
Даровская П., см. Сабиньская П.
Даровский К., тесть Ю. Сабиньского 571
Дворников, туринский купец 417, 444—445
Дворникова А. 444—445
Дейхман О. А. 488, 545—547, 573, 575
Дейхман, поручик 359, 488
Дейхманы, супруги 547
Демидов А. Н., кн. Сан-Донато 453
Демидов Н. 513
Демидов П. 687
Демидовы 513
Диана, древнеримская богиня 72
Дибич-Забалканский И. И. 501

- Добкевич К. 674, 684
 Добровольский Б. 620
 Добровольский К. 631
 Добрынина Е. А. 14
 Доватур А. И. 609
 Долкевич С. 504
 Долкевич, ссыльный солдат в Тобольске 411
 Дон Жуан, лит. персонаж 285
 Достоевский Ф. М. 602
 Дружиловский В. 288
 Дубельт Л. В., управляющий III Отделением с.е.и.в. канцелярии 405
 Дунаевский В. 434—435
 Дурингин Л. В. 435—436
 Дыбовский Б. 12
 Дыновский К. 522, 525—526
 Дьяков В. А. 33, 36—37, 44, 495, 583—584, 615, 689
 Дэмбовский Э. 511
- Е**катерина II 285, 426, 670, 680, 686
 Ентальцева А. В., жена декабриста 424 (*илл.*)
 Еселевский, капитан, сослуживец Винценты Мигурского 174—175
 Ефимов, учитель 352—353
 Ефрон И. А. 481
- Ж**аба А. 631
 Жабицкий Т. 141
 Желёнка К. 12
 Желёнка Л. 12
 Желёнка М. (о. Кандид) 139, 286
 Желиговский Э. 628
 Жемчужников, начальник штаба Сибирского корпуса в Омске 260
 Жмиевский Э. 12, 370, 391, 499
 Жонжевская А. (Валерова) (урожд. Пшевлоцкая), жена В. Жонжевского 438—439, 509
 Жонжевская Ю., жена И. Вакулинского, сестра В. Жонжевского 338, 483, 509
 Жонжевский В. 328—329, 387, 483, 509
 Журавиньский Л. 470
- З.** Константы, польский офицер-эмигрант во Франции 61—64
 Завала, офицер-эмигрант во Франции 62
 Загоскин М. В. 633
 Загурский А. 288
 Зайончек Ю. 480, 589
 Закшевская М.-П. (Магдуся) 164—166, 168, 171, 179—181, 183—184, 186—187, 190—191, 193—194, 196, 198—200, 202—203, 205—208, 219—220, 222, 246—247, 256, 262, 266—267, 292
 Залеский А. 304
 Залеский Л. 304
 Залеский Ю. Б. 370, 395, 493
 Заливский Ю. 278, 287, 296, 301, 303, 510
 Заморский Б. 586
 Зан Т. 431, 455, 479
 Зарэмба Р. 637, 663
 Зверев В., начальник Александровского винокуренного завода 550—553, 567, 641—642
 Зверев П. (Паша) 550—551, 566
 Зверевы 553, 567
 Здоренко, офицер, начальник этапа 335—337
 Зелиньский 329
 Зенкович Ф. 13
 Зильберштейн И. С. 39
 Зиновьев В. П. 579
 Злотковский Я. 141
 Знаменский М. С. 424
 Знаменский С. Я. 424 (*илл.*)
 Зубченко 652—653

- Зуев А. С. 579
Зуева Е. А. 579
Зыгмунт III, король Речи Посполитой 573
Зыгмунт, пророк: поэт З. Красиньский 650
- И.**, поручик 61—62, 64
Иван Иванович, хозяин квартиры Ю. Ручиньского в Туринске 427
Ивановская С., жена А. Бопрэ 342
Ивановский Ф. 342
Иваньев Л. Н. 6
Иваньский А. 12, 520
Ивашев А. 505
Ивашев В. П., декабрист 414, 505
Ивашев П. 506
Ивашева В. 506
Ивашева Е. 505
Ивашева К. П. (урожд. Ле-Дантю), жена декабриста 505
Ивашева М. 505
Иисус Христос 250, 253, 287, 290, 365
Исаков, генерал 679
- К.**, [Калиновский], плац-майор Х Павильона Варшавской цитадели 99, 115, 282
К., пан и пани; семья в украинской части Галиции, давшая приют эмиссару Винценты Мигурскому 73, 77
Кавалерович Е. 31
Калашников И. 671
Каллиопа, в греческой мифологии одна из девяти муз 673
Каминьская Э. 15
Каминьский М. 15
Каналетто Б. Б. 154
Кандинские 370, 391, 492, 498
Кандинский А. П. 493
Кандинский В. В. 492
Кандинский Х. П. 493
Канкрин Е. Ф. 397, 500
Канкринá Е. З. (урожд. Е. З. Муравьева) 397, 501
Канты Я. 586
Карчевский, поляк из Курляндии 674—675, 686
Катилина Луций Сергей 486
Кацнельсон Д. Б. 495, 689
Кашин Н. И., врач, совместно с Е. В. Беком описавший болезнь, названную в их честь 632
Кеневич С. 585—586
Кербер, см. Цербер
Кизерицкий, полковник 229, 233
Кисель М. 328, 361, 378, 380, 389
Кислов, следователь в Оренбурге по делу Винценты Мигурского 230
Клеопов И. Л. 6
Клечковская (урожд. Ванькович) 440—441
Клечковская В. 441
Клечковская Ю. (Юльча) 444
Клечковские 440—441
Клечковский Э. 440, 510
Ковалевский Ю. 513
Коваль С. Ф. 7
Кожевников, казачий атаман в Уральске, полковник 159, 187—188, 190
Кожелл-Поклевский (Козелло-Паклевский, Пахклевский, Паклевский) А. 330, 449—450, 480—481, 512
Козакевич С. 407, 503
Козелло-Поклевские 481
Козловский М., ссыльный филарет 555, 578
Коллонтай Г. 480
Колпаков В. В. 427—429

- Колумб Х. 245
Конарский Ш. 264, 279, 289, 294,
302—305, 307, 309—311, 321, 325,
420 (*илл.*), 477—478, 484, 500,
517, 529, 628, 680—681, 687
Коноплицкий Ю. 674, 685
Конопницкая М. 511
Константин, Константин Павлович,
вел. кн., цесаревич 330, 386, 465,
480, 497
Копылов В. И., енисейский губер-
натор 351, 485
Копэрский В. 657
Копэц Ю. 594
Кораблев В. Н. 26
Королевский П. 443—444
Корытовский А. 67
Коссаковский В. 265, 329, 331, 336,
346, 369, 376—377
Костюшко Т. 67, 279, 287, 293, 586,
670
Котовский Ф. 385—386, 496
Кохановский Я. 661, 672
Краевский А. 370
Красинские 521
Красинский В., генерал 650
Красинский З. 283, 650, 668
Красицкий, епископ 659
Красицкий И. 671
Красновская К. 265
Кратер, советник 81
Краусхар А. 35—36, 277, 283—284
Крауффер, советник 280
Кроп, смоленский ксендз 472
Крочевский В. 374—375, 385—386,
494
Круликовская М. К., см. Юшневс-
кая М. К.
Крупинский, генерал 328
Крылов И. А. 289
Крылов, комендант 228
Крыницкий Ф. 627, 634
Кузнецов С. И. 4
Кузьминский М. 330
Кукель Болеслав 627, 634
Кукель Бронислав 647, 666
Кулаковская, сестра Ф. Кулаков-
ского 455
Кулаковский (Колаковский) Ф.,
филарет 513
Куликовский, архитектор 657
Кульчицкий Иннокентий (Иоанн),
православный святой 619,
629—630
Куляшинский М. 597
Купфер, петербургский профес-
сор 393
Курпинская, пани 471
Курпинская Э., дочь пани Кур-
пинской 471
Кучинский А. 38
Кюхельбекер В. К. (искаж. Кихель-
бекер) 647, 666
- Л.**, комендант Александрийской
крепости на Мангышлаке 129
Лаваль А. Г., мать Е. И. Лаваль (в
замужестве Трубецкой) 572
Лаваль Е. И., см. Трубецкая Е. И.
Лаватер (Лафатер) И.-К. 214, 289
Лавинский А. С. 296
Ладыженский М. В. (искаж. Лада-
жинский) 409, 503
Лазовер В. И. 15
Лазовер И. В. 15
Ле-Дантю К. П., см. Ивашева К. П.
Левандовский Ф. 658—660
Левик В. 285
Левинский 171, 180, 186, 192, 199,
203, 224
Ледницкий В. 36
Лейзер, еврей, земляк А. Гиллера
658
Леокадия, сестра Х. Голеевского
391
Лепарский С. Б., генерал 367, 612

- Лесков Н. С. 320
Лесной, фольклорный персонаж 641—642
Лесьневич А., сын Л. и Й. Лесьневичей 549
Лесьневич З., дочь Л. и Й. Лесьневичей 545
Лесьневич Й. 265, 329, 394, 399, 502, 534—540, 544—545, 549—550, 568—569
Лесьневич (Лесьневичова) Л. (урожд. Глинка) 399, 502, 537, 549
Лещано Б. Б. 658, 671
Либрович З. 584, 608, 612
Литта Ю. П. 356, 487
Лифанов Данила, персонаж рассказа «За что?» Л. Н. Толстого 29
Лифланд, военный комендант Оренбурга, генерал-майор 243
Лиштованная Т. В. 15
Логинов, полицмейстер Уральска, подполковник 188, 222—223
Лозиский М. Л. 297
Лопушанский Б. 36
Лошкарев, волынский губернатор 433—434
Лубеньская Р. 574
Лукин, плац-адъютант в Оренбурге 228
Лунин М. С. 296, 500, 600, 647
Львов Ф. Н. 623, 632
Любимов, стряпчий 427, 432—433
Любимова, жена стряпчего Любимова 427
Людмилля, родственница Висьнёвских 84—86
Лютык Ю. 442
Лясоцкий В. 12, 520
М., дядя Винценты Мигурского по матери 94, 96
М., барон, комендант Безансона 64
Мадзини Дж. 303
Мазанов 174
Мазепа 370, 493
Мазер К.-П. 425
Максимилиана Вильгельмина Августы София Мария, см. Мария Александровна, вел. кн., имп.
Максимов С. В. 24, 26—27, 31, 288, 314—315, 612—615, 655
Максимилиан, герцог Лейхтенбергский 485
Максымильян, дед А. Гиллера 586
Малаховская, сестра К. Мархоцкого 409
Малиновский В. 636, 663
Малишевский Э. 518, 522—523
Мальцев, купец 417, 439
Мальчевский В. 620
Мальчевский Ф. 385, 496
Маллога, чиновник 409
Мамаев Н. И. 309, 311
Мансуров, полковник 131—132
Манцевич, польский ссыльный 470
Марат Ж.-П. 362
Мария, приятельница четы Мигурских в Уральске 166—171, 187, 189—191, 193, 196—200, 202—206, 226—228, 250
Мария Л., пани 79
Мария Александровна, супруга вел. кн. (позже имп. Александра II) 292
Мария Николаевна, вел. кн., дочь имп. Николая I 485
Марковский, ссыльный повстанец 1830 г. 443
Мартын, кучер 445—447
Марфа посадница 649
Мархоцкий К. 409—410, 503, 539, 545, 547, 555, 563, 572, 578
Марчевский Я. 652, 669, 674, 685
Марчиняк П. 15

- Маслов, чиновник по особым поручениям при оренбургском губернаторе 258
- Масловский Н. 624, 632–633
- Масьлюк Л. 662
- Матвеев, казачий офицер, майор 188–189
- Мацкевич Т. 534, 539, 569
- Машковский К. (Г.) М. Б. 305–307, 318–319, 338, 341, 369, 377, 379–381, 383, 421 (*илл.*), 484, 681
- Машковский М. 341
- Мевиус А. П. 359, 361, 401, 487, 546–547, 575
- Мевиусы, супруги 547
- Медведников И. Л. 562 (*илл.*), 579
- Медведникова А. К. 562 (*илл.*), 563, 565, 567–568, 573, 579
- Медведникова Е. М. 573, 579
- Медведниковы, супруги 579
- Медовиков, купец 677
- Мендовг (Миндовг, Миндаугас) 643, 665
- Мигурская А. (урожд. Висьнёвская) 17–298, 17 (*илл.*), 158 (*илл.*), 313, 484
- Мигурская К., мать Винценты Мигурского 92–93
- Мигурская Н., сестра Винценты Мигурского 91
- Мигурская Р., сестра Винценты Мигурского 92, 115, 120, 122, 124, 275
- Мигурские А. и В., супруги 17–298, 301, 484–485, 615
- Мигурские Михалины (Михалинки), имена двух малолетних дочерей Мигурских, умерших в младенчестве 147–148, 199–200
- Мигурский А., брат Винценты Мигурского 61
- Мигурский Валеры, отец Винценты Мигурского 92–93
- Мигурский Вацлав, брат Винценты Мигурского 61, 93, 96, 102, 281
- Мигурский Винценты 11, 14, 17–298, 301–303, 478, 480–486, 490, 494, 496–498, 501–502, 507, 510, 514, 570–571, 578, 580, 594, 614–615, 633, 664, 667, 669, 685, 689
- Мигурский К., сын Мигурских, умерший в младенчестве 158, 266, 269, 271
- Мигурский М., сын Мигурских, умерший в младенчестве 247
- Мигурский Ю., брат Винценты Мигурского 61, 63–64, 281
- Мигурский Я. 38, 47, 150, 158
- Милевская А. 15
- Милюдин В. 288
- Миллер В., старший брат Л. Ручиньской, политэмигрант 433
- Миллер И. 312
- Миллер К., второй брат Л. Ручиньской, политэмигрант 434
- Миллер Л., см. Ручиньская Л.
- Миллеры 346
- Миско М. В. 584
- Михайлов, ученик Ю. Сабиньского 546, 575
- Михалевич, ксендз 343
- Михальская Ф.-К. (Фрыдерыкова) 265, 295, 401, 484–485, 549, 552, 574, 681
- Михальская Э., дочь Ф.-К. и Ф. Михальских 681
- Михальские 549, 552, 554, 681, 689
- Михальский Л. (Ф.-Ф.) 295, 330, 361, 485, 546–547, 549, 568, 574–575
- Михальский Ф. 295, 338, 342, 361, 401, 484–485, 502, 547–549, 552, 574–575, 681–682

- Мицкевич А. 9, 47, 85, 151 (*илл.*), 280—281, 293, 329, 431, 455, 479, 508, 577, 665, 668
- Мльник Р. 15
- Моисей, пророк в иудаизме и христианстве 638
- Моран, генерал, представитель французских властей в среде польских эмигрантов в Безансоне 61, 277
- Морачевский М. 410, 412—413, 431, 504
- Моретц, врач в Уральске 147, 200
- Морозэвич С. 370
- Мрозовский Т. 329, 331, 480
- Мурава М. 649—651
- Муравьев А. З., декабрист 355, 397, 425 (*илл.*), 500—501, 540
- Муравьев А. М., декабрист 542, 573
- Муравьев А. Н. 687
- Муравьев М. Н. («вешатель») 679, 687
- Муравьев Н. М., декабрист 542, 573, 647
- Муравьев-Амурский Н. Н. 157 (*илл.*), 269, 273, 275, 297—298, 481, 590, 605, 624, 633—634, 639, 646, 664
- Муравьев-Апостол М. И., декабрист 424 (*илл.*), 450
- Муравьева-Апостол М. К., жена декабриста 424 (*илл.*)
- Муравьева Ж. А. (урожд. Бракман), жена декабриста 542, 573
- Муханов П. А., декабрист 551, 554, 560 (*илл.*), 647, 666
- Мыстковский М. 631
- Мюллер, аптекарь 183
- Мясников, владелец золотых приисков в Енисейской губернии 552
- Н.**, военный доктор 112
- Нагаев А. С. 36
- Назимов В. Н. 632
- Найта Х. 526
- Наместник Царства Польского, вел. кн. Константин Николаевич 588
- Наполеон I Бонапарт 133, 277, 286, 328, 513, 568, 586
- Насонов, зажиточный туринский мецанин 432, 435
- Невенгловский, преподаватель кулужской, позже — иркутской гимназии 470
- Неджела Ю. 526
- Неклюдов М. 626, 633—634
- Нелединские, супружеская чета в Калуге 465
- Немировский Л. 329, 331, 359, 361, 392, 394, 396, 398—399, 405, 489, 500—501, 535, 538—539, 541 545—547, 549, 554, 558—559, 561—562, 564, 570
- Немцевич Ю. У. 147, 283, 287
- Непокойчикувна К. 388, 439, 498—499, 509
- Нерон Клавдий Цезарь, см. Агенобарб Луций Домиций
- Нечаевский А. 631
- Николай I, имп. 45, 93, 218, 237—239, 249, 282—283, 291, 371, 412—413, 474, 480, 485, 504, 646, 680
- Новицкий Н. 329, 450, 538, 549, 568, 571, 575
- Новосильцев (Новосильцов) Н. Н. 287, 456, 460, 514
- О.**, конспиратор, эмиссар в Галиции 110
- Оболенская (урожд.), сестра декабриста Е. П. Оболенского 444
- Оболенский Е. П., декабрист 414—415, 427, 431—432, 436, 444, 450, 506, 513
- Оборский Л. 277

- Обручев С. В. 6
 Огарев, пермский губернатор 454
 Огарев Н. П. 592
 Огородзинский Д. (Дызя) 453
 Огрызко Ю. (И. П.) 628—629, 655
 (илл.)
 Одаковский А. 620
 Одживольский З. 12
 Одынец А.-Э. 47—48, 50—51, 54,
 150 (илл.)
 Ожешко В. 329, 377, 495
 Олеша Е. 498, 574, 681—682
 Олизар Г. 554, 577
 Олизар К. 328, 361, 498, 577
 Олизар Ф. 328, 361, 538, 571, 577
 Олизары 545, 554
 Ольшевский М.-В.-Ц. 619, 630
 Орачевский Я. 549, 555, 567, 575,
 578
 Орда Н. 422
 Орлов А. С. 26
 Орлов, преподаватель школы 183
 Орфей, мифолог. персонаж 235,
 290—291
 Оссолинские 525
 Ошеров С. 569
- П.**, шляхетское семейство под
 Львовом 69
 Павел I, имп. 413, 487, 679
 Павлова В. П. 45
 Павловский Т. (Ю. Т.) 329, 600,
 627, 634, 657 (илл.)
 Падлевский Ю. 67
 Падлевский З. 592
 Паклевский, см. Кожелл-Поклев-
 ский А.
 Панаев, подполковник инженерных
 войск 648
 Панаев, чиновник 430
 Панкевич В. 539, 572
 Панов Н. А., декабрист 363, 397,
 490, 666
- Паскевич-Эриванский И. Ф. 276,
 283
 Паулина Помпея, жена Сенеки
 Луция Аннея 260, 292—293
 Пауша (Павша) А.-П. 411—412,
 504
 Пашкевич 539
 Пежемский П. И. 425
 Перовский В. А., оренбургский гу-
 бернатор 45, 145, 160, 233, 239,
 241, 244—245, 287—289, 626
 Персефона, древнегреческая боги-
 ня мертвых и плодородия 291
 Персин И. С. 540, 572
 Пестель И. Б. 671
 Пестель П. И., декабрист 397
 Петр, апостол 250
 Петр Великий (Петр I) 236, 273, 513
 Петрашевский М. В., см. Буташе-
 вич-Петрашевский М. В.
 Петрашкевич О. 431, 508
 Петр I, см. Петр Великий
 Петровский Ф. 569
 Петрушин Ю. А. 4
 Пётровин, фольклорный образ 60,
 277
 Пётровский Р. 12, 594
 Печёнкин, жандарм 112
 Пилат Понтий 232, 290
 Писарев Н., приближенный ки-
 евского генерал-губернатора
 Д. Г. Бибикова, взяточник 313,
 332—334, 469, 482, 499
 Писарева, жена Н. Писарева 334
 Плутон, древнегреческий бог под-
 земного царства мертвых и бо-
 гатств 235, 290—291
 Плятер В. 593
 Пovalo-Швейковский, подполков-
 ник 140, 142
 Повэнский П. 573
 Подгурский Ф. 631

- Поджио А. В. (младший), декабрист 44—45, 545, 549—551, 560 (*илл.*), 563, 568, 570, 576, 647
- Поджио, братья 541, 543, 551, 554—555, 563
- Поджио И. В. (старший), декабрист 535, 551, 554, 560 (*илл.*), 563, 568, 570, 576
- Подлевский К. 387—388, 498
- Подхородэньский А. 439
- Подхородэньский М. 265, 329, 362, 369, 620
- Поль В. 669
- Понятовская (Дарьюшова, урожд. Ивановская) 438
- Понятовский С.-А. 670
- Понятовский Ц. 343
- Попов, городничий Петровска 209
- Попов, казак, владелец дома, арендуемого Мигурскими в Уральске 162
- Портнягин, владелец квартиры, снимаемой Ю. Ручинским в Горной 374, 378
- Потемкин, кн. 487
- Потоцкий, граф 334
- Преловская Б. 40
- Пресняков Е. А. 6
- Прондзинский И. 129, 141
- Протасовы А. Н. и А. Г., супруги 462—463
- Прусс-Висьнёвский М., отец Альбины, Винценты и Антони Висьнёвских 72, 80, 279
- Птолемей II Филадельф 296
- Пугачев Е. 228, 285, 289—290
- Пусловский Т. 417, 507
- Пушкин А. С. 290, 506, 577
- Пуцин И. И., декабрист 414—416, 424, 425 (*илл.*), 427, 431, 450—451, 505—506, 513
- Пфаффиус А. А. (урожд. Боборыкина) 42—49, 150 (*илл.*), 156
- Пфаффиус Е. В. 44—45, 156 (*илл.*)
- Пфаффиус Н. А. 45
- Пфаффиусы 45, 48
- Пшевлоцкая А., см. Жонжевская А.
- Пшигодская А. 328
- Пыпин А. Н. 583—584
- Пятницкая Л. А. 535, 570
- Пятницкий А. В., иркутский гражданский губернатор 265, 295, 355, 393, 486, 535, 570
- Рабцевич В. 370, 387—388, 439, 498, 509
- Радде Г. И. 624, 632
- Раевская, дочь декабриста В. Ф. Раевского 551
- Раевский В. Ф., декабрист 576
- Раевский Н. Н. 295
- Раевская М., см. Волконская М. Н.
- Разин С. 285
- Раморино Дж. 102, 283, 399
- Рачинская Ю.-Э., см. Сабиньская Ю.-Э.
- Рачинский Т. 571
- Ришье А. 552, 555
- Ришье Ю. 552, 554, 565
- Ришьер 638
- Робеспьер М. 362
- Рогальский, поляк, чиновник в Туринске 442
- Родзевич И. 478, 546, 574
- Родственный А. Ф. 377, 389, 494, 498
- Розен, баронесса, вдова генерала дивизии, тетка Ю. Ручинского 405, 502, 539
- Розетти А. Ю., см. Смирнова А. Ю. 461
- Рокосовский, начальник штаба войск Отдельного Оренбургского корпуса, генерал 233—234
- Романов 625
- Романчук А. 631

- Ростова Н. (Наташа), персонаж романа «Война и мир» Л. Н. Толстого 30
- Рошковская А. (Антолька, Адольфова) 322, 437—438, 482, 508—509, 534, 538—540, 552, 569
- Рошковская В. (Вандзя) 329, 438
- Рошковская Ю. (Юлька, Юльча) 438
- Рошковские 450, 452, 470, 472, 566, 567
- Рошковский А. 322, 328—329, 331, 340, 359, 372, 379, 388, 438, 449, 461, 474—475, 482, 508, 512, 539, 552, 566—567, 569, 580
- Рошковский С. (Стась) 321—322, 438
- Рудецкий 103
- Рудзишевский 103
- Ружицкий, полковник 385
- Руперт В. Я. 351, 355, 394, 423 (*илл.*), 486, 498, 502, 539, 545, 569, 574, 646, 665
- Ручиньская Л. (урожд. Миллер) 312—313, 325, 332, 433, 444—445, 478, 499, 510—511
- Ручиньская Т. (урожд. Т. Стаховская), невестка Ю. Ручиньского 473
- Ручиньские С. и К., племянники Ю. Ручиньского 473
- Ручиньский А., брат Ю. Ручиньского 348, 396, 472
- Ручиньский Ю. (Юстэк) 10—11, 14, 279, 292—297, 299—514, 299 (*илл.*), 420 (*илл.*), 517, 539, 569—570, 572—575, 578, 580, 586, 630, 632, 634, 663, 665—666, 685—686, 688—689
- Рыбинский М. 276
- Рыбинский 60
- Рылеев К. Ф., декабрист 287
- Рэцинский Н. 440
- С., майор, командир повстанческого полка в эмиграции, эмиссар 60, 62, 67, 87
- Сабиньская И.-К., сестра Ю. Сабиньского 552, 555, 570
- Сабиньская П. (урожд. Даровская), жена Ю. Сабиньского 571
- Сабиньская Х., дочь Ю. Сабиньского 525—526, 571
- Сабиньская Ю.-Э. (урожд. Рачинская), мать Ю. Сабиньского 538, 540, 570
- Сабиньский Э., сын Ю. Сабиньского 525, 570
- Сабиньский Л., отец Ю. Сабиньского 538, 540, 570
- Сабиньский О., сын Ю. Сабиньского 525, 570—571
- Сабиньский (Гляубич Сабиньский) Ю. 10—12, 14, 265, 279, 294, 329, 351, 359, 361, 401, 483, 485, 489, 497, 500, 502, 509, 515 (*илл.*), 515—580, 556 (*илл.*), 685
- Савицкий И. 385, 496
- Савичевский К. 370
- Саллюстий Гай Крисп 486, 351
- Самборский Х. 12
- Самсон, мифолог. персонаж 235, 290
- Сангушко Р.-С.-А. 411, 504
- Саньковский, польский политссыльный 470
- Сарто Андреа дель 664
- Сасинович Ю. 620
- Саша, воспитанница откупщика Тулинова, ученица Л. Ручиньской 444, 511
- Свербеев Н. Д. 44, 45
- Станислав, святой 277
- Селевкиды, династия сирийских царей 296
- Сенек Луций Анней 260, 292
- Сенкевич М. 224

- Серачек, фамилия, вымышленная
Винценты Мигурским в целях
конспирации 68, 78
- Серно-Соловьевич Н. А. 629
- Серочинский Я. 288
- Серошевский В. 13
- Сибиряков К. М. 579
- Силинский П. П. 6
- Скалон В. Н. 6
- Скарбэк Ф. 546, 574
- Скарга П. 545—546, 573
- Скшинецкий Я. 501
- Сливовская В., см. Съливовская В.
- Словацкий Ю. 665, 668, 686
- Словцов П. А. 671
- Смирнов Н. М., калужский губер-
натор 461, 468, 470
- Смирнова А. Ю. (урожд. Розетти)
461, 470
- Смирновы А. Ю., О., С., Н., М. 461
- Смуглявичус (Смуглевич) П. (Ф.)
601
- Снарский, настоятель католическо-
го прихода в Саратове 211, 220
- Собаньская Р. 574, 601
- Собаньский Г. 424 (*илл.*)
- Собаньский Л. 574
- Сова А. 628
- Соколовский 288
- Сокульский Ю. 585, 595—596
- Солэцкий, ссыльный польский по-
встанец 1830 г. 385, 496
- Спешнев Н. А. 633
- Срезневский Вс. 26
- Станкевич А., врач, политссыльный
в Сибирь 555, 578
- Старорыпинская Ф.-К., см. Ми-
хальская Ф.-К.
- Стахович, подполковник 257
- Стащиц С. 680, 687
- Стефаник В. 586
- Стефанэк, слуга Винценты Мигур-
ского 89—90, 95, 97—99
- Стрельников Н. М. 31
- Стшеменьчик П. 277
- Сутгоф А. Н., декабрист 549, 576
- Сухинов И. И. 494
- Суходольская Е. Е. 42—44, 156
(*илл.*)
- Сухозанет Н. О., военный министр
298
- Сцегенный П. 584
- Сырочинский Л. 321—322
- Съливовская (Сливовская) В. 14,
57, 308, 310, 313, 318, 321—322,
584—585, 601—602
- Сънежка Т. 350, 485
- Сэмполовская С. 523—524, 526
- Т.**, генерал, комендант Варшавы 117
- Т., участник конспирации эмисса-
ров под Львовом 70
- Табэньская Э. 12
- Талызин И. Д. (искаж. Талазин),
оренбургский губернатор 219,
256—258, 292, 328, 345, 478
- Тальвен, один из эмиссаров-конс-
пираторов, укрывавшийся под
Львовом 69
- Талько-Хрынцевич Ю. 13
- Тарковский, офицер, начальник
этапной тюрьмы под Красноярс-
ком 349
- Тарновский В. 651, 668
- Таскин А. Н. 387, 393, 497
- Татаринов С. П. 371, 376—377, 407,
493, 503
- Татаринов, временно замещавший
генерал-губернатора Западной
Сибири 260
- Творев Ю. 631
- Тегутьев, почтальон в Туринс-
ке 428—429
- Телль В., лит. персонаж 80, 279—
280
- Тизенгаузен В. К. 424 (*илл.*)

- Тийе-отец (Thille), доктор, один из сопровождавших сенатора И. Н. Толстого 536, 551
- Тийе-сын 565
- Тимирязев И. С., бывш. воен. губернатор Астрахани 465
- Тимирязева С. Ф. (урожд. Вадковская) 465
- Тиртей, древнегреческий поэт-лирик 649, 667
- Тит Ливий 291
- Ткаченко 348
- Толедо де Ф. А. 667
- Толстой, граф, калужский губернатор 468
- Толстой И. Н., сенатор 399, 501, 536, 551, 565, 580
- Толстой Л. Н. 26—28, 30—35, 39, 42—44, 48, 150—151, 156, 287—288, 615
- Тон К. А. 687
- Траян Марк Ульпий 476, 514
- Трескин Н. И. 671
- Трубецкая Е. И. (урожд. Лаваль), жена декабриста 157 (*илл.*), 266, 295, 400, 564, 572, 666
- Трубецкая З. С. 44—45
- Трубецкие 45, 509, 540, 554, 572
- Трубецкой С. П., декабрист 44—45, 157 (*илл.*), 295, 564, 646, 666
- Трынковский Л. Г. (искаж. Трышковский) 479, 620
- Трынковский Я. 14, 501, 524—525, 528, 538, 570—572, 575, 587, 609—610
- Тулинов Я. П. 415—416, 429, 431, 444
- Тулинова А. Е. 416, 431
- Тулиновы 427, 432
- Тшчиньский С. 631
- Тэкла, пани, хозяйка, укрывавшая эмисаров в галицийском поместье 68, 70
- Улатовский Э. 67
- Уминьская Р. (Войчехова) 437, 508—509
- Уминьский В. 330, 359, 437, 509
- Уньковские, семейство в Калуге 464
- Уорренд, англичанин из свиты сенатора И. Н. Толстого 565, 580
- Уткин, руководитель школы в Туринске 427, 432, 450
- Фафиус А.** 329
- Фельген Н. Е. 28—29
- Филадельфин А., учитель иркутской гимназии 545, 554, 573
- Филипп II 286
- Филиппович К. 268, 296
- Фирлей-Беляньска К. 522, 526
- Фитингов А. Х. 375—376
- Фитингов Н. Х. 375
- Флёрковская-Франчиць Х. 585
- Флоренсов Н. А. 6
- Фома Кемпийский (Т. Хемеркен) 287
- Фонвизин М. А., декабрист 412, 505—506
- Фонвизина Н. Д. (урожд. Апухтина), жена декабриста М. А. Фонвизина, вторым браком — за декабристом И. И. Пуцциным 412, 415, 505
- Фонвизины 412
- Франчишка, вдова из Жмуди 651
- Фридман Л. К. 13
- Фэлинская Э. 12, 22, 156 (*илл.*), 215, 276, 289, 338, 478, 483, 555, 578, 594
- Фэлинский З. Щ., архиепископ Варшавский 478
- Фэлыштньнский С. 555
- Хаас К.** 329

- Хачиский Д. 356, 386, 400, 486, 534, 538, 545—546, 569—570, 630, 646, 666
- Хемеркен Т., см. Фома Кемпийский
- Хитров, курьер по доставке в Пекин текста Айгуньского трактата 626
- Хлопицкий В., товарищ П. Высоцкого в ссылке 385, 495
- Хлопицкая М., дочь полтиссыльново В. Хлопицкого 385
- Хмельёвская Т., двоюродная сестра Ю. Сабиньского 538, 546, 552, 571
- Хмельёвский Ю., муж Т. Хмельёвской 571
- Ходакевич, похоронен в Иркутске 620
- Хольштейн Х. 386, 497
- Хордынский Ю. 620
- Хороших П. П. 6
- Хэйбович К. 636, 638, 663
- Хэлленьюш (Ивановский) Э. 504
- Цезарь Гай Юлий** 133, 486
- Цейзик И. 601
- Цеплинский П. 261
- Цербер (Кербер), мифолог. персонаж 291
- Цесаревич, Александр Николаевич, буд. имп. Александр II 250—252
- Цёлковский, генерал в Оренбурге 141, 233, 234
- Цимерманн К. 620
- Цинциннат Луций Квинций 248, 291
- Цицерон Марк Туллий 486
- Цырына П. 329, 369, 377, 387, 495
- Чайковский К.** 15
- Чайковский М. 470
- Чайльд-Гарольд, персонаж произв. Дж. Байрона 284—285
- Чапский Т. 328, 362
- Чапский Э. 12
- Чацкий Т. 310, 339, 480
- Чекановский А. 6
- Чеплинский П. 294
- Черкасский, адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева 273
- Черниговцев, майор 389—390
- Чернов, брат И. А. Чернова 403
- Чернов И. А., хозяин, у которого в деревне под Иркутском квартировал Ю. Ручинский 394
- Черский А. И. 6
- Черский И. Д. 6
- Черторогов, офицер в Уральске 145
- Четвертынский В. 12, 520
- Чечерский Ф. 594
- Шавловская Т.** (в замужестве Висьнёвская), мать А. Мигурской и ее брата и сестры 72
- Шавловский М., брат Т. Шавловской 87, 102—104
- Шадурские, польское семейство в Оханске 454—455
- Шайдевич К., иркутский викарный ксендз 356, 401—402, 487, 538, 570
- Шамбо И. 148
- Шангыр А., калужский служащий 471
- Шаповаленко Н. М. 31
- Шариа, древнееврейский апостол 637
- Шведов, купец 677
- Швермицкий (Шверницкий) К.-М. 498, 620, 627, 630, 634, 647, 657 (илл.), 666
- Шевченко Т. Г. 628

- Шекспир У. 176
 Шиллер Ф. 280, 563
 Шкловский В. 26
 Шокальский К. 288
 Шопен Ф. 647
 Шостакович Б. С. 7, 14, 16, 37, 40, 47, 57, 211, 276, 288—289, 294, 303—304, 308, 315, 323, 478, 481, 483—484, 488, 495, 497, 501, 511, 524, 531, 535, 537, 571—575, 577, 584, 593—595, 598, 602, 604—606, 613, 617, 629, 631, 634, 636, 647, 663—664, 689, 690, 708
 Шпадковский Ю. 587
 Шрам, генерал в Омске 260—261
 Штайнфельд, чиновник горного управления в Екатеринбурге 260
 Штубендорф Ю. И. 260—261, 293, 330, 336, 481
 Шульц Л. 274, 298
 Шумовский А. 438
 Шюблер 557
- Щегловский**, майор 686
Щепановский С. 277
Щепковский В. 329, 359, 361, 401, 489, 502, 549, 554, 564, 575, 577, 620, 674, 685
- Эвридика** (Евридика), мифолог. персонаж 235, 290—291
 Эйдельман Н. Я. 40, 42
 Эйман, генерал дивизии 146
 Эйхмиллер И. 657
 Эней, мифолог. персонаж 569
 Эренберг Г. 370, 493
 Эриний, мифолог. персонаж 291
- Юдин**, купец 677
 Юдинович К. 416—417, 435—436, 441, 448
 Юлия, сестра Л. Ручиньской, жена Ф. Грабовского 328, 473
- Юшневская М. К. (урожд. Круликовская), жена декабриста 398, 500, 540, 548—549, 552, 558 (илл.), 647
 Юшневский А. П., декабрист 397—398, 404—405, 414, 500, 540, 548—549, 558 (илл.), 564, 647, 666
- Ягуловский** Т. 470
 Яжына Л. 328, 344, 405, 483, 545, 555, 573, 580
 Яжына Н. 328, 337, 344, 483, 567, 580
 Яжыны, братья 331, 359
 Яковлев С. П. 464
 Яковлевы 464
 Якубович А. И., декабрист 362—363, 490
 Якубовский Ю. О. 30
 Якушкин И. Д., декабрист 424 (илл.), 450, 512
 Янек, молодой человек из Зеленых Панёвиц 179—180
 Яник М. 9, 36, 518—521, 525, 584, 608, 610, 612
 Янишевский А., студент Киевского университета, политический ссыльный 372
 Янишевский Л. 329, 362—383, 388—391, 394, 397, 405, 498—499, 502, 539, 549, 572, 620
 Янушкевич А.-Ю. 261, 293—294, 563, 580
 Ярин, чиновник губернской канцелярии 538
 Ярошевич, доктор 453
 Ячменев Е. А. 14
- Antoni J., Dr. [Rolle] 527
- Baranowski** W. 611
 Białokozowicz B. 27, 34, 42, 50—51
 Bielańska K. 522—523
 Bolszakow L. N. 33, 37, 44, 615

- Czartkowski A. 520
Czetwertyński Wł. 520
- D**jakow W. A. 33, 37, 44, 615
- Ehrenberg G. 308
- Felińska E. 22
Florkowska-Francić H. 585, 593, 597
- G**iller A. 23, 25
Golejewski H. 319
Grocholska K. 601
- Iwański A. 520
- Janik M. 9, 37, 51, 519–520, 526, 598, 608, 610, 614
Jatowt M. (Gordon J.) 22
- K**[ulaszyński] M. 597
Kieniewicz S. 585, 587
Kopera F. 520
Krajewski A. 308
Kraushar A. 36
Kuczyński A. 38, 611
- Lasocki W. 520
Lednicki W. 27, 30–31
Librowicz Z. 608, 614
- Łopuszański B. 37, 52, 305, 307
- M**aliszewski E. 518
- Michalski F. 689
Mickiewicz A. 9
Migurscy 615
- Nagajew A. 37
- O**lesza J. 689
- R**ichter F. H. 628, 684
- S**obańska R. 601
Sokulski J. 595
Szostakowicz B. 37–38
- Śliwowska W. 308, 311–313, 315, 318, 321, 483–484, 496, 510, 569, 574, 578–579, 601, 685
- Trynkowski J. 518, 609
- V**irgilius 533
- W**ałęcka A. 523
Warrand (Warran) 580
Wasilewski S. 520
Wawrzykowska-Wierciochowa D. 523
Wild K. 50
Woltanowski A. 518
- Z**yguntowicz Z. 590
- Ż**emiacki W. 611

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Августовское воеводство 680
 Австрия 276, 279, 280—281, 283, 512, 589, 632
 Австрийская империя 278, 304, 587
 Азия 626, 642
 Айвиекте, р. 512
 Айгунь 298
 Акагуй 296, 384—385, 495, 500, 647
 Александрийская крепость 129
 Александровск (с. Александровское) 294, 484—485, 495, 538, 545—547, 550—552, 571, 654, 673, 675—678, 681—682, 689
 Александровский (винокуренный) завод (с. Александровск под Иркутском) 264, 296, 342, 360—361, 400—401, 484—485, 488, 494, 571, 574, 576, 674, 685
 Алтай 497
 Алтайские горы 343, 407, 681
 Алтайский горный округ 503
 Амбуково, д. 439
 Америка 245, 625—626
 Амур 273, 368, 607, 624—626
 Амурский край 273
 Амурская область 491
 Ангара 294, 354—355, 357, 360, 362—363, 394, 397, 486, 495, 534, 619, 636—638, 643, 652—653, 658—661, 663, 665, 669, 681
 Ангарск 672
 Англия 65, 128, 278, 285, 625
 Антоколь, р-н в г. Вильно 450
 Аргунь 298, 492
 Артек 577
 Астраханская губерния 285
 Астраханское генерал-губернаторство 285
 Астрахань 193, 465
 Атлантический океан 297
 Ачинск 351
Бадайская волость 500, 502, 509
 Байкал 266, 268, 295—296, 354, 360—361, 363—366, 370—371, 392—394, 396, 413, 488, 490, 543, 547, 566, 580, 589, 612, 622, 637, 659—660, 676
 Баклашинское, с. 508
 Балей 675
 Балтийское море 687
 Бар 670
 Барнаул 407, 503
 Безансон 61, 106, 277, 281
 Беловежская пуца 662
 Белая Церковь 350
 Белоруссия 302, 305, 475, 578, 687
 Белосток 524, 609
 Бельгия 648, 667
 Бельское, с. 505
 Бельшовицы 526
 Бенгалия 286
 Бендликон 597
 Бердичев 350, 435, 444, 473, 475
 Берёзово 289, 338, 439, 483
 Берлин 388
 Благодатский рудник 385
 Боково, д. под Иркутском 637—638, 663
 Большая Разводная 490
 Большой Завод 372, 376, 381, 385—387, 389

* Составитель Б. С. Шостакович.

- Большой Нерчинский Завод 492—494, 496, см. Главный Нерчинский Завод
Большая, р. 490
Братский острог 576
Брацлавский уезд 342
Брест-Литовский 589
Британия 285
Бронницкий уезд 505—506
Брусиллов 339
Буковина 71, 81, 279
Бурятия 491, 500, 590
Бутыр, с. 679
Бухтарминская крепость 512
Бянкино, с. 391, 493
- Вальцбрун (Силезия) 148**
Варка 385, 496
Варшава 9, 60, 99, 101, 104, 108, 110, 115, 117—118, 120, 151, 154 (илл.), 155 (илл.), 211, 260, 275—276, 282—284, 293, 328, 332, 370, 372, 384, 398, 438, 441—442, 454, 465—466, 473, 493, 496, 498, 501, 511, 518—523, 527, 556, 587, 589, 592
Варшавская губерния 590
Варшавское воеводство 501
Василовка 574
Введенщина, слобода около г. Иркутска 576
Великая Польша 685
Великое княжество Краковское 279
Великое княжество Литовское 481, 507, 578
Великое княжество Познаньское 669
Великое княжество Московское 637
Великороссия 327, 433
Вена 329
Венгрия 587—588
- Верба (Вежба), д. 439
Верхний завод 369—370
Верхнеудинск 365—367, 390, 392, 490, 575
Верхнеудинский уезд 365, 506
Висла 281
Витебская губерния 481
Владимир 455
Владимирский уезд 328, 439
Виленская губерния 514, 631
Вильно (Вильна; Вильнюс) 52, 276—277, 289, 302, 325, 332, 347, 407, 422 (илл.), 450, 470—471, 478—479, 487, 503, 508, 513
Виллойск 512
Винницкая область 670
Винницкий уезд 546, 573
Висла 275, 284, 659, 681
Воздвиженский рудник 480
Волга 419, 454
Вологда 485
Волхов 648—649
Волынская губерния 325, 462, 479—480, 483
Вольнь 98, 101, 305, 307—308, 328, 330, 346, 355, 385, 433—434, 453, 471, 477, 480, 482, 484, 504, 578
Воронеж 328
Ворончин 328
Восточная Галиция 593
Восточная Индия 128
Восточная Сибирь 11—12, 45, 157, 269, 274, 296—298, 342, 351, 355, 365, 388, 399, 406, 418, 423, 481, 485—486, 488—489, 492, 494, 498, 501—502, 512, 518—519, 525, 531, 539, 569, 574, 580, 583—584, 589—591, 595, 601—602, 616, 621, 624, 631—632, 647, 664, 666, 677, 685, 689
Восточная Украина 484
Восточный океан 626, см. Тихий океан

- Воютино 438
 Вроцлав 525—527, 556, 585
 Вязьма 446
 Вятка 473
 Вятская губерния 481
- Га**
 Газа 235, 290
 Газимур 370, 391
 Газимурский завод 377, 492, 495
 Галиция 8, 37, 66—67, 72, 78, 81, 85,
 89, 91—92, 95—98, 101—105, 110,
 117, 147, 164—165, 279—281, 283,
 399, 499, 592
 Галицийское Подолье 71
 Гарренский уезд 679
 Гданьск 624, 632
 Германия 51, 61, 66, 563
 Герцогство Варшавское 587
 Герцогство Курляндское 685
 Гибралтарский пролив 297
 Главный Нерчинский Завод 370—
 371, 386, 388, 492, 494, см. Боль-
 шой Нерчинский Завод
 Гливице 150, 158
 Горная 372—374, 376, 378—379,
 381—382, 385, 388—389, 395
 Горный Зерентуй 494
 Грановское (Грановщина), сел. под
 Иркутском 536, 573
 Гродненская губерния 294, 329, 416,
 440, 450
 Гродненский округ 510
 Гродненское воеводство 658
 Гродно 286
- Да**
 Даго, остров (соврем. Хиума, Моо-
 зундский архипелаг) 679, 687
 Дальний Восток 297, 487
 Даугава, р. 512, 685
 Даурия 364
 Дерпт 481
 Днепр 138, 409, 637
 Днестр 281, 681
- Дрезден 332
 Дубенский уезд 329
 Дубиса 651
 Дунай 293, 514
 Дучарский завод 377, 494
- Е**
 Европа 278, 303, 412, 419, 447, 452,
 456, 460, 512, 604—605, 625, 644
 Европейская Россия 621
 Египет 296
 Екатеринбург 260—261, 452—453,
 481
 Екатеринбургская губерния 481
 Екатеринославская губерния 408
 Еланское, с. 502
 Елань 500
 Еллин 446
 Еловка 686
 Енисей 352
 Енисейск 485, 505
 Енисейская губерния 322, 345—
 346, 350, 352, 490, 575
- Ж**
 Жемайтия 668
 Женева 628
 Жилкинская волость 483, 490, 508,
 571—572, 573, 576
 Жилкино 500, 637, 663
 Житомир 309, 311, 319, 325, 329, 346,
 385, 392, 411, 421 (*илл.*), 433, 450,
 462—463, 473, 475—476, 483, 578
 Жмудь 668
- З**
 Забайкалье 12, 23, 40, 295—296, 314,
 363, 491—492, 498, 580, 595—596,
 603, 611, 634, 686
 Забайкальская губерния 367
 Забайкальская область 491, 666
 Забайкальский край 314, 364, 491—
 492, 495, 596—597, 599, 602—603,
 606, 610, 612, 615, 631, 655, 688
 Забайкальский приход 296
 Завихостье 90

- Замараиха, долина 682–683
Замостье 341
Западная Двина 685
Западная Сибирь 12, 157, 289, 293–294, 298, 330, 418, 440–441, 481, 483, 496, 503, 539
Западная Украина 593
Заторское княжество 279
Збруч, р. 85, 280
Звенигородский уезд 333
Звягельский уезд 453
Зелентуй [Зерентуй], д. 390
Зеленые Панёвицы 72, 77, 80–81, 84, 89, 93, 104, 115, 179, 255
Земгальское герцогство 685
Земля Анхелли – образное обозначение Сибири в символах поэмы Ю. Словацкого «Анхелли» 686
Зерентуйский рудник 494
Зиндгарренский уезд 679
Золочев 9, 280
Зоя, д. 658
- Ивано-Франковск** 593
Идинская волость (дума) 571, 678
Ильмень 649
Ингода 368, 491, 499
Индия 286, 681
Индостан 677
Ирбит 426, 439, 444
Иркут 538, 619
Иркутск 6–7, 10–11, 13, 15, 31, 39–47, 50, 54, 60, 264–266, 269, 272, 274–275, 294–296, 308, 315, 322, 329, 331–332, 335–336, 342, 345, 351–354, 356–357, 359, 361–362, 368, 370, 386, 388–390, 392–399, 401, 403–405, 408, 413, 425, 437–439, 449, 465, 470, 479–480, 483–484, 486–490, 493–495, 498, 500–502, 509, 514, 524, 531, 533–541, 544–547, 549, 551–552, 544, 558 (илл.), 559 (илл.), 562–572, 576, 579, 584, 590, 598, 602–603, 616, 619–623, 626–627, 629–631, 633–638, 643, 646–647, 654–658, 660, 663, 665–666, 671–674, 676, 685, 689
Иркутская губерния 352, 360, 394, 418, 439, 502, 505–506, 508–509, 576, 626, 638, 677
Иркутская область 486, 584, 634, 664, 689
Иркутский округ 483, 490, 502, 508–509, 514, 571–573, 576
Иркутский солеваренный завод 483, 486, 509, 569, 580, см. Усольский солеваренный завод
Иртыш 417, 481
Испания 638
Италия 278, 563
Итанцы, с. 506
Иудея 290
Ишим 293, 410, 426
Ишум 643
- Кабанск** 392, 500
Кавказ 333, 372, 378, 406, 504, 574
Казань 327, 455, 650
Казахстан 33, 54, 285, 483
Каинск 339
Кайдатная 391
Калиш 587, 596
Калишская губерния 669
Калишский уезд 590
Калишское воеводство 129
Калуга 316, 415, 445, 447, 449, 452, 459–465, 470–474, 506, 512, 547, 555
Калужская губерния 415, 461, 469
Калькутта 286, 513
Кама 454
Каменец-Подольский 84, 138, 575
Каменные Ляшки 66, 68, 73
Кампен (Кемптен, Нидерланды) 287

- Камчатка 399, 639
Канск 352
Карлсбад 647
Карпаты 588
Каспийское море 128–129, 131, 286
Каштак, долина под Иркутском 662
Келецкое воеводство 281, 287
Киев 310, 325, 328–329, 332–334, 338, 341–342, 350, 370, 372, 471, 474–475, 482, 577, 650, 681
Киевская губерния 298, 329, 343, 349, 480, 484, 577
Киренск 575
Китай 298, 622, 625, 629, 633–634
Ковельский уезд 329, 399
Ковенская губерния 631
Ковно 578
Кольвань 343
Конда, р. 507
Корея 626
Королевство Польское (Царство Польское; Корона) 87–89, 93, 102–104, 281–283, 286, 291, 293, 298, 385, 473, 480, 496, 498, 507, 514, 588–589, 592, 629, 648, 664, 666–667, 669, 686
Королевство Пруссия 60, 108, 276, 278, 512, 632, 658, 669, 685
Краков 9, 304–305, 312, 319, 352, 388, 498, 504, 518, 520, 588, 593, 598, 608, 615, 630, 669
Краковская Республика 304
Красноярск 350–352, 505, 552, 555, 569, 577
Кременец 308, 330, 341–342, 422 (*илл.*), 480, 586
Крижановщина, д. (под Иркутском) 394
Крым 273, 293, 577
Кударинская равнина 500
Кудинская волость 480, 573
Кудрыницы 81, 179
Куда, с. 500, 576, 638
Куда, р. 663
Култуминский рудник 483
Кульки 329
Культники 429
Кунгур 356
Курган 426, 428, 440–441, 504
Курляндия 674–675, 685–686
Курляндская губерния 685
Курляндское герцогство 685
Курская губерния 638
Кутомарский завод (Кутомара) 377, 379, 494
Кяхта 365, 552, 568, 572, 590
Ландвирландский уезд 679
Латвия 512, 685
Латычев 328
Ледовитый океан 354, 418, см. Северный Ледовитый океан
Лейпциг 594, 597, 655, 688
Лиственничная (Листвянка) 363, 490
Литва 38, 277, 294, 302, 305, 388, 440–441, 453, 477, 481, 504, 507, 569, 578, 622, 662, 668, 676, 680, 687–688
Литовская Республика 514
Лифляндия 573
Лифляндская губерния 445, 512
Ловичский район 660
Лодомерия 279
Лозьва 507
Ломжа 587
Луцк 329
Луцкий уезд 329, 338, 438
Львов 9, 48, 50, 52, 66, 70–72, 81, 88–89, 103, 124, 152, 154 (*илл.*), 279, 309, 321–322, 420, 477, 586, 588, 590, 598, 628, 654, 684
Львовская область 280
Любар 435

- Мазовия** 659
Максимовское, с. 571—572
Максимовщина, с. 538, 568
Малая Разводная 500, 576
Малороссия 333, 482
Марьино, имение 505—506
Мендзыжечь 385
Мангышлак 286
Милан 487
Минская губерния 478
Минусинск 634
Михайловское, с. (Жилкинская волость, Иркутская губ.) 490
Могилевская губерния 473—474
Монголия 643, 662
Моонзундский архипелаг 687
Москва 42—43, 65, 134—135, 150—151, 156, 264, 273, 327—328, 334—335, 415, 418, 432, 444, 455—456, 458—459, 461, 463, 470, 492, 501, 565, 579, 604—606, 660, 679, 687
Московия 85, 102, 113, 129, 147
Московская губерния 461, 505—506
Московщина, с. 685
Мот, долина 662
Мюнхенгрец 280
- Нарва** 649
Нарев 649, 668
Народная Польша (Польская Народная Республика) 521
Неаполь 461
Нейтайх, г. (Пруссия) 60
Неман 659, 681, 688
Нерча, р. 491
Нерчинск 46, 158, 255, 260, 266, 269, 272, 365, 368—370, 384, 390—391, 397, 491, 493, 647, 660
Нерчинские (горные) заводы 11, 296, 314, 480, 483, 489, 493—494, 496—497, 571, 574, 580, 601
Нерчинские горы 353
Нерчинские рудники 266, 331, 353, 361—363, 365, 368—369, 371, 377, 379, 384—386, 388—389, 391, 393, 400, 407, 431
Нерчинский горный округ 370, 488, 492, 590
Нерчинский край 297
Нидерланды 287, 667
Нижнеудинск 352—353
Нижнеудинский округ 576
Нижний Новгород 455
Нижняя Тунгуска 486
Новгород Великий 648
Ново-Александровское 286
Новогруд 649
Новогрудок 684
Новосибирск 579
Новоямское, сел. 483, 573
- Обь** 343, 352, 481, 507
Овручский уезд 411
Одесса 372, 399, 411, 555
Оёк 500, 514, 548—549, 554, 564
Озёрная, станция 290
Озерное 228
Олонецк 332
Олонецкая губерния 578
Олонецкое губернаторство 482
Олонки (Олонское), сел. 551, 571, 576
Олонский участок 571
Ольштынское воеводство 668
Омск 178, 255, 260, 263, 293—294, 481, 496, 563
Омская область 512
Опатовэк 587
Опиногуже 650
Оренбург 21, 32, 118, 120, 131, 133, 139, 140—141, 145, 219—220, 226, 228, 232—233, 241, 243, 253—256, 259—260, 287—290, 478, 503
Оренбургская губерния 21, 254, 287, 292, 569, 628

- Оренбургская область 291
 Оренбургский край 23
 Оренбургское генерал-губернаторство 285
 Орёл 327
 Орск 685
 Орша 647
 Освенцимское княжество 279
 Остервенский уезд 679
 Остролэнка 398, 501, 649, 668
 Оханск 454—455, 513
 Оханский уезд 454
 Охотское море 298
 Ошмянский уезд 643
 Ошмяны 643, 665
- Палестина** 290, 637
 Париж 9, 317, 465, 510—512, 588
 Пекин 273, 298, 364, 625—626, 633—634
 Пелава 438
 Пельым 507
 Пельымский край 418
 Пермская губерния 356, 426, 452
 Пермская область 513
 Пермь 327, 413, 449, 453—454, 513, 574
 Петербург, см. Санкт-Петербург
 Петничаны 546, 574
 Петровск, г. (Саратовская губ.) 208—209, 289
 Петровск-Забайкальский 491
 Петровский (железодельательный) завод 368, 413, 491, 505, 513, 572
 Петрозаводск 482
 Петропавловск (Тобольская губ.) 439, 483, 509
 Пиренейский полуостров 297
 Питым (искажен., правильно — Пельым), г. 418
 Плесси 286
 Плоцкое воеводство 102—104, 650
 Поволжье 22
- Подолыя 328—330, 351, 391—392, 409, 470, 477, 482, 484—485, 499, 537, 568, 575, 578, 670
 Подольск 482
 Подольская губерния 342, 479—480, 573
 Познань 50, 153, 520, 597, 655, 659, 663
 Познанское воеводство 51, 443
 Поповце, имение 483
 Польша 6, 9, 15—16, 32—36, 47, 50, 150, 158, 247, 278, 281—283, 287, 289, 303—304, 307, 315, 469, 480, 518—520, 523—524, 527, 573, 584, 586, 588—589, 591—592, 595, 601—602, 629, 632, 639, 647, 649, 653, 658—659, 662, 664—665, 668, 670, 675—676, 682, 686
 Посольск 364, 490
 Прага, предместье г. Варшавы 117, 154
 Предбайкалье 491
 Прейли 512
 Прибайкалье 595, 603
 Приуралье 317, 574
 Пружанский повят 662
 Пруссия, см. Королевство Пруссия
 Пулины (под Житомиром) 385
 Пултуск 87, 102—104, 281
- Радом** 94—96, 101—103, 155 (*илл.*), 281
 Разводная 362, 397, 404, 540, 549, 552
 Рапперсвиль, замок (Швейцария) 519, 592, 598
 Рацибор 587
 Рейн 514
 Республика Беларусь 665
 Республика Бурятия 490
 Республика Казахстан 286
 Республика Литва 514
 Республика Польша 15, 519, 525
 Речица Мокра, д. 90, 93

- Речь Посполитая 5, 277, 279, 282, 303–304, 481, 578, 631–632, 665, 669–670, 685, 687
- Римская империя 514
- Ровно 471
- Рось, р. 645
- Россия 8, 13, 15–16, 50, 54, 149, 160, 169, 217, 221, 230–231, 278, 280, 285, 287, 291, 294, 298, 315–317, 330, 356, 371, 402, 414, 419, 426, 429, 445, 447–449, 452, 463–469, 471, 482–483, 487, 491, 501, 506, 512–513, 539, 545, 569, 580, 583, 589, 601, 605, 608, 615, 622, 625–626, 631–632, 634, 645–646, 669–670, 676, 678–679, 685–687
- Российская империя 52, 56, 276–278, 281, 291, 304–305, 477, 479, 514, 573, 578, 604, 606, 613, 632, 667, 669
- Русь 680, 687
- Савойя** 303
- Сан-Дonato, княжество 513
- Сандомеж (Сандомир) 90–91, 94, 102, 281, 387
- Санкт-Петербург 159, 166, 197, 202, 211, 217–218, 233–234, 236, 239–241, 249, 252, 355, 364, 367, 377, 399, 405, 412–413, 416, 418, 430–431, 453, 461, 465, 469, 481, 497, 507, 565, 577, 613, 626, 628–629, 634, 646–647, 655
- Саратов 22, 210, 215, 217–221, 269, 289, 636
- Саратовская губерния 208
- Сахалин 625
- Саянские горы (альпы) 597, 643
- Свердловская область 507
- Северный Ледовитый океан 491
- Северная Сосьва 507
- Селенга 392, 490, 500
- Серебрянка 411
- Сереет, р. 281
- Сибирь 5–11, 9, 13, 15, 19, 22, 24, 35, 38, 40–41, 44, 50, 52, 55–57, 59, 215, 253, 256–257, 263–264, 269, 271, 274–276, 279, 289, 292, 295, 301, 303, 306, 313–315, 317, 321–322, 325–326, 330, 333, 335, 337, 339, 342, 346–348, 351, 353, 356–358, 368, 370, 373, 386, 399, 402, 408–409, 412, 417–418, 426, 429–430, 433–435, 438–441, 444, 446–447, 449–450, 452, 455–456, 462, 472, 479–480, 482–484, 487, 489, 494–495, 497–498, 501, 503–505, 507–509, 511, 518, 520–521, 523–524, 543–544, 552, 564, 568, 571, 574, 576–579, 583–584, 590, 594–604, 607–609, 611–615, 619, 621–626, 629, 631, 634–636, 639, 643–647, 649, 650–653, 655, 658, 663–666, 670–671, 675, 681, 683, 686, 688–689
- Сидорóво 71, 77
- Силезия 148, 587
- Симбирск 134, 136, 138, 506
- Сирков 648
- Скарьчéво, Скарышево 96, 102–103
- Смиле 329
- Смоленск 472
- Смоленская губерния 458
- Смоленское, Смоленщина, с. (близ Иркутска) 572, 576
- Соединенные Штаты Америки 433, 625
- Солонцы, волость 390
- Спарта 667
- Средиземное море 290, 297
- Средняя Азия 285, 287, 625
- Средняя Борзя 495
- СССР 32, 34, 36

- Станислав 593
Станиславский уезд 634
Старая Русса 667
Старокостантиновский уезд 329, 337, 341, 483
Сухая, д. 660—661
Суховская, пос. 672
Сыбир — польский историко-ментальный термин 52, 53
Сыбэрья — польское определение Сибири 52
- Тавда**, р. 507
Таганрог 552
Тайная, волость 391
Тайгурское, сел. 509
Тара 337—338, 426, 483
Тарнополь 89, 281
Тарту 481
Тарговица 670
Тельма 488
Тельминская казенная мануфактура (фабрика) (с. Тельма под Иркутском) 360—361, 401, 488, 551, 575
Тернополь 281
Тернопольская область 480
Тигенхофф, г. (Пруссия) 60
Тифлис 632
Тихий океан 491, 625
Тобольск 293, 328, 330—332, 334—336, 341, 344, 353, 359, 372—373, 405—406, 408—413, 417, 426, 431, 434, 437, 442, 444, 447—448, 478, 481, 504—505, 508, 547, 555, 579
Тобольская губерния 313, 335, 337—339, 404—407, 410, 412, 417, 419, 426, 439, 441, 449, 483, 485, 502, 505—506, 509
Томск 260, 335, 344—345, 351, 377, 386, 406—407, 411, 470, 503
Томская губерния 339, 407—408, 503
- Томь 344
Троицкосавск 590
Троки (Тракай) 514
Трокский уезд 470, 514
Тужиск 399
Тульчин 397
Тунгуска 354
Тунка 597
Тункинские горы (альпы) 643
Тура 419, 429, 481
Туринск 313, 317, 410, 413—414, 417, 419, 426—427, 429—430, 439, 440—441, 443—445, 448—449, 451—452, 454, 473, 486, 502, 505—507, 509—511
Туринская слобода 438
Туринский уезд 415, 438, 446
Туркестан 681
Тура 417, 428—430, 507
Турция 467
Тюмень 413, 449—452, 481, 511
- Украина** 54, 280, 305—306, 438, 477, 480, 482, 485, 493, 499, 578, 630, 645, 670, 687
Украинская Республика 281
Улан-Удэ 490, 501, 575
Урал, геогр. регион 313, 413, 417, 452—453, 503, 507
Урал, р. 21, 161, 169, 175, 177, 179, 193, 226, 285
Уральск 40, 46, 54, 118, 124, 128—129, 133—134, 136, 139—140, 145, 159—160, 165—167, 196—197, 201, 203—204, 206, 214—217, 219—222, 224, 228—229, 231—232, 238, 242, 249, 253, 255, 260, 269, 285, 288, 484
Уральские горы 453
Урик 39, 46, 265, 295, 480, 534, 536, 540—545, 547, 549—550, 552, 567, 573, 674

- Усоль (искажен., правильно — Усолье) 680
Усолье 357, 359, 361, 370, 384, 400 — 401, 405, 483, 485—486, 495, 509, 524, 538, 541, 545—547, 551, 564—565, 567, 569, 580, 599, 661—662, 680, 688
Усольский (Иркутский) солевая-ренный завод 488
Усолье-Сибирское 486
Успенский завод 450
Уссури 625
Уссурийский край 298
Усть-Балей 642, 665
Усть-Куда 576, 636, 638—639, 641, 645, 647, 652, 660, 663, 665
Уфа 255—259, 292
Ушаковка 619
- Ф**лоренция 513
Франция 61, 64, 79, 88, 91, 94, 102, 105, 107, 119, 272, 277—278, 281, 286, 303, 329, 434, 563, 580, 625
- Х**арьков 652
Харьковская губерния 652
Хеврон 290
Хива 128, 134, 196, 289
Хородэчно 662
Хрубешов 687
- Ц**арство Польское, см. Королевство Польское
Цюрих 597
- Ч**аган, р. 285
Чернигов 329
Черниговщина 630
Черновцы (Чернёвца) 77, 81, 279—280
Чалбуча, сел. (Забайкалье) 600
- Чита 367—368, 392, 423, 491, 505
Читинская область 491
Чортков 281
Чортковский округ 89
- Ш**адринск 452
Шамовщина 473
Шауляй 668
Швейцария 519, 592
Швеция 687
Шилка 272—273, 369—370, 386, 391, 491, 493
Шилкинский Завод 272, 590
Штабин, сел. 680
- Щ**укино, д. под Иркутском 394, 397
- Э**стляндия 573, 679, 687
Эстляндская губерния 687
Эстония 481, 512, 686
- Ю**рьев 481
- Я**блоне́вый (Яблонный), горный хребет 368, 392, 491
Ягода (искажен., правильно — Ингода), р. 391
Яик 285
Яицкий городок 285
Якобштадт 674
Якутия 512
Якутск 579
Якутская область 626
Яловка (искажен., правильно — Еловка), р. и д. 675—676, 686
Ялutorовск 424, 426, 449, 451, 506, 512—513
Янишево 277
Япония 625
Ярославль 574, 687

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Титульный лист рукописи воспоминаний В. Мигурского. Семейный архив Я. Мигурского (Гливице, Польша) 150
- Эдвард Одынец 150
- Титульный лист рукописи воспоминаний В. Мигурского с посвящением А. Пфаффиус. Автограф. Гос. музей Л. Н. Толстого в Москве. Отд. рукоп. 150
- А. А. Пфаффиус — иркутская приятельница В. Мигурского, которой он подарил рукопись своих воспоминаний 150
- Адам Мицкевич. Худ. Валенты Ванькович 151
- Заключительный лист рукописи воспоминаний В. Мигурского. Гос. музей Л. Н. Толстого в Москве. Отд. рукоп. 151
- Архивный формуляр и первая страница рукописной версии воспоминаний В. Мигурского. Нац. библиотека. Варшава 151
- Титульный лист первого издания воспоминаний В. Мигурского (Львов, 1863) 152
- Страницы обращения В. Мигурского «К читателю» в первом издании его воспоминаний (Львов, 1863) 152
- Титульный лист второго издания воспоминаний В. Мигурского (Познань, 1906) 153
- Страница обращения В. Мигурского «К читателю» во втором издании его воспоминаний (Познань, 1906) 153
- Львов. Площадь перед бернардинским костелом 154
- Вид Варшавы со стороны Праги. Б. Б. Каналетто 154
- Радом. Городская ратуша 155
- Варшава. Дворец Брюля 155
- Эва Фэлинская 156
- Е. Е. Суходольская, дочь Е. В. и А. А. Пфаффиусов. Видимо, она передала иркутскую рукопись воспоминаний В. Мигурского в Гос. музей Л. Н. Толстого в Москве 156
- Е. В. Пфаффиус, муж А. А. Пфаффиус (урожд. Боборькиной) 156
- Е. И. Трубецкая. С акв. Н. А. Бестужева. Не позднее 1828 г. 157
- Декабрист С. П. Трубецкой. Акв. Н. А. Бестужева 157
- П. Д. Горчаков — генерал-губернатор Западной Сибири в 1836—1851 гг. 157

- Н. Н. Муравьев-Амурский — генерал-губернатор Восточной Сибири
в 1848—1861 гг. 157
- Портрет Альбины Мигурской. Оригинал в семейном архиве
Я. Мигурского (Гливице, Польша) 158
- Могила Альбины Мигурской и сына Конрада в Нерчинске. Рис. неизв.
автора. Семейный архив Я. Мигурского (Гливице, Польша) 158
- Шимон Конарский в тюремном заключении 420
- Фотопортрет Юстыньяна Ручиньского. Обложка книги его
воспоминаний 420
- Титульный лист воспоминаний Ю. Ручиньского (Львов, 1863) 420
- Каспер Машковский 421
- Житомир. Кафедральный собор Св. Софии 421
- Вильно. Костел Св. Анны 422
- Антони Бопрэ 422
- Вид Кременца. Литогр. с рис. Наполеона Орды 422
- Хенрык Голеевский 423
- В. Я. Руперт — генерал-губернатор Восточной Сибири в 1837—
1847 гг. 423
- Дом С. Г. и М. Н. Волконских в Чите 423
- Вечер у М. И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске. Слева направо:
И. Д. Якушкин (сидит на перилах), священник С. Я. Знаменский
(стоит слева), ссыльный поляк Готард Собаньский и
В. К. Тизенгаузен (с трубкой) сидят за шахматами, М. И. Муравьев-
Апостол с женой М. К. Муравьевой-Апостол (стоят справа),
А. В. Ентальцева (сидит справа). Рис. М. С. Знаменского 424
- Дом декабриста И. И. Пуцина в Ялуторовске 424
- Декабрист А. З. Муравьев. Акв. Н. А. Бестужева. 1838 г. 425
- Декабрист И. И. Пущин. Худ. К.-П. Мазер. 1850 г. 425
- Римско-католический костел на Тихвинской площади в Иркутске.
Фрагм. акв. П. И. Пежемского 425
- Юльян Сабиньский. Фот. Нац. библиотека. Варшава 556
- Рукописный титульный лист «Дневника...» Ю. Сабиньского.
Библ. Отд. рукоп. Оссолинэум. Вроцлав 556
- Начальная страница четвертой части «Дневника...» Ю. Сабиньского.
Библ. Оссолинэум. Вроцлав 556
- Ученик Ю. Сабиньского, сын М. Н. и С. Г. Волконских
М. С. Волконский в зрелом возрасте. С грав. Шюблера 557

- М. Н. Волконская. Акв. Н. А. Бестужева. 1837 г. 557
- Декабрист С. Г. Волконский. Акв. Н. А. Бестужева. 1840-е гг. 557
- М. К. Юшневская. Акв. Н. А. Бестужева. 1838 (1839?) г. 558
- Декабрист А. П. Юшневский. Акв. Н. А. Бестужева. 1839 г. 558
- Вид Иркутска. Литограф. с рис. Л. Немировского 558
- Декабрист Ф. Ф. Вадковский. Акв. Н. А. Бестужева 559
- Вид Иркутска. Литограф. с рис. Л. Немировского 559
- Декабрист А. В. Поджио. Акв. Н. А. Бестужева. 1837 г. 560
- Декабрист И. В. Поджио. Дагеротип А. Давиньона. 1845 г. 560
- Декабрист П. А. Муханов. Дагеротип А. Давиньона. 1845 г. 560
- Богатая бурятка. Литогр. с рис. Л. Немировского 561
- Якутка в богатом наряде. Литогр. с рис. Л. Немировского 561
- Бродячие тунгусы. Литогр. с рис. Л. Немировского 561
- И. Л. Медведников, супруг А. К. Медведниковой, иркутский купец-мещенат, городской голова Иркутска (1841 — 1844 гг.) в пожилом возрасте 562
- А. К. Медведникова, иркутская ученица Ю. Сабиньского, в пожилом возрасте 562
- Ночлег в лесу. (В северных лесах). Литогр. с рис. Л. Немировского 562
- Агатон Гиллер 654
- Титульные листы 1-го и 2-го томов сборника очерков А. Гиллера «Из изгнания» (Львов, 1870), из которых публикуются в русском комментированном переводе его иркутские репортажи:
«В редакцию “Слова” (письмо из Иркутска)» и «Александровск под Иркутском» 654
- Титульный лист первого издания работы С. В. Максимова «Сибирь и каторга» (СПб., 1871). В основу ее главы «Ссылльные поляки» положен анонимный пересказ содержания разделов 3-томного труда А. Гиллера «Описание Забайкальского края в Сибири». (На польск. яз. Лейпциг, 1867) 655
- Страница газеты «Познаньский дневник», где в 1872 г. публиковался очерк А. Гиллера «Прогулки в окрестностях Иркутска» 655
- Юзефат (Иосафат Петрович) Огрызко — издатель в Петербурге польской газеты «Słowo» (в январе — феврале 1859 г.). Непосредственно в ее редакцию А. Гиллер адресовал ныне публикуемый иркутский репортаж 655

- М. В. Буташевич-Петрашевский — революционер-социалист.
С 1856 г. — на поселении в Иркутске 656
- М. А. Бакунин — революционер, теоретик анархизма, сибирский
ссылный в 1857—1861 гг. 656
- Здание римско-католического приходского костела Успения
Богородицы в Иркутске в конце 1850-х гг. Уничтожено в большом
пожаре города 4 июля 1879 г. А. Гиллер заведовал библиотекой при
костеле 656
- Резной алтарь Иркутского римско-католического приходского костела.
Проект арх. Куликовского, выполн. в мастерской И. Эйхмиллера
и В. Копэрского. Уничтожен вместе со зданием костела в пожаре
Иркутска 4 июля 1879 г. 657
- Тыбурцы Павловский — викарный священник Иркутского римско-
католического костела и прихода, ксендз ордена
францисканцев 657
- Кшиштоф Швермицкий — настоятель Иркутского римско-
католического костела и прихода, ксендз ордена марианов 657

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Шостакович.</i> Забытые и непрочтенные сибирско-польские исторические реляции: открытие через полтора столетия	5
<i>Б. Шостакович.</i> Эти неизвестные известные Мигурские.....	19
Винценты Мигурский. Записки из Сибири	59
<i>Б. Шостакович.</i> Конарщик Юстыньян Ручиньский и его воспоминания о сибирской ссылке	301
Юстыньян Ручиньский. Конарщик. 1838–1878. Воспоминания о сибирской ссылке	325
Комментарий	477
<i>Б. Шостакович.</i> Рукописи не горят, или Необычайная история «Дневника моей неволи» Юльяна Сабиньского	517
Юльян Сабиньский. Дневник моей неволи	533
Год 1844-й	544
Непрерывное пребывание в Урике	550
Комментарий	569
<i>Б. Шостакович.</i> Геродот истории польской ссылки в Сибирь	583
Агатон Гиллер. В редакцию «Слова» (письмо из Иркутска)	619
Комментарий	628
Агатон Гиллер. Прогулки в окрестностях Иркутска	636
Комментарий	663

Агатон Гиллер. Александровск под Иркутском	673
Комментарий	684
Указатель имен	690
Указатель географических и политико- географических названий	708
Список иллюстраций	718

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ СИБИРИ
МЕМОАРЫ, ОЧЕРКИ, ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ
ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Публикатор и составитель
***Шостакович* Болеслав Сергеевич**

Редактор Г. Д. Лопатовская

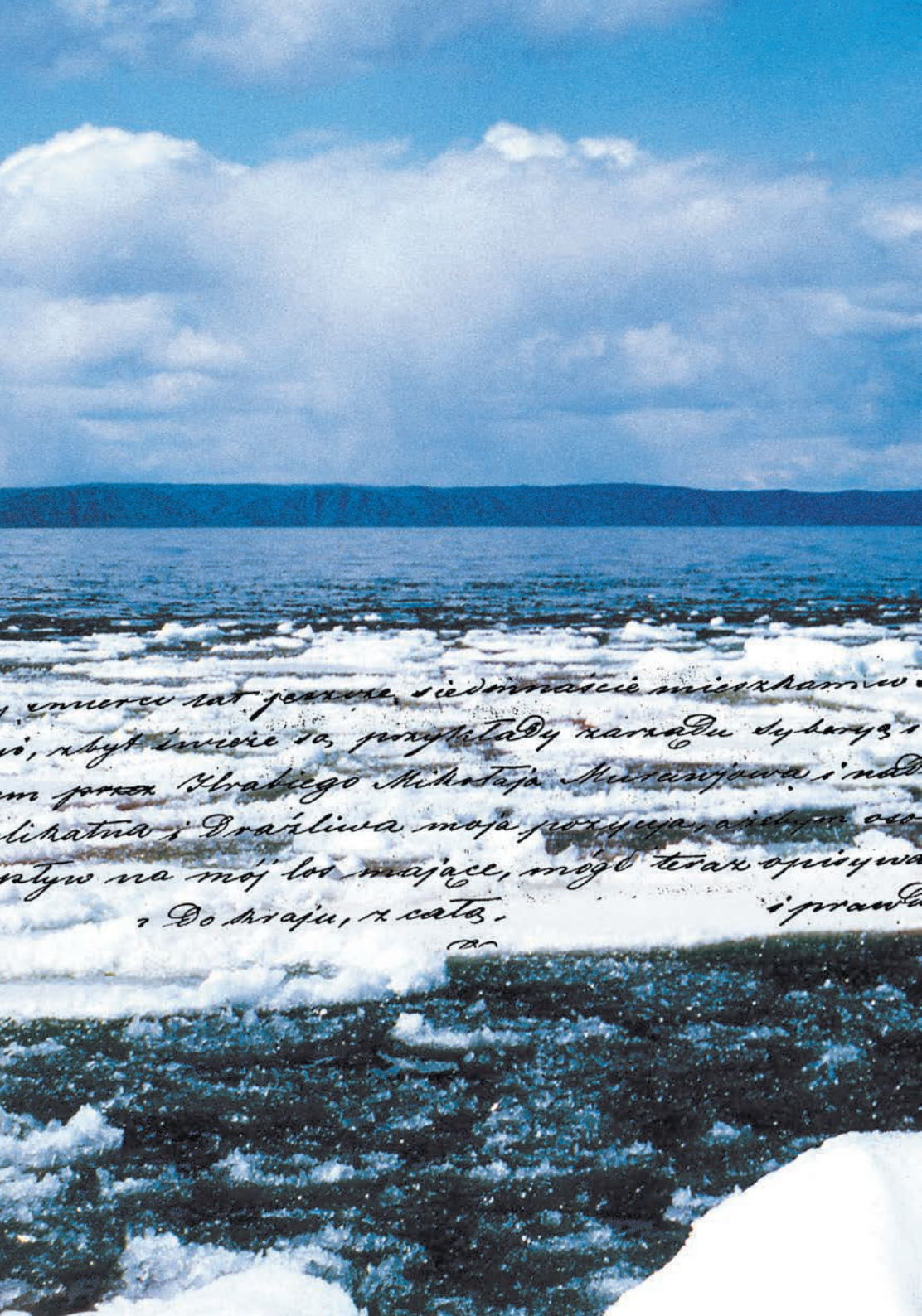
Художник А. А. Дурасов

Верстка С. А. Ловчагин

Сдано в набор 28.03.2009. Подписано в печать 02.12.2009. Формат 62 × 94 ¹/₁₆. Гарнитура Kudriashov. Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,25. Тираж 500 экз.

Издательский центр «Артиздат». 664025, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 11.
Тел.: (3952) 20-29-79, 20-15-47. E-mail: artizdat@irkutsk.ru

Отпечатано в типографии ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2

... emierce nat jezowe, siedemnaście mieszkań w
... i, abyś świecie so, przytady karnadu syberyjski
... m pomek Hrabiego Nikołaja Murawjowa i nad
... likatna i Działniwa moja posyca, ażeby os
... ntyn na mój los mające, mógł teraz opisywa
... Do kraju, a catb. i granca